ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№12 2025 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

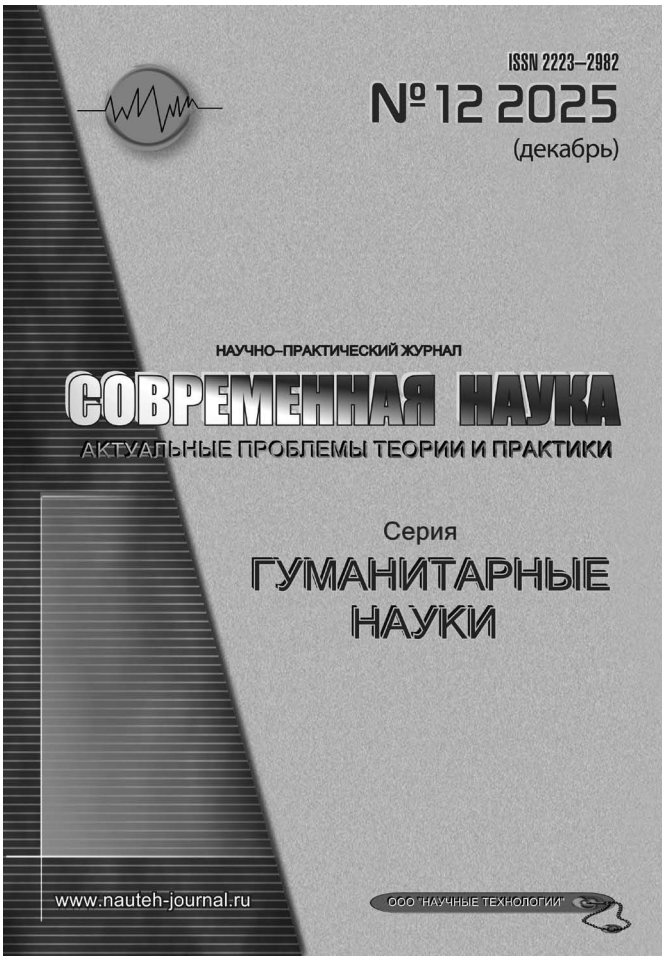
Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.х, 5.8.х, 5.9.х)



В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
http: //www.nauteh-journal.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №12 (декабрь) 2025 г.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 15.12.2025 г. Формат 84х108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки».

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н.,, Институт экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н.,, МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

История

Алиева Л.В., Гарчу Н. – «Свои» и «Чужие» на страницах «псковских губернских ведомостей» в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.
Alieva L., Garchu N. – "Ours" and "Strangers" on the pages of the Pskov provincial gazette during the Russo Japanese war of 1904–1905 8

Бобохонов Р.С., Следзевский И.В. – Суфизм и концепция мирного ислама (африканский опыт)
Bobokhonov R., Sledzevsky I. – The concept of peaceful islam in sufism (African experience). 13

Бобохонов Р.С., Васильев С.Д. – Культурное наследие кадирия
Bobokhonov R., Vasiliev S. – Cultural Heritage of Qadiriya. 19

Житин Р.М., Топильский А.Г., Облицов М.А. – Практики администрирования и модернизация хозяйственной активности помещиков на микроуровне (по материалам Знаменского имения семьи Строгановых)
Zhitin R., Topilsky A., Oblitsov M. – Administrative practices and modernization of the economic activity of landlords at the micro level (based on the materials of the Znamensky estate of the Stroganov family). 25

Житин Р.М., Топильский А.Г. – Деятельность властей и общественности Тамбовской губернии в области природопользования и природоохраны в конце XIX – начале XX века
Zhitin R., Topilsky A. – Activities of the authorities and the public of Tambov province in the field of nature management and environmental protection in the late 19th – early 20th century. 29

Запарий В.В. – Кризисные явления в танковой промышленности СССР: 1936–1937 гг.
Zapariy V. – Crisis phenomena in the tank industry of the USSR: 1936–1937. 34

Звягинцев Н.В. – Эволюция русской диаспоры в Египте в качестве фактора культурного взаимодействия и «народной дипломатии»: на примере Каира и Александрии
Zvyagintsev N. – The evolution of the Russian diaspora in Egypt as a factor in cultural interaction and "public diplomacy": the case of Cairo and Alexandria 38

Муратов А.Э. – Мечеть как культовое здание мусульман
Muratov A. – Mosque as a cult building for muslims 45

Сердцев Н.С. – Экономический аспект афганского направления внешней политики правительства Ш.М. Мирзиёева (2016 – 2024 гг.)
Serdtsev N. – The economic aspect of the Afghan direction of the foreign policy of the government of Sh.M. Mirziyoyev (2016–2024). 51

Скопа В.А. – Рецепции античности в творчестве М.М. Щербатова
Skopa V. – Receptions of antiquity in the works of M.M. Shcherbatov 56

Шматов Е.Н. – Повседневная жизнь тылового города накануне победы в Великой Отечественной войне (на примере г. Куйбышева (Самары)
Shmatov E. – The daily life of a rear city on the eve of victory in the great patriotic war (on the example of Kuibyshev (Samara) 60

Педагогика

Алексеенко С.Н., Гайворонская Т.В., Дробот Н.Н. – Персонифицированная направленность обучения студентов, зачисленных в медицинский вуз по целевому набору, как инструмент выявления резерва повышения качества подготовки высококвалифицированных специалистов для здравоохранения

Alekseenko S., Gayvoronskaya T., Drobot N. – Personalized direction of students' education at a medical university through targeted enrollment as a tool for identifying reserves for improving the quality of training of high-qualified specialists for healthcare 65

Бельченко В.Е., Бельченко И.В. – Методические подходы к моделированию модели кадрового потенциала образовательной организации
Belchenko V., Belchenko I. – Methodological approaches to modeling the human resources potential of an educational organization 73

Бехтерева Е.Н., Галянт И.Г., Евтушенко И.Н., Терещенко М.Н., Гридусова К.С. – Ранняя профориентация детей дошкольного возраста средствами инновационных технологий
Bekhtereva E., Galyant I., Yevtushenko I., Tereshchenko M., Gridusova K. – Early career guidance for preschool children using innovative technologies 77

Борисов Б.Ю., Козлова А.М., Шпак А.П. – Состояние религиозно-нравственного воспитания в народных школах в пореформенный период в России
Borisov B., Kozlova A., Shpak A. – The state of religious and moral education in public schools in the post-reform period in Russia 83

Боровицкая Ю.В., Мотунова Л.Н., Никитина С.А. – Концептуальные основания становления личности победителя в отечественной педагогической науке и практике
Borovitskaya Yu., Motunova L., Nikitina S. – Conceptual foundations of the development of a winner's personality in domestic pedagogical science and practice 89

Верезубова Н.А., Кутликова И.В., Кишкинова О.А. – Навык дифференцирования достоверности интернет-ресурсов и их авторитетности как основа формирования культуры кибербезопасности у обучающихся
Verezubova N., Kutlikova I., Kishkinova O. – The skill of differentiating the reliability of internet resources and their credibility as the basis for the formation of a cybersecurity culture among students 94

Гладкая Н.В. – Педагогическая модель комплексного развития профессиональных ценностных ориентаций сотрудников органов внутренних дел в системе дополнительного профессионального образования, ориентированная на достижение триединой цели учебного процесса – обучающей, воспитывающей, развивающей
Gladkaya N. – A pedagogical model of the integrated development of professional value orientations of law enforcement officers in the system of additional professional education, focused on achieving the three–pronged goal of the educational process - teaching, educating, developing 100

Кеннон О.В., Мальцева Е.В., Иванцов А.А. – Концепция, принципы и методические основы интеллектуального (смарт) обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей (английский и французский языки)
Kennon O., Maltseva E., Ivantsov A. – Concept, principles, and methodological foundations of intellectual (smart) teaching of a foreign language to students of non-linguistic specialties 105

Ли На – Исследование позитивной психологии в самостоятельном обучении студентов-русистов в Китае
Li Na – A positive psychology perspective of Chinese students' Russian language learning 111

Ли Чэньчэнь – Локализация и родная языковая среда: сравнительный анализ стратегий преподавания русского языка в Китае и России
Li Chenchen – Localization and native language environment: a comparative analysis of Russian language teaching strategies in China and Russia 117

Марьяновская Е.Л., Калягин Д.К. – Предпереводческий анализ художественного текста как потенциальный активатор выразительности письменной речи студентов на родном и иностранном языках
Maryanovskaya E., Kalyagin D. – Pre-translation Analysis of a Literary Text as a Potential Activator of Expressiveness in Students' Written Utterances in Native and Foreign Tongues. 122

Мортина Т.Н., Завражин С.А. – Материнское наказание в воспитании современного российского мальчика-подростка: взгляд студентов вузов
Mortina T., Zavrazhin S. – Maternal punishment in the upbringing of a modern Russian teenage boy: the view of university students 128

Мухортова Е.А. – Невербальное общение как элемент развития навыков коммуникации будущих менеджеров на занятиях по иностранному языку
Mukhortova E. – Non-verbal communication as an element of developing communication skills with managers-to-be while foreign language training. 134

Никитин А.Ю., Федяшина М.А., Гулева Л.В., Никитина С.А. – Сравнительный анализ использования традиционных и цифровых инструментов в преподавании начертательной геометрии и инженерной графики в вузах
Nikitin A., Fedyashina M., Guleva L., Nikitina S. – Comparative analysis of the use of traditional and digital tools in teaching drawing geometry and engineering graphics in universities 139

Польских С.В., Грызлов В.А. – Проблемы межкультурной коммуникации в языковом образовании
Polskikh S., Gryzlov V. – Problems of intercultural communication in language education 144

Сайфутдинова К.Р. – Инновационные цифровые инструменты как средство развития креативности младших школьников в процессе дополнительного образования
Saifutdinova K. – Innovative digital tools as a means of developing creativity in youth school students in the process of additional education 147

Сайфутдинова К.Р., Малова Е.Н., Шубович В.Г. – Формирование информационной культуры младших школьников в области искусственного интеллекта как условие развития инженерно-технического мышления в дополнительном образовании
Saifutdinova K., Malova E., Shubovich V. – Formation of information culture of primary school students in the field of artificial intelligence as a condition for the development of engineering and technical thinking in additional education. 152

Свечкарёв В.Г., Козлов Р.С., Ашхамахов К.И. – Формирование мотивации студентов к занятиям физической культурой средствами цифровых образовательных технологий
Svechkarev V., Kozlov R., Ashkhamakhov K. – Developing students' motivation for physical education through digital educational technologies. 157

Спевакова С.Г. – Современные подходы к оценке универсальных, личностных и профессиональных компетенций советников директоров по воспитанию
Spevakova S. – Contemporary approaches to assessing the universal, personal, and professional competencies of education advisors to principals 162

Степанов В.И., Степанова Н.В. – Причины создания Национального исследовательского фонда и его роль в формировании будущего академического успеха Республики Индия
Stepanov V., Stepanova N. – The reasons for the establishment of the National Research Foundation and its role in shaping the future academic success of the Republic of India 166

Черенкова И.А., Кишкинова О.А., Кутликова И.В. – Актуальность формирования навыков работы с большими объемами данных и культуры кибербезопасности у современных обучающихся – методы преподавания
Cherenkova I., Kishkinova O., Kutlikova I. – The relevance of developing skills for working with large amounts of data and a cybersecurity culture among modern students – teaching methods 173

Якимов В.А. – Морально-волевые качества как системообразующий компонент профессиональной компетентности будущего учителя физической культуры
Yakimov V. – Moral and volitional qualities as a system-forming component of the professional competence of a future physical education teacher 179

Филология

Анчек С.Х., Багироков Х.З., Уджуху А.А. – К этимологии безэквивалентной адыгской лексемы «мамыку» («мамику»)
Anchek S., Bagirokov Kh., Udzhukhu A. – On the etymology of the non-equivalent Adygic lexeme "mamyku" ("mamiku") 184

Багдасарян Э.Ю., Гежа М.А., Чупракова О.В. – Особенности качественной и количественной детерминации в английском языке
Bagdasarian E., Gezha M., Chuprakova O. – Qualitative and quantitative determination in the English language 188

Васильев А.М. – Большие языковые модели как инструмент медиакоммуникаций: филологический анализ синтаксических и стилистических особенностей генерируемых текстов
Vasilev A. – Large language models as a tool for media communications: a philological analysis of the syntactic and stylistic features of generated texts 193

Гайдаренко В.А. – Неологизмы современного англоязычного медийного дискурса
Gaidarenko V. – Neologisms of modern English-language media discourse 196

Егорова К.Б. – Переписка Евгения Перфецкого с А.А. Шахматовым как источник по истории русской науки и культурных связей с Закарпатьем (1912–1913 гг.)
Egorova K. – The correspondence of Evgeny Perfetsky with A.A. Shakhmatov as a source on the history of Russian science and cultural ties with Transcarpathia (1912–1913) 203

Жильцова Е.В. – Медиатизация сферы жилищно-коммунального хозяйства: медиалингвистический аспект
Zhiltsova E. – Mediatization of the housing and communal services sector: media-linguistic aspect 206

Майзина А.Н. – Светлой памяти учителя: к 90-летию со дня рождения А.Т. Тыбыковой
Maizina A. – In loving memory of the teacher: on the 90th anniversary of A.T. Tybykova's birth . . . 215

Осильбекова Д.А. – Тенденции к аналитизму и языковой экономии в словообразовании современного русского языка
Osilbekova D. – Trends towards analyticism and linguistic economy in the word formation of modern Russian 221

Саввинова С.Н. – Многозначные слова, обозначающие части тела, в эвенском языке
Savvinova S. – Polysemantic words denoting body parts in the Even language 224

Смирнов О.Н., Новоселова А.И. – Средства усиления воздействия в рекламных слоганах, репрезентирующие концепт УДОБСТВО
Smirnov O., Novoselova A. – Means of enhancing the impact in advertising slogans representing the concept of CONVENIENCE 227

Сюткина Н.П., Шустова С.В., Зубарева Е.О. – Взаимодействие категорий эмотивности и интенсивности
Siutkina N., Shustova S., Zubareva E. – Interaction of the categories of emotiveness and intensity 237

Тан Бэйбэй – Семантическая дифференциация парадигматических связей слова вдохновение в функциональных стилях
Tang Beibei – Semantic differentiation of paradigmatic connections of the word inspiration in functional styles 241

Тхаркахова Н.Г. – Лексико-семантическая репрезентация концепта «честь» в адыгской лингвокультуре (на материале корпуса адыгейского языка)
Tharkakhova N. – Lexico-semantic representation of the concept "honor" in the Adyghe linguoculture (based on the Adyghe language corpus) 246

Хакимова Г.А. – Синонимия в ветеринарной терминологии (на материале немецкого языка)
Khakimova G. – Synonymy in veterinary terminology (based on the German language) 250

Хасанзода Ш.Р. – Функционирование прилагательных таджикского и русского языков в художественных произведениях

Hasanzoda Sh. – Functioning of adjectives of the Tajik and Russian languages in works of fiction 255

Чжан Цзиньпин – Красота в поэзии Сергея Алымова
Zhang Jinping – Beauty in the poetry of Sergey Alymov 258

Шарипова Э.М., Заичко М.В., Лалетина Н.Д., Храмова Н.А. – Карикатура как лингвистический феномен в дискурсе средств массовой информации
Sharipova E., Zaichko M., Laletina N., Khramova N. – Caricature as a linguistic phenomenon in mass media discourse 264

Информация

Наши авторы. Our Authors. 269

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 272

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.02

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» НА СТРАНИЦАХ «ПСКОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.[1]

Алиева Людмила Владимировна
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»
alieva@pskgu.ru
Гарчу Надежда
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»;
Учитель, ГБОУ СОШ № 306, г. Санкт-Петербург
garchu.lo@mail.ru

Аннотация: Русско-японская война 1904–1905 гг. стала серьезным испытанием для Российской империи, затронув практически все слои населения. Важнейшую роль в мобилизации масс для «маленькой победоносной войны», поддержании патриотического духа и формировании восприятия противника играли средства массовой информации, особенно региональные издания. Статья посвящена исследованию представленности образа врага как «чужого» в публицистическом пространстве Псковской губернии в эпоху русско-японской войны 1904–1905 гг. на материалах газеты «Псковские губернские ведомости». Особое внимание уделено языку публикаций, особенности восприятия Японии и японской армии, а также влиянию общественного мнения на формирование патриотического сознания среди жителей региона. Статья основана на материале региональной печати начала XX в. Обращение к проблеме представленности образа врага на страницах «Псковских губернских ведомостей» показало, что издание в 1904–1905 гг. не содержало массовых публикаций, посвященных «врагу», и не было ориентировано на демонизацию японцев. Вместе с тем использование возможностей местной прессы позволило создавать в общественном сознании далекого от театра военных действий региона устойчивый негативный образ Японии как агрессивного государства, укреплять и обеспечивать поддержку народа в условиях тяжелых испытаний войны.

Ключевые слова: образ врага, международные отношения, информационное воздействие, общественное сознание, Российская империя, историческая имагология, периодическая печать.

"OURS" AND "STRANGERS" ON THE PAGES OF THE PSKOV PROVINCIAL GAZETTE DURING THE RUSSO JAPANESE WAR OF 1904–1905[2]

L. Alieva
N. Garchu

Summary: The Russo-Japanese War of 1904–1905 was a serious test for the Russian Empire, affecting virtually all segments of the population. The media, particularly regional publications, played a crucial role in mobilizing the masses for a "small victorious war," maintaining patriotic spirit, and shaping perceptions of the enemy. This article examines the representation of the enemy as "foreign" in the journalistic space of Pskov Province during the Russo-Japanese War of 1904–1905, using materials from the newspaper "Pskovskie Gubernskie Vedomosti." Particular attention is paid to the language of publications, the specific perception of Japan and the Japanese army, and the influence of public opinion on the formation of patriotic consciousness among the region's residents. The article is based on materials from the regional press of the early 20th century. Addressing the problem of the representation of the enemy image in the pages of "Pskovskie Gubernskie Vedomosti" revealed that the publication in 1904–1905... It did not contain mass publications dedicated to the "enemy" and was not aimed at demonizing the Japanese. At the same time, leveraging the local press allowed for the creation of a persistent negative image of Japan as an aggressive state in the public consciousness of a region far removed from the theater of war, strengthening, and securing popular support during the difficult trials of war.

Keywords: enemy image, international relations, information influence, public consciousness, Russian Empire, historical imagology, periodical press.

Введение

Русско-японская война 1904–1905 гг. стала серьезным испытанием для Российской империи, затронув практически все слои населения. Важнейшую роль в мобилизации масс, поддержании патриотического духа и формировании восприятия противника играли средства массовой информации, особенно региональные издания.

Население удаленных от театра военных действий регионов имело ограниченный доступ к центральным

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18-00480, https://rscf.ru/project/25-18-00480/.
2 The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project № 25-18-00480, https://rscf.ru/en/project/25-18-00480/

изданиям и информационно зависело преимущественно от местных газет и журналов. Региональные издания в своей публикационной политике не могли не учитывать местные особенности восприятия войны, обычаи и настроения жителей конкретного региона, обеспечивая таким образом большую эффективность информационного воздействия. Регулярные публикации о положении на фронте способствовали поддержанию патриотического настроя среди гражданского населения, стимулировали сбор пожертвований, добровольческое движение и поддержку семей фронтовиков. Региональная пресса была каналом распространения официальной точки зрения на те или иные события, контроля над информацией и предотвращения паники. Местные журналисты оперативно реагировали на слухи и дезинформацию, распространяя проверенную информацию и пресекая распространение слухов и недостоверных сведений. В этой связи интересно проследить «образ врага» на страницах регионального издания «Псковские губернские ведомости» и получить представление о том, как в региональной, провинциальной прессе далекого от театра военных действий региона, был представлен образ «чужого» в условиях военной конфронтации.

Литературный обзор

На современном этапе развития исторической науки сложился пласт исследований, посвященных исследованию образа «врага», «чужого» на страницах периодических изданий. Вместе с тем фиксируется перевес подобного рода исследований в сторону Первой мировой войны, в то время как русско-японская война остается в стороне от фокуса исследовательского интереса. К числу исследований региональных особенностей в презентации образа врага России периода русско-японской войны следует отнести исследования Е.С. Сенявской [13], Э.А. Воробьевой [3], А.О. Буранок [2], Е.В. Степочкиной [15], Л.В. Алиевой и Н. Гарчу [1]. Публикации данных авторов отражают специфику формирования стереотипов о противнике на региональном уровне, что призвано расширить понимание механизмов распространения образа врага в российском обществе.

Материалы и методы

В основе исследования лежит историко-генетический подход, позволяющий проследить эволюцию образа врага в дореволюционной псковской периодике. Для достижения поставленной цели исследования нами был проведен анализ публикаций в издании «Псковские губернские ведомости» периода русско-японской войны.

Результаты

Одной из первых публикаций военного времени в ведомостях стала перепечатка из военной газеты «Русский инвалид» и из морской, общественной и литературной газеты «Котлин», посвященная составу японских эскадр и их начальникам [10]. В статье была дана характеристика японским адмиралам, составу японского флота, системе деления флота на эскадры, были приведены названия броненосцев, броненосных крейсеров. Автор статьи стремился объективно представить управление японским флотом, отмечая, например, уровень образования и положительные отзывы о деятельности японского адмирала («хороший командир в японо-китайской войне, «адмирал старой японской школы»). Для полноты картины автор сообщал об эпизоде потопления до объявления войны английского парохода «Коушинг» [16, с. 126], когда, согласно указанию адмирала, выживших из 1500 китайцев (если точнее, то 1100 китайских солдат, 2 китайских генерала и 12 полевых орудий), бывших на борту, по приказу адмирала расстреляли в воде, что характеризует адмирала как «решительного и жестокого». При этом автор подчеркивал, что английские офицеры, которые находились на судне и контролировали экспедицию, были приняты на борт японского крейсера. Обращает на себя внимание не очень лестная характеристика со стороны автора в адрес собственно японской военно-морской школы: «малокомпетентная в современных военно-морских вопросах по тактике и стратегии», «энергичная», «пользующаяся доверием в японских морских сферах». В статье скептически оцениваются действия японцев в войне, которые «ничем себя в текущей войне не зарекомендовали», кроме «бесцельной траты снарядов». Таким образом, энергичность и лояльность в армии, по мнению автора, имеет большее значение в Японии, чем соответствие современным требованиям ведения войны.

В этом контексте интересно описание флота Российской империи. В феврале 1904 г. в «Псковских губернских ведомостях» была напечатана заметка «Наш военный флот» [8], в которой была представлена информация о ранжировании флота: «1 –й ранг – императорские яхты, эскадренные броненосцы, часть броненосцев береговой обороны и крейсера 1-го ранга и т.д.», даны краткие сведения об устройстве броненосцев (тоннаж, ширина, длина, скорость), подробно описано размещение артиллерии, указан калибр «от 6 до 12 дюймов» и, что примечательно, отмечены улучшения по сравнению с парусным флотом – появление телефонов, современное оснащение электрическими фонарями, которые «предупреждают в ночное время внезапное нападение неприятельских миноносцев». Данная рубрика регулярно выходила в печати, однако ее конечной целью сложно назвать формирование образа врага, т.к. японцы лишь вскользь упоминаются как «неприятель» [9]. Скорее всего, автору было важно продемонстрировать читателям силу российского флота и подчеркнуть соответствие русских кораблей современным требованиям, что стало результатом грамотной модернизации, проведенной

«в начале 90-х годов». Отметим, что состояние военной техники и русского флота в статье было несколько приукрашено, хотя в целом с достаточной степенью объективности справедливо описаны обе армии – Япония действительно отличалась высоким уровнем военной подготовки в армии [17, с. 23]. Подобные неточности могли быть вызваны не столько пропагандой и желанием укрепить среди населения идею о несокрушимой русской армии, сколько неадекватной оценкой состояния армии и флота, что выразилось и в суждениях Николая II [6, с. 18].

Публикации, характеризующие офицерский состав Японии не раз появлялись на страницах ведомостей. Интересно, что, несмотря на эскалацию военного конфликта, офицерам японского флота дано описание в нейтрально-положительном тоне, с высокой оценкой ума и опыта в военно-морском деле: «…адмирал Дева Сигето – один из выдающихся адмиралов японского флота» [10]. По сути, в такого рода статьях авторы стремились прогнозировать тактические и стратегические шаги Японии и дать наиболее точное и объективное представление о противнике, в то время как публицистические заметки носили в большей степени субъективный характер [4, с. 152].

Одной из особенностей публикаций в Псковских губернских ведомостях периода русско-японской войны является не только обилие информации разного уровня и значения, но и многочисленные публикации с подписью «Разведчик» [10]. В данных материалах образ врага не артикулирован напрямую, внимание автора сфокусировано не на демонизации противника, а на демонстрации собственных достижений России и ее готовности к защите своих интересов. Так, один из примеров: «Ещё до начала войны в порт-артурское комендантское управление явился солдат и заявил, что он бежал из своей части, расположенной в России под влиянием слухов о войне с Японией и с горячим стремлением стать под знамёна действующих войск». Данный эпизод демонстрирует не только личную инициативу нижних чинов, но и способность государства интегрировать добровольцев в действующую армию, несмотря на формальные нарушения: «Патриот-беглец зачислен в 1-ю роту 26 полка, но оставлен под надзором начальства».

Особого внимания заслуживает международная оценка военной ситуации на страницах регионального издания, которая часто дается в пользу русской армии. Так, в одной из подобных публикаций сообщается, что «80 артиллерийских офицеров, по большей части чехи, по словам «Frankf. Ztg.» [10], выразили желание поступить на русскую службу. В числе этих офицеров два полковника. Все они уже подали австро-венгерскому военному министру прошение об отставке». Это сообщение свидетельствует о признании профессионального и политического авторитета России, её способности привлекать иностранные кадры. Кроме того, интересно упоминание «Frankf. Ztg.» – сокращение от немецкого «Frankfurter Zeitung» (Франкфуртская газета – влиятельная немецкая ежедневная газета, которая издавалась с 1856 по 1943 г.). Газета пользовалась большим авторитетом в Европе, а отсылка к ней призвана подтвердить достоверность информации у читателя, свидетельствует о доверии к источнику и фиксации интереса к событиям русско-японской войны за рубежом.

Заметим, что в газете «Южный край» [18] от 6 февраля 1904 г. № 7993 содержится такая же заметка о 80 чехах в разделе «Последние известия (от нашего корреспондента)», а схожая заметка в газете Харьковской губернии содержит больше дополнительной информации и напечатана она на месяц раньше. Таким образом, «разведчик» из Псковских губернских ведомостей мог перепечатать и одно из этих сообщений.

Также в ведомостях была опубликована заметка из британской газеты «Daily Mail» [11], в которой были представлены два значимых случая, характеризующих состояние японской армии. Первый случай описывает происшествие в городе Кобэ, где воинский эшелон сделал остановку. После того как солдаты вышли из вагонов для отдыха, один из них, находясь в нетрезвом состоянии, отказался вернуться в вагон по приказу офицера. В ответ на неповиновение офицер применил крайнюю меру наказания, убив солдата на месте. Второй случай касается серьёзного бунта в гвардейских частях, где мятежники открыли огонь по своим офицерам. Конфликт перерос в настоящее сражение с жертвами с обеих сторон. В качестве меры устрашения после подавления восстания расстреляли 61 гвардейца. В этом же номере приведена не менее интересная для нас заметка из «Scientific American» [11], согласно которой Япония осуществила заказ двух мощных военных кораблей на английских судостроительных верфях. Источники демонстрируют различные аспекты развития японской военной машины, но если в «Daily Mail» освещены вопросы дисциплины и методов поддержания порядка в армии, то заметка из «Scientific American» фокусирует взгляд читателя на военно-морском усилении страны.

Обращение к зарубежным публикациям, на наш взгляд, было вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, стремлением объяснить масштаб войны, за которой следит весь мир. Во-вторых, иностранный источник, как источник внешний, представляется читателям как более достоверный.

Обсуждение

Бытует представление, что с объявлением войны в периодической печати, особенно той, что находится под

контролем государства и на страницах которой может быть размещена пропагандистская информация, характеристика военного противника будет однозначно негативной. Однако некое представление, суждение, основанное на субъективном представлении о противнике, подвержено изменениям [14], потому начало войны – не всегда означает трансформацию «чужого» во «врага» [5, с. 38].

Наше рассуждение подтверждает и псковская периодическая печать, которая уделяет внимание человеческим качествам противника, а не демонизирует его. В интервью из «Московского вестника», вышедшем на страницах «Псковских губернских ведомостей», проведенном Тандиным (корреспондентом «Вестника») с японским пленным капитаном [7] показывает абсолютную преданность японского офицера своему императору и спокойствие: «Меня послал мой император, и я выполнял его приказание». Его спокойствие перед лицом возможной смерти, ссылка на мудрость Конфуция и забота о чувствах близких – все это создаёт образ человека, укоренённого в традициях и ценностях своей культуры. Особенно ярко это проявляется в его ответе с предложением написать письмо жене, которое передадут русские офицеры: «Ей тяжело будет известие обо мне… Она будет печалиться». Показательно, что даже в ответ на вопрос о страхе смерти японский офицер отвечает с философской мудростью: «Все в воле Неба».

Образ русских офицеров здесь раскрывается через конкретные действия и предложения: гуманизм и великодушие в уважительном отношении к пленному, которому предлагают отправить письмо на родину. Характеризуя содержание интервью, можно охарактеризовать русского офицера как благородного противника, образец рыцарства на войне.

Культурные маркеры «чужого» в этом диалоге показывают уникальность японской культуры, а ссылки на Конфуция подчеркивают приверженность японского офицера традициям: «Конфуций сказал, если утром услышишь хорошее слово, можешь вечером спокойно умереть». Японский офицер в конце беседы сам подводит итог: «Если останусь жив, напишу о великодушии русских». Отметим, что образ врага возникает всегда как отражение, ответ на ценности общества, которые стремится уничтожить враг, поэтому подобные заметки хоть и акцентируют внимание на благородстве русской армии, являются частью проблематики «свой – чужой».

Стремление к объективности не мешает характеризовать японцев эпитетом «назойливый враг», неопасный, бестолковый, так как они неспособны даже правильно разместить артиллерийскую батарею: «Японцы очень часто начинают артиллерийскую стрельбу с таких расстояний и при таких условиях, что самый неопытный артиллерист сразу может определить, что она не может принести каких-либо результатов». Нередко чем опасней столкновение, тем чаще в сатире или печати стремятся преуменьшить врага, свести его к «неприятной досаде».

Успехи на театре военных действий, естественно также находят отражение на страницах ведомостей. На первом этапе войны военные победы японцев часто называются случайными, не влияющими на окончательный исход войны [12]. Далее тон сводок сменился: «В нас, русских, не должно быть места унынию от временных, хотя бы и крупных, неудач…». Читателю напоминают цели войны, чтобы, отвечая на вопрос «ради чего?», потери и неудачи оценивались как оправданная жертва: «побеждённая Япония, обессиленная, по условиям выгодного для нас мира, будет поставлена в невозможность приносить какой-либо вред нашим интересам на Дальнем Востоке и окончательно разрешён будет назревший дальневосточный вопрос» [12].

Так как, кроме богатой на материал неофициальной части, в годы русско-японской войны как приложение к номеру выпускались телеграммы, мы допустили, что заголовки телеграмм также могли бы представлять интерес в исследовании образа врага на страницах «Псковских губернских ведомостей». Общая тенденция изменения отношения к врагу отмечена в заголовках. Начальная фаза конфликта характеризуется демонстративным пренебрежением к противнику. Это проявляется, например, в заголовках: «Славный бой 4 Сибирского корпуса», где подчёркивается превосходство русских войск и «Молодецкая штыковая работа Барнаульского полка», где обращает на себя внимание характер русского подразделения.

К середине конфликта образ врага начинает приобретать более серьёзные черты. В этот период противник на страницах издания позиционируется как серьёзная военная сила, как опасный и достойный уважения соперник, что подтверждается описанием продолжительных боев («15-часовой бой на перевалах с Кумирни и Сяокаолин»), существенных потерь «Потери японцев у Порт-Артура простираются до 65000 чел.». Кульминацией изменения образа врага становится сентябрьское сообщение: «Ужасы Порт-Артурской осады. Героизм защитников Порт-Артура». В этом контексте появляется признание серьёзности противника, в подтверждение которого приводится цитата Стесселя о том, что «образ действий японцев указывает на необходимость сопротивляться до последней капли крови».

Заключение

Таким образом, обращение к проблеме представлен-

ности образа врага на страницах «Псковских губернских ведомостей» показало, что издание в 1904–1905 гг. не содержало массовых публикаций, посвященных «врагу», и не было ориентировано на демонизацию японцев. Вместе с тем использование возможностей местной прессы позволило создавать в общественном сознании далекого от театра военных действий региона устойчивый негативный образ Японии как агрессивного государства, укреплять и обеспечивать поддержку народа в условиях тяжелых испытаний войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Л.В., Гарчу Н. Образ внешнего врага Российской империи начала XX в. на страницах газеты «Псковские епархиальные ведомости» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 11. С. 4422–4428.
2. Буранок А.О. Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 79–86.
3. Воробьева Э.А. Образ Японии и японцев в прессе Дальнего Востока и Западной Сибири в годы русско-японской войны: сравнительный анализ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2007. Т. 6. № 1. С. 159–163.
4. Катенева И.Г. Особенности функционирования слухов на страницах качественных и массовых изданий // Система ценностей современного общества. 2011. № 17–1. С. 150–155.
5. Колдомасов И.О. Категория «образ» в историко-психологическом исследовании (на примере образов врага и союзника) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. № 4. С. 36–43.
6. Кряжев Ю.Н. Взгляды императора Николая II на развитие армии и флота накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. // Омский научный вестник. 2001. № 17. С. 17–19.
7. Московский Вестник. 5 мая 1904. № 17.
8. Псковские губернские ведомости. 1904. № 10.
9. Псковские губернские ведомости. 1904. № 8.
10. Псковские губернские ведомости. 1904. № 10.
11. Псковские губернские ведомости. 1904. № 10.
12. Псковские губернские ведомости. 1904. № 10.
13. Псковские губернские ведомости. 1904. № 13.
14. Псковские губернские ведомости. 1904. № 13.
15. Псковские губернские ведомости. 1904. № 17.
16. Псковские губернские ведомости. 1904. № 17.
17. Псковские губернские ведомости. 1904. № 4.
18. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.
19. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «Образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. История России. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
20. Степочкина Е.В. Эволюция образа врага в провинции во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 60. С. 64–70.
21. Хворостухина С.А. Морские сражения. М.: Вече, 2003. 207 с.
22. Хвостова И.А. Состояние вооруженных сил России и Японии накануне войны 1904–1905 гг. // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2013. № 1. С. 21–27.
23. Южный край. 1904. № 7993.

© Алиева Людмила Владимировна (alieva@pskgu.ru), Гарчу Надежда (garchu.lo@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.07

СУФИЗМ И КОНЦЕПЦИЯ МИРНОГО ИСЛАМА (АФРИКАНСКИЙ ОПЫТ)

THE CONCEPT OF PEACEFUL ISLAM IN SUFISM (AFRICAN EXPERIENCE)

R. Bobokhonov
I. Sledzevsky

Summary: Sufism, or tasawwuf, is an ascetic and mystical trend in Islam. It includes teaching and spiritual practices that help overcome mental vices and achieve spiritual growth. Sufism is also called Muslim asceticism because its followers lead a special way of life. This is one of the main trends of classical Muslim philosophy, and its adherents are called Sufis. Sufism is the path to absolute reality. His driving force is love, and the means to achieve his goal is concentration and inner balance in all circumstances. The goal of this path is God. In other words, at the end of the Sufi's spiritual path, only God remains. The main method of achieving this goal is tariqa, which means "road" or "path". Sufi tariqas adapted Islamic teachings to local religious customs and cultural values, which sometimes led to the emergence of new rituals unknown in the early Islamic tradition. Thus, Sufism is more focused on the internal aspect of religion and its interaction with local cultural characteristics. The African experience of Sufism vividly illustrates this idea.

Keywords: islam, sufism, sharia, tariqa, marifat, haqiqat, murid, murshid, african experience of sufism.

Бобохонов Рахимбек Сархадбекович
Старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН
rahimbobokhonov@yandex.ru
Следзевский Игорь Васильевич
Ведущий научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН

Аннотация: Суфизм, или тасаввуф, представляет собой аскетико-мистическое направление в исламе, включающее учение и духовные практики. Эти практики направлены на преодоление душевных пороков и достижение духовного роста. Суфизм часто называют мусульманским подвижничеством из-за особого образа жизни его последователей. Это ключевое направление классической мусульманской философии, а тех, кто следует этому пути, называют суфиями. Суфизм – это поиск абсолютной реальности, где движущей силой является любовь, а средством достижения цели – сосредоточенность и внутренняя уравновешенность в любых обстоятельствах. Конечная цель суфийского пути - единение с Богом, когда в конце духовного странствия остается только Бог. Основной метод достижения этой цели называется тарикат, что означает «дорога» или «путь». Суфийские тарикаты интегрировали исламское учение с местными религиозными обычаями и культурными ценностями, что иногда приводило к появлению новых ритуалов, не известных в ранней исламской традиции. Это делает суфизм более сосредоточенным на внутреннем аспекте религии и ее взаимодействии с культурными особенностями. Африканский опыт суфизма прекрасно иллюстрирует эту идею.

Ключевые слова: ислам, суфизм, шариат, тарикат, маърифат, хакикат, мюрид, муршид, африканский опыт суфизма.

Исламский мистицизм, или суфизм, представляет собой особый путь познания Бога и мира. В этой статье мы исследуем основные закономерности развития суфийской философии, принципы ее работы и взаимосвязь различных суфийских направлений. Эти течения отличаются друг от друга по времени, географии, социальным и культурным особенностям, а также по научным и художественным аспектам. Все они являются частью концепции мирного ислама.

Мистические учения играют важную роль в духовной и политической жизни современного общества. Официальная религия, ориентированная на работу с массами, не всегда удовлетворяет духовные потребности отдельного человека. Это создает благоприятные условия для существования мистики и развития мистических идей. Исламская мистика, пройдя многовековой путь развития, привела к созданию суфийских орденов в XII–XIII веках и к появлению интеллектуального мистицизма — царства мистической теософии. Хотя теоретические подходы различаются, у исламских мистических школ много общего в методах приближения к Богу. Понимание этих принципов важно для понимания механизма формирования мистического мышления и для анализа деятельности суфийских орденов. Политическая активность суфиев в Средневековье и в наше время влияет на политическую ситуацию на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе.

В данной статье исследуется, как суфизм, с его философией и достижениями, способствует всестороннему развитию личности, групп и наций, помогая формировать их идентичность в контексте общечеловеческих ценностей. Общение с наследием мусульманского мистицизма и современными философскими идеями представляет собой сложное взаимодействие рационального и интуитивного, памяти и воображения, фантазии и реальности. Современный мусульманин может раскрыть свой потенциал, изучая произведения суфийских авторов и участвуя в диалогах между индивидами, социальными группами и культурами.

Существует несколько теорий о происхождении слов «тасаввуф» и «суфий». Одна из них, принятая среди му-

сульман-суннитов, восходит к средневековым авторам. Согласно этой версии, слово «суфизм» происходит от арабского «суф» (араб. صوف – шерсть), поскольку аскеты и мистики часто носили грубое шерстяное одеяние. Суфии также связывают происхождение своего термина с корнем слова «ас-сафа» («чистота»), «сифат» («свойство») или выражением «ахль ас-суффа» («люди скамьи»), которое применялось к бедным сподвижникам пророка Мухаммеда, жившим в его мечети в Медине и отличавшимся аскетизмом [1, с.314]. Некоторые исследователи полагают, что эти слова имеют неарабское происхождение. Например, западноевропейские ученые до начала XX века считали, что слово «тасаввуф» происходит от греческого «софия» («мудрость»). На ранних этапах развития суфизма вместо термина «тасаввуф» использовались слова «зухд» («аскетизм») и «захид» («аскет»), а также близкое к нему «'абид» («богомолец»). С VIII века последователей этого учения стали называть суфиями. Первым, кого так именовали, был либо куфиец Джабир ибн Хайян (умер в 767 году), либо другой куфиец по имени Абу Хашим [2, с.225]. Таким образом, суфийские авторы часто связывают термин с корнем сафа' – «быть чистым» или с выражением «ахл ас-суффа» (люди скамьи), которое обозначало самых преданных последователей пророка Мухаммеда. Их было от 70 до 300 человек, и они уделяли особое внимание духовной и аскетической практике [3, с.463-464; 4].

История суфизма делится на три этапа: период зухда, тасаввуфа и тарикатов.

Период зухда (VII–IX века). Зухд зародился в VII–VIII веках. В это время в исламе начали формироваться аскетико-мистические идеи. К середине VIII – началу IX века суфизм уже оформился как самостоятельное течение.

Период тасаввуфа (IX–XI века). В IX веке появились первые суфийские школы. Они активно разрабатывали теорию и практику суфизма. В конце IX века суфизм начал сближаться с шиитским и исмаилитским эзотеризмом. В X–XI веках суфийский образ жизни стал очень популярным. В это время были созданы важные сочинения, в которых зафиксированы основные принципы суфийского учения. Авторы классической суфийской литературы систематизировали свои знания и разработали специфическую терминологию.

Период тарикатов (XII–XIV века). В XII–XIII веках суфизм стал важной частью религиозной жизни мусульман. Вокруг суфийских обителей начали формироваться братства (тарикаты), которые стали основой суфийского движения. В XII–XIII веках развивалась спекулятивно-эзотерическая сторона суфийского учения. В XIII–XIV веках философский суфизм достиг расцвета. В это время были разработаны концепции «совершенного человека», «единства бытия», «самопроявления Абсолюта» и другие [5, с.110-111].

Аскетико-мистические тенденции в исламе возникли по нескольким причинам. Социально-политическая нестабильность первых двух веков существования мусульманской общины породила эскапизм. Усложнение религиозной жизни привело к глубоким духовным поискам. Влияние христианства также сыграло свою роль в развитии суфизма. Ранние суфии размышляли над смыслом Корана и строго следовали его предписаниям. Они молились, бодрствовали и постились, отказывались от мирских удовольствий и сотрудничества с властями. Суфии предавались воле Бога, стремились к бедности и смиренно переносили страдания. В отличие от богословских рассуждений мутазилитов и буквального следования священным текстам традиционалистов, суфизм был антропоцентричным. Он анализировал движения души, мотивы поступков и личное переживание религиозных истин. Аль-Хасан аль-Басри, один из основателей суфизма, создал «науку о сердцах и помыслах» и о человеческих намерениях. Его ученики Рабах ибн Амр, Рабия аль-Адавия и ад-Дарани проповедовали бескорыстную любовь к Богу, тоску по Нему и стремление к близости. С IX века эти мотивы стали отличительной чертой суфизма, придав ему мистический оттенок. Подробнее: [6].

В IX веке возникли суфийские школы, активно развивавшие теорию и практику суфизма. Среди них выделялись басрийская, багдадская и хорасанская школы. Суфии подробно описывали «состояния» (хал) и «стоянки» (макам) мистика. Суфизм рассматривался как путь (тарикат), очищающий от мирской скверны и приближающий к Богу. Основное внимание уделялось искренности и бескорыстию (ихлас, сидк). Суфии разработали методы самонаблюдения и самоконтроля (мураками или мухасаба). Это учение, сформулированное аль-Мухасиби из Багдада, нашло множество последователей, которых называли маламатия. К концу IX века суфизм сблизился с шиизмом и исмаилизмом. Ключевым элементом этих течений стало символико-аллегорическое толкование Корана (тавиль), раскрывающее его скрытый смысл, доступный только посвященным. Традиции тавиля привели к возникновению теософских учений о мироздании и мистическом откровении (кашф). Суфизм также перенял элементы алхимии, физиогномики и науки о символике чисел и букв (джафр) [2, с.228].

Несмотря на сопротивление суннитских богословов, видевших в суфиях своих конкурентов за влияние на верующих, в XII–XIII веках суфизм стал важной частью религиозной жизни мусульман. Абу Хамид аль-Газали сыграл ключевую роль в интеграции суфийских идей в суннитский ислам. Он признал ценность морально-этических норм и способов глубокого осмысления веры, разработанных суфиями, а также признал правомерность некоторых ключевых суфийских практик, таких как зикр и

уединение (хальва). Абдуль -Кадир Гилани проповедовал морально-этические учения суфизма, очищенные от мистических и философских элементов. Влияние суфизма признавали даже правители регионов. Захоронения суфийских святых (турба) стали местами паломничества. В некоторых областях, где население было языческим, ислам распространялся только через суфизм. Странствующие и оседлые дервиши основывали обители (завия, ханака, рибат), которые становились центрами миссионерской деятельности и религиозной жизни [7].

В середине XII – начале XIII века вокруг этих обителей, особенно в городах, начали формироваться суфийские братства. В отличие от христианских монастырских орденов, суфийские братства были менее организованы и не имели централизованного управления. Первые братства, такие как сухравардия и кадирия, появились в Багдаде и быстро распространились по всему исламскому миру. Основатели тарикатов – это не столько их основатели, сколько их ученики и последователи. Появление тарикатов усилило влияние суфизма на религиозную жизнь. Многие суфийские шейхи предпочитали не вмешиваться в мирские дела и избегали прямого общения с властями. Суфии стремились к сближению с народом, а культ суфийских святых стал важной частью народного ислама [8, с.37].

В XII–XIII веках суфизм стал популярен среди мусульман. Это привело к развитию его эзотерической стороны, которая привлекала образованных людей. «Практический» суфизм же был ориентирован на духовные потребности простых людей. Интеллектуальная элита суфиев глубоко изучила идеи мутакаллимов и философов. Появились новые доктрины, которые объясняли мистическую практику как способ постижения тайн мира. Ас-Сухраварди (ум. в 1191 г.), Ибн Араби (ум. в 1240 г.), Ибн Сабин (ум. в 1268-69 или 1271 г.), Абду-р-Раззак аль-Кашани (ум. в 1329 г.), Абдуль-Карим аль-Джили (ум. в 1428 г.) и другие авторы этих доктрин использовали религиозно-философские идеи иранско-семитской и эллинистической культуры, адаптировав их к исламским традициям. Их работы оказали значительное влияние на развитие не только суфийской идеологии, но и всей мусульманской духовной и интеллектуальной культуры [9, с.11-17].

Ортодоксальные мусульманские теологи, такие как Ибн Таймия, часто критиковали сложность и парадоксальность суфизма. Однако в эпоху его расцвета их протесты оставались без ответа. Философский суфизм достиг своего пика в XIII–XIV веках, но позже утратил творческую силу. Концепции «совершенного человека», «Единства бытия» и «самопроявления Абсолюта» стали предметом споров между суфиями и суннитами. Суфийская философия нашла отражение в поэзии. Суфийская символика проникла как в религиозную, так и в светскую персоязычную литературу. Среди известных авторов можно назвать Дж. Руми, М. Санаи, М. Саади, Махмуда Шабистари, Ф. Ираки, А. Х. Дехлеви, Х. Ширази, А. Джами и других. Влияние суфизма на арабскую и тюркскую поэзию было менее значительным [10, с.12-18].

С ростом числа суфиев их институты стали более бюрократизированными. Раньше шейхи тарикатов действовали напрямую, а теперь их функции выполняются через многочисленных посредников – халифа и мукаддама. Усложнение структуры суфийских братств и усиление их регламентации привели к появлению множества вторичных братств, которые также продолжали разветвляться, увеличивая конкуренцию между ними. Чтобы сохранить или расширить влияние, суфийские лидеры стремились заручиться поддержкой светской власти. В результате верхушка братств часто оказывалась зависимой от правящей элиты, а в некоторых странах даже срослась с ней. Протестом против этих тенденций стало возрождение традиций маламатия и появление множества странствующих дервишей, не связанных с какими-либо братствами [11, с.23-25].

В XIX – начале XX века суфизм продолжал играть важную роль в политической и религиозной жизни исламских государств. Однако секуляризация обществ на Востоке, изменения в экономике и культуре нанесли сильный удар по его позициям. В большинстве арабских стран суфизм подвергся критике со стороны религиозно-политических деятелей, которые выступали за «обновление» ислама или возвращение к его «первоначальной чистоте». Против суфизма выступили также сторонники «арабского» и «исламского» социализма. Суфийских шейхов обвиняли в пассивности и сотрудничестве с колонизаторами, поддержке консервативных и контрреволюционных сил. В Турции деятельность суфийских тарикатов была запрещена, а в Северной Африке возникли новые тарикаты, такие как алавия, мадания и хамидия-шазилия [12, с.16].

Сегодня суфизм продолжает существовать, хотя его адепты и выполняют свои социальные функции. Шейхи и их ближайшие сподвижники составляют исключение. Основную массу суфиев составляют представители как низших, так и средних социальных слоев. Членство в тарикате часто определяется семейными традициями и не является результатом духовных исканий. Суфизм привлекает внимание как мусульманских, так и западных исследователей. Многие мусульманские ученые относятся к нему предвзято – либо осуждают, либо оправдывают и восхваляют. Западные востоковеды иногда преувеличивают влияние христианских доктрин на суфизм и осовременивают его понятия. Некоторые исследователи и философы видят в суфизме средство от духовного кризиса общества и пропагандируют возрождение его традиций. Благодаря этому в западноевропейских странах

и США появились кружки и общества, придерживающиеся доктрин «модернизированного» суфизма [13, с.205].

Суфизм основывается на аскетизме, мистицизме, утонченной духовности и подвижничестве. Его цель – воспитать «совершенного человека», свободного от мирской суеты и возвысившегося над негативными чертами своей натуры. Суфизм вдохновляет последователей, раскрывает глубинные качества души и оказывает значительное влияние на эстетику, этику, литературу и искусство. По мнению суфиев, путь духовного совершенствования показан на примере жизни пророка Мухаммада и отражен в 21-м аяте суры «Аль-Ахзаб». Суфизм помогает мусульманину ослабить влияние материального мира и постоянно развиваться духовно, бескорыстно и преданно служа Богу. Следуя принципам суфизма, человек может раскрыть такие качества души, как вера, покорность (ислам), терпение (сабр), довольство (рида) и упование (тавакуль). Он также помогает бороться с внутренними пороками, такими как нетерпимость, гордыня и скупость. Духовное воспитание невозможно через механическое выполнение обрядов и правовых предписаний. Суфизм же, в отличие от правовой науки (фикх), которая регулирует только внешние аспекты, влияет на внутренний мир человека через искреннее и преданное служение Богу [14, с.19-20].

Рассматривая вопрос об определении понятия «суфизм», особое внимание стоит обратить на значение, объемлющее все мусульманские учения, цель которых – дать человеку возможность прямого общения с Богом. Это сфера религиозного опыта, развивавшегося параллельно с основным развитием мусульманского учения, в основе которого лежит пророческое откровение, непостижимое без знания шариата и теологии.

Суфизм известен своей гибкостью, умеренностью и толерантностью. Суфизм также известен как эзотерический ислам. Термин «эзотерический» происходит от esoteris, что означает «предназначенный только для посвященных» или «известный и понятный только определенным людям». Эзотерические вещи часто относятся к аспектам сердца, которые противопоставляются внешним аспектам шариата и материального мира.

В исламе понятие эзотерики давно превратилось в полемику, начало которой параллельно истории самого ислама. Долгое время многие ученые различали эзотерический ислам (ислам с мистическим уклоном) и экзотерический ислам (ислам с шариатским уклоном), утверждая, что исламский эзотеризм – это синтез различных мыслей или адаптация неисламских учений. Однако эзотерический ислам суфизма всегда опирается на Коран и Сунну.

Следует отметить, что сосредоточенность суфизма на эзотерическом исламе сделала его гибким и толерантным, что отличает его от правоцентричного понимания ислама, которое склонно ссылаться на правовые тексты ислама как на религиозное руководство. В отличие от них, суфийские святые тесно связали свою интерпретацию исламского учения с религиозными обычаями и культурными ценностями местного населения, что иногда приводило к появлению ритуальных практик, не известных в ранние периоды ислама. Таким образом, суфизм уделяет больше внимания внутреннему измерению религии и ее связи с достоинствами местной культуры. Африканский опыт суфизма – яркое подтверждение этой мысли.

Доктрины и учения суфизма практикуются в соответствии с социальными проблемами и реалиями человека. Таким образом, целью этой практики является не только достижение индивидуального спокойствия, мира и благочестия, но и социальной гармонии общества. Она не только касается «вознесения на небеса в одиночку», но и пытается создать рай для всех людей.

Что касается цели, то суфизм делится на два вида. Во-первых, суфизм ориентирован на самопреобразование суфиев. Здесь учения и ритуальные практики суфизма направлены на преобразование души и поведения суфиев-учеников(мюридов) тарикатов. Во-вторых, суфизм ориентирован на социальную трансформацию, которая начинается с самого малого круга суфийских тарикатов, их семей и, в конечном итоге, их больших сообществ.

Суфизм озабочен не только вертикальными измерениями ритуала, но и его социальными аспектами. Он выполняет миссию социальной трансформации и предлагает альтернативное решение социальных проблем в обществе. Например, социальные кризисы, которые терзают Африку, не ограничиваются только денежными, экономическими и политическими проблемами, но также моральными и духовными кризисами. Именно в этом заключается значение эзотерического аспекта учения ислама. Обязательство мусульман верить в Бога, Судный день и добродетель (благочестивые поступки) – все это говорит о том, что духовные и социальные измерения ислама являются лишь частью исторических реалий человечества.

Понятие социального благочестия, подчеркиваемое суфизмом, является инклюзивным и умеренным, поскольку оно применяется к людям любого происхождения: религии, этнической принадлежности, расы и социального класса. Инклюзивность умеренного суфизма становится все более очевидной при контакте с другими религиями, поскольку он фокусируется не на различиях между религиями, а на их сходстве. Таким образом, различия, существующие между религиями, рассматрива-

ются как вопрос поверхностной видимости, в то время как эзотерически все религии считаются похожими.

Именно инклюзивность и умеренность суфизма сыграли решающую роль в процессе исламизации Африки южнее Сахары. Суфийские проповедники, отличались общительностью с простыми людьми из низших слоев общества и образцовым поведением, символизирующим пик их веры и благочестия, проявлявшимся, в частности, в форме благотворительности и братской солидарности. Такое образцовое поведение вызывало симпатию у многих людей, пробуждая интерес к новой религии и, в конечном итоге, к принятию ислама. Если бы не мистический ислам, процесс аккультурации ислама с местной культурой в Африке был бы намного сложнее [15, с.7-12].

О значении суфизма для исламизации Африки также свидетельствует роль тарикатов. Практикуя умеренный образ жизни, суфийские тарикаты тщательно использовали культуру в качестве средства передачи давата (проповедь ислама – автор). Таким образом, от лидеров(марабутов) суфийского тариката требовалось креативность, продуктивность и адаптивность для создания культурного продукта, привлекательного для потенциальных членов. Аналогичным образом, от них требовалось изменить и преобразовать местную культуру в форму, пропитанную исламскими ценностями. Именно способность суфийских марабутов внедрять ислам с помощью адаптивного культурного подхода позволила исламу пустить глубокие корни во многих странах Африки.

Однако самый большой вклад суфизма в Африке – это создание религиозной жизни, которая является гармоничной, мирной и спокойной. В обществе, где живут люди с различными религиозными взглядами, межрелигиозные конфликты воспринимаются как постоянная угроза. С точки зрения теории строительства, межрелигиозная гармония может быть достигнута благодаря различным факторам, таким как эффективные каналы коммуникации и религиозная терпимость, которая также важна для гармоничной жизни между людьми разного религиозного происхождения [16, с.5-8].

Толерантность – это воплощение веры, внедренное в повседневную жизнь общества. Она может быть достигнута религиозными членами через создание социальной жизни, которая способствует взаимопониманию и сочувствию. Толерантность ведет как к инклюзивности, так и к готовности принять разнообразие, будь то этническая принадлежность, язык, культура или религия. Именно благодаря толерантности становится возможным диалог между религиозными группами.

Африканский опыт показывает, что религия выполняет социологическую функцию объединения людей со схожими религиозными убеждениями. Однако эта функция сталкивается с определенными трудностями, когда речь идет о приверженцах различных религиозных убеждений. В этом отношении решающее значение имеет контекст социальных отношений, возникающих между людьми разных религиозных убеждений: и именно в суфизме можно объединить точки встречи и сцепления между различными религиями и культурами, что приводит к гармонизации религиозной жизни.

Изучая ислам, важно обратить внимание на его составляющую – суфизм. Именно в суфизме ислам раскрывается как религия мира и гармонии. Ислам действительно призывает к миру и благополучию, несет истину и свет. Концепция мирного ислама может кардинально изменить к лучшему политику, межэтнические и межконфессиональные отношения, экономику, культуру, образование, науку, медицину, семью и качество жизни в мусульманских обществах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ализаде А.А. Тасаввуф // Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. — 400 с. — ISBN 978-5-98443-025-8.
2. Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. — М.: Наука, ГРВЛ, 1991. — 315 с. — ISBN 5-02-016941-2.
3. Кныш А.Д. // Социальное партнерство — Телевидение. — М.: Большая российская энциклопедия, 2016. — С. 462—465.
4. Taṣawwuf / Massington, L.; Radtke, B.; Chittick, W.C.; Jong, F. de.; Lewisohn, L.; Zarcone, Th.; Ernst, C; Aubin, Françoise; J.O. Hunwick. // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed: in 12 vol. / ed. by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs et al. — Leiden: E.J. Brill, 1960—2005.
5. Керимов Г.М. Суфизм: мистическая ветвь в исламе // Вопросы научного атеизма. Вып. 38. Мистицизм: проблемы анализа и критики / Редкол. В.И. Гараджа (отв. ред.) и др.; Акад. обществ. наук ЦК КПСС. Ин-т научного атеизма. — М.: Мысль, 1989. — С. 109—126. — 335 с. — 22 765 экз. — ISBN 0321–0847.
6. Смирнов А.В. Суфизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2010. — 2816 с.
7. Крымский А.Е. Суфизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
8. Трамингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. А.А. Ставиской, под редакцией и с предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.

9. Бобохонов Р.С. Духовный путь суфийских тарикатов: от Азии до Африки//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". 2025 №6. С. 11–17.
10. Бобохонов Р.С. Духовный путь накшбандия: от Центральной Азии до Африки // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки». 2023. №12/2. С. 12–18.
11. Аннемари Шиммель. Мир Исламского Мистицизма. — Садра, 2013. — 536 с. — ISBN 978-5-906016-04-11.
12. Хисматулин А.А. Суфизм. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2008. — 192 с.
13. Васильцов К. С. В лабиринтах смысла: суфизм, неосуфизм, Нью-Эйдж // Ислам в современном мире: журнал. — М.: ИД «Медина», 2018. — Т. 14, № 3. — С. 197—214.
14. Бобохонов Р.С. Суфийские тарикаты в Тропической Африке. История и современность// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». №12/2, 2023, с.18-23.
15. Бобохонов Р.С. Тарикат тиджания в Африке. История и современность // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки». 2023. №12/2. С. 7–12.
16. Бобохонов Р.С. Противостояние суфизма и салафизма в Тропической Африке// Политические системы и социальные структуры африканских стран: актуальные проблемы и векторы развития. Тезисы научной конференции. Москва, 27 сентября 2023 г. М.: Институт Африки РАН.С.5-8.

© Бобохонов Рахимбек Сархадбекович (rahimbobokhonov@yandex.ru), Следзевский Игорь Васильевич.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.08

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАДИРИЯ

Бобохонов Рахимбек Сархадбекович
Старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН
rahimbobokhonov@yandex.ru
Васильев Сергей Дмитриевич
Научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН

Аннотация: Тарикат кадирия зародился в конце XIII века в Ираке. Его основателями стали потомки Абдул-Кадира аль-Джилани (1077–1166). Название братства связано с именем его основателя. Кадирия принадлежит к 12 материнским тарикатам, чьи духовные корни восходят к пророку Мухаммеду через Али ибн Абу Талиба или Абу Бакра. Тарикат придерживается суннитских принципов и следует учению Джунайда и его рационалистической школы суфизма. Кадирия никогда не представляла собой единую организацию. Она объединяет различные группы последователей, объединенных почитанием Абд аль-Кадира - святого и заступника, который, по традиции, продолжает руководить братством через посредников. Некоторые группы даже приписывают ему божественные качества. Социальный состав кадирии разнообразен. В тарикате нет строго регламентированного мистического пути или обязательных ритуалов. Единственное, что объединяет его членов, - посвящение от имени Абд аль-Кадира. Практика кадирии включает коллективные радения (сама, хадра, лейлия), тихий и громкий зикр. Члены братства носят маленькие войлочные шапки с зеленой розой, которая символизирует их принадлежность к тарикату. Главный праздник кадирии - ежегодные торжества в честь основателя. Организационная структура кадирии основана на независимых обителях (ханака, рибат, завия, текке), руководство которыми традиционно передается по наследству. Главная обитель кадирии находится в Багдаде и включает медресе, рибат и мечеть над могилой Абдул-Кадира. Распространение кадирии началось в XIV веке. Первые общины появились в Ираке и Сирии, затем в Йемене. В XVIII веке тарикат достиг Индонезии, а к XX веку - полуострова Малакка. В XV веке обители кадирии возникли в Ливане, Палестине, Египте и Хиджазе. В XVI веке - в Магрибе и Черной Африке (современные Судан, Сенегал, Гвинея, Нигер).

Ключевые слова: ислам, суфизм, тарикат, кадирия, шариат, муршид, мюрид, шейх, мукаддам, макам, сильсила, маърифат, хакикат.

CULTURAL HERITAGE OF QADIRIYA

R. Bobokhonov
S. Vasiliev

Summary: The Qadiriya tariqa originated at the end of the 13th century in Iraq. Its founders were the descendants of Abdul-Qadir al-Gilani (1077-1166). The name of the fraternity is associated with the name of its founder. The Qadiriya belongs to the 12 maternal tariqas, whose spiritual roots go back to the Prophet Muhammad through Ali ibn Abu Talib or Abu Bakr. The Tariqa adheres to Sunni principles and follows the teachings of Junaid and his rationalistic school of Sufism. Kadiriya has never been a single organization. It unites various groups of followers united by the veneration of Abd al-Qadir— the saint and patron saint, who, according to tradition, continues to lead the brotherhood through intermediaries. Some groups even attribute divine qualities to him. The social composition of Kadiriya is diverse. There is no strictly regulated mystical path or obligatory rituals in the tariqa. The only thing that unites its members is the dedication on behalf of Abd al-Qadir. The practice of qadiriyah includes collective blessings (sama, khadra, leylia), quiet and loud dhikr. Members of the brotherhood wear small felt hats with a green rose, which symbolizes their membership in the tariqa. The main holiday of Kadiriya is the annual celebrations in honor of the founder. The organizational structure of the qadiriya is based on independent monasteries (khanaka, ribat, zawiya, tekke), the leadership of which is traditionally inherited. The main monastery of Qadiriya is located in Baghdad and includes a madrasah, ribat and mosque over the grave of Abdul-Qadir. The spread of qadiriya began in the 14th century. The first communities appeared in Iraq and Syria, then in Yemen. In the 18th century, Tariqa reached Indonesia, and by the 20th century, the Malacca Peninsula. In the 15th century, qadiriyya monasteries appeared in Lebanon, Palestine, Egypt, and the Hejaz. In the 16th century — in the Maghreb and Black Africa (modern Sudan, Senegal, Guinea, Niger).

Keywords: islam, sufism, tariqa, qadiriya, sharia, murshid, murid, sheikh, muqaddam, maqam, silsila, marifat, hakiqat.

Суфизм, первоначально возникший в исламском мире в середине VIII века в виде движения аскетов (араб.-захид), в процессе своей исторической эволюции прошел через три этапа, которые получили название период аскетизма (VIII–IX века), период суфийских школ и течений (IX–XI века) и период суфийских тарикатов (начиная с XII века). Первые два периода истории суфизма служили своеобразным подготовительным этапом для периода тарикатов [1, с.12].

Тарикат – это мистическое учение и духовные практики, направленные на познание истины. В суфизме тарикат означает путь духовного самосовершенствования. Его цель – освобождение от неверия(куфр) и постижение Божественной истины (хакикат). Слово «тарикат» в значении «путь» встречается в Коране. Тарикаты объединяют множество суфийских орденов, которые оказывают значительное влияние на общественную жизнь мусульман. Последователи мусульманского аскетизма, стремившиеся к духовному возвышению и борьбе со своими страстями(нафс), в XII веке объединились вокруг духовных наставников. Центрами тарикатов стали рибаты, ханаки и завии – обители разного вида [2, с.19].

Суфийские тарикаты, формируясь, выполняли множество функций. Одной из ключевых стало распростра-

нение ислама. Шейхи, факиры, дервиши и каландары стали миссионерами. На протяжении веков суфийские тарикаты способствовали принятию ислама в Восточной, Западной и Центральной Африке, Малой и Средней Азии, Поволжье, Сибири и Юго-Восточной Азии [3, с.11].

Абдуль-Кадир аль-Джиляни — выдающийся суфий, поэт и аскет. Он был признан авлия своего времени и стал основателем тариката кадирия. Аль-Джиляни оказал огромное влияние на духовную и религиозную жизнь современников. Его учение и наставления глубоко почитались, а строгая самодисциплина, благочестие и мудрость вызывали восхищение. Многие ученые его эпохи лично наблюдали его караматы (чудеса), что подтверждает их реальность [4, с.184].

Теперь расскажем о жизни основателя тариката кадирия. Его биография полна тайн, которые стали основой для будущих поколений последователей. Основные сведения о шейхе основаны на религиозных и теологических высказываниях выдающихся представителей тасаввуфа и последователей тариката в разные века. Хотя научных и исторических источников о его жизни не существует, эти материалы дают представление о его личности и чертах характера, ставших примером для миллионов последователей тариката кадирия.

Мухиддин Абдуль-Кадир аль-Джиляни родился в 470 году по хиджре в маленьком городе Ниф, что в провинции Джилян. Его родословная вела к Али ибн Абу Талибу как по материнской, так и по отцовской линии. Однако шейх не любил обсуждать свое происхождение, считая это проявлением скромности. Имя «аль-Джиляни» происходит от арабского названия персидской провинции Гилян, известной своими дождями, реками и плодородием. Гилян был завоеван при жизни Пророка Мухаммада, и его жители приняли ислам. Абдуль-Кадир рос сиротой: отец умер сразу после его рождения, а мать, Умм аль-Хайр, была праведницей. Ей было около 60 лет, когда она родила сына. Согласно преданиям, Абдуль-Кадир не брал грудь матери днем во время рамадана — это стало первым чудом в его жизни. У него был достойный брат Абдуллах, который жил и умер в Джиляне. Перед отъездом в Багдад Абдуль-Кадир получил от матери свои сбережения [5].

Мать шейха Абдуль-Кадира аль-Джиляни, праведная и глубоко верующая женщина, происходила из рода имамов Хасана и Хусейна. Ее дед, Абдуллах ас-Сумаи, был аскетом и праведником, который заботился о внуке. В атмосфере благочестия и уважения Абдуль-Кадир рос добрым, искренним и почтительным к окружающим. Жители Джиляна следовали ханбалитскому мазхабу, и шейх тоже был ханбалитом, изучая эту религиозную школу. Однако, понимая, что в Джиляне ему не достичь полного удовлетворения жажды знаний, он мечтал о поездке в Багдад - крупнейший научный центр того времени. С детства Абдуль-Кадир помогал семье в земледелии: пас скот и обрабатывал землю. В юности у него проявились необычные способности (караматы). Однажды он услышал голос быка: «Ты не создан для пахоты». Этот знак указал ему на истинное призвание - изучение шариатских наук. Абдуль-Кадир рассказал об этом матери, которая, несмотря на печаль, поддержала его. Мать начала готовить сына к путешествию. У нее было всего восемьдесят динаров, оставшихся от мужа, и она хотела отдать их сыну для жизни в Багдаде. Но Абдуль-Кадир отказался, поделившись с братом Абдуллахом. Семья готовилась к отправке каравана, и вскоре молодой шейх отправился в путь, взяв с собой только решимость и веру. На прощание мать сказала ему: «О, сын мой, остерегайся лжи — верующий не лжет. Всегда будь честным» [5; 6, с.290]

Шейх Абдуль-Кадир аль-Джиляни впервые столкнулся с испытанием на пути в Багдад. Караван, в котором он ехал, подвергся нападению бандитов. Преступники окружили путников на своих верховых животных и начали обыскивать их. Люди отрицали наличие имущества, но воры все равно находили деньги и забирали их. Когда очередь дошла до шейха, один из бандитов, заметив его простую одежду, решил, что у юноши ничего нет, и хотел пройти мимо. Однако он спросил: «Есть ли у тебя что-нибудь?» Абдуль-Кадир, следуя наставлению матери всегда говорить правду, ответил: «Да, у меня есть сорок динаров». Бандиты были удивлены и отвели шейха к главарю. Тот спросил: «И где они?» Абдуль-Кадир вытащил мешочек, пришитый матерью, и показал деньги. В мешке оказалось ровно сорок динаров. Главарь банды спросил юношу: «Почему ты признался, что у тебя есть деньги, если они были спрятаны?» Абдуль-Кадир ответил: «Моя мать наказала мне всегда говорить правду. Когда меня спросили, я не мог солгать». Главарь был тронут и раскаялся в своих преступлениях. Он вернул все украденное и попросил прощения. Караван продолжил путь и благополучно прибыл в Багдад. Шейху Абдуль-Кадиру тогда было восемнадцать лет [5].

Это было первое испытание для шейха Абдуль-Кадира аль-Джиляни — проверка его веры, благочестия, характера и совести. Он прошел его с достоинством, следуя наставлению матери: быть честным и никогда не лгать. Его поступок вдохновил многих на раскаяние. Караван прибыл в Багдад в 488 году по хиджре. Жизнь в этом городе стала для него вторым серьезным испытанием. Вначале он столкнулся с бедностью, голодом, лишениями. Он питался листьями латука, собирал их на берегу реки. Ходил босиком по колючкам, носил шерстяную одежду, наматывал тряпку на голову и спал в руинах. Абдуль-Кадир был одинок в Багдаде, и это причиняло ему душевные страдания. Иногда он хотел уехать, но понимал, что не достигнет цели, покинув город. Это был внутренний кризис - борьба между желанием вы-

жить и бегством. Каждый раз, когда он думал об отъезде, его удерживала невидимая сила. Иногда он чувствовал такую боль, что терял сознание и кричал, скрываясь от посторонних глаз. Однажды ночью он вышел на улицу и закричал снова. Его услышали люди, которые оказались рядом. Они узнали его и сказали: «О Абдуль-Кадир, что ты делаешь?» Иногда его называли безрассудным (маджнун) из-за манер, сложного душевного состояния и отшельнического образа жизни. Он временно покинул Багдад и поселился в заброшенной башне рядом с городом, чтобы перестроить себя. Абдуль-Кадир говорил: «Когда я изучал фикх, я уходил в пустыню. Сидел там ночью и днем, носил шерстяную джуббу, ходил босиком среди колючек. Ел листья салата, если что-то пугало, смотрел страху в глаза. Подвергал свой нафс строгой дисциплине. Ночью и днем я испытывал состояния, которые можно было оценить только как форму безумия» [5; 4, с.184].

Абдуль-Кадир аль-Джиляни, возможно, испытывал разочарование в Багдаде. Он видел людей, не обузданных в своих желаниях, и осознавал разницу между благочестивой жизнью Джиляна и жизнью в этом городе. Молитва не защищала их от безнравственности, а пост не очищал души и не пробуждал сострадание к обездоленным. Проповедники говорили, но их слова не достигали сердец слушателей. Когда Джаляни прибыл в Багдад, визирь Абдуль-Малик открыл место для танцев и развлечений. Это вызвало критику имама ибн Акиля, шейха ханбалитов, который не мог оставаться среди людей из-за своих убеждений, но и не мог покинуть город. Спустя время, обретя уверенность, Джаляни вернулся в Багдад и возобновил свои учебные кружки. Мать всегда поддерживала его, отправляя деньги и людей на поиски сына. За годы скитаний он развил хладнокровие и самодисциплину. Джаляни вспоминал: «Я провел 15 лет в одиночестве, скитаясь по пустыням. Все 40 лет я совершал утреннюю молитву с омовением, начатым перед ночной молитвой. После намаза я читал Коран, стоя на одной ноге, чтобы не заснуть, пока не прочитывал его полностью. Однажды ночью, когда я поднимался по лестнице, нафс шепнул мне: «Почему бы не поспать?» Я остановился, встал на одну ногу и прочитал Коран от начала до конца, так и не ложась спать» [5].

После возвращения в Багдад шейх Абдуль-Кадир аль-Джиляни с еще большим рвением взялся за изучение фикха, хадисов, истории, тафсира и тасаввуфа. Будучи факихом, он стал учеником известного суфийского шейха Хаммада ад-Даббаса, а позже - у другого выдающегося наставника, Абу Саада аль-Мухаррими. Хаммад ад-Даббас сначала был строг к своему ученику, его поведение казалось почти издевательским. Абдуль-Кадир аль-Джиляни вспоминал: «Когда я ненадолго уходил от него, а затем возвращался, он мог сказать мне: «Зачем ты пришел? Ты факих, иди к факихам». Я молчал, а он продолжал говорить, словно хлестал меня словами. В другой раз он сказал: “Сегодня у нас много хлеба и медового пирога, но ничего не оставили для тебя”». Некоторые ученики Хаммада ад-Даббаса подражали своему учителю и пытались унизить аль-Джиляни. Но шейх Хаммад защищал его и говорил: «Вы не должны обижать его! Клянусь Аллахом, среди вас нет равного ему. Я вредил ему, чтобы испытать его стойкость». В течение 33 лет мысли аль-Джиляни были сосредоточены только на учебе. Судья Абу Саад аль-Мухаррими, его учитель, построил школу в Багдаде и преподавал фикх по ханбалитскому мазхабу. В последние годы учебы аль-Джиляни присоединился к нему и изучал тасаввуф и ханбалитский фикх. После смерти аль-Мухаррими его место занял аль-Джиляни. Он преподавал, выдавал фетвы и наставлял людей. Школа стала настолько популярной, что не могла вместить всех желающих. Иногда аль-Джиляни вынужден был учить людей, сидя у стены или прислонившись к двери гостевого дома. В конце концов, школу расширили, присоединив соседние владения. Богатые люди выкупили ее и подарили аль-Джиляни. Каждый, кто мог, внес свой вклад в ее расширение. Это заведение до сих пор носит имя шейха Абдуль-Кадира аль-Джиляни и называется медресе аль-Кадирия. Однажды к аль-Джиляни пришла бедная женщина с мужем. Она сказала: «Это мой муж. Он должен мне мой брачный дар в двадцать динаров золотыми монетами. Я оставила ему половину с условием, что он будет работать в вашей школе» [5].

На собраниях шейха Абдуль-Кадира аль-Джиляни многие люди искренне каялись. Его проповеди иногда приводили даже неверующих к принятию ислама. Люди приходили на эти встречи ночью, освещая путь свечами и факелами, а также на спинах верховых животных. Это был новый этап в жизни шейха - период преподавания, который начался после долгих лет учебы в трудные времена бедствий и нищеты. Он отказался от всего, что имели люди, но общество приняло его, и мир сам пришел к нему. Ибн Раджаб аль-Ханбали писал: «Его высказывания, достоинства и чудеса стали известны среди людей, и правители испытывали почтение перед ним». Аудитория шейха начинала с нескольких человек, но росла так быстро, что на собрания приходило несколько тысяч. Это было возможно благодаря его глубокой мудрости и духовной проницательности. Он говорил о духовной дисциплине, этическом поведении и духовном росте, открывая людям новый взгляд на ислам - с точки зрения искреннего служения, а не формального исполнения обрядов. Эти принципы легли в основу кадирийского тариката. Шейх аль-Джиляни обладал обширными знаниями в различных исламских науках: Коран и его толкование, хадисы и их науки, основы религии и фикх, а также тасаввуф, аскетизм и очищение души. Ибн Касир говорил о нем так: «Он вошел в Багдад и занялся хадисом, пока не преуспел в нем. У него были заслуги в хадисе, фикхе и наставлениях, он повелевал благое и удерживал от запретного». Что касается знаний в области фикха, шейх

выносил фетвы на основе шафиитского и ханбалитского мазхабов, что указывает на глубину его познаний в правовых вопросах. Шейх аль-Ислам имам ан-Навави называл его имамом шафиитов и ханбалитов. Иногда шейха приглашали читать лекции в университет «Низамия» в Багдаде, и он соглашался. По прибытии его встречали с признательностью и уважением. Однажды, когда он говорил о судьбе и предопределении, на него с потолка упала большая змея. Это событие было словно проверкой его веры в то, что он преподавал другим. Шейх не двинулся с места, а многие поспешили покинуть собрание. Позже змея уползла так же, как и люди. Когда его спросили об этом, он ответил: «Разве она не животное, движимое судьбой и предопределением?» [5].

Абдуль-Кадир аль-Джиляни, по словам хафиза Мухаммада ибн Юсуфа аль-Бирзали, был добрым, сентиментальным и мягкосердечным человеком с богатым внутренним миром. Он отличался великодушием и щедростью, обладал глубокими знаниями и благородством. Шейх был тверд в своем поклонении и служении Аллаху, но при этом оставался доступным для всех. Он поддерживал молодых, общался с бедняками и не преклонялся перед знатными людьми, несмотря на свой высокий статус. Аль-Джиляни был честен, терпелив и верен своим словам. Его щедрость была известна далеко за пределами его дома. Каждую ночь он расстилал скатерть и делился едой с малоимущими. Он был особенно терпелив с теми, кто искал знания, и никто из его учеников не мог представить себе более щедрого и доброго учителя. У шейха был запас пшеницы, который выращивал его друг из сельской местности. Другой друг молол зерно и выпекал хлеб, принося его шейху каждый день. Аль-Джиляни раздавал часть хлеба своим гостям, приглашая их громким голосом: «Кто хочет хлеба? Кто хочет ночлега?» Если ему делали подарок, он делился им с окружающими. Однажды шейх сказал: «Как бы мне хотелось, чтобы весь мир был в моих руках только для того, чтобы накормить голодных и обездоленных» [5; 7, с. 39.].

Шейх Абдуль-Кадир аль-Джиляни испытал голод и лишения на собственном опыте. Однажды, когда он искал еду, он оказался у айвана «Касра» и увидел семьдесят авлия, тоже ищущих пропитание. Он решил не беспокоить их и отправился обратно в Багдад. По пути ему встретился человек, который передал деньги от матери шейха. Абдуль-Кадир аль-Джиляни вернулся к беднякам и накормил всех, кого встретил в айване. Шейх всегда думал о других, несмотря на собственные трудности. Его описывали как смуглого, худощавого и широкоплечего мужчину с длинными волосами и бородой. Он был невероятно выносливым, как духовно, так и физически. Однажды Абу Мухаммад аль-Ахфаш видел его в холодный зимний день в одной рубашке и головном уборе. С него так лил пот, что можно было подумать, что это летний зной. Абдуль-Кадир аль-Джиляни спокойно переносил невзгоды, голод, бедность и жестокое обращение. Он говорил: «Я не бежал от слов шейхов и их суровости, оставался нем и слеп перед ними и молчал, когда от них на меня нисходили беды. Ты же не проявляешь терпения и желаешь преуспеть. Нет тебе чести». Его внешний и духовный облик был достоин святых и праведников [5; 8, с.128].

Шейх Абдуль-Кадир аль-Джиляни, выдающийся суфийский мастер, обрел гармонию в жизни после женитьбы. Он был женат на четырех женщинах, и его брак был не случайным выбором. Когда праведники спросили его о причинах этого шага, он ответил: «Я женился, потому что Посланник Аллаха велел мне это сделать». У Абдуль-Кадира было 49 детей, среди которых 27 были мальчиками, а остальные - девочками. Особенно выделялся его сын Абдуль-Ваххаб, который изучал фикх под руководством отца и стал выдающимся ученым. В возрасте чуть более двадцати лет он начал преподавать в медресе отца, где ранее был заместителем. Абдуль-Ваххаб был не только блестящим факихом, но и красноречивым, остроумным человеком. Среди других детей шейха были Иса, Абдуль-Азиз, Абдур-Разак, Абдуль-Джаббар, Абдуллах, Мухаммад, Ибрахим и Яхья. У Абдуль-Кадира также было много внуков и правнуков, многие из которых стали учеными. Потомки шейха до сих пор известны как выдающиеся представители науки [2, с. 19].

Биография Абдуль Кадира полна деталей, но не объясняет, почему он не стал главным шейхом и не основал тарикат кадирия при жизни. Особенно удивительно, что тарикат кадирия появился значительно позже и получил его имя. Это исключение из правила: обычно в истории создания тарикатов тасаввуфа участвовали известные шейхи, чьи имена впоследствии ассоциировались с этими тарикатами.

Имя Абдуль-Кадира окружено множеством легенд, возникших еще при его жизни и значительно умножившихся после смерти. Трудно понять, почему именно он, среди сотен святых того времени, смог пережить века и стать вдохновителем миллионов, защитником и покровителем страждущих. Многие верующие поклонялись ему, что вызывало осуждение ортодоксов, хотя сам он был суровым последователем ханбалитского мазхаба и никогда не стремился к такой славе. Он был великим проповедником, но известность ему принесли не его проповеди [7, с. 37].

Суфизм Абдул-Кадира остается загадкой. Нет подтверждений, что он был суфием или добавил что-то новое к этому учению. Возможно, его популярность использовали те, кто хотел приобщить обычных людей к суфийским идеям. Абдул-Кадир родился в Джилане, где господствовал ханбализм. В Багдаде он изучал юридические науки, но отказался от обучения в известной мадра-

се "Низамие". Там суфий Ахмад ал-Газали стал преемником своего брата и возглавил школу фикха. Он получил хирку от факиха-ханбалита Абу Сада Али аль-Мухаррими «по приказу аль-Хадира». Однако нет сведений о его суфийском обучении до того, как он начал посещать школу Абу аль-Хайра Хаммада ад-Даббаса (ум. 525/1131). Это вызвало недовольство других учеников, которые были против присутствия ханбалита. После этого он около двадцати пяти лет вел аскетическую жизнь, путешествуя по пустыням Ирака [Там же, с. 38].

Только в 521/1127 году, когда ему было за пятьдесят, он стал известен в Багдаде как популярный проповедник. Его слава быстро росла, но он оставался ханбалитским проповедником, а не суфийским. Он не одевался как суфий и не заявлял о создании собственного пути мистического познания. Для него было построено медресе с рибатом, где он жил со своей семьей и учениками. Однако нет доказательств, что он кого-то наставлял или посвящал в мистический путь. Суфии связывают себя не только с Абд аль-Кадиром аль-Джилани, но и с такими выдающимися личностями, как Ахмад аль-Газали, Абу Наджиб ас-Сухраварди и Абу Юсуф аль-Хамадани. Таки ад-Дин аль-Васити писал о нем: «Абдул-Кадир прославился при жизни своими проповедями и лекциями, но он никогда не занимался хиркатом ат-тасаввуф. Однако после его смерти люди получили его хирку, которая распространилась по горам и долинам благодаря его благословению». Из девяти детей Абдул-Кадира только двое - Абд ар-Раззак (1133–1207) и Абд аль-Азиз (ум. 1205) - отказались от светской карьеры. Они с рвением и искренностью продолжили дело отца. Им помогали благочестивые соратники [8, с.127].

Подлинность силсила Абдул-Кадира сомнительна, и вне кадиритских генеалогий его имя редко упоминается, например, в «Салсабиле» ас-Сануси. Тарикат, основанный на его имени, дал миру нескольких знаменитых суфиев и известных сочинений. Аврады, изложение вероучения и другие материалы в кадиритских наставлениях по большей части заимствованы. Поздние последователи приписали Абд аль-Кадиру создание особого мистического учения, хотя он вряд ли мог его проповедовать. Восторженные кадириты могли приписать своему учителю чудеса и другие невероятные поступки, например авторство божественного вопросника «Ал-гавсийа» или «Ал-миъраджийа». Тем не менее, он был автором около 50 книг, наиболее известными из которых являются «Аль-Кунья», «Аль-Фатх ар-Раб-бани» и «Футух аль-Кайб» [7, с.38].

Кадиритские центры существовали в Ираке и Сирии с 1300 года, но широкое распространение они получили только в XV веке. Со временем были разработаны правила, методика обучения и обряды. Некоторые шейхи посвящали своих учеников от имени Абдул-Кадира, чья слава как ходатая перед Богом росла. В Ираке сохранилась местная багдадская таифа с мечетью над могилой Абдул-Кадира. Она неоднократно разрушалась, пока Османское правительство не восстановило ее. Позднее кадиритское учение распространилось среди курдов. Несмотря на популярность Абдул-Кадира как святого, его тарикат не был широко известен. Кадирия распространялась как «путь» мистического познания через таифы[7, с.41].

В Дамаске в начале XV века была основана первая завийя кадирия (даудийа). В Египте этот тарикат не был знаменит, а в Индии оформился только с появлением Мухаммада Гавса (ум. 1517), утверждавшего, что происходит от Абдул-Кадира. Однако даже после этого тарикат не стал популярным в Индии. Около 1550 года кадиритский тарикат через его последователя Таджаддина ал-Бахари ал-Багдади попал в государство Фундж обоих Нилов. Во время нашествия тюрок в Малую Азию кадирийа не была представлена среди множества дервишей, но проникла в Стамбул благодаря Исмаилу Руми (ум. 1631 или 1643), основателю ханаки в Топ-хане. Его называли Пир Сани (второй учитель), так как он первым распространил учение в этом районе, основав 40 или 48 текке[8, с.128].

Таким образом, активное распространение кадирии началось в XIV веке. Первые общины появились в Ираке и Сирии, затем в Йемене. В XVIII веке тарикат достиг Индонезии, а к XX веку - полуострова Малакка. В XV веке обители кадирии возникли в Ливане, Палестине, Египте и Хиджазе. В XVI веке — в Магрибе и Черной Африке (современные Судан, Сенегал, Гвинея, Нигер).

Культурное наследие кадирийского тариката велико. Оно охватывает не только мусульманский мир, но и многие страны Европы и Азии, где живет множество мусульман. До нас дошли тысячи книг и рукописи по истории и культуре ислама, которые написаны последователями этого тариката. Очень интересны труды по философии, теологии, теософии и фикха в исламе. Рационалистическая школа Джунайда стала основой этого тариката. Биография Абдуль Кадира полна трудностей и загадок. Его непростая жизнь стала образцом праведного суфийского шейха и основой для возникновения тариката кадирия. Этот тарикат популярен среди мусульман как в период возникновения первых суфийских орденов, так и сегодня. Путь познания Бога и достижения истины в тарикате кадирия сложен, но достижим. Это награда, которую испытал в своей жизни шейх Абдуль Кадир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобохонов Р.С. Духовный путь накшбандия: от Центральной Азии до Африки// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». №12/2, 2023, с.12-17. DOI 10.37882/2223–2982.2023.12–2.05.
2. Бобохонов Р.С. Суфийские тарикаты в Тропической Африке. История и современность// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». №12/2, 2023, с.18-24. - DOI 10.37882/2223–2982.2023.12–2.06.
3. Бобохонов Р.С. Духовный путь суфийских тарикатов: от Азии до Африки//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". 2025 №6. С. 11–17.
4. Ализаде А.А. Кадири // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007.
5. Мухаммад Рахбани. Шейх Абдуль-Кадир аль-Джиляни//Даруль-фикр. URL: https://darulfikr.ru/articles/shejh-abdul-kadir-al-dzhiljani/. (Дата обращения 09.06.2025 г.).
6. Акунов В.В. Суфийский орден Кадирийа (Кадырия) // Военно-духовные ордена Востока / Редактор: Залесская М. К. — М.: Вече, 2012.
7. Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. А.А. Ставиской, под редакцией и с предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. - 328 с.
8. Акимушкин О.Ф. ал-Кāдӣрийа // Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. — М.: Наука, ГРВЛ, 1991. — С. 126—127.

© Бобохонов Рахимбек Сархадбекович (rahimbobokhonov@yandex.ru), Васильев Сергей Дмитриевич.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

3DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.17

ПРАКТИКИ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ ПОМЕЩИКОВ НА МИКРОУРОВНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗНАМЕНСКОГО ИМЕНИЯ СЕМЬИ СТРОГАНОВЫХ)[1]

ADMINISTRATIVE PRACTICES AND MODERNIZATION OF THE ECONOMIC ACTIVITY OF LANDLORDS AT THE MICRO LEVEL (BASED ON THE MATERIALS OF THE ZNAMENSKY ESTATE OF THE STROGANOV FAMILY)[2]

R. Zhitin
A. Topilsky
M. Oblitsov

Summary: The article describes the administration and modernization of the economic activity of landowners based on the materials of the Znamensky estate of the Stroganov family. It is shown that the restructuring of the estate was related to the owner's desire to have a profitable complex and relied on developed forms of administration.

Keywords: Russian Empire, landowners, peasants, large land ownership, Tambov province.

Житин Руслан Магометович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
istorik08.mail.ru
Топильский Алексей Геннадьевич
Кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
a-topil@yandex.ru
Облицов Максим Анатольевич
Кандидат исторических наук, старший преподаватель, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Mr.MaximOblitsov@mail.ru

Аннотация: В статье охарактеризовано администрирование и модернизация хозяйственной активности помещиков по материалам Знаменского имения семьи Строгановых. Показано, что перестройка имения была связана с желанием владельца иметь доходный комплекс и опиралась на развитые формы администрирования.

Ключевые слова: Российская империя, помещики, крестьяне, крупное землевладение, Тамбовская губерния.

Материалы и методы

Знаменское имение семьи Строгановых – одно из самых крупных земельных владений Тамбовской губернии. К концу XIX века общая площадь латифундии составляла более чем 17 тыс. дес. [1, с. 1]. Особенности развития имения отражают мучительный путь социальной и экономической адаптации помещичьего хозяйства к вызовам пореформенного времени. Обладая значительным количеством лесных, пахотных и сенокосных угодий, Строгановы вплоть до 1890-х гг. содержали земли поместья в арендном пользовании и только с ростом хлебной конъюнктуры начали самостоятельную хозяйственную деятельность. За небольшой срок помещики смогли добиться положительных изменений, сочетая крупные размеры полеводства со значительным животноводческим комплексом, мельничным и речным хозяйством. Вместе с трансформацией экономики владения происходили существенные изменения жизни местных работников. Изучение этих процессов представляет значительный интерес как в плане выявления особенностей модернизации экономии крупного помещика, так и с точки зрения анализа достигнутых результатов.

Результаты исследования

Владелец имения Павел Сергеевич Строганов принадлежал к известнейшему дворянскому роду России. Представители этого семейства были в числе крупнейших общественных деятелей, находились на ключевых должностях на государственной и придворной службе. Так, отец Павла Сергеевича Сергей Григорьевич Строганов в 1859–1860 гг. занимал пост московского генерал-губернатора [2, с. 695-698], его дядя Александр Григорьевич Строганов являлся министром внутренних дел (1839-1841 гг.), исполнял обязанности члена Государ-

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01520, https://rscf.ru/project/24-28-01520/
2 The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01520, https://rscf.ru/project/24-28-01520/

ственного совета (с 1849 г.). Сам Павел Петрович Строганов был тайным советником и гофмейстером (с 1888 г.); обер-шенком монаршего двора [3, с. 121].

Как и значительная часть дворянской аристократии России, в пореформенное время Строгановы не только сохранили, но и приумножили свои земельные богатства. Крупнейшим собственником рода являлся П. С. Строганов. Комплекс его владений состоял из родовых имений при деревне Осаново Тульской губернии (853 дес.), Знаменского имения в Тамбовской губернии (23952 дес.) и поместий, перешедших к нему благодаря женитьбе на Анне Дмитриевне (урождённой Бутурлиной): Хотень Харьковской губернии (14938 дес.), Екатерининское Таврической губернии (7430 дес.), Петровское Екатерининской губернии (5910 дес.) [4, с. 45].

Усадьба в Тамбовской губернии перешла в собственность Строгановых ещё в 1851 году по завещанию от графини Софии Ивановны де Местр. Новый владелец С.Г. Строганов выплатил все долги по поместью, однако широкой хозяйственной деятельности не вёл. В 1859 году усадьба была отдана «в вечное и потомственное пользование» Павлу Сергеевичу. При нём был отремонтирован двухэтажный барский дом, возведено каменное ограждение усадьбы, благоустроен пришедший в запустение парк [5].

В начале XX века Тамбовские губернские ведомости сообщали: «Парк, прекрасные липовые аллеи, шоссейная дорога вплоть до графских построек, которые напоминают собой небольшой, но очень чистый городок, сияющий белизной… Переездные мосты находятся в прекрасном состоянии и их толстые прочные перила окрашены белой краской» [6].

Активное экономическое развитие имения началось только в конце 80-х гг. XIX века. До этого времени более 70 % поместья было в аренде. (таблица 1). Все земли отдавался по долгосрочным контрактам местным купцам и крестьянам на срок до 12 лет [7, с. 196]. Раздачи приносили в бюджет Строгановым дополнительные 98799 руб. – досрочно внушительную сумму на фоне практически убыточного полеводства.

В 1891 году помещик продаёт крестьянам 6726 дес. земли. Если учесть среднюю стоимость десятины на этот период (106 руб.), то владелец получил за эту операцию не менее 710 тыс. руб.

С этого времени поместье стало расширять свою хозяйственную деятельность. Существенно уменьшилось значение аренды в структуре владельческого полеводства (таблица 1), расширена отраслевая специализация. К концу XIX века в Знаменском-Кореане находились конюшни, рысистый завод, скотная и птичная фермы, оранжереи, мастерская, речное и прудовое хозяйство.

Постепенно администрация начала внедрять более продуктивные севообороты. Практиковавшаяся десятиполка с обильным посевом трав оказалась неудовлетворительной. Поля засорялись дикорастущим пыреем, который требовал особых затрат для его уничтожения. Было решено испытать два многопольных цикла без травосеяния [1, с. 10]. Одновременно происходила специализация по выделке тяжеловесного зерна. В 1893 году за качество семенного материала хозяйству были присуждены дипломы на всемирной выставке в Чикаго, три бронзовых медали от русских выставок [1, с. 19].

Естественно, что эффективное управление обширным комплексом требовало развитых методов администрирования. К 1890-м гг. такая система была полностью сформирована. Поместье состояло из девяти частей (хуторов), подчинявшихся главной конторе в Знаменском-Кореане. Каждый из хуторов находился в ведении отдельного сотрудника, компетентного для работы на своём участке. Вместе с вотчинной конторой в большом административном штате имения трудилось более 50 человек [1, с. 2–3]. Еженедельно все заведующие хуторами проводили общие производственные совещания. Такая схема служила лучшей хозяйственной управляемости латифундиального хозяйства.

Особенностью сформированной модели было делегирование управляющему имением только части полномочий. Так как большую часть лета Строганов П.С. проводил в поместье, то в его непосредственном ведении находились конный завод, садовое и лесное хозяйство. Управляющий заведовал хуторской и административной частями.

Таблица 1.

Аренда земли в имении Строгановых Категория земель.

	1887 г.			1896 г.		
	Всего земли (дес.)	Аренда (дес.)	% аренд. земель	Всего земли (дес.)	Аренда (дес.)	% аренд. земель
Пашня	15227	11743	77	10152	4771	47
Остальные	8725	5249	60	7074	3343	47
Всего	23952	16992	71	17226	8114	47

Вся документация по линии вотчинной конторы строго регламентировалась. Основная бухгалтерия велась в Знаменском-Кореане. По принятому в имении порядку счетоводство подчинялось текущим хозяйственным задачам развития экономии [1, ч. 4]. В имении действовали отдельные требования для составления кассовых книг, книг хлебных амбаров, полеводства и лесоводства, счетов по сдаче земли в аренду, обороту инвентаря, припасов, корма. Правильный учёт рабочих и служащих владения обеспечивали расчётные и чековые книги, счета отрядных работников с прописанными условиями найма. 84

Деятельность всей администрации определялась планом ведения хозяйства, который составлялся на год и утверждался П.С. Строгановым. Согласно заведённым требованиям в план входили: 1) хозяйственное распределение земли; 2) ремонт строений и орудий, их постройка, покупка материалов; 3) предложения о продаже продукции; 4) денежная роспись дохода и расхода экономии [1, с. 5].

Социальное обеспечение служащих имения для своего времени было достаточно высоким. Ежегодно на содержание администрации тратилось более 13 тыс. рублей [7]. Как и в большинстве частных имений России, работники графа П.С. Строганова состояли на так называемом экономическим продовольствии, то есть часть заработной платы они получали продуктами. На каждого человека в день приходилось 2 фунта ржаной муки, 1 фунт пшена, 1/10 фунта сала. В дополнение к этому давались овощи с владельческого огорода, а в праздничные дни – рыба, мука пшеничная, чай, сахар [1, с. 4].

Особый интерес представляет вопрос о характере найма рабочей силы в имение. Практические все хозяйственные задачи выполнялись отрядами и инвентарём рабочих. В поместье трудились жители окрестных сёл и деревень, привлечение подёнщиков из других регионов не практиковалось. По достаточно распространенной системе расчёта выплата заработной платы производилась путем выдачи ярлыков, затем менявшихся на деньги в центральной конторе поместья.

С целью снижения затрат на рабочую силу владельцы использовали «зимнюю наёмку». Договоры с артелями заключались осенью, причём помещик выдавал работникам деньги вперёд. Применение такой формы оплаты, с одной стороны, свидетельствовало о незначительном материальном положении окрестного крестьянства (из-за нужды вынужденного соглашаться на невысокую оплату своего труда), с другой, подчеркивает низкий уровень капиталистического развития владельческого хозяйства, слабо использующего труд свободных работников.

Качественные практики администрирования сыграли большую роль в деле модернизации имения. Работой помещика было создание развитого полеводческого сектора. Рационализация культуры хлебов и сенокошения способствовало постоянные удобрение почвы. Его системное использование началось в 1887 году и обеспечивалось собственным скотом. Вывозка навоза на поля начинался в конце апреля «на заранее приготовленном поле» в количестве 150 возов на хозяйственную десятину. Вспашка удобренного пара на¬чинается с 1 мая «трехконными плугами или плугами Рансома на 4–6 быках». Стандартно, плуг работал на глубине 3,5–4 вершков, при чем после завершения операций «поле лежало в покое до начала июня» [1, с. 9].

Отдельной направлением работы администрация являлось управление процессом механизации. Имение было хорошо обеспечено техникой. Посевы ржи и озимой пшеницы осуществлялся с помощью «сеялок Эккерта» (9 -10 пуд. на десятину), для заделки семян использовались специальные катки катки, а молотьба производилась при помощи локомобилей (коломенский завод). Кроме того, для скирдования солома в имении находились соломоподъемники, для обработки семян помещики пользовался конной швырялк-брызг и механической сортировкой [1, с. 14-16].

Процессы механизацией Знаменского имения семьи Строгановых имело свои особенности. Наибольшая часть машин поступали в те части полеводства, которые требовали определенной квалификации и кадровой подготовки работников. В то же время простые операции выполнялись при помощи дешевого ручного труда. Так, например, наиболее трудоемкая сфера производства Строгановых – уборка посевов – производилась руками окрестных крестьян. Даже в конце XIX века знаменские рабочие трудились косами. Причем в существующем описании имения это преподносится как «достижение», ведь в 1880-х гг. здесь использовали серпы [1, с. 12]. Первоначальные попытки внедрения в хозяйственную практику машин-жнеек были нецелесообразны из-за дешевизны местной рабочей силе.

Выводы

Таким образом, в конце XIX века Знаменская латифундия Строгановых только вступила на путь капиталистического развития. Перестройка имения была связана с желанием владельца иметь доходный комплекс и опиралась на развитые формы администрирования. Местные работники были включены в сложную систему управления поместья и имели специфические обязанности на каждом уровне служебной иерархии. Деление имения на отдельные участки, детальность регламентации должностных обязанностей работников позволяли эффективно управлять обширной собственностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самодуров И. Краткое описание имения графа П. Строганова Тамбовской губернии и уезда, при с. Знаменском Кариане [Текст] / И. Самодуров. – Москва: Типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1896. – 19 с.
2. Императорский Московский университет: 1755–1917 [Текст]: энциклопедический словарь / А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 894 с.
3. Граф Строганов Павел Сергеевич [Текст] // Список гражданским чинам первых трёх классов. Исправлен по 1 октября 1894 года. – Санкт-Петербург: Типография Правительствующего сената, 1894. – С. 121.
4. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. [Текст]: землевладение, землепользование, система хозяйства / Л.П. Минарик. – Москва: Совет. Россия, 1971. – 142 с.
5. Кученкова В.А. Строгановы [Текст] / В.А. Кученкова. – Тамбов: Компьютер. центр, 1999. – 37 с.
6. Имения Знаменка (Тамбовская губерния) // Пространственное представление и трёхмерная реконструкция дворянских усадеб средней полосы России периода XVIII — начала XX в. как средство изучения, сохранения и восстановления памятников истории, природы и культуры: офиц., некоммер. сайт. — [Россия и др.], 2012. — (Имения Знаменка). — Электрон. данные. — Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/usadba3 d/?q=node/12, свободный. — Загл. с экрана. – Яз. рус. — Просм. 30.07.2025
7. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии [Текст] / предисл.: Н. Романова. – В 24 т. – Т. 19: частное землевладение Тамбовского уезда. – Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1894. – 405 с.

© Житин Руслан Магометович (istorik08.mail.ru), Топильский Алексей Геннадьевич (a-topil@yandex.ru),
Облицов Максим Анатольевич (Mr.MaximOblitsov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.18

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАСТЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОБЛАСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРИРОДООХРАНЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА[1]

ACTIVITIES OF THE AUTHORITIES AND THE PUBLIC OF TAMBOV PROVINCE IN THE FIELD OF NATURE MANAGEMENT AND ENVIRONMENTAL PROTECTION IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY[2]

R. Zhitin
A. Topilsky

Summary: The article describes the state and social influence on the agricultural activities of landlords. It is established that the authorities sought to find new mechanisms for interaction between the state and society, to increase the responsibility of economic entities in the process of modernization. It is noted that targeted loans played a significant role in landowner rationalization.

Keywords: Russian Empire, landowners, peasants, large land ownership, Tambov province.

Житин Руслан Магометович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
istorik08.mail.ru
Топильский Алексей Геннадьевич
Кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
a-topil@yandex.ru

Аннотация: В статье охарактеризовано государственное и общественное влияние на сельскохозяйственную деятельность помещиков. Установлено, что власти стремились найти новые механизмы взаимодействия государства и общества, повысить ответственность субъектов экономической деятельности в процессе модернизации. Отмечается, что значительную роль в деле помещичьей рационализации играли целевые кредиты.

Ключевые слова: Российская империя, помещики, крестьяне, крупное землевладение, Тамбовская губерния.

Актуальность

Бурное развитие промышленности и модернизация аграрного сектора России в пореформенное время обусловили усиленную антропогенную нагрузку на природные ресурсы [1]. Внедрение в экономическую практику новых технологий, развитие отраслевой специализации, активный рост центров производства и индустрии делал чрезвычайно актуальным вопросы эффективного природопользования. И хотя идеи рационализации экономической деятельности первоначально развивались в академической среде российских ученых (Д.И. Менделеев, В.В. Докучаев), рост экономических проблем вызывало все большее беспокойство как в общественной, так и властной среде [38, с. 333]. Во второй половине XIX века в стране было основано 8 общероссийских и 241 региональных общества, в той или иной мере затрагивающих вопросы природопользования и эффективного эксплуатации лесных и земельных ресурсов [3, с. 57–81]. В поддержку общественных начинаний власти совершенствовали формы поддержки помещиков, постепенно внедряли новые формы рационализации экономической деятельности на местном, региональном и общероссийском уровнях [15].

Результаты исследования

В 1894 году на базе Министерства государственных имуществ было образовано Министерство земледелия и государственных имуществ [37]. Новый орган должен был выполнять широкий спектр задач: «1) попечение о распространении и усовершенствовании земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства, 2) попечение о развитии кустарных промыслов сельского населения, 3) распоряжение капиталами для поощрения сельской промышленности, 4) заведование рыбными и звериными промыслами, 5) содействие торговле продуктами сельскохозяйственной промышленности и 6) заведование сельскохозяйственными учебными заведениями, опытными станциями, фермами, казенными

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01520, https://rscf.ru/project/24-28-01520/
2 The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01520, https://rscf.ru/project/24-28-01520/

садами и т. п.» [35, с. 134].

Важнейшей частью работы Министерство земледелия и государственных имуществ стала организация новых практических школ по сельскому хозяйству и решение проблемы дефицита и качественной низшие сельскохозяйственных кадров. Если в 1888 году в стране насчитывалось только 43 профильных школы (2713 учеников), то в 1898 году их количество увеличилось до 133 (5730 учеников). К 1902 году в разных регионах страны было образовано еще 67 школ (действовало 200 организаций), а общее количество обучающихся превысило 8000 человек [4, с. 626]. Положительный рост как в отношении студентов, так и в отношении школьных организаций свидетельствовал об интересе населения к низшему аграрному образованию. По данным Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики, до 58% выпускников новых учебных завладений успешно находили себя в профессии [4, с. 627].

Активнее всего создание новых практических школ поддерживали крупные помещики-рационализаторы, заинтересованные в создание широкого рынка профессиональных сельскохозяйственных рабочих. В ряде случаев они даже были инициаторами собственных учебных заведений. В 1875 г. шебекенскими помещиками А.А. и Н.А. Ребиндерами (Курская губерния), была основана Марьинская сельскохозяйственная школа, которая готовила квалифицированных служащих в сфере аграрного производства. Собственную школу молочного хозяйства создал в селе Едимонове Тверская губернии знаменитый масло и сыродел Н.В. Верещагин (1871 г.) [2]. В 1911 г. на хуторе Хвощинском Тамбовской губернии (имение П.А. Хвощинского) Хмелевской волости Козловского уезда стало действовать сельскохозяйственное училище, готовившее специалистов самого широкого профиля [24, с. 105].

Не меньшее внимание Министерство земледелия и государственных имуществ уделяло высшему сельскохозяйственному образованию. В 1894 г. на базе Петровской земледельческой и лесной академии был создан сельскохозяйственный институт с сельскохозяйственным и сельскохозяйственно-инженерным отделениями [14]. Перед учреждением ставилась задача «доставлять учащимся в нем высшее образование по сельскому хозяйству и по сельскохозяйственному инженерному искусству» [16, с. 959]. Несмотря на узкосословный характер обучения, Институт быстро превратился в главную кузницу аграрных специалистов России.

Большое значение в деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ занимала природоохрана. Министерство работало над ужесточением условий соблюдения «Положения о сбережении лесов» 4 апреля 1888 года. Действие этого закона распространялось на Костромскую, Ярославскую, Уфимскую губернии, вводилась судебная ответственность за нарушение правил «сплошных порубок, расчистки и пастьбы скота в лесах» [22, с. 190]

Для повышения качества агрономии в разных губерниях страны Министерство земледелия и государственных имуществ ввело должность уполномоченных по сельскохозяйственной части (1899 год) [17, с. 309]. Фактически они выполняли роль посредника между государством и обществом, оперативно доносили до крестьян и частных владельцев изменения действующего законодательства. При этом институт уполномоченных (позднее инспектора по сельскому хозяйству) был тесно связан с земством, как важнейшим элементом агрономического развития регионов. Благодаря открытости и общественной вовлеченности, новые специалисты смогли добиться высоких результатов профессиональной деятельности.

В разное время должность уполномоченных по сельскохозяйственной части Тамбовской губернии занимали В.Н. Дьяков, С.Л. Тейтель, М.М. Марфин [8]. Они были тесно связаны с местными специалисты в области земледелия, пчеловодства, молочного хозяйства, садоводства. Через широкую земскую сеть Тамбовщины уполномоченными были собраны богатые сведения о состоянии аграрного производства, образовательных нуждах губернии. Тесная связь с крестьянскими и помещичьими хозяйствами позволила открыть новые школы в Борисоглебском, Моршанском, Шацком уездах, активизировать работы Тамбовского сельскохозяйственного общества и устраивать показательные выставки достижений тамбовских аграриев и аукционы племенного скота [13].

Модернизация тамбовских помещичьих хозяйств и освоение новых отраслей производства вызвали потребность в новых кадрах квалифицированных специалистов. В 1894 г. в структуре Тамбовской губернской управы появилась специальная должность агронома, который был ответственен за политику сфере природоохраны, систематизировал отчеты уездных специалистов и направлял их деятельность [5, с. 136]. Одновременно была создана должность лесных ревизоров, которые осуществляли общий надзор за лесным делом в крае. С первых дней создания нового органа его руководителем был назначен Н.Г. Пономарев [6, с. 338]. С целью «технического вспоможения развития частного лесного хозяйства» он фактически курировал помещичье лесоразведение в регионе. В порядке, «указанном особою инструкциею» Николай Григорьевич «осматривал принадлежащие владельцам лесные дачи, давал советы по лесному хозяйству, а также руководил разного рода лесными по этим дачам работами» [27, с. 154]. Деятельность лесных ревизоров вносила существенный вклад в рационализацию лесоразведения в Тамбовской губернии.

Партнерский характер взаимоотношений власти и общества отражали меры по борьбе с эпизоотиями. В начале XX века одной из самых страшных болезней рогатого скота в России («бич сельского хозяйства страны») являлась чума рогатого скота. Только за 1885 г. в 36 губерниях страны пало или было убито более 299000 годов [28, с. 54]. В целях сокращения последствий бедствия правительство ввело серию ограничительных законов. 11 мая 1882 г. было принято постановление «Об обязательной перевозке рогатого скота по железным дорогами» [7], еще до этого 3 июня 1879 г. появилось распоряжение «О мерах убивания зачумленных и подозрительных в зачумлении животных из местного рогатого скота» [26, с. 474–475]. Данные законы предусматривали обязательные меры по убою зараженных животных, ограничивали право свободный транспортировки животных по грунтовым трактам, вводили строжайшим ветеринарный надзор в районах появления эпизоотий. При этом в случае принудительного забоя владельцам убитых животных полагалась компенсация.

Особенно тяжелое положение в губернии сложилось в 1881 году, когда чума крупного рогатого скота бушевала в большинстве уездов Тамбовской губернии. Тогда в районы бедствия были направлены ветеринарные врачи и фельдшеры, на местах открывались специальные курсы по борьбе с заразными болезнями скота. Власти приступили к принудительному забою больных животных. За быка тамбовский помещик мог получить до 40 рублей, корова оценивалась в 20 рублей [23, с. 1]. При этом, судя по всему, забивали не только больную, но и вполне здоровую скотину, что вызывало гнев у помещиков.

Постоянная угроза развития чумной эпизоотии стимулировала научные исследования в области иммунизации животных. В 1895 году в Институте экспериментальной медицины под руководством профессора М.В. Ненцкого был открыт симультанный метод прививания чумного скота [31, с. 130]. Во многом это позволило ограничить распространение эпизоотии. При этом помещики, владевшие наиболее крупными и ценными поголовьем, одними из первых массово перешли к прививкам против чумы (прививки делались в имении Матчерка семьи Пашковых, Ново-Покровском поместье Орловых-Давыдовых). В результате активных и своевременных действий после 1895 г. чумной эпизоотии в Тамбовской губернии уже не фиксировалось [18, с. 67].

С начала XX века большую опасность для тамбовского животноводства стала представлять сибирская язва. Ее быстрое распространение в крае было обусловлено общим дефицитом вакцины из Харьковского ветеринарного института [21, с. 97]. Только с 1901 года благодаря работе Тамбовской губернской земской бактериологической станции проблема была решена. При активной поддержке земцев на всей территории региона «была организована бесплатная подача помощи спорадическим больным животным, устроена бактериологической станции и начаты бесплатная сибироязвенные прививки домашним животным». Одновременно специалисты устраивали популярные чтения беседы с населением, ужесточался надзор за торговлей скотом [21, с. 97]. Массовая вакцинация животных практиковалась также в наиболее крупных тамбовских поместьях. Известно о прививках скота в имениях Петрово-Соловово, Сатиных, Строгановых, Мартыновой. Так, в Каменском поместье Фроловых в 1902 году было провакцинировано свыше 90 лошадей, 240 голов крупного рогатого скота, 1550 овец [32, с. 5]. Отмечалась, что смертность после вакцинации практически не фиксировалась.

С целью поощрения наиболее талантливых управляющих властные органы включали их в списки почетных или потомственно почетных граждан. Так, по данным 1882 г., этой наградой был удостоен управляющий Моршанского имением семьи Оболенской Г.С. Кононучук. («за труды по сельскому хозяйству в течение не менее 16 лет») и глава вотчинной конторы имения Андреевских В.В. Коченков [29]. Одновременно лучшие работники поощрялись грамотами Министерства земледелии и государственных имуществ. Среди тамбовских специалистов были отмечены А. Каменев (управляющие Гавриловской экономией Сатиных) [30], А. Ролофс (управляющий Отормского поместья Атрыганьевых), П. Бакунин (бухгалтера и кассира Ивановского поместья Г.М. Лейхтенбергского) [9], В.Горбунов (управляющий имением кн. Н.Н. Чолокаева Черкино) [10]. Инициаторами награждения в данных случаях были сами владельцы поместий, высоко оценивающие профессионализм и преданность своих починенных.

Значительную роль в деле помещичьей рационализации играл правительственный мелиоративный кредит [19, с. 37]. С его помощью владельцы могли производить работ по осушению (дренаж) болотистых участков, орошению, регулированию рек, облесению, укреплению оврагов. При этом запрещалось выдавать средства тем помещикам, которые преследовали цели «улучшения сельского хозяйства, но не сопровождали дело изменениями естественных условий». Детальные правила выдачи мелиоративных кредитов регулировали «Временные правила о ссудах на сельскохозяйственные улучшения» (1896 г.).

В условиях модернизации аграрного сектора Тамбовской губернии и развития в регионе крупных многоотраслевых хозяйств возрастала роль информационной работы государственных служб. Как отмечалось в записках Министерство земледелия и государственных имуществ, сбор статистики о «передовых поместьях страны» давал «наглядные примеры того, в каком направлении

может быть улучшено сельское хозяйство в данном районе» [25, с. 1].

Впервые Министерство земледелия и государственных имуществ приступило к сбору региональных данных о передовых помещичьих имениях страны в 1898 г. Итогом этой работы стали «Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах», в которых были обобщены сведения о 560 экономиях в 46 губерниях Европейской России. Общая площадь обследованной специалистами территории составила 2,8 млн десятин земли [20, с. 3]. Среди тамбовских поместий был изучен опыт более 30 владельцев. Повторный сбор сведений Министерство земледелия провело уже в 1899 г. В новом издании давалась информация о 483 имениях в 15 губерниях страны [20, с. 3]. Данные сборники позволили очертить общую картину модернизации поместий каждого региона, а также представить перспективы обмена опытом между рационализаторами аграрного сектора (продажа разнообразных улучшенных семян, деревьев, племенных животных и др.) [20, с. 3].

Кроме общих сборников отдельных имений, департамент земледелия выпускал описания высокоразвитых отраслей сельского хозяйства. Здесь можно указать на «Справочные сведения о плодовых питомниках и промышленных садовых заведениях Европейской России с приложением указателя промышленных садоводств, складов семян и садовых принадлежностей» (1910) [33]. Фактически это издание стало адресной книгой для обращений помещиков за необходимым посадочным и семенным материалом. Наличие данной книги в Ново-Покровском имении Орловых-Давыдовых, Матчеровском поместье семьи Пашковых говорит о практическом использовании ее материалов помещиками и управляющими.

Одновременно с «Справочными сведениями о плодовых питомниках» в Тамбовской губернии была известна брошюра А Флоренского «Артельные маслодельные заводы, как их устраивать и как вести в них дело» [36]. Данное издание было подготовлено при посредничестве уполномоченных по сельскохозяйственной части. Тамбовские владельцы получали эту брошюру совершенно бесплатно. Упоминание о ней можно найти в архивах Матчерской экономии Пашкова в Моршанском имении, Новотомниковского поместья Воронцова-Дашковы [11]. Кроме того, в 1912 г. департамент земледелия распространял через сельских уполномоченных актуальную информацию о производителях удобрений (суперфосфат, томас-шлак, костяная мука, туки и др.) [12]. Однако полноценной печатной версии этих материалов не осталось.

Выводы

Таким образом, ускоренное промышленное и аграрное развитие России конца XIX века способствовало формированию экологических и санитарных проблем. Реагируя на негативные последствия нерационального хозяйствования, власти стремились найти новые механизмы взаимодействия государства и общества, повысить ответственность субъектов экономической деятельности в процессе модернизации. При этом правительство системно и масштабно реагировало на возникающие риски: оно оказывало консультативную поддержку, формировало кадры менеджеров аграрного производства, субсидировало агротехнические и мелиоративные мероприятия. Предложенные меры позволяли предотвратить издержки форсированной модернизации, открыть путь более устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Г.Ю. Природоохранная и экологическая повестка в общественной жизни Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 68–74.
2. Барышников П. Верещагин Николай Васильевич: (К 120- летию со дня рождения) // Молочное и мясное животноводство. - 1959. - № 10. - С. 61–63.
3. Бейлин, И.Г. Очерк по истории лесных обществ дореволюционной России [Текст] / И.Г. Бейлин. М.: Гослесбумиздат, 1962. - 158 с.
4. Бруцкус Б.Д. Школы сельскохозяйственные // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. XXXIXа: Шенье — Шуйский монастырь. Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1903. С. 626—633.
5. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4 т. Т.2 Санкт-Петербург: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. 711 с.
6. Вся Россия: русская книга для промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Т. 2. Адрес-календарь Российской Империи. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1897. 343 с.
7. ГАТО Ф. 4. Оп.1. Д.3834. Л.280.
8. ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 169. Л. 8
9. ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 9. Л. 205.
10. ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 9. Лл. 220, 236
11. ГАТО. Ф. 51. Оп.1. Д. 131. Л. 17.
12. ГАТО. Ф. 51. Оп.1Д.252. Л.67

13. Житин Р.М., Топильский А.Г. Деятельность Тамбовского сельскохозяйственного общества в области рационализации аграрного производства (1902–1914 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 2. С. 505–514.
14. Змеев В.А., Зайцева Н.Л. Петровская академия // Высшее образование в России 2004. № 7, с. 145–149.
15. Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Восприятие государственной властью эколого-демографических проблем развития аграрного общества во второй половине XIX - начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8 (100). С. 273–283.
16. Клюсс Г.А. Московский сельскохозяйственный институт // // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. XIXa : Михаила орден — Московский Телеграф. Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1896. С. 959–960.
17. Книга М.Д. Первые шаги Министерства земледелия и государственных имуществ в сфере сельскохозяйственного просвещения в Российской империи в 90-х годах XIX века // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2015. № 4(47). С. 308–313.
18. Колганова О.А. История развития ветеринарии в России. Краткий курс лекций/ Новосиб. гос. аграр. ун-т.- Новосибирск: НГАУ, 2018.- 130 с.
19. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. / А.П. Корелин; Отв. ред. В.И. Бовыкин; АН СССР, Ин-т истории СССР. - Москва: Наука, 1988. - 259,[2] с
20. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1. Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума, 1900. 476 с.
21. Краткий очерк ветеринарной организации в Тамбовской губернии и ее задачи // Сборник календарь Тамбовской губернии на 1903 год / издание Тамбовского губернского статистического комитета. Тамбов: типо-литогр. губ. правл., 1903. С. 95–115.
22. Лес // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. TXVIII: Лопари — Малолетние преступники. Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1896. С. 185–190.
23. Неофициальный отдел. Убивание зачумленного рогатого скота. Тамбовские губернские ведомости. № 50. 28 мая 1881 года / ред. М. Григоровский. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1881.4 с.
24. Околелов А.Ю., Микляева М.А. Некоторые аспекты агрообразования в Тамбовской губернии на рубеже XX-XIX столетий // 2022. Том 5 № 4. С. 100–105.
25. Описание отдельных русских хозяйств. Выпуск 1. Тульская губерния. Министерство земледелия и государственных имуществ. Департамент земледелия. СПб: тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 71 с.
26. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук в 12 т. – Т. 5 Санкт-Петербург: [Б. и.], 1901. 1280 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Санкт-Петербург: типография II Отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1881. – Т. 54. Отд. 1. 963 с.
28. Положение о сбережении лесов // Полное собрание законов Российской империи: собрание третье. Том VIII. - СПб.: Гос.тип., 1888. - С. 148–155.
29. Полферов Я.Я. Чума рогатого скота // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т т. XXXIX: Чугуев — Шен. Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 189. С. 52—54.
30. РГИА. Ф. 398. Оп. 46. Д. 15018. Л. 1об- 2 об
31. РГИА. Ф. 398. Оп. 64. Д. 85. Л. 21.
32. Саблин В.А., Лебедев С.А., Тимошина С.В. Эпизоотии и развитие животноводства в Вологодской губернии в конце XIX - начале XX века // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 130–137.
33. Сведения о ветеринарно-санитарном состоянии Тамбовской губернии за август месяц 1911 года [Текст]. – Тамбов: Тип. губернского земства, [1911]. – 43 с.: табл.
34. Справочные сведения о плодовых питомниках и промышленных садовых заведениях Европейской России с приложением указателя промышленных садоводств, складов семян и садовых принадлежностей заграницей / составил Б. Андреев. – Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1910. – [303] с.
35. Старченко Г. И. Подготовка кадров сельскохозяйственных рабочих в учебных заведениях Белгородчины (в конце XIX начале XX вв.) // Истоки. Вып.1. 1993. - С. 84–85.
36. Указ № 10457 от 21 марта 1894 г. «Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 21 марта 1894 г.» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 14. Отделение I. - СПб.: Типография II отделения СИВК, 1898. 1497 с
37. Флоренский А. Артельные маслодельные заводы, как их устраивать и как вести в них дело: Наставление для артелей / А. Флоренский; Г. У. З. и З. Деп. зем. - Санкт-Петербург: тип. п/ф. "Г.П. Пожаров", 1907. - 71 с
38. Харченко О.В. Создание и развитие Министерства земледелия и государственных имуществ в 1894 г. как особого центрального органа России по сельскохозяйственной промышленности и земледелию // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6(222). С. 74–76.
39. Цинцадзе Н.С. Законодательное обсуждение демографических и экологических аспектов аграрного кризиса в России на заседаниях Государственных Дум начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 5 (109). С. 333–338.

© Житин Руслан Магометович (istorik08.mail.ru), Топильский Алексей Геннадьевич (a-topil@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.19

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР: 1936–1937 ГГ.

CRISIS PHENOMENA IN THE TANK INDUSTRY OF THE USSR: 1936-1937

V. Zapariy

Summary: The article narrates the development of the Soviet tank industry in the 1930s and examines the underlying causes of the production crisis that led to a systemic reorganization of the industry and repeated leadership changes between 1936 and 1938. It highlights the key factors that negatively impacted tank production performance, including a shortage of skilled workers and technicians, difficulties in mastering tank armor and engines, and a reliance on rigid approaches to combat vehicle design. It concludes that the increased complexity of domestic tank designs during the Third Five-Year Plan, aimed at improving their technical reliability and combat capabilities, met with significant limitations of industry capabilities.

Keywords: tank industry, USSR, industrialization, five-year plan.

Запарий Василий Владимирович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
pantera.zap@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблемам становления и развития танковой промышленности СССР в 1930-е гг., в ней рассмотрены основные причины производственного кризиса, который привел к системной реорганизации отрасли и неоднократной смене ее руководства в 1936–1938 гг. Выделены основные причины, негативным образом повлиявшие на результативность танкового производства, такие как нехватка квалифицированных рабочих и технических кадров, сложности в освоении танковой брони и двигателей, а также приверженность традиционным подходам в конструировании боевых машин. Сделан вывод о том, что усложнение конструкций отечественных танков, произошедшая в ходе третьей пятилетке с целью повышения их технической надёжности и боевых возможностей, столкнулась с объективными огорчениями промышленности с точки зрения их реализации.

Ключевые слова: танковая промышленность, СССР, индустриализация, пятилетние планы.

Ускоренное строительство танковой промышленности СССР в годы Первой и Второй пятилеток происходило на основе активного заимствования и адаптации к местным условиям передового зарубежного инженерно-технологического опыта. Сам характер военного строительства начала 1930-х гг. можно охарактеризовать как чрезвычайный и мобилизационный, направленный на скорейшее насыщение войск большим количеством боевых бронированных машин и танков [5]. Уже в начальный период своего развития отечественная танковая промышленность столкнулась с большим количеством «болезней роста», которые тормозили количественный и, в первую очередь, качественный рост автобронетанковых войск Красной армии. Среди них: недостаток квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, современного промышленного оборудования, а также чрезмерное планирование со стороны партийно-государственного руководства (когда планы превышали физические возможности предприятий) [1, с. 66].

Общая логика развития танковой промышленности первой половины 1930-х гг. заключалась в создании для ее нужд обширной мобилизационной базы в мирное время, которая могла бы обеспечить резкий прирост выпуска танков военное время за счет привлечения гражданских машиностроительных предприятий с «автотракторной» технологией [1, с. 56–58]. В первой половине 1930-х гг. предпочтение отдавалось легким танкам и танкеткам (Т-26, «БТ», Т-37, Т-27), которые были слабо бронированы, но были относительно дешевы в производстве, что позволяло компенсировать этот недостаток за счет массовости применения. Средние (Т-28) и тяжелые (Т-35) машины начали массово выпускаться лишь в 1934–1936 гг., а их общий объем выпуска уступал легким. Масштабные учения РККА, проведенные в 1936 и 1937 гг. показали значительные проблемы с надежностью ходовой части, двигателей и систем связи у подавляющей части танков, изготовленных в годы первых пятилеток [4, с. 7–9]. Участие бронетанковой техники и добровольцев из СССР на стороне республиканцев в Испанской гражданской войне 1936–39 гг., выявило основные недостатки и уязвимости советской техники в боевых условиях.

В начале Третьей пятилетки танковой промышленности СССР была поставлена задача приступить к производству более надежных и совершенных конструкций боевых машин, которые должны были, одновременно находясь в логике текущих трендов развития отрасли, обеспечить заметное повышение своих боевых возможностей. Предполагалось увеличить выпуск инженерных машин на базе танков, а также разработать и внедрить в производство самоходных артиллерийских орудий (САУ). Однако, с этой задачей промышленность не справилась, и разразился производственный кризис, следствием чего стала волна судебных процессов по обвинению во вредительстве ее ключевых руководителей [3].

В качестве основных предпосылок формирования кризисных явлений в советском танкостроении середины 1930-х гг. можно выделить следующие:

1) Концентрация промышленности СССР на изготовлении преимущественно легкобронированной танковой техники на основании образцов, закупленных в Англии и США, но не нашедших поддержки в армейских кругах этих стран. Данные технические решения не являлись оптимальными, но были доступны к приобретению на рынке и против их передачи СССР не возражали правительства компаний-резидентов этих стран.
2) Популярность в среде высшего командного состава Красной армии таких паллиативных инженерно-технологических решений (популярных во второй половине 1920-х гг.), как колесно-гусеничный движитель танка и многобашенная схема размещения вооружения.
3) Отставание материально-технической базы броневого производства в СССР, которое выражалось в невозможности организовать массовый выпуск гетерогенной (цементированной и двухслойной) брони надлежавшего качества, чьи защитные характеристики были значительно выше, чем у гомогенной (однородной). Увлечение гетерогенной броней малой толщины (10–13 мм) было обусловлено представлением о том, что основной угрозой для танка на поле боя станут бронебойные винтовочные пули и снаряды малокалиберных пушек.
4) Длительная зависимость от поставок важнейших комплектующих для изготовления танков из-за рубежа (ферросплавы, подшипники, электрооборудование, и даже танковые двигатели), в особенности из тех стран, где закупались образцы для копирования.
5) Значительные трудности с освоением в производстве танковых двигателей, особенно большой мощности. В 1933 г. советское руководство принимает решение о постепенном переводе всех типов танков на дизельные двигатели [2, с. 28]. При этом разработка танкового дизеля большой мощности и налаживание его крупносерийного производства было для тех лет сложнейшей инженерной задачей.

В годы второй пятилетки в СССР наблюдался бурный рост выпуска танков, при этом выпуск инженерной техники и самоходных артиллерийских орудий на их базе практически не осуществлялся, несмотря на наличие разработанных технических проектов и острой потребности Красной армии в таких машинах. В этот период советские танкостроительные предприятия занимались улучшением конструкции серийно выпускаемых легких, средних и тяжелых танков, повышением их боевой мощи и, самое главное, надежности. Основные производители танковой брони – Ижорский и Мариупольский заводы постепенно переходили к крупносерийному выпуску броневых корпусов к этим танкам, преимущественно из гомогенной брони высокой твердости, отказавшись от крайне сложной и дорогой в изготовлении гетерогенной брони (цементированной и двухслойной). Было положено начало внедрению электросварки для соединения между собой элементов корпуса и башни. Тем не менее, контроль качества брони изготавливаемой на Ижорском и Мариупольском заводе был организован слабо, поскольку не существовало единых установленных регламентов проведения испытаний качества броневых листов отстрелом их из артиллерийских орудий на полигоне, а результаты их испытания бронебойными пулями могли быть сознательно фальсифицированными руководящим составом с целью скрыть высокий уровень барака и допущенные нарушения технологического процесса [7, л. 120; 8, л. 90–94].

Процесс постепенной модернизации принятых в производство в начале 1930-х гг. образцов боевых машин показал относительно невысокий модернизационный потенциал этих конструкций и уже к середине десятилетия вызвал необходимость в коренной модернизации танкового парка Красной армии, путем создания новых конструкций боевых машин, а также глубокого переосмысления существующих. Кроме того, важным фактором стала ускоренная милитаризация Европы после прихода к власти в Германии нацистской партии. Уже к середине 1930-х гг. во Французской (Renault R-35, Hotchkiss H-35, FCM-36, Char B-1) и Германской (Pz-III, Pz-IV) армиях стали появляться танки с противоснарядным бронированием, которые по совокупности своих боевых возможностей стали превосходить советские боевые машины, а также выполненные на более высоком техническом и инженерном уровне, правда и не лишенные своих недостатков. Например, в новых французских танках активно применялось броневое литье башен, а в немецких машинах – поверхностная цементация брони (которую в массовом объеме не смогли освоить в СССР).

Осмысление негативного для светских боевых машин опыта гражданской войны в Испании, где основные потери были понесены от огня противотанковой артиллерии малого калибра, заставили армейских руководителей задуматься о создании в СССР танков с аналогичным уровнем броневой защиты. Это требовало дополнительных капиталовложений и освоение новых промышленных технологий, в частности, в двигателестроении, т.к. в случае утяжеления бронирования, потребовалось бы увеличить мощность танковых моторов и усилить подвеску. По легкому танку Т-26 такие работы велись, однако новый двигатель так и не был создан, а форсирование оригинального сильно понижало его и так не высокую надежность. Для танков серии «БТ» был принят новый авиационный мотор М-17 с целью замены более старых

силовых агрегатов М-5 [2, с. 31].

Тем не менее направление развития танковой промышленности в годы Третьей пятилетки сохраняло общие тенденции, характерные для первой половины 1930-х гг., а именно:

1) Дальнейшая модернизация и поддержание технической годности парка танков поддержки пехоты Т-26 с ориентацией на последующую их замену более надежными боевыми машинами (колесно-гусеничный танк Т-46). Ситуация усугублялась ненадежным и слабым мотором Т-26, практически не имевшего резерва для форсирования без коренной переработки конструкции корпуса.

2) Ориентация на постепенную замену в войсках средних танков Т-28 на новый, колесно-гусеничный вариант среднего танка, под индексом Т-29, при сохранении трехбашенного принципа расположения вооружения. Основной проблемой среднего танка Т-28 производства Кировского завода была недостаточная прочность подвески и малый ресурс гусеничных лент и отдельных траков (последнее было характерно для всех советских танков того периода и объясняется нарушением технологии выплавки и термообработки стали Гарфилда);

3) Дальнейшее развитие семейства колесно-гусеничных машин, включая продолжение серии быстроходных танков «БТ» (БТ-7), с целью повышения их ходовых характеристик в условиях слабого ресурса гусеничных лент, с расчетом на осуществление длительных маршей в режиме колесного хода. Шагом в этом же направлении стали усилия по разработке колёсно-гусеничной машины под шифром Т-46 для перспективной замены легкого танка Т-26, а также плавающего колесно-гусеничного танка ПТ-1. При этом, для достижения заданных АБТУ параметров маневренности на колёсном ходу, требовалось значительно усложнить ходовую часть опытных машин, сокращая внутренний полезный объем перспективных конструкций. Колёсно-гусеничный ход традиционно продолжал рассматриваться как спасение в условиях низкой надёжности гусеничного движителя советских танков в сочетании с отсутствием в армии тяжелых полноприводных грузовиков для перевозки боевых машин на длительные расстояния (с помощью тралов и платформ);

4) Развитие специализированного танкового двигателестроения с целью создать пригодные для крупносерийного производства двигательные установки на дизельном топливе для всех выпускаемых в СССР типов танков. Наибольшие усилия были направлены на создание мощного 500-сильного танкового дизеля на базе авиационного, с последующим его массовым выпуском на мощностях ХПЗ № 183 им. Коминтерна. Опытные работы на заводе затянулись на период с 1934 до 1937 г., без должного внимания со стороны дирекции завода. В результате срыва работ по танковому дизелестроению, высшее руководство ХПЗ и главный конструктор мотора были сняты с должностей и отданы под суд с обвинением во вредительстве [6, л. 146–148].

Помимо административных прочетов ответственных работником причиной срыва работ стала чрезвычайная техническая сложность мотора, недостаток квалифицированной рабочей силы и инженерные ошибки центральных проектировщиков, а также недостаточная научно-экспериментальная база. К концу Третьей пятилетки отечественной танковой промышленности так и не удалось создать ни одного танкового дизель-мотора, доведенного до серийного производства.

5) Непросто происходило внедрение новых металлургических технологий в процессе развития танкостроительной отрасли. После неудачи с попыткой развертывания массового производства гетерогенной (неоднородной) танковой брони двух основных типов, цементированной и двухслойной, к середине 1930-х гг. советские танкостроители смогли освоить выпуск гомогенной танковой брони высокой твердости в диапазоне толщин от 10 до 30 мм. Отказ от применения гетерогенной брони в крупносерийном танкостроении СССР по причине высокого уровня брака и переориентация на гомогенную броню позволили приступить к внедрению электросварки в советской танковой промышленности и усложнению геометрической формы танковых башен. Результатом этого процесса стала постепенная замена клепанных башен цилиндрической формы на сварные башни конусообразной формы на вновь строящихся и проходящих заводской ремонт танках. Однако в связи с нехваткой квалифицированных кадров и специализированного оборудования (сварочного и прессового) переход к коническим танковым башням шел тяжело и с высоким уровнем брака.

Коническая форма башни лучше защищала от пробития бронебойными пулями и малокалиберными снарядами. Основные производители танковой брони в СССР – Ижорский и Мариупольский заводы столкнулись с описанным выше повышением сложности технологического процессы броневого производства и не смогли вовремя улучшить качество продукции. В результате сроки внедрения конических танковых башен, намеченные на 1936 г., оказались сорваны и были перенесены на 1937 г. [8, л. 90–94].

В целом мы видим общую картину, характерную для всех отраслей танкового производства в период третьей пятилетки – невозможность резко повысить технологический уровень производства и осуществить переход к конструктивно более сложным танкам, а также значи-

тельно поднять технический уровень и надежность уже выпускаемых моделей. Причины лежат как в эффекте «низкой базы», по причине нехватки квалифицированной рабочей силы и новейшего промышленного оборудования, так и экстенсивном подходе к развитию вооруженных сил – чрезмерном планировании. В дополнение к этому СССР оказался не готов к резкому техническому прогрессу в европейском танкостроении после прихода к власти в Германии нацистов. В итоге к 1935–1936 гг. в Европе (Франция и Германия) появились средние и тяжелые танки с противоснарядным бронированием, а их боевые возможности (кроме пушечного вооружения) стали превосходить танковый парк, имевшийся в СССР.

Ответом на кризисные явления в танковой промышленности СССР в Третьей пятилетке стали организационные реформы в военной промышленности и чистка в командном составе РККА, который отвечал за определение приоритетов развития автобронетанковых войск. Реорганизация Наркомата тяжёлой промышленности привела к выделению военного производства в отдельный Наркомат оборонной промышленности (НКОП) с системой главных управлений. Произошла замена руководящих кадров на ведущих танковых и кооперирующихся с ними заводах, началась смена приоритетов в развитии инженерной школы танкостроения. Негативной стороной этого процесса реорганизации стали репрессивные меры против ведущих инженерно-технических кадров тяжелой промышленности, что усиливало общий процесс дезорганизации внутри отрасли. Начавшиеся с 1938 г. меры по увеличению капиталовложений направленных на переоснащение заводов новым оборудованием и корректировка плановых заданий, способствовали стабилизации положения в отрасли. В это период в СССР начались работы по созданию принципиально новых боевых машин с противоснарядным бронированием и дизельным двигателем – средних Т-34 и тяжелых «КВ», в последующих ставшими одними из главных символов Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя, 2013. 408 с.
2. Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Сократ, 2017. 416 с.
3. Мозохин О.Б., Кондрашин В.В. Политбюро и «вредители»: Кампания по борьбе с «вредительством» на объектах военной промышленности / Отв. составитель О.Б. Мозохин. М.: МФД, 2016. 752 с.
4. Свирин М.Н. Броневой щит Сталина. История Советского танка. 1937–1943. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 448 с.
5. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 333 с.
6. Российский государственный архив экономики. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 10.
7. Российский государственный архив экономики. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 143.
8. Российский государственный архив экономики. Ф. 7515. Оп. 1. Д. 181.

© Запарий Василий Владимирович (pantera.zap@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.20

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ЕГИПТЕ В КАЧЕСТВЕ ФАКТОРА КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И «НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ»: НА ПРИМЕРЕ КАИРА И АЛЕКСАНДРИИ

Звягинцев Николай Викторович
Аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва
1142230289@pfur.ru

Аннотация: В статье рассмотрен процесс формирования и эволюции русской диаспоры в Египте в период с 1891 по 2025 гг. Исследовательский интерес направлен на анализ исторических, биографических и научных источников с целью определения основных этапов становления русской диаспоры в Каире и Александрии. Особое внимание уделяется социальному составу русской эмиграции, влиянию исторических потрясений XX века на процессы миграции, а также вкладу представителей русской диаспоры в развитие культурных связей между Египтом и Россией. Русская диаспора рассматривается на рубеже трёх исторических этапов – послереволюционного, советского и современного. В работе подчёркивается значимость роли координирующих структур, поддерживающих связи с соотечественниками за рубежом, в развитии потенциала «народной дипломатии» (МИД России, Россотрудничество, КСОРС). Отмечается, что русская диаспора в Египте, несмотря на свою немногочисленность, во все времена играла важную роль в формировании позитивного облика России в глазах местного населения и продвижении русской культуры за рубежом.

Ключевые слова: Египет, Россия, русская диаспора, эмиграция, народная дипломатия, Россотрудничество, КСОРС, Русский дом, культурное взаимодействие.

THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN DIASPORA IN EGYPT AS A FACTOR IN CULTURAL INTERACTION AND "PUBLIC DIPLOMACY": THE CASE OF CAIRO AND ALEXANDRIA

N. Zvyagintsev

Summary: This article reviews the process of formation and evolution of the Russian diaspora in Egypt between 1891 and 2025. The research focuses on analyzing historical, biographical, and scientific sources to identify the main stages of the Russian diaspora's development in Cairo and Alexandria. Particular attention is paid to the social composition of Russian emigration, the influence of the historical upheavals of the 20th century on migration processes, and the contribution of representatives of the Russian diaspora to the development of cultural ties between Egypt and Russia. The Russian diaspora is considered at the turn of three historical stages: post-revolutionary, Soviet, and modern. The work emphasizes the importance of coordinating structures that maintain ties with compatriots abroad in developing the potential of "people's diplomacy" (the Russian Foreign Ministry, Rossotrudnichestvo, the Russian Orthodox Church, Coordinating Union of Russian Compatriots Organizations (CURCO), and the Russkiy Mir Foundation). It is noted that the Russian diaspora in Egypt, despite its few numbers, has always played an important role in shaping a positive image of Russia in the eyes of the local population and promoting culture abroad.

Keywords: Egypt, Russia, Russian diaspora, emigration, public diplomacy, Rossotrudnichestvo, CCORC, Russian House, cultural interaction.

Введение

Отношения России и Египта сегодня вышли на уровень стратегического сотрудничества, и немалый вклад в укрепление двусторонних связей внесла русская диаспора, зарождение которой началось в конце XIX века. Первым подробно задокументированным свидетельством пребывания русского человека в Египте принято считать хождение на Синай иеромонаха Варсонофия в 1461–1462 гг. В дальнейшем святое паломничество к святым местам стало основной причиной, определяющей внимание русских людей к египетской земле. Православные паломники связывали Египет с именами апостола Марка, основателя александрийской церкви, и святой великомученицы Екатерины. В 1794 г. по указу Екатерины II в Александрии было открыто первое российское консульство под руководством барона фон Тонуса. Русское присутствие в Египте уходит корнями глубоко в историю, но наибольшая активность волн эмиграции приходилась на следующие периоды: постреволюционная эмиграция (1917–1930), послевоенные перемещения (1940-1950), советская трудовая эмиграция (1955-1970), постсоветская и современная эмиграция (1992-2025). В результате данных миграционных процессов представители русской диаспоры сформировали значительную общественную структуру,

ставшую важным ресурсом продвижения «народной дипломатии» России за рубежом. На сегодняшний день роль деятельности соотечественников в зарубежных странах кратно возрастает, поскольку инициируемые ими информационные и социокультурные процессы позволяют эффективно продвигать национальные интересы и поддерживать позитивный образ России. В контексте рассмотрения значимых этапов формирования русской диаспоры в Каире и Александрии период с 1891 по 2025 гг. позволяет в полной мере охватить эволюцию присутствия русскоязычного сообщества в Египте. Тема исследования представляет значительный интерес для учёных-востоковедов и сохраняет свою актуальность в связи с существованием большого количества фактов, требующих системного осмысления для оценки вклада русской диаспоры в развитие российско-египетских связей. Особую актуальность осмысление процессов деятельности русской диаспоры за рубежом, в частности в Египте, приобретает в свете празднования 100-летия народной дипломатии в 2025 г., которое подчёркивает значимость общественных инициатив в укреплении международных связей.

Методология

В написании статьи применялись описательно-аналитический метод и системный подход с целью описания комплекса русско-египетских гуманитарных связей. Применялись историко-хронологический и проблемный методы для определения трансформации русской диаспоры в условиях бурного социально-политического контекста, определяющего данный период. Сравнительный анализ, индуктивный и дедуктивный методы помогли сопоставить условия и характер деятельности русских диаспор в отдельные периоды времени. Метод контент-анализа позволил изучить публикации в СМИ, материалы архивов, научные работы, мемуары, а также информацию с официальных ресурсов МИД России, Россотрудничества, РПЦ, КСОРС, ИППО.

Обзор литературы

Российско-египетские отношения представляют существенный интерес для многих учёных-востоковедов, в частности, общественно-гуманитарная составляющая этих отношений, связанная с деятельностью русской диаспоры в Египте, является важным направлением исследований. Среди работ по истории русской эмиграции в Египте необходимо особо отметить [Горячкин, 2012; Беляков, 2008; Луконин, 2001; Крылова, 2023; Халиль, 2019; Шкаровский, 2022]. Так, Г.В. Горячкин, занимающий должность директора Российского центра науки и культуры в г. Александрия с 2000 по 2005 гг., изучил особенности деятельности русской общины в Египте в 1920-1952 гг. В.В. Беляков является крупнейшим исследователем жизни русской диаспоры в Египте, он подробно описал в своих работах периодику волн русской эмиграции в Северную Африку, а также написал ряд книг, посвященных российско-египетским культурным связям и истории русской эмиграции. Н.В. Крылова в своих статьях исследовала историю и современность русской диаспоры в Египте, а также описала социокультурный аспект жизни русских соотечественников в Африке, обратив внимание, в частности, на положение русских женщин. М.А. Халиль посвятила работу изучению аспектов религиозной и культурной идентификации русских в Египте. М.В. Шкаровский описал в своей статье историю церковной эмиграции в Египет в 1917 – 1930-е гг.

Теоретический подход к понятию «народная дипломатия»

Русские диаспоры за рубежом становятся важным субъектом международных отношений и основным актором «народной дипломатии», позволяя расширять вовлечённость гражданского общества во внешнеполитические процессы. Шерри Ли Мюллер, доктор философии и преподавать Американского университета в Вашингтоне, описывает «гражданскую дипломатию» в виде взаимодействия между странами на уровне индивидов, что в дальнейшем создаёт условия для официального диалога на высоком уровне [Mueller, 2009]. Российские соотечественники, проживающие за рубежом, являются одним из основных проводников духовно-нравственных ценностей, культуры, традиций и убеждений, которые определяют восприятие России на международной арене и влияют на процессы межкультурных коммуникаций.

Таким образом, «народная дипломатия» представляет собой форму международной деятельности, направленную на реализацию потенциала общественных объединений для укрепления межгосударственных связей и поддержание позитивного образа государства на международной арене.

В этой связи деятельность государственных структур, координирующих работу соотечественников за рубежом, играет важную роль в развитии инструментария «народной дипломатии». Так, МИД России, Россотрудничество, а также координационные советы организаций российских соотечественников (КСОРС) создают условия для консолидации русских диаспор и расширения их возможностей для участия в культурно-гуманитарных инициативах. Данные организации являются связующим звеном между государственной политикой и гражданским обществом, способствуя сохранению соотечественников, проживающих за рубежом, в орбите культурного и цивилизационного пространств России. В 2025 году отмечается 100-летие народной дипломатии в России, истоки которой восходят к созданию в 1925 году Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), впоследствии преобразовавшееся в современ-

ное Россотрудничество.

В рамках данной статьи рассматривается история и трансформация русской диаспоры в качестве фактора «народной дипломатии» в Египте на примере городов Каира и Александрии. На сегодняшний день российско-египетские отношения характеризуются высоким уровнем доверия и комплементарности, что, в свою очередь, опирается на давнюю историю взаимоотношений между двумя странами. Немалую роль в этом взаимодействии сыграли отдельно взятые судьбы русских, в широком смысле, людей – дипломатов, учёных, предпринимателей, деятелей культуры, представителей интеллигенции и духовенства.

Условия формирования русской общины в Египте

Святыни, находящиеся на Синайском полуострове, где Моисею снизошли от Бога заповеди авраамической традиции, интересовали русских православных людей ещё со времён средневековья. К концу XVIII века противоборство с Османской империей создало предпосылки для политического сближения Российской империи с Египтом, стремящимся к обретению независимости.

В.В. Беляков в своей работе обращает внимание на то, что в период конца XIX – середины XX века двусторонние контакты России и Египта характеризовались доминированием гуманитарных, индивидуальных и личностных связей, объясняя это обширным британским присутствием в регионе [Беляков, 2007, с. 3.]

Первый поток российской эмиграции в Египет начался в конце XIX века и характеризовался преобладанием еврейских переселенцев из Одессы, поскольку на тот момент город связывало прямое морское сообщение с Александрией. Русским евреям было легко интегрироваться в довольно многочисленную еврейскую общину в Египте, насчитывающую порядка 25 200 человек [Ахмед С., 1991, с. 18].

Поток эмиграции усилился после первой русской революции 1905–1907 гг. и сохранял свою активность вплоть до Октябрьской социалистической революции 1917 г. В основном политические «белые» эмигранты обосновались в Александрии, где позднее был основан Комитет русских политических эмигрантов. Весной 1920 г. после разгрома белой армии в Крыму в Александрию из Новороссийска прибыли для лечения 4350 раненных русских военнослужащих Добровольческой Армии генерала А.И. Деникина [Беляков, 2003, с.136]. Русские беженцы представляли собой существенную часть русской общины и проживали в палаточных лагерях, крупнейшим из которых был Телль-аль-Кебир. В 1921 г. большая часть русских беженцев была переведена в пригород Александрии, Сиди-Бишр, а осенью того же года их направили в Болгарию и Сербию [Konn-Roberts, 2021]. Тем не менее, состав русской диаспоры со временем сокращался, часть людей иммигрировала в Европу, евреи направлялись на Святую Землю, небольшое количество возвращалось на Родину.

Однако, несмотря на свою малочисленность, русская диаспора в Египте оставила заметный след в культурной и общественной жизни страны, так как состояла из высококлассных специалистов и представителей интеллигенции, среди которых были дипломаты, офицеры, врачи, писатели, художники, археологи, архитекторы. Эмигранты работали моряками, торговыми представителями в компаниях Суэцкого канала, учителями, журналистами, трудились на предприятиях.

Среди известных представителей русской интеллигенции, обосновавшихся в Египте в начале XX, художник И.Я. Билибин, скульптор Б.О. Фредман-Клюзель, физиолог Г.В. фон Анре. Труды египтолога В.С. Голенищева, эмигрировавшего в Египет в 1923 г., до сих пор изучаются и цитируют по всему миру, а его коллекция древностей и сегодня украшает экспозицию Государственного музея им. А.С. Пушкина [Ладынин, 2023, с. 582]. В 2006 г. по случаю 150-летия В.С. Голенищева ему был установлен памятник во дворе Египетского музея в Каире. Э. Вагнер, руководитель клиники Московского университета, в 1920 г. открыл русскую поликлинику в Каире, которая обслуживала до 1000 пациентов в год [Горячкин, 1998]. Русские врачи активно принимали участие в научной деятельности и занимались подготовкой местных кадров.

В числе представителей русской аристократии, обосновавшихся в Египте в начале 1920-х годов, были члены семьи В.В. Голенищева-Кутузова — одного из старейших дворянских родов России, а также артистка Императорских театров графиня Н.М. Ланская (урождённая Голицына), Мария Михайловна Нахичеванская и княгиня Мария Михайловна Волконская [Беляков, 2018, с. 88].

Особого внимания заслуживают фигуры А.А. Смирнова, И.П. Умова и А.М. Петрова, представлявшие дипломатическую миссию и генеральное консульство Российской Империи в Египте.

Назначение А.А. Смирнова советником дипломатического представительства Российской Империи в Каире в 1903 г. совпало с повышением региональной значимости Египта. Одним из главных направлений деятельности дипломатической миссии в Египте на тот момент стало обеспечение эксплуатации Суэцкого канала военными судами Российской Империи, что вызывало недовольство англичан. Десятилетний опыт российского дипломата в Константинополе, где ему приходилось в числе прочих задач обеспечивать права российский судов на Босфоре, позволил эффективно справляться с подобными

сложностями и на египетском направлении. В 1911 г. А.А. Смирнов был повышен до ранга чрезвычайного посланника за дипломатические заслуги. После Октябрьской революции 1917 г. А.А. Смирнов остался верен царской России и не признал советскую власть [Горячкин, 2008].

Революция привела к приостановке дипломатических отношений, в этой связи заграничные учреждения в Египте продолжали свою работу благодаря ссуде, выделяемой англо-египетским правительством с 1917 по 2023 гг. и составлявшей половину от прежнего бюджета [Горячкин, Гриценко, Фомин, 2000, с. 24]. Со временем к середине 1920-х гг. после признания советской власти западными странами Дипломатическое агентство в Каире превратилось в Русскую миссию, а позднее стало Русским клубом.

И.П. Умов отправился в Александрию в сентябре 1913 г., где по распоряжению Министерства иностранных дел был назначен на пост вице-консула в Генеральном консульстве Российской Империи. В результате событий Октябрьской революции 1917 г. И.П. Умов оказался оторван от страны, которой он преданно служил, и обрёл вторую Родину в Египте. На тот момент в Александрии проживало немало русских эмигрантов, желающих воссоздать здесь дух отчизны, культивируя на новой земле привычные ценности, традиции и православие. Дом четы Умовых стал центром притяжения для всех желающих снова оказаться в привычной среде русской культуры. На вилле Умовых собирались представители интеллигенции и просвещенного общества, устраивали музыкальные концерты и литературные вечера. Сам Иван Павлович часто читал собственные стихотворения и играл на рояле написанные им произведения. В 1936 г. Иван Умов окончил Лондонскую консерваторию по классу фортепиано и стал у истоков основания Александрийского симфонического оркестра.

А.М. Петров был назначен консулом в Александрию 26 июля 1910 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству. Также А.М. Петров являлся главой александрийского общества россиян, членом Императорского Православного Палестинского общества и директором Русского бюро при Департаменте общественной безопасности Министерства внутренних дел Египта. Александр Михайлович оказывал значительную помощь эмигрантам, в т.ч. в вопросах трудоустройства, используя свой личный авторитет и дружеские связи в высших кругах Александрии. В 1914 г. в Александрии был создан «Русский комитет помощи жертвам войны» во главе с А.М. Петровым. Участие русского консула позволило представителям русской эмиграции не только выжить вдали от Родины, но и принимать активное участие в социально-культурной жизни Александрии, внося вклад в популяризацию русской культуры. Так, благодаря А.М. Петрову была устроена персональная выставка известного русского художника И.Я. Билибина, установлен памятник «Невеста Нила» скульптора Б.О. Клозеля, организованы гастроли балерины А.П. Павловой в 1923 и 1928 гг., а также гастроли оперного певца Ф.И. Шаляпина в 1933 г [Горячкин, 2010, с. 163].

В 1920–1922 гг. русские эмигранты в Египте объединялись в различные сообщества и общественные организации – Русское культурно-просветительное общество, Общество русских инвалидов и увечных воинов, Союз русских студентов в Египте, Общество взаимопомощи русских офицеров в Александрии, Русский хор и другие [Беляков, 2003, с. 160]. Данные структуры выполняли важную роль консолидации русской общины, представляли интересы сообществ и способствовали сохранению национальной идентичности. Самой многочисленной организацией было Русское культурно-просветительское общество, на базе которого для русских эмигрантов проводились языковые курсы, занятия по бухгалтерии и электротехнике. С 1921 г. обществом издавался собственный журнал «На чужбине», который стал важной площадкой для освещения жизни русской диаспоры в Египте [Беляков, 2006]. В издании публиковались научные работы, заметки, поэзия и рассказы русских эмигрантов, отражавшие духовные и интеллектуальные поиски русского человека на чужбине.

Судьбоносным для положения русской эмиграции стало решение независимого правительства Египта в октябре 1923 г. об отказе в признании русских загранучреждений и лишении бывших подданных Российской Империи капитуляционных прав, которые были установлены со времён Екатерины II и обеспечивали освобождение от налогов, защиту имущества и неподсудность местным судам [Горячкин, Гриценко, Фомин, 2000, с. 24] Это событие значительно ослабило правовое положение русской диаспоры, сделав её представителей уязвимыми перед местными надзорными органами.

Длинный двадцатый век советско-египетских отношений характеризовался чередой взлетов и падений во взаимодействии двух стран, что обуславливалось масштабными идеологическими сдвигами эпохи. В период с 1917 по 1943 гг. дипломатические отношения между Советским Союзом и Египтом фактически отсутствовали. В. В. Беляков отмечает, что в это непростое время именно русские эмигранты заполнили вакуум, который образовался в отношениях между двумя народами, что заложило фундамент для дальнейшего стремительного развития отношений между СССР и Египтом в 1950-е гг. [Беляков, 2018, с.6].

Первый советский посланник в Египте Н.В. Новиков описывает в своих мемуарах их встречу в Каире с принцессой Ириной Александровной Овчинниковой, женой греческого принца Петра и потомком русских эмигран-

тов. При её содействии в 1944 г. в Египте удалось создать фонд помощи гражданскому населению СССР, пострадавшему в ходе Великой Отечественной войны. Одним из первых мероприятий фонда стал благотворительный показ документального фильма «Сталинград», состоявшийся 15 мая 1944 г. в каирском кинотеатре «Опера». На собранные средства была закуплена и отправлена 4391 пара обуви для детей Сталинграда [Новиков, 1989, с. 195].

После Второй мировой войны большое число представителей русской общины в Египте стали повторно эмигрировать в другие страны, главным образом в Европу. Сокращению русской диаспоры также способствовали старение и политика Египта, направленная на вытеснение иностранцев из отраслей экономики. В 1947 г. власти Египта приняли закон № 138, согласно которому 75% персонала и 90% рабочих предприятий должны составлять египтяне [Abdel-Rahman, 2016]. Июльская революция 1952 г., свергнувшая королевский режим, также привела к оттоку части русских эмигрантов, уже пострадавших от одной революции в своей стране.

После прихода к власти Гамаля Абдель Насера Египет взял курс на социалистическую ориентацию, что поспособствовало развитию советско-египетских отношений. Одним из главных символов дружбы между СССР и Египтом стала Асуанская высотная плотина, возводившаяся 11 лет с 1960 по 1971 гг. В 1966 г. в Каире и в 1967 г. в Александрии были открыты советские центры науки и культуры, которые стали идейным продолжением деятельности ВОКС в Египте, функции которого ранее были возложены на сотрудников дипломатической миссии в Каире.

Как отмечает В.В. Беляков в начале 80-х гг. прошлого века русская община практически прекратила своё существование в Египте. Последний председатель русской диаспоры, О.В. Волков скончался в 1987 г. В середине 1980-х гг. Русский клуб в Каире был продан, а православная церковь св. Николая, построенная в 1957 г. на средства Русского благотворительного общества, передана греческой патриархии [Беляков, 2003, с. 194].

Период с 1952 по 1973 гг. характеризовался активным развитием сотрудничества между Россией и Египтом, к которому были причастны специалисты различных сфер – сотрудники внешнеполитических и торговых ведомств, военные, инженеры, деятели культуры. Особый вклад в развитие советско-египетских отношений внесли строители высотной Асуанской полтины, ставшей крупнейшим советским зарубежным проектом, который позволил расширить посевные площади в долине Нила и обеспечить половину всей энергии в стране к моменту ввода в эксплуатацию. Также существенный вклад внесли советские военные специалисты, которые обучали египетских офицеров использованию советской техники и помогали восстанавливать вооружённые силы Египта после их поражения в войне с Израилем в 1967 г. Приход к власти Анвара Садата повлёк за собой резкое охлаждение отношений между странами и переориентацию Египта в сторону Запада. В частности, в 1978 г. были закрыты два советских культурных центра, их деятельность была возобновлена спустя более 10 лет: центр в Каире возобновил работу в 1988 г., а в Александрии в 1991 г. В 1981 г. советско-египетские отношения ухудшились вплоть до высылки советского посла из Каира.

В период с 1950-х по начало 1990-х гг. египетские студенты приезжали в Советский Союз обучаться военным, техническим, медицинским и гуманитарным специальностям. В процессе длительного пребывания формировались тесные межличностные связи, часть выпускников вступала в брак с советскими девушками и возвращалась вместе с семьей в Египет. В это время появилось множество двуязычных семей, которые сформировали ядро новой русской диаспоры. Их профессиональные компетенции, личные связи и культурная идентичность способствовали укреплению гуманитарных связей. Существенным достижением гуманитарного сотрудничества стало создание в 1988 г. Ассоциации выпускников советских вузов, которую по сей день возглавляет г-н Шериф Гед. Ассоциация объединяет 450 человек, многие из которых занимают руководящие должности в сферах науки, культуры и бизнеса.

Новая волна русской эмиграции в Египет началась в середине 1990-х годов и продолжается по настоящее время. Её активизация прежде всего связана с ростом туристического потока на курорты Красного моря, где завязывались межкультурные знакомства, перерастающие в браки, в результате которых российские соотечественницы переезжали на постоянное место жительства в Египет. По данным Координационного совета организаций российских соотечественников (КСОРС) на момент 2025 г. в Египте проживают около 50 тыс. российских соотечественников, большую часть из которых составляют русские женщины, состоящие в браке

Таблица 1.

Численность русской общины в Египте 1891–1947 гг.

Год	1891 г.	1897 г.	1907 г.	1917 г.	1927 г.	1937 г.	1947 г.
Кол-во	108 чел.	3000 чел.	2400 чел.	4225 чел.	2410 чел.	1176 чел.	1174 чел.

Источник: [Горячкин, Гриценко, Фомин, 2000 с. 6]

с гражданами Египта. М.А. Халиль, член египетского совета по международным делам, отмечает, что на сегодняшний день женская часть русской общины в Египте, с одной стороны, состоит из представительниц старшего поколения, проживающих в Египте со времён СССР и, с другой стороны, более молодой группы, сформировавшейся в постсоветский период под влиянием туризма [Халиль, 2019, с. 59].

На сегодняшний день важной частью русского присутствия в Египте являются специалисты, занятые на строительстве атомной станции «Эль-Дабаа» в регионе Марса-Матрух, которое началось в 2022 г. В одноимённом городе проживает около 5 тыс. граждан России и Белорусии – строителей, инженеров и членов их семей. Этот проект подобно Асуанской плотине стал вторым символом дружбы и стратегического партнёрства между нашими странами. Для сотрудников и их семей в Эль-Дабаа построен жилой городок с русской поликлиникой, школой, детским садом и ресторанами. В выходные дни российских специалистов нередко можно встретить на улицах соседней Александрии, расположенной примерно в 170 километрах от города. Совместно с Русским домом в Александрии был организован клуб египтологии «Эль-Дабаа», объединяющий всех интересующихся историей и культурой Египта. Участники клуба выезжают на совместные экскурсии, посещают музеи, библиотеки и культурные памятники, участвуют в лекциях и кинопоказах.

Культурная жизнь русской общины в Египте во многом концентрировалась вокруг советских, а затем российских культурных центров в Каире и Александрии, на базе которых вели свою деятельность клубы соотечественников. Здесь отмечаются ключевые и памятные для русского человека праздники – День Победы, День народного единства, День России, Новый год, 23 февраля и 8 марта, масленичные гуляния, регулярно проводятся концерты, театральные постановки, музыкальные вечера, кинопоказы, благотворительные мероприятия, лекции и выставки. При центрах всегда действовали курсы русского языка и библиотеки, формировались клубы по интересам и детские кружки, что позволяло сохранять языковую среду и поддерживать культурную идентичность.

В марте 2007 г. был учреждён Координационный совет российских общественных организаций соотечественников в Египте (КСОРС), а в 2010 г. был утверждён его Устав. Целями Совета являются: содействие организационной и духовной консолидации российских соотечественников; поддержка адаптации и интеграции соотечественников; сохранение русского языка, духовных и традиционных ценностей; развитие межкультурного диалога; защита законных прав и интересов российских соотечественников. В целях координации деятельности и представления интересов соотечественников в органах власти Российской Федерации не реже одного раза в три года проводится Всемирный конгресс соотечественников, заседания страновых КСОРС проводятся не реже двух раз в год.

В период с 2009 по 2024 гг. египетское отделение КСОРС возглавляла Людмила Трифоновна Салама, посвятившая многие годы поддержке соотечественников и развитию гуманитарного сотрудничества. До конца своей жизни Л.Т. Салама оставалась председателем КСОРС, внеся неоценимый вклад в развитие организации в качестве площадки для консолидации соотечественников и став ярчайшей фигурой российской народной дипломатии в Египте.

Выводы

Русские люди во все времена выступали действующей силой народной дипломатии, обладая особой культурной идентичностью, духовной полнотой и чуткостью к ближнему, независимо от того, находились они в России или за её пределами. Цивилизационный код русского человека позволял выстраивать близкие и доверительные отношения с представителями разных культур и вероисповеданий. Профессиональные компетенции, ценностные ориентиры, творческий потенциал и духовность российских соотечественников позволяли им вносить неоценимый вклад не только в развитие русской диаспоры, но и в культурное и общественное наследие страны, в которой они пребывали, становясь живыми проводниками гуманитарной миссии России.

Важную роль в реализации и координации целей гуманитарной политики традиционно выполняли заграничные учреждения. Ещё во времена Российской Империи именно консульские представительства и их выдающиеся сотрудники, в частности А.А. Смирнов, И.П. Умов и А.М. Петров, оказывали всестороннюю поддержку русской общине в Египте, обеспечивали защиту прав русских эмигрантов, организовывали творческие вечера, выставки и гастроли.

В советские времена координирующие функции в области гуманитарных связей перешли к советскому посольству, которое, наряду с внешнеполитическими задачами, выполняло функции Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и поддерживало контакты с русской диаспорой. Первый советский посланник в Египте Н.В. Новиков активно взаимодействовал с представителями русской интеллигенции, способствуя развитию культурных и благотворительных инициатив, а также распространению правдивой информации о событиях Второй мировой войны. Позднее

в 1966 и 1967 гг. открылись культурные центры в Каире и Александрии, представлявшие Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД).

После распада СССР основную роль в развитии культурно-гуманитарного сотрудничества взяли на себя Русские дома в Каире и Александрии. Эти центры стали важными площадками для продвижения русского языка, проведения культурно-просветительских мероприятий и укрепления связи между соотечественниками и местными гражданами. Деятельность Русских домов способствует привлечению интереса к России среди египтян и, что немало важно, поддерживает национальную идентичность российских соотечественников и сохраняет их детей в орбите родной культуры. В 2007 г. был учреждён КСОРС, объединивший активных представителей русской общины. С 2015 г. в Египте действует организация «Волонтёры победы», реализующая памятные акции –«Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка», «Свеча памяти», «Сад памяти» и другие проекты, направленные на воспитание патриотических чувств и сохранения памяти о Великой Отечественной войне, в том числе противодействия фальсификации истории.

Проект ГК «Росатом» в Эль-Дабаа также имеет гуманитарное измерение деятельности. Стажировки египетских инженеров, благотворительные и просветительские акции, реализуемые руководством «Эль-Дабаа», являются важной частью гуманитарной политики России в Египте. Постоянно проживающие в Египте российские специалисты и их семьи формируют устойчивую профессиональную среду, которая поддерживает образ России как сильной и высокотехнологичной державы, способной реализовывать подобные крупные международные проекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков В.В. «Русский город» в Сиди Бишр (1920-1922 гг.). По страницам журнала «На чужбине» // Восточный архив № 14–15, 2006 ИВ РАН. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-gorod-v-sidi-bishr-1920-1922-gg-okonchanie/viewer.
2. Беляков В.В. Исторические волны русской эмиграции в Египте // Восточный архив № 2 (22), 2010 С. 75-77.
3. Беляков В.В. На службе египетского короля. Из воспоминаний А. Маркова. // Восточный архив № 1 (23), 2011 С. 68–78.
4. Беляков В.В. Русская эмиграция в Египте 1920-е – 1980-е гг. История. Документы. Некрополь. СПб.: Алетейя, 2018. – 264 с.
5. Беляков В.В. Русский Египет. М., 2008, с. 134.
6. Горячкин Г.В. Он был не только дипломатом. К 150-летию со дня рождения А.А. Смирнова. // Восточный архив № 17, 2008, С. 61.
7. Горячкин Г.В. Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте. 2-е изд. // Русский путь 2012 336 с.
8. Горячкин Г.В. Русская поликлиника в Каире // «Азия и Африка сегодня», 1998, № 11.
9. Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920-1939 гг.) Москва 2000
10. Крылова Н.Л. Русская диаспора в Африке. История и современность // Россия: общество, политика, история № 3 (8) октябрь 2023 С. 182–204.
11. Крылова Н.Л. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации М.: РОССПЭН., 1997 60 с.
12. Крючков И.В. Экономические связи России с Египтом в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 3 (7). – С. 30–34.
13. Ладынин И.А. Египтолог и его эпоха: политические события 1880-1940-х годов в архивных документах В.С. Голенищева // Вестник российской академии наук, 2023, т. 93, № 6, с. 582-591.
14. Луконин Ю.В. С «нансеновским паспортом» на берегах Нила // Российская диаспора в Африке 20-50-е годы. Сборник статей. Институт Африки РАН. «Восточная литература» РАН, Москва, 2001. С. 21–46.
15. Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: записки 1938-1947. М.: Политиздат, 1989. – 399 с.
16. Рябова В.И. Российская эмиграция в Африке в 1920-1945 гг.: институционализация и деятельность дис. М. 2005.
17. Сейид Ахмед, Набиль Абдель Хамид Аль-яхуд фи маср (евреи в Египте). Каир, 1991.
18. Халиль М.А. Русские в Египте: аспекты религиозной и культурной. // Концепт: философия, религия, культура. 2019;(2):57-64.
19. Шкаровский М.В. Русская церковная эмиграция в Египте в 1917 – 1930-е гг. // Актуальные вопросы церковной науки № 2, 2022 С. 106–116.
20. Du Quenoy Paul. "The Russian Empire and Egypt, 1900-1915: A Case of Public Diplomacy." Journal of World History 19, no. 2 (2008): 213–33.
21. Hend Mohammed Abdel-Rahman Dawn of Oil production in Modern Egypt (1869-1948) Minia Journal of Tourism and Hospitality Research Volume 1, No. 1, June 2016.
22. Konn-Roberts T. (2021). 'Guests of the British Crown': White Russian Refugee Camps in Egypt, 1920–1922. Slavonica, 26(1), 37–57. https://doi.org/10.1080/13617427.2021.1918911.
23. Sherry Mueller. The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy. // Routledge Handbook of Public Diplomacy. NY, London: Routledge, 2009. P. 102.

© Звягинцев Николай Викторович (1142230289@pfur.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.27

МЕЧЕТЬ КАК КУЛЬТОВОЕ ЗДАНИЕ МУСУЛЬМАН

MOSQUE AS A CULT BUILDING FOR MUSLIMS

A. Muratov

Summary: The article covers the issues of the emergence of education in Bashkiria. As a Muslim territory, the population could receive knowledge mainly in religious institutions, which included mektebs (primary schools) and madrasas (higher education). The mosques were distinguished by their architecture, usually made of wood, and less often of stone.
The second part of the article focuses on a more in-depth study of the mosques built and operated in the city of Ufa. Not all the described religious buildings have survived to this day, which makes the research results even more significant for historians and local historians.

Keywords: mosque, mektebs, madrassas, imam-khatibs, clergy.

Муратов Артур Эдуардович
Ассистент, Уфимский университет науки и технологий
artur.muratov.bgu@gmail.com

Аннотация: В статье освещаются вопросы зарождения просвещения в Башкирии. Будучи мусульманской территорией, население могло получать знания, в основном, в религиозных учреждениях, при которых действовали мектебы (начальная школа) и медресе (старшее звено). Мечети отличались своей архитектурой, строились обычно из дерева, реже из камня.
Вторая часть статьи направлена на более углубленное изучение мечетей, построенных и действовавших на территории Уфы. До наших дней сохранились не все описанные культовые сооружения, тем значимее результаты исследования для историков, краеведов.

Ключевые слова: мечеть, мектебы, медресе, имам-хатибы, духовенство.

Зарождение и распространение грамоты и образования среди башкир тесно связано с мусульманской религией. Большинство мусульман края исповедовало ислам, который стал проникать на территорию нынешнего Башкортостана начиная с X века, а вместе с ним и арабская письменность. Знание арабского языка было необходимо для изучения Корана – священной книги мусульман, чтение которого способствовало усвоению религиозного учения.

Нередко за знаниями башкиры отправлялись в страны Ближнего Востока и Средней Азии. Арабский географ Якут аль-Ханави (1179–1229) в начале XIII века писал о встрече с «большим числом» учащихся башкир в г. Алеппо в Сирии[1]. Об учебе башкирских мальчиков в образовательных учреждениях Египта, Турции, Ирана, Бухары рассказывал в своих записях Ризаитдин Фахретдинов[2].

Однако, далеко не каждый башкир мог позволить себе такую роскошь, как обучение за границей. Поэтому, строительство мечетей в Башкортостане закономерно сопровождалось организацией при них мектебов и медресе. Во времена полукочевья, учителя со своими учениками выезжали на яйлау, т.е. обучение продолжалось и в определенные летние месяцы на летовках (летних пастбищах). Подобное практиковалось до XIX века[3].

По утверждению ряда исследователей, с XVI века мечети становятся характерным атрибутом башкирских поселений. К этому времени ислам исповедовала основная масса башкир. Известный русский этнограф и языковед С.Г. Рыбаков, посетив Башкортостан в конце XIX века, писал: «Мусульманская Азия смотрела на нас лицом к лицу; чувствовалось, что это самостоятельный и сильный мир... нам не встречалось ни одной деревни башкирской, в которой не было бы мечети...»[4].

С распространением ислама и переходом башкир к оседлому образу жизни в крае началось активное возведение мечетей и медресе. В исторических документах встречаются указания на мечети, датируемые XVI–XVII веками[5].

Архитектурные решения культовых сооружений башкир отличаются уникальными чертами и устоявшимися канонами. Традиционно, мечети закладывались из дерева, а их размеры определялись количеством верующих мужчин в населенном пункте. Типичная сельская мечеть представляла собой бревенчатое строение высотой от 2,7 до 4,6 метров, с крыльцом, расположенным с север-

1 История исламской педагогики и образования: Хрестоматия / сост.Т.М. Аминов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. С. 129.
2 История исламской педагогики и образования: Хрестоматия / сост.Т.М. Аминов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. С. 128–129
3 Культура Башкортостана - Уфа: Китап, 2003. С. 40.
4 Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: Хрестоматия: хрестоматия / составитель Т. М. Аминов. — 2-е изд., доп. — Уфа: БГПУ имени М. Акмуллы, 2011. С. 82–83.
5 Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1, ч. 1. С. 86–96; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Гл. 10. С. 463–506; Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984. С. 24–39.

ной стороны, и михрабом с южной стороны. Как здание мечети, так и михраб имели двускатную крышу[6]. Для обшивки стен нередко использовались деревянные доски. Оконные проемы преимущественно ориентированы на восток и запад. Многоярусные минареты визуально увеличивали высоту сооружений. Некоторые мечети имели ярусы минаретов, разделенные шарафами – круговыми площадками с ограждением. Территория огораживалась забором. Внутреннее оформление молитвенных зданий отличалось скромностью и аскетизмом. Стены оставались не декорированными, иногда встречались цитаты из Корана. Покрытие пола состояло из войлочных изделий, ковровых дорожек или ковров.

Более глубокое понимание масштаба явления возникает при анализе численности мусульманского духовенства. Муллы обладали полномочиями для осуществления преподавательской деятельности. Кроме того, каждый имам, при назначении на должность в мечеть, брал на себя обязательства перед сельским сообществом не только совершать религиозные обряды, но и обучать детей школьного возраста арабской письменности и базовым принципам ислама[7].

С момента основания Оренбургского магометанского духовного собрания активизируется строительство молельных домов в башкирских и тептярских поселениях. При этом государственные органы регламентировали возведение культовых сооружений из расчета одна мечеть на сто домохозяйств. До наших дней дошли постройки начала XIX века, а именно мечеть в деревне Гудбурово, возведенная в 1807 году и реконструированная после пожара 1915 года. Также сохранилась мечеть в деревне Ново-Аврюзово, ныне Альшеевского района, датированная 1823 годом. Соборная мечеть в городе Стерлитамак, построенная в 1826 году, также является памятником архитектуры того времени[8].

Благодаря частным пожертвованиям состоятельных мусульман, в Башкирии в XIX–XX веках было возведено большое количество мечетей, причем во многих населенных пунктах они стали третьими, четвертыми или даже пятыми по счету. В начале XX века в городе Уфе появились три новые мечети, в том числе каменная «Хакимовская» с двумя минаретами, отличавшаяся своей архитектурой, так как культовые сооружения для мусульман, построенные из кирпича, были редкостью в регионе.

Впоследствии возведены каменные мечети в Стерлитамаке и Уфе, а также в архитектурном комплексе Караван-Сарай и в сельских поселениях, (например, в Трунтаишево и Альшеево, ныне поселок Раевка Альшеевского района).

Всего же, в 1896 году в Уфимской губернии, согласно историческим данным, функционировало 1396 мечетей. Отличительной чертой ряда таких сооружений в Башкирском Зауралье является их внешнее сходство со среднеазиатскими культовыми строениями, что отличает их от традиционных местных сельских мечетей. Примером может служить мечеть в деревне Юлук Баймакского района: одноэтажное прямоугольное здание с двускатной кровлей и двумя залами. Минарет, расположенный над входом, имеет три яруса, восьмигранное основание из камня и деревянную верхнюю часть, разделенные опоясывающим балконом. Купол минарета выполнен в форме шлема. Михраб пятигранный, с отдельным фундаментом и пятискатной крышей, без окон[9].

В 1918 году в Аургазинском районе, а именно в деревнях Сулейманово, Усманово и Ильтуганово, также появились мусульманские молельные дома. Возведение мечети в Ильтуганово привлекло особое внимание и стало темой для детального анализа в губернском комитете партии большевиков. Итогом обсуждения стала резолюция, указывающая на недочеты в атеистической работе, проводимой в регионе. Эта мечеть стала последним культовым сооружением, воздвигнутым в период советской власти.

В 1922 году на территории, объединявшей Уфимскую губернию и малую Башкирию, функционировало 2507 мечетей, что свидетельствует о значительном количестве религиозных учреждений, продолжавших в данный период свою деятельность.

В конце третьего десятилетия и на протяжении 1930-х годов двадцатого века повсеместно прекращали свою деятельность религиозные объекты, а объединения верующих распускались. К 1945 году в пределах Башкортостана продолжали работать только 12 мечетей. Остальные здания были переоборудованы под нужды государства, став складами, зернохранилищами, образовательными учреждениями и культурными центрами. Архитектурный облик многих мечетей был искажен, в большинстве случаев демонтированы минареты.

В послевоенный период наблюдались незначительные колебания в количестве действующих мечетей, варьируя от 12 до 23. К 1987 году число мечетей достигло

6 Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане / А. Б. Юнусова. - Уфа, 1999. С.108.
7 НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. д. 11506. Л. 4–5; Оп. 11. д. 523. Л. 64; и др.
8 Фархшатов М.Н. Народное преобразование в Башкирии в пореформенный период 60–90 годы XIX в. М., 1994. С.139.
9 Валилов Д. Очерк истории образованности и литературы татар. М.1923.С.28.

17. С началом возрождения исламских традиций в 1990-е годы XX века, в республике активизировался процесс восстановления прежних и строительства новых мечетей. В конце 1993 года в селе Нижние Киги Кигинского района состоялось открытие мечети, рассчитанной на 250 человек. В ее архитектурном решении предусмотрен внутренний балкон, предназначенный для женщин, совершающих пятикратную молитву.

К началу 1996 года на в Башкирии насчитывалось более 400 действующих мечетей. Управление их религиозной деятельностью осуществлялось посредством трех отдельных мусульманских духовных инстанций.

Интересен архитектурный ландшафт столицы Башкортостана, отличающийся уникальным своеобразием. В ряду исторических сооружений выделяются религиозные объекты, такие как мечети и мусульманские образовательные учреждения.

Первое учебное заведение при главной городской мечети, известное в статусе медресе, располагалось в Уфе по адресу: улица Тукаева, дом 52. Здание мечети было возведено в 1830 году рядом с Случевской горой по инициативе Габдесаляма Габрахимова, занимавшего должность муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания. С 1825 года, сменившего на этом посту Мухамеджана Хусаинова. Известно, что до постройки мечети Г. Габрахимов проводил пятничные богослужения в своем доме на Телеграфной улице (ныне улица Цюрупы), где впоследствии разместилось уездное училище Уфы. В апреле 1827 года он обратился к губернскому правлению с просьбой о выделении земли под строительство мечети и дома на территории "пустующего квартала", а именно участка под номером 791, где ранее находился сгоревший в 1821 году деревянный дом губернского правления. Согласно плану, утвержденному губернской строительной комиссией, в мае 1828 года, место для мечети определено в центре квартала, а по углам участка размечены четыре зоны: для проживания служителей мечети и приезжих мусульман, а также две – для строительства жилых домов, назначение которых не было конкретизировано[10].

Мечеть и здание для приезжих были построены на пожертвования, а дом муфтия – на средства, выделенные казной, последний в 1839 году, со всеми пристройками, был передан Габрахимову в частную собственность и исключен из списка казенных домов.

Возведением первой соборной мечети занимался купец второй гильдии Мукмин Тагирович Хозясеитов, проживавший в Уфе. Стоимость строительства составила 12 тысяч рублей серебром. Здание из камня, изначально с одним минаретом, впоследствии неоднократно подвергалось реконструкции.

К началу XX века приход насчитывал 920 человек. В период гонений на религию мечеть продолжала работать, и с 1960 по 1994 годы оставалась единственной действующей мечетью в Уфе. Стоит отметить, что соборная мечеть занимала главенствующее положение среди подобных в России. К началу XX века приход насчитывал 920 человек. При ней действовало медресе «Гусмания» и русское-башкирское двухклассное училище. В 1907 году имам – хатибом мечети назначен Жигангир Абызгильдин. В 1912 году он стал ахуном.

В Нижегородской слободе, на Преображенской улице (современная улица Леваневского), в период деятельности муфтия Салимгарея Шангареевича Тевкилева (годы жизни - 1807–1885), состоялось возведение второй мечети. Данное сооружение, выполненное из дерева, обошлось в 1500 рублей. Первым имамом этой мечети утвержден Зафир Галикеев (1873–1942)[11].

К рубежу XX столетия в общину Второй мечети входило 876 прихожан. В ноябре 1909 года на должность хатиба утвержден Зияэтдин Зиямалетдинович Камалетдинов, известный деятель просвещения. Он исполнял свои обязанности до 1924 года. Согласно постановлению Башкирского Центрального Исполнительного Комитета от 14 мая 1931 года, функционирование мечети было прекращено. Оригинальное здание не уцелело; на его месте возведено жилое строение[12].

На улице Воздвиженской (в настоящее время известной как улица Лесопильная), в городе Уфе, находилась Третья соборная мечеть.

В 1899 году представители мусульманской общины Нижегородской слободы города Уфы, а именно Гильман Габдулкаримов и Исхак Бикбулатов, уполномоченные сообществом, подали официальное обращение в губернское правление. Их целью было получение одобрения на возведение третьей соборной мечети в Уфе. Прошение поддержали 215 подписантов, которые выразили готовность взять на себя все финансовые обязательства, связанные со строительством мечети и дальнейшим со-

10 https://posredi.ru/enc_P_Pervaia_soborn_mechet.html

11 Валиева Р.М., Яминова С.А., Горемыкина Л.И. Устойчивые элементы мусульманской архитектуры пореформенного периода в Башкирии. Социально-гуманитарные знания. 2018. № 10. С. 85–93.

12 Урманцев Н.М. Мусульманские культовые памятники как свидетельство распространения ислама на территории Урало-Поволжья: Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С.99.

держанием духовного персонала.

23 ноября 1900 года Уфимское губернское правление удовлетворило ходатайство, предоставив официальное разрешение на строительство. Для реализации проекта в Ново-Нижегородской слободе был выделен земельный участок, размеры которого составляли: 24 сажени вдоль Воздвиженской улицы, 17 саженей вдоль Гурьевской улицы и 5 саженей вдоль Кузнецкой улицы. Общая площадь отведенной территории достигала 420 квадратных саженей.

Строительство новой каменной мечети было завершено к 1903 году, что стало значимым событием для мусульманской общины города, укрепив её духовную и культурную жизнь.Жители прихода единодушно проголосовали за утверждение Мухаметсабира Мухаметзянова-Хасаинова, уроженца деревни Надырово, расположенной в Сук-Карамалинской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии, на пост хатиба. Для священнослужителей мечети было построено двухэтажное здание из камня, что обеспечило им по тем временам благоприятные условия для осуществления религиозной деятельности и проживания. Это строение стало значительным улучшением в сравнении с существовавшими ранее условиями.В этом месте располагалось медресе, известное как учебное заведение, которое гордилось своими воспитанниками, в том числе знаменитым татарским литератором Н. Исанбетом. Религиозная община при мечети насчитывала 825 верующих. Постановлением Президиума Верховного Совета Башкирской АССР от 20 января 1940 года функционирование мечети было остановлено, а само здание было передано Ленинскому районному исполнительному комитету с целью его переоборудования под нужды образовательной сферы.

В настоящее время в этом здании функционирует общеобразовательная школа, ориентированная на подготовку спортсменов, демонстрирующих выдающиеся результаты. Данное учебное заведение специализируется на развитии спортивных навыков и достижений учащихся. Использование здания мечети в образовательных целях подчеркивает изменения в социальной и культурной жизни региона в течение времени.

В 1904 году мусульманская община, располагавшаяся во втором участке города Уфы по Бекетовской улице (сегодня именуемой Социалистической), обратилась с официальным запросом в Уфимское губернское правление. Целью обращения было получение одобрения на строительство соборной мечети, которой предполагалось присвоить сороковой порядковый номер.

Приемлемое решение касательно представленной петиции было оформлено 17 марта 1906 года, когда администрация выпустила указ под номером 114, дающий официальное разрешение на начало выполнения строительных работ. Материальное обеспечение данного начинания осуществлялось за счет личных сбережений уфимского коммерсанта Абдулатифа Хакимова, владевшего частным домовладением, размещенным на той же самой Бекетовской улице. В результате культовое сооружение было построено в формате двух этажей, с использованием технологии каменной кладки и двумя минаретами, возвышающимися над зданием. На ответственную позицию хатиба в этой мечети был назначен Мухаметгадый Фахретдинов, до этого исполнявший обязанности имама в главной мечети поселения Зай-Каратаева, которое территориально относилось к Каратаевской волости Бугульминского уезда. Башкир Тухватулла Курбанов был утвержден на должность муэдзина, что окончательно сформировало духовный состав новой мечети[13].

9 февраля 1930 года Исполнительный Комитет Башкирской АССР принял постановление о закрытии Хакимовской мечети, расположенной в Уфе. Основанием для этого решения стало удовлетворение ходатайства уфимских рабочих о прекращении деятельности указанного религиозного учреждения.

Согласно принятому решению, здание мечети передавалось в ведение Уфимского городского совета для переоборудования под школьные нужды. Однако, планы по организации школы в здании мечети не были реализованы. В связи с этим, 9 сентября 1930 года было принято новое решение, в соответствии с которым здание мечети было передано в распоряжение Башкирского народного комиссариата труда. Целью передачи являлось создание учебных курсов для «тысячников».

В 1991 году историческое здание Хакимовской мечети было возвращено религиозной общине, что стало важным событием в процессе восстановления религиозных прав и исторической справедливости[14].

Пятое учебное заведение, осуществлявшее свою деятельность при центральной мечети, находилось в городе Уфе по улице Алтайской, в здании под номером 19. Тридцать первого марта 1905 года двести верующих официально обратились в губернскую администрацию с ходатайством о выдаче разрешения на строительство новой главной мечети. В то время в Уфе уже функцио-

13 Урманцев Н.М. Мусульманские культовые памятники как свидетельство распространения ислама на территории Урало-Поволжья: Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С.99.

14 Юнусова А.Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994. Уфа. С.91.

нировали три соборные мечети, однако их вместимость была недостаточной для удовлетворения потребностей всех прихожан, особенно в дни религиозных праздников. Численность городского населения возрастала, увеличивалось и количество мусульман, включая прибывающих из других мест.

Приверженцы ислама ходатайствовали о возведении культового сооружения непосредственно на участке кладбища "Микбари". Эта территория, предназначенная для погребения, рассматривалась как место, где, в соответствии с канонами шариата, мусульмане обязаны совершать молебны и проводить чтение Священного Корана. Официальное одобрение архитектурного плана мечети из дерева было получено второго марта 1906 года.

Возведение культового сооружения потребовало нескольких лет кропотливой работы. За время строительства в Уфе была построена еще одна мечеть, ставшая четвертым по счету молитвенным домом для мусульман города. «Кладбищенская» мечеть была окончательно достроена 21 мая 1909 года, получив официальный статус пятой соборной мечети Уфы. Духовным наставником и имамом был назначен Валеев Хазиахмед. В эпоху советской власти, отмеченную повсеместным закрытием религиозных учреждений, пятая соборная мечеть оставалась действующей. Она предоставляла верующим мусульманам возможность отправлять религиозные обряды и совершать молитвы, сохраняя свою значимость в религиозной жизни города несмотря на политические перемены.

К 1960 году в Уфе из шести функционировавших ранее мечетей продолжали работу лишь две. Пятая соборная мечеть в официальной документации с этого времени стала обозначаться как вторая соборная. В 1960 году здание мечети пострадало от пожара, охватившего верхний ярус. Несмотря на сохранность фундамента, напольного покрытия и стен нижнего этажа, городским советом было отказано верующим в просьбе о проведении восстановительных работ. К июлю 1960 года мечеть была полностью ликвидирована. Постановлением Совета Министров Башкирской АССР под номером 321 от 7 мая 1962 года была упразднена религиозная община мусульман, относившаяся ко второй соборной мечети. В 1914 году у подножия Лагерной горы, ныне именуемой улицей Проломной, под номером 23/1, было положено начало строительству шестого по счету медресе, которое планировалось возвести на базе соборной мечети. Работы по возведению были завершены к 1918 году, и предстало оно как двухэтажное строение из дерева, выделявшееся своей тонкой и искусной резьбой. Первым имам-хатыбом в этом образовательном учреждении был назначен Хабибулла Габдрауфович Ахтямов[15].

В связи с развернувшимися в 1930-х годах репрессиями, Ахтямов Х.Г. был поставлен в условия, не позволившие ему продолжать свою работу. Следствием этого стало временное прекращение работы мечети. На основании постановления, принятого Башкирским Центральным Исполнительным Комитетом 9 октября 1934 года, функционирование 6-й соборной мечети было официально прекращено.

Впоследствии её здание передано под общежитие для работников треста «Уфажилкоммунстрой». В 1960-х годах сооружение подверглось значительной реконструкции и было переоборудовано под жилой дом.

В 1923 году Центральное духовное управление получило официальное одобрение на постройку седьмой по счету соборной мечети в городской черте. Ишаева Нурлыгаяна Миннигареевича, пользовавшегося большим влиянием и уважением среди верующих, утвердили в качестве имама новой мечети. Городские власти выделили земельный надел под культовое сооружение в том же году, определив его местом перекресток Иркутской и Заводской улиц. Несмотря на выделение земли, строительство мечети так и не было осуществлено по неизвестным причинам. До момента закрытия мечети в 1928 году богослужения проводились в частном доме, что создавало определенные трудности для верующих. Это временное решение позволило сохранить религиозную практику в отсутствие здания.

Таким образом, можно сказать, что первое упоминание о постоянно действующих мечетях и медресе на территории Башкортостана относится к XVII веку. Как правило, они находились в сельской местности, отличались скромными размерами и размещались в обычных деревенских домах.

К началу XX века в пределах Уфимской губернии было зарегистрировано около сорока учебных заведений типа медресе. Каждая мечеть, возведенная в регионе, выполняла важную общественно-просветительскую функцию, поскольку была неразрывно связана с деятельностью медресе. Именно там молодое поколение получало образование, расширяя свой кругозор и приобретая новые знания. Медресе служили центрами распространения грамотности и культуры среди населения. Связь мечетей и медресе являлась характерной чертой духовной жизни Башкортостана того времени.

15 Калимуллин Б.Г. Архитектурные памятники Башкирии. Уфа: Башкнигоиздат, 1958. С.89.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оп. 3. д. 11506. Л. 4–5; Оп. 11. д. 523. Л. 64.
2. История исламской педагогики и образования: Хрестоматия / сост.Т.М. Аминов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. – 170 с.
3. Культура Башкортостана: Учебник для 8 кл. / С. А. Галин, Г. С. Галина, Ф. Т. Кузбеков [и др.]; [Под общ. ред. С.А. Галина]. - Уфа: Китап, 2003 (Уфим. полигр. комб.). - 261 с.
4. Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1, ч. 1.
5. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. — М.: Наука, 1974. — 572 с.
6. Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX — первая четверть XX в. — М.: Наука, 1984. — 252 с.
7. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. - Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. — 352 с.
8. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период, 60-90-е годы XIX в. / М. Н. Фархшатов; Рос. АН, Уфим. науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит. — Москва: Наука, 1994. — 144 с.
9. Валидов Д.Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.) / Джамалютдин Валидов. — М., Пг.: Гос. изд-во, 1923. — 106 с.
10. Валиева Р.М., Яминова С.А., Горемыкина Л.И. Устойчивые элементы мусульманской архитектуры пореформенного периода в Башкирии. Социально-гуманитарные знания. 2018. № 10. С. 85–93.
11. Урманцев Н.М. Мусульманские культовые памятники как свидетельство распространения ислама на территории Урало-Поволжья: Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. — 164 с.
12. Калимуллин Б.Г. Архитектурные памятники Башкирии / Б. Калимуллин, канд. архитектуры; Акад. наук СССР. Башкир. филиал. Ин-т истории, языка и литературы. - Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1956. - 3 т.
13. https://posredi.ru/enc_P_Pervaia_soborn_mechet.html

© Муратов Артур Эдуардович (artur.muratov.bgu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.36

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АФГАНСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА Ш.М. МИРЗИЁЕВА (2016 – 2024 ГГ.)

THE ECONOMIC ASPECT OF THE AFGHAN DIRECTION OF THE FOREIGN POLICY OF THE GOVERNMENT OF SH.M. MIRZIYOYEV (2016-2024)

N. Serdtsev

Summary: The article presents the results of an analysis of the transformation of Uzbekistan's foreign economic policy towards Afghanistan, under the control of the Taliban, during the term of office of the President of the Republic of Uzbekistan, Sh.M. Mirziyoyev, in 2016-2024. The chronological framework of the study defines the boundaries of the exercise of the powers of the President of Uzbekistan, the period during which new principles and directions of the state's foreign policy towards Afghanistan were defined. The main purpose of the study is to find the reasons that influenced the change in Uzbekistan's foreign policy during the period under review, as well as to assess the Afghan direction of foreign economic policy implemented by Uzbekistan during the period under review.

Keywords: Afghan direction in Uzbekistan's foreign policy, Sh.M. Mirziyoyev, terrorist threat, international trade, foreign economic policy of Uzbekistan, Afghanistan.

Сердцев Никита Сергеевич
Аспирант, ФГБОУ ВО Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
onlyd2@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты анализа трансформации внешнеэкономической политики Узбекистана в отношении Афганистана, находящегося под управлением Талибана, в период осуществления полномочий президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёевым в 2016 – 2024 гг. Хронологические рамки исследования определены границами осуществления полномочий Президента Узбекистана, периодом, в течение которого были определены новые принципы и направления внешней политики государства в отношении Афганистана. Основной целью исследования ставится поиск причин, повлиявших на изменение внешнеполитического курса Узбекистана в рассматриваемый период, а также оценка афганского направления внешнеэкономической политики, осуществлявшейся Узбекистаном в рассматриваемый период.

Ключевые слова: афганское направление во внешней политике Узбекистана, Ш.М. Мирзиёев, террористическая опасность, международная торговля, внешнеэкономическая политика Узбекистана, Афганистан.

Современные политологи уделяют большое внимание проблематике, связанной с экономическим и политическим развитием центральноазиатского региона, что вызвано актуализацией вопросов геополитического характера: развитием транснациональных торговых путей, миграционными процессами, борьбой за экономические ресурсы региона, в которую втянут ряд стран, претендующих на определяющее влияние в регионе.

Приход к власти в Афганистане движения Талибан привел к сворачиванию практически всех программ экономического характера с Афганистаном, как со стороны международных организаций, так и со стороны национальных государств, имевших экономические и политические интересы в этой центральноазиатской стране, ввиду международного признания движения Талибан террористическим и экстремистским.

Однако с 2016 г., то есть после победы в президентских выборах Ш.М. Мирзиёева, во внешней политике Узбекистана происходят радикальные изменения в отношении признания необходимости развивать экономические связи со своим южным соседом, что актуализирует проблему поиска причин смены внешнеэкономической политики Узбекистана в рассматриваемый период, а также анализа первых результатов смены внешнеэкономического курса в период осуществления полномочий главы Узбекистана Ш.М. Мирзиёевым.

Исследование строится на применении общенаучных методов научного познания, методы статистических исследований, методы сравнительного анализа на основе принципов историзма, объективности и комплексного подхода к изучению материалов исторических и иных источников в рамках научного исследования политических и экономических процессов, происходящих в государствах среднеазиатского региона.

Статья подготовлена с использованием материала нормативных актов стратегического и концептуального характера, разрабатываемых в Узбекистане в рассматриваемый и более ранние периоды развития внешнеэкономических отношений республики с соседними государ-

ствами, а также материалы статистического характера, позволяющие сделать объективные выводы о развитии экономических отношений между двумя государствами. Кроме того, использованы материалы, размещенные на официальных сайтах, в том числе официального сайта Правительства Исламского эмирата Афганистан.

При подготовке статьи использованы материалы ранее опубликованных исследований по проблематике темы, а также материалы международных конференций, политические обзоры, в рамках которых анализируются процессы развития внешней политики Узбекистана, происходившие в рассматриваемый период в рамках развития внешнеэкономических отношений между Узбекистаном и Афганистаном.

Значимость афганского направления во внешней политике Узбекистана определяется, прежде всего, наличием общей границы протяженностью 137 км., проживанием весьма значительной узбекской диаспоры, составляющей около двух миллионов из 16-ти миллионного населения страны, на территории Афганистана (по большей части, в его восьми северных провинциях), наличием традиционных родственных, культурных, религиозных и торговых связей республики, особенно с северными провинциями Афганистана.

Если до 2016 г. на межгосударственном уровне внешнеторговые связи между двумя государствами практически не осуществлялись, что было вызвано ожиданием усиления алармизма в отношении деятельности талибов, то в рассматриваемый период направленность «афганского вектора» резко меняется: развивается приграничная торговля, заключаются долгосрочные договоры о поставках товаров, в которых нуждается афганское население, обеспечивается транзит товаров в Афганистан из других стран, также заинтересованных в развитии торгово-экономических отношений с Афганистаном.

Следует отметить, что первоначально, то есть в 2016 – 2017 гг. отмечается не столько рост приграничной торговли, сколько направление в Афганистан грузов гуманитарного характера, прежде всего традиционных для центрально-азиатского региона продуктов питания (мука, рис, растительное масло и др.), а с октября 2021 г. Узбекистан присоединился к осуществлению гуманитарной миссии Группы ООН по устойчивому развитию, создавшей логистические структуры на границе Узбекистана и Афганистана, а на складе в Термезе формируются продовольственные пайки для оказания чрезвычайной помощи, санитарно-гигиенические наборы и другие предметы первой необходимости, включая туристические коврики, брезент, флис, одеяла и кухонные наборы. Продукты питания первой необходимости, в число которых входит и мука, отправляются из центра в Термезе во все уголки Афганистана, а одномоментно на территории склада находится более тысячи тонн гуманитарных грузов [сайт Группы ООН по устойчивому развитию].

Начиная с 2016 г. меняется политика Узбекистана в отношении развития связей с соседним государством, а оборот внешней торговли с каждым годом растет, хотя и не достигает уровня, сравнимого с торговым оборотом с ведущими торгово-экономическими партнерами Узбекистана, Китаем и Россией, а торговое сотрудничество Узбекистана со своим южным соседом находит отражение в программных документах, определяющих общую стратегию развития государства на период до 2030 г.[10].

Следует отметить, что ранее, в Концепции внешней политики Республики Узбекистан 2012 г. [9], в качестве внешнеэкономического партнера Афганистан не указывался, хотя общие принципы внешнеполитического и внешнеэкономического курса государства, которые осуществлялись при президенте И. Каримове, после 2016 г. легли в основу внешней политики, проводимой при президенте государства Ш.М. Мирзиёеве, а наиболее характерной чертой внешней политики Узбекистана стала преемственность в понимании основных принципов и общей направленности внешнеполитического курса. Основные принципы многовекторности, неприятия участия в международных союзах, направленность политики которых могла бы существенно повлиять на самостоятельность государства в выборе приемлемого для него варианта осуществления внешней политики, проведение открытой, прагматичной и конструктивной внешней политики, то есть принципы, впервые обозначенные еще в 1993 г.

Изменение внешнеполитического курса Узбекистана привел к тому, что 2019 г. Узбекистан вошел в десятку стран – основных внешнеэкономических партнеров Афганистана (восьмое место) по импорту товаров, но по экспорту товаров из Афганистана в число ключевых торговых партнеров Узбекистан не попал: по данному показателю его обошел даже Таджикистан [19], проводящий в отношении Афганистана совершенно иную политику.

После прихода к власти движения Талибан наступил резкий спад в торговых отношениях между Узбекистаном и Афганистаном, но постепенно торговые отношения стали восстанавливаться, хотя даже в сравнении с цифрами 2019 г. налицо существенное снижение основных показателей: если только импорт из Узбекистана в 2019 г. составил 433 млн. долларов США [19], то в 2023 г. совокупный торговый оборот между двумя государствами вырос в шесть раз по сравнению с 2022 г. и составил 266 млн. долларов США. Однако, наиболее значимой характеристикой внешнеэкономических отношений между двумя государствами следует рассматривать разработку проектов, в основном, инфраструктурного характера. К таким проектам следует отнести проект строительства линии электропередач напряжением 500 киловольт, инвестирование в различные сектора эконо-

мики Афганистана, строительство дороги Торхам – Джелалабад и другие проекты [17].

На официальном сайте Правительства Исламского Эмирата Афганистан 3 февраля 2025 г. была размещена информация об общем объеме торгового оборота между двумя странами: только в рамках одной встречи узбекской делегации с министром промышленности и торговли Афганистана подписаны соглашения на сумму в 4,5 млн долларов США.

Узбекистан и Афганистан от политики развития приграничной торговли с северными провинциями Афганистана, населенными преимущественно этническими узбеками, переходят к политике развития инфраструктурных проектов, в развитии которых высказывают интерес и страны, не входящие в регион Центральной Азии, в том числе Россия, Китай, США и ЕС. Новое направление в развитии межгосударственных инфраструктурных проектов было обозначено на проходившей 22 июля 2022 г. в Ташкенте Международной конференции «Афганистан: безопасность и экономическое развитие», на которой и была высказана заинтересованность в осуществлении таких ипнфраструктурных проектов, как строительство железной дороги «Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар», прокладка ЛЭП «Сурхан – Пули-Хумри», других проектов, в реализации которых заинтересована Россия. В итоговом документе была отмечена роль президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева в работе по восстановлению и развитию экономики Афганистана, осуществлению проектов в гуманитарной сфере [4]. Проведение Международной конференции 2022 г. стало подведением итогов осуществления внешнеэкономической политики Узбекистана в отношении своего южного соседа, направленность которой резко меняется в 2016 – 2017 гг. Результаты международной конференции 2022 г. следует также оценивать как факт признания правильности осуществления афганского направления международной политики Узбекистана, а также политики многовекторности и разделения политических и экономических целей в рамках межгосударственного сотрудничества.

Однако все проекты торгово-экономического сотрудничества Афганистана как с Узбекистаном, так и другими странами и их объединениями, ставятся под условие соблюдения условия общей борьбы с терроризмом и невмешательства Талибана во внутреннюю политику соседних с ним государств, как это было провозглашено руководством движения Талибан в 2021 г. с момента захвата столицы и прихода к власти в Афганистане [18].

Смена направленности внешней политики Узбекистана в отношении своего южного соседа, в том числе и во внешнеэкономических отношениях, происходит в полном соответствии с изменением отношения к власти талибов со стороны других государств, в том числе и России. Причем, само движение Талибан многими странами признается террористическим, этого же курса в рассматриваемый период придерживается и Узбекистан, но оценки террористической направленности основной политической силы Афганистана постепенно смягчаются, в том числе постепенно изменяются и политические оценки со стороны узбекского руководства, что также сказывается на росте показателей внешней торговли двух стран. Результатом проведения политики экономического прагматизма со стороны правительства Узбекистана к движению Талибан стало исключение в 2024 г. данной организации из официального списка террористических и экстремистских организаций, ежегодно обновляемого в Узбекистане, что следует расценивать как основу для дальнейшего развития внешнеэкономических отношений между двумя государствами.

Отечественными и зарубежными исследователями признается, что с 2016 г., то есть с началом первой каденции Ш.М. Мирзиёева в должности президента Узбекистана, постепенно меняется направленность внешнеполитического курса республики в отношении южного соседа с полного отрицания необходимости формирования целостной экономической политики в данном направлении и непризнания пришедшего к власти в Исламском Эмирате Афганистан движения Талибан до фактического признания новой власти в Афганистане и выстраивания внешнеэкономических связей комплексного характера в рассматриваемый период.

К проблеме трансформаций внешней политики Узбекистана в рассматриваемый период отечественные исследователи обращаются достаточно часто, либо в контексте комплексного анализа ключевых векторов внешней политики центральноазиатской республики [2], либо в рамках исследований более узкой направленности, например, в изучении исключительно внешнеторговых отношений Узбекистана со своими традиционными торговыми партнера и соседями [5]. Как правило, вопросы внешнеэкономического характера рассматриваются в контексте анализа основных векторов внешней политики Узбекистана, то есть рассматриваются как элемент внешней политики государства, в целом [1]. С.А. Притчин, рассматривая вопрос о трансформации внешней политики Узбекистана в 2016 г., делает акцент, что результатом этой трансформации стало получение дивидендов Узбекистаном и в политической, и в экономической сферах [8].

Следует согласиться с общепризнанным выводом, касающегося характеристики общей направленности внешней политики Узбекистана: центральноазиатское государство старается проводить независимую внешнюю политику как в отношении своих соседей, так и относительно внешнеполитических объединений регионального и межрегионального характера. Узбекистан старается не принимать радикальных шагов в отноше-

нии таких политических объединений за исключением ШОС как гаранта политической стабильности стран-участниц данного объединения, а также продолжается участие в СНГ, в которое входят исключительно страны, образованные по результатам распада Советского Союза. Аналогичная политика проводится руководством Узбекистана и в отношении торгово-экономических объединений, не ставящих перед собой задач политического свойства, то есть БРИКС и ЕАЭС, в рамках которых Узбекистан имеет статус наблюдателя. Данный аспект отечественными исследователями затрагивается весьма осторожно, жесткие выводы относительно позиции Узбекистана в этом отношении не делаются, но отмечается тенденция к усиливающейся заинтересованности в совместной работе со странами-участницами данных объединений, а причиной этого называется проблема межгосударственной координации миграционной политики.

В то же время, узбекские исследователи и политические деятели высказывают резко отрицательные мнения относительно участия Узбекистана в ЕАЭС. считая этот исключительно экономический проект проектом России с неравноправным положением его участников, поэтому полноправное членство в ЕАЭС рассматривается как нарушение принципов внешней политики государства [12].

Анализ развития внешнеэкономических отношений с Афганистаном в рассматриваемый период исследователями проводится в рамках изучения основных направлений торгово-экономических отношений и акций гуманитарного характера, но делаются и попытки системного анализа развития данных отношений. Так, например, В.А. Аватков и З.П. Рожкова в эволюции отношений Узбекистана и Афганистана во внешнеэкономической сфере определяют два этапа: первый (1991 – 2016 гг.), характеризующийся дистанцированием и осторожным отношением к процессам, происходящим в соседней стране, и второй, с 2017 г. по настоящее время, в рамках которого осуществляется совершенно иная политика в отношении Афганистана в политической, экономической и гуманитарной сферах, а основная политическая сила Афганистана, более не признается террористической организацией.

Б. Эргашев, исследуя геоэкономическую трансформацию внешнеэкономических отношений в первые десятилетия XXI в., в отношении экономической политики Узбекистана на основе анализа основных принципов внешнеэкономической деятельности государства формулирует общий принцип, объясняющий трансформацию в понимании руководством Узбекистана направленности развития экономических связей с Афганистаном – принцип сбалансированной равноудаленности в отношении мировых центров силы, что требует, в первую очередь, установления добрососедских отношений со всеми государствами региона, но с учетом целей и задач новой узбекской государственности [13].

Специфика изучения проблематики, связанной с трансформацией и внешнеполитического курса Узбекистана в отношении Афганистана, и отношения к развитию внешнеторговых связей, разработке инвестиционных проектов, в исследованиях среднеазиатских, прежде всего, таджикских и узбекских специалистов, характеризуется противоречивостью оценок: если узбекские исследователи весьма положительно оценивают усилия руководства государства по развитию экономических связей между государствами и в гуманитарной сфере, и в экономических отношениях, в развитии инвестиционных проектов [7], то таджикскими авторами в последнее время часто высказывается критика смены курса узбекского руководства в отношении Афганистана [Одинаев, Норанчова: 2022, 143], что можно объяснить отказом руководства Таджикистана менять отношение к движению Талибан как террористическому, но, скорее всего, это вызвано нежеланием афганского правительства учитывать интересы афганских таджиков, составляющих значительную часть населения государства [3], но эта критика характерна для исследований последнего времени, ранее высказывались и иные точки зрения, например, в отношении гуманитарных проектов правительства Узбекистана? разработки инфраструктурных и инвестиционных проектов, целью чего указывалось стремление к достижению цели стабилизации общественных отношений в соседнем для Узбекистана государстве [6].

Изменение внешнеэкономической политики Узбекистана в отношении Афганистана в 2016 – 2024 гг. вызвано рядом факторов: во-первых, изменением отношения к движению Талибан не только в центрально-азиатских государствах (за исключением Таджикистана), но и со стороны России и ряда других стран – традиционных торгово-экономических партнеров Узбекистана, продолжающих относить афганское религиозно-политическое объединение Талибан к террористическим организациям, но признающих его влияние на афганское общество с учетом отказа Талибана от террористических методов борьбы за власть и политическое влияние в том числе и в отношении соседних государств; во-вторых, четко обозначенным ключевым вектором осуществления внешней политики действующим руководством Афганистана: религиозно-политическое движение, захватившее власть в стране на протяжении нескольких лет придерживается основного направления своей внешней политики, политики невмешательства во внутренние дела соседних государств при условии, что и они не будут вмешиваться в построении традиционного религиозного общества в самом Афганистане.

Ключевым событием, изменившим направленность

развития экономических отношений Узбекистана и Афганистана в рассматриваемый период, можно считать международную конференцию 2022 г., проходившую в столице Узбекистана, поскольку в итоговом документе страны-участницы конференции подтвердили необходимость социально-экономического развития Афганистана как гарантии того, что территория этого государства не будет в дальнейшем использоваться для дестабилизации безопасного развития соседних государств.

Изменение внешнеполитического курса, произошедшего в период первого осуществления полномочий президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёевым, следует считать результатом стремления к минимизации негативных последствий для соседних государств сменой политической системы, произошедшей в Афганистане в 2021 г., а также реализации политики многополярности в отношениях с основными внешнеполитическими силами.

Статистические данные по экспорту-импорту товаров между Афганистаном и Узбекистаном в рассматриваемый период свидетельствуют о росте внешней торговли между двумя странами, но характерной особенностью внешнеэкономической деятельности в двусторонних отношениях превалирует разработка инфраструктурных проектов, которые пока далеки от реализации своими силами. Для их осуществления необходимы инвестиции со стороны тех стран и их объединений. которые заинтересованы в экономическом развитии Исламского Эмирата Афганистан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аватков В.А., Рожкова З.П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 825–834.
2. Ионова Е.П. Итоги президентских выборов в Узбекистане: экономический и политический курс Ш. Мирзиёева // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 4. С. 97–114.
3. Итяшева Д.Р., Лушина А.А., Рахимов К.Р., Чекрыгина Д.Д. Новый режим в Афганистане как вызов безопасности Республики Таджикистан // Постсоветские исследования Т. 6. № 1. С. 76 – 86.
4. Итоговое заявление Министерства иностранных дел Узбекистана по результатам Международной конференции «Афганистан: безопасность и экономическое развитие». URL: https://www.google.com/search (дата обращения: 01.11.2025).
5. Малышева Д.Б. Партнерство России и Узбекистана // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 2. С. 121–131.
6. Мирзоев С.Т. Афганистан во внешней политике Республики Афганистан // Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук республики Таджикистан. 2019. № 2. С. 215–224.
7. Мовланов И.Р. Стратегия внешнеэкономической политики Нового Узбекистана – трансформация экономической дипломатии // Поссоветские исследования. 2023. С. 252–265.
8. Притчин С.А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 г. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. № 4. С. 784–790.
9. Концепция внешней политики Республики Узбекистан. URL: https://gov.uz/ru/2012_ concept (дата обращения: 01.11.2025).
10. Стратегия «Узбекистан – 2030». URL: https://gov.uz/ru/pages/2030_strategy (дата обращения: 01.11.2025).
11. Одинаев А.А.С.М., Норанчова А.С.Х. Хамкорихо миёни Узбекистон ва Афгонистон // Осеё ва аврупо. 2022. № 2. С. 139–145.
12. Толипов Ф. Тридцать лет международных отношений Узбекистана: Quo vadis? // Crossroads policy Brief. 2020. № 4. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1740029136&tld=ru&lang=ru&name=CCAPB4_Tolipov (дата обращения: 01.11.2025).
13. Эргашев Б. Принцип «сбалансированной равноудаленности в отношении мировых центров силы» во внешней политике Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 1. С. 124–136.
14. За год торговля между Узбекистаном и Афганистаном выросла в шесть раз. URL: https://www.spot.uz/ru/2024/01/10/afghanistan-trade/ (дата обращения: 01.11.2025).
15. Официальный сайт Правительства Исламского эмирата Афганистан. URL: https://www.alemarahenglish.af/afghanistan-and-uzbekistan-ink-4-5-million-trade-agreements/ (дата обращения: 01.11.2025).
16. Официальный сайт Группы ООН по устойчивому развитию. URL: https://unsdg.un.org/ru/latest/stories/gumanitarnyy-krizis-v-afganistane-uzbekistan-prikhodit-na-pomosch-sosedu?afd_azwaf_tok (дата обращения: 01.11.2025).
17. Сайт издания Tolonews. URL: https://tolonews.com/search?search=Uzbekistan (дата обращения: 01.11.2025).
18. Сайт издания Khaama Press. URL: https://www.khaama.com/afghan-taliban-issues-statement-for-the-central-asian-countries-01509/ (дата обращения: 01.11.2025).
19. Годовая статистика международной торговли товарами (HS). URL: https://trendeconomy.ru/data/h2/Afghanistan/TOTAL (дата обращения: 01.11.2025).

© Сердцев Никита Сергеевич (onlyd2@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.37

РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ЩЕРБАТОВА

RECEPTIONS OF ANTIQUITY IN THE WORKS OF M.M. SHCHERBATOV

V. Skopa

Summary: This article examines the interpretation of ancient culture and philosophical thought in the creative legacy of the 18th-century Russian thinker Mikhail Mikhailovich Shcherbatov. The study focuses on the reception of classical ideas and images in his literary and journalistic works. Particular attention is paid to a comparative analysis of the transformation of ancient ideals of state structure, virtue, and public morality as interpreted by Shcherbatov. The author examines how classical historical and philosophical models were adapted to the context of 18th-century Russian realities, revealing the originality of the thinker's worldview. The novelty of this work lies in its comprehensive approach to the study of Shcherbatov's receptive strategies, revealing the deep intertextual connections between the ancient tradition and his own philosophical and journalistic works.

Keywords: Russian Empire, receptions, M.M. Shcherbatov, Enlightenment, rationalism.

Скопа Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматривается интерпретация античной культуры и философской мысли в творческом наследии российского мыслителя XVIII столетия Михаила Михайловича Щербатова. Исследование фокусируется на анализе рецепции классических идей и образов в его литературных и публицистических произведениях. Особое внимание в статье уделяется компаративному анализу трансформации античных идеалов государственного устройства, добродетели и общественной морали в интерпретации Щербатова. Автор исследует, как классические историко-философские модели адаптировались в контексте российских реалий XVIII века, раскрывая оригинальность мировоззрения мыслителя. Новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению рецептивных стратегий Щербатова, выявлении глубинных интертекстуальных связей между античной традицией и его собственными философско-публицистическими произведениями.

Ключевые слова: Российская империя, рецепции, М.М Щербатов, просвещение, рационализм.

Михаил Михайлович Щербатов – выдающийся русский историк, философ и писатель XVIII века, чье творчество отличается глубоким интересом к античной культуре и философской мысли. Рецепция античных идей и образов в его работах представляет собой важный пласт интеллектуального наследия российского Просвещения.

В период правления Екатерины II изучение античного наследия приобрело особую значимость, что было обусловлено влиянием просветительских идей из Западной Европы. Интеллектуальная элита того времени проявляла повышенный интерес к культурному опыту древних цивилизаций, что существенно отразилось на развитии исторических исследований. Как отмечает исследователь Е.А. Чиглинцев, осмысление античной традиции стало ключевым направлением в интеллектуальной жизни эпохи. Необходимость научного анализа этого феномена становится все более очевидной на фоне расширения методологических подходов в историографических и историко-культурных исследованиях [10]. Обращение к классическому наследию служило не только источником вдохновения, но и инструментом переосмысления современной исторической реальности, позволяя интеллектуалам екатерининской эпохи формировать новые концептуальные представления об историческом процессе [1, 8].

Екатерининская эпоха формировала уникальный интеллектуальный контекст, в котором М.М. Щербатов рассматривал античность не просто как далекое историческое явление, а как живое, актуальное культурное пространство. Для образованного деятеля того времени классическое наследие было не музейным экспонатом, а живым источником идей и вдохновения, который пронизывал интеллектуальную атмосферу [3]. Закрепленные в исторической памяти античные образы служили мощным интерпретационным инструментом, наполняя просветительские произведения глубоким символическим содержанием. Античные влияния в творчестве Щербатова проявляются на нескольких уровнях:

Философская парадигма. Щербатов активно осмысливал античные философские концепции, особенно платоновские и стоические идеи. В трактате «О повреждении нравов в России» он использует платоновскую модель идеальной государственности как критический инструмент анализа российской социальной реальности.

Литературные рефлексии. У Щербатова есть реминисценции из античной литературы. Его утопический роман «Путешествие в землю Офирскую» построен на традициях утопического жанра, восходящего к «Республике» Платона и «Государству» Аристотеля.

Историософские концепции. Осмысление истори-

ческого процесса у Щербатова в значимой степени базируется на античных представлениях о цикличности истории. Он рассматривает общественное развитие через призму возвышения и упадка цивилизаций, коррелирующих с идеями Полибия и других античных историографов.

Просветительская методология. Щербатов воспринимает античную традицию как образец рационалистического постижения мира. Он использует античные модели рациональности для критики современных социальных институций [7].

Античный мир впервые сформулировал и практически реализовал концепцию свободы, где философы провозглашали идею внутренней независимости [2]. Щербатов глубоко исследовал феномен свободы, рассматривая ее как высший естественный дар. По его мнению, каждый индивид по своей сути стремится к независимости. Механизмы социального контроля – воспитание, законодательство, обычаи лишь создают иллюзию добровольного покорения власти. В то же время историк осознавал антагонизм между индивидуальной свободой и самодержавием [11, 12]. Он критически отмечал, что неограниченная личная свобода представляет угрозу авторитарной системе управления, поскольку порождает потенциальную общественную нестабильность. Новая парадигма требовала от личности абсолютной независимости от внешних обстоятельств и освобождения от материальных зависимостей, что было идеальным для сознания XVIII века.

Для понимания воззрений Щербатова на концепцию свободы целесообразно обратиться к его публицистическому труду «Разговор между двух друзей о любви к отечеству». В диалоге два собеседника – Филопатрис и Политис рассуждают о целесообразности продолжения государственной службы [5]. Герои представляют диаметрально противоположные точки зрения: Филопатрис убежден, что каждый добропорядочный гражданин способен проявить патриотизм через служение государству, в то время как Политис критически оценивает существующую систему управления. Он указывает на многочисленные проблемы: неудовлетворительное снабжение армии, нарушение законодательных норм, некомпетентность руководящих кадров. Для Щербатова, дворянина XVIII столетия, приверженного сословным интересам и монархическим воззрениям, употребление выражения «пастырь для стада» выглядит неоднозначно. Как представитель дворянского сословия, он выделялся среди современников необычайно широким спектром научных изысканий. Щербатов создал фундаментальный исторический труд обобщающего характера. При исследовании взаимоотношений личности и власти мыслитель обращался к классическому интеллектуальному наследию.

Богатый внутренний мир Щербатова не укладывался в жесткие рамки стратифицированной системы XVIII века с ее сословными ограничениями и иерархической структурой управления. Одновременно внешние обстоятельства становились серьезным препятствием для самореализации дворянина эпохи «просвещенного абсолютизма». Ситуация внутреннего конфликта между разумом и эмоциями неизбежно отразилась на подсознании Щербатова, что может служить объяснением противоречивости его личности и воззрений [1].

В ходе работы Уложенной комиссии Щербатов активно выступал против существующих торговых практик. Он критиковал жестокое обращение купцов со своими крестьянами и настаивал на ограничении их прав, одновременно выступая за расширение экономических возможностей дворянского сословия [11]. Однако реальная жизнь внесла существенные коррективы в его теоретические воззрения, заставив пересмотреть изначальные жесткие установки.

Антиномия идей Щербатова и его практической деятельности выступает ярким олицетворением конфликта между инновационными устремлениями и традиционным укладом российского общества екатерининской эпохи [6]. Этот российский дворянин стал живым воплощением такого внутреннего противоречия. Парадоксальность позиций Щербатова во многом напоминает жизненный путь древнеримского ритора Луция Аннея Сенеки, которым он искренне восхищался. Между ними прослеживаются разительные параллели: оба мыслителя потерпели неудачу в политической и государственной сферах, не сумев реализовать свои амбициозные устремления. Их блестящий интеллектуальный потенциал так и не нашел полноценного воплощения в практической деятельности. Схожесть их траекторий проявляется и в тематике философских размышлений. Щербатов, подобно Сенеке, глубоко анализировал фундаментальные экзистенциальные вопросы: сущность жизни и смерти, природу человеческих пороков и страстей. Их интеллектуальные искания выходили далеко за рамки повседневной реальности, затрагивая универсальные философские проблемы.

Щербатов М.М. неоднократно обращался к античным образам в своих литературных произведениях. В «Разговоре...» он целенаправленно формулирует ключевые ценностные ориентиры для идеального гражданина. Мыслитель тщательно подбирал античных персонажей, принимая во внимание их моральные качества и готовность пожертвовать собой ради служения отечеству [5]. Траектория личностного и профессионального развития Щербатова была тесно связана с созданным им концептуальным образом гражданина, чьи действия должны базироваться на неукоснительном следовании закону и нравственным принципам. В своих наставлениях он

подчеркивал необходимость сохранения личной чести и достоинства. Щербатов формулирует конкретные рекомендации для такого идеального человека: избегать недостойных методов достижения высоких должностей, стремиться к признанию исключительно благодаря личным качествам и заслугам. Он призывает к умеренности, отказу от роскоши, невосприимчивости к лести и покровительству влиятельных персон.

Ключевыми принципами для него становятся защита социально уязвимых групп, поддержка научного знания, справедливое вознаграждение достойных и наказание злоумышленников. Щербатов резюмирует свой идеал триадой основополагающих ценностей: неукоснительное следование закону, беззаветная любовь к отечеству и безупречная нравственность. Щербатов обращается к легендарным героям античной истории, среди которых выделяются такие знаковые фигуры, как древнегреческие Ликург и Кодр, а также римляне Гай Муций Сцевола и Марк Курций [3, 9, 11]. Особое место среди них занимает Гай Муций Сцевола, ставший для мыслителя символом абсолютного патриотизма. Согласно древнему преданию, Сцевола совершил подвиг самопожертвования, проникнув в стан этрусков с целью убийства царя Порсены. После пленения он демонстративно опалил собственную руку в огне, показывая полное презрение к физической боли и готовность пожертвовать собой ради спасения отечества. Этот героический акт стал для Щербатова квинтэссенцией гражданской доблести – готовности поступиться личным во имя общественного блага.

Выбирая подобных исторических персонажей, Щербатов подчеркивал непреходящую ценность беззаветного служения родине, способности человека преодолевать личный страх и физические страдания ради высшей цели. Эти античные герои становились для него образцами нравственного идеала гражданина. Щербатов, продолжая рассуждение, акцентирует внимание на героях, которые, несмотря на личные страдания от несправедливости, сохраняли непоколебимую верность отечеству. Мыслитель подчеркивает принципиальную разницу между слабостью народа, своеволием правителей и фундаментальным долгом перед семьей. Даже перенося несправедливые гонения, истинный патриот не должен прерывать отношения со своим государством.

Особое восхищение у Щербатова вызывал римский полководец Квинт Фабий Максим Кунктатор, которого сам Ганнибал считал более мудрым стратегом. Несмотря на многочисленные оскорбления и унижения со стороны соотечественников, Фабий демонстрировал непоколебимую преданность родине. Плутарх характеризовал Фабия как человека, который в сложных обстоятельствах доказал, что его вроде бы пассивность является действительно контролируемостью эмоций, осторожность – проявлением мудрости, а замедленность – признаком стратегической надежности [4]. Щербатов видел в этом образец гражданской добродетели – способности покорять личные амбиции общественным интересам. Для мыслителя такие персонажи воплощали самые высокие нравственные добродетели: готовность к самопожертвованию, эмоциональную сдержанность, рациональность и несокрушимую преданность родине, несмотря на любые личные испытания.

Щербатов в «Разговоре...» обращается к античным персонажам, которые были в эпицентре внимания выдающихся просветителей – Монтескье и Руссо. Французские мыслители часто апеллировали к образам афинских политических и военных деятелей Аристида и Фемистокла. Особенно показательным для просветителей и Щербатова стал образ древнегреческого законодателя Ликурга, создавшего унифицированный правовой кодекс. Мыслитель подчеркивает готовность Ликурга пожертвовать личным ради утверждения общественно важных принципов. Для Руссо принципиальное значение приобретала способность Ликурга ввести социальное равенство. Он высоко ценил стремление законодателя сформировать такую модель государственного устройства, где каждый гражданин имел реальную возможность выражать собственное мнение, а коллективная воля доминировала над партикулярными интересами. Щербатов, как и просветители, видел в Ликурге образец мудрого реформатора, готового покорить личные амбиции цели создания справедливого общественного порядка. Обращение к таким героическим фигурам было не просто данью исторической традиции, а глубоким методологическим приемом осмысления ключевых социально-политических принципов.

Античные образы, представленные в произведении Щербатова, были избраны под мощным влиянием просветительской мысли, которая, в свою очередь, служила идеологической основой Великой французской революции. Марк Фурий Камилл стал для мыслителя образцом гражданской доблести и патриотизма. По свидетельствам исследователей, римские авторы приложили значительные усилия для создания образа Камилла как идеального воплощения римских добродетелей. Он символизировал непреклонное благочестие и могущество римского государства. Щербатов, находясь под влиянием античной традиции, с восхищением описывает доблести Камилла как выдающегося полководца, победителя фалисков, фиденатов и тосканцев, взявшего штурмом город Вену после десятилетней осады [11]. В то же время мыслитель подчеркивает трагическую иронию его судьбы – после всех побед и служения родине Камилл был изгнан как преступник.

Обращение к таким героическим фигурам составляло для Щербатова не просто дань исторической традиции, а глубокий методологический прием осмысления

фундаментальных нравственных принципов служения обществу. Античные герои становились для него живыми примерами гражданской победы, способности покорять личные амбиции общественным интересам [3]. Через эти образы мыслитель формулирует принципиально важную идею: подлинный патриотизм измеряется не только военными достижениями, но и нравственной стойкостью перед лицом несправедливости и измены.

Щербатов в своем произведении «О повреждении нравов в России» уделяет особое внимание фигурам Брута и Кассия, подчеркивая их аскетическую жизненную позицию [13]. Он восхищается их пренебрежением к роскоши, способностью довольствоваться малым и не заботиться о внешних атрибутах могущества. Эти античные герои служили образцом для интеллектуальной элиты, стремившейся установить республиканское устройство. Они символизировали высшие добродетели гражданственности: беззаветную преданность родине, готовность к самопожертвованию и принципиальную нравственную позицию.

Обращение Щербатова к одним и тем же античным образам в разные периоды жизни не было случайным. Избранные им персонажи объединены принципиально важными характеристиками:

1. Готовность пожертвовать личными интересами ради общественного блага.
2. Распространение собственной добродетели на всю гражданскую среду.
3. Символизация идеи свободы.
4. Репрезентация республиканской формы правления.

Для Щербатова эти образы составляли не просто историческую справку, а живое воплощение республиканских идеалов, как альтернатива монархической системе. Через них мыслитель формулирует критическое отношение к абсолютистской модели государственности, противопоставляя ей республиканские ценности гражданской добродетели, коллективной ответственности и личной инициативы.

Таким образом, рецепция античности в творчестве Н.Н. Щербатова носит глубочайший содержательный смысл. Античные влияния выступают не только стилевым приемом, но и фундаментальным методологическим инструментом постижения социальной реальности. Творчество Щербатова показывает органическое включение античной культурной традиции в контекст русского просветительского дискурса. Исследование рецепций античности у Щербатова открывает новые горизонты для понимания интеллектуальной динамики XVIII века, показывая сложные механизмы культурного диалога и интерпретации классического наследия. Исторические личности, в воззрениях Щербатова, стали неотъемлемой частью радикального спектра общественно-политической мысли, чьи идеологические установки нашли практическую реализацию в событиях французской революционной трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. М., 2004.
2. Гомперц Г. Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы. СПб., 1912.
3. Козлова М.И. Образ античной демократии в системе политических взглядов М.М. Щербатова // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX в.). Проблемы изучения. Казань, 2008.
4. Плутарх Сравнительные жизнеописания. М., 2020.
5. Рустам-Заде З.П. Разговор между двух друзей о любви к Отечеству // Ученые записки Ленинградского университета. Сер. филологических наук. 1967. № 339. вып. 72.
6. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М., 1986.
7. Скопа В.А. История просвещенческой мысли в творческом наследии М.М. Щербатова // Современная научная мысль. 2022. № 4.
8. Скопа В.А. Социально-исторические взгляды М.М. Щербатова // Современная научная мысль. 2023. № 1.
9. Токмаков В.Н. Марк Фурий Камилл: превратности судьбы и образа «второго Ромула» // История через личность. Историческая биография сегодня. М., 2005.
10. Чиглинцев Е.А. Рецепция античности в конце XIX – начале XXI вв.: теоретико-методологические основы и культурно-исторические практики. Казань, 2009.
11. Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010.
12. Щербатов М.М. Неизданные сочинения. М., 1935.
13. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М., 1908.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.49

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ТЫЛОВОГО ГОРОДА НАКАНУНЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. КУЙБЫШЕВА (САМАРЫ)

Шматов Евгений Николаевич
кандидат исторических наук, доцент, Приволжский государственный университет путей сообщения
Shmatov_75@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется повседневная жизнь крупнейшего административного центра Среднего Поволжья, города Куйбышева (ныне Самара) в последние годы Великой Отечественной войны. Период 1941–1943 гг. в истории Самары подробно исследован российскими историками. Это было время, когда областной центр пребывал в статусе «запасной столицы» СССР. В данном исследовании преимущественное внимание сосредоточено на периоде с середины 1943 до середины 1945 гг. Изучаются мероприятия областных и городских властных структур по организации повседневной жизни горожан. Показано, как решались жилищные и продовольственные проблемы городского населения, какие меры принимались по организации общественного питания и благоустройства в городе. Исследованы изменения в сферах медицинского и культурного обслуживания горожан. В статье использованы архивные и документальные источники, в том числе личного происхождения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, повседневная жизнь населения, жилищно-бытовые проблемы, продовольственное снабжение, общественное питание, медицинское обслуживание, культурная жизнь.

THE DAILY LIFE OF A REAR CITY ON THE EVE OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF KUIBYSHEV (SAMARA)

E. Shmatov

Summary: The article analyzes the daily life of the largest administrative center of the Middle Volga region, the city of Kuibyshev (now Samara) in the last years of the Great Patriotic War. The period 1941-1943 in the history of Samara has been studied in detail by Russian historians. It was a time when the regional center was in the status of the "reserve capital" of the USSR. This study focuses primarily on the period from mid-1943 to mid-1945.. The activities of regional and city authorities on the organization of daily life of citizens are studied. It shows how the housing and food problems of the urban population were solved, what measures were taken to organize public catering and landscaping in the city. The changes in the spheres of medical and cultural services are investigated. The article uses archival and documentary sources, including those of personal origin.

Keywords: The Great Patriotic War, daily life of the population, housing and household problems, food supply, catering, medical care, cultural life.

Изучение истории г. Куйбышева (ныне – Самары) в годы Великой Отечественной войны постоянно находится в центре внимания российских, в том числе и поволжских, учёных-историков. Областной центр Куйбышевской области, как и многие крупные тыловые города Советского Союза, являлся одним из главных поставщиков вооружения, боеприпасов, обмундирования для Красной Армии и принял значительную часть эвакуированных предприятий и населения из западных регионов СССР. Так же, как и по всей стране в городе были перестроены на военный лад все сферы городской экономики и жизнедеятельности горожан.

Но в то же время г. Куйбышев оказался в уникальной ситуации. Из-за угрозы захвата столицы СССР – Москвы, волжский город стал временной «военной столицей» нашей страны. Эту роль г. Куйбышев выполнял с октября 1941 по август 1943 г. Данный период детально исследован в работах Репинецкого А.И., Храмкова Л.В., Парамонова В.Н., Буранка С.О., Алексушина Г.В. и других учёных [1, 3, 17, 18, 27]. В моём исследовании внимание будет уделено истории города с 1944–45 гг., когда правительственные учреждения и дипломаты покинули Куйбышев.

Экстремальные условия военного времени значительно изменили повседневную жизнь городского населения. Эвакуация промышленных предприятий, строительство новых промпредприятий, перепрофилирование производства местных заводов и фабрик для выпуска военной продукции превратили Куйбышев в один из центров тяжёлой индустрии страны. Промышленность г. Куйбышева за годы войны выросла в 11 раз [4, С. 103].

Изменилась численность горожан. Решающим фактором этого процесса стало размещение в областном центре эвакуированного населения. Если перед войной в Куйбышеве жило около 400 тыс. чел., то в 1943 г. население города составляло 640 тыс. человек [8, Л. 10]. Количество жилплощади на душу населения резко сократилось. Минимальная средняя площадь на человека в некоторых куйбышевских районах составляла 1,25 кв.

м [15, Л. 55–56]. Но уже в 1942 г. в Куйбышеве началось сооружение жилья для эвакуированного населения. На восточной стороне города располагалось множество обширных пустырей. Район назывался Безымянка. Там и разместили большое количество эвакуированных предприятий. Соответственно, там же началось сооружение жилья для эвакуированных работников [15, Л. 55–56].

Из-за экстремальных условий военного времени, недостатка средств и спешки большая часть построек была барачного типа. В 1944–45 гг. Советское правительство, в связи с перемещением линии фронта к границе СССР и далее, стало уделять большее внимание повседневной жизни тылового населения. Были увеличены государственные ассигнования на жилищное строительство. Значительные средства шли на обустройство областных столиц, многие из которых за годы войны превратились в крупные многопрофильные промышленные центры. По рекомендации созданного в 1944 г. Наркомата жилищно-гражданского строительства (Наркомгражданстрой) РСФСР в Куйбышеве на территории района Безымянка строили в основном одноэтажные дома [29, Л. 37–38]. Реже трёх - и даже четырёхэтажные здания. Но строительство таких сооружений считалось дорогостоящим. Поэтому рекомендовалось возводить их в ограниченном количестве, как архитектурные дополнения к городскому пейзажу.

За 1940–1946 гг. количество жилой площади в г. Куйбышеве увеличилось на 717,5 тыс. кв. метров и к 1 января 1946 г. достигло 2 миллиона 179 кв. метра. Средняя обеспеченность жилплощадью одного жителя по-прежнему была небольшой и составляла 4,7 кв. метра на человека [14, с. 49]. Повышению жилищных норм в г. Куйбышеве способствовала и начавшаяся реэвакуация населения. Если в 1943 г. в городе жило 640 тыс. человек, то в 1945 г. население города уменьшилось до 516 тыс. [8, Л. 10]. Работник завода им. Ворошилова Кузнецов А.М. вспоминал, что в конце 1943 г. он и многие молодые несемейные рабочие переехали из общежития барачного типа в дом-общежитие, построенного в районе Юнгородка, с вполне благоустроенными комнатами [2, с. 316].

Молодым семьям везло ещё больше. В мемуарных заметках Лепский И.М., работавший начальником участка авиационного завода, вспоминает об охватившей его бурной радости при получении ордера на 12-метровую комнату, которую он с женой и матерью получили в новопостроенном доме [2, с. 322]. Но помимо количества жилых метров, куйбышевцам требовался и житейский комфорт. Однако с началом войны была нарушена устойчивая работа объектов коммунального назначения. Город ещё до войны был оборудован водопроводом и канализацией. Но уже в 1941 г. городская водопроводная сеть подавала половину нормы воды на человека в сутки [9, Л. 20]. Размещение в городе промышленных предприятий оборонного значения, появление новых жилых районов привело к тому, что куйбышевские городские власти получили дополнительные ассигнования на расширение водопроводных и канализационных сетей. Причём данный вид коммунального обустройства из всех средневолжских городов осуществлялся только лишь в Куйбышеве. Длина городской водопроводной сети возросла с 14 км в 1940 г. до 35 км в 1945 г. Подача воды в сеть увеличилась с 17 тыс. куб. метров до 44 тыс. куб. метров [10, Л. 64-65]. Однако обеспечение населения водой по-прежнему оставалось неудовлетворительным. При норме 30 литров в сутки на одного человека, среднесуточная подача была 12 литров [10, Л. 65]. Чтобы справиться с бытовыми проблемами, горожане сооружали колодцы во дворах жилых домов. В качестве материала для строительства использовали доски с дворовых заборов.

От работы городской канализации зависело поддержание чистоты и санитарного порядка в городе. Партийные и городские власти Куйбышева уделяли этой проблеме приоритетное внимание. За военный период одиночное протяжение канализационных сетей увеличилось с 65 км в начале 1942 г. до 78 км в 1945 г. [10, Л. 66]. В последние годы войны увеличилась общая протяжённость главных канализационных коллекторов с 9 км в 1940 г. до 16 км в 1944 г. Пропуск сточных вод вырос более чем в два раза, с 9200 тыс. куб. метров в 1940 г. до 21262 тыс. куб. метров в 1944 г. [10, Л. 66]. Это произошло, во многом, благодаря подключению к канализации домов-новостроек в новых окраинных районах.

Однако многое в сфере бытового обслуживания горожан оставалось в неудовлетворительном состоянии до конца войны. Банно-прачечное хозяйство функционировало с перебоями. Бани и прачечные постоянно сталкивались с недостачей воды, с отключениями электроэнергии, с перебоями в получении топлива. Поэтому качественно обслужить городское население они не могли. Причём несмотря на рост численности горожан, количество предприятий бытового обслуживания сокращалось. С 1940 по 1944 гг. число коммунальных бань в Куйбышеве сократилось с 6 до 4 [10, Л. 67]. Если в 1940 г. они обслужили 5 млн 200 тыс. человек, то в 1944 г. всего около 2 млн. [11, Л. 18]. В конце войны куйбышевские прачечные обрабатывали в два раза меньше белья, чем в довоенный период [10, Л. 66]. Горожане вынуждены были заниматься самообслуживанием. Вода бралась из самодельных колодцев, топливо добывалось самостоятельно. По воспоминаниям рабочего авиационного завода № 18 Иванчинова А.Т., возвращаясь с работы, «… по пути домой люди прихватывали на отопление все, что горит» [2, с. 313].

Великая Отечественная война оказала отрицательное влияние на физическое развитие населения. Как и в

целом по стране, количество здравоохранительных учреждений и медицинского персонала в Куйбышеве резко уменьшилось. Большое количество медработников ушло на фронт, многие больничные учреждения были переоборудованы под военные госпитали. В первый период войны в городе для обслуживания населения оставалось только 50 % врачей от довоенной численности [12, Л. 3]. Государственное финансирование медицинских учреждений сократилось на 25% [26, с. 121]. В связи с прибытием в город большого количества беженцев и эвакуированных, начали возникать очаги различного рода инфекционных заболеваний. Городским медикам пришлось работать в экстремальных условиях. С трудом, но выходы из кризисной ситуации были найдены. К работе в городских учреждениях привлекались медицинские работники из числа эвакуированных врачей. Для госпитализации тяжёлых больных переоборудовали родильные дома. Иногда госпитализация проходила по месту жительства пациентов [20, Л. 11]. На железнодорожных вокзалах, речных пристанях создавались санитарно-контрольные пункты. При городских поликлиниках из числа врачей и дезинспекторов создавались эпидемические группы для срочного обслуживания очагов инфекционных заболеваний [13, Л. 1]. В целом распространение эпидемий удалось предотвратить. В 1944–45 гг. финансирование здравоохранительных учреждений со стороны государства увеличилось. Например, в Куйбышеве расходы на здравоохранение в 1944 г. выросли на 326 % по сравнению с довоенным временем [5]. С 1943 г. по май 1945 г. была увеличена сеть городских лечебных учреждений. В целом в городах Куйбышевской области количество больниц и врачебных стационаров выросло с 38 в 1941 году до 69 в начале 1945 года [10, Л. 55]. Были открыты новые медицинские образовательные учреждения, Куйбышевский медицинский институт выпускал все большее количество врачей [19, с. 61, 296]. Дефицит медицинских кадров был частично покрыт. В конце войны удалось добиться и резкого снижения инфекционных заболеваний.

В первый период Великой Отечественной войны значительно понизился социальный уровень жизни куйбышевцев. Это было характерно для всех жителей советского тыла в это время. Враги в 1941 г. захватили многие западные регионы СССР, где находилась примерно половина сельскохозяйственных посевных площадей. Кроме того, значительная часть продуктов питания советское государство направляло в Красную Армию. Для предотвращения продовольственного кризиса в тылу было введено нормированное распределение среди населения продуктов питания - карточная система. Жизненный уровень человека или социальной группы теперь зависел от места в системе распределения. Обычная среднемесячная норма в городах не превышала 1,8 кг мяса или рыбы, 0,4 кг жиров, 1,2 кг крупы и макарон на человека. [28, с. 74–75]. Этого не хватало для поддержания нормальной жизнедеятельности. Поэтому при крупных промышленных предприятиях, прежде всего оборонного назначения, стали создаваться Отделы рабочего снабжения (далее - ОРСы). Одной из задач этих отделов был поиск дополнительных источников питания и обеспечения ими рабочих, инженеров и членов их семей. Уже в 1942 г. в областной столице функционировало 27 ОРСов [22, Л. 83]. В их распоряжение передавались пригородные совхозы. Также крупным заводам и фабрикам были выделены земельные площади для создания собственных сельскохозяйственных подсобных предприятий. Опыт оказался удачным. Продуктовый рацион части горожан улучшился. Поэтому городские власти сеть ОРСов расширяли. В 1944 г. в городе насчитывалось 59 отделов рабочего снабжения. Подчиненная им сеть магазинов и ларьков увеличилась с 415 до 615 [22, Л. 16]. Но улучшения наступали не сразу. В 1942 г. урожайность подсобных хозяйств была низкой. Этому способствовали и неблагоприятные климатические условия в это время, и отсутствие опыта сельскохозяйственных работ у горожан. Куйбышевские власти организовали «борьбу с сельскохозяйственной безграмотностью». На местном радио читались лекции о методике аграрных работ, в газетах печатались статьи о агротехнических мероприятиях. Сеть подсобных хозяйств постоянно расширялась, горожане выделяли индивидуальные огороды. В 1944 г. в Куйбышеве насчитывалось свыше трёх тысяч подсобных хозяйств с площадью почти в четыре с половиной тысячи гектаров. В том же году с них получили урожай объёмом в 103 тонны. Это был большой успех, так как в 1942 г. урожай пригородных хозяйств составлял 33 тонны. В 1944 г. за горожанами числилось 212444 огорода с площадью более 8 тыс. га [25, Л. 21 (об)]. В среднем, в том году жители Куйбышева получали со своих индивидуальных участков более трех центнеров продукции. Таким образом, результаты деятельности городских подсобных хозяйств и огородников на заключительном этапе войны были довольно высокими. Особенно по сравнению с первыми военными годами. Куйбышевцы получили дополнительные источники питания, что существенно облегчило им жизнь в экстремальных условиях военного времени.

Городские власти пытались обеспечить горожан дополнительным пищевым рационом через систему предприятий общественного питания. Тем более, что в связи с привлечением женщин на производство и увеличением трудовых норм, у людей уже не хватало ни средств, ни времени на покупку продуктов и приготовление пищи в домашних условиях. Ежегодно партийные и советские власти города принимали решение об увеличении сети столовых. К концу войны, вроде бы, успехи были. Так за военный период количество столовых в г. Куйбышеве выросло со 108 до 358 [24, Л. 1]. Однако работа большинства предприятий общественного питания была неудовлетворительной. Обеспечить их продуктами в

соответствии с нормами не удавалось. Городские власти разрешили руководству городских столовых закупать продукты в сельских районах области. Но многие руководители, не привыкшие к работе, требующей коммерческих навыков с этой задачей, не справились. В ходе проверок работы куйбышевских предприятий общепита в 1943 и 1944 гг. выяснилось, что калорийность обедов в большинстве столовых составляла 55–65 % [23, Л. 22]. Нормированное снабжение продуктами питания охватывало в годы войны все слои населения СССР. Но продовольственное обеспечение горожан этим не ограничивалось. Существовала частная торговля через систему городских рынков. Экстремальные условия военного времени привели к стремительному росту рыночных цен. Куйбышевские власти пытались контролировать цены путём увеличения завоза сельскохозяйственной продукции на торги и рынки города. Все препятствия для въезда колхозников в город были сняты. Выделялся бесплатный транспорт для доставки колхозной продукции [21, Л. 15, 81]. В 1944 г. началось постепенное снижение цен на рыночную продукцию. Но и в мае 1945 г. молоко стоило в 8 раз дороже, чем в начале войны, мясо и масло – в 6 раз, картофель – в 3 раза [16, Л. 4].

Кроме материальных ресурсов, важнейшую роль в жизни как всего человеческого общества, так и отдельного человека, играет духовная культура. В 1941–1945 гг. Куйбышев стал одним из культурных центров страны. В город были эвакуированы творческие союзы, коллектив Большого театра СССР, многие известные советские композиторы, музыканты, артисты, писатели и поэты. В тяжёлые для страны 1942–1943 гг. интенсивно ставились спектакли, давались концерты, проходили творческие встречи [6]. Пребывание выдающихся деятелей культуры надолго осталось в памяти горожан, повысило уровень культурных запросов жителей города. В 1943 г. эвакуированные деятели и учреждения культуры стали покидать Куйбышев. Но этот процесс не снизил интенсивность культурной жизни в городе. Были вновь созданы творческие коллективы, закрытые ещё в 1941 г. из-за недостатка финансирования, такие как: оперный театр, театр кукол, театр юного зрителя. Сохранил свою труппу и стал решать более углублённо творческие задачи Куйбышевский драматический театр.

В первый период Великой Отечественной войны для творческих коллективов Куйбышева, как и для культурной жизни всей страны, были характерны пропагандистские методы реализации художественных задач. Превалирующими формами культурных мероприятий были: спектакли и концерты, воздействовавшие на патриотические чувства зрителей, плакаты и картины, посвящённые преимущественно агитационной тематики и т. д. Ближе к концу войны в 1944–45 гг. приоритетом стало более глубокое раскрытие военной темы во всех видах и жанрах искусства. Например, постановки театральных коллективов стали более профессиональными и содержательными. Наряду с представлением пьес советских драматургов, отражающих события военного времени: К. Симонов «Так и будет», М. Погодин «Лодочница», театры стали больше уделять внимания постановке отечественной и зарубежной классики. На сцене Куйбышевского драмтеатра шли спектакли по пьесам А.Н. Островского, Лопе де Вега и др. [7, Л. 77].

В заключении необходимо отметить, что экстремальные условия военного времени привели к резкому снижению жизненного уровня жителей г. Куйбышева. Повседневная жизнь населения изменилась коренным образом. Это было обусловлено факторами, характерными для всего городского тылового населения страны в целом. Город принял большое количество эвакуированных предприятий, учреждений и людей, которых необходимо было обеспечить жильём и питанием. Перераспределение необходимых ресурсов для обеспечения Красной Армии привело к ухудшению продовольственного обеспечения населения, многие отрасли социально-бытовой инфраструктуры были практически заброшены и не могли нормально обслуживать возросшее население. Людям приходилось приспосабливаться к суровым бытовым условиям военного периода. За годы войны Куйбышев вырос не только как промышленный центр, но и расширилось его культурное пространство. Это во многом помогало людям героически жить и работать в это время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексушин Г.С. Куйбышев - запасная столица. Самара: издательский дом «Агни», Самара, 2021. 132 с.
2. Безымянка, строки, опаленные войной. Книга воспоминаний ветеранов Кировского района г. Самары. ПАДИ, 1997. 416 с.
3. Буранок С.О. "Куйбышев - запасная столица СССР: образ города в англо-американском обществе 1941–1945 гг." Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2016. 237 с.
4. Ванчинов, Дмитрий Поликарпович. Военные годы Поволжья: (1941–1945). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. 325 с.
5. Волжская комунна. 1945. 7 июля
6. Волжская комунна. 1942. 15 апреля
7. ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 98.
8. ГАСО. Ф. Р-2195. Оп. 2. Д. 440.

9. ГАСО. Ф. Р-2195. Оп. 2. Д. 42.
10. ГАСО. Ф. Р-2125. Оп. 1. Д. 75.
11. ГАСО. Ф. Р-3456. Оп. 2. Д. 28.
12. ГАСО. Ф. Р-2148. Оп. 2. Д. 21.
13. ГАСО. Ф. Р-2148. Оп. 4. Д. 1.
14. Город Куйбышев за 50 лет Советской власти. Куйбышев, 1957. 123 с.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 108.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 408.
17. Репинецкий А.И. Военная столица СССР. 1941—1943 гг.: очерки истории города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. Самара: Научно-технический центр, 2021. 270 с.
18. Парамонов В.Н. «Запасная столица» в дни Московской битвы. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 1-1. С. 31–38.
19. Сыркин В.А. Высшая и средняя специальная школа в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): (По материалам Сред. Поволжья): дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. / Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева. Куйбышев, 1970. 302с.
20. СО ГАСПИ. Ф. 656. Оп. 35. Д. 20.
21. СО ГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 906.
22. СО ГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 914.
23. СО ГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1056.
24. СО ГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1016.
25. СО ГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1018.
26. Тамарченко М.Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. Москва: Финансы, 1967. 144 с.
27. Храмков Л.В. Самарская земля в годы военного лихолетья, 1941–1945 гг.: Очерк истории. Документы. Воспоминания. Хроника событий. Самара: Науч.-техн. центр, 2003. - 371 с.
28. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение гор. населения в Великую Отечеств. войну (1941–1945 гг.): Акад наук. СССР. Ин-т истории. Москва: Наука, 1964. 208 с.
29. ЦГАМ. Ф. 831. Оп. 1. Д. 79. Л. 37, 38

© Шматов Евгений Николаевич (Shmatov_75@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.01

ПЕРСОНИФИЦИРОВАННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ, ЗАЧИСЛЕННЫХ В МЕДИЦИНСКИЙ ВУЗ ПО ЦЕЛЕВОМУ НАБОРУ, КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ РЕЗЕРВА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Алексеенко Сергей Николаевич
доктор медицинских наук, профессор, ректор, ФБГОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» г. Краснодар
Corpus@ksma.ru
Гайворонская Татьяна Владимировна
доктор медицинских наук, профессор, проректор, ФБГОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет», г. Краснодар
GayvoronskayaTV@ksma.ru
Дробот Наталья Николаевна
кандидат медицинских наук, доцент, ФБГОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет», г. Краснодар
mangust68@mail.ru

Аннотация: Работа посвящена изучению специфики подготовки студентов, которые проходят обучение по целевому набору в медицинских учреждениях высшего образования. В статье представлены нормативно-правовые акты, отражающие содержание данной темы, в частности Постановления Правительства РФ о целевой подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием, что позволяет определить основы образовательного взаимодействия колледжей с иными субъектами. На основе анализа источников литературы авторы разрабатывают рекомендации по коррекции и совершенствованию образовательного процесса при помощи персонификации обучения. При этом они говорят не только о важности самого факта целевого обучения, но и о значимости личностных свойств и качеств, сформированности системы ценностей, наличии иных социально значимых характеристик, необходимых для успешного овладения профессией.
Немалое внимание исследователями уделяется запросам работодателей, которые заключают контракт на подготовку медицинских специалистов для учреждений. В зависимости от этого предлагается делать акцент на развитие и совершенствование тех профессионально значимых качеств, которые необходимы в конкретных учреждениях здравоохранения. В связи с этим возникает необходимость организации комплексного, целенаправленного и эффективного взаимодействия образовательного учреждения с организациями, которые ввиду потребности в кадрах заключают договоры на целевую подготовку специалистов.

Ключевые слова: целевая подготовка, медицинское образование, кадровые ресурсы, эффективное взаимодействие, среднее профессиональное образование, личностные качества врача, работодатель, персонифицированное обучение.

PERSONALIZED DIRECTION OF STUDENTS' EDUCATION AT A MEDICAL UNIVERSITY THROUGH TARGETED ENROLLMENT AS A TOOL FOR IDENTIFYING RESERVES FOR IMPROVING THE QUALITY OF TRAINING OF HIGH-QUALIFIED SPECIALISTS FOR HEALTHCARE

S. Alekseenko
T. Gayvoronskaya
N. Drobot

Summary: The work is devoted to the study of the specifics of training students who are enrolled in targeted recruitment in medical institutions of secondary vocational education. The article presents regulatory legal acts. reflecting the content of this topic, in particular, the Decisions of the Government of the Russian Federation on targeted training of specialists with higher and secondary vocational education, which allows to determine the foundations of educational interaction of colleges with other subjects. Based on the analysis of literature sources, the authors develop recommendations for the correction and improvement of the educational process through the personalization of training. At the same time, they talk not only about the importance of targeted training itself, but also about the significance of personal traits and qualities, the formation of a value system, and other socially significant characteristics necessary for successful mastery of a profession.
The authors pay considerable attention to the requests of employers who sign contracts for the training of medical specialists for institutions. Depending on this, it is proposed to focus on the development and improvement of those professionally significant qualities that are necessary in specific healthcare institutions. In this regard, there is a need to organize a comprehensive, targeted, and effective interaction between educational institutions and organizations that, due to the need for personnel, sign contracts for the targeted training of specialists.

Keywords: targeted training, medical education, human resources, effective interaction, secondary vocational education, personal qualities of a doctor, employer, personalized training.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что кадровое обеспечение современных медицинских учреждений требует трансформации подходов к организации процесса подготовки будущих медицинских работников в медицинских колледжах и вузах.

Обращаясь к истории функционирования системы здравоохранения в Советском Союзе и затем в России, необходимо отметить важность первичного распределения выпускников после окончания обучения. В данном случае каждый студент получал не только гарантированное рабочее место, но и возможность приобрести уникальный профессиональный опыт, повысить квалификацию. Кроме того, начало трудовой деятельности в конкретном государственном учреждении позволяло адаптироваться к условиям профессиональной деятельности, создать необходимые связи со специалистами, получать помощь и консультации наставников на рабочем месте.

Со временем ситуация изменилась и на постсоветском пространстве актуализировалась проблема самостоятельного поиска работы, изучения рынка труда, запросов работодателей. Инициатива принадлежала выпускнику, который выходя из вуза, обладал достаточным уровнем теоретической подготовки, но испытывал сложности с получением необходимого социального и профессионального опыта. Приходя на работу, бывший студент сталкивался с проблемами профессиональной адаптации, при работе со сложными случаями, невозможностью быстро и правильно поставить диагноз и назначить лечение. Следствием этого являются эмоциональное выгорание, снижение мотивации и разобщенность личностных и профессиональных ценностей.

В конце прошлого века ситуация изменилась и в практику подготовки медицинских специалистов начало вводиться целевое обучение, которое позволяет «закрыть» потребности работодателей в высококвалифицированных кадрах, а вузам – обеспечить индивидуализацию обучения. И в данном случае мы говорим о персонифицированном образовательном процессе. Направляя абитуриента на обучение, государственное медицинское учреждение обеспечивает его качественную подготовку и стабильность рабочего места на протяжении трех-пяти лет. В подобном обучении заинтересованы все: вуз, получающий определенную оплату и мотивированных студентов, обучающийся, который уверен в возможности профессиональной подготовки и обеспечен рабочим местом и медицинское учреждение, получающее конкурентоспособного врача на достаточно длительный период времени.

Однако, на настоящий момент актуализируются вопросы грамотной персонифицированной подготовки медицинских кадров, решаются проблемы корректировки и совершенствования образовательного процесса.

Именно поэтому основной целью нашего исследования определено выявление специфики персонифицированной направленности обучения студентов медицинских специальностей, зачисляемых по целевому набору. В контексте этого мы проведем обзор необходимой литературы, проанализируем образовательную практику и выявим основные проблемы подготовки и перспективы их решения. По окончании работы предлагаются некоторые рекомендации, позволяющие оптимизировать процесс целевого обучения, повысить его качество.

Краткий обзор литературы

В ходе работы нами был использован ряд источников, которые отражают различные аспекты изучаемой тематики. В числе основных можно назвать публикации И.С. Казакова, А.Ю. Ибадулаевой, посвященные персонификации высшего образования, О.А. Дощанниковой, Ю.Н. Филиппова, Е.С. Богомоловой, А.Л. Хлапова, отражающие специфику целевой подготовки студентов. Также важными мы считаем исследования А.Р. Заляева, Е.Ю. Шаммазовой о целевой подготовке студентов- медиков. Статьи В.М. Аникина, Б.Н. Пойзнера, Э.А. Соснина раскрывают сущность образовательных технологий, реализуемых при целевом обучении.

Материалы и методы исследований

В качестве основных методов нами использованы теоретико-методологический и сравнительный анализы различных точек зрения, представленных в научной литературе. Также в теоретические методы включен юридический анализ нормативно- правовых документов, регулирующих вопросы целевой подготовки медицинских специалистов.

Кроме того, в группе практических методов основным было проведение добровольного анонимного анкетирования 94 студентов выпускного курса Кубанского государственного медицинского университета, обучающихся по целевому набору. Результаты данного опроса представлены в работе с целью выработки рекомендаций по персонификации

Результаты и их обсуждение

Особенности целевой подготовки будущих специалистов обусловлены объективной необходимостью, в которой одновременно важно и качественное образование медицинских работников, и гарантированное трудоустройство мотивированных грамотных студентов. Целевая контрактная подготовка специалистов с высшим и средним профессиональным образованием

введена Постановлением Правительства № 942 от 19 сентября 1995 года. Она была призвана заместить существовавшую в советское время систему распределения. Федеральным Законом «Об образовании в Российской Федерации», вступившим в силу 1 сентября 2013 года, введена новая модель целевого обучения и целевого приема по образовательным программам высшего образования. Кроме того, необходимо обратить внимание на Постановление Правительства РФ от 13 октября 2020 г. N 1681 "О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования. В нем конкретизируются правила приема, обучения и особенности целевой подготовки студентов различных направлений.

Исследуя опыт решения кадровых проблем в системе здравоохранения, необходимо выявить приоритеты и проблемы в реализуемой модели подготовки будущих врачей, а также перспективы развития сетевого взаимодействия образовательных и медицинских учреждений. В связи с необходимостью выполнения подобных задач в юридическую практику вводятся еще два документа: Постановление Правительства РФ от 23.11.2022 N 2115 "О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 13 октября 2020 г. N 1681" и Постановление Правительства РФ от 27.04.2024 N 555 (ред. от 07.04.2025) "О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования" (вместе с "Положением о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования", "Правилами установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета") [4,5]. Они дополняют, конкретизируют и совершенствуют правила приема по целевому принципу студентов и определяют основные содержательные моменты, связанные с этим.

А.Р. Заляев и его соавторы в научной работе анализируя отношение студентов-медиков к обучению в медицинском вузе по целевому набору [10], отражают актуальность целевого обучения в высших учебных заведениях как системы подготовки кадров высшей квалификации за счёт бюджета с обязательной отработкой на государственных предприятиях, госслужбе и т.д. В рамках данной системы осуществляется целевой (особо квотируемый) приём абитуриентов, в связи с чем появляется необходимость отбора абитуриентов и повышается заинтересованность будущего работодателя. В данном случае речь идет о мотивации, желании студентов не только продолжать обучение, но и работать по специальности в дальнейшем. Это обуславливает необходимость психолого-педагогической диагностики студентов и их дальнейшего сопровождения.

Авторы научных исследований А.С. Абдулаева [12], Н.П. Головяшкина [13], В.А. Худик [14] изучают роль социально-психологических детерминант с учетом особенностей врачебной деятельности. В большинстве случаев профессиональная деятельность связана со стрессом, психоэмоциональной нагрузкой, постоянными контактами с людьми, что может повлечь за собой снижение качества работы. Это, безусловно, обуславливает необходимость дополнительной психологической поддержки специалистов. При этом необходимо сказать, что подобная профессиональная деятельность возможна лишь при наличии высокой мотивированности обучения в медицинском вузе и ее поддержании в течение достаточно длительного времени.

И.С. Казаков, рассматривая проблему подготовки специалистов с высшим образованием, акцентирует внимание на персонифицированной организации учебного процесса: «под персонифицированным обучением мы понимаем такой личностно центрированный процесс обучения, который позволяет постоянно контролировать текущие изменения у учащихся, данный процесс направлен на максимальное усвоение знаний, формирование компетенций и развитие личности, которое базируется на стремлении к самоактуализации и саморазвитию» [15]. А.Ю. Ибадулаева в научных исследованиях также рассматривает персонификацию, подчеркивая ее значимость как ведущего вектора высшего образования [16]. Эти же вопросы детально исследует в своей работе И.В. Тельнюк, который подтверждает значимость нового подхода к целевой подготовке в высшей медицинской школе, важность применения инновационных педагогических методик, цифровых средств [17].

Учитывая вышесказанное, мы понимаем, что целевое обучение будущих медицинских работников требует особого подхода и понимания необходимости индивидуального подхода к каждому студенту, разработки персональной образовательной траектории. Именно это и обусловило содержание нашего эмпирического исследования среди студентов медицинского вуза. Изучение социальной и личностной структуры по результатам самооценки студентами целевой подготовки позволит обоснованно подходить к процессу коррекции подготовки специалиста, интеграции различных образовательных технологий решая задачи персонифицированного подхода к студенту, сохраняя и развивая мотивацию стать врачом. От понимания важности сформированности социальных, личностных качеств и мотивационных стремлений будущих медиков зависит стратегия организации учебного процесса в вузе, и дальнейшая направленность организации профессиональной работы специалиста, ее эффективность и карьерный рост студента – будущего врача.

В ходе нашего диагностического обследования мы

предпринимаем попытки проанализировать ответы студентов целевого направления подготовки по медицинским специальностям на вопросы анонимного анкетирования о самооценке личностных черт, которые они стремятся развить и совершенствовать для будущей врачебной деятельности. Это необходимо для обеспечения возможности реализации личностных черт будущих специалистов, при проведении коррекции образовательного процесса в направлении персонификации обучения, применяя разнообразные педагогические методики. Кроме того, в контексте ответов важно выявить социальные и мотивационные ресурсы и психологические возможности студентов для выполнения договорных обязательств по целевой подготовке специалиста с высшим медицинским образованием для здравоохранения.

В предложенных нами анкетах студентам предложено ответить на вопросы, касающиеся их социального статуса, мотивы выбора профессии, оценить свои личностные качества, необходимые в работе врача, которые они стремятся совершенствовать. При этом важно, чтобы каждый студент целевого направления указал информационные данные о себе и лечебное учреждение, направившее на целевое обучение. Это помогает определить специфику учреждений, в которые затем студенты будут трудоустроены, выявить запросы работодателей. Приоритетное значение отдается вопросам самоактуализации, саморазвития и необходимости определения личностных и профессиональных качеств, которые стремится совершенствовать будущий медицинский специалист.

В качестве основных составляющих социальной и личностной характеристики студента нами предлагается интеграция социальной, психологической, мотивационной в выборе профессии, личностных компонентов. Использование указанных критериев позволит создать образ студента медицинского вуза, зачисленного на обучение по целевому набору.

В качестве респондентов нами были определены 94 студента со средним возрастом 24 года. Из них 75,6% составили женщины, что соответствует идентичному показателю Кубанского государственного медицинского университета. Большинство (69,1%) до поступления в вуз проживали в сельской местности, где получили направление на целевую подготовку. Исследования показали, что 69,3% студентов, которые учатся по целевому направлению, воспитывались в семьях медиков.

Кроме того, важно, что время обучения в вузе 55,1% студентов-целевиков проживали в съемном жилье, 7 человек (7,4%) проживали с родителями, 3 студента (3,2%) стали собственниками квартир, остальные – 34,3% в общежитии.

Большинство респондентов не состоят в браке (88,4 %). Остальные, создавшие семью, имеют 4 детей (по 1-2 ребенка в семье). Следовательно, эта категория студентов максимально социально и мотивационно адаптирована к выполнению условий целевого контракта, стремится к приобретению знаний, умений, навыков, необходимых в работе врача.

При оценке социально – экономического положения студентов изучаемой категории, было выяснено, что больше половины респондентов совмещают учебу в вузе с трудовой деятельностью. Студенты конкретно указали место работы и в 90% это лечебные учреждения. Для выяснения причин интеграции обучения и профессиональной деятельности авторы опроса попросили обучающихся указать причины, побудившие к такому сочетанию, порой сложно организуемому. Студентам были предложены следующие варианты ответов: «финансовая поддержка», «приобретение и формирование практических и коммуникативных навыков», «практические и коммуникативные навыки в сочетании с финансовой поддержкой». В рейтинге причин лидирующим оказался третий вариант, сочетающий практические, коммуникативные навыки и финансовую поддержку (76,0%). Остальные разделили позиции по 50%. В системе социальных характеристик студентов медицинского вуза, зачисленных на обучение по целевому набору, авторы рассматривают ведущую роль мотивов выбора профессии врача. Обоснованность выбора «быть врачом», понимание реальных условий врачебной деятельности помогает не только в овладении профессиональными и практическими знаниями, умениями и навыками в период обучения, но и в дальнейшей работе способствует формированию образа специалиста, уважаемого пациентами и коллегами. В приоритете выбора профессии врача при ответе на вопросы анкеты было «желание помогать людям», студенты приводят веский аргумент – пример семьи, когда в принятии решения сыграл роль «совет родителей». Привлекательными оказались условия поступления в вуз на контрактной основе –обучение за счет бюджетных средств, отсутствие проблем с трудоустройством, «возможность самореализации» и карьерного роста. В комментариях к ответам респонденты отмечают, что «престиж профессии врача» не определяется понятием «врач», а уровнем профессиональной и практической подготовки, умением общаться с пациентом и результатами профессиональной деятельности. У 23 (24.4%) студентов из 94 основным мотивом поступить в медицинский вуз была «материальная заинтересованность» в профессиональной деятельности врача как в высокооплачиваемой работе. Авторы исследования провели анализ мотивации выбора профессии и верности избранному делу. Ответы показали, что 11 человек (11,7%) уже на этапе обучения разочаровались в избранной профессии. Причина заключается в большой психо-

эмоциональной нагрузке, и в отсутствии возможности проконсультироваться со старшим специалистом, в затруднениях с обследованием пациентов. Большинство студентов из сельской местности, из семей медицинских работников, которые мотивировали своих детей к поступлению в медицинский вуз по целевой программе, как мы уже отмечали ранее. Студенты, совмещающие учебу с трудовой занятостью, объясняют это желанием приобрести и сформировать практические и коммуникативные навыки и финансовой поддержкой в виде заработной платы.

Следующим этапом работы стало изучение и анализ личностных черт, полученные в ходе проведения самоанализа респондентов. Данные черты показывают, где они хотят развивать или приобрести новые качества и свойства, и что повысит эффективность профессиональной и практикоориентированной работы, разовьет коммуникативные перспективы в социуме. Учитывая вышесказанное, исследование личностных свойств будущего врача оказывает значимое влияние не только на студента в процессе обучения, но и на его формирование как будущего профессионала, обладающего необходимыми личностными характеристиками. Личностные и профессиональные качества начинают формироваться и развиваться в процессе обучения в вузе за счет овладения теоретическими и практическими знаниями, умениями, навыками. При этом авторы также выяснили, что респонденты критично оценивают свои личные качества, стремятся к совершенствованию. В этом контексте ответы студентов дали следующие результаты: 29,7% стремятся повысить уровень дисциплины и способности к самоорганизации; 35,7% снизить эмоциональную лабильность и тревожность; 28,7% – развить уверенность в себе; 39,4% – критически оценивать неудачи, находить причины их возникновения. Как отмечают обучающиеся, важную роль в профессионально – личностной характеристике врача играют такие черты как коммуникативность, эмпатия, способность вызвать доверие пациента, ответственность за жизнь и здоровье пациента. Анализ ответов студентов, обучающихся в вузе по квоте целевого набора показал, что по направлению «коммуникативность» с коллегами, пациентами стремятся повысить характеристики 46,1% студентов; развивать чувство эмпатии по отношению к пациенту – 23,6%; повысить умение сфокусировать доверие пациента к врачу 37,1%; ответственность за жизнь и здоровье пациента – 39,8%;

Предложенное анкетирование позволило студентам увидеть и оценить картину собственного внутреннего мира для реализации профессиональной деятельности врача. Самими будущими медиками было подчеркнуто, что личностные качества формируются и развиваются в течение всего периода обучения в вузе при изучении фундаментальных и клинических дисциплин, на лекциях, практических занятиях, во время учебно-производственной стажировки. Современная практика показывает, что в процессе учебно-воспитательной работы усложняются требования к готовности студентов выполнять избранную ими деятельность. Активная цифровизация здравоохранения в решении управленческих задач, ведения медицинской документации, применение высокотехнологичного оборудования в диагностике, лечении, реабилитации заболевших позволяет повысить компетенции медицинских работников, уверенность в эффективном результате при использовании инновационных технологий, умея объяснить пациенту при его сопротивлении применить по отношении к нему современные методики, их необходимость, высокую степень информативности и эффективности по сравнению с ранее используемыми. В таких ситуациях важно понимать и применять основы коммуникативных техник, принципиальные профессиональные позиции, так как личное общение и индивидуальный подход играют ключевую роль в контакте с пациентом. Рассматривая подобные варианты, 42,4% респондентов заявили о сложности их решения, так как у них не было достаточно аргументов для пациента. Основная причина – недостаточный профессиональный уровень, что обусловлено пониженной мотивацией к познанию, получению теоретических знаний и практических навыков. Анализируя ответы студентов, авторы считают необходимым развивать у обучающихся стремление и понимание необходимости познания, важность формирования основ клинического мышления, логического анализа данных о пациенте, выявления причинно – следственных, междисциплинарных связей между событиями и последствиями. Изучив информацию о самоанализе студентами целевого направления подготовки личностных характеристик, авторы рассматривают возможность корректировки учебно-воспитательного процесса в медицинском вузе за счет персонификации подготовки специалистов, которая активно внедряется в отечественную высшую школу. Актуализируя предложенную модель обучения, преподавателю также нужно учитывать индивидуальные личностные потребности студента.

Персонифицированная подготовка специалиста, основанная на самооценке студентами личностных качеств, требует от преподавателя высокого уровня педагогической и врачебной профессиональной ответственности, знания методик и форм обучения в медицинском вузе. Подобная преподавательская деятельность помогает адаптировать студентов в сложном процессе обучения, овладения знаниями, умениями, навыками, необходимыми для специалистов системы здравоохранения.

Конструируя практические занятия в рамках изучаемой дисциплины, парадигмой которых является персонификация, преподаватель должен знать личностные характеристики и устремления студентов, полученные при самооценке личностных качеств, а также мотивацию их

формирования и совершенствования в процессе работы врачом. Получить такую информацию преподаватель может, используя результаты самооценки личностных характеристик обучающихся. Авторы разработали мини-анкету, в которой предложено отметить личностные характерологические запросы и уровень притязаний по отношению к развитию и самореализации в избранной профессии. Были предложены варианты ответов, полученные при анонимном анкетировании студентов целевиков выпускного курса при ответе на аналогичный вопрос. В мини-анкете студенты целевого направления должны указать фамилию, имя, отчество, направление: «Лечебное дело», «Педиатрия», «Стоматология», кафедру выполнения анкетирования, курс, номер студенческой группы, территорию и лечебное учреждение, направившее на обучение по целевому набору, дату заполнения анкеты. Полученная информация необходима преподавателям медицинского вуза для оценки динамики эффективности модели персонифицированного обучения студентов, которые обучаются по целевому направлению. Такие данные важны для будущего работодателя при взаимодействии с будущим сотрудником, его личностными характеристиками и динамикой их формирования. Студентам значимо оценить свои личностные качества в процессе обучения и ресурсы их совершенствования. Это создаст перспективы целенаправленной интеграции звеньев целевой подготовки: медицинский вуз, студент, лечебное учреждение. Для обеспечения положительных итогов индивидуализированной подготовки специалистов, основанной на результатах самооценки личностных качеств студентами, авторы исследования предлагают преподавателям разрабатывать ориентировочные планы для занятий, основанные на различных формах и методах преподнесения учебного материала, обсуждения и контроля за усвоением в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами. В результате будущие врачи увидят положительную учебную, профессионально и практикоориентированную динамику, дальнейшие перспективы личностного развития.

Студентам, стремящимся повысить свою дисциплину, организованность, ответственность, преподаватель поручает самостоятельную работу в аудиторных или внеаудиторных условиях по заданной теме и выполнение в установленные сроки, анализ и оценку результата, обсуждение его в студенческой группе с последующим подведением итогов преподавателем. Это могут быть задания подготовки обзора научной литературы, презентации и иные инструменты. Качественно выполненному заданию, даже с небольшими замечаниями, должно следовать поощрение преподавателя. Подобная реализация персонифицированного обучения, решает не только вышеобозначенные задачи, но и помогает в выработке коммуникативных навыков, уменьшает страх выступать перед аудиторией, отвечать на вопросы. Особенности предоставления учебного материала на клинической кафедре требуют от преподавателя методически грамотной организации учебного процесса, умения управлять и контролировать действия студентов, своевременного выполнения ими заданий, выявления ошибок и предложений учащимся находить способы их решения.

Выявив у студентов сложности коммуникативного характера с пациентами при выяснении анамнестических данных, жалоб, начала и течения заболевания, профессиональных негативных влияний на организм, вредных привычек, авторы рекомендуют использовать ролевую деловую игру с двумя участниками – условный пациент/врач. Другой подход решения данного вопроса заключается в организации непосредственной работы с конкретным пациентом. Выяснив анамнестические данные, проведя осмотр пациента, студент докладывает результаты преподавателю и получает следующие задания: установить и обосновать предварительный диагноз, определить план обследования. Свое мнение студент аргументированно сообщает преподавателю и актуализируется дискуссия в группе. При обсуждении профессиональных вопросов нередко возникают затруднения в изложении мыслей, мнения, при этом студенты могут испытывать чувство раздражения, неудовлетворенности. Некоторые студенты не могут объяснить пациенту преимущества современных диагностических и лечебных технологий, применяемых в здравоохранении. В таких случаях, кроме индивидуального посещения студентом соответствующего отделения, например, лучевой диагностики или присутствии на эндоскопических исследованиях, необходимо поручить будущему врачу подготовить научное сообщение о применении современных технологий.

Подобный подход обучает работе в команде, слушанию оппонента, формулировке аргументированию своего мнения. Такая методика повышает уверенность в себе, позволяет сказать «я знаю, я могу».

Целевая подготовка специалистов в медицинском вузе – это системная, интегрированная работа трех составляющих: студент, медицинский вуз, учреждение здравоохранения (будущий работодатель). Центральной фигурой в этом комплексе является учащийся, который должен сохранять мотивационный настрой в выборе профессии, понимать возложенную ответственность избранной профессиональной деятельности, стремиться к достижению поставленной цели, решая учебные и поведенческие задачи, максимально используя возможности приобретения практических навыков в симуляционном центре и в ходе учебно-производственной практики, в процессе профессиональной деятельности, ведения диалога с пациентом. Это является важным фактором в повышении уровня личностных характеристик, стремления к обучению новым знаниям, с использованием

инновационных технологий.

Также проведенная студентами самооценка личностных качеств является своеобразным инструментом для преподавателя в решении организационных вопросов обучения, основа которого – индивидуализированный подход к учащимся. В данном подходе сочетание интерактивных и традиционных форм позволяет интегрировать современные методы диагностики и лечения заболеваний в образовательную и профессиональную деятельность. Для достижения поставленных целей целесообразна совместная системная, комплексная работа медицинского вуза и работодателя. При этом важно учитывать личностные черты каждого студента, обучающегося по целевому направлению, таким образом персонифицируя учебно-воспитательный процесс. Большую пользу принесет контроль работодателя за успеваемостью будущего специалиста лечебного учреждения, которое направило его на обучение, обеспечило бы помощь в решении возникших проблем учебного, бытового характера, оптимизацию межличностных отношений. Авторы проводимого исследования акцентируют внимание на важности прямых контактов университета и работодателей, которые усиливаются в рамках реализации целевого набора. Подобное взаимодействие способствует повышению качества высшего образования, профессионально- практико-пациенто-ориентированной направленности подготовки специалистов.

Выводы и заключение

Подводя итоги нашего исследования, необходимо отметить, что для эффективной организации целевого набора и дальнейшего обучения будущих специалистов системы здравоохранения необходимо учитывать ряд факторов, имеющих существенное значение. Во-первых, важно говорить о том, что социальный статус абитуриента, поступающего в медицинский вуз, обуславливает наличие определенного уровня знаний, мотивацию и конечно же, сформированность особых личностных свойств и качеств, которые в дальнейшем позволят вести эффективную врачебную деятельность. В контексте нашего опроса ответы студентов, обучающихся по целевому направлению подтвердили приоритетность мотивации к выполнению врачебного долга и обязательств по договору, который был заключен для обучения. Данное исследование было полезным в контексте возможной дальнейшей корректировки образовательного процесса с учетом личностных качеств и мотивации студентов. Подобные результаты и формируют основу для персонифицированного обучения, где важен индивидуальный подход к каждому студенту с учетом его интересов и потребностей.

Реализация персонифицированного подхода в целевом обучении позволяет создать оптимальные условия для личностного и профессионального развития студентов, моделировать ситуации работы с конкретными случаями, корректировать формы подготовки будущих медицинских работников. Если индивидуальные образовательные потребности студентов не будут учитываться, то могут возникнуть серьёзные проблемы не только при организации образовательного процесса, но и в дальнейшей профессиональной деятельности. Врачу, не обладающему достаточным уровнем знаний и практических навыков, будет достаточно сложно поставить диагноз и разработать схему лечения. Предвидя подобные проблемы, важно создавать инновационные системы медицинского образования, которые базируются именно на наставничестве, продвижении системы сотрудничества преподавателей и практических специалистов медицинских учреждений.

Только комплексный подход к диагностике и использованию личностных и социальных характеристик студентов, построение индивидуальных образовательных траекторий, организация взаимодействия медицинского вуза и учреждений здравоохранения позволяют формировать высокий уровень профессиональной компетентности будущих специалистов-медиков, которые соответствуют требованиям современной системы здравоохранения. Профессиональное пациенто-ориентированное образование будущих врачей отражает ориентацию на будущую специальность в контексте системы ценностей, установок, интересов студентов и сложностей медицинской науки и практики.

Большую роль в данном процессе играет высокий уровень компетентности преподавателя: педагогическая и врачебная ответственность педагога интегрируется в образовательную деятельность и подчеркивает студентам значимость лечебного дела, изучения различных медицинских дисциплин. Вариативность форм и методов методологической и практической подготовки будущих врачей позволяет обеспечить реализацию системно- деятельностного подхода, обозначенного в современных ФГОСах высшего образования.

Персонифицированная подготовка будущих медицинских работников, проходящих обучение по целевому набору, должна быть основана на сочетании личностных качеств и мотивации студентов, системе профессиональных ценностей, а также на учете запросов работодателей, которые отражают тенденции развития современной системы здравоохранения. В ходе подобного обучения студенты получают возможность развиваться личностно и профессионально, а также совершенствовать свою деятельность уже при выходе на гарантированное рабочее место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 19 сентября 1995 г. N 942 "О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием" (утратило силу).
2. Постановление Правительства РФ от 27.11.2013 N 1076 "О порядке заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении" (вместе с "Правилами заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении").
3. Постановление Правительства РФ от 13 октября 2020 г. N 1681 "О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования".
4. Постановление Правительства РФ от 23.11.2022 N 2115 "О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 13 октября 2020 г. N 1681".
5. Постановление Правительства РФ от 27.04.2024 N 555 (ред. от 07.04.2025) "О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования" (вместе с "Положением о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования", "Правилами установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета").
6. Дощанникова О.А, Филиппов Ю.Н, Богомолова Е.С, Хлапов А.Л. К вопросу о совершенствовании механизмов целевой подготовки студентов медицинского вуза // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 46–53.
7. Аникин В.М., Пойзнер Б.Н., Соснин Э.А. Целевое обучение как целенаправленная система деятельности // Высшее образование в России. 2019. № 3 [Электронный ресурс]. ЦКС: https://cyberleninka.ru/ article/n/tselevoe-obuchenie-kak-tselenapravlennaya-siste ma-deyatelnosti
8. Козловская М.А., Минаева Н.В., Целевое обучение в практико-ориентированной подготовке в медицинском вузе. // Юрист ВУЗа. 2023;3. С. 50–54.
9. Бакулина С.С., Музыченко Е.А., Черноскутов В.Е. Целевой прием в современных условиях // Высшее образование в России. 2019. № 8–9. С. 14–23.
10. Заляев А.Р., Шаммазова Е.Ю. Целевое обучение в оценках студентов-медиков: опыт эмпирического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2021, № 1 (61), с. 97–102
11. Эзрох Ю.С. Целевой приём в российские вузы: текущее состояние, проблемы и пути их решения // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. No 3. С. 9–27.
12. Абдуллаева А.С., Бусурина Л.Ю., Магомедов Р.И. Личностные особенности студентов медицинского университета с различным типом совладающего поведения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 7А. С. 179–186. DOI: 10.34670/AR.2023.30.72.021
13. Головяшкина Н.П., Довыдова Е.А., Пугачева О.В. Исследование динамики профессионально значимых личностных характеристик студентов медицинского института // Вестник Пензенского государственного университета. 2022. № 4. С. 49–58.
14. Худик В.А., Тельнюк И.В. Изучение роли социально-психологических детерминант в мотивированности обучения студентов медицинского вуза II Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2023. № 3 (7). С. 32–47.
15. Казаков И.С. о проблеме исследования феномена персонификации обучения в отечественной науке // Вестник СГУТиКД. 2011. № 3 (17) С. 127
16. Ибадулаева А.Ю. О персонификации содержания высшего образования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 3826–3830. – URL: http://e-koncept.ru/2016/86803.htm
17. Тельнюк И.В., Худик В.А. Особенности организации учебно-методической работы в современных условиях медицинского вуза // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2022. № 2 (2). С. 38–46.
18. Пантелеева Н.Г. Психолого-педагогические условия реализации образовательной программы дошкольного образования нового поколения / Н.Г. Пантелеева // Проектирование. Опыт. Результат. 2023. № 4. С. 61–64.

© Алексеенко Сергей Николаевич (Corpus@ksma.ru), Гайворонская Татьяна Владимировна (GayvoronskayaTV@ksma.ru), Дробот Наталья Николаевна (mangust68@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.05

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ МОДЕЛИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

METHODOLOGICAL APPROACHES TO MODELING THE HUMAN RESOURCES POTENTIAL OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION

V. Belchenko
I. Belchenko

Summary: This article examines methodological approaches to modeling the human resources potential of an educational organization, including systems analysis and consideration of psychological aspects. The aim of the study is to determine a method for shaping the operator's human resources workflow and develop optimization methods for optimizing human resources. Modern systems methods of analysis, collective decision-making, and psychological assessment in human resources management are considered. The practical innovation lies in the potential application of the developed models to improve the quality of human resources management and enable the development of educational institutions.

Keywords: human resources potential, modeling, educational organization, human resources needs, psychological aspects, systems approach, professional competence.

Бельченко Владимир Евгеньевич
кандидат технических наук, доцент, декан, ФГБОУ ВО Армавирский государственный педагогический университет
bvee@mail.ru
Бельченко Илья Владимирович
кандидат технических наук, доцент, ФГБОУ ВО Армавирский государственный педагогический университет

Аннотация: В статье исследуются методические подходы к моделированию моделей кадрового потенциала образовательной организации, включающие системный анализ и учет психологических аспектов. Целью исследования является определение способа формирования кадровой работы оператора и разработка методов ее оптимизации для оптимизации кадровых ресурсов. Рассмотрены современные системные методы анализа, коллективного принятия решений и психологической оценки в кадровом менеджменте. Практическая инновационность заключается в возможности применения разработанных моделей для повышения качества управления кадровым потенциалом и обеспечения возможности развития образовательных учреждений.

Ключевые слова: кадровый потенциал, моделирование, образовательная организация, кадровая потребность, психологические аспекты, системный подход, профессиональная компетентность.

Кадровый потенциал образовательной организации представляет собой фундаментальный ресурс, обеспечивающий достижение образовательных целей и стратегическое развитие образования. В современных условиях динамичных изменений в образовательной сфере требуется комплексный подход к моделированию кадровой работы, учитывающий не только количественные показатели, но и психологические характеристики персонала. А также подтверждая актуальность представленной тематики 19 ноября 2025 года в поздравительной телеграмме в День преподавателя высшей школы Президент РФ Владимир Владимирович Путин сообщил о намерении увеличить влияние университетов и вузов на развитие страны и регионов, а также укрепить интеллектуальный и кадровый потенциал России [5]. Цель данной статьи – рассмотреть методические подходы к моделированию моделей кадрового потенциала, учитывая рассматриваемые системы, а также выявить критерии и психологические аспекты, влияющие на управление кадровыми трудностями.

В современных научных исследованиях кадровый потенциал образовательной организации определяется как совокупность профессиональных, личностных и мотивационных характеристик, обеспечивающих эффективность образовательной деятельности. Этот потенциал не является статичным ресурсом, а динамической системой, требующей регулярного анализа и обновлений, что подтверждается исследованиями Болговой Е.В., акцентирующее внимание на необходимости адаптивного управления кадровым потенциалом в условиях изменений внутренней и внешней среды образовательного процесса [2, с.77].

В работах Васильева Ю.В. рассматривается системный подход к моделированию кадрового потенциала в педагогических организациях, который широко применяется для повышения точности и эффективности управленческих решений [4, с. 224].

Психологические характеристики кадрового потенциала играют ключевую роль среди продуктивных педагогических коллективов. Крылова Т.В. раскрывает в своих работах такие факторы, как мотивация, стрессоустойчивость, жизненные навыки и готовность к изменениям, а также необходимость создания благоприятной образовательной среды, а также содействие коммуникативному развитию, профессиональной компетентности

и повышению оперативности сотрудников [3, с.133]. Аналогичные выводы сделаны в исследованиях, где отмечено, что позитивный психологический климат напрямую влияет на качество образовательного процесса и эффективность педагогической работы.

Подходы к развитию кадрового потенциала ориентированы на мотивационно-программно-целевой анализ, направленный на повышение квалификации и профессиональный рост персонала. Такие программы проводят не только за счет государства, но и проводят по запросам педагогов, которые повышают общий уровень эффективности работы коллектива.

Анализ научно-методической литературы показывает, что эффективное управление кадровым потенциалом требует адаптивных методов, учитывающих как количество, так и качество подготовки педагогов. Особое внимание уделяется региональным и муниципальным условиям, способствующим эффективной организаций образовательного процесса, поскольку специфическое кадровое обеспечение повышается в зависимости от географии. Например, на сельских территориях более развит дефицит квалифицированных кадров, тогда как в крупных городах увеличивается конкуренция за получение лучшего специалиста, что требует индивидуализации моделей кадрового потенциала.

Таким образом, данное исследование кадров позволяет организациям развивать системные подходы, психологические аспекты и региональную специфику, что способствует выработке эффективных управленческих решений и повышению качества образовательного процесса в целом. Эти направления создают особый интерес к научным разработкам и практическому применению в сфере образования.

Системы оценки кадрового потенциала работников в образовательных организациях основаны на комплексном методологическом подходе, включающем как количественные, так и качественные методы и критерии. Такой подход обеспечивает всесторонний анализ кадрового потенциала и позволяет сформировать целостную картину кадровой ситуации в учреждении.

Определим основные подходы и характеристики системы проектирования кадрового потенциала в системе образования. Метод декомпозиции, наблюдаемый в трудах А.А. Попановой представляет собой один из ключевых методологических подходов в системе планирования кадрового потенциала образовательной организации [8, с.141]. Этот метод позволяет эффективно разбивать сложные компоненты кадрового потенциала на более простые и понятные элементы, что обеспечивает детальный анализ и помогает выявить ключевые управленческие аспекты. В частности, выделение таких категорий, как профессиональные знания, практические навыки и личностные качества сотрудников, способствует формированию целенаправленных стратегий управления, ориентированных на развитие определенных компетенций и повышение качества кадрового обеспечения образовательного процесса.

Применение метода декомпозиции создает предпосылки для построения системной модели кадрового потенциала, определения приоритетов в развитии персонала и адаптации управленческих решений к конкретным потребностям образовательного процесса. Такой подход обеспечивает не только структурированное понимание кадровых ресурсов, но и более эффективное планирование изменения квалификации, мотивации и профессионального роста.

Методы последовательной подстановки обозначенный в работах Ю.В. Васильева, позволяют оценить вклад каждого фактора в общую эффективность системы управления кадрами [4, с.224]. Этот интегративный процесс предоставляет возможность определить первоначальность элементов, таких как уровень квалификации, и сформировать мотивационные рекомендации по эффективной кадровой работе.

Структурирование процессов оценки кадров предполагает четкую и логичную организацию целей и показателей оценки. Такая структура обеспечивает количественное (например, бальную систему), так и качественно обоснование управленческих решений, что повышает прозрачность и системность кадрового управления.

Коллективные методы, в том числе метод «банковских идей», раскрытый в работах О.В. Артебякиной, основаны на коллективном творчестве и совместной выработке решений [1, с.31]. Они актуальны в условиях динамично меняющейся образовательной среды, так как стимулируют адаптивность и гибкость кадровых моделей, сохраняя баланс между инновациями и стабильностью.

Систематизируем методические подходы к моделированию модели кадрового потенциала образовательной организации в зависимости от их применения (таблица 1).

Представленные в таблице 1 методические подходы к моделированию моделей кадрового потенциала образовательной организации обоснованы современными научно-методическими исследованиями в области кадрового потенциала и менеджмента.

Включение в таблицу методов декомпозиции, последовательной подстановки и структурирования обуславливает необходимость системного и детального анализа кадрового потенциала как традиционной, так и многоаспектной системы. Метод декомпозиции позво-

Таблица 1.

Методические подходы к моделированию модели кадрового потенциала образовательной организации.

Методический подход	Характеристика	Применение в кадровом потенциале	Пример применения и источники
Метод декомпозиции	Разбиение сложного явления на простые части с последующим анализом и синтезом	Позволяет выделить ключевые компоненты кадрового потенциала (знания, навыки, личные качества) для целенаправленного управления	Попанова А.А. [8] – повышение эффективности управления через выделение и анализ составляющих кадрового потенциала
Метод последовательной подстановки	Итеративная оценка влияния каждого фактора на эффективность системы	Позволяет определить значимость факторов, таких как мотивация, компетентность	Васильев Ю.В. [4] – ранжирование факторов для улучшения кадровой политики
Метод структурирования	Формирование иерархической системы целей и показателей оценки кадров	Обеспечивает количественное и качественное обоснование управленческих целей	Артебякина О.В. [1] – построение структуры оценочных критериев кадрового потенциала
Коллективные методы («банк идей»)	Совместный мозговой штурм, генерация и оценка решений коллективом	Повышает адаптивность моделей управления в быстро меняющейся среде	Артебякина О.В. [1] – создание гибких управленческих моделей через совместное принятие решений
Опытный метод	Основан на анализе опыта предшествующих систем управления кадрами	Используется для адаптации успешных практик и выявления узких мест	Применяется в программах кадрового развития образовательных учреждений
Количественные методы оценки	Балльные системы, ранжирование	Позволяют объективно оценивать вклад каждого сотрудника и эффективность работы	Применение количественной оценки для повышения прозрачности кадровой политики
Качественные методы оценки	Экспертные оценки, интервью, психологическое тестирование	Выявляют мотивационные и психологические особенности кадров	Комплексная психологическая оценка персонала

ляет использовать профессиональные, мотивационные и психологические компоненты кадрового потенциала, что обеспечивает точечное и эффективное управление организацией.

Метод последовательной подстановки изучает влияние каждого фактора в отдельности, а структурирование обеспечивает четкое и системное построение целей и взаимосвязь в управлении кадровым потенциалом.

Коллективные методы, такие как «банковские идеи», способствуют созданию адаптивных и устойчивых кадровых моделей в условиях быстроменяющейся формационной среды. Эти подходы позволяют разработать комплексный и гибкий механизм кадрового потенциала.

Систематизация профессиональных компетентностей, мотивационных и психологических характеристик подтверждается актуальными исследованиями психологов и педагогов, например Султанова Г. С. [8, с.141]. Эти критерии отражают комплексное понимание кадрового потенциала, как уровня знаний, умений, эмоциональных и коммуникативных способностей, что необходимо для эффективного образовательного процесса и развития организации.

Нормативно-правовая база России поддерживает этот подход. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Образование в Российской Федерации» [9] и Приказы Минпросвещения РФ регулируют требования к кадровому составу, условиям профессионального роста и мотивации предоставления образования. В частности, Приказ Минпросвещения РФ от 31 августа 2021 г. № 458 «Об утверждении Порядка приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» [6], которые задают квалификационные требования к педагогам. Эти нормативы создают юридическую основу для реализации моделей кадрового потенциала и программ его развития.

В нормативной документации по моделированию кадрового потенциала образовательных организаций основное место занимает профессиональный стандарт, который стандартизирует требования к профессиональной деятельности работников. Стандарт определяет квалификационные требования, трудовые функции и виды профессиональной деятельности, включая организацию учебного процесса, современные технологии образования, применение программ профессионального и личностного развития обучающихся. Он также устанавливает нормы аттестации педагогов, разрабатывает нормативные документы и формирует систему оплаты труда. Например, в профессиональном стандарте «Педагог профессионального образования, среднего профессионального образования», утвержденный Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21 марта 2025 года № 136н, который ре-

гулирует деятельность средних профессиональных образовательных организаций и мастеров производственного обучения [7].

В образовательной практике применяются различные методы оценки кадров (рисунок 1):

Рис. 1. Методы оценки кадров

— балльная оценка, компетентная аналитическая оценка вклада каждого сотрудника;
— метод оценки кадров (МБО), направленный на достижение согласованных результатов;
— метод «360 градусов», включающий обратную связь с коллегами, руководителями и обучающимися;
— ассессмент-центры для комплексного анализа профессиональных и личностных качеств сотрудников.

Кроме того, необходимо учитывать проведение как количественных (баллы), так и качественных (экспертные оценки, интервью) методов оценки, что соответствует эффективным практикам управления персоналом. Такой подход обеспечивает объективность, полноту и адаптивность системы оценки.

Разработанная таблица представляет собой комплексный инструмент, построенный на проверенных методологических основах, который позволяет эффективно проводить моделирование и оценивать кадровый потенциал, что является обязательным условием для повышения качества управления образовательной организацией и ее развития. Эти методы обеспечивают объективность и всесторонность оценок, выявляют рост зоны и повышают качество кадрового потенциала формирующей организации.

Таким образом, система проектирования и оценки кадровых работников в сфере образования представляет собой интегративный комплекс методологических подходов, включающих декомпозицию, структурирование и коллективные методы, а также профессиональные, мотивационные и психологические характеристики персонала. Применение таких систем обеспечивает повышение эффективности управления кадрами, обеспечивает развитие процессов и устойчивое развитие организаций в условиях современных вызовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артебякина О.В. Кадровый потенциал образовательной организации как основа совершенствования методической работы / О.В. Артебякина // Основные направления исследований проблем модернизации России: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 октября 2023 года / Под редакцией Е.В. Конеевой. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Социально-культурная инициатива», 2023. – С. 28–34.
2. Болгова Е.В. Модели и методы повышения профессиональной компетентности педагогических работников образовательных организаций ФСИН России: диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Болгова Елена Валерьевна, 2023. – 141 с.
3. Крылова Т.В. Управление развитием педагогического кадрового потенциала / Т.В. Крылова, С.Н. Казначеева, А.В. Лелекова // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72–2. – С. 132–134.
4. Митрофанов Д. Пути совершенствования организации кадрового учета / Д. Митрофанов, Ю.В. Васильева // Студенческая наука – первый шаг в академическую науку : Материалы Международной студенческой научно-практической конференции с участием школьников 10-11 классов. В 4-х частях, Чебоксары, 12–13 марта 2024 года. – Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2024. – С. 222–227.
5. Преподавателям высшей школы Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/letters/78492 (дата обращения: 25.11.2025).
6. Приказ Минпросвещения РФ от 31 августа 2021 г. № 458 «Об утверждении Порядка приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования. – URL: https://base.garant.ru/74626876/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 25.11.2025).
7. Профессиональный стандарт «Педагог профессионального образования, среднего профессионального образования» утвержденный Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21 марта 2025 года № 136н. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411843710/?ysclid=mfwan9eftb66967313 (дата обращения: 25.11.2025).
8. Султанов Г.С. Современные методы оценки и характеристики формирования кадрового потенциала организации / Г.С. Султанов, Л.Х. Джабраилова, А.А. Попанова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 12(134). – С. 140–149.
9. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Образование в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.11.2025).

© Бельченко Владимир Евгеньевич (bvee@mail.ru), Бельченко Илья Владимирович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.06

РАННЯЯ ПРОФОРИЕНТАЦИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[1]

EARLY CAREER GUIDANCE FOR PRESCHOOL CHILDREN USING INNOVATIVE TECHNOLOGIES[2]

E. Bekhtereva
I. Galyant
I. Yevtushenko
M. Tereshchenko
K. Gridusova

Summary: The article actualizes and describes the problem of early career guidance for preschool children in conditions of unstable professional orientation of the younger generation. The authors provide an overview of regulatory documents, as well as basic and modern research on this issue. A meaningful description of the "professional orientation" construct is the basis for highlighting the indicators of preschool children's labor education. The results of studying the professional orientation of preschool children in the world of professions, understanding and willingness to perform labor actions are presented. The substantiation of the continuity of professional orientation of preschool children and a promising solution to the problem through innovative educational and educational practices is revealed.

Keywords: early career guidance, preschool children, professional orientation, educational and educational practices, innovative technologies.

Бехтерева Елена Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
bekhterevaen@cspu.ru
Галянт Ирина Геннадьевна
кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
galyantig@cspu.ru
Евтушенко Ирина Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
evtushenkoin@cspu.ru
Терещенко Марина Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
tereshenkomn@cspu.ru
Гридусова Ксения Сергеевна
преподаватель, ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
trofimovaks@cspu.ru

Аннотация: В статье актуализируется и описывается проблема ранней профориентации детей дошкольного возраста в условиях нестабильного профессионального ориентирования подрастающего поколения. Авторами представлен обзор нормативных документов, а также базовых и современных исследований по данной проблематике. Содержательное описание конструкта «профессиональная ориентация» является основанием для выделения показателей трудового воспитания дошкольников. Представлены результаты изучения профессиональной ориентированности детей дошкольного возраста в мире профессий, понимание и готовность к выполнению трудовых действий. Выявлено обоснование непрерывности профессиональной ориентации детей дошкольного возраста и перспективного решения проблемы с помощью инновационных образовательных и воспитательных практик.

Ключевые слова: ранняя профориентация, дети дошкольного возраста, профессиональное ориентирование, воспитательные и образовательные практики, инновационные технологии.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» в рамках научного проекта «Разработка инновационных практик сотрудничества детей и взрослых по вопросам ранней профориентации детей дошкольного возраста», договор № Ш-2025-35 от 30.05.2025 г.

2 The study was carried out with the financial support of Shadrinsky State Pedagogical University as part of the scientific project "Development of innovative practices for cooperation between children and adults on early career guidance for preschool children", contract No. Sh-2025-35 dated 05/30/2025.

Введение

Профессиональная ориентация молодежи как стратегически важная задача стоит сегодня перед государством. Выбор профессии – это важный шаг для современного подрастающего поколения. Этот выбор обусловлен с одной стороны, научно-техническим прогрессом, а с другой, внутренними мотивами, индивидуальными особенностями, лежащими в основе самоопределения личности. Проблема ранней профориентации является не просто актуальным направлением деятельности образовательных организаций, но и соответствует требованиям современной трансформации общества, глобальным социально-экономическим вызовам нашего государства. Анализ результатов социологического мониторинга ориентирования на профессию в молодежной среде показывает, что молодые люди при получении профессионального образования чаще всего идут по пути «получения диплома без учета склонности к профессии». Такие люди чаще всего испытывают неудовлетворенность профессиональным выбором, теряют мотивацию к труду, не имеют «карьерных амбиций». Вот почему сегодня особенно важно ориентировать современную молодежь на осознанный выбор профессионального вектора с учетом запроса экономики региона и страны в целом.

Актуальность изучения данной проблематики через принципы Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования обосновывается необходимостью преобразования структуры трудовой деятельности с учетом изменений в содержании труда: автоматизации, компьютеризации, технической реконструкции и т.д. В аспекте реформирования системы регулирования дошкольного образования вполне закономерно среди результатов на этапе завершения освоения Федеральной образовательной программы выделить такие показатели развития ребенка как «сформированность представлений о труде взрослых; современных профессиях, возникающих в связи с потребностями людей; демонстрация реальных трудовых действий; представления об обмене ценностями в процессе производства и потребления товаров и услуг» и т.д.

Обзор исследований

Современные социально-экономические стратегии развития нашего государства, расширение состава профессий, большой выбор образовательных организаций как среднего, так и высшего профессионального образования ставит перед молодым поколением определенную проблему выбора того профессионального пути, где он наиболее эффективно сможет проявить свои личностные качества. Система профессионального самоопределения с учетом огромной вариативности трудовой занятости постоянно развивается и усложняется, вместе с тем она выступает одной из площадок социализации человека с учетом профессиональной панорамы общества. Ранняя профориентация – это «система мероприятий, направленных на профессиональную ориентацию детей, в том числе детей младшего школьного и дошкольного возраста, и навигацию по существующим профессиям и профессиональным областям, подготовку к выбору профессии (с учетом особенностей личности и потребностей экономики в кадрах)» [1]. Это обстоятельство определяет обязательность рассмотрения феномена ранней профориентации обучающихся с учетом полифонии трактовки этого понятия в психолого-педагогических исследованиях.

В современных нормативных документах в сфере образования большое внимание уделяется проблеме профессионального развития детей и их приобщения к трудовой деятельности. В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации закладываются основы трудового воспитания и профессионального самоопределения для осмысленного выбора профессии [2]. Конкретизируется данный подход уже в Федеральной образовательной программе дошкольного образования путем расстановки акцентов на задачах по формированию представлений о профессиях и трудовых процессах, воспитания бережного отношения к труду взрослых; знакомства детей с элементарными экономическими знаниями и формирования первоначальных представлений о финансовой грамотности [3]. Такой подход является определенным гарантом преемственности задач профессиональной ориентации современной молодежи на разных этапах российской системы образования и предопределяет направления нашего дальнейшего исследования.

Основу профориентации детей дошкольного возраста составляет трудовое воспитание. Так ознакомление детей с трудовой деятельностью раскрыто в трудах многих отечественных педагогов (Р.С. Буре, Д.В. Сергеева, Е.О. Смирнова, М.А. Васильева, С.А. Козлова, В.Г. Нечаева, Л.А. Ростовецкая, Ю.В. Янатовская и др.). на базе этих исследований формировались научные школы, раскрывающие определенные подходы к отбору содержания образовательной работы с детьми дошкольного возраста [4,5,6]. Сегодня понятие ранней профориентации в дошкольном образовании прочно вошло в круг научных интересов. Осмысление проблемы через психолого-педагогические исследования подводят нас к необходимости учета сложившихся определенных теоретических предпосылок.

По мнению И.С. Кона самоопределение человека напрямую связано с выполняемым делом, каким-либо видом профессиональной деятельности и взаимоотношениями с окружающими людьми. В выделенных им

ступенях для дошкольного периода профессионального самоопределения рекомендован этап детской игры: ребёнок принимает на себя разные профессиональные роли и «проигрывает» отдельные элементы связанного с ним поведения [7]. Важную роль профориентационных игр в своем исследовании подтверждает и Н.С. Пряжников. Он акцентирует внимание на информационный характер знакомства с миром профессий, а также предлагает включать обсуждение мечты и опыта ребенка, приобретенного им в различных видах трудовой деятельности в систему работы с детьми [8]. Известный психолог Е.А Климов в своей работе, раскрывающей психологию профессиональной деятельности, разработал методику, способную выявить основную предрасположенность личности к тому или другому типу деятельности. Отмечая особенности профориентации в дошкольном возрасте, он призывал использовать интерес ребенка как основу зарождения профессионального самоопределения [9]. Поэтому работа по ранней профориентации дошкольников должна заключаться не только в накоплении ими представлений о сущности и содержании труда, а также «жизненного опыта», содержащего в том числе и мечты, которые возникают у ребенка, наблюдающего за жизнью и деятельностью взрослых [10].

Особое внимание необходимо уделить организационно-педагогическим условиям ранней профориентации в дошкольном возрасте. В исследовании Швейд Е.Н., Михайловой Н.Л. подчеркивается важность такого условия как подготовка педагогических кадров по сопровождению профессиональной ориентации обучающихся в образовательном учреждении. Авторами предлагается введение специальности «Профориентолог» для курсов переподготовки педагогов. Такой подход подтверждает важность и актуальность данной проблематики [11]. Еще об одном важном условии профориентации в своей работе заявляет А.А. Ошкина. Автором описывается методика разработки сюжетно-дидактических игр, позволяющих детям получить первоначальные конкретно-наглядные действия в рамках профессиональной деятельности взрослых [12].

Особый интерес в рамках нашего исследования имеют особенности проявления ранней профессиональной направленности у детей дошкольного возраста. Такие проявления изучены и описаны в работе Н.В. Ивановой и М.А. Виноградовой: отсутствие у детей целостности представлений о профессиях, однонаправленность называемых профессий, а также в первую очередь ориентированность на профессии своих родителей. Анализ таких ограниченных представлений подчеркивает необходимость при определении содержания профориентационной работы ориентироваться не только на индивидуальные и возрастные особенности детей, требования ФГОС ДО и ФОП ДО, но и учитывать личный опыт ребенка [13].

Таким образом, на основе анализа исследований затронутой проблематики можно отметить, что многие авторы раскрывают различные стороны профессиональной ориентации и профессионального самоопределения уже в период дошкольного детства, что является одной из важнейших составляющих позитивной социализации, а также формой деятельности, направленной на производство определённых общественно - полезных продуктов ценностей, удовлетворяющих материальные и духовные потребности человека. Полагаем необходимым акцентировать внимание, что феномен профессионального определения детей дошкольного возраста носит преимущественно ознакомительный характер, а становление проблемы ознакомления дошкольников с миром профессий должно включать в себя несколько аспектов: формирование представлений о различных профессиях, их особенностях и значении для людей, развитие у детей интереса к труду и желания стать профессионалами в своей области, воспитание уважения к труду взрослых и понимание его значимости для общества.

Методология

Целью исследования является изучение проблемного поля ранней профориентации детей дошкольного возраста, определение наиболее эффективных направлений формирования основ профессионального становления у дошкольников, а также описание особенностей внедрения инновационных технологий ранней профориентации в современных образовательных условиях.

Исследуя конструкт и содержательную структуру, особенности дефиниции «ранняя профориентация», в качестве основных методов выступили формализованный анализ нормативных документальных источников, феноменологический научный анализ психолого-педагогических исследований, систематизация передового педагогического опыта, идиографический метод изучения программ и технологий. Мы считаем, что, благодаря изменению подхода к формированию основ профессионального определения дошкольников, как компоненту профориентационной работы в образовательной организации, будет происходить системное, постепенное и последовательное расширение круга знаний детей о профессиях взрослых, понимание их социальной значимости, а также изменений мира профессий в соответствии с веяниями времени, на основе исторических и национально-культурных традиций, а также с учетом задач экономического развития страны и региона.

Результаты

Реализация исследования в данной проблематике является одной из тенденций и закономерностей развития современного ребенка, социокультурного становления личности. Сегодня в образовательных организациях

приобщение к труду, освоение опыта и специфических компонентов трудовых профессий через доступные формы детской активности реализуются недостаточно, продолжается поиск наиболее эффективных технологий для реализации данного процесса. Описанные проблемы не позволяют многоаспектно решать проблему ранней профориентации дошкольников, поэтому в своей работе мы делаем акцент на разработке и апробации применения инновационных образовательных и воспитательных практик в ранней профориентации детей дошкольного возраста.

Изучив решающие факторы проблемы и проработав основные напрвления, стало возможным определить сущностные характеристики конструкта «ранняя профориентация детей дошкольного возраста». На основании исследований Смирновой Е.О. под ранней профориентацией дошкольников понимаем систему мероприятий, направленных на ознакомление детей с максимальным количеством профессий, а также организацию сопровождения процесса выбора будущей профессиональной деятельности с учётом индивидуальных возможностей, особенностей, способностей и интересов ребёнка, через сочетание образовательной деятельности с воспитательными практиками [6].

Для комплексной оценки ориентирования детей в мире профессий мы использовали серию диагностических методик О.В. Дыбиной «Мир профессий». В ходе предложенных заданий мы выявляли широту и глубину представлений детей о профессиях, эмоциональное отношение к ним, осознание значимости профессий для общества, а также способность спрогнозировать результат определенных профессиональных действий и готовность сделать осознанный выбор подходящих орудий труда.

В ходе диагностики определили следующие особенности:

— лишь у 46% детей сформированы понятия об основных профессиях (воспитатель, врач, продавец, полицейский, водитель, парикмахер и т.д.), они отмечают их особенности и значение для человека, имеют представление об орудиях и атрибутах труда;
— у 41% дошкольников наблюдается наличие представлений о процессе, продукте, орудиях и атрибутах труда, а также понимание взаимосвязи в обществе различных профессий;
— еще около 44% воспитанников проявляли выраженные первичные профессиональные предпочтения (хотят быть блогером, врачом, каскадером, и даже учителем), выражали эмоционально-положительное отношение к профессиональной деятельности взрослых, желание овладеть определенной профессией, наличие представлений о способах овладения профессией, о качествах, которыми должен обладать представитель той или иной профессии.

Вместе с тем необходимо отметить, что большинство детей, называя профессии, ориентировались на свое ближайшее окружение (профессии родителей), свой социальный опыт (имеют опыт взаимодействия с гаджетами – блогер, интересуется мотоциклами – каскадер, занимается спортом – хоккеист) и т.д. Изучая глубину профессионального ориентирования мы отметили, что детям сложно подбирать смежные профессии (пилот – стюардесса, врач – медсестра, учитель – воспитатель), также некоторые дети испытывали трудности при определении алгоритма профессиональных действий и описании результата труда.

Анализируя трудности в организации работы с детьми, в своем исследовании мы предлагаем применять инновационные практики в ранней профориентации, что позволит системно, постепенно и последовательно расширять круг знаний детей о профессиях взрослых, понимать их в социальной значимости, а также учитывать изменения мира профессий в соответствии с веяниями времени, на основе исторических и национально-культурных традиций, а также с учетом задач экономического развития страны и региона.

Эффективность применения инновационных технологий в вопросах развития у детей способностей понимать и принимать сущностные характеристики формируемых процессов неоднократно подтверждались разнообразными исследованиями. В работах Галянт И.Г., Бехтеревой Е.Н. описаны возможности таких форм как познавательные беседы, проекты, образовательный геокешинг и другие активности, направленные на интеграцию культур [14]. В рамках нашего исследования в качестве наиболее эффективных практик ранней профориентации дошкольников были разработаны и внедрены такие технологии как филворд, сторителлинг, синквейн, буктрейлер.

1. Использование филворда как своеобразной формы визуализации информации позволила расширить представления детей о разных профессиях. Создавая филворд педагог в поле с клеточками вписывал слова или подбирал изображения, связанные с различными профессиями, инструментов и оборудования. Филворды использовались в качестве наглядного материала при проведении бесед о профессиях, в организации дидактических и настольных игр.
2. Инновационная технология «сторителлинг» — это история с определённой структурой и интересным героем. В своей работе мы использовали три типа педагогического сторителлинга: традиционный (педагог сам рассказывает реальную или

вымышленную историю о какой-либо новой, незнакомой детям профессии «Комбайнер», «Машинист», «Металлург», «Режиссер» и т.д.), активный (педагог определяет только основу события, а дети сами активно придумывают или пересказывают историю об уже знакомых профессиях, профессиях родителей) и цифровой (рассказывание истории дополняется визуальными элементами, такими как видео, скрайбинг, майнд-мэп и инфографика).

3. Синквейн – это нерифмованное стихотворение из пяти строк, которое помогает развить образную речь и закрепить новые знания. Для ознакомления детей старшего дошкольного возраста с трудом взрослых мы использовали дидактический синквейн, основанный на заданной синтаксической структуре и содержании: первая строка должна содержать тему, явление или предмет, о котором идёт речь; вторая строка включает два слова, описывающих свойства и признаки этого предмета или явления; третья строка содержит три слова, описывающих действия, характерные для этого явления или объекта; четвёртая строка представляет собой фразу или предложение, выражающее мнение ребёнка о затронутой теме; пятая строка содержит одно слово (существительное), выражающее чувства, ассоциации или синонимы, связанные с предметом обсуждения в синквейне. Например: «Пожарный, Смелый и отважный, Готов тушить, спасать, Хочу таким же быть и помогать! Спасатель!»
4. Также мы использовали такую инновационную технологию как буктрейлер. Это были видеоролики рекламного характера, рассказывающие о художественных произведениях с яркими и узнаваемыми моментами. Буктрейлеры были разработаны к таким произведениям как Маяковский В. «Кем быть?», Маршак С.Я. «Пожар», Михалков С. «В парикмахерской», «Дядя Степа-милиционер», Мошковская Э. «Кондитер», Родари Дж. «Чем пахнут ремесла?», Чуковский К. «Айболит» и другие.

Кроме реализованного комплекса инновационных практик для решения задач ранней профориентации детей дошкольного возраста была дополнена предметно-пространственная игровая среда авторскими иллюстрациями репродукциями картин о профессиях (Белых А. «Мостостроители», Дега Э. «Танцовщицы на репетиции», Дельфтский Я. «Кружевница»), картотеками пословиц и поговорок о труде, загадок и стихотворений о профессиях и орудиях труда, дидактическими играми по ознакомлению детей с профессиями («Подскажи словечко», «Кому без них не обойтись», «Ассоциации», «Мемо» и др.)

Таким образом, в ходе проведенной работы поставленные задачи были решены. Нами были определены и апробированы наиболее эффективные направления формирования основ профессионального становления у дошкольников через внедрение инновационных технологий ранней профориентации в современных образовательных условиях.

Выводы

Резюмируя, отметим, что в условиях непрерывности отечественной системы образования для того, чтобы сконцентрировать усилия молодых людей на выбор профессионального пути, получение профессии в соответствии с индивидуальными предпочтениями и предрасположенностью, а также с учетом развития экономики, необходимо начинать процесс профессиональной ориентации уже на этапе раннего развития ребенка как сензитивного периода в формировании начальных форм трудовой деятельности.

Представленная система работы и создание соответствующих условий, определяющих результативность применения инновационных технологий в ранней профориентации детей дошкольного возраста, в качестве результата работы показывает реальные достижения ребенка в ознакомлении с профессиями взрослых, проявляющихся в его повседневной активности в различных видах детской деятельности. на различных этапах возрастного развития позволяет ребенку сделать профессиональный выбор и стать успешным.

Применение эффективных инновационных образовательных и воспитательных практик, помогут специалистам дошкольного образования внедрить новые знания, необходимые для проявления детьми способностей и интересов, сопутствующих профессиональному выбору профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муратова А.А. Феномен ранней профориентации обучающихся / А.А. Муратова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2023. № 2 (238). С. 88–93.
2. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».
3. Приказ Министерства просвещения РФ "Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования" от 25.11.2022 № 1028

// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022.
4. Козлова С.А. Труд как средство социализации дошкольников / С. А. Козлова // Известия института педагогики и психологии образования. — 2017. — № 1. — С. 107–111.
5. Буре Р.С. Дошкольник и труд. Теория и методика трудового воспитания / Р.С. Буре. – М.: Мозаика-Синтез, 2012. – 136 с.
6. Смирнова Е.О. Игра и произвольность у современных дошкольников / Е.О. Смирнова // Вопросы психологии. – 2004. - № 1. - С. 91–103.
7. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание / И.С. Кон. - Москва: Политиздат, 1984. - 335 с.; 20 см.
8. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Психология» и психологическим специальностям / Н.С. Пряжников. – М.: Академия, 2008. – 318 с.
9. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. — Р н/Д, 1996. — 506с.
10. Столяренко Л.Д. Основы психологии и педагогики: учебное пособие для вузов /Л.Д. Столяренко, В.Е. Столяренко. — М.: Юрайт, 2023. — 134 с.
11. Швейд Е.Н. Организационно-педагогические условия ранней профориентации в дошкольном возрасте/ Е.Н. Швейд, Н.Л. Михайлова, В.Д. Повзун // Человеческий капитал. - 2022. - № 6 (162). - С. 141–146.
12. Ошкина А.А. Ранняя профориентация старших дошкольников посредством сюжетно-дидактических игр / А.А. Ошкина // Ученые записки ЗабГУ. - 2021. – Том 16. - № 2. - С. 50–58.
13. Иванова Н.В. Организационно-педагогические условия ранней профориентации в дошкольном возрасте/ Н.В. Иванова, М.А. Виноградова // Ярославский педагогический вестник. - 2019. - № 3 (108). - С. 38–46.
14. Галянт И.Г. Формирование поликультурной личности в дошкольном возрасте / И.Г. Галянт, Н.В. Бутенко, Е.Н. Бехтерева, Л.Н. Галкина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Т. 13, № 2(47). – С. 35–40.

© Бехтерева Елена Николаевна (bekhterevaen@cspu.ru), Галянт Ирина Геннадьевна (galyantig@cspu.ru),
Евтушенко Ирина Николаевна (evtushenkoin@cspu.ru), Терещенко Марина Николаевна (tereshenkomn@cspu.ru),
Гридусова Ксения Сергеевна (trofimovaks@cspu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.09

СОСТОЯНИЕ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В НАРОДНЫХ ШКОЛАХ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД В РОССИИ

THE STATE OF RELIGIOUS AND MORAL EDUCATION IN PUBLIC SCHOOLS IN THE POST-REFORM PERIOD IN RUSSIA

B. Borisov
A. Kozlova
A. Shpak

Summary: This article is a historical and pedagogical study of the problems of the state of religious and moral education in the post-reform period in Russia. From the Soviet period to the present, there is a widespread and incorrect idea that the religious and moral education of students reigned supreme in the public education of pre-revolutionary Russia, which, in the person of the clergy and law teachers, was an obstacle to both the spread of education in general and the development of a "progressive" zemstvo school based on secular principles, in particular. Turning to the sources of the period in question allows us to fundamentally revise the widely established view. Upon closer examination, it turns out that even earlier the abolition of serfdom, and even more so after it, the clergy was one of the most proactive classes in opening schools for peasant children. But gradually, and most importantly systematically, it began to be removed from active participation in the life of the school, the new managers of which, at best, took care of teaching the Law of God and religious and moral education of students. Although these foundations of the public school were spelled out in all regulatory documents regulating public education. As is traditionally the case in Russia, the intervention of the supreme power was required to correct this situation, by, in fact, restoring parish schools, which found support in wide popular strata.

Keywords: spiritual and moral education, parish schools, public education, zemstvos, the Holy Synod, the clergy, the Law of God, the law teacher.

Борисов Борис Юрьевич
кандидат педагогических наук, доцент,
Псковский государственный университет
borrisov@yandex.ru
Козлова Алёна Михайловна
Ассистент, Псковский государственный университет
aleeenka161090@mail.ru
Шпак Алексей Павлович
кандидат педагогических наук, доцент,
Псковский государственный университет
apshpak@mail.ru

Аннотация: Данная статья является историко-педагогическим исследованием проблем состояния религиозно-нравственного воспитания в пореформенный период в России. Начиная с советского периода и по настоящее время существует широко распространенное и неверное представление о том, что в народном образовании дореволюционной России безраздельно господствовало религиозно-нравственное воспитание учащихся, которое в лице духовенства и законоучителей были препятствием как распространению образования вообще, так и развитию «прогрессивной» земской школы, основанной на светских началах, в частности. Обращение к источникам рассматриваемого периода позволяет в корне пересмотреть широко установившийся взгляд. При ближайшем рассмотрении оказывается, что еще ранее отмены крепостного права, а тем более после нее, духовенство было одним из самых инициативных сословий в деле открытия школ для крестьянских детей. Но постепенно, а главное планомерно, оно стало отстраняться от активного участия в жизни школы, новые распорядители которой в последнюю очередь на практике заботились о преподавании Закона Божия и религиозно-нравственном воспитании учащихся. Хотя данные основания народной школы были прописаны во всех нормативных документах, регулировавших народное образование. Как это традиционно бывает в России потребовалось вмешательство верховной власти для исправления данного положения, путем, по сути дела, восстановления церковно-приходских школ, которое нашло поддержку в широких народных слоях.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, церковно-приходские школы, народное образование, земства, Святейший Синод, духовенство, Закон Божий, законоучитель.

Введение

Вопреки сложившемуся еще в советский период широко распространенному мнению о по сути безраздельном господстве церкви в деле постановки преподавания Закона Божия, при ближайшем рассмотрении оказывается, что данное убеждение не соответствовало действительности, а реальное положение дел в сфере религиозно-нравственного воспитания выглядело не столь однозначно. По крайней мере не на всех этапах развития образования в дореволюционной России ведущие позиции церкви прослеживаются, даже с учетом того, что это Закон Божий являлся обязательной дисциплиной. Особенно это относится к пореформенному периоду, когда народное образование стало распространяться среди широких слоев населения.

Сложный исторический период, переживаемый ныне нашим Отечеством, на наш взгляд имеет определенные параллели в прошлом, поскольку известно, что история в определенной мере развивается по принципу спирали, и зная свое прошлое, можно предвидеть в определенной мере будущее. Совершенно очевидно, что подобно эпохе Великих реформ Царя-Освободителя Александра II

мы также на протяжении как минимум двух десятилетий, проживали свой этап либерального реформирования, и хотя подобно периоду Александра III, наметился курс на его корректировку в сторону суверенитета, особенно обострившийся после начала Специальной военной операции, и по сути разрывом с Западом, тем не менее, суверенное мировоззрение в академической научной среде и системе образования еще с трудом пробивает себе дорогу после длительного периода вестернизации, что явно не соответствует уровню угроз и вызовов нашей стране и обществу. Значимость сферы образования и особенно гуманитарной науки возрастает кратно, поскольку формирует ментальное пространство и образ будущего у учащихся.

В последние годы государство, стремясь преодолеть конституционно закрепленный идеологический вакуум, предпринимает определенные усилия в данном направлении. Это и принятие документов стратегического планирования и выход Указа № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а также ряда других нормативно-правовых актов [10], и конечно же, это полноценное возвращение воспитательной работы в школу после внесения соответствующих поправок в Закон «Об образовании», и многое другое.

Так, с 2023/2024 учебного года в школах нашей страны появился новый учебный предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России», который еще ранее был введен с 2015 г. в качестве предметной области и изучался в составе других гуманитарных предметов, либо во внеурочное время. По сути дела, это единственный предмет, который в условиях законодательно закрепленной светскости образования, может дать представление учащимся о духовно-нравственной культуре народов Российской Федерации и роли отечественных традиционных религий. Поскольку вопросы духовно-нравственного воспитания учащихся на сегодняшний день активно находятся в объективе научной педагогической мысли, то обращение к истории вопроса о состоянии религиозно-нравственного воспитания в пореформенный период представляется актуальным.

Цель исследования

Изучение государственной и церковной политики, а также педагогической практики относительно устройства религиозно-нравственного воспитания учащихся в народных школах в пореформенный период в России.

Методы исследования

Изучение и анализ нормативно-правовых актов, относящихся к исследуемому периоду, дневников, мемуарной литературы; анализ и интерпретация полученной информации.

Результаты исследования

Если обратиться к нормативно-правовой базе, к законам, регулировавшим народное образование, то в качестве главной, магистральной задачи школы было четко обозначено религиозно-нравственное воспитание учащихся.

Данная цель народной школы была сформулирована еще в Уставе приходских училищ 1828 г., где было отмечено, что учителя, должны были иметь в качестве четкого ориентира своей деятельности нравственную цель воспитания [6, С. 460].

В 1836 г. выходит Указ императора Николая I об открытии народных школ при церквях и монастырях, с возложением обязанности по обучению детей на приходское духовенство. Справедливости ради, надо отметить, что данная инициатива была поддержана духовенством, живо откликнувшимся на призыв императора. Священники стали повсеместно открывать данные школы, жертвуя на них средства.

Необходимо отметить, что энтузиазм духовенства в деле развития народного образования, равно как рост, учреждаемых ими училищ спутал планы светской интеллигенции, гордившейся своим просвещением, и свысока толковавшей о невежестве духовенства [8, С.836].

Важной исторической вехой, которая определила дальнейшее развитие народного образования, стала отмена крепостного права в 1861 г. После освобождения крестьян духовенство развернуло подлинное просветительское движение, а школы при церквях стали открываться сотнями. Духовенство находило на это, без сомнения, важнейшее мероприятие необходимое для этого время, силы и средства, и, конечно же, дарования. Только за 6 лет, в период с 1859 по 1865 г. по России, благодаря стараниям духовенства, было открыто 21400 новых церковно-приходских школ [8, С.837].

Надо отметить, что такая широкая просветительская деятельность духовенства, вызвала определенную ревность в кругах интеллигенции, представители которой также стали открывать в городах воскресные школы. Однако в этих заведениях по факту, зачастую велась, по сути, подрывная работа по распространению разрушительных для государства социалистических идей. В конце концов правительство на два года (до 1867 г.) было вынуждено эти школы закрыть с тем, чтобы потом преподавание в них поручить духовенству, а не представителям радикальной светской интеллигенции [7, С. 539].

Равнодушие, а то и вовсе неприязнь к просветительству духовенства со стороны русской интеллигенции объяснялось просто: священники относились к данному делу с позиций приверженности вере, традиции, Отечеству и царю, а не идеалу «нового человека».

Надо сказать, что уже тогда в ход были запущены средства, которые и сейчас позволяют эффективно бороться с оппонентами – это средства массовой информации. Тогдашняя печать активно подключилась к черному пиару в отношении и школ и духовенства, говоря о невежестве священства и отсталости методов обучения, ими применяемых. Главное достоинство программы обучения, которое было заключено в православной религиозно-нравственной направленности, в сознании интеллигенции было ее «узостью». В силу того, что средства массовой информации влияют оказывают мощное влияние на общественное сознание, в Министерстве Народного Просвещения был поднят вопрос о подчинении всех народных школ данному ведомству.

В 1862 г. выходит Высочайшее повеление, согласно которого приходские школы предполагалось оставить за духовенством, а Министерству было определено заведовать теми школами, которые оно само будет учреждать. Но данное решение вопроса не устраивало последнее. И учреждая свои школы, Министерство Народного Просвещения явочным порядком присоединяло школы духовенства к своим, увязывая вопрос необходимого финансирования с необходимостью присоединения к данному ведомству.

Помимо этого, чиновники ведомства, включая попечителей учебных округов, были людьми нового «прогрессивного» склада, и достаточно часто прямо запрещали сельским обществам составлять приговоры (т.е. осуществлять волеизъявление) об учреждении новых церковно-приходских школ.

С 1864 г. против школ, учрежденных духовенством, стали выступать появившиеся земские органы власти, которые мечтали об устройстве своих собственных земских школ по европейским, светским эталонам, где в основу было бы положено не религиозное, а «культурное» направление, для которого потребовались бы как новые учителя, так и новые методы. Относясь с недовольством к учебной деятельности духовенства, земства стали присоединять к себе приходские школы. Происходило это, порой, с согласия самого духовенства, видевшего в этом, по сути, единственный способ материального обеспечения школ.

Причина подобных умонастроений властей и земства состояла, по мнению видного публициста дореволюционной поры М.О. Меньшикова в том, что ко второй половине XIX века в образованных общественных кругах, да и в разночинных тоже, то место, которое ранее занимал священник прочно занял интеллигент, который стал по-своему «проповедовать» [5].

В силу данного обстоятельства число подведомственных духовенству школ начало стремительно сокращаться, уже через 20 лет, в 1880-х гг. их осталось около 4000.

С учреждением все в том же 1864 г. губернских и уездных училищных советов, составленных из представителей земств, в подавляющем большинстве министерских и земских школ духовенство оказалось в зависимости от светских руководителей, тяготеющих вниманием к таким же светским учителям, и пренебрегающих священством, не находившим у них помощи и поддержки.

Говоря об учреждении различных надзорных должностей в журнале «Народное образование», отмечалась следующая особенность этой деятельности: «Все эти заботы мало касаются религиозно-нравственного воспитания, научения Закону Божию в той же народной школе, ибо вышеуказанные органы надзора и руководства едва ли могут быть вполне компетентны и в этой области. Мы не хотим этим сказать, что в надзоре и руководстве – главное условие успеха религиозно-нравственного воспитания в народной школе. Мы хотим только обратить внимание на некоторую двойственность в отношении народного образования. Что касается, так сказать, просвещения ума, то за этим признается необходимость внимательно следить, тщательно руководить, а что касается религиозно-нравственного воспитания, то следить за этим, руководить этим в этом важнейшем деле как бы считается излишним» [6, С. 462].

Сложившаяся ситуация не лучшим образом сказывалась на мотивации в отношении школьного дела и самого духовенства, ведь даже многие земства не хотели оплачивать даже труд законоучителей из числа священников, относя его к сфере обязанностей самого пастыря. Но главное состояло в том, что многие земцы считали необходимым сократить уроки по Закону Божию, исходя из того, что данный предмет является специальным, в то время как не все крестьянские дети стремятся в будущем к поступлению в духовенство. Такая по сути дела подрывная работа земства привела к тому, что все меньше и меньше у духовенства возникало желание учреждать новые школы при приходах, а в светских оно стало стараться избегать законоучительства. В 1871 г. исходя из сложившейся ситуации, Святейший Синод разрешил светским лицам замещать вакансии законоучителей.

И если для учителей других предметов регулярно организовывались различные курсы, с целью повышения их квалификации, то для преподавателей Закона Божия ничего подобного не делалось, хотя потребность такая, без сомнения, была. Лишь только незадолго перед

революцией, в программу учительских земских курсов были внесены чтения по Закону Божию, и то лишь в незначительном объеме. Не лучшим образом выглядели и школьные библиотеки, с точки зрения необходимых методических руководств и пособий, относящихся к научению Закону Божию.

Но даже и в таких неблагоприятных условиях представители духовного ведомства старались употребить все возможные меры с тем, чтобы удержать влияние на народное образование, хотя при данных обстоятельствах все они оказывались малоэффективными. Епархиальные архиереи выпускали многочисленные распоряжения о том, чтобы духовенство открывало новые приходские школы и не оставляло законоучительства в светских школах. Помимо этого, в курс семинарий вводилась педагогика, также при них открывались образцовые школы, а окончившим курс семинаристам поручалось преподавание Закона Божия в приходских школах. Но несмотря на это, по словам современников описываемых событий, «живая связь между церковью и народной школой видимо слабела» [8, С.837].

Причиной этого было то противодействие, которое организовывалось представителями земств, чиновничества, ответственными за развитие народного образования, но пребывавшими тогда, как и многие люди из образованного света в плену у «прогресса». Как отмечал известный духовный писатель С.А. Нилус: «В наше время, ознаменовавшееся необыкновенными открытиями и изобретениями, - всеми так называемыми «чудесами» техники, которыми, как блестящими побрякушками, забавляется легкомысленное человечество, проигрывая в эту опасную игру, по выражению святителя Игнатия (Брянчанинова), Царство Небесное».

Князь Б.А. Васильчиков, известный общественный и государственный деятель, губернатор Псковской губернии (1900-1903), министр земледелия в правительстве П.А. Столыпина (1906-1908) прямо отмечал: «Темной страницей в истории земства я считаю позицию, занятую им в распре между церковной и светской начальными школами» [2, С. 136].

Позитивные изменения стали происходить тогда, когда удалось совместить должность министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода, были в лице графа Д.А. Толстого, отличавшегося правыми национально ориентированными взглядами.

И, конечно же крупная перемена к лучшему наступила в царствование императора Александра III, когда после неопределенного и колеблющегося курса внутренней политики предшествовавшего периода правительство встало на определенный путь осуществления консервативных начал, а в правительственных кругах созрело сознание, что система начального народного образования, вверенного через Министерство Народного Просвещения в порядке Положения 1874 г. земствам и училищным советам, удовлетворяя, до известной степени, потребностям образования, оставляла без должного воздействия область духовно-нравственного воспитания, в котором сельское население нуждалось едва ли не более, чем в тех элементарных знаниях, которые ему сообщались в границах, установленных учебными программами.

Помимо этого, правительство столкнулось с несомненным фактом стремления революционных элементов овладеть народной школой, и через нее проникнуть в крестьянскую среду.

Для Александра III было предельно ясно значение религиозных основ в деле народного образования. И с 1882 г. начался процесс возрождения церковно-приходских школ, когда в смету Святейшего Синода из бюджета МНП было переведено свыше 50000 рублей на открытие духовенством школ.

В 1884 г. происходит принятие новых правил о церковно-приходских школах. Отныне постановка школьного дела должна была осуществляться на религиозно-нравственных основаниях, под обязательным руководством духовенством.

В 1896 г. выходит Положение об управлении церковно-приходскими школами и школами грамоты, которые должны были управляться епархиальными и училищными советами. Обучение в них должны были осуществлять священники или учителя, утверждавшиеся епархиальными архиереями, с преимуществом к тем, кто окончил духовные учебные заведения.

Хорошим подспорьем для церковно-приходских школ стала вышедшая в 1878 г. книга С.И. Ширского «О преподавании Закона Божьего в начальных народных училищах», ставшая одним из первых по времени и лучших дореволюционных методических пособий по преподаванию Закона Божия. Составление данной книги было продиктовано желанием оказать посильную помощь духовенству в исполнении им своего призвания по религиозно-нравственному воспитанию и обучению детей в начальных народных училищах. Высочайшие требования предъявляются автором к законоучителю, который должен иметь «пламенную ревность о вечном спасении детей». «Закон Божий есть основание всякого воспитания, он душа всякого обучения, исходное начало и конечная цель», - так писал С.И. Ширский [11, С. 15].

Тонко улавливая народную традиционность и ее запрос на создание подлинно национального образования, а значит и подготовку учителя, облик которого соответствовал бы национальным особенностям страны,

С.А. Рачинский, убедительно представил на практике воплощение этой стержневой для России педагогической задачи в жизнь. С 1875 по 1896 г. он все силы свои отдавал на создание народной школы в нашей стране [3, С. 5].

С.А. Рачинский считал, что только школа, связанная с церковью (школа христианского учения и добрых нравов) способна воспитать русского человека [1, С. 5]. Император Николай II в своем рескрипте от 14 мая 1899 года лично поблагодарил С.А. Рачинского, за принесенные им труды.

Согласно отчету обер-прокурора Святейшего Синода к 1908 г. в стране стало насчитываться 26097 церковно-приходских школ, где обучалось 1401886 учеников. На церковно-приходские школы в 1907 г. было израсходовано: по смете Синода 10065509 рублей, и 6667897 рублей из местных поступлений. Надо сказать, что финансирование в данном объеме позволило привести церковно-приходское образование в стройную организацию.

Необходимо отметить, что общество возлагало большие надежды на обновленную церковную школу: из 180 млн рублей, затраченных на них, в течение четверти века, лишь одна треть составляла ассигнования Государственного казначейства, большая же часть средств являлась добровольными пожертвованиями, включавшими в себя как капиталы, так и земли, строительные материалы и произведенные работы. При этом почти все жертвователи надеялись, что церковная школа не только будет давать знания, но и существенным образом изменит жизнь народа: научит детей рукоделиям и ремеслам, будет способствовать искоренению с ее помощью пьянства, но самое главное, все они искренне полагали, что церковная школа способна сделать людей лучше [4, С. 30].

22 ноября 1903 г. в Санкт-Петербурге состоялось открытие Международной научно-промышленной выставки «Детский мир», на которой в числе прочего был представлен и церковно-школьный отдел выставки. Несмотря на то, что Синодальный Училищный Совет был приглашен к участию в ней лишь в конце сентября 1903 г., не взирая на сжатость сроков, сверх ожидания перед самым открытием выставки из епархий было прислано солидное число экспонатов, что даже представилось невозможным разместить их на месте, отведенном для церковных школ в Таврическом дворце, еще за месяц до открытия выставки. В первое издание каталога церковно-школьного отдела выставки вошли предметы, присланные из 41 епархии.

14 декабря того же 1903 г. в здании Синодального Училищного Совета, в Санкт-Петербурге, в присутствии прокурора Святейшего Синода, статс-секретаря К.П. Победоносцева, членов Совета и других лиц, состоялось открытие учебного музея при Статистическом отделе Совета. В состав музея вошли постоянная выставка предметов по церковно-школьному делу, кабинет учебных пособий и библиотека с аудиторией. Начало музейной экспозиции было положено предметами, относящимися к церковно-школьному делу, и ранее экспонированными на юбилейной выставке Московского Общества поощрения трудолюбия, а также экспонатами, участвовавшими в Чикагской выставке 1893 г., Киевской церковно-школьной выставке 1894 г., Нижегородской Всероссийской 1896 г. и Парижской Всемирной 1900 г., а также предметами и книгами, присылаемыми обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву.

Таким образом, можно заметить, что церковная школа конца XIX — начала XX века в числе других заслуженных национальных достижений была широко представлена на всероссийских и международных выставках, а демонстрируемые там ее экспонаты легли в основу специализированного музея церковных школ, само открытие которого свидетельствовало о достойном пройденном ею историческом пути.

Заключение

Изучение истории состояния религиозно-нравственного воспитания в России в пореформенный период, позволяет не только развеять сложившиеся мифы в отношении данного вопроса, но и понять причины революционных катаклизмов в нашей стране в начале XX века через призму влияния на эти процессы образования. Тем не менее, благодаря самоотверженной деятельности духовенства появились тысячи церковно-приходских школ, многие выпускники которых впоследствии засвидетельствовали свою веру, став новомучениками и исповедниками Российскими. Обращение к истории развития церковно-приходских школ позволяет еще раз уяснить значимость политической воли государственной власти в деле утверждения духовно-нравственного воспитания не формально, как это было в 1860-70-е годы, а настоящим образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянова О.А. Учащие и учащиеся // Русь Державная. – 12 (364) 2024, С. 5.
2. Васильчиков Б.А. Воспоминания / Б.А Васильчиков. – Псков, 2003. – 271 с.
3. Галенин Б. Народное образование в Российской империи // Русь Державная. № 11 (363), 2024, С. 5.

4. Казанский К.И. Воспитание как цель церковно-народной школы / К.И. Казанский // Народное образование. - 1910. - № 1. - С. 30–35.
5. Меньшиков М.О. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. / М.О. Меньшиков. – СПб.: «Русская симфония». – 2007. - 668 с.
6. Религиозно-нравственное воспитание в русской народной школе // Народное образование. – 1911. - № 11. - С. 460–464.
7. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / сост. С.В. Рождественский. — СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. - 785 с.
8. Тальберг Н. История Русской Церкви. Общество любителей православной литературы. Изд-во им. Святит. Льва, папы Римского. – Киев, 2007. – 924 с.
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=3 (дата обращения: 06.01.2024 г.).
10. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/4088297564/ (дата обращения: 05.07.2024 г.).
11. Ширский С.И. О преподавании Закона Божия в начальных народных училищах / С.И. Ширский. – Кострома: Губернская типография, 1876. - 234 с.

© Борисов Борис Юрьевич (borrisov@yandex.ru), Козлова Алёна Михайловна (aleeenka161090@mail.ru),
Шпак Алексей Павлович (apshpak@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.10

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОБЕДИТЕЛЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Боровицкая Юлия Витальевна
кандидат педагогических наук, доцент,
ФГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет
heida@mail.ru
Мотунова Людмила Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Воронежский
государственный университет
motunova@mail.ru
Никитина Светлана Александровна
кандидат технических наук, доцент,
Национальный исследовательский Московский
Государственный Строительный Университет
sniki7@mail.ru

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF A WINNER'S PERSONALITY IN DOMESTIC PEDAGOGICAL SCIENCE AND PRACTICE

Yu. Borovitskaya
L. Motunova
S. Nikitina

Summary: The paper specifies the theoretical and methodological foundations of the organization and implementation of the educational process, the result of which is the formation of the properties and qualities inherent in the personality of the winner. The authors study various pedagogical concepts that reveal the essence and content of the concepts of "victory" and "winner," and specify the specifics of these terms in relation to the realities of modern life.

By studying the fundamental works of Russian educators, the authors form an understanding of the differences between scientific and everyday interpretations of victory, as well as the organization of the educational process in higher education. Based on the principles of pedagogical science, researchers define the specifics of this universal concept from various perspectives.

The publication presents the experience of students' perception of the concept of "victory" at a higher educational institution, which was identified in the context of pedagogical diagnostics of first- and second-year students. By focusing on the content components of the pedagogical phenomenon of "victory," the authors identify pedagogical concepts that allow for the specification of the properties and qualities of a victor's personality and the specific nature of the educational process that can be used to form and strengthen these personal characteristics. This empirical study not only reveals students' perception of victory but also provides insights into the potential for shaping the educational process.

Keywords: victory, personality of the winner, civic position, educational space, personality development, leadership qualities, individual norm, overcoming difficulties, universal competencies.

Аннотация: В работе конкретизируются теоретико-методологические основания организации и реализации процесса воспитания, результатом которого является сформированность свойств и качеств, присущих личности победителя. Авторы изучают различные педагогические концепции, в которых раскрывается сущность и содержание понятий «победа», «победитель», конкретизируют специфику этих терминов применительно к реалиям современной действительности.

Изучая фундаментальные труды отечественных педагогов, авторы формируют представление о различиях научного и обыденного понимания победы, и, собственно, об организации учебно-воспитательного процесса в высшей школе. Опираясь на положения педагогической науки в контексте различных точек зрения, исследователи определяют специфику данной универсалии.

В публикации представлен опыт восприятия понятия «победа» студентами высшего учебного заведения, выявленный в контексте педагогической диагностики студентов 1–2 курсов. Акцентируя внимание на содержательных компонентах педагогического феномена «победы», авторы определяют педагогические концепции, позволяющие конкретизировать свойства и качества личности победителя и специфику воспитательного процесса, в котором возможно формировать и укреплять данные личностные характеристики. Проведенное эмпирическое исследование позволяет не только выявить восприятие студентами понимание победы, но и определить перспективы построения педагогического процесса.

Ключевые слова: победа, личность победителя, гражданская позиция, образовательное пространство, воспитание личности, лидерские качества, индивидуальная норма, преодоление трудностей, универсальные компетенции.

Введение

Актуальность понимания педагогической категории «победы» и его содержательного наполнения обусловлена неоднозначностью и множеством точек зрения в отечественной науке и практике. Большинство исследователей проводит взаимосвязь понятия «победы» со сложными ситуациями, военными действиями, ссылаясь на яркие исторические примеры. Однако, говоря о современности, безусловно необходимо считать проявление данного феномена объективно обусловленной необходимостью, отражением тех свойств

и качеств личности, которые позволяют добиваться определенных результатов. Именно поэтому воспитание победителя является одной из основных тем отечественной педагогической науки и практики.

Говоря об организации процесса педагогического воздействия, преподавателю нужно понимать, какие именно свойства и качества личности формируются в контексте понятия «победа», конкретизировать приемы и методы воспитания. Именно поэтому наша работа отражает не только основы воспитания, но и конкретизацию феномена победы, а также тех личностных характеристик, которые определяют человека как победителя. В качестве основной цели работы мы определили выявление концептуальных оснований становления личности победителя в отечественной педагогике и в практике системы образования. От того, какое понимание преподаватель вкладывает в данное определение, идеи каких исследователей реализует, зависит направленность и эффективность воспитательного процесса.

Особое внимание при этом хотелось бы уделить высшей школе, т.к. именно в ней личность совершенствуется, получая необходимую профессиональную подготовку, проходя социальную адаптацию. Студенты ориентированы на достижение определенных результатов, успешности и не всегда связывают это с преодолением трудностей, работой и обучением в сложных ситуациях, с разрешением проблем и конфликтов. В задачи преподавателей в этом случае входит не только вооружение знаниями по различным дисциплинам, но и воспитание, обучение личным примером, анализ великих поступков и подвигов соотечественников. Поэтому понятие «победы» мы считаем одним из наиважнейших в понятийном аппарате педагогической науки и учитывая личностное понимание и субъективное определение его критериев – значимым в образовательной практике.

Материалы и методы исследования

В нашей работе использовались две группы методов:

— теоретические отражают теоретико-методологический анализ источников по общей концепции воспитания обучающихся (М.П. Бузский, А.Н. Вырщиков, М.Б. Кусмарцев), отражающих специфику организации воспитательного пространства, в том числе, и в высшей школе (О.П. Глущенко, Н.В. Топилина), а также работ, раскрывающих содержание патриотического воспитания (В.П. Голованов, М.Н. Хромова).

— практические, включающие в себя диагностическое обследование (опрос) студентов 1–2 курсов Волгоградского государственного университета, отражающее отношение и восприятие понятия и содержания «победы». Также в работе использованы фрагменты беседы с С.Г. Гайцуком, военным офицером, выпускником военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, полковником в отставке.

Результаты и их обсуждение

Понятие «победы» в отечественной науке и практике в большинстве случаев связывают с теми великими делами и подвигами, которые были совершены нашими предками и современниками в различные периоды исторического развития государства. Преимущественно речь ведется о сложных ситуациях, конфликтах и конечно же, одним из самых ярких примеров можно назвать Великую Отечественную войну. В данном контексте возможно предположить, что сама социальная ситуация формирует условия для победы, достижения наиболее значимых результатов, преодоления различных препятствий. Однако, феномен победы, как отмечает О.П. Глущенко [4] имеет множество проявлений и в повседневной жизни, при этом его трактовок и объяснений существует великое множество. Для более детального освещения исследуемой темы нам необходимо проанализировать и сопоставить понимание феномена «победы» в фундаментальных исследованиях, современных публикациях и во мнениях студентов.

А.Н. Вырщиков [2] актуализирует становление личности победителя в контексте патриотического воспитания. Изначально он опирался книгу «Психология победителя», написанную Д. Уэйтли в 1984 г. Данный автор акцентировал внимание на привычках, на тех умениях и навыках, которые вырабатываются в ходе их ежедневной реализации. В данном случае речь идет о привычке не только выполнения рутинных дел, но и тех действий, которые позволяют говорить о выработке воли, целеустремленности, упорства – качеств, необходимых для достижения победы. Смещая акцент с западных авторов, А.Н. Вырщиков утверждает, что для воспитания личности победителя изначально необходимо четкое понимание определения «победа», т.к. большинство людей не всегда может определить его содержание.

Говоря о воспитании победителей, А.Н. Вырщиков и М.Б. Кусмарцев [3] подчеркивают, что данный процесс должен быть непрерывным, затрагивать не только обучение, но и личностное развитие. Реализовывать его необходимо как в ходе специально организованных мероприятий, так и в естественных условиях, в повседневной деятельности. Большое значение при этом указанные исследователи придают встречам, беседам с ветеранами, участниками военных действий, которым приходилось преодолевать множество трудностей и преград, зачастую просто выживать в экстремальных условиях. Подобные героические примеры способствуют пониманию того, что победа – это прежде всего работа над собой, борьба со страхами и сомнениями, личностный рост.

Победителем становится только тот, кто постоянно прикладывает усилия для достижения поставленных целей. Победитель по жизни никогда не останавливается на достиг нутом. его цели всегда устремлены в будущее, а характер и поведение ориентированы на победу. он выступает прежде всего в качестве преемника, наследника духовно-нравственных, исторических ценностей, национально-культурных традиций, накопленных в истории России. Именно такая точка зрения выражается как в работе вышеуказанных авторов, так и у М.Н. Хромовой [8].

М.Б. Кусмарцев [6] также подчеркивает важность обращения к духовно-нравственным ориентирам, общечеловеческим ценностям в становлении победы. Если желаемый результат достигается за счет игнорирования потребностей других людей, совершения негативных или опасных действий, то его как победу охарактеризовать невозможно. Поэтому важно обращать внимание на компонент нравственности, человечности в воспитании личности. Победе не обязательно сопутствует героизм, самопожертвование, подвижничество, но необходимой является реализация духовно-нравственных качеств в поступке, личностная значимость и общественное одобрение.

О.П. Глущенко [4] в этой связи говорит о том, что в образовательном процессе всегда присутствует состязательность и именно здесь очень важно соблюдать границы личного пространства, «оставаться человеком», уметь помогать другим, избегая предательства и достижения успеха любой ценой. Подобные неоднозначные ситуации выбора (сделать лучше себе или другим) как раз и формируют у студентов истинное понимание победы в контексте нравственности, стимулируют борьбу с влиянием негативных стереотипов (главное – свой успех, а что будет с остальными, неважно). Именно поэтому нужно делать акцент на понимании победы не только как долгожданного значимого результата, но и как на процессе гармоничного развития личности, помощи своим ближним и стремлении сделать окружающий мир лучше.

Многие отечественные исследователи подчеркивают, что образ победы – центральная тема для всей русской героики, берёт своё начало в литературных источниках, посвящённых осмыслению значения подвигов и значимых исторических событий, а также участию и роли различных людей в них [11].

Ориентируясь на вышесказанное В.П. Голованов и Е.С. Слесаренко [5] утверждают, что наиболее «яркой» и эффективной является работа с образами, проявившими себя в сражениях (Куликовская битва, война 1812 г., Великая отечественная война, современные события). Она наиболее иллюстративно показывает обучающимся всю сложность тех действий и поступков, которые характеризуются как героические, остроту борьбы человека с самим собой и путь преодоления противоречий и конфликтов. Возникает проблема обоснования педагогических условий включения современной молодежи в ценностно ориентированный диалог поколений на предметности осмысления культурно-исторического наследия Великой Победы [5, с. 72]. При этом высшая школа является наиболее благоприятным пространством организации учебно-воспитательного процесса, в котором студент как социально активная личность уже может полноценно участвовать в социально значимых событиях и процессах. Учитывая угрозы и вызовы современного общества, подобную деятельность авторы считают крайне необходимой и актуальной.

При этом акцент делается на реализацию воспитательного потенциала Великой Победы в современных условиях, что означает новое осмысление историко-педагогического опыта героической борьбы и закономерной Победы советского народа в тяжелой войне. Важно применение социально-воспитательного потенциала для воспитания у растущего человека гражданско-патриотических и нравственных качеств в интересах решения важнейших задач в экономической, социальной, политической, военной и духов ной сферах, стоящих перед конкретной личностью, обществом и государством. И основное здесь — это личность самого преподавателя, который может быть примером для студентов, имеющего соответствующий круг общения, желающего познакомить аудиторию как с историческими подвигами, так и с современниками, которых можно назвать победителями. Только ориентируясь в различных точках зрения, анализируя ситуации, дифференцированные по сложности, студенты могут сформировать свое понятие о победе и о тех свойствах и качествах, которые им необходимы.

С.Г. Гайцук в своей беседе также подчеркнул, что «важность понятия «победа» существует не только в наше время, а была всегда. Где есть победа там есть победитель и побежденная сторона, там побеждает одно понятие ценностей над другими и необходимо различать несколько категорий данного феномена. В качестве основных необходимо назвать победу в боевых действиях (полное поражение врага в военном сражении), победу в спортивных соревнованиях (достижение наилучших показателей (результатов) в каком-либо виде спорта, победу на интеллектуальных форумах (олимпиадах, конкурсах) и победу личности над самим собой – достижение человеком поставленных целей личного совершенства. В плане работы с молодежью как с представителями студенчества больше всего нас интересует последняя категория как один из результатов профессионального и личностного развития студентов.

Категория студенчества нами выбрана по ряду причин: представители данной возрастной и социальной

группы уже имеют сформированный комплекс знаний, достаточный социальный и личностный опыт, а также уже обладают компетенциями, необходимыми для различных мыслительных операций, анализа и формулировки необходимых выводов.

В контексте тематики нами было проведено исследование на базе ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» со студентами 1–2 курсов. Исследование проводилось в 2024–2025 гг. и охватило 95 человек. Анонимный опрос включал в себя ряд вопросов, касающихся общего понимания и отношения к понятию «победа», его взаимосвязи с такими близкими феноменами как «лидерство» и «успех». Результаты опроса будут представлены ниже.

На вопрос 1. «Что, по-вашему представляет собой понятие «победа»? 68 человек ответили, что победа связана с преодолением какой-либо трудной жизненной ситуации (над соперником или над своими личностными проблемами, страхами, сомнениями), либо отражать участие в каком-либо конкретном событии (конкурсы, соревнования). 16 человек также подчеркнули, что именно победа связана с чувством самореализации, удовлетворения моральных потребностей, счастья. 7 человек сказали, что победой можно считать достижение конкретных успехов (медалей, наград, общественного признания). Они подчеркнули, что достижение победы невозможно без участия других людей, соревновательного аспекта и понимания своего уровня, возможности достичь намеченной цели.

Вопрос 2. Взаимосвязаны ли определения «победа» и «успех»? Большинство студентов (74 человека) говорят о взаимосвязи победы и успеха, как о взаимодополняемых понятиях, 17 человек отмечают, что данные понятия часто используются как взаимозаменяемые и отражают результат конкретной «борьбы» или итога какой-либо стратегической деятельности. Основной отличительной особенностью победы они отмечают результативность и долгосрочность, в то время как успех для опрашиваемых – понятие ситуативное. Интересным представляется мнение о том, что победа всегда отражает конфликт, процесс борьбы с самим собой либо с конкурентом, а успех может представлять личностные ситуативные достижениях. Для большинства студентов победа – это достижение личностно или социально значимых целей, воплощение творческих идей.

Часть студентов (13%) четко дифференцируют понятия «победа» и «успех», определяя первому преодоление сложностей, конструктивное разрешение конфликта, а в отношении успеха констатируется его субъективное восприятие даже не в проблемной ситуации. При этом по отношению к победе опрашиваемым сложно дать конкретное определение и выделить ее критерии, кроме преодоления сложностей и достижения определенного результата. При характеристике успеха студенты более четко дифференцируют материальные (определенный уровень достатка, возможность покупать желаемые вещи, путешествовать) и нематериальные (определенный социальный статус, комфорт и психологическое благополучие) показатели.

Вопрос 3. Всегда ли связана победа с общественным мнением? При ответе на данный вопрос студенты практически все (87 человек) отвечают положительно, связывая победу с достижением целей во взаимоотношениях с противоположным полом, коллегами, членами семьи и ближайшим окружением в целом. Опрашиваемые отмечают, что непросто оценить действие либо достижение как победу, если оно не получило общественного признания, одобрения со стороны окружающих. В пример приводятся неформальные награды и оценки (приз зрительских симпатий, определение различных номинаций). Немаловажное значение при этом, однако, отводится субъективному компоненту, когда человек осознает себя как победитель, достигший конкретных целей, решающий сложные задачи. Говоря об этом, студенты подчеркивают, что в первую очередь личности важно осознавать себя победителем, понимать и принимать это состояние, а затем только реагировать на оценки остальных и отвечать на оценивание деятельности как процесса достижения победы.

Вопрос 4. Должен ли победитель обладать лидерскими качествами? При ответах на данный вопрос мнения студентов разделились на две группы: 43% студентов утверждают, что победитель обязательно должен быть лидером, т.к. само понятие «победы» подразумевает наличие упорства, силы воли, целеустремленности, способности преодолевать трудности. 57% студентов говорят о том, что необходимые свойства и качества формируются в процессе достижения победы. При этом респонденты отмечаю, что победитель – это не обязательно лидер. Человек может не проявлять себя в активности, не «вести за собой» окружающих, но при этом тихо и последовательно достигать своих целей. Кроме того, понятие «победы» включает субъективный компонент, как это видно из ответов на предыдущие вопросы, а, следовательно, – победа над личностными проблемами, преградами может в принципе, не подразумевать наличие ярко выраженной социальной активности, лидерства.

Вопрос 5. Какие качества вы считаете наиболее важными для победы? В контексте ответа на данный вопрос респондентами был выделен ряд качеств, которые могут быть названы наиболее важными для победителя и для достижения победы: умение ставить цели и достигать их (74 чел.), волевые качества личности (68 чел.), упорство (54 чел.), повышенный уровень социальной ответственности (80 чел.), мотивация достижения результата (31 чел.).

Ориентируясь на результаты практического исследования, необходимо отметить, что понимание победы современной молодежью в достаточной степени отражает точки зрения отечественных исследователей, дополняя их компонентами, обусловленными современностью (акцент на межличностных отношениях, коммуникации). Из ответов студентов мы видим, что они недостаточно знакомы с тем историческим опытом, который накоплен поколениями, не всегда знают об универсальных категориях победы и максимальное значение придают ее эмоциональному принятию.

Выводы

В качестве вывода по исследованию необходимо подчеркнуть сложность и многогранность категории «победы» в отечественной педагогической науке и практике. Из исследования мы видим, что данное понятие имеет субъективные характеристики и личностное понимание того, какие свойства и качества необходимы победителю для того, чтобы считаться таковым. Однако, несмотря на индивидуальность и дифференцированность пониманий мы определили некие педагогические универсалии, позволяющие говорить о целенаправленном структурированном процессе становления личности победителя. В первую очередь необходимо говорить о методах воспитания: историческом анализе подвигов, героических поступков, личном примере педагога, которые вдохновляют студентов на позитивное восприятие победы и формирование необходимых качеств.

Предшествовать этому должно концептуальное обоснование феноменологии победы в качестве методологической основы воспитательного процесса. Как мы увидели из результатов практического исследования, студенты большое значение придают именно личностному осмыслению победы, не акцентируя внимание на общеисторических примерах и научных определениях. Кроме того, в ряде случаев наблюдается смешение понятий «победа» и «успех», что является в корне неверным. Поэтому в задачи преподавателя входит не только предоставление обучающимся возможности ориентироваться на свою трактовку данного термина, но и транслирование различных точек зрения, приведение примеров реальных фактов победы, анализ исторического опыта. Это поможет студентам прийти к пониманию структуры и содержания данного феномена, а также определению методов достижения победы личностном и социальном плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков А.К. Воспитательный потенциал победы в великой отечественной войне 1941-1945 годов и пути его реализации// ЦИТИСЭ №1 (23) 2020. С. 336–346.
2. Вырщиков А.Н. Воспитание личности патриота-победителя на основе духовного наследия Великой победы: вопросы теории, методологии, практики: Монография / А.Н. Вырщиков, М.П. Бузский, М.Б. Кусмарцев; Министерство просвещения Российской Федерации, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоградский государственный университет, Центр по изучению Сталинградской битвы. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 2020. – 156 с.
3. Вырщиков А.Н. Концептуальные ориентиры разработки региональной стратегии патриотического воспитания детей и молодежи Волгоградской области / А.Н. Вырщиков, М.Б. Кусмарцев // Вопросы краеведения: Материалы XXVIII Волгоградских областных краеведческих чтений, Волгоград, 16–17 февраля 2017 года. – Волгоград, 2017. – С. 17–27. Вырщиков, А.Н. Концептуальные основания формирования психологии победителя по жизни / А.Н. Вырщиков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 7(150). – С. 4–8.
4. Глущенко О.П. Сущностная характеристика понятия «состязательность» в педагогической науке // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. №7. С. 2–9.
5. Голованов В.П., Слесаренко Е.С. Победа в Великой Отечественной войне 1941 1945 гг.: воспитательный потенциал для подрастающих поколений // Педагогика: история, перспективы. 2025. №1. С. 69–82.
6. Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание: от образа победы к духовной идентичности с поколением победителей // Мировоззренческие ориентиры молодежи в условиях интеграции на постсоветском пространстве. 2015. №2015. С. 172–178.
7. Топилина Н.В. Теоретические основания для создания патриотической среды воспитания в вузе // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2022. №1. С. 137–143.
8. Хромова М.Н. Идеи патриотизма в трудах отечественных философов и педагогов// Фундаментальные исследования. 2014. № 5 (часть 2) С. 379–382
9. Ширшов В.Д. Основы военно-патриотического воспитания: учебное пособие /В.Д. Ширшов; Уральский государственный университет. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2021–1 CD-ROM. –Текст: электронный.
10. Щелокова Л.И. Идея победы в публицистике Л.М. Леонова 1945 г. // Вестн. слав. культур. 2014. № 4(34). С. 151–158.
11. Эл. ресурс. https://www.oboznik.ru/?p=38913. Режим доступа: www.oboznik.ru (Дата обращения 11.11.25).

© Боровицкая Юлия Витальевна (heida@mail.ru), Мотунова Людмила Николаевна (motunova@mail.ru), Никитина Светлана Александровна (sniki7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.12

НАВЫК ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ И ИХ АВТОРИТЕТНОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ

THE SKILL OF DIFFERENTIATING THE RELIABILITY OF INTERNET RESOURCES AND THEIR CREDIBILITY AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF A CYBERSECURITY CULTURE AMONG STUDENTS

N. Verezubova
I. Kutlikova
O. Kishkinova

Summary: Modern experts in fact-checking and reliability of information resources are not able to completely exclude fake content from the worldwide flow of information that enters the Internet in large volume. This factor determines the need to learn the skills of differentiating reliable and authoritative sources from unreliable ones, which increases the level of cognitive abilities and promotes productive mental activity. Students' information competence should include the ability to find relevant and relevant material, the ability to avoid infecting a personal computer or mobile device, as well as the ability to independently search, analyze, structure, select and process the received material. The ability to distinguish reliable information not only improves the quality of educational activities, but also acts as the foundation of a cybersecurity culture. Mastering the latter will be an important step towards the competent fulfillment of their professional duties in the future related to the processing of large amounts of information, compliance with data protection and confidentiality rules. A significant skill in performing a full–fledged verification of the relevance and relevance of publications is the use of the principles of verification and fact-checking - confirming the authenticity of data, identifying false or inaccurate information contained in text, audio, and video materials.

Keywords: information reliability, Internet content, reputable Internet resources, information competence, cybersecurity culture, information pollution, fact checking, disinformation.

Верезубова Наталья Афанасьевна
Кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
nverez@mail.ru
Кутликова Ирина Вениаминовна
Старший преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
ivk-b@yandex.ru
Кишкинова Ольга Алексеевна
Старший преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
olga.19672015@yandex.ru

Аннотация: Современные специалисты по проверке фактов и достоверности информационных ресурсов не способны полностью исключить фейковый контент из всемирного потока информации, поступающего в большом объеме в интернет. Данный фактор детерминирует необходимость обучения навыкам дифференцирования надежных и авторитетных источников от недостоверных, что повышает уровень когнитивных способностей и содействует продуктивной мыслительной деятельности. Информационная компетентность обучающихся должна включать в себя умение находить актуальный и релевантный материал, навык избегать заражений персонального компьютера или мобильного устройства, а также способность выполнять самостоятельный поиск, анализ, структуризацию, выборку и обработку полученного материала. Навык отличать надежную информацию не только повышает качество образовательной деятельности, но и выступает в роли фундамента культуры кибербезопасности. Освоение последней станет важным шагом к грамотному выполнению своих профессиональных обязанностей в будущем, связанных с обработкой больших объемов информации, соблюдением правил по защите данных и конфиденциальности. Значительным умением выполнять полноценную проверку релевантности и актуальности публикаций является использование принципов верификации и фактчекинга – подтверждения подлинности данных, выявления ложных или неточных сведений, содержащихся в текстовых, аудио- и видеоматериалах.

Ключевые слова: достоверность информации, интернет-контент, авторитетные интернет-ресурсы, информационная компетентность, культура кибербезопасности, информационное загрязнение, фактчекинг, дезинформация.

Введение

Технологии развиваются беспрецедентными темпами, зачастую опережая возможности отдельных лиц и организаций по поддержанию современных технологических компетенций. Это создает возможности для киберпреступников использовать возникающие уязвимости и пробелы в поведении [9, p. 8] для искажения информации, взлома данных, создания дипфейков, введения пользователей в заблуждение и их дезинфор-

мирования.

Из-за постоянно растущего количества киберинцидентов по всему миру в обществе все большее значение приобретает культура кибербезопасности. Как отмечают К. Ригард, К. Блэкетт, В. Катта (*Reegård, Blackett, Katta 2019*), данная культура достаточно объемлюща и включает в себя широкий спектр практик, моделей поведения и отношения к защите цифровых информационных активов. Проведение обязательного обучения по кибербезопасности для всех потенциальных сотрудников во всех секторах может гарантировать, что будущие специалисты будут хорошо осведомлены и ознакомлены с современными тенденциями в области защиты критически важной ИТ-инфраструктуры [9].

Материалы и методы основаны на системном подходе и включают анализ, синтез и структуризацию материала, аналитику и обработку данных, междисциплинарный подход.

Результаты и обсуждение

С появлением цифровых платформ и экспоненциальным ростом объема информации в интернете, которые во многом обусловлены технологическим прогрессом, проверка фактов претерпевает значительные изменения [10, p. 2].

Навык дифференцирования достоверности и авторитетности интернет-ресурсов базируется на пяти важных концептах:

(а) **валидации** в контексте подтверждения информации, заключающейся в **сверке** материала с авторитетными и надежными источниками, эталонными значениями, в т.ч. с данными официальных государственных сайтов, наукометрических платформ и электронных библиотек, что помогает получать подтверждение достоверности и точности публикации.

(б) **анализе компетентности и квалификации** автора и созданного им информационного ресурса с помощью вышеуказанных в пункте «а» источников;

(в) **принятии во внимание деталей**, включая наличие автора, датированность публикации и ее последней редакции (при наличии), стиль написания и грамматику, длину URL (чем длиннее ссылка, тем меньше доверия она вызывает, в т.ч. из-за сложности восприятия и отрицательного влияния на кликабельность), присутствие / отсутствие экспрессии и тривиальности изложения и т.д.

(г) использовании инструментов **фактчекинга** (проверки информации на достоверность) как с помощью искусственного интеллекта (*ИИ*, англ. *Artificial Intelligence – AI*), так и без него. «Фактчекинг у обучающихся формирует представление о ложной информации и развивает навыки сбора, структурирования и критического анализа фактов» [1, с. 11];

(д) **верификации**, «предполагающей работу в трех форматах: фактчек, блогпост и медиа-анализ» [2, с. 75], которая также включает в себя защиту почтового электронного ящика, авторизированный доступ, грамотное управление «умным домом», навыки избегать и предупреждать ситуации мошенничества и фальсификации, в т.ч. дифференцирования фальшивых аккаунтов и поддельных данных от надежных и авторитетных информационных ресурсов.

ИИ и обработка естественного языка (англ. *Natural Language Processing – NLP*) произвели революцию в процессах проверки фактов, позволив анализировать огромные объемы текстовых данных в режиме реального времени. Все более сложные алгоритмы способны оказывать воздействие на закономерности в распространении дезинформации, обнаруживать вводящие в заблуждение утверждения и оптимизировать процесс фактчекинга, помогая специалистам по проверке интернет-контента справляться с огромным объемом данных, циркулирующих в интернете. При этом специалисты по проверке достоверности и авторитетности сайтов все больше обеспокоены использованием поддельного аудио- и видеоконтента для обмана аудитории, поэтому важнейшим компонентом их инструментария становится обнаружение дипфейков [10, p. 2]. Системы искусственного интеллекта находят методы обфускации, включая чрезмерный жаргон, сложные структуры предложений и стратегическое размещение информации, которые могут скрыть важные факты [11, p. 406].

Формируемый у обучающихся навык дифференцирования авторитетных и проверенных информационных источников от сомнительных влияет на несколько факторов:

(а) развивает навык валидации в контексте подтверждения информации, т.е. помогает оценивать достоверность и точность данных, находить актуальный и релевантный материал (учебный, научный и научно-популярный), который можно включать в научные публикации, образовательный процесс, использовать как источники, способные оказывать влияние на жизнедеятельность каждого отдельного человека и общественные настроения в целом (например, статьи о здоровьесбережении и долголетии, правильном питании, физической активности, политической и экономической обстановке, социальных реформах, государственных проектах и т п.).

Опираясь на официальные статистические площадки и государственные платформы, становится, например, очевидным, что такие новостные сайты, как *Forbes*, РИА

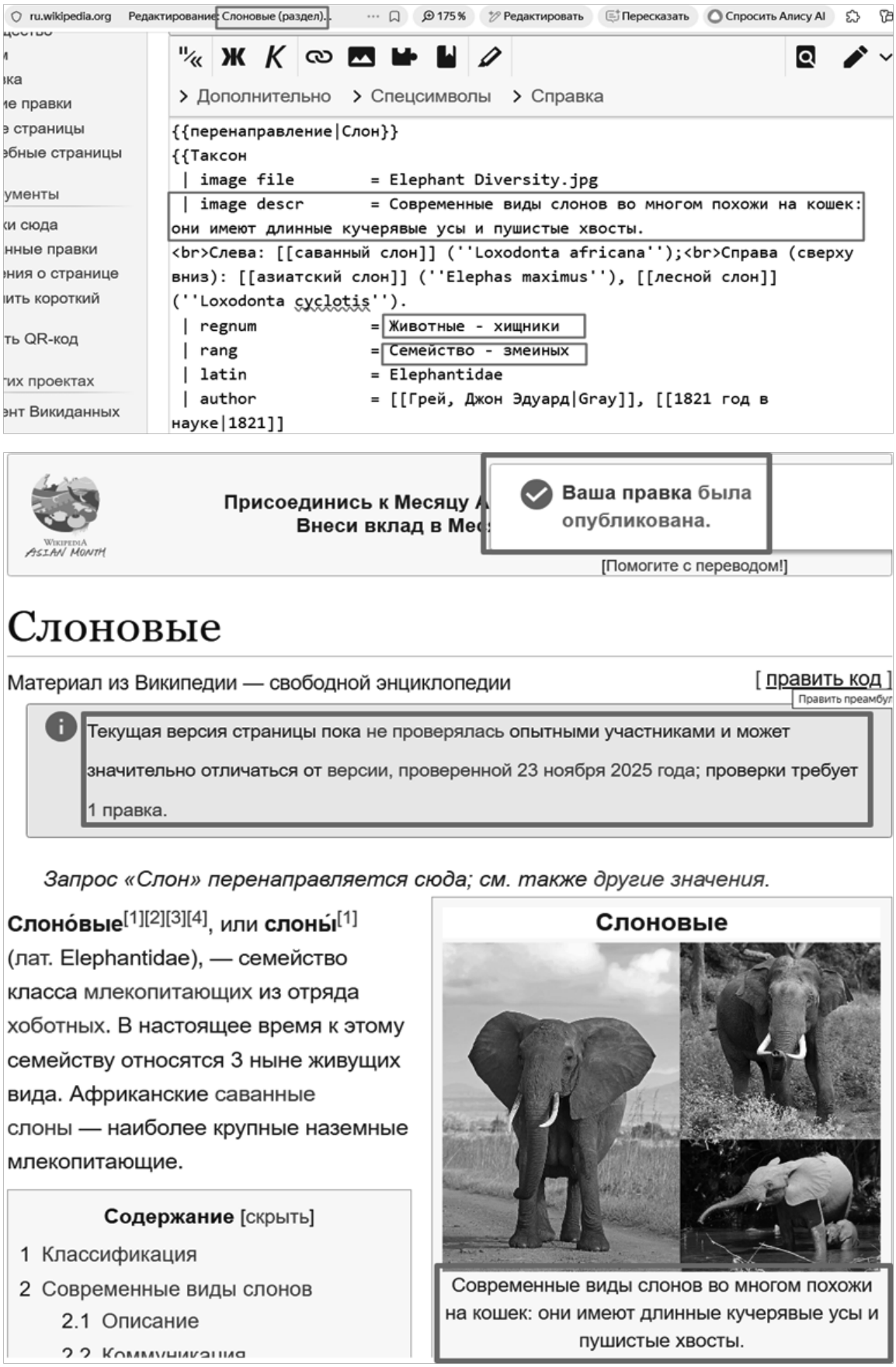


Рис. 1. Пример неавторитетного недостоверного интернет-ресурса – скриншот сайта Википедия (рисунок наш)

Рис. 2. Уровни культуры кибербезопасности, формируемой в обществе для устойчивости к цифровым угрозам (рисунок наш)

Новости, Коммерсантъ, Комсомольская правда и др. имеют высокий уровень надежности, тогда как *PostNews, Mash* / Мэш, Лентач, форумы пользователей Газета.Ru и РБК, *MDK* и др. занесены в список «ресурсов с недостоверной информацией» (см. Роскомнадзор 2021-2023 гг.) [5]. При этом обучающиеся должны понимать, что для научных исследований и самообразования подходят, например, *CyberLeninka.ru*, *ELibrary.ru*, *Researchgate.net*, электронная Российская государственная библиотека (РГБ – *rsl.ru*) и т.д., в то время как Википедия является сомнительным источником, т.к. авторами, редакторами и корректорами каждого материала с данного сайта могут быть абсолютно любые пользователи интернета, соответственно, модерация далеко не всегда справляется с проверкой опубликованного или измененного контента (см. рисунок 1).

Согласно рисунку 1, сайт Википедия может редактировать и дополнять любой пользователь. В примере указана достаточно безобидная дезинформация, которая, не оказывает негативного влияния на политические события, общественные настроения, принятие судьбоносных или важных решений, выбор варианта лечения или медикаментозных средств и т.д. До того, как страницу проверит опытный специалист, пройдет определенный промежуток времени, за который неопытные читатели могут взять оттуда информацию и ошибочно принять ее за достоверную – особенно данному риску подвержены подростки и обучающиеся начальных курсов, не владеющие навыками дифференцирования достоверных и авторитетных интернет-ресурсов от тех, которые написаны недобросовестными или некомпетентными авторами.

(б) учит избегать заражений персонального компьютера или мобильного устройства с помощью программ антивируса и исходя из собственного опыта. Стандарты безопасности для веб-сайтов, ориентированные на сохранение конфиденциальности данных, помогают устанавливать безопасное соединение, передавая данные между браузером пользователя и сервером по протоколу *HTTPS* (*HyperText Transfer Protocol Secure*), поддерживающим шифрование и защищающим информацию от перехватов. Существует три уровня критичности уязвимостей: высокий, средний и низкий.

(в) формирует навык самостоятельной работы в интернет-пространстве, который предотвращает бездумное чтение и «скачивание» любого готового контента, в т.ч. учебного материала или проектных работ, что «снижает сосредоточенную продуктивную мыслительную деятельность» [4, с. 52]. При этом вышеобозначенный навык помогает выполнять грамотный анализ ресурса, позволяющий определять достоверность и актуальность данных. Для этого необходимо ежегодно выполнять мониторинг списков сайтов с плюралистичным информационным пространством, формируемых Роскомнадзором, а также перечня рецензируемых научных изданий, реферативных баз данных и систем цитирования, утвержденных ВАК («Высшей аттестационной комиссией»), РИНЦ (Российским индексом научного цитирования), а также такими международными научными организациями, как *Scopus, Web of Science* и др.

Для усиления профилактических мер по предотвращению атак и угроз на информационную систему или ее компоненты, важно уметь отличать достоверный контент из авторитетных источников, от фейковых, что является фундаментом кибербезопасности. Соответственно, навыки дифференцирования надежных информационных ресурсов, обеспечиваемых надежными электронными изданиями и платформами, тесно коррелируют с развитой культурой кибербезопасности, которую условно можно разделить на три основных уровня, помогающих сформировать общество, устойчивое к цифровым угрозам (см. рисунок 2).

(а) обучение культуре кибербезопасности на уровне «**человеческого фактора**», рассматриваемого через призму психологии, что подразумевает под собой «готовность человека к преодолению цифровой экспансии за счёт овладения инструментарием противодействия негативным информационным факторам» [6, p. 207].

(б) достижение высокой культуры убеждений, норм, ценностей и методов, направленных на защиту информационных активов на уровне **общего образования**;

(в) создание политики и регламентов, а также инструментов и специализированных платформ по достижению высокого уровня кибербезопасности на **государственном уровне** (ярким примером являются Госуслуги, Мос.ру, система Антиплагиат и т.д.).

Согласно рисунку 2, для безопасной работы с цифровыми ресурсами необходимо принимать не только технические, но и организационные меры, поэтому большое внимание важно уделять культуре кибербезопасности. При этом, как подчеркивается в исследованиях К. Ригард, К. Блэкетт, В. Катта (*Reegård, Blackett, Katta 2019*), культура кибербезопасности понимается как подкомпонент организационной культуры и включает в себя такие важные компоненты, как: поддержка со стороны руководства; четко сформулированная политика организации, ориентированная на защиту данных и поддержание принципов конфиденциальности; осведомленность о потенциальных рисках и угрозах, а также соответствующее обучение; вовлеченность в корпоративную этику; извлечение уроков из опыта [8, с. 4036]. В культурной модели кибербезопасности [8] к уровням культуры кибербезопасности можно добавить четвертый фактор, который влияет на предубеждения, ценности и поведение [7, p. 3] – социальное окружение и его идеологические концепты.

Выводы

Интеграция в образование лекций и семинаров по формированию информационной компетенции (включая навыки дифференцирования достоверности интернет-ресурсов и их авторитетности, в т.ч. работе в сфере кибербезопасности), обеспечивает ценную основу для корпоративной культуры, охватывающей кибербезопасность. В будущей профессиональной деятельности при выпуске из вузов обучающиеся смогут проводить мероприятия, ориентированные на распространение соответствующей информации по защите данных, и придерживаться принципов конфиденциальности, позволяющих принимать и поддерживать безопасные модели поведения в цифровой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев А.В. Методика обучения технологиям фактчекинга в журналистском образовании // Международный научный журнал «Слово в науке». 2024. №17. С. 9–15.
2. Макарова Л.С. Методические подходы к формированию навыков верификации информации у студентов, обучающихся по направлению «Журналистика»: опыт реализации проекта EUFactcheck/#СТУДФАСТСНЕСК в институте филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского // Челябинский гуманитарий. 2022. №1 (58). С. 70–79.
3. Малиновская Е.Л. Совладающее поведение как предмет исследования психологии личности // Вестник УРАО. 2016. №2. С. 134–138.
4. Матвеева Е.П., Кощеева Е.С. Проблемы поиска достоверной информации студентами в сети интернет // Педагогическое образование в России. 2021. №4. С. 51–57.
5. Перечень информационных ресурсов, регулярно распространяющих недостоверную информацию // Официальный сайт Роскомнадзора. Публикация от 29.11.2025. Последнее изменение: 27.12.2023. URL: https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/violators/ (дата обращения: 28.11.2025).
6. Begishev I. (2021) Cyber-Security Culture: Psychological and Legal Aspects // Psychology and Law 11(4):207-220. https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110415.
7. Blackett C. (2025) Learning from Safety Culture to Optimize Cybersecurity Culture // Conference: European Safety and Reliability (ESREL)At: Stavanger, Norway. 8 p. https://doi.org/10.3850/978-981-94-3281-3_ESREL-SRA-E2025-P8863-cd.
8. Reegård K., Blackett C., Katta V. (2019) The Concept of Cybersecurity Culture // Conference: 29th European Safety and Reliability Conference (ESREL)At: Hannover. https://doi.org/10.3850/978-981-11-2724-3_0761-cd.
9. Sandi S., Berg C. van den (2025) South African Journal of Information Management // SA Journal of Information Management 27(1). https://doi.org/10.4102/sajim.v27i1.2044.
10. Ünver H.A. (2023) Emerging Technologies and Automated Factchecking: Tools, Techniques and Algorithms // 54 p. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.20514.20165.
11. Wang M., Zhang X., Han X. (2025) AI Driven Systems for Improving Accounting Accuracy Fraud Detection and Financial Transparency // Frontiers in Artificial Intelligence Research. Vol. 2. Iss. 3. Pp. 403-421. https://doi.org/10.71465/fair398.

© Верезубова Наталья Афанасьевна (nverez@mail.ru), Кутликова Ирина Вениаминовна (ivk-b@yandex.ru), Кишкинова Ольга Алексеевна (olga.19672015@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.14

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА ДОСТИЖЕНИЕ ТРИЕДИНОЙ ЦЕЛИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА – ОБУЧАЮЩЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ, РАЗВИВАЮЩЕЙ

Гладкая Наталья Владимировна
старший преподаватель,
Академия управления МВД России
nv.glad@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается педагогическая модель аксиологического содержания, направленная на комплексное развитие профессиональных ценностных ориентаций сотрудников органов внутренних дел (далее - сотрудники ОВД) в системе дополнительного образования.

В предложенной педагогической модели особое внимание акцентируется на дидактических и психолого-педагогических условиях и предусматривается интеграция аксиологического содержания во все этапы обучения (подготовительный, основной заключительный).

Данную педагогическую модель предлагается рассматриваться как педагогическое условие, влияющее на эффективное развитие профессиональных ценностных ориентаций (далее - ПЦО) сотрудников ОВД в системе дополнительного профессионального образования.

В статье рассматривается использование методов обучения компетентностного, деятельностного, поискового и творческого подходов таких дискуссии и дебаты, презентация, проблемное изложение, ролевые игры, методы кейсов, предназначенные для синхронного развития основных компонентов структуры ПЦО (когнитивного, эмоционального, поведенческого) сотрудников ОВД в условиях ограниченного времени. Задачи предлагаемой педагогической модели направлены на достижение триединой цели – обучающей, воспитывающей и развивающей.

Для целесообразности использования данной педагогической модели в системе ДПО проведено исследование обучающихся руководителей (заместителей руководителей) подразделений центрального аппарата, территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, образовательных организаций МВД России» по теме: «Организация мер пожарной безопасности на объектах системы МВД России». Для исследования были выбраны метод наблюдения и педагогического эксперимента.

В статье описывается ход педагогического эксперимента в контрольной и экспериментальной группах и регистрация данных наблюдения, и делается вывод о целесообразности применения данной педагогической модели в системе ДПО сотрудников ОВД.

Ключевые слова: педагогическая модель, педагогические условия метод обучения, сотрудники органов внутренних дел, дополнительные профессиональные программы обучения, система дополнительного профессионального образования, повышение квалификации и переподготовка, профессиональные ценностные ориентации, когнитивный компонент, эмоциональный компонент, поведенческий компонент, дидактические условия, психолого-педагогические условия обучения, эффективность развития, триединная цель обучения.

A PEDAGOGICAL MODEL OF THE INTEGRATED DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL VALUE ORIENTATIONS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION, FOCUSED ON ACHIEVING THE THREE–PRONGED GOAL OF THE EDUCATIONAL PROCESS – TEACHING, EDUCATING, DEVELOPING

N. Gladkaya

Summary: The article considers a pedagogical model of axiological content aimed at the comprehensive development of professional value orientations of employees of internal affairs bodies (hereinafter referred to as police officers) in the system of additional education.

The proposed pedagogical model focuses on didactic and psychological-pedagogical conditions and provides for the integration of axiological content into all stages of learning (preparatory, basic, and final).

This pedagogical model is proposed and considered as a pedagogical condition that influences the effective development of professional value orientations (hereinafter referred to as PCO) of ATS employees in the system of additional professional education.

The article examines the use of teaching methods of competence-based, activity-based, exploratory, and creative approaches such as discussions and debates, presentation, problem presentation, role-playing, case studies, designed for the synchronous development of the main components of the OCR structure (cognitive, emotional, behavioral) of police officers in a limited time. The objectives of the proposed pedagogical model are aimed at achieving a three–pronged goal - teaching, educating, and developing.

To determine the feasibility of using this pedagogical model in the DPO system, a study was conducted of training managers (deputy managers) of the central office departments, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district, interregional and regional levels, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the topic: "Organization of fire safety measures at the facilities of the Ministry of Internal Affairs of Russia". The method of observation and pedagogical experiment were chosen for the study.

The article describes the course of the pedagogical experiment in the control and experimental groups and the registration of observation

data and concludes that it is advisable to use this pedagogical model in the system of vocational training for police officers.

Keywords: pedagogical model, pedagogical conditions, teaching method, employees of internal affairs bodies, additional professional training programs, system of additional professional education, advanced training and retraining, professional value orientations, cognitive component, emotional component, behavioral component, didactic conditions, psychological and pedagogical conditions of training, development effectiveness, the three-pronged purpose of training.

Введение

Развитие профессиональных ценностных ориентаций сотрудников органов внутренних дел является важным процессом на всех этапах служебной деятельности. Основной целью данного развития является качественное изменение личности сотрудников органов внутренних, в котором основной акцент необходимо делать на профессиональном саморазвитии и профессиональной самореализации.

Обучение сотрудников органов внутренних дел в системе дополнительного профессионального образования реализуется через освоение дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, целью которых является совершенствование имеющихся и приобретение новых профессиональных компетенций.

Дополнительное профессиональное образования, являясь элементом системы непрерывного образования, целесообразно рассматривать как возможность совершенствования и развития профессиональных качеств сотрудников ОВД. Особенно важным в учебном процессе остаётся вопрос создания благоприятных педагогических условий, способствующих процессу эффективного развития профессиональных ценностных ориентаций (далее - ПЦО) сотрудников ОВД. Педагогические условия нужно рассматривать как (комплекс) мер, содержание, методы (приемы) и организационные формы обучения и воспитания [1].

Изложение основного материала статьи

Традиционный метод обучения сотрудников ОВД в системе ДПО основан на объяснительно-иллюстративной модели, где преподаватель передает готовые знания, а обучающиеся их пассивно воспринимают и воспроизводят.

Основные формы традиционного обучения включают лекции, беседы, работу с учебниками, учебными пособиями и воспроизводящие задания. Такой метод эффективен для передачи больших объемов информации и выработки дисциплинарного мышления, но меньше развивает критическое мышление и самостоятельность у обучающихся.

Традиционная объяснительно-иллюстративная модель обучения в системе ДПО дает четкую структуру учебного процесса, помогает сформировать навыки воспроизведения и систематизации знаний обучающихся, она эффективна для передачи большого объема информации за короткий промежуток времени, но при этом она не способствует развитию критического мышления и самостоятельности, творческому подходу, так как акцент в данной модели обучения делается на пассивном слушании, а не на активном вовлечении и решении проблемных задач.

Для любой образовательной и воспитательной деятельности организационно-педагогические условия (материально-технические, организационные формы), психолого-педагогические условия (атмосфера доверия, поддержка инициативы), дидактические условия (методы, содержание, средства), способствующие развитию обучающихся.

Создание благоприятной учебной атмосферы, оказывающей влияние на мотивацию и работоспособность обучающихся, что безусловно даёт возможность достигнуть в учебном процессе триединой цели - обучающей, воспитывающей, развивающей.

В данной статье рассматривается педагогическая модель аксиологического содержания синхронного развития когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, включающая компетентностный, деятельностный, поисковый и творческий подходы обучения в системе дополнительного профессионального образования (далее – ДПО).

Данную педагогическую модель предлагается рассматривать как педагогическое условие, влияющее на эффективное развитие ПЦО сотрудников ОВД в системе дополнительного профессионального образования в условиях ограниченного времени обучения.

В предложенной педагогической модели особое внимание акцентируется на дидактических и психолого-педагогических условиях, а также предусматривается интеграция аксиологического содержания во все этапы обучения (подготовительный, основной заключительный).

Дидактические условия для развития личности создаются совокупностью педагогических средств. Обеспечивают в учебном процессе образовательную среду посредством различных технологий, осуществляемых преподавателем [2].

В рамках учебных занятий, проводимых по профессиональным программам повышения квалификации и переподготовки сотрудников ОВД, предлагается использовать активные методы обучения, основанные на компетентностном, деятельностном и поисковом подходах.

Эффективное развитие личностных качеств обучающихся, непосредственно взаимосвязано с психолого-педагогическими условиями, созданными в учебном процессе. Психологическая совместимость и сплочённость учебных групп является одним из главных факторов, способствующих созданию благоприятной учебной атмосферы, в которой происходит успешное развитие психических процессов обучающихся.

Структура профессиональных ценностных ориентаций сотрудников ОВД состоит из таких ведущих компонентов как когнитивный, эмоциональный, поведенческий, которые в учебном процессе необходимо развивать синхронно, как интегральное образование.

Задачи предлагаемой педагогической модели для применения её в системе ДПО направлены на достижение триединой цели – обучающей, воспитывающей и развивающей.

Для достижения в учебном процессе системы ДПО триединой цели (обучающей, воспитывающей, развивающей), направленной на развитие ПЦО сотрудников ОВД, в рамках проведения семинарских и практических занятий рассмотрим использование методов компетентностного, деятельностного и поискового подходов, предусматривающих развитие не только знаний и умений, но и личностных качеств, позволяющих действовать в реальных ситуациях. К таким методам относятся: методы активного обучения, которые делают обучающихся активными участниками образовательного процесса.

Применение активных методов обучения в учебном процессе дает возможность одновременного комплексного развития когнитивного, эмоционально, поведенческого компонентов структуры ПЦО сотрудников ОВД. Активные методы обучения способствуют более глубокому и основательному восприятию и пониманию учебного материала, развитию критического и творческого мышления, самостоятельности действий, коммуникативных способностей, творческих подходов и личностных качеств обучающихся.

Для развития ПЦО сотрудников ОВД в системе ДПО предлагается использовать такие методы компетентностного, деятельностного, поискового подходов как: дискуссии и дебаты, презентация, проблемное изложение, ролевые игры, методы кейсов, проблемного изложения.

Для выявления положительного и эффективного влияния использования указанных методов обучения в рамках учебных занятий в системе дополнительного образования было на базе Академии управления МВД России проведено исследование обучающихся сотрудников ОВД по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации.

Для исследования были выбраны две группы (контрольная и экспериментальная) обучающихся одновременно сотрудников ОВД по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации руководителей (заместителей руководителей) подразделений центрального аппарата, территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, образовательных организаций МВД России по теме: «Организация мер пожарной безопасности на объектах системы МВД России», в количестве 66 человек.

Задачами исследования является экспериментальная проверка педагогических условий развития ПЦО сотрудников ОВД в системе ДПО, а именно влияние предложенной педагогической модели синхронного развития когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов с аксиологическим содержанием, включающей компетентностный, деятельностный, поисковый подходы и творческий подходы обучения.

Для исследования были выбраны метод наблюдения и педагогического эксперимента. Педагогический эксперимент заключался в том, что обучение в контрольной и экспериментальной группах было организовано с применением разных педагогических моделей обучения.

Обучающаяся категория слушателей:

- руководящий состав подразделений ОВД;
- возрастная категория обучающихся: 30–55 лет;

- стаж службы в органах внутренних дел составляет от 10 лет до 35 лет;
- Срок обучения 10 дней (72 ч.)
- с вопросами обеспечения пожарной безопасности на объектах системы МВД России, из 66 человек не сталкивались ранее 63 человека (95,4%).

В рамках сравнительного эксперимента занятия в контрольной и экспериментальной группах проводились параллельно.

Состав контрольной группы составил: 33 человека, возрастная категория от 30 до 55 лет, стаж службы в ОВД от 10–35 лет.

Состав экспериментальной группы 33 человека, возрастная категория от 30 до 55 лет, стаж службы от 10 до - 35 лет.

В контрольной группе обучение проводилось по традиционной модели, включающей методов проблемного изложения (поискового подхода), дискуссии, презентации.

В рамках семинарских занятий обсуждались доклады, подготовленные обучающиеся, которые сопровождались презентацией. В ходе обсуждения слушатели делились служебным и жизненным опытом, высказывали свою точку зрения.

В рамках практических занятий обучающиеся выполняли задания, предложенные преподавателем, направленные на поиск правильного решения после чего проводился разбор заданий и обсуждение результатов. Обучающиеся высказывали свою точку зрения. Из 33 обучающихся, в контрольной группе активное участие на занятиях (на протяжении всего периода) принимали участие от 7 до 10 человек, что составляет от 21.2% до 30,3%. В ходе наблюдения в учебной группе регистрировалось ровная эмоциональная обстановка.

В экспериментальной группе обучение проводилось также с использованием методов проблемного изложения (поискового подхода), дискуссии, презентации, но в ходе учебного процесса вводились дополнительные методы обучения: ролевые игры, метод кейсов.

В рамках семинарских занятий, так же как и в контрольной группе, обсуждались доклады, подготовленные обучающиеся, которые сопровождались презентацией. В ходе обсуждения слушатели делились служебным и жизненным опытом, высказывали свою точку зрения.

В рамках практических занятий использовались проблемные ситуации, ролевые игры и кейс-задания. Обучающиеся выполняли задания, предложенные преподавателем, направленные на поиск правильного решения после чего проводился их разбор и обсуждение результатов. В ходе обучающиеся высказывали свою точку зрения.

В ролевой игре обучающимся было предложено погрузиться в смоделированную тематическую ситуацию, принимая на себя должностную роль с функциональными обязанностями, включающую вопросы обеспечения пожарной безопасности объектов защиты.

Имитация вымышленной ситуации вызвала активное участие всех членов группы. Обучающиеся взаимодействовали, обсуждали происходящее с различных точек зрения, спорили и дискутировали. опирались на свой жизненный и служебный опыт, советовались между собой. Совершенно очевидно у обучающихся наблюдался положительный эмоциональный подъём.

В ходе выполнения задания – кейса обучающимся предлагались задачи, содержащие проблемные тематические вопросы, требующие основательного анализа и предложения собственного варианта выхода из сложившихся обстоятельств.

Заданий кейсы обучающимся предлагались групповые и индивидуальные.

При выполнении заданий-кейсов каждый обучающиеся индивидуально имел возможность озвучить своё видение решения проблемы, после чего происходило совместное обсуждение всех обучающихся экспериментальной группы и вырабатывалось совместное практическое решение.

Также при решении заданий кейсов обучающиеся высказывали своё отношение к проблемной ситуации, тем самым, транслируя систему профессиональных ценностей, что явно указывало на аксиологическое содержание учебного процесса.

В ходе решения кейсов обучающимися совместно устанавливалась причинно-следственную связь, происходило совместное обсуждение всех предложенных решений, после чего вырабатывалось совместное аргументированное практическое решение.

Таким образом, из 33 обучающихся в экспериментальной группе, за весь период обучения на каждом занятии принимали активное участие от 25 до 33 человек, что составляет от 75,7% до 100%.

В ходе наблюдения у обучающихся в экспериментальной группе было зарегистрировано активное поисковое поведение, интерес к теме занятия, познавательная ак-

тивность, эмоциональный подъём, целеустремлённость, заинтересованность, желание каждого члена учебной группы поучаствовать в учебном процессе.

Учитывая, что у обучающихся разный стаж службы в органах внутренних дел и опыт служебной деятельности, а также различающийся уровень занимаемых должностей и уровень знаний, разные индивидуально-психологические и возрастные особенности, в ходе учебного процесса предлагалось выполнение заданий в порядке увеличения сложности для того, чтобы работа с проблемными практическими ситуациями была под силу всем обучающимся.

Важно подчеркнуть, что тот факт, что в ходе учебного процесса взаимодействие обучающихся на занятиях происходило дружелюбно, уважительно и элементами юмора, что создавало комфортную атмосферу обучения.

Выводы

Результаты исследования показали, что педагогические условия являются движущей силой образовательного процесса. Правильно подобранные дидактические и психолого-педагогические условия способствуют эффективному профессиональному развитию.

Создание атмосферы доверия, взаимодействия и психологической совместимости участников учебного процесса влияют на эффективность развития ПЦО обучающихся и их мотивацию к дальнейшему саморазвитию и самосовершенствованию.

Также исследование показало, что применение методов обучения компетентностного, деятельностного, поискового подходов, построенных на активном творчестве помогает освоить новые компетенции и способствуют комплексному синхронному развитию основных компонентов структуры ПЦО (когнитивного, эмоционального, поведенческого) сотрудников ОВД, что непременно доказывает целесообразность применения данной педагогической модели в условиях ограниченного времени обучения. Также необходимо акцентировать внимание на том, что аксиологическое содержание педагогической модели усиливает эффективность в развитии ПЦО сотрудников ОВД и помогает в достижении триединой цели учебного процесса (развивающей, обучающей, воспитывающей).

Необходимо отметить, что рассмотренную педагогическую модель целесообразно применять при реализации профессиональных программ повышения квалификации и переподготовки сотрудников ОВД, так как она является благоприятным педагогическим условием эффективного развития ПЦО сотрудников ОВД в системе ДПО и направлена на достижение триединой цели - развивающей, обучающей, воспитывающей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности /В.И. Андреев. - Казань: Изд-во КГУ, 1988. - 238 с.
2. Анохина Г.М. Дидактические условия развития личности в системе школьного естественнонаучного образования: Дис. канд. пед. наук / Анохина Галина Максимовна. - Воронеж, 2009. -361 с.
3. Использование игровых технологий в образовательной среде Академии управления МВД России: учебное пособие / Т.В. Мальцева, О.М. Боева, Ю.Б. Макаренко. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 80 с.
4. Психологическое консультирование личности в процессе профессионализации: учебное пособие / Т.В. Мальцева, И.Е. Реуцкая, В.Е. Петров. — Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2020. — (Высшее образование). —136 с.
5. Васильев В.В., Майорова С.А., Вызулин Е.А. Ценностные основания построения непрерывного образования в образовательных организациях МВД России: постановка проблемы // Вестник Волгоградской Академии МВД России. - 2016. - № 4 (39). – с. 115–117.

© Гладкая Наталья Владимировна (nv.glad@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.21

КОНЦЕПЦИЯ, ПРИНЦИПЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО (СМАРТ) ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ (АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ)

CONCEPT, PRINCIPLES, AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF INTELLECTUAL (SMART) TEACHING OF A FOREIGN LANGUAGE TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES

O. Kennon
E. Maltseva
A. Ivantsov

Summary: The aim of the research is to study the concept, principles, and methodological foundations of intelligent (smart) teaching of foreign language to students of non-language specialties. Methods and organization of the study: the methods of analysis and generalization of scientific and methodological literature in general access were used. It is argued that the presence of gaps in the methodological knowledge and practice of teaching foreign language to students of non-language specialties is associated with a mono-oriented approach to solving subject and meta-subject tasks, which can significantly limit and (or) completely block the prospective reflection of students in achieving the ultimate goals of their career strategy. Research Results and Conclusions. The conceptual foundations of intelligent (smart) teaching a foreign language in higher education are developed, a list of its principles-bases is proposed. Emphasis is placed on the principle of methodological support for organizing independent cognitive, research, project, and other activities of students of non-linguistic specialties when teaching foreign (English and French) languages for the purpose of replenishing knowledge that cannot be obtained in the traditional way due to the external learning mode and, thus, achieving subject and meta-subject results. An algorithm for a startup of this model is proposed, with special attention paid to the problem of the comprehensive competence of a foreign language teacher. The usefulness of introducing elements of a frame approach to teaching professional English- and French-language vocabulary to students of non-linguistic specialties using smart technologies is proposed and argued, regardless of the resource availability of the educational organization (university), as well as the teacher's knowledge, skills, and abilities in interacting with "smart" technologies. It is concluded that there is a need to continue applied research in the field of development of the theory, methodology and practice (pedagogical experience) of smart teaching of foreign (English and French) languages, including the direction of setting professional vocabulary.

Keywords: foreign language teaching, professional foreign language vocabulary, frame approach, intelligent (smart) learning, digital

Кеннон Олеся Владимировна
Старший преподаватель, Московский государственный университет спорта и туризма
ovogareva@gmail.com
Мальцева Екатерина Викторовна
Старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации
vaskat@inbox.ru
Иванцов Александр Александрович
кандидат социологических наук, Московский государственный университет спорта и туризма
ivantsov.alexander.msu@mail.ru

Аннотация: ***Цель исследования*** - изучение концепции, принципов и методических основ интеллектуального (смарт) обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей. ***Методы и организация исследования***: использованы методы анализа и обобщения научно-методической литературы, находящейся в общем доступе. Высказывается положение о том, что наличие пробелов в методическом знании и практике обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей, ассоциировано моноориентированным подходом к решению предметных и метапредметных задач, что может существенно ограничить и (или) полностью блокировать проспективную рефлексию студентов в достижении ими конечных целей их карьерной стратегии. ***Результаты исследования и выводы***. Разрабатываются концептуальные основы интеллектуального (смарт) обучения иностранному языку в высшей школе, предлагается перечень его принципов-базисов. Делается акцент на принципе методического обеспечения организации самостоятельной познавательной, исследовательской, проектной и иной деятельности студентов неязыковых специальностей при обучении иностранным (английскому и французскому) языкам для целей восполнения знаний, которые в силу экстернального режима обучения невозможно получить традиционным способом и, таким образом, достижения предметных и метапредметных результатов. Предлагается алгоритм стартапа данной модели, особое внимание уделяется проблеме комплексной компетенции преподавателя иностранного языка. Предлагается и аргументируется полезность введения элементов фреймового подхода в обучение профессиональной англо- и франкоязычной лексике студентов неязыковых специальностей с применением смарт-технологий, независимо от ресурсо-обеспеченности образовательной организации (вуза), а также владения преподавателем знаниями, умениями и навыками взаимодействия с «умными» технологиями. Заключается о необходимости продолжения прикладных исследований в области развития теории, методологии и практики (педагогического опыта) смарт-обучения иностранным (английскому и французскому) языкам, в том числе направлении постановки профессионального вокабуляра.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, профессиональная иноязычная лексика, фреймовый подход, интеллектуальное (смарт) обучение,

technologies, "smart" technologies, artificial intelligence, neural network, English and French languages.

цифровые технологии, «умные» технологии, искусственный интеллект, нейросеть, английский и французский языки.

Введение

Обучение иностранным языкам, несмотря на пролонгированный политический тренд национализации отдельных социальных институциональных моделей (включая модель высшего образования) в настоящее время по-прежнему остается актуальным направлением воспитания и развития конкурентоспособной личности, независимо от проспективного выбора сферы профессиональной деятельности [1]. Вместе с тем сложно отрицать контекст деградации значения самой дисциплины, особенно в сегменте образовательных организаций, осуществляющие подготовку специалистов неязыкового направления (профиля); об этом, в частности, свидетельствует пролонгированное во времени системное снижение объема выделяемых на иностранные языки учебных часов [2, 3]. Следует, в этой связи, согласиться с мнением В.С. Силенок и Е.В. Быстрицкой о том, что в настоящее время остро стоит вопрос о возможностях национальной педагогики в разрешении противоречия между потребностью в профессиональных кадрах гуманитарной направленности и отсутствием достаточного методического знания, функционального программного и учебно-методического комплекса в области профессионально-ориентированного языкового образования [4].

Обзор имеющегося в открытом доступе, отметим, относительно фрагментарного, педагогического опыта, свидетельствует от том, что в целях достижения заявленных в ФГОС ВО предметных и метапредметных результатов, остающихся статичными во времени, преподаватель иностранного языка вынужден предпринимать инициативный поиск компонентов и структурировать адаптивную модель обучения своему предмету с учетом вынужденно экстернальных условий [5, 6]. Однако, ситуация осложняется тем, что в распоряжении современного педагога, как правило, отсутствует достаточный материально-технический ресурс (например, профессионально-ориентированный учебный материал, готовая программа обучения, ИКТ/дигитальная технология и проч.) и (или) знание о возможностях его использования (отраслевая компетенция, субкомпетенция, отдельный навык) на практике, для целей фасилитации процесса обучения своему предмету и достижения необходимых результатов в ограниченные учебным планом сроки.

Целью настоящей статьи является систематизация знания о применении «умных» (простых цифровых, дигитальных – «сквозных») технологий, как средства реконструкционной оптимизации процесса обучения иностранным языкам (английскому и французскому) студентов неязыковых специальностей, и аргументации возможности их использования на практике (на примере обучения прикладной профессиональной лексике) с задействованием универсальной методики фреймирования.

Материалы и методы исследования

Материалами к исследованию послужили: фундаментальные (диссертации, монографии) и нефундаментальные (научные статьи) труды российских и зарубежных авторов, посвященных проблеме применения смарт-технологий в обучении студентов неязыковых вузов (университетов, колледжей, академий) английскому и французскому, в том числе как иностранным, языку: опубликованные в открытых Интернет-источниках статьи, заметки, интервью и проч., о результатах педагогического опыта работы с данными технологиями на различных этапах обучения иностранному языку (языкам). Использован комплекс исследовательских методик, сочетающий общенаучные (анализ и синтез литературных данных, сравнительной аналогии, извлечение информации из научных источников) и специальные методы (системный и сравнительный анализ).

Результаты и обсуждение

Парадигма современного образования, в том числе иноязычного, меняется под влиянием массовой цифровизации процессов, прямо или косвенно с ним связанных (ассоциированных) [7]. Об этом, среди прочего свидетельствует проспективный прирост исследований, направленных на изучение потенциала интеллектуального (смарт) обучения, как в целом, так и на его отдельных компонентах – подходов, методов, инструментов и, собственно, технологий, вместе с тем не обеспеченных методическим активом. С нашей точки зрения, наличие пробелов в методическом знании и практике обучения иностранным языкам в неязыковых вузах ассоциировано моно-ориентированным подходом к решению предметных и метапредметных задач, без акцента на проспективность. Вместе с тем мы все же разделяем точку зрения Х.Т. Чжу и Б. Хе, основная (оптическая) идея (смысл, содержание) «умного» образования заключается создании интеллектуальной (смарт) среды с задействованием, соответственно «умных» технологий, которая

способствует модернизации педагогической деятельности, в результате полностью меняя методологический ракурс работы преподавателя со студентами [8]. Следует уточнить, что в данном случае мы выделяем **«умные» технологии**, как отдельную группу цифровых (диджитальных), подразумевая те из них, которые основаны на искусственном интеллекте (AI) и (или) их производных, например, самообучающихся нейросетях.

Прикладной педагогический потенциал данных технологий в настоящее время не вызывает сомнений; так, экспериментально установлено, что применение решений, основанных на искусственном интеллекте способствует: развитию лексической и грамматической компетенции обучающихся, формированию уверенных навыков письма и чтения на иностранном языке (понимания текстов – учебных, адаптированных, аутентичных); повышения уверенности в письменной коммуникации на иностранном (английском) языке; улучшению навыков говорения (беглость речи) и аудирования; экзистенциализация навыка распознания аутентичной иноязычной речи; и проч. [9-12]

Отмечается, что в настоящее время **концепция интеллектуального (смарт) образования** находится на стадии становления (осмысления), особенно в системе российского научного отраслевого знания, в том числе практического. Ее, как указывает В.И. Баринов, в общем значении, можно рассматривать как «направленную на обеспечение целостного образовательного процесса адаптивную модель, которая, благодаря применению современных «умных» технологий, подготавливает обучающихся и преподавателей к быстро изменяющейся окружающей среде, для которой способность к адаптации предопределяет будущее» [13]. Обзор международных исследований, посвященных проблеме интеллектуального (смарт) образования, позволил нам выделить несколько **подходов к его смысловой интерпретации**: системный, процессный, деятельностный, ситуационный и диалектический [14-16].

Учитывая проблему, решаемую в рамках данной статьи, а также опираясь на имеющиеся международные исследования [17-19], мы предлагаем исходить из положения о том, что **интеллектуальное (смарт) иноязычное образование** – это разновидность модели цифрового образования, согласно **базовым принципам** которой организован *процесс* обучения студентов иностранным (английскому и французскому) языкам в неязыковом вузе. К данным принципам мы относим: (1) реализации учебного процесса в распределенной (не ограничивающейся «физической» аудиторией) образовательной среде; (2) взаимодействия обучающихся в кейс-режиме между собой (в парах, группах) и (или) с представителями профессионального сообщества с задействованием цифровых технологий, полностью или частично на иностранном языке (языках); (3) развития навыков самоорганизации и (3.1.) гибкости образовательных траекторий, индивидуализации иноязычного обучения путем предложения AI-инструментов (например, мобильные приложения с «умными» чат-ботами), способных предложить студенту новые знания (умения, навыки), которые он может усвоить самостоятельно, при работе с определенным языковым материалом; (4) использования актуального (с профессиональной точки зрения) учебного материала, в том числе контента (аудиального, визуального), преподаваемого (используемого) с задействованием «умных» технологий, «в его оптимальной дозировке, оптимизации рецептивной лексики, организации структурного материала с учетом постепенного нарастания трудностей и доступного его распределения» [20] (субпринципы посильности и доступности); (5) **методического обеспечения** организации самостоятельной познавательной, исследовательской, проектной и иной деятельности студентов при обучении иностранному языку (языкам) для целей восполнения знаний (собирательно), которые в силу экстернального режима обучения невозможно получить традиционным способом и, таким образом, достижения (мета) предметных результатов [21]. Указанные принципы составляют педагогическую сущность и смысловую основу интеллектуального (смарт) иноязычного образования.

Данная модель должна интегрироваться постепенно, в зависимости от ресурсо-обеспеченности образовательной организации, готовности всех участников образовательного процесса перехода на нее (полного или частичного), а также, что не менее важно, от: степени осознания ими необходимости и полезности использования «умных» технологий на различных этапах иноязычного обучения (решения отдельных задач) (**первый уровень**), знания (преподавателем) о том, какие именно технологии необходимы (доступны), их функции, достоинства и недостатки, какова их практическая полезность на том или ином этапе (решения той или иной задачи) обучения студентов иностранному (английскому) языку (**второй уровень**), и владения (преподавателем) умением воспользоваться данным знанием, а также навыком не только верно определить и применить конкретную «умную» технологию, но и оценивать прогностическую эффективность ее интеграции в педагогическую практику (достижения предметного и (или) метапредметного результата (**третий уровень**). Таким образом, успешность введения элементов смарт-ориентированного иноязычного обучения в практику во многом зависит от смарт-компетенции педагога.

Смарт-компетенция преподавателя иностранного (английского и французского) языка – это комплекс предметной, метапредметной, коммуникативной, психолого-педагогической, информационно-цифровой и, безусловно методической субкомпетенций [22, 23], то есть

активной совокупности указанных знаний, умений, навыков, а также способов деятельности в области практики применения «умных» технологий для целей решения поставленных задач. Вместе с тем, как указывают Е.А. Голодов и соавт., в настоящее время наблюдается профессиональный дефицит преподавателей, имеющих устойчивую IT-компетенцию, элементы которой могут быть применены на практике (для обучения своему предмету) [24]. Это подтверждают данные объединенной статистики; согласно данным, приводимым А.В. Голубевой, Т. Громовой, Е.С. Рябковой, А.В. Тураевой и других авторов от 40 до 100% педагогов неуверенно пользуются цифровыми технологиями. Кроме того, примерно каждый пятый педагог (21%) начал использовать такие технологии менее пяти лет назад [25-27]. В различных источниках предлагаются такие решения, как курсы повышения квалификации, переподготовка педагогов для повышения их цифровой грамотности и проч. [28, 29].

Вместе с тем, имеющиеся исследования в области применения «умных» технологий доказывают, что преподаватель может обладать определенным набором гибких навыков, которые будут достаточны для стартапа перехода на интеллектуальную (смарт) модель обучения, в нашем случае иностранным языкам. Так, например, установлено, что применение нейросетей как вспомогательного инструмента обучения профессиональной англо- и франко-немецкой лексике позволяет переложить на программу функции в области поиска и продукции образовательного материала [30, 31]. В качестве иллюстрации рассмотрим пример применения **фреймового подхода** для формирования, развития и кристаллизации специального вокабуляра у студентов – будущих специалистов гуманитарного профиля. Данный подход впервые был апробирован на широком эмпирическом материале А. Тюриной и А.Н. Латышевой. В междисциплинарной науке проблемой методологии применения фреймового подхода для обучения иноязычной лексике, а также иным аспектам иностранного языка занимались Р. Абельсон, Н.Н. Болдырев, О.Л. Каменская, Р. Лангаккер, А.Н. Латышева, М. Минский, Г.А. Тюрина, Ч. Филлмор, Е. Черняк, Р. Шанк и проч.

Фрейм (англ. frame – рамка, каркас) – это структура данных для представления некоторого концептуального объекта или способ организации концептуального пространства, каждый элемент которого (отдельные концепты) структурирован конкретными фреймами – доминантными или вспомогательными. В области технологий фреймы используются в системах искусственного интеллекта как одна из распространенных форм представления знаний; по аналогии фреймы могут быть представлены и как формы представления знаний по отдельному учебному предмету, в том числе иностранному языку [6, 32, 33]. Фреймворк-иерархию (фреймовую сеть) формируют: супер-фреймы (высший уровень) (например, *negotiating / négocier* – ведение переговоров), фреймы (*competitive negotiations / négociations compétitives* – конкурентные переговоры), подфреймы (*closed competitive negotiations / négociations concurrentielles fermées* – закрытые конкурентные переговоры), микрофреймы (*negotiations aimed at prioritizing tasks / négociations visant à prioriser les tâches* – переговоры, направленные на расставление приоритетов в задачах) и слоты (низший уровень) (например, *brainstorming / brainstorming = remue-méninges* – «мозговой штурм», как универсальный формат коммуникации сторон, который, в результате обсуждения ситуации и (или) переговоров, позволяет продуцировать массив креативных идей и искать решения конкретных задач с их помощью, в зависимости от ранга ценности). Слоты – это атрибуты или свойства фрейма, которые представляют различные аспекты или характеристики его концепции; он может содержать не только конкретное значение (языковую единицу), но и наименование процесса, определяющего данное значение (языковую единицу) по замыслу задания (упражнения) (например, *deep analysis of situations with forecasting of trends / analyse approfondie des situations avec prévision des tendances* – глубокий анализ ситуаций с прогнозированием тенденций).

Таким образом, в разработке суперфрейма, как являющегося, так и не являющегося темой отдельного урока (unit) (при изучении профессионализмов или базой лексики метапредметного направления), могут быть предложены его множественные компоненты, включая слоты, объем которых не ограничен (например, *defining goals, formulating questions, hypotheses, planning, choosing tactics, analysis, control, correction of one's own activities / définition des objectifs, formulation des questions, espoirs, planification, choix des tactiques, analyse, contrôle, correction du moment Bélier, activer* и проч.) и в различных вариантах, в зависимости от запроса может быть предложен нейросетью, например, ChatGPT, YandexGPT, SMILE и проч. Кроме того, выделяются различные виды фреймов, введение которых на занятиях по английскому и французскому языку в вузе будет осуществляться в зависимости от уровня знаний обучающихся: фреймы-экземпляры (конкретная реализация фрейма, описывающая текущее состояние предметной области, например, «*Diplomacy / Diplômes*», где указаны, например: *accreditation, immunity, ultimatum / accréditation, immunités, ultimatum*), фрейм-образец (шаблон для описания объектов или допустимых ситуаций предметной области, например, *what factors of globalization of international tourism influence the development of international relations / quels facteurs de la mondialisation du tourisme international influencent le développement des relations internationales*), фрейм-сценарий (отображает динамику предметной области, например, *sports diplomacy / diplômes sportifs*) и другие.

Заключение

В рамках настоящего исследования была предпринята попытка систематизации знания о применении «умных» технологий, как средства ре-конструкционной оптимизации процесса обучения иностранным языкам (английскому и французскому) в неязыковом вузе, и аргументации возможности их использования на практике (на примере обучения прикладной профессиональной лексике) с задействованием универсальной методики фреймирования. По результатам проведенного исследования мы заключаем о слабой разработанности темы преподавания иностранных языков студентам неязыковых специальностей с применением AI-технологий, включая нейросети, несмотря на имеющиеся, пусть и фрагментарные, однако доказательства их эффективности и результативности. Также заявляем об отсутствии методики преподавания иностранных языков в неязыковых вузах с применением данных технологий, что является, с нашей точки зрения, существенным препятствием к запуску процесса «интеллектуализации» модели предметного образования в высшей школе в целом.

Относительно методики преподавания иностранного (английского и французского) языка с применением «умных» технологий, то, с учетом сделанных нами выводов, ее целью, таким образом, является формирование и развитие знаний, умений и навыков обучающихся в области профессиональной иноязычной компетенции, основу которой составляет лексическая компетенция. Проиллюстрированный пример возможности разработки тематической фреймовой сети с применением нейросети позволяет предположить перспективность интеграции смарт-технологий в образовательный процесс независимо от ресурсо-обеспеченности образовательной организации, достаточного владения навыками работы с такими технологиями преподавателя иностранного языка и, таким образом, запустить стартап перехода на интеллектуальное (смарт) иноязычное образование в высшей школе.

Фреймовый подход, среди прочего, позволяет решать широкий спектр методических задач, среди которых: индивидуализация обучения, работа в удобном для обучающихся и преподавателя темпе, автоматическое оценивание степени усвоения полученных студентами знаний, прогрессивная наработка профессионального вокабуляра, а также возможность с применением логики фреймового метода объяснить действие грамматических, фонетических, стилистических, коммуникативных и иных особенностей изучаемого языка (языков), тем самым, в том числе, обеспечить баланс познавательного интереса и мотивации к нему, к культуре его носителей, вероятно, определения карьерных перспектив путем задействования проспективной рефлексии студентов в достижении ими конечных (по их мнению) профессиональных целей. На перспективу имеется необходимость продолжения прикладных исследований в области развития теории, методологии и практики (педагогического опыта) смарт-обучения иностранным языками (английскому, французскому и проч.), в том числе направлении постановки профессионального вокабуляра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова И.И. Отмена болонской системы: проблемы и перспективы высшего образования в России // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. №8. С. 11–16
2. Силенок В.С., Быстрицкая Е.В. Особенности структуры и барьеры языковой подготовки студентов вуза спорта и туризма // Проблемы современного образования. 2023. №3. С. 209–216.
3. Куклина А.И. К вопросу о сохранении качества обучения иностранным языкам в неязыковом вузе в условиях сокращения академических часов // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 97–2. С. 42–45.
4. Пахмутова Е.Д., Лаптева И. В., Прожога А. В. Учебные стратегии для непрерывного языкового обучения (неязыковой вуз) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–1(73). С. 197–203
5. Каримова К.С. Адаптивное обучение в преподавании английского: индивидуализированный подход к каждому студенту // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского университета. 2023. №4 (68).
6. Аветисян Н.Б., Горбунова Т.А. Новые педагогические технологии в преподавании иностранных языков в вузе (французский и немецкий языки) // Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в неязыковом вузе: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16 мая 2024 года. – Москва: ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», 2024. – С. 60–66.
7. Козолупенко Д.П. Трансформация образования в цифровую эпоху: тенденции и возможности // Вопросы медиабизнеса. 2024. №4. С. 5–16.
8. Zhu Z.T., He B. Smart Education: New frontier of educational informatization // E-education Research. 2012. № 12. P. 1-13
9. Ma Q., Wang L. Online technologies for language learning and teaching: innovations, practices, and perceptions from students and teachers // Journal of China Computer-Assisted Language Learning. 2024. Vol. 4. No. 1. P. 1-5.
10. Adilbayeva U., Mussanova G.A., Mombekova N.B., Suttibayev N. Digital communication technology for teaching a foreign language and culture through reading // Int. J. Soc. Cult. Lang. 2022. Vol. 10. P. 21-30.
11. Chon W.Y., Shin G., Kim D. Comparing L2 learners' writing against parallel machine- translated texts: Raters' assessment, linguistic complexity and errors // System

2020. Vol. 96. P. 102408.
12. Zakian M., Xodabande I., Valizadeh M., Yousefvan M. Out-of-the-classroom learning of English vocabulary by EFL learners: Investigating the effectiveness of mobile assisted learning with digital flashcards // Asian-Pac. J. Second Foreign Lang. Educ. 2022. Vol. 7. P. 16.
13. Баринов В.И. Смарт-образование в контексте современной смарт-культуры: дисс. … канд. культ., 2023. – 189 с.
14. Мироненко Е.С. Задачи и перспективы внедрения смарт-технологий в образовательный процесс // Социальное пространство. 2018. № 1 (13).
15. Черных А.А., Кролевецкая Е.Н. «SMART-обучение» как новая образовательная модель: отношение педагогов и обучающихся // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. №4. С. 563–569.
16. Гордиенко Т.П., Меметова Г.Э. Смарт-образование как новая парадигма современной системы образования // Kant. 2023. №1 (46). С. 246–252.
17. Gligorea I., Cioca M., Oancea R., et al. Adaptive Learning Using Artificial Intelligence in e-Learning: A Literature Review // Education Sciences. 2023. Vol. 13(12). P. 1216.
18. Burina E.V. Principles of Foreign Language Teaching in The Process of Applying Artificial Intelligence Technologies // NPO. 2024. Vol. 5 (108). P. 104-106.
19. Kohnke L., Moorhouse B.L., Zou Di. Exploring generative artificial intelligence preparedness among university language instructors: A case study // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2023. Vol. 5. P. 100156.
20. Марянина Л.А., Томарева И.Г. Принцип посильности и доступности в повышении качества обучения иностранному языку // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 3. С. 91–95
21. Tan X., Cheng G., Ling M.H. Artificial Intelligence in Teaching and Teacher Professional Development: A Systematic Review // Computers and Education Artificial Intelligence 8(11B):100355.
22. Гизатулина О. Современные компетенции педагога в современном образовании // Наука, общество, образование в современных реалиях. 2023. № 1(1). С. 16–26.
23. Мулюкова В.А. Компетентностная модель современного педагога как основа непрерывного повышения профессионального мастерства // Педагогическая перспектива. 2022. № 3(7). С. 11–18.
24. Голодов Е.А., Герлах И.В., Копченко И.Н., и др. Профессиональные дефициты педагогов в области ИКТ-компетенций, проявляющиеся в условиях цифровой трансформации образования // ПНиО. 2022. №4 (58).
25. Голубова А.В. Структура и критерии успешности профессиональной деятельности педагогов ДОУ в условиях цифровизации // Человеческий капитал. 2024. № 7 (187). С. 225–237.
26. Рябкова Е.С., Тураев А.В. Проблемы цифровизации в обучении английскому языку // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 03 (92).
27. Громова Т. Определение уровня цифровой компетентности преподавателя иностранного языка в вузе // Russian Journal of Education and Psychologyю 2024. №15(4). С. 261–278.
28. Alakrash H.M., Abdul Razak N. Technology-Based Language Learning: Investigation of Digital Technology and Digital Literacy. Sustainability. 2021. Vol. 13(21). P. 12304.
29. Jumaeva U. The Importance of Developing Digital Literacy Skills in Optimizing the Professional Competence of Future Foreign Language Teachers // Science and Education. 2025. №3. P. 492-496.
30. Kökver Y., Pektaş H.M., Çelik, H. Artificial intelligence applications in education: Natural language processing in detecting misconceptions // Educ Inf Technol. 2025. Vol. 30. P. 3035-3066.
31. Klimova B., Pikhart M., Polakova P., et al. A Systematic Review on the Use of Emerging Technologies in Teaching English as an Applied Language at the University Level // Systems. 2023. Vol. 11(1). P42.
32. Одинцова И.В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике // МИРС. 2012. №1. С. 73–80.
33. Кац Н.Г. Сценарно-фреймовый подход к формированию компетентностной основы профессиональной стратегической иноязычной коммуникации студентов языковых направлений подготовки: дисс. ... канд. педагог. наук: 5.8.2. – Санкт-Петербург, 2022. – 249 с.

© Кеннон Олеся Владимировна (ovogareva@gmail.com), Мальцева Екатерина Викторовна (vaskat@inbox.ru),
Иванцов Александр Александрович (ivantsov.alexander.msu@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.22

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ В КИТАЕ[1]

Ли На
Доцент, Сианьский Нефтяной Университет КНР
ln@yandex.ru

Аннотация: В данной статье на основе модели P-Learning рассматривается влияние стратегий позитивной психологии на автономность в обучении студентов-русистов в Китае. С помощью экспериментов и смешанных методов исследования было выявлено, что эмоциональная поддержка значительно повышает самоэффективность обучающихся (β=0.35, p <0.01), а задания по когнитивной активации повышают способность к планированию автономного обучения на 28%. Исследование предоставляет эмпирические основания для применения позитивной психологии в обучении русскому языку. Сделано заключение, что эффективная реализация стратегий эмоциональной поддержки и когнитивной активации в российской аудиторной практике может значительно улучшить эффект обучения, повысить учебную мотивацию студентов и способность к самостоятельному обучению.

Ключевые слова: позитивная психология, автономное обучение, преподавание русского языка, модель P-Learning, чувство самоэффективности.

A POSITIVE PSYCHOLOGY PERSPECTIVE OF CHINESE STUDENTS' RUSSIAN LANGUAGE LEARNING

Li Na

Summary: Using the P-Learning model, this article examines the impact of positive psychology strategies on students' autonomous learning in China. Through experimental intervention and mixed method approach, the present study found that emotional support significantly increases learners' self-efficacy (β=0.35, p<0.01), while cognitive activation tasks increase their ability to plan autonomous learning by 28%. The study provides empirical evidence for the application of positive psychology in Russian language teaching and learning. It is concluded that the effective implementation of emotional support and cognitive activation strategies in Russian classroom practice can significantly improve learning outcomes, enhance students' motivation, and enhance their ability to learn independently.

Keywords: positive psychology, autonomous learning, Russian language teaching, P-Learning model, self-efficacy.

Введение

Позитивная психология как новая ветвь психологии занимается исследованием положительных эмоций, чувства самоэффективности и конструкций смысла, и тем самым открывает новые пути для решения текущих проблем, с которыми сталкивается преподавание русского языка. Она подчеркивает важность стимулирования внутренних положительных сил индивидуума для содействия его всестороннему развитию и росту. В этом контексте данное исследование основывается на модели P-Learning в качестве теоретической основы и сосредотачивается на двух ключевых вопросах: могут ли стратегии позитивной психологии реально и значительно повысить волю к самостоятельному обучению у изучающих русский язык и каковы конкретные пути применения и методики реализации модели P-Learning в процессе преподавания русского языка? С помощью исследования этих вопросов целесообразно предоставить рекомендации и примеры для реформы преподавания русского языка, способствуя эффективному повышению способности студентов к самостоятельному обучению [1-2].

Материалы и методы исследования

Модель Perma Селимана (Postiv Emmotian, Engagement, Leila, Minin, Akon Plishment) утверждает, что положительные эмоции и опыт достижений стимулируют непрерывное обучение. Модель P-Lierning применяет эту теорию к обучению языку, подчеркивая содействие самостоятельному обучению через эмоциональную поддержку (например, снижение тревожности) и когнитивную активацию (например, сложные задачи). Авторы в своих трудах отмечают, что эмоциональный интеллект как личностная характеристика (trait emotional intelligence) и ощущение продуктивности он-

1 Данная статья посвящена исследованию путей реформирования преподавания иностранных языков и подготовки инновационных кадров в контексте развития «новых гуманитарных наук». Проект на 2024 год по плану научных исследований в области образования провинции Шэньси на период 14-й пятилетки (SGH24Y2708)

лайн-обучения у студентов университетов оказывают прогностическое влияние на уровень скуки на занятиях иностранным языком. Люди с высоким уровнем эмоционального интеллекта способны эффективно управлять своими эмоциями и справляться со стрессом. Чем выше эмоциональный интеллект и ощущение продуктивности онлайн-обучения, тем ниже уровень скуки, причем ощущение продуктивности онлайн-занятий оказывает более значимое прогностическое влияние [3].

Лю (2021) в своей работе, опираясь на теорию контроля-ценности, выявил, что оценка студентами степени контроля над процессом изучения иностранного языка и его ценности имеет выраженное прогностическое значение для возникновения скуки, что подчеркивает актуальность реформирования методики преподавания [4]. В рамках позитивной психологии эмоциональная поддержка считается ключевым фактором, влияющим на психологическое состояние и результаты обучения учащихся. Данное исследование выдвигает гипотезу, что в условиях изучения русского языка предоставление учащимся достаточной эмоциональной поддержки, такой как поощрение со стороны преподавателя, позитивное взаимодействие между сверстниками и создание культурно насыщенной образовательной среды, может значительно повысить веру русских учащихся в свои способности к обучению, то есть их самоэффективность, при статистически значимом уровне α=0,05. Эта гипотеза основана на теории, согласно которой эмоции стимулируют мотивацию к обучению и развитие самосознания. Когда учащиеся находятся в позитивной эмоциональной среде, они с большей вероятностью будут позитивно оценивать свои способности к обучению, что, в свою очередь, укрепляет уверенность и мотивацию для преодоления учебных трудностей [5].

Когнитивная активация играет важную роль в стимулировании активного участия учащихся в процессе обучения и повышении их способности к самостоятельному обучению. На основе этого данное исследование формулирует научную задачу, заключающуюся в разработке и внедрении целенаправленных заданий по когнитивной активации, таких как проведение практических межкультурных проектов и руководство метакогнитивными тренингами, способствующих углубленному размышлению студентов и активному применению знаний для решения проблем. При статистически значимом уровне α=0.05 это может эффективно усилить способность студентов самостоятельно планировать процесс обучения русскому языку. Эта задача основана на принципах когнитивной психологии, а задания по когнитивной активации могут стимулировать активность мышления студентов, помогая им лучше понять цели обучения и собственное состояние в обучении, что в свою очередь позволяет им, исходя из собственных потребностей и особенностей, самостоятельно строить разумное учебное планирование, тем самым переходя от пассивного усвоения знаний к активному исследованию учебного материала [6].

Данное исследование использовало строгий экспериментальный дизайн с целью точного изучения влияния стратегий P-Learning на самостоятельное изучение русского языка студентами с точки зрения позитивной психологии. В исследовании были созданы экспериментальная и контрольная группы, что позволило четко продемонстрировать различия в эффектах, вызванных различными методами преподавания [2-3].

В качестве экспериментальной группы был выбрана группа специальностей по русскому языку в одном из вузов. В процессе обучения экспериментальной группы стратегия P-Learning была полностью принята. Основанная на теории позитивной психологии, эта стратегия предоставляет учащимся эмоциональную поддержку и когнитивную активацию различными способами, такими как проведение различных мероприятий по культурной эмпатии и направление учащихся на глубокое участие в межкультурных проектах, чтобы стимулировать положительные эмоции учащихся, повысить их самоэффективность и способствовать развитию способности к самостоятельному обучению.

Контрольная группа обучалась в традиционном лекционном стиле. Традиционное преподавание, основанное на лекциях, ориентировано на учителя и фокусируется на односторонней передаче знаний, и в этом режиме обучения автономия учащихся в обучении относительно ограничена. Путем сравнения с экспериментальной группой можно наглядно выявить уникальные преимущества стратегии P-Learning по сравнению с традиционным режимом обучения в продвижении самостоятельного обучения студентов.

Весь цикл исследования установлен на 16 недель и охватывает три ключевых этапа: предварительное тестирование, интервенцию и последующее тестирование. Предварительное тестирование проводится до начала исследования с целью полного понимания начального состояния студентов экспериментальной и контрольной групп в таких аспектах, как автономия в изучении русского языка, мотивация и самосознание, что обеспечивает базовые данные для последующей оценки эффективности учебных стратегий. В последующие 12 недель интервенционного этапа экспериментальная группа принимает участие в обучении по стратегии P-Learning, тогда как контрольная группа проходит традиционное лекционное обучение. Наконец, на 16-й неделе происходит последующее тестирование, в ходе которого сравниваются изменения показателей у обеих групп студентов после применения различных учебных стратегий, что позволяет точно оценить влияние стратегии P-Learning

на автономное обучение студентов русскому языку.

Для полного и точного сбора данных, необходимых для исследования, данное исследование использовало как количественные методы, так и инструменты сбора качественной информации. Шкала включала как разработанные самостоятельно шкалы, так и существующие. Для данного исследования была разработана самостоятельная «Шкала автономности учащихся, изучающих русский язык», которая включала три ключевых измерения: мотивацию, стратегии и саморегуляцию. Измерение мотивации предназначено для оценки внутренней мотивации и интереса студентов к изучению русского языка; измерение стратегии сосредоточено на методах и приемах, которые студенты используют в процессе обучения; измерение саморегуляции акцентирует внимание на способности студентов контролировать, оценивать и корректировать собственный учебный процесс. С помощью данной шкалы можно всесторонне и систематически оценить уровень автономности студентов в изучении русского языка. Также будет использована существующая шкала – мотивационная шкала Гарднера, которая широко применяется и пользуется высокой признательностью в области исследований мотивации к изучению языков, позволяя точно измерить типы и интенсивность мотивации студентов к изучению русского языка. В дополнение к этому, была применена шкала самоэффективности Бандуры для точной оценки уверенности и веры студентов в собственные способности к изучению русского языка, что разнообразило исследовательские данные с разных сторон [7].

Качественные материалы включали в себя записи наблюдений в классе, журналы обучения учащихся и записи интервью. Наблюдения в классе собирались на протяжении всего исследования. Подробные записи о взаимодействии в классе, участии учащихся, поведении учителей и атмосфере преподавания предоставляют богатую качественную информацию для глубокого понимания динамики в классе при различных стратегиях обучения. Студенты вели регулярный учебный дневник своих мыслей, мыслей и чувств в ходе изучения русского языка, включая трудности в обучении, успехи в обучении, использование стратегий обучения и отзывы о преподавательской деятельности. Изучение студенческих научных журналов дает ценную информацию для изучения внутреннего мира студентов, позволяет выявить закономерности их эмоционального и когнитивного развития в процессе обучения. В ходе исследования проводились индивидуальные беседы с некоторыми студентами. Тематика интервью охватывает учебный опыт студентов, их мнение о стратегиях преподавания, учебные цели и уровень самостоятельного обучения. Процесс интервью был записан, а затем был осуществлен полный стенографический перевод и глубокий анализ, что обеспечило многогранную качественную поддержку исследования.

Результаты

В данном исследовании применялась комбинация количественных и качественных методов анализа для всестороннего и глубокого изучения собранных данных. Количественный анализ с использованием статистического программного обеспечения SPSS проводился с помощью t-теста для сравнительного анализа данных различных шкал передних и задних тестов экспериментальной и контрольной групп, что позволило определить, существуют ли значительные различия между двумя группами студентов в аспектах самостоятельности в изучении русского языка, мотивации и самоэффективности. Одновременно проводился регрессионный анализ для исследования взаимосвязи между различными переменными, такими как анализ эмоциональной поддержки, когнитивной активации и повышения способности студентов к самостоятельному обучению, с целью определения путей и степени влияния стратегии P-Learning на самостоятельное изучение русского языка студентами.

Качественный анализ осуществлялся с использованием программного обеспечения NVivo для кодирования учебных журналов студентов и текстов записей интервью. Комплексный подход, включающий открытое, аксиальное и избирательное кодирование, позволил нам не только выявить основные темы и идеи текста, но и глубоко изучить эмоциональный опыт студентов, их когнитивные процессы и обратную связь по стратегиям обучения. Такая интеграция качественного анализа с количественными данными привела к более полным, глубоким и многомерным результатам исследования.

В области преподавания русского языка одной из ключевых задач учителей является поиск способов повышения эффективности обучения и укрепления интереса учащихся. Современные исследования всё чаще подчёркивают, что эмоциональная поддержка и активное вовлечение мыслительных процессов имеют решающее значение для успешного усвоения языка [8].

Обсуждение

Культурная эмпатия, выступающая в качестве значимой теоретической основы, открывает новые горизонты в обучении русскому языку. Благодаря знакомству с русской литературой, кино и другими культурными проявлениями у учащихся развивается чувство принадлежности к изучаемой культуре. Это, в свою очередь, эффективно снижает психологические барьеры в процессе изучения языка. Как подчеркнул Беннетт в 2013 году, такое чувство культурной принадлежности способствует лучшей адаптации учащихся в языковой среде и усиливает их стремление к обучению. Русская литература. Анализ персонажей русской литературы,

например, многогранности образа Наташи в романе «Война и мир», основанный на теории эмоционального реагирования, способен пробудить у учащихся глубокий интерес к русской культуре, стимулируя их к «эмоциональному вложению» [10-11]. Долгосрочная мотивация к обучению напрямую зависит от эмоциональной вовлечённости. В рамках развития культурной эмпатии эффективно многоуровневое построение обучения. Оно предполагает постепенное усложнение материала. На начальном этапе используются короткие видеоролики, например отрывки из фильма «Тихие ночи здесь», с подробными комментариями учителя, что делает материал понятным. Это позволяет учащимся сформировать базовые представления о русской культуре. Затем, на более продвинутом этапе, осуществляется переход к изучению классической литературы, например поэзии Пушкина, с использованием ролевых игр. Такой подход позволяет учащимся глубже понимать культурный контекст, переживать эмоции и образы, активно взаимодействовать с персонажами, что значительно усиливает их культурное восприятие и способствует более глубокому усвоению материала.

В контексте интерактивных образовательных форматов групповая дискуссия представляет собой метод высокой педагогической ценности. Например, формулировка дискуссионного вопроса типа «Кто вам больше нравится: Пьер Безухов или Дмитрий Нехлюдов?» может побудить учащихся к глубокому анализу характеров персонажей, их ценностных ориентаций и социокультурного контекста литературных произведений. Благодаря механизму столкновения различных точек зрения учащиеся получают возможность глубже понять многообразие русской культуры и углубить понимание её особенностей. Однако на этапе практической реализации данного метода могут возникнуть определённые трудности. Одна из таких проблем – потенциальный риск культурного недопонимания из-за существенных различий в китайской и русской культурных парадигмах, что может привести к недопониманию и, как следствие, к негативным эмоциональным реакциям учащихся. Для снижения этого риска учителю рекомендуется заранее предоставлять учащимся обширный контекстный материал, включающий информацию о ключевых событиях русской истории, обычаях и традициях. Дополнительной проблемой является ограниченность имеющихся ресурсов. Для преодоления этой проблемы целесообразно активно использовать открытые образовательные ресурсы, видеоуроки по русскому языку и бесплатные электронные библиотеки, которые позволяют предоставить студентам насыщенный образовательный контент и одновременно сократить финансовые затраты на обучение.

Механизм положительной обратной связи в русских классах имеет незаменимое значение для повышения учебной мотивации и уверенности студентов. "Стена достижений" в качестве визуального инструмента мотивации обладает многогранной функцией. Демонстрация работ студентов, таких как оригинальные русские стихи и драматургические сценарии, может увеличить их "видимые достижения" и удовлетворить потребность в самореализации. Когда студенты видят свои работы, выставленные на показ, и получают признание и одобрение со стороны других, у них возникает сильное чувство достижения, которое далее стимулирует их учебный энтузиазм.

В процессе взаимной оценки среди сверстников структурированный подход имеет первостепенное значение. Предоставление шаблонов для оценки, таких как «Мне особенно понравилось использование слов в этой фразе, потому что», может направить студентов на целевые оценки, избегая неопределенной обратной связи. С ведением «языка роста» целесообразно дополнять пословицы, позволяя студентам четко понять свои сильные стороны и направления для повышения эффективности.

Информационные технологии позволяют использовать больше возможностей для оптимизации механизмов положительной обратной связи. Использование цифровых платформ способствуют повышению осведомленности студентов о результатах своего обучения, а также своевременно вносить корректировки в свои учебные стратегии. Кроме того, использование ИИ-помощников для письма, например, русскоязычного Grammarly, позволяет автоматизировать процесс аннотирования правильных грамматических конструкций, таких как «Правильное использование спряжения в прошедшем времени!». Это обеспечивает своевременное подтверждение учащимися своих компетенций и способствует росту их учебной мотивации [7-8].

При разработке заданий для развития когнитивных способностей в преподавании русского языка, особенно в рамках межкультурных программ, ключевым является принцип аутентичности. Это означает, что задания должны моделировать реальные ситуации, например планирование совместных проектов, таких как инициатива «Один пояс, один путь», или разработку программы российско-китайского культурного обмена. Такой подход позволяет студентам не только практиковать русский язык в контексте, но и глубже понимать межкультурное взаимодействие. Также важен принцип постепенного усложнения. На начальном этапе студенты могут составлять краткие описания мероприятий (до 50 слов, например, «Мы планируем провести российско-китайский культурный фестиваль»), что развивает базовые языковые навыки и умение доносить базовую информацию. Более сложные задания могут включать создание полноценной брошюры на русском языке с расписани-

ем, бюджетом и описанием достопримечательностей, что требует от студентов применения знаний и навыков системного планирования и комплексного самовыражения.

Заключение

В процессе реализации кросс-культурных проектов неизбежно возникают культурные конфликты. Для трансформации этих конфликтов эффективной стратегией является моделирование парадоксальных сценариев. Например, в «программе культурного обмена» ставятся точки разногласий, например, российская сторона хочет традиционные спектакли, китайская сторона предлагает витрину современных технологий, а студентам предлагается договориться о решении на русском языке.

В результате студенты не только смогут улучшить свои практические навыки владения русским языком, но и научатся эффективно разрешать конфликты, возникающие в процессе межкультурного общения, а также повысят свою способность адаптироваться к новой культурной среде. Культурная среда, на основе русских праздников и традиций, таких как Праздник весны или Новый год, дают сравнительное понимание кросс-культурных моделей на русском языке, способствуя твердому пониманию культурных особенностей и расширению межкультурного кругозора.

На основе метакогнитивного тренинга студенты формируют навыки самостоятельности. Применяя «анализ ошибок», который включает три этапа: исправление, выявление причин и разработку стратегии исправления, они фиксируют свои типичные ошибки, например, в спряжении глаголов. На этапе определения причин различаются случайные и систематические ошибки, например, по невнимательности или путаницы в типах глаголов.

На этапе разработки стратегии формируются целевые упражнения для устранения систематических ошибок. С помощью ежедневного мониторинга изменений в употреблении глаголов можно повысить эффективность в решение языковых задач. Использование технологических решений способствует оптимизации метакогнитивного обучения, развивая интуитивное понимание текущего уровня освоения материала. В результате студенты получают возможность более эффективно преодолевать собственные учебные барьеры, разрабатывать рациональные стратегии обучения и развивать навыки саморегуляции.

Таким образом, эффективная реализация стратегий эмоциональной поддержки и когнитивной активации в российской аудиторной практике может значительно улучшить эффект обучения, повысить учебную мотивацию студентов и способность к самостоятельному обучению. С помощью мероприятий по культурной эмпатии, механизмов положительной обратной связи, межкультурных проектов и метакогнитивного тренинга мы создаем позитивную и эффективную учебную среду для того, чтобы студенты могли добиться прогресса в изучении русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холек А. Автономия и изучение иностранных языков [M]. Оксфорд: Pergamon Press, 1981.
2. Ли Чэнчэнь, Ли Вэй. Взаимосвязь языковых установок, эмоций и успеваемости по иностранному языку: сравнительное исследование городских и сельских районов на основе моделирования структурными уравнениями[J]. Иностранные языки и их преподавание, 2024, (01):57-69.
3. Ли Чэнчэнь, Девалье Ж.-М. Прогнозирующая роль трейтового эмоционального интеллекта и чувства достижений в онлайн-обучении для скуки на занятиях иностранного языка[J]. Иностранные языки и их преподавание, 2020, (5): 33–44.
4. Лю Хунган, Ли Цзин. Исследование скуки при изучении иностранных языков: обзор и перспективы [J]. Вестник Института иностранных языков НОАК, 2021, 44(5):10-17,160.
5. Ли Чэнчэнь, Хань Е. Прогнозирующая роль удовольствия, тревоги и скуки при изучении иностранного языка для эффективности онлайн-обучения[J]. Современные иностранные языки, 2022, (2): 207–219.
6. Ли Чэнчэнь, Хань Е, Ли Баньбань. Исследование взаимосвязи между скукой на уроках иностранного языка и успеваемостью в начальной школе, а также различий между городскими и сельскими районами[J]. Преподавание иностранных языков, 2022, (3): 50–55.
7. Ли Чэнчэнь, Ли Вэй, Цзян Гуйин. Исследование эмоций при изучении второго языка: ретроспектива и перспективы[J]. Современные иностранные языки, 2024, (1): 63–75.
8. Чэ Маньхуэй, Бао Цифан, Лань Госин. Влияние формирования готовности к общению на втором языке на преподавание иностранных языков с позиции позитивной психологии [J]. Английская площадь, 2024, (33):96-99.
9. Чжан Линьлинь. Стратегии мотивации в эмоциональном преподавании иностранных языков в профессиональных вузах с точки зрения позитивной психологии [J]. Китайское профессионально-техническое образование, 2022, (14):90-96.
10. Лю Хунган. Исследование ключевых вопросов факторов обучающихся в базовом преподавании английского языка [M]. Чанчунь: Издательство Северо-Восточного педагогического университета, 2019.

11. Сюй Цзиньфэнь, Лун Цзайбо. Исследование агентности в преподавании иностранных языков [J]. Вестник Института иностранных языков НОАК, 2020, (5):93-100.

© Ли На (ln@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.23

ЛОКАЛИЗАЦИЯ И РОДНАЯ ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ И РОССИИ

LOCALIZATION AND NATIVE LANGUAGE ENVIRONMENT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN LANGUAGE TEACHING STRATEGIES IN CHINA AND RUSSIA

Li Chenchen

Summary: This article provides a comparative analysis of two fundamental strategies for teaching Russian as a foreign language to Chinese students: the "localization" approach, common in China, and the "language immersion" approach, practiced in Russia. The study examines the strengths and weaknesses of each strategy, determined by the respective educational environments. The "localization" strategy, relying on the grammar-translation method and the native language as a mediator, is effective for building a solid grammatical foundation but carries the risk of developing a formal, "classroom" language that is disconnected from real-life communication. Conversely, the "immersion" strategy, based on the communicative method, facilitates the rapid development of speaking skills and sociocultural competence but may result in an unsystematic understanding of grammar. The author concludes that the optimal solution lies in a hybrid model that synthesizes the systematic nature of the Chinese approach with the practical orientation of the Russian one.

Keywords: Russian as a foreign language (RFL) teaching, localization, language environment, Chinese students, communicative method, comparative analysis.

Ли Чэньчэнь
Доцент, Институт Чжуцзян Тяньцзиньский финансово-экономический университет
263032766@qq.com

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ двух фундаментальных стратегий преподавания русского языка как иностранного китайским студентам: «локализованного» подхода, применяемого в Китае, и «средового» подхода, практикуемого в России. Исследование выявляет сильные и слабые стороны каждой стратегии, обусловленные соответствующей образовательной средой. «Локализованный» подход, опирающийся на грамматико-переводной метод и язык-посредник, эффективен для создания прочной грамматической базы, но несет в себе риск формирования «кабинетного» языка, оторванного от реальной коммуникации. В свою очередь, «средовой» подход, основанный на коммуникативной методике, способствует быстрому развитию речевых навыков и социокультурной компетенции, однако может приводить к бессистемному усвоению грамматики. Автор приходит к выводу, что оптимальное решение заключается в гибридной модели, синтезирующей системность китайского подхода с практической направленностью российского.

Ключевые слова: преподавание русского языка как иностранного (РКИ), локализация, языковая среда, китайские студенты, коммуникативный метод, сравнительный анализ.

Введение

В условиях всестороннего развития российско-китайских отношений и углубления образовательных обменов наблюдается значительный рост интереса к изучению русского языка в Китае. Это ставит перед методикой преподавания русского языка как иностранного (РКИ) новые вызовы, связанные с поиском наиболее эффективных путей обучения. Сегодня сложились два основных формата обучения китайских студентов: в условиях отсутствия языковой среды в самом Китае и в условиях полного погружения в языковую среду в России. Данные форматы предполагают использование принципиально разных дидактических подходов — «локализованного», адаптированного к китайской аудитории, и «средового», опирающегося на естественную коммуникацию. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого осмысления и сопоставления этих двух макростратегий для выявления их сильных и слабых сторон и последующей оптимизации учебного процесса.

Объектом данного исследования выступает процесс преподавания и изучения русского языка как иностранного китайскими студентами, а его предметом — конкретные стратегии, методы и приемы обучения, применяемые в Китае и России. Основная цель работы заключается в том, чтобы на основе сопоставительного анализа выявить ключевые характеристики данных образовательных моделей и разработать научно обоснованные рекомендации по их совершенствованию. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: раскрыть содержание понятий «локализация» и «языковая среда» в лингводидактике; проанализировать

специфику преподавания РКИ в китайских вузах; охарактеризовать подходы к обучению китайских студентов в России; провести комплексное сравнение данных стратегий и сформулировать практические рекомендации для преподавателей.

Методологическую базу исследования составил системный подход к анализу образовательных явлений, включающий общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение) и частнонаучные методы (анализ учебных программ и пособий, педагогическое наблюдение, сопоставительный метод). Научная новизна работы состоит в комплексном сопоставлении двух макростратегий обучения РКИ, которые определяются диаметрально противоположными условиями — наличием или отсутствием естественной языковой среды. Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и рекомендации могут быть использованы при разработке и корректировке учебных программ, создании современных учебных материалов, а также в непосредственной педагогической деятельности преподавателей РКИ как в Китае, так и в России с целью повышения общей эффективности обучения.

1. Стратегии преподавания русского языка в Китае: фокус на локализацию

Стратегии преподавания русского языка в Китае в значительной степени ориентированы на локализацию, что находит яркое отражение в учебных программах и пособиях. Большинство используемых в китайских вузах учебников разработаны отечественными специалистами-русистами или представляют собой адаптированные версии российских изданий, дополненные комментариями и глоссариями на китайском языке. Характерной чертой этих материалов является их строгая структурированность и акцент на грамматической составляющей. Учебный процесс выстраивается по принципу от простого к сложному, где каждая тема детально разбирается с теоретической точки зрения, а затем закрепляется большим количеством лексико-грамматических упражнений. Такой подход, соответствующий традиционной китайской образовательной парадигме, позволяет заложить прочный фундамент системных знаний о языке и эффективно подготовить студентов к стандартизированным тестам, таким как Общекитайский экзамен по русскому языку для специалистов 4-го и 8-го разрядов (ТРЯ4 и ТРЯ8).

Центральную роль в «локализованной» модели обучения играет китайский язык, который активно используется в качестве языка-посредника. На начальном этапе это позволяет быстро и доступно объяснить сложные грамматические категории, отсутствующие в родном языке студентов, например систему падежей или виды глагола, что значительно снижает психологический барьер и повышает уверенность учащихся. Однако по мере продвижения в обучении эта опора на родной язык становится источником устойчивой языковой интерференции. На фонетическом уровне это проявляется в трудностях с различением твердых и мягких согласных, на лексическом — в дословном переводе устойчивых выражений, а на синтаксическом — в копировании структуры китайского предложения. В результате формируется специфический «русский язык с китайской спецификой», преодоление которого требует от преподавателя целенаправленной и кропотливой работы по коррекции ошибок.

Осознавая проблему отсутствия естественной языковой среды, китайская методика преподавания РКИ активно ищет пути ее компенсации за счет внедрения инновационных подходов и цифровых технологий. Современные аудитории оснащаются мультимедийным оборудованием, позволяющим использовать в учебном процессе аутентичные аудио- и видеоматериалы: фрагменты фильмов, новостные сюжеты, песни и подкасты. Широкое распространение получили онлайн-платформы и мобильные приложения для изучения лексики, отработки произношения и выполнения интерактивных заданий. Преподаватели организуют виртуальные экскурсии, онлайн-встречи с носителями языка и используют социальные сети для создания симулированной коммуникативной среды. Несмотря на очевидную пользу этих инструментов в повышении мотивации и расширении доступа к языковому материалу, они могут лишь частично имитировать живое, спонтанное общение, которое является неотъемлемым элементом овладения иностранным языком.

2. Стратегии преподавания русского языка в России: погружение в языковую среду

Преподавание русского языка для китайских студентов в России строится на принципиально иной основе — принципе полного погружения в языковую среду. Доминирующей здесь является коммуникативная методика, в рамках которой основной упор делается не на заучивание грамматических правил, а на их практическое применение в реальных речевых ситуациях. Аудиторные занятия активно моделируют живое общение через использование интерактивных форм работы: диалогов, ролевых игр, дискуссий, проектной деятельности и решения коммуникативных задач. Цель преподавателя — создать в аудитории атмосферу, максимально приближенную к естественной среде, где студенты вынуждены использовать русский язык для выражения своих мыслей, аргументации своей позиции и взаимодействия друг с другом, тем самым развивая речевую беглость и спонтанность.

Ключевым инструментом в «средовом» подходе является широкое использование аутентичных материалов, которые служат для студентов окном в живую

русскую речь и культуру. В отличие от адаптированных текстов, аутентичные материалы — такие как статьи из газет и интернет-СМИ, телепередачи, фрагменты современных фильмов, рекламные ролики и блоги — знакомят учащихся с актуальной лексикой, разговорными конструкциями и социокультурными реалиями. Процесс обучения выходит далеко за пределы аудитории: городская среда с ее вывесками, объявлениями, общением в транспорте и магазинах становится «живым учебником». Такой подход не только повышает языковую компетенцию, но и способствует более быстрой и глубокой социокультурной адаптации студентов, помогая им научиться адекватно реагировать на различные бытовые ситуации и понимать неписаные нормы поведения в российском обществе.

В условиях языкового погружения кардинально меняется и роль преподавателя. Он перестает быть просто транслятором знаний и становится скорее наставником, консультантом и культурным посредником. Его задача — не столько давать готовые ответы, сколько стимулировать речемыслительную деятельность студентов, организовывать их самостоятельную работу и поощрять активное взаимодействие с языковой средой вне стен университета. Преподаватель помогает студентам преодолевать «языковой шок», объясняет культурные коннотации тех или иных явлений, направляет их исследовательский интерес и учит эффективно использовать окружающую среду как неиссякаемый образовательный ресурс. Таким образом, он выступает в роли проводника, который помогает иностранному студенту не просто выучить язык, но и успешно интегрироваться в новую для него лингвокультурную действительность.

3. Сопоставительный анализ и результаты

При сопоставлении двух подходов становится очевидной их различная направленность в формировании ключевых компетенций. Китайская «локализованная» модель, с ее акцентом на грамматику и системное изложение материала, в первую очередь успешно формирует языковую компетенцию — глубокое знание структуры языка, его правил и норм. Студенты демонстрируют высокие результаты в письменных тестах и грамматическом анализе. В то же время российская «средовая» модель нацелена на опережающее развитие речевой и социокультурной компетенций. Постоянная коммуникативная практика и взаимодействие с носителями языка способствуют быстрому формированию навыков говорения и аудирования, а также глубокому интуитивному пониманию культурного контекста, невербальных сигналов и речевого этикета, что практически недостижимо в условиях иноязычного окружения.

Эффективность рассматриваемых стратегий также существенно варьируется в зависимости от этапа обучения. На начальном этапе «локализованный» подход, применяемый в Китае, демонстрирует значительные преимущества. Четкая структура, опора на родной язык и последовательное освоение грамматики позволяют заложить прочный и осознанный фундамент, без которого дальнейшее изучение языка было бы затруднительным. Однако на продвинутом этапе эта модель может тормозить развитие речевой беглости. Именно здесь на первый план выходит «средовой» подход: для преодоления «языкового плато» и перехода от учебной речи к живой и естественной коммуникации погружение в языковую среду становится не просто желательным, а необходимым условием.

Таким образом, каждая из стратегий обладает своими сильными и слабыми сторонами. Сила китайской модели — в ее системности, предсказуемости и фундаментальности, что обеспечивает учащимся чувство уверенности и полный контроль над учебным материалом. Ее слабость — в риске формирования «кабинетного» языка, оторванного от реальной коммуникации, и в укоренении интерферентных ошибок. Преимущество российской модели заключается в ее практической направленности и способности быстро развить навыки общения, обеспечивая высокую мотивацию через реальные успехи в коммуникации. К ее недостаткам можно отнести возможный «языковой шок» у новичков и риск «окаменения» грамматических ошибок, если спонтанная речь не подкрепляется целенаправленной систематизирующей работой.

Проведенный анализ показывает, что ни одна из моделей не является абсолютно универсальной и самодостаточной. Очевидно, что выбор стратегии во многом диктуется объективными условиями (наличием или отсутствием языковой среды), однако путь к максимальной эффективности лежит не в противопоставлении, а в синтезе этих подходов. Оптимальная образовательная траектория предполагает разумную интеграцию элементов обеих моделей. Это означает обогащение «локализованного» подхода в Китае большим количеством коммуникативных заданий и симуляций реального общения, а также дополнение «средового» подхода в России специальными модулями по систематизации грамматики и сопоставительному анализу языковых явлений для более осознанного преодоления интерференции.

4. Пути интеграции и педагогические рекомендации

Проведенный сопоставительный анализ подводит к ключевому выводу: будущее эффективного преподавания РКИ для китайских студентов лежит не в выборе между «локализацией» и «погружением», а в их разумном синтезе. Жесткое противопоставление этих моделей непродуктивно, поскольку каждая из них обладает уникальными достоинствами, способными компенсировать недостатки другой. Цель современной методики — раз-

работать гибридную образовательную модель, которая бы вобрала в себя системность и фундаментальность китайского подхода, одновременно прививая студентам коммуникативную свободу и социокультурную адекватность, присущие российской модели обучения.

Для реализации такого подхода преподавателям в Китае рекомендуется смещать акценты с чисто грамматического анализа на функциональное использование языка. Этого можно достичь через широкое внедрение в учебный процесс коммуникативных заданий: решения проблемных ситуаций, участия в дебатах, подготовки проектов и презентаций. Необходимо максимально использовать потенциал цифровых технологий для создания «квази-среды»: организовывать телемосты с российскими студентами, использовать VR-экскурсии, поощрять участие в русскоязычных интернет-форумах и социальных сетях. Роль преподавателя должна трансформироваться от лектора к фасилитатору, который не столько объясняет правила, сколько организует речевую практику.

В свою очередь, преподавателям в России, работающим с китайской аудиторией, следует усилить систематизирующую и теоретическую составляющую обучения. Важно не только исправлять ошибки в речи студентов, но и объяснять их системные причины, проводя параллели с родным языком учащихся. Целесообразно вводить в программу специальные курсы по сопоставительной грамматике русского и китайского языков, а также проводить регулярные обобщающие занятия, на которых пройденный в спонтанном общении материал укладывается в четкую систему. Необходимо найти баланс между свободной коммуникацией и целенаправленной работой над грамматической и лексической точностью речи.

Конечной целью такой интегративной модели является формирование гармонично развитой языковой личности, способной не только правильно строить фразы, но и успешно решать коммуникативные задачи в различных ситуациях межкультурного общения. Выпускник, прошедший через такую систему, будет обладать как глубокими системными знаниями, полученными благодаря «локализованному» подходу, так и беглой, естественной речью, развитой в условиях «погружения». Это позволит ему стать по-настоящему конкурентоспособным специалистом, готовым к эффективному профессиональному взаимодействию в контексте российско-китайского диалога.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ стратегий преподавания русского языка в Китае и России позволяет сделать вывод о том, что оба подхода — «локализованный» и «средовой» — являются закономерным ответом на существующие образовательные условия. Китайская модель, с опорой на грамматико-переводной метод, эффективно формирует прочную базу языковых знаний и готовит студентов к стандартизированным тестам. Российская модель, основанная на принципе погружения, обеспечивает быстрое развитие коммуникативных навыков и глубокую социокультурную адаптацию. Вместе с тем каждая из стратегий имеет свои ограничения: первая — риск формирования «кабинетного» языка, оторванного от живой речи, вторая — возможность пробелов в системном понимании грамматики и «окаменения» ошибок.

Исходя из этого, для оптимизации учебного процесса можно сформулировать ряд педагогических рекомендаций. Преподавателям в Китае следует активнее интегрировать в учебный процесс коммуникативные задания, ролевые игры и проекты, а также максимально использовать цифровые технологии для имитации аутентичной языковой среды. В свою очередь, преподавателям в России, работающим с китайскими студентами, целесообразно включать в программу специальные модули по сопоставительной грамматике русского и китайского языков, что поможет студентам осознанно преодолевать интерференцию, а также уделять больше внимания систематизации и обобщению грамматического материала, усвоенного в процессе спонтанного общения.

В конечном счете перспектива развития методики преподавания РКИ видится не в противопоставлении двух рассмотренных подходов, а в их разумной и гибкой интеграции. Идеальная образовательная модель должна быть гибридной, сочетая в себе системность и фундаментальность «локализованного» обучения с практической направленностью и динамизмом «средового». Создание «искусственной» языковой среды в Китае и усиление теоретической, систематизирующей составляющей обучения в России — вот два встречных вектора, которые позволят сформировать у китайских студентов гармонично развитую языковую личность, в равной степени уверенно владеющую как нормами языка, так и навыками реальной межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 340 p.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.

3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: Наука, 1968. — 208 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 685 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. С англ. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
7. Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. — Т. 1. — С. 40–53.

© Ли Чэньчэнь (263032766@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.25

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ АКТИВАТОР ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ НА РОДНОМ И ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКАХ

PRE-TRANSLATION ANALYSIS OF A LITERARY TEXT AS A POTENTIAL ACTIVATOR OF EXPRESSIVENESS IN STUDENTS' WRITTEN UTTERANCES IN NATIVE AND FOREIGN TONGUES

E. Maryanovskaya
D. Kalyagin

Summary: The paper focuses on the linguodidactics of translation, specifically on the potential of pre-translation analysis in teaching expressiveness in the written speech of students of linguistic departments. The authors of the paper view pre-translation text analysis as an instrument to interpret how the writer achieves effectiveness and expressiveness and compensates for inevitable losses, if any. Expressiveness, which is subsequently intended to be taught, is understood primarily in terms of the poetic function that ensures the unity of form and content. It doesn't imply a pile-up of tropes, but it presupposes the maximum correspondence between the writer's intention and the means of its expression, the precision of word choice, the ability to say much in little, and the graphic arrangement of an utterance. Poetic prose, namely the stories "Chistye Prudy" by Y.M. Nagibin and "My Home, My Home" by W. Saroyan, serves as material for this research. The paper concludes with tasks for making up one's own expressive written utterances based on results of pre-translation analysis.

Keywords: expressiveness, pre-translation analysis, poetic function, poetic prose, expressive written utterance.

Марьяновская Елена Леонидовна
кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
e.maryanovskaya@rsu-rzn.ru
Калягин Данила Константинович
аспирант, ФГБОУ ВО Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
d.kalyagin7@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена лингводидактике перевода, а именно потенциалу предпереводческого анализа при обучении выразительности письменного высказывания студентов языковых факультетов. Предпереводческий анализ текста понимается в терминах того, как автор добивается точности формулировок, ёмкости и выразительности, как он компенсирует неизбежные потери. Выразительность, которой и предполагается потом обучать, трактуется прежде всего в терминах поэтической функции, обеспечивающей единство формосодержания, – не как нагромождение тропов, а как максимальное соответствие интенции и способов ее выражения, как точность выбора слова, как умение сказать многое в малом, как роль ритма и пауз в прозе, то есть графической аранжировки высказывания. Исследование строится на материале поэтической прозы, а именно на рассказах Ю.М. Нагибина «Чистые пруды» и У. Сарояна "My Home, My Home", которым свойственны нелинейность синтаксиса и риторические повторы. В конце статьи предлагаются задания для построения собственных письменных высказываний на основе предпереводческого анализа.

Ключевые слова: выразительность, предпереводческий анализ, поэтическая функция, поэтическая проза, выразительное письменное высказывание.

Выразительность термин многокомпонентный, в результате чего это понятие сводится к целому ряду характеристик. Так, выразительная речь может быть "направлена на достижение прагматического эффекта" [4, с. 139]: она позволяет оказывать на адресата как эмоциональное [7, с. 33], так и рациональное (логическое) воздействие [12, с. 39; 1, с. 27], и отличается рядом свойств, которые в различной степени проявляются в:

1) поддержании интереса и внимания у слушателя или говорящего [2, с. 186; 14, с. 323; 13, с. 83–84];
2) запоминании речи [14, с. 323];
3) убеждении или доказательстве какого-либо утверждения [4, с. 139];
4) формировании впечатления или понятия, или его видоизменения [12, с. 36–37].

В контексте перевода художественной прозы также необходимо отметить "смыслообразующую роль (meaning-making)" выразительности [5, с. 110], понимание которой становится ключом к пониманию художественного текста.

Мы полагаем, что именно на материале художественных текстов, обладающих «легким дыхании» поэзии, наиболее эффективно обучать не только предпереводческому анализу и переводу, а идти дальше, обучая эффективности собственного высказывания, потому что именно в таких текстах «концентрация» выразительно-

сти максимальна. Поскольку поэтическая проза обращается к выразительным средствам, присущим и поэзии, и прибегает к синтаксическим «нарушениям», существенно влияющим на ее линейность, то формируется так называемый эмотивный синтаксис прозы. Эмотивность прозы, трактуемая нами как сам процесс ее организации, усиливает выразительность высказывания и ее следует рассматривать через призму поэтической функции. Именно она, главенствуя над остальными функциями текста, «обеспечивает единство формосодержания, ибо отвечает за обоснованность появления знака и его роль в дискурсивном пространстве текста» [8, с. 47]. В отличие от экспрессивности, которая всегда эксплицитна, поскольку подразумевает выдвижение той или иной единицы текста относительно ее нейтрального варианта, эмотивность чаще имплицитна, поскольку объединяет психологическое и лингвистическое, и это также «роднит ее с поэтической функцией».

Кроме того, учитывая всё вышесказанное мы можем говорить и о более широком понятии эквивалентности, применимом к переводу и предпереводческому анализу такой поэтической прозы. Имеется в виду не то, что допускается "вольность, искажающая мысль или тон оригинала", а что перевод считывается эквивалентным в том случае, если он функционален и обеспечивает такое же впечатление, как и оригинал, — "и по содержанию, и по выразительности, и по эмоциональному тону, и по звучанию", даже если после этого утратится возможность воссоздать оригинальный текст при обратном переводе [6, с. 79–82]. Адекватность перевода художественного текста в таком случае будет зависеть не только от правильно подобранного естественного эквивалента, но и от того, насколько он сочетается с другими словами в тексте и воссоздает тот же эффект: «поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» [15, с. 204]. То есть мы можем говорить именно о текстуальном соответствии, которое далеко не всегда буквально, что на наш взгляд, полностью соответствует текстоцентрической семантике, о которой говорит С.Т. Золян [3, с. 11–18].

Следовательно, задача переводчика прежде всего состоит в определении того, что формирует это впечатление: как автор добивается точности формулировок, емкости, выразительности (имплицитна она или эксплицитна); как можно компенсировать неизбежные потери в переводе — все это будет составлять неотъемлемую часть предпереводческого анализа. Такой анализ предполагает интерпретацию текста, который «включает последовательную интерпретацию каждого коммуникативно-значимого контекста, где каждое слово имеет свое место и играет коммуникативную роль" [11, с. 5–6]. И это всегда связано не только с определением замысла автора и его манеры письма, но и с определением функции анализируемого текста [16, p. 32].

Проиллюстрируем сформулированные теоретические постулаты на примере двух рассказов Юрия Нагибина «Чистые пруды» и Уильяма Сарояна «My Home, My Home». Эти два рассказа выбраны неслучайно: риторически и эмоционально два произведения очень близки, хотя написаны в разное время и на разных языках. Вместо последовательного, логически стройного изложения, обеим работам свойственна нелинейность синтаксиса. Она проявляется в этих произведениях по-разному, однако служит она одним и тем же целям: во-первых, раскрыть внутренний мир рассказчика через поток воспоминаний и эмоций (воспоминания никогда не бывают линейными), и, во-вторых, замедлить время повествования, чтобы читатель смог «прожить» этот текст вместе с рассказчиком. Нелинейность в данном случае является частью реализуемой поэтической функции, обращающей внимание читателя на само сообщение.

Проанализируем некоторые фрагменты вышеупомянутых произведений, которые впоследствии будут использованы для заданий в активации выразительности письменной речи.

Повествование в рассказе Ю.М. Нагибина «Чистые пруды» идет от первого лица, что формирует особый доверительный тон и вовлекает читателя в историю: создается ощущение непринужденной обстановки, в которой один из собеседников делится своим опытом, а другой (читатель) — внимательно слушает. Ощущение усиливается от того, что история, состоящая из цепочки ассоциаций, связанных с местом, кажется, создается по ходу ее прочтения ("Да, чуть не забыл: еще этот человек говорил..."), что делает читателя причастным к ней. При этом автор не прибегает к абстракциям, он сообщает фактическую информацию: делится фразами, которыми они пользовались в то время (например, "киношка" или "чистопрудный" для описания "своего" человека), приводит конкретные названия мест, имена и фамилии людей.

Рассказ начинается с обозначения определяемого места (Чистых прудов) и мгновенно прерывается — многоточием. Автор понимает, какая непростая задача стоит перед ним — описать то самое место, в котором он провел свою юность. То место, где формировались самые яркие воспоминания его жизни. То место, которое так же понимало и прочувствовало разве что поколение рассказчика. А для других — это просто улица, бульвар, пруд или, еще хуже, сточная канава, где и рыбу не выловить.

Ю.М. Нагибин понимает — прочувствовать это у читателей не получится, поскольку для этого потребуется прожить его жизнь. И тогда рассказчик прибегает к "созданию метонимического эффекта распространения от одного человека на многих", обобщая общее через частное [10, с. 65–67]. Понимая, что у каждого поколения

были свои "Чистые пруды", автор описывает те чувства, эмоции и ситуации, которые испытывали многие. Таким образом, он вызывает ностальгию через личный опыт, обобщенный до уровня коллективной памяти.

Так, рассказчик прибегает к описанию Чистых прудов, повторяя конструкцию "Чистые пруды — это ...". В каждом повторении автор раскручивает новый виток ассоциаций, которые связаны с этим местом. Начало очередного определения — как начало нового четверостишия:

«Чистые пруды — это чудо первого скольжения на коньках…»

«Чистые пруды — это первая горушка, которую ты одолел на лыжах…»

«Чистые пруды — это первая снежная баба, первый дом из глины…»

«Чистые пруды — это целый мир чудесных неожиданностей» …

Сама форма высказывания, определение, которую выбирает Ю.М. Нагибин, подразумевает высокую степень объективности, но получившиеся определения — это поэтизированные ассоциации, которые объективны лишь для говорящего, поскольку он не может не говорить про такое дорогое для него место. Но тем не менее, несмотря на этот контраст, читатель улавливает передаваемое настроение и ощущение автора, и может легко поставить себя на его место, заменив Чистые пруды на любое другое место, которое дорого читателю.

Помимо этого, ощущение, создаваемое при прочтении рассказа, формируется за счет выразительности, которая проявляется в нелинейности повествования: контрасте регистров, чередовании длинных кумулятивных и коротких предложений, пунктуационных паузах и повторах, создающих ритм и "рифму" прозы. Именно такая форма высказывания позволяет воссоздать ностальгический эффект, в результате чего можно говорить о единстве формосодержания в контексте произведения.

Рассказ У. Сарояна "My Home, My Home" также является ярким примером поэтической прозы, где форма и содержание сливаются в единое целое.

Тема тщетности передвижений с одного места на другое часто появляется в его произведениях. Рассказ "My Home, My Home" не является исключением: в нем автор пытается осознать, что делает его родной дом таким особенным местом, которое ни за что не хочется покидать, и которое, в то же время, по своей внешней неприметной составляющей ничем не отличается от любого другого городка.

За счет нелинейного синтаксиса, который состоит из философских вопросов и несвязанных между собой цепочек ассоциаций, создается круговорот мыслей и имитируется процесс вспоминания. Через повторяющиеся риторические вопросы автор по крупицам собирает описание своего города, лишний раз пытаясь подчеркнуть его неприметность ("Что это, как не ..."). Однако через эту аккумуляцию автор лишь приумножает его значимость. При этом это не та значимость, которая формируется "не за что-то, а вопреки". На каждый такой вопрос хочется ответить: "на самом деле, это что-то большее", но непонятно, почему. Создается ощущение, что каждый раз это объяснение ускользает от рассказчика: оно не поддается определению. У. Сароян отчаянно пытается разложить эту значимость на части, словно пытается "приземлить" свое возвышенное ощущение от этого места, используя фактическую информацию (рассказчик "заглядывает" на урок арифметики в школе, упоминает названия улиц (Вентура-авеню, Тулар-стрит), использует много чисел (десять тысяч городов, тридцать миллионов людей, две железнодорожные станции и т.д.), что как будто должно придавать повествованию объективность, а, на самом деле получается поэтично и возвышенно.

Позже он приходит к выводу, что это особое ощущение во многом создается за счет ночного неба, «ясного, поразительного и бесконечно просторного» (перевод наш – Е.М., Д.К.): ясного — поскольку в маленьком городке оно не затмевается большим количеством света, как в большом городе, и видно звёзды; поразительного — от неожиданного осознания того, что небо всегда было над нами, но мы не обращали на него внимание; бесконечно просторного — поскольку его можно увидеть в любом городе (и поэтому необязательно куда-либо уезжать), и поскольку оно простирается сквозь время, оставаясь неизменным и сопровождая человека с самого детства и до конца его жизни («Once again I am back in my home town. Last night I learned that a great part of what this town is, wherever I go: is the nighttime sky: clear, sudden, and infinitely spacious»).

Такое парадоксальное переплетение бытового с вечным отражается в стиле повествования: повседневное передается нейтральными лексическими единицами, фактически лишенных поэзии, а возвышенное чувство — выразительностью, которая проявляется в каждом предложении и в самой структуре рассказа.

Композиционно история представляет собой саму жизнь, с ее началом и концом, и в этом и заключается ее метонимический эффект распространения опыта от одного человека на многих. В ней говорится про каждого в отдельности, и обо всех людях в целом. Рассказ начинается со слов о свете, который человек видит впервые в своем городе (что мгновенно вызывает ассоциацию с библейской историей о сотворении мира ("да будет свет") и помогает прийти к выводу, что у каждого человека происходит его "индивидуальное сотворение мира", только в его родном городе, и заканчивается рассужде-

ниями о смерти (“a man will go away without ever having reached anywhere”), что рифмуется со 102-м псалмом: дыхание человека прекратится и больше его не будет, «и не познает ктому места своего».

Помимо этого, поэтическая функция формируется за счет повторов, символически означающих вечность. При этом повторяется не только риторический вопрос, который возникает в начале практически каждого абзаца ("...is it more than..."), но и конструкция "a few", которая встает в противоречие с тем высказыванием, что ничего не изменилось в городе ("I found nothing changed"). Точнее, только кажется, что ничего не изменилось, а когда рассказчик вглядывается, то он понимает, что понемногу изменилось все, а неизменной осталась только тишина.

Также У. Сароян использует прием градации, который проявляется в повторе союза "and" ("...and stayed, and others came, and stayed, and still others came out of their staying") (полисиндетон), предлога "beyond" ("beyond the top, beyond all sides, beyond bottom") и в многократном использовании однородных членов, создающих характерный ритм произведения и кумулирующих эмоциональное состояние ("grow, change, go away, remember, return, and go away"; "outside, around, over, under, within"), что позволяет подчеркнуть непрерывность тщетных передвижений людей. Помимо этого, однородные члены в тексте также формируют особое звучание за счет аллитерации (повтора): так, в отрывках "and stayed, and others came, and stayed, and still others came out of their staying" и "two depots, one on each side of town, east and west, the city in between, the streets and houses all around" часто повторяется звук [s], что как будто создает ощущение ветра, поднимающегося от нескончаемых передвижений.

Получается, что для достижения одного и того же эмоционального состояния, чувства ностальгии, и для достижения метонимического эффекта, авторы делают акцент на разных стратегиях и приёмах. Так, У. Сароян достигает этого с помощью:

1. повторов (риторических вопросов, однородных членов, союзов и похожих по звучанию согласных звуков), которые формируют ритм и "рифму" высказывания и способствуют последующему усилению (градации) эффекта ностальгии, делая нарратив предельно выразительным;
2. переплетения обыденного с вечным, что отражается в постепенном переходе от предельно конкретных ситуаций-ассоциаций, описанных при помощи фактической информации, к более метафоричному повествованию для раскрытия абстрактной философской темы.

Ю.М. Нагибин, в свою очередь, использует риторическую стратегию определения, нанизывая эпизоды своей памяти словно бусины, вместе с тем наделяя своё повествование сюжетной линией, используя конкретные фрагменты своего опыта. Эти определения отличаются наслаиванием деталей, с помощью которых можно было бы практически воссоздать описываемое место.

Приведём два примера заданий на русском и английском языках, иллюстрирующих как полученные результаты предпереводческого анализа могут стать потенциальным активатором выразительности письменной речи студента:

1. Составьте короткое описательное высказывание (не более 7 предложений), сохраняя голос автора и поэтическую функцию текста. В высказывании должны быть упомянуты отличительные характеристики одного из самого важных для вас мест. Используйте риторические стратеги определения и перечисления (как в рассказе Ю.М. Нагибина «Чистые пруды»).

Для обеспечения эффективности выполнения задания, студентам можно дать примеры мест или предметов, которые можно описать:

Маршрут, по которому ходил в школу; Речка, где учились плавать; Черёмуха у дома; Новый год; Семейный альбом с размытыми фото; Мамино варенье; Дедушкины часы с маятником; Шахматы; Ржавые качели во дворе; Футбольные ворота из кирпичей; Подъезд с кодом вместо домофона; Лавочка у подъезда; Школьная столовая; Телевизор, который били по боку для четкости, реклама; Дисковый телефон с крутящимся номером.

Также для того, чтобы сделать инструкцию более понятной, потребуется привести хотя бы один пример выполнения подобного задания:

Пример: Я не был в нашем деревенском доме с тех пор, как не стало моей бабушки. И хотя для 11-летнего меня последняя поездка закончилась так печально, воспоминания об этом месте – самые счастливые. Бабушкин дом — это скрип половиц под босыми ногами, которые привычно влекут тебя в сторону кухни, ведь там всегда можно было найти пирожок с капустой. Бабушкин дом — это морщинистые руки в веснушках, которые, нащупав колючий вязаный свитер под курткой, сначала туго затягивают тебе шарф, а уже через два часа, после того как обожгутся от прикосновения к твоим красным от холода щекам, стремительно ведут тебя пить только что вскипевший чай. Бабушкин дом — это армянский ковер на стене, приложив ухо, к которому можно услышать затерявшееся в ворсинках глухое эхо двадцатилетней давности, говорящее: "Не ходи босиком".

2. Compose a short descriptive utterance (no more than 7 sentences), preserving the author's voice and the poetic function of the text. The primary rhetorical strategy will be that of describing a place/event through a series of

rhetorical questions (What is it but… / (What) Is it (anything) more than). The questions are supposed to cast objective doubt on the value of the described place, yet which remains subjectively the most important to you (as it was shown in W. Saroyan's «My Home, My Home»).

Sample: I don't want to be a child anymore. However, when I cast my mind back to childhood, I realize that I hold that period so dear, that I don't even understand what for. What is childhood but the careless period when you know next to nothing and decide nothing as well? What is it but falling off your bicycle and, withholding for a second, bursting into a loud cry and tears, because your knees are skinned, and running to your mum to be comforted? What is it more than the smell of wet asphalt after rain, where chalk figures that you had drawn melt into oblivion? What is it more than a bicycle with a crooked wheel, carrying you to adventures that ended at sunset? What is it more than walking without a purpose and finding a rusty key to nowhere?

Такой пристальный предпереводческий анализ помогает увидеть абсолютно все «инструменты», которые использует автор в процессе создания текста. Подобное воссоздание процесса порождения замысла автора необходимо для того, чтобы «врасти в новую и каждый раз уникальную систему передачи опыта, фактического и эмоционального», а затем, перевоплотившись в автора, «воссоздать однажды переданный опыт новой системой выразительных средств и на языке иной культуры» [9, с. 61].

И ещё до выполнения творческих заданий, предложенных выше и направленных на порождение собственного выразительного высказывания, можно предложить студентам, используя результаты предпереводческого анализа в качестве строительного материла, создать вариант перевода хотя бы фрагмента проанализированного текста, что позволит увидеть, чему учит этот отрывок потенциального писателя, понять эффективность/неэффективность принятых переводческих решений.

Например, прямой перевод тех риторических вопросов из рассказа У. Сарояна, о которых мы говорили выше (What is it more than…, What is it but…), конечно, возможен, но не будет передавать те особенности авторского голоса, которые удалось выделить в процессе предпереводческого анализа.

Возможный вариант перевода, учитывающий результаты предпереводческого анализа:

What is it but an ordinary American town, no different from ten thousand others, where thirty million others were once born and where once they knew childhood and youth, and went away or stayed? What is it more than a place where two or three dozen rested one day of one year and stayed, and others came, and stayed, and still others came out of their staying? What is it more than two depots, one on each side of town, east and west, the city in between, the streets and houses all around, the dwellers never out of hearing of the trains coming and going? What is it more than the beginning of the world, with winter coming? *(W. Saroyan «My Home, My Home»)*	Что же в нём такого? Ведь это всего лишь обычный городок, такой же, как и десятки тысяч других, в которых рождались, взрослели, уезжали или оставались миллионы, таких же, как я. Что в нем такого? Ведь это всего лишь местечко, в котором два-три десятки путников остановились на день, а потом остались там, а потом приехали другие и тоже остались, и дали жизнь другим. Что в нём такого? Ведь и нет ничего, кроме двух депо, обрамляющих город с запада и востока, да ещё улицы и дома вокруг, в которых постоянно слышен неумолкающий стук колёс прибывающих и отбывающих поездов… Что это как не начало мира перед приходом зимы?! *(перевод наш – Е.М., Д.К.)*

Эта попытка перевода становится средством, благодаря которому студенты учатся проникать в текстуальный смысл слова, в выразительные возможности языка, устанавливать смысловую эквивалентность различных способов сохранения замысла, тона и голоса автора в иной культуре и на ином языке, иными словами, сохранять поэтическую функцию текста.

Таким образом, посещение такой «открытой кухни» порождения высказывания, а потом и перекодирования его средствами другого языка, иными словами максимальное детальная рецепция, сопряженная с толкованием каждой минимальной единицы высказывания, репродукция (воссоздание на языке перевода), а потом продукция (порождение собственного высказывания), позволяет студенту вовсе не имитировать манеру письма автора, а создавать своё выразительное высказывание, учитывая поэтическую функцию языка не как нагромождение тропов, а как максимально эффективное соответствие интенции и способов её выражения. В этом и заключается потенциал предпереводческого анализа (и перевода) как активатора выразительности письменной речи студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Москва: Либроком, 2010. — 336 с.
2. Головин Б.Н. Основы культуры речи: Учеб, пособие. — М.з Высш, школа, 1980.— 335 с.

3. Золян С.Т. Текстоцентрическая семантика и теория перевода // Иностранные языки в высшей школе. – 2013.- Вып. 2(25). – С. 11–18.
4. Казанцева Е.М. Выразительность как качественная характеристика письменной речи // Вестник ИрГТУ. 2007. №1 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazitelnost-kak-kachestvennaya-harakteristika-pismennoy-rechi (дата обращения: 28.03.2025).
5. Колкер Я.М. Выразительность текста в парадигме "поэтика - поэзия - перевод" / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 2(57). – С. 108–117. – DOI 10.37724/RSU.2021.57.2.010. – EDN KVIVZK.
6. Колкер Я.М. О границах "естественной" эквивалентности и допустимости их нарушения в художественном переводе / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова // Иностранные языки в высшей школе. – 2022. – № 4(63). – С. 74–83. – DOI 10.37724/RSU.2022.63.4.010. – EDN HIPWAY.
7. Колкер Я.М., Устинова Е.С. Как сделать высказывание точным и выразительным: теория и практика обучения говорению на иностранном языке. М.: Научная книга, 2009. – 352 с. – ISBN 978-5-91393-055-02
8. Колкер Я.М., Устинова Е.С. О неявных проявлениях поэтической функции: переводческий взгляд // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №3. С. 34—53. doi: 10.5922/2225–5346-2021-3-3.
9. Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода. – М.: Гуманитарий, 2014. – 497 с.
10. Марьяновская Е.Л. Репрезентативность звукового оформления художественного произведения как переводческая проблема / Е.Л. Марьяновская // Иностранные языки в высшей школе. – 2016. – № 4(39). – С. 64–69. – EDN XHDOLV.
11. Марьяновская Е.Л. Предпереводческий анализ как инструмент обучения художественному переводу: учеб.-метод. пособие / Е.Л. Марьяновская. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. — 116 с.
12. Рубцова Ю.Ю. Обучения экспрессивной письменной речи на младших курсах языкового вуза: дис. . . . канд. Пед. Наук: 5.8.2. Рязань, 2023. – 285 с.
13. Сковородников А.П. Выразительность речи / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; под редакцией А.П. Сковородникова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 83–84. – EDN URETIB.
14. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь [электронный ресурс] / Г.Г. Хазагеров. — 2-е изд., стереотип. — М.: ФЛИНТА, 2011. — 432 с.
15. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. Структурализм: "за" и "против". М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
16. Nord C. Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. 2nd revised edition. Amsterdam-New York: Rodopi, 2005. 284 p.

© Марьяновская Елена Леонидовна (e.maryanovskaya@rsu-rzn.ru), Калягин Данила Константинович (d.kalyagin7@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.26

МАТЕРИНСКОЕ НАКАЗАНИЕ В ВОСПИТАНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МАЛЬЧИКА-ПОДРОСТКА: ВЗГЛЯД СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

MATERNAL PUNISHMENT IN THE UPBRINGING OF A MODERN RUSSIAN TEENAGE BOY: THE VIEW OF UNIVERSITY STUDENTS

T. Mortina
S. Zavrazhin

Summary: The article examines the view of university students on maternal punishment in relation to a modern Russian teenage boy. Objectives: to characterize the views of researchers on the problem of maternal punishment in general and adolescent boys; to conduct a survey among students about research; to analyze the results and draw conclusions. Methods: analysis of scientific literature, questionnaire, analysis, synthesis, generalization. In the course of the work, the authors come to the conclusion that, in the opinion of university students, maternal punishment is one of the ways of educational influence, the main purpose of which, in the opinion of students, is to prepare their son for an independent life, the desire to teach responsibility, and, in the opinion of students, to ensure his present and future safety in communications.

Keywords: punishment, maternal punishment, upbringing, child, teenager, family, university students.

Мортина Татьяна Николаевна
старший преподаватель,
Муромский институт (филиал), ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
TanushkaLarina@ya.ru
Завражин Сергей Александрович
доктор педагогических наук, профессор,
ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет м. А.Г. и Н.Г. Столетовых
zavragin-sa@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается взгляд студентов вузов на материнское наказание в отношении современного российского мальчика-подростка. Задачи: охарактеризовать взгляды исследователей на проблему материнского наказания как в целом, так и, в частности, мальчиков-подростков; провести анкетирование среди студентов по предмету исследования; проанализировать полученные результаты и сделать выводы. Методы: анализ научной литературы, анкетирование, анализ, синтез, обобщение. В ходе работы авторы приходят к выводу, что, на взгляд студентов вузов, материнское наказание является одним из способов воспитательного воздействия, основной целью которого, по мнению студенток, является, подготовка сына к самостоятельной жизни, стремление научить ответственности, а по мнению студентов – обеспечение его настоящей и будущей безопасности в коммуникациях.

Ключевые слова: наказание, материнское наказание, воспитание, ребенок, подросток, семья, студенты вуза.

Считается, что семья играет первостепенную роль в становлении личности ребенка по крайней мере до периода пубертата, когда конкурентом семьи в процессе социализации становится группа сверстников. В структуре семейного воспитания особое место занимают взаимоотношения «родитель-ребенок» (мать-сын, отец-дочь и т.д.).

Согласно позиции социолога Т.А. Гурко, в русском православии с семейным воспитанием традиционно связано именно материнство, а не отцовство. Автор утверждает, что сын на психологическом уровне испытывает большую привязанность к матери, чем к отцу и соответственно, мать ближе к сыну [1, с. 22].

А.Д. Сокольникова отмечает, что еще с давних времен ключевая роль в воспитательном процессе отводилась именно матери. Ее образ был зачастую связан с проявлением искренней, теплой родительской любви и заботы. Помимо «ласки», одним из распространенных воспитательных методов в русской культуре было наказание, которое могло быть как словесное, так и телесное [9, с. 338]. Подобную точку зрения подтверждают такие выражения, как например: дать (насыпать) ремня или выпороть (наказать поркой) и др. В русской традиционной культуре, по мнению А.Д. Сокольниковой, наказание детей являлось неотъемлемой частью воспитательного процесса, который выполнял функцию подготовки ребенка к взрослой жизни [9, с. 347-348].

Наказательные практики в отношении детей до сих пор являются предметом дискуссионного внимания представителей гуманитарного знания. Так, с позиций педагогической науки А.Е. Щеглова усматривает в наказании способ воспитательного воздействия, рассчитанный на осуждение действий и поступков, противоречащих социальным регулятивам. Назначением наказания, указывает автор, является коррекция поведения детей и подростков в определенных сложных ситуациях. Наказание, по её мысли – это негативное вспомогательное воспитательное воздействие, которое не всегда приносит положительный результат [12, с. 11]. Оно способно

вызвать у ребенка чувство неудовлетворенности, дискомфорта, стыда.

А.Е. Щеглова указывает, что использование наказания в семейной практике часто носит стихийный характер, без учета каких-либо требований и правил. В ряде случаев встречаются примеры жестокого обращения с детьми, их унижения и запугивания [12, с. 3].

О.Л. Зверева и Л.Ю. Культина рассматривают феномен наказания с разных сторон. С деструктивной точки зрения, наказания (физические, вербальные и др.) могут вызвать у ребенка беспокойство, чувство эмоционального дискомфорта, вины и стыда, реакцию ярости и страха, дети становятся грубыми, и будут использовать в своем лексиконе тот тип выражений, который они услышали от взрослых. Физическое наказание, по словам авторов, является самым слабым средством подавления у детей нежелательных поступков [2, с. 26–31].

Наказания, констатируют О.Л. Зверева и Л.Ю. Культина, могут нести и положительное воздействие на воспитательный процесс детей и подростков. К таким наказаниям авторы относят: внушительно сделанное замечание, серьезный и строгий выговор (разговор о недопустимости плохого поведения), лишение удовольствий (только того, без чего действительно можно обойтись) и др. Главным условием применения данных мер является способность ребенка осознать справедливость наказания.

Такие конструктивные наказания, полагают О.Л. Зверева и Л.Ю. Культина, обычно воспринимаются детьми как заслуженные и воспитывают у них ответственное отношение к своим поступкам. Необходимо, пишут авторы, чтобы ребенок всегда понимал смысл требований родителей, чтобы они были обоснованы. Очень важно найти правильную интонацию в разговоре с детьми, в советах и указаниях [2, с. 32–34].

В основном негативную роль атрибутируют наказаниям М.И. Андросова и Л.И. Афанасьева. Они указывают, что, если к детям применяются физические наказания, у них значительно возрастает риск стать циничными, агрессивными, жестокими.

На взгляд авторов, в семье, где у матери не хватает выдержки, самообладания для осуществления последовательной воспитательной тактики, часто возникают резкие эмоциональные перепады в отношениях с детьми – наказания, слезы, ругань, что приводит к потере родительского авторитета. Подросток становится неуправляемым, непредсказуемым, пренебрегает мнением старших, родителей [7, с. 49–50].

С.В. Шик доказывает, что наказания детей и подростков, могут привести к частой лжи, кризису доверия, взваливанию вины на других, безответственности, робости, боязни, низкой самооценке, стремлении отомстить, вымещении озлобленности на младших, беззащитных, трусливости, ябедничеству и другим последствиям [11, с. 66].

В психологическом дискурсе часто встречается мнение, что директивные родители, как правило, применяют метод наказания с целью принуждения ребенка к послушанию для удовлетворения чувства власти и доминирования. Это в свою очередь формирует огромный потенциал для ненависти, которая находит разрядку вне родительского дома, как только представится первая возможность бегства из него [4, с. 298–303].

Согласно представлениям Л.Г. Лаптева и А.В. Прялухиной, в виде наказаний ребенка могут выступать применение силы/власти (физическое наказание, критика, угрозы, лишение материальных благ), лишение любви (воздержание от проявлений привязанностей) и др. [3, с. 13].

Е.М. Марич, рассматривая материнскую стратегию воспитания ребенка в неполной семье, подчеркивает, что при воспитании мальчика мать «замыкает» его на себе, ищет в нем эмоциональную («мужскую») поддержку и в то же время ориентирована на формирование в сыне феминных качеств [6, с. 4].

Мать, по мнению автора, при реализации своей воспитательной стратегии осуществляет, в отличие от отца, разнообразные виды наказаний от постановки в угол до физических воздействий [6, с. 13]. Она, применяя наказания, апеллирует необходимостью соблюдения ребенком правил, принятых в семье и обществе. Характерно, что осуществление подобной стратегии нередко наталкивается на сопротивление со стороны ребенка, что вызывает у матери негативные эмоциональные переживания: она нервничает и раздражается.

Мать, наказывая сына, ставит под угрозу его позитивные коммуникации с другими членами семьи, бессознательно игнорирует возможность разрыва межличностных отношений с ребенком. Подобная стратегия строится на культивировании тесной аффективной симбиотической связи «мать – ребенок» [6, с. 14].

К основным причинам неконструктивных материнских наказаний А.В. Саночкина относит низкий уровень развития самосознания матери, а именно в когнитивном компоненте (эгоцентризм, незрелость материнской позиции, искаженные представления о целях и задачах материнской деятельности), в эмоциональном (отрицание проблем, условное принятие ребенка, отсутствие ориентации на эмоционально близкие отношения с ним

и др.), в поведенческом (ригидность материнской позиции, чрезмерная строгость и требовательность к ребенку, применение непоследовательных и конфликтных мер, и др.) [8, с. 9].

Непродуктивные материнские наказания автор дифференцирует на физические (удары, шлепки, пинки и пр.), психологические (угрозы, крики, игнорирование и др.), включает сюда эмоциональное, сексуальное насилие, пренебрежение нуждами ребенка и др. Такого рода наказание имеет свою цель - установление власти над ребенком и/или удовлетворение матерью своих эгоцентрических потребностей [8, с. 12–13].

О.В. Максименко убеждает, что многочисленные материнские наказания способны негативно сказаться на удовлетворении потребностей ребенка, а это, в свою очередь, искажает формирование его личности, уменьшает адаптивные возможности, вызывает у детей агрессивные реакции [5, с. 3].

Т.Г. Шалимова предполагает, что деструктивное материнское наказание может привести к искалеченной личности ребенка в самом начале ее формирования, лишая её перспективы духовно-нравственного роста, т. к. ребенок уже с детства начинает усваивать квазиценности, и в силу усвоенного опыта не видит иных способов общения и решения проблем как с помощью манипуляций [10, с. 20].

Таким образом, материнское наказание в современном гуманитарном знании представляет собой такое педагогическое воздействие, целью которого является коррекция поведения детей и подростков, противоречащего социальным нормативам, а также принуждение их к послушанию и удовлетворению властных установок. Основными видами неконструктивного материнского наказания являются: эмоциональные (психологические) наказания – угрозы, обиды, игнорирование, лишение любви и др.; вербальные – крики, оскорбления, критика и др.; физические (телесные) – удары, шлепки, пинки, постановка в угол, сексуальное насилие и др.; наказание лишением благ (материальных и предметных). Подобное материнское наказание способно разрушить здоровую межличностную связь матери с сыном, искажает духовно-нравственное, эмоциональное, умственное развитие, а подросток, часто подвергающийся материнскому наказанию, копирует данный способ общения и начинает проявлять агрессию, как к родителям, так и к сверстникам. В таком случае он становится предрасположенным к девиантному стилю поведения.

С целью прояснения взгляда студентов вузов на сущность материнского наказания, особенности его проекции в отношении мальчиков-подростков нами было проведено анкетирование в Муромском филиале ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых» (МИВлГУ). Выборку составили 60 обучающихся, по 30 представителей мужского и женского пола в возрасте от 17 до 20 лет. Использовалась разработанная авторами анкета.

В ходе опроса было выявлено, что наказание в понимании студентов – это:

- мера воспитания, применяемая родителями в отношении ребенка с целью формирования нормативного поведения – 53%;
- ограничение в чем-либо, лишение каких-либо благ – 40%;
- своего рода санкция со стороны взрослых в отношении ребенка – 5%;
- ответ родителей на неправильное поведение ребенка – 2%.

Респонденты считают, что скорее всего наказания стоит ожидать именно от матери - 45%, т. к. она более трепетно относится к своему ребенку и более эмоциональна, 28% считают, что от обоих родителей в равной мере, 23% - от отца.

На вопрос, *«Какие, на Ваш взгляд, наказания можно отнести к конструктивным, а какие к деструктивным?»*, мнение опрошенных распределилось следующим образом (Таблица 1).

Таблица 1.

Виды конструктивных и деструктивных наказаний по мнению студентов вузов.

Конструктивные наказания	Деструктивные наказания
– возложение дополнительных обязанностей по дому; – наказание трудом; – лишение прогулки с друзьями; – спокойная, конструктивная беседа о том, что «так» делать нельзя; – разговор об определенном поступке с рациональными аргументами в его нецелесообразности	– лишение каких-либо благ (телефон, интернет, карманные деньги и прочее); – физические наказания (шлепки, подзатыльники и др.); – эмоциональное наказание (игнорирование, бойкот); – осуждение и сравнение с другими, как образцами нормативного поведения; – повышение голоса, крики, угрозы; – манипуляции

Судя по ответам, большинство протестированных (45%) встречались с материнским наказанием (20% студенток и 25% студентов), 40% очень редко подвергались материнскому наказанию (20% студенток и 20% студентов), 10% никогда не наказывали (5% студенток и 5% студентов), 5%, а именно только представительницы женского пола, ответили да, довольно часто.

По мнению опрошенных, вероятными причинами

материнского наказания в отношении сына-подростка могут быть:

- его асоциальное поведение – 38%;
- из-за того, что грубил или спорил – 13%;
- из-за проблем с поведением вне дома (в школе, на улице) – 12%;
- из-за того, что нарушил договоренности (опоздал, не предупредил, где он находится и др.) – 10%;
- из-за учебы (плохие отметки, невыполненные уроки и т. д.) – 7%;
- из-за беспорядка в комнате или невыполнения домашних обязанностей – 5%;
- 15% считают, что мать может наказать сына-подростка за все вышеперечисленные причины вместе взятые.

Первичными целями материнского наказания в отношении сына-подростка, по словам студентов вузов, являются: подготовить его к взрослой жизни, научить ответственности – 48%; обеспечение его настоящей и будущей безопасности в коммуникациях – 25%; добиться его послушания и соблюдения правил – 20%; вызвать у него чувство вины и раскаяния – 3%; по 2% - показать свою любовь через заботу и ограничения, а также власть и главенствующую позицию родителя.

Основными методами материнского наказания сына-подростка, реципиенты считают:

- вербальное осуждение (серьезный разговор в спокойном тоне, порицание, выговор) – 47%;
- лишение каких-либо благ (телефон, интернет, прогулки с друзьями, карманные деньги и прочее) – 28%;
- повышение голоса, крик – 18%;
- возложение дополнительных обязанностей по дому – 5%;
- игнорирование – 2%.

Наибольшей эффективностью из вышеперечисленных методов студенты наделяют вербальное осуждение (серьезный разговор в спокойном тоне, порицание, выговор) – 53% (из них 32% - студентки, 21% – студенты). А среди деструктивных методов наказания опрошенные особо выделили физические (шлепки, пенки, подзатыльники и др.) – 47% (25% – студенты, 22% – студентки).

На вопрос «Как, по Вашему мнению, может реагировать подросток на материнское наказание?», 57% ответили – принимать его как заслуженное, задуматься о своем поведении, 32% – злиться, грубить, вступать в конфликт, 6% – замкнуться в себе, уйти от общения; 3% – искать поддержки у других членов семьи, 2% – стараться побыстрее всё забыть.

62% студентов считают, что из-за материнских наказаний могут испортиться отношения между матерью и сыном, 18% отметили, что нет, не изменятся, потому что наказания – естественная часть жизни.

На вопрос «*Считаете ли Вы материнское наказание неотъемлемой частью воспитательного процесса?*» – 55% респондентов ответили: скорее да, но только в крайних случаях (30% студенток и 25% студентов); 22% считают, что скорее нет, есть более действенные методы (10% студенток и 12% студентов); 13% – да, это эффективный метод (5% студенток и 8% студентов); 8% – нет, я противник любых наказаний (3% студенток и 5% студентов); 2% затруднились ответить.

Основными последствиями для матери, применяющей наказания, адресованные сыну-подростку, по мнению опрошенных, являются:

- эмоциональное отдаление сына – 43%;
- непонимание и конфликты из-за разных систем ценностей – 15%;
- дисбаланс в семье – 15%;
- внутренний конфликт и чувство вины со стороны матери – 12%;
- грубость и протест против любых правил – 10%;
- чувство потери контроля – 3%;
- страх потерять авторитет из-за вседозволенности – 2%.

На вопрос «*Как, по Вашему мнению, материнское наказание способно повлиять на формирование мужественности подростка?*» ответы распределились следующим образом: зависит от методов наказания: грубые (физические) методы – ломают, а справедливые (гуманные) – воспитывают – 42%; помогает усвоить важные моральные принципы, что является частью взросления – 25%; не оказывает прямого влияния на мужественность – 12%; подрывает ее, делает подростка более зависимым – 8%.

Основными мерами по предотвращению деструктивных наказаний в семье студенты считают: повышение педагогической грамотности родителей в вопросах воспитания детей – 45%, психологическая поддержка семьи – 30%, осознанное понимание детьми их прав и обязанностей – 12%, ужесточение административной и уголовной ответственности за наказания ребенка – 10%, негативное отношение общества к родительским наказаниям – 3%.

Таким образом, исследование показало, что студенты вузов (особенно представительницы женского пола) допускают материнское наказание в отношении сына-подростка, но при том условии, что оно будет конструктивным, способствующим духовному, душевному и телесному здоровью растущей личности, а не искажающим его позитивное развитие. Наказание, по мнению студентов – это, в первую очередь, мера воспитания, применя-

емая родителями в отношении ребенка с целью формирования нормативного поведения, а также своего рода ограничение в чем-либо за неправильный проступок.

Подавляющее большинство студентов сами испытывали материнское наказание. Оно, по их мнению, имеет небольшие различия, по сравнению с отцовским, а именно, мать – более эмоциональна и более трепетно относится к своему ребенку, переживает за него, пытается подготовить его к взрослой жизни и научить ответственности, поэтому и наказывает.

Основными причинами материнского наказания сына-подростка являются: его асоциальное поведение, нарушение договоренности (опоздал, не предупредил, где он находится и др.), из-за учебы (плохие отметки, невыполненные уроки и т.д.), беспорядка в комнате или невыполнения домашних обязанностей и др.

Мать, наказывая сына, использует следующие методы наказания: вербальное осуждение (серьезный разговор в спокойном тоне, порицание, выговор), лишение каких-либо благ (телефон, интернет, прогулки с друзьями, карманные деньги и прочее), повышение голоса, крик, возложение дополнительных обязанностей по дому, игнорирование и др. Данные методы, по мнению студентов, являются неотъемлемой частью воспитательного процесса, которые могут быть как конструктивными, так и деструктивными. К конструктивным относятся: возложение дополнительных обязанностей по дому, наказание трудом, лишение прогулки с друзьями, спокойная, конструктивная беседа о том, что «так» делать нельзя, разговор об определенном поступке с объяснениями и др. К деструктивным - лишение каких-либо благ (телефон, интернет, карманные деньги и прочее), физические (шлепки, подзатыльники и др.) и эмоциональные наказания (игнорирование, бойкот), осуждение и сравнение с другими, как образцами нормативного поведения, повышение голоса, крики, угрозы, манипуляции и др.

Деструктивные методы материнского наказания могут привести к следующим последствиям: эмоциональное отдаление сына, непонимание и конфликт из-за разных ценностей, дисбаланс в семье, внутриличностный конфликт, чувство вины, страха, потери контроля у матери.

Профилактика деструктивных наказаний, по мнению респондентов, должна основываться на повышении педагогической грамотности родителей в вопросах воспитания детей, психологической поддержке семьи, осознанном понимании детьми их прав и обязанностей, ужесточении административной и уголовной ответственности за наказания, унижающие честь и достоинство ребенка, негативном отношении общества к такого рода родительским наказаниям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурко Т.А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореферат дис. … доктора социологических наук: 22.00.04 / М., 2008. – 48 с.
2. Зверева О.Л. Воспитание детей раннего и дошкольного возраста в семье: учебно-методическое пособие / О.Л. Зверева, Л.Ю. Культина // Москва. Московский педагогический государственный университет, 2018. – 108 с.
3. Лаптев Л.Г. Социально-психологические факторы дезадаптивного поведения несовершеннолетних / Л.Г. Лаптев, А.В. Прялухина // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2010. – № 3 (79). – С. 12–16.
4. Лопес Гильермо О.В. Наказание за непослушание как форма ненадлежащего родительства / О.В. Лопес Гильермо // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2005. – Т. 5. - № 11. – С. 295–305.
5. Максименко О.В. Исследование зависимости потребностей ребёнка старшего дошкольного возраста от материнского
6. отношения: автореферат дис. … кандидата психологических наук: 19.00.13 / Тамбов, 2003. – 20 с.
7. Марич Е.М. Воспитательные стратегии родителей как детерминанта эмоционального самочувствия дошкольников в семье: автореферат дис. … кандидата психологических наук: 19.00.07 / М., 2003. – 24 с.
8. Педагогика семьи: Учебное пособие / М.И. Андросова, Л.И. Афанасьева. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2019. – 93 с.
9. Саночкина А.В. Особенности самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку: автореферат дис. … кандидата психологических наук: 5.3.1 / Челябинск, 2024. – 27 с.
10. Сокольникова А.Д. Отношения родителей и детей в устойчивых выражениях псковских говоров / А.Д. Сокольникова // Языковое, литературное и историческое наследие народов Республики Беларусь и Российской Федерации: Сборник научных статей Молодежной научной конференции, Псков, 14–15 ноября 2022 года / Под редакцией Н.В. Большаковой, М.И. Муратовой, Т.Г. Хришкевич. – Псков: Общество с ограниченной ответственностью "Логос", 2022. – С. 334–352.
11. Шалимова Т.Г. Насилие и ненасилие в условиях
12. деполяризации гендерных идеалов: автореферат. дис. … кандидата философских наук: 09.00.05 / Саранск, 2004. – 23 с.
13. Шик С.В. Просвещение и обучение родителей детей и подростков: психолого-педагогический аспект / С.В. Шик. – Красноярск: Красноярский государ-

ственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2020. – 172 с.
14. Щеглова А.Е. Эволюция поощрения и наказания в истории зарубежной педагогической мысли: автореферат дис. … кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Ульяновск, 2010. - 24 с.

© Мортина Татьяна Николаевна (TanushkaLarina@ya.ru), Завражин Сергей Александрович (zavragin-sa@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.28

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ КОММУНИКАЦИИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

NON-VERBAL COMMUNICATION AS AN ELEMENT OF DEVELOPING COMMUNICATION SKILLS WITH MANAGERS-TO-BE WHILE FOREIGN LANGUAGE TRAINING

E. Mukhortova

Summary: The article deals with the problems of training prospective managers in non-verbal communication on the discipline "Foreign language in the professional sphere". It is proved that manager's ignorance of non-verbal communication peculiarities can negatively affect the results of business activities. Some samples of using body language in the course of intercultural communication are given. It is concluded that teaching the elements of non-verbal communication while foreign language training is demanded in current education. Some pedagogical conditions are proposed, the fulfillment of which contributes to the achievement of the goal – training a competitive manager.

Keywords: training managerial personnel, non-verbal communication, foreign language training.

Мухортова Елена Александровна
Старший преподаватель, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва
Emuhortova@fa.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы обучения будущих менеджеров невербальному общению на занятиях по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной сфере». Доказывается, что незнание менеджером особенностей невербального общения может отрицательным образом повлиять на результаты деловых встреч. Приводятся примеры использования языка тела в ходе межкультурной коммуникации. Делается вывод о необходимости обучения элементам невербального общения во время практических занятий по иностранному языку. Предлагается ряд педагогических условий, выполнение которых способствует достижению поставленной цели по подготовке конкурентоспособного менеджера.

Ключевые слова: подготовка управленческих кадров, невербальное общение, обучение иностранному языку.

Система современного высшего образования в России призвана обучить выпускника бакалавриата различным компетенциям: универсальным (УК) и профессиональным (ПК). Без высокообразованных менеджеров экономика страны не может быть конкурентоспособной, особенно в период развития технологий, благодаря которым страны способны сделать прорыв и выйти на лидирующие позиции [1]. Программа бакалавриата ориентирована на решение социальных задач, главная из которых - формирование и развитие у обучающихся личностных и профессиональных качеств, позволяющих обеспечить требования образовательных стандартов. Говоря о подготовке специалистов в области менеджмента, следует особое внимание уделять задачам, которые поставлены перед профессорско-преподавательским составом, обеспечивающим подготовку будущих профессионалов управленческой сферы деятельности: реализация студентоцентрированного подхода к процессу обучения, формирование индивидуальных траекторий обучения, а также реализация компетентностного подхода к процессу обучения. В этой связи в программах подготовки по специальности 38.03.02 Менеджмент подчеркивают, что управленческий тип решения задач профессиональной деятельности базируется на организации коммуникации как внутри группы (коллектива), так и вовне, выявлении круга заинтересованных лиц (стейкхолдеров), готовности вести переговоры и принимать в них участие. Универсальные компетенции, которые должны быть развиты у выпускника-менеджера (УК-1 карты компетенций), включают «способность к восприятию межкультурного разнообразия общества, в социально-историческом, этическом и философских контекстах, анализу и мировоззренческой оценке происходящих процессов и закономерностей».

Классификацией компетенций менеджера занимались и продолжают заниматься педагоги, ученые, бизнес-практики [2], [3]. Все они отмечают, что умение специалистов управленческой сферы деятельности вступать в коммуникацию является неотъемлемым навыков состоявшегося профессионала. Где же в системе подготовки управленческих кадров студентов учат этой способности к общению? Учебный план по образовательной программе «Управление бизнесом» включает в себя всего несколько дисциплин, которые помогают студентам в формировании и развитии навыков общения в

их профессиональной сфере. Это такие дисциплины, как «Этика бизнеса и взаимодействие со стейкхолдерами» (180 часов), «Навыки устной и письменной коммуникации» (108 часов), «Иностранный язык» (288 часов, 1-2 курс) и «Иностранный язык в профессиональной сфере» (180 часов, старшие курсы). На две последние дисциплины в совокупности выделяется больше аудиторных часов чтобы развить универсальные компетенции, чем на другие предметы учебного цикла смежных областей. В этой связи целесообразно учить студентов не только вербальной коммуникации на иностранном языке, но и давать основы невербального общения, которое становится все более востребованным в деловой среде, о чем свидетельствуют многочисленные публикации как иностранных ([4], [5]), так и российских авторов ([6], [7]).

Исторически невербальный вид общения преобладал до появления речи. Это объясняет, почему до сих пор мимика, жесты, движение тела могут либо заменить речь, либо разнообразить её [8, с.397], [9]. В современном мире особое внимание при обучении студентов языку специальности стоит уделять особенностям невербального общения в мультикультурной или кросскультурной среде [10]. Зачастую одни и те же знаки, жесты, прикосновения могут иметь совершенно разное значение и интерпретироваться по-разному в европейских, африканских, азиатских культурах. Знать и уважать правила этикета, принятые в других странах, - задача хорошо подготовленного менеджера. Но где и когда этому можно научить студента-будущего управленца? Думается, что в большей степени это способны сделать преподаватели иностранного языка на своих занятиях, поскольку они учат не только вербальным формам взаимодействия, но и общению с представителями других культур.

Лингвокультурология – довольно молодая отрасль языкознания (годом ее формирование в отдельную дисциплину считается 1964г., когда в журнале «Этнография речи» были напечатаны материалы ведущих исследователей того времени – Лабова (V. Labov), Холла (E.T. Hall), Хаймса (D.H. Hymes)). Отечественные ученые XX века, такие как А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачёв и другие, тоже уделяли большое внимание лингвокультурологии в своих работах. Аспекты этой научной дисциплины попрежнему отражаются в трудах современных педагогов и исследователей [11], при этом особое внимание уделяется проявлениям культуры народа в языке (вербальном и невербальном), таким, как разница в отношении к пунктуальности (или ее отсутствие), иерархии подчинения в команде, уровню контекстуальности коммуникации [12].

К чему может привести отсутствие знаний в области межкультурных особенностей со стороны менеджера? Во-первых, он(а) будет совершать ошибки не только в ходе обычной коммуникации со стейкхолдерами из других стран, но и во время ведения переговоров. Во-вторых, незнание культурной специфики может повлиять на уровень доверия и адаптации в новых реалиях (например, во время деловых командировок). В-третьих, при отсутствии преемственности в компании (например, программ наставничества более опытных сотрудников над молодыми менеджерами) международное партнерство, которое выстраивалось годами, может быть легко разрушено.

На занятиях по иностранному языку важно обсуждать со студентами характерные особенности в поведении представителей высококонтекстуального и низкоконтекстуального типа культур в ходе делового общения [13]. Педагоги-практики предлагают вводить в канву семинарских занятий «задания, которые способны развивать у студентов поли-, мультикультурные навыки общения в их дальнейшей профессиональной деятельности» [14]. Многие из них включают в себя и невербальные формы общения в ходе эффективных коммуникаций при обучении специалистов экономических видов деятельности [15]. Со студентами, которые проявляют лидерские качества, особенно полезно будет отработать на практике кейс-стади, раскрывающие особенности корпоративной культуры, и то, как язык тела может помочь (или навредить) будущему руководителю высшего звена [16]. Такие активные формы обучения дают не только хорошие результаты, мотивируя студентов к изучению иностранного языка, но и помогают снимать напряжение в непривычных для вчерашних выпускников ситуациях, поскольку дают практические методы считывания информации через невербальные проявления аспектов коммуникации в разных культурах.

Невозможно обойти вниманием проблему согласованности и преемственности рабочих программ учебных дисциплин гуманитарного цикла. Эффективность обучения будет достигаться в том случае, когда преподаватели знакомы с темами, поднимаемыми во время лекций и изучаемыми во время семинарских занятий своих коллег. В этой связи кажется целесообразным проводить методические совещания по выработке стратегии и межкафедральному планированию учебного процесса. Тогда участникам можно будет избежать дублирования отдельных тем, а также вводить практику полученных теоретических знаний во время семинарских занятий на иностранном языке (объединяя вербальные и невербальные формы коммуникации).

К чему же должны быть готовы менеджеры после окончания бакалавриата, если они устраиваются на работу в фирмы, где есть необходимость контактировать с иностранными стейкхолдерами? Во-первых, это знания в области использования таких форм невербального общения, как движения тела. То, как люди держат себя, стоят, сидят и ходят, сильно влияет на их невербальные

посылы: 1) отношение к другому человеку (мягкое, располагающее, или, наоборот, жесткое и резкое); 2) эмоциональное состояние (радости, недоумения, разочарования, переживания и т.д.); 3) желание контролировать свое окружение (например, движение подойти ближе к собеседнику сигнализирует о желании поговорить с ним или с ней).

Ученые предполагают, что люди могут демонстрировать до 700000 различных физических знаков. Осанка и манера сидеть позволяют понять глубинную структуру культуры. Так, например, в Японии и других азиатских культурах поклон — это нечто большее, чем просто приветствие. Он означает, что человек, склонившийся в поклоне, заботится о статусе и ранге собеседника. В Японии низкий поклон является показателем уважения. В некоторых странах (например, в Германии и Швеции), где образ жизни более формальный, сутулость человека считается признаком плохих манер и неуверенности в себе. В Бельгии засовывание рук в карманы является признаком неуважения. Культуры также различаются по ориентации тела, которую они принимают в пространстве во время общения. Например, арабы почти всегда демонстрируют очень прямую ориентацию тела (прямая спина и чуть вытянутая шея). Китайцы, напротив, чувствуют себя неуютно, вытянувшись в струнку, и обычно общаются в слегка склоненной позе.

По выражению лица также можно многое сказать о человеке в бизнесе. Шесть общекультурных и универсальных выражений лица – это счастье, печаль, страх, гнев, недоверие и удивление. Несмотря на биологическую природу мимики, в культуре существует четкое представление о том, когда демонстрация эмоций уместна или нет. Культурные нормы часто диктуют, когда, как и кому демонстрировать выражение лица во время деловых встреч. Во многих средиземноморских культурах люди преувеличивают признаки горя или печали. В этом регионе нередко можно увидеть плачущих на публике мужчин. Однако в США белые мужчины подавляют желание проявлять подобные эмоции. Японские мужчины даже чаще, чем американские, скрывают выражение гнева, печали или отвращения, пытаются улыбаться, даже если обстановка не всегда соответствует такому эмоциональному проявлению личности. Вообще, улыбка — это еще один элемент, связанный с культурой человека. Физиологи утверждают, что каждый человек с рождения умеет улыбаться. Однако количество улыбок, стимул, вызывающий улыбку, и даже то, что улыбка передает, часто отличаются в разных культурах. В Америке, например, улыбка может быть признаком удовлетворения, счастья или дружеского отношения, поэтому люди довольно регулярно улыбаются во время повседневного или делового общения. В немецкой культуре улыбка используется с гораздо большей осторожностью. Как правило, немцы улыбаются только тем людям, которых они знают и которые им действительно нравятся. В японской культуре улыбка может маскировать истинные эмоции или использоваться чтобы избежать ответа на вопрос. Люди с более низким статусом в Японии также могут использовать улыбку, чтобы обозначить согласие с приказом или распоряжением, или с мнением человека, отдающего приказ. В корейской культуре если человек сделал ошибку или оказался в неловкой ситуации, он может улыбнуться, чтобы не выглядеть слабым. Довольно часто в Южной Корее люди улыбаются, а не говорят слово «прости», для них это обычная практика. Однако, существуют страны, где улыбка вызывает проблемы. Например, в Индонезии если человек улыбнулся, обнажив зубы, это свидетельствует о его агрессии по отношению к говорящему. Мир становится все более мобильным, поэтому деловые контакты менеджеров могут завязаться с представителями любой страны. Не попасть впросак в ходе коммуникации — это то, чему непременно нужно учить будущих управленцев.

Жесты играют еще большую роль в ходе делового общения, и к этому будущим выпускникам управленческих специальностей тоже нужно быть готовым. В США очень распространенным жестом является указание (американцы любят показывать на предметы и людей указательным пальцем), немцы указывают мизинцем, а японцы - всей рукой, ладонями вверх. В большинстве стран Азии указывать указательным пальцем на человека считается невежливым. В Аргентине жест с подкручиванием воображаемых усов считывается как знак того, что все «в порядке». В США большой и указательный пальцы, вытянутые в круг, символизируют слово «ОК» (все хорошо), в Японии и Корее - «деньги», а у арабов этот жест обычно сопровождается обнажением зубов, и вместе они означают крайнюю враждебность. Этот же жест для тунисца означает «Я убью тебя».

Довольно часто люди машут руками при общении друг с другом, и это также скрывает в себе культурные особенности. В США, когда человек хочет подозвать собеседника, он обычно делает жест одной рукой, ладонью вверх, пальцы более или менее сведены вместе и направлены к телу. Корейцы выражают это же намерение, сжимая руку ладонью вниз и вытягивая пальцы в сторону ладони. Увидев этот жест, многие американцы думают, что собеседник машет рукой на прощание. Многие арабы, протягивая правую руку ладонью вверх, открывая и закрывая ладонь, невербально просят кого-то «подойти». А в Испании, чтобы позвать кого-то, нужно вытянуть руки вперед, ладонью вниз, и сделать пальцами царапающее движение по направлению к телу.

Когда человек кивает, то он намерено обозначает согласие с точкой зрения собеседника в американской и европейской культуре. Но в других культурах это же движение может иметь разное значение. Среди азиатов, ко-

ренных американцев и жителей Ближнего Востока оно часто означает «слышу, что вы говорите». Это не означает, что слушатель понял сообщение, и вовсе не говорит о его согласии. Греки выражают «да» кивком, похожим на тот, что используется в США, но при выражении «нет» они откидывают голову назад и поднимают лицо. Поднятие одной или обеих рук к плечам сильно подчеркивает «нет».

Зрительный контакт и взгляд – то, без чего невозможно устное общение, ведение переговоров. Глаза - важный инструмент коммуникации в деловом мире, ведь количество сообщений, которые мы можем передать с помощью взгляда, практически безгранично. Вот некоторые слова, используемые для описания взгляда человека: прямой, чувственный, сардонический, выразительный, умный, проницательный, грустный, веселый, житейский, жесткий, доверительный, подозрительный. Глаза выполняют шесть важных коммуникативных функций: 1) указывают на степень привлекательности, интереса и возбуждения; 2) влияют на изменение отношения и убеждение; 3) регулируют взаимодействие; 4) передают эмоции; 5) определяют отношения власти и статуса; 6) играют центральную роль в управлении впечатлением.

Большинство людей в западных обществах ожидают, что человек, с которым они общаются, будет смотреть им в глаза. Но прямой контакт «глаза в глаза», привычный европейцу и американцу, может не использоваться как обычный элемент в некоторых странах. Во многих культурах прямой зрительный контакт является либо табу, либо оскорблением. В Японии продолжительный зрительный контакт считается грубым, угрожающим и неуважительным. Представители латиноамериканских и карибских культур также избегают зрительного контакта в знак уважения. Такая же реакция на зрительный контакт наблюдается и в Африке. В этих культурах установление зрительного контакта при общении с человеком, который старше по возрасту или имеет более высокий статус, считается признаком неуважения или даже агрессии. В Индии количество уместных зрительных контактов зависит от социального положения человека (люди разных социально-экономических классов избегают зрительного контакта друг с другом). В Египте вопрос заключается не в социальном статусе, а скорее в половой принадлежности. Незнакомые женщины и мужчины могут избегать зрительного контакта из скромности и уважения к религиозным правилам.

Сознательно и бессознательно, люди используют прикосновения из социальной вежливости, утешения, поддержки и контроля. В США люди учатся пожимать руку почти всем (при этом они должны быть уверены, что это крепкое пожатие), обнимать знакомых им людей. Достаточно посмотреть новости по телевизору или постоять в международном аэропорту, чтобы понять, что существуют значительные различия в том, как в разных культурах люди используют прикосновения, даже в простом акте приветствия или прощания. Мусульмане, в силу религиозных и социальных традиций, едят правой рукой, и воспринимают приветствие левой рукой как оскорбление. Об этом нужно знать левшам из других стран. Жители большей части Восточной Европы, Испании, Италии, Португалии и арабских стран целуются при встрече со своими друзьями. В Мексике объятия похлопывания по спине являются важной частью общения. В большинстве стран Юго-Восточной Азии люди не только избегают прикосновений при встрече, но и практически не вступают в физический контакт во время разговора. В Китае мужчины и женщины редко демонстрируют физическую привязанность на публике. В Японии не принято прикасаться к сослуживцам и коллегам. Все эти тонкости невербального общения можно развивать во время ролевых игр на занятиях по иностранному языку.

Кроме физических проявление эмоций, большую роль в разных культурах играет пространство и расстояние. Личное пространство – это та часть вселенной, которую человек занимает и называет «своим». Обычно индивид сам решает, кто может войти в его личное пространство, а кто нет. Реакции на вторжение могут проявляться по-разному: человек может отступить, встать, стоять на своем, а иногда даже реагировать агрессивно. Нужно учить студентов, что в ходе деловой коммуникации реакция на вторжение в лично пространство — это проявление не только уникальной личности, но и культурной среды. Использование человеком пространства напрямую связано с его системой ценностей. Культуры, в которых подчеркивают индивидуализм, обычно требуют больше пространства, чем коллективные культуры.

В рамках дисциплины «Этика бизнеса и взаимодействие со стейкхолдерами» студенты знакомятся с данными видами культуры: в коллективных культурах люди более взаимозависимы, они живут и работают в непосредственной близости друг от друга (Мексика, арабские культуры). В индивидуалистических культурах (например, в Германии) личное пространство священно.

Невербальные аспекты общения могут включать в себя и такой конструкт, как концепция времени. В большинстве западных культур время рассматривается в линейно-пространственных терминах. Человек бизнеса привязан ко времени, поскольку у него есть четкие расписания, распорядок встреч, списки дел, дедлайны. Немцы и швейцарцы осознают время даже больше, чем американцы. Поезда, самолеты и еда всегда должны быть вовремя. Во многих культурах это не так. Активность, а не часы, определяет действия. В большинстве языков коренных американцев, например, нет слов для обозначения секунд, минут или часов. Поэтому для американских индейцев, да и для многих других культур, опоздание —

это совсем другое чем для представителей доминирующей культуры. В Мексике ценится медленный темп, и не важно, что это будет - деловая встреча или визит к друзьям. А в Африке, где также ценится медленный темп, людей, которые спешат, подозревают в попытке обмануть.

Как видно из приведенных примеров невербального общения в разных культурах, диапазон приемлемого и неприемлемого очень широк в деловом мире. Безусловно, нарабатывая практический опыт, студенты научатся считывать невербальные посылы в ходе межкультурной коммуникации с представителями других культур, следовать принятым там нормам. Вместе с тем существует необходимость вводить теоретические основы в ходе обучения языку специальности, это поможет представителям российской управленческой элиты избежать многих ошибок в будущем.

Какие организационно-педагогические условия можно предложить на основе представленного материала? Во-первых, планировать практические занятия по иностранному языку на основе гуманитарно-ориентированной парадигмы российского образования и с опорой на важнейший аспект лингвокультурологии – раскрытие особенностей культуры человека через призму его вербальной и невербальной коммуникации. Во-вторых, внедрять практико-ориентированные методы и формы обучения дисциплине «Иностранный язык в профессиональной сфере». Для этого необходимо вовлекать студентов в самостоятельную исследовательскую работу и последующей коллаборацией с другими обучающимися или представителями реального сектора экономики (лекторы-практики). В-третьих, использовать активные формы обучения иностранному языку (например, дискуссии и дебаты, ролевые игры, поведенческое моделирование и т.д.). В-четвертых, осуществлять преемственность и интегративность учебного процесса, обучая с первого до последнего курса студентов бакалавриата особым формам коммуникации в деловой среде. В этой связи требуется коллаборация с преподавателями других кафедр и департаментов вуза. Дать студенту представление о культурных диверсификациях в ходе невербального общения, показать ценность разных культур, обучить диалоговому или полилоговому общению – вот основа профессиональной идентификации будущего менеджера в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шалина Д.С., Тихонов В.А., Степанова Н.Р. Совершенствование и трансформация образовательных программ подготовки современных менеджеров в условиях динамичной экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 6–1. С. 114–121. DOI 10.17513/vaael.2867.
2. Медведева Я.Я., Оглоблин В.А. Классификация компетенций менеджеров для повышения конкурентоспособности организаций в современных условиях // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 10–2(80). С. 41–45. DOI 10.24412/2411–0450-2021-10-2-41–45.
3. Илларионов Ю.Н. Профессиональная компетентность в современных условиях // Аудит. 2023. № 2. С. 63–64.
4. Burgoon J.K., Guerrero, L.K., Floyd K. (2016). Nonverbal Communication. Taylor and Francis, 2016. 509 p.
5. Andersen P.A. The Influence of Nonverbal Communication in Business. International Journal of Business Communication, 2007. - 44(2). - pp.122-144.
6. Коннова О.В., Смахтина Т.А. К вопросу о межкультурной коммуникации в сфере делового общения // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 3–2(117). С. 169–172. DOI 10.23670/IRJ.2022.117.3.072.
7. Юсупов И.А., Ахмадиева А.Ф. Вербальные и невербальные аспекты деловых коммуникаций // Вестник науки. 2024. Т. 3, № 12(81). С. 516–522.
8. Щербаева Л.А., Лаврентьева М.А., Гаевская И.И. Особенности невербального общения в бизнесе // Наукосфера. 2023. № 4–1. С. 396–399.
9. Mehrabian A. Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes (2nd ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 1981. 152p.
10. Tuleja E.A. Intercultural Communication for Business. SAGE Publications, 2017. 256p.
11. Валиева М.С. Лингвокультурология как особая научная дисциплина // Экономика и социум. 2022. № 5–1(96). С. 346–348.
12. Чэн Ч. Анализ влияния культурных различий на эффективность международной бизнес-коммуникации в условиях глобализации // Вопросы природопользования. 2024. Т. 3, № 8. С. 129–142. DOI 10.25726/f8184-4038–1649-r.
13. Ефимова Т.В., Сороколит О.Ю. Специфика коммуникативного процесса в переговорах с представителями азиатской и европейской культур // Russian Studies in Culture and Society. 2021. Т. 5, № 1. С. 16–29.
14. Манахова Е.Б. Разноплановые культурные аспекты в процессе профессионально ориентированного иноязычного обучения бакалавров неязыкового вуза // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6(91). С. 306–309. DOI 10.24412/1991–5497-2021-691-306-309.
15. Сочнева Е.Н. Исследование навыков эффективных коммуникаций у работников экономических видов деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 4. С. 53.
16. Goman C.K. The Silent Language of Leaders: How Body Language Can Help—or Hurt—How You Lead. Harvard Business Review, 2011. 290p.

© Мухортова Елена Александровна (Emuhortova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.29

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ И ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ И ИНЖЕНЕРНОЙ ГРАФИКИ В ВУЗАХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE USE OF TRADITIONAL AND DIGITAL TOOLS IN TEACHING DRAWING GEOMETRY AND ENGINEERING GRAPHICS IN UNIVERSITIES

A. Nikitin
M. Fedyashina
L. Guleva
S. Nikitina

Summary: The article is devoted to a comparative analysis of the effectiveness of traditional and modern digital methods of teaching descriptive geometry and engineering graphics in higher education institutions. The advantages and disadvantages of each approach are considered, trends in the development of the educational process are identified, and recommendations for optimizing teaching methods are proposed. Special attention is paid to the role of digital technologies in the context of distance learning when they become an indispensable tool for interaction between students and teachers. The problem of plagiarism related to the use of digital technologies and possible ways to overcome it are considered separately.

Keywords: descriptive geometry, engineering graphics, traditional teaching methods, modern educational technologies, distance learning, higher education, plagiarism.

Никитин Алексей Юрьевич
Доцент, Академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ
Alexniky30@gmail.com
Федяшина Марина Александровна
кандидат технических наук, доцент, Академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ
Marmar1210@mail.ru
Гулева Любовь Викторовна
старший преподаватель, Академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ
Lubagyleva@mail.ru
Никитина Светлана Александровна
кандидат технических наук, доцент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Sniki7@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу эффективности традиционных и современных цифровых методов преподавания начертательной геометрии и инженерной графики в высших учебных заведениях. Рассматриваются преимущества и недостатки каждого подхода, выявляются тенденции развития учебного процесса и предлагаются рекомендации по оптимизации методик преподавания дисциплины. Особое внимание уделено роли цифровых технологий в условиях дистанционного обучения, когда они становятся незаменимым инструментом взаимодействия студентов и преподавателей. Отдельно рассматривается проблема плагиата, связанная с использованием цифровых технологий, и возможные пути её преодоления.

Ключевые слова: начертательная геометрия, инженерная графика, традиционные методы обучения, современные образовательные технологии, дистанционное обучение, высшее образование, плагиат.

Введение

Начертательная геометрия и инженерная графика традиционно рассматриваются как фундаментальные дисциплины технического образования, поскольку именно они обеспечивают развитие пространственного воображения, формирование навыков построения и чтения чертежей и схем технических объектов. Исторически обучение по данным дисциплинам основывалось на применении классических бумажных чертежей, лекал, карандашей, циркуля и прочего чертежного инструмента. Этот подход издавна позволял обучающимся приобретать практические навыки, необходимые для выполнения графических построений, а также обеспечивал понимание основ геометрической теории и принципов получения изображений.

В настоящее время у определенной части преподавателей существует мнение, что «используемые ранее методы, эффективные в прошлом, в новых условиях теряют свою результативность, что требует внедрения комплексных методических решений» [2, с. 87]. Мы, как и ряд других исследователей, с таким утверждением не согласны. Безусловно, современные образовательные технологии необходимо активно использовать в учебном процессе. Но и отказываться от богатого наследия традиционных подходов к преподаванию инженерно-графических дисциплин не стоит ни в коем случае.

По данному вопросу аналогично высказываются многие преподаватели. «… умения выполнять чертежи, эскизы, схемы и другие изображения вручную с помощью чертёжных инструментов остаются важным компонентом профессиональной компетенции» [5, с. 148].

Вместе с активным развитием компьютерных технологий все большее распространение получают цифровые инструменты, такие как системы автоматизированного проектирования (САПР или CAD-программы), виртуальная реальность и интерактивные онлайн-курсы. Эти новые подходы позволяют значительно расширить возможности преподавателя, повысить качество обучения, сделать занятия более интересными и увлекательными для студентов, а также способствуют ускорению процессов формирования необходимых профессиональных компетенций.

Настоящее исследование направлено на проведение анализа преимуществ и недостатков традиционных и цифровых подходов к обучению начертательной геометрии и инженерной графике, выявление тенденций и закономерностей их применения, а также выработку рекомендаций по оптимальной интеграции двух подходов в рамках единого учебно-методического комплекса.

Особое внимание уделяется вопросам внедрения цифровых технологий в систему дистанционного обучения, поскольку цифровизация образовательной среды стала неотъемлемой частью повседневной практики многих университетов, особенно в условиях пандемии COVID-19 и последующих изменений в структуре высшего образования.

Методология исследования

Исследование проводилось комплексным подходом, включающим как качественные, так и количественные методы анализа. Для сбора первичной информации использовались анкеты и опросы, направленные на оценку отношения студентов и преподавателей к различным методикам преподавания.

Методы исследования включают:

1. **Анкетирование:** Студентам и преподавателям было предложено заполнить анкеты, содержащие вопросы о предпочтениях, восприятии традиционной и цифровой форм обучения, уровне удовлетворенности качеством учебного процесса и итоговым результатом изучения инженерно-графических дисциплин.
2. **Интервью:** Проведение индивидуальных бесед с представителями профессорско-преподавательского состава позволило собрать дополнительную информацию о практике применения различных методов преподавания и возможных проблемах, возникающих при переходе на цифровые формы обучения.

Полученные данные подверглись статистическому анализу с целью выявления значимых различий между группами, изучавшими предметы с применением традиционных и цифровых технологий.

Анализ исследований

Вопрос о сочетании традиционных и инновационных подходов в техническом образовании активно исследуется отечественными и зарубежными специалистами. «Важно сочетать вместе традиционные и компьютерные технологии. Компьютерных технологий должны упростить некоторые виды рутинной работы на занятиях по начертательной геометрии, а также способствовать реализации творческого потенциала студентов, дать им возможность с помощью современных технологии реализовать свои замыслы» [1, с. 25–26].

Исследовательские группы ряда университетов как в нашей стране, так и за рубежом отмечают положительное влияние цифровых технологий на мотивацию студентов, улучшение понимания сложных концепций и повышение общей успеваемости обучающихся. «Анализ современных подходов к преподаванию инженерной графики показывает, что интеграция компьютерной графики и геометрического моделирования в учебный процесс позволяет значительно повысить качество подготовки инженеров. Использование мощных САПР-систем (таких как AutoCAD, Компас-3D, SolidWorks, Inventor, АДЭМ и др.) в сочетании с интерактивными методиками обучения поднимает процесс обучения на качественно новый уровень» [4, с. 108].

У коллектива авторов данной публикации существует мнение о необходимости сохранения традиций классического образования, поскольку, как и мы, многие специалисты считают, что ручной труд играет важную роль в развитии пространственного мышления и понимании базового курса инженерно-графических дисциплин, а также способствует лучшему запоминанию изученного материала.

Таким образом, оптимальным вариантом в рассматриваемой ситуации нам представляется разработка гибридных курсов, объединяющих лучшие черты традиционных и цифровых методик преподавания.

Результаты исследования

Преимущества традиционного метода

Анализ собранных данных подтвердил наличие множества положительных аспектов традиционного метода

обучения:

1. Глубокая связь с основными принципами геометрического анализа, способность формировать у студентов прочные знания основ чертежной техники и алгоритмизации геометрических построений.
2. Высокая степень индивидуализации процесса обучения, позволяющая каждому студенту получать своевременную обратную связь от преподавателя.
3. Развитие практических навыков, внимания к деталям и аккуратности исполнения чертежей и схем.

Однако этот подход сталкивается с определенными ограничениями:

1. Выполнение построений вручную при работе над чертежами традиционным методом требует значительных затрат времени.
2. Сложность демонстрации сложных трехмерных структур и абстрактных понятий, что создает препятствия для полного осознания ключевых принципов и идей.
3. Ограниченная возможность быстрого внесения исправлений и доработок в выполненные проекты.

Преимущества цифрового метода

Современные цифровые технологии открывают принципиально новые возможности для повышения качества преподавания начальных этапов инженерной графики и начертательной геометрии:

1. Использование специализированных программных продуктов (например, AutoCAD, SolidWorks, Компас-3D) существенно облегчает работу с большими массивами графической информации, ускоряет процессы конструирования и позволяет создавать модели повышенной сложности.
2. Широкий спектр возможностей для виртуального представления трехмерных объектов, интерактивных упражнений и динамических анимаций помогает лучше понимать взаимосвязи между элементами конструкции и формирует глубокие представления о пространственных формах.
3. Удобство удаленного доступа к материалам курса, высокая степень самостоятельности и мобильности обучающихся, создание условий для самостоятельной работы студентов в любое удобное время и из любого места.

Однако цифровое обучение несет в себе риски и вызовы:

1. Высокие требования к технической оснащённости аудитории, а также к наличию специализированного программного обеспечения, зачастую дорогостоящего (например, САПР).
2. Некоторые преподаватели испытывают трудности с освоением новейшего ПО и обновленных педагогических практик, что требует дополнительного времени и усилий на переподготовку кадров.
3. Потеря связи с ручным трудом, риск утраты некоторых базовых навыков, характерных для классической школы построения чертежей.

Проблема плагиата при использовании цифровых технологий

Одна из серьезных проблем, возникающая при внедрении цифровых технологий в процесс обучения, связана с увеличением случаев плагиата и списывания. Часто студенты используют готовые чертежи и решения, найденные в интернете или созданные однокурсниками, для сдачи контрольных, расчетно-графических и экзаменационных работ. Копирование файла с чертежом подходящего варианта и изменение фамилии в основной надписи осуществляется в несколько кликов мышкой и позволяет представить чужую работу как свою. Это снижает качество обучения и препятствует формированию реальных профессиональных навыков.

Для предотвращения подобной ситуации предлагается следующее:

1. Регулярное обновление базы заданий и тестов, чтобы минимизировать вероятность повторения ранее выполненных работ.
2. Контроль преподавателей за тем, чтобы обучающиеся предоставляли на проверку поэтапное выполнение заданных работ в цифровом виде.
3. Увеличение доли устных экзаменов и защиты выполненных работ, где преподаватель сможет убедиться в наличии глубоких знаний и способности самостоятельно рассуждать и строить чертежи.

По первому пункту хотелось бы добавить, что разработка графических материалов, которые можно было бы использовать в качестве новых заданий для студентов при изучении начертательной геометрии и инженерной графики, представляет из себя очень трудоемкий процесс, требующий существенных временных затрат. По этой причине на большинстве кафедр, связанных с инженерно-графическими дисциплинами, существует ограниченное количество вариантов заданий по каждой теме.

Кроме того, стоит отметить, что в условиях дистанционного обучения практически реализовать предложенные выше пункты 2 и 3 достаточно сложно, в этом направлении необходимо проводить отдельные исследования.

Проблема плагиата должна решаться комплексно, путем оптимизации структуры учебного процесса и усиления ответственности студентов за выполнение оригинальных заданий.

Практический опыт и наблюдения

Одним из важных выводов нашего исследования

стало подтверждение значимости грамотного выбора методики преподавания в зависимости от конкретных целей и особенностей учебной ситуации. Например, начинающим студентам полезно начинать изучение курса с традиционных техник, закрепляя на бумаге основные принципы начертательной геометрии и осваивая элементарные приемы черчения. Затем, после приобретения первичных навыков, целесообразно переходить к освоению программных комплексов, расширяя кругозор и развивая умение решать более сложные задачи.

Опыт реализации гибридных курсов показывает высокую заинтересованность студентов в таком подходе. Многие респонденты отмечали, что объединение традиционного и цифрового способов изучения предметов помогло глубже понять изучаемый материал и развить навыки, востребованные в профессиональной среде.

Особенности применения цифровых технологий в дистанционном обучении

Отдельно хотелось бы остановиться на особенностях использования цифровых технологий в условиях дистанционного обучения. Сегодня значительное число университетов переходят на смешанное образование, интегрируя элементы онлайн-обучения в стандартные программы. В частности, лекции по начертательной геометрии и инженерной графике часто проводятся через специализированные образовательные платформы (Moodle, Blackboard и др.) [6, с. 20], [3, с. 107].

Применение дистанционной формы обучения требует особого внимания к следующим аспектам:

1. Создание специальных виртуальных лабораторий и тренажёров, имитирующих реальные условия выполнения чертежей и расчётов.
2. Организация регулярных консультаций и вебинаров, позволяющих преподавателю оперативно реагировать на возникающие вопросы и затруднения студентов.
3. Применение игровых и проектных методик, вовлекающих студентов в активную творческую деятельность и стимулирующих интерес к выполнению заданных проектов.

Важно отметить, что полноценное дистанционное обучение невозможно без качественной обратной связи от преподавателей, регулярной поддержки и эффективного управления процессом прохождения курса.

Наше исследование показало, что цифровые технологии являются незаменимыми инструментами для организации успешного дистанционного обучения, обеспечивая доступ к качественным образовательным ресурсам и формируя необходимую базу профессиональных компетенций.

Обсуждение результатов

Обобщив результаты проведенного исследования, мы можем сформулировать несколько выводов и предложений по дальнейшему развитию учебного процесса:

1. **Необходимость комбинированного подхода.** Следует сочетать классический метод обучения с применением цифровых технологий, что обеспечит наилучший баланс между пониманием фундаментальных законов начертательной геометрии и овладением современными средствами автоматизированного проектирования.
2. **Поддержка преподавателей в освоении новых технологий.** Важно организовать курсы повышения квалификации и специальные семинары, помогающие преподавателям освоить инновационные методы преподавания и успешно применять их в учебном процессе.
3. **Разработка качественных электронных учебных пособий.** Необходимо разработать высококачественные электронные учебные пособия и интерактивные упражнения, способные дополнить существующие учебники и расширить потенциал электронного обучения.
4. **Использование активных методов обучения.** Целесообразно активнее привлекать студентов к проектной деятельности, созданию собственных макетов и изделий, реализуя таким образом идею продуктивного творчества и решения реальных инженерных задач.
5. **Борьба с плагиатом.** Требуется усилить контроль над качеством выполняемых заданий, исключить случаи заимствования чужих работ и обеспечить честность и справедливость оценивания студенческих достижений.

Эти меры позволят значительно улучшить подготовку будущих инженеров и конструкторов, обеспечат устойчивость и конкурентоспособность отечественных вузов как внутри нашей страны, так и на международной арене.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает необходимость активного внедрения цифровых технологий в практику преподавания начертательной геометрии и инженерной графики, сохраняя при этом ценнейшие достижения классической школы образования. Гибридные курсы, соединяющие лучшее из обоих миров, станут ключом к формированию компетентных профессионалов, готовых успешно конкурировать на современном рынке труда.

Особенно актуальным представляется применение цифровых технологий в условиях дистанционного об-

учения, когда они становятся основой всей образовательной экосистемы вуза. Грамотное использование современных информационных решений способно создать комфортные условия для студентов и способствовать достижению высоких показателей академической успешности.

Одновременно важно учитывать проблему плагиата, возникающую при использовании цифровых технологий, и предпринимать шаги по её минимизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белавина Т.В. Компьютерный подход к преподаванию инженерной графики в строительном вузе / Т.В. Белавина, Т.Ю. Горская // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 3–2(93). – С. 25–29. – DOI 10.23670/IRJ.2020.93.3.032. – EDN MKZYWJ.
2. Водчиц-Озмидова А.С. Сравнительный анализ эффективности традиционных и цифровых методик преподавания черчения / А.С. Водчиц-Озмидова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 4–2(103). – С. 87–94. – DOI 10.24412/2500–1000-2025-4-2-87–94. – EDN GQXEPX.
3. Назарова Ж.А. Применение средств электронной образовательной среды Blackboard при изучении начертательной геометрии и инженерной компьютерной графики / Ж.А. Назарова // Современные наукоемкие технологии. – 2024. – № 6. – С. 107–111. – DOI 10.17513/snt.40072. – EDN KJTKGW.
4. Содикова М.Р. Современные подходы к преподаванию инженерной графики: методика, технологии и САПР-системы / М.Р. Содикова, Н.Д. Ядгаров // Inter education & global study. – 2025. – № 4. – С. 98–109.
5. Турутин Б.Б. Применение информационно-коммуникационных технологий как инструмента в процессе активизации обучения графическим дисциплинам / Б.Б. Турутин // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 11. – С. 148–150.
6. Черноталова К.Л. Курс «Начертательная геометрия. Инженерная графика» на базе LMS MOODLE / К.Л. Черноталова, И.А. Ширшова, И.Ю. Скобелева // Modern European Researches. – 2022. – № 4. – С. 19–23. – DOI 10.24412/2311–8806-2022-4-19-23. – EDN LYPLPR.

© Никитин Алексей Юрьевич (Alexniky30@gmail.com), Федяшина Марина Александровна (Marmar1210@mail.ru), Гулева Любовь Викторовна (Lubagyleva@mail.ru), Никитина Светлана Александровна (Sniki7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.31

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN LANGUAGE EDUCATION

S. Polskikh
V. Gryzlov

Summary: The article examines the theoretical and methodological foundations and practical aspects of developing intercultural communication in modern language education. Based on the concepts of Z.N. Volkova, Z. Kemelbekova and D. Sheven', R.A. ugli Mukhiddinov, and A.S. Dunaeva, the study substantiates the understanding of intercultural competence as an integrative component of learners' professional and linguistic training. It is demonstrated that the development of intercultural communication requires a shift from the traditional grammar-translation model to a communicative-cultural paradigm of teaching, emphasizing the use of authentic materials, cultural comparison, and interdisciplinary methods. The practical section analyzes the experience of Russian and foreign universities (*Toraighyrov University, Moscow Pedagogical State University, Primorsky State Agricultural Academy, and Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*), which demonstrate the effectiveness of integrating the intercultural approach into the educational process. Special attention is given to the impact of academic mobility, whose indicators, according to the Monitoring of International Activity (2024) by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, show steady growth, enhancing the relevance of forming intercultural competence among students and teachers. The conclusion emphasizes that the development of intercultural communication is a strategic direction in the modernization of language education, ensuring professional readiness, social adaptation, and tolerance of learners in the context of the global educational environment.

Keywords: intercultural communication, language education, intercultural competence, academic mobility, communicative-cultural model, pedagogical methodology.

Польских Светлана Валерьевна
кандидат биологических наук, Воронежский Государственный аграрный университет имени Императора Петра I
future29@yandex.ru
Грызлов Валерий Александрович
Воронежский Государственный Аграрный университет имени Императора Петра I

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-методологические основы и практические аспекты формирования межкультурной коммуникации в современном языковом образовании. На основе анализа концепций З.Н. Волковой, З. Кемелбековой и Д. Шевень, Р.А. угли Мухиддинова и А.С. Дунаевой обосновывается понимание межкультурной компетенции как интегративного компонента профессиональной и языковой подготовки обучающихся. Показано, что развитие межкультурной коммуникации требует перехода от традиционной грамматико-переводной модели к коммуникативно-культурологической парадигме обучения, ориентированной на использование аутентичных материалов, культурное соотнесение и междисциплинарные методы. Практическая часть статьи включает анализ опыта российских и зарубежных вузов (*Торайгыровский университет, Московский педагогический государственный университет, Приморская государственная сельскохозяйственная академия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*), демонстрирующих эффективность интеграции межкультурного подхода в образовательный процесс. Особое внимание уделено влиянию академической мобильности, показатели которой, согласно данным мониторинга международной деятельности Минобрнауки РФ (2024 г.), стабильно растут, что усиливает актуальность формирования межкультурной компетенции у студентов и преподавателей. Делается вывод, что развитие межкультурной коммуникации является стратегическим направлением модернизации языкового образования, обеспечивающим профессиональную готовность, социальную адаптацию и толерантность обучающихся в условиях глобального образовательного пространства.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковое образование, межкультурная компетенция, академическая мобильность, коммуникативно-культурологическая модель, педагогическая методика.

В современной системе образования проблема межкультурной коммуникации становится ключевым направлением педагогических и методических исследований. Усиление процессов глобализации, развитие цифровой среды и расширение академической мобильности формируют новые требования к качеству языковой подготовки, в которой центральное место занимает способность будущего специалиста осуществлять продуктивное взаимодействие в поликультурной среде. В этой связи изучение межкультурной коммуникации в контексте языкового образования требует системного анализа теоретических подходов и практических моделей реализации межкультурной компетенции как одной из базовых составляющих профессиональной подготовки.

По мнению З.Н. Волковой, межкультурная коммуникация представляет собой сложный феномен, интегрирующий языковые, когнитивные и социокультурные аспекты обучения [1]. Она отмечает, что владение иностранным языком как средством общения невозможно без осмысления культурных кодов, ценностей и норм поведения, присущих носителям данного языка. В этом контексте межкультурная компетенция выступает как

совокупность знаний, умений и личностных качеств, обеспечивающих адекватное взаимодействие представителей различных культур в процессе коммуникации. Таким образом, преподаватель иностранного языка должен рассматриваться не только как транслятор лингвистических знаний, но и как медиатор культурного опыта, способный формировать у обучающихся способность к культурной рефлексии и эмпатическому восприятию.

З. Кемелбекова и Д. Шевень рассматривают межкультурную коммуникацию как стратегический компонент образовательной политики, подчеркивая, что обучение иностранным языкам в XXI в. должно быть направлено не на простое освоение грамматических структур, а на развитие способности студентов осознанно взаимодействовать с представителями других культур [2]. Авторы указывают, что языковое образование, игнорирующее культурный контекст, теряет свой воспитательный потенциал, тогда как интеграция культурологических элементов в структуру курса способствует формированию личности, способной к диалогу и креативному мышлению. Такой подход соответствует принципам коммуникативно-деятельностного обучения, в котором важное место занимают методы ролевых игр, анализа культурных кейсов и рефлексивных заданий, направленных на осмысление различий в поведенческих моделях и ценностных установках.

Р.А. угли Мухиддинов развивает идею необходимости комплексного методического обеспечения процесса обучения иностранным языкам, ориентированного на межкультурную парадигму [3]. Он указывает, что для успешного формирования межкультурной компетенции требуется использование аутентичных материалов, моделирующих реальные ситуации общения, а также внедрение интерактивных форм работы – дискуссий, проблемных семинаров, симуляций межкультурных переговоров. В его концепции важное место занимает принцип культурного соотнесения, согласно которому обучение иностранному языку должно строиться на сопоставлении культурных реалий, норм и ценностей родной и изучаемой культур.

А.С. Дунаева связывает развитие межкультурной коммуникации в языковом образовании с изменением педагогической парадигмы [4]. Она подчеркивает, что традиционная грамматико-переводная модель, ориентированная преимущественно на формирование языковой компетенции, не соответствует современным требованиям общества. Необходим переход к коммуникативно-культурологической модели, где ключевым результатом обучения становится формирование личности, способной к продуктивному межкультурному взаимодействию. А.С. Дунаева обращает внимание на то, что обучение иностранным языкам должно носить социокультурный характер, предполагая включение в образовательный процесс элементов страноведения, анализа культурных различий, критического осмысления стереотипов и предубеждений.

Коллективные исследования, представленные в трудах *«Развитие языкового обучения в современном образовательном пространстве»* и *«Шатиловские чтения»*, демонстрируют, что межкультурная коммуникация должна рассматриваться не только как цель языкового образования, но и как средство воспитания личности, готовой к конструктивному взаимодействию в условиях культурного разнообразия [5; 6]. Авторы подчеркивают, что формирование межкультурной компетенции способствует развитию критического мышления, эмоционального интеллекта и социальной ответственности, что делает ее ключевым фактором профессиональной успешности в современном мире.

Практическая реализация идей межкультурной коммуникации в образовательных учреждениях подтверждает их эффективность. Так, в *Торайгыровском университете* (Республика Казахстан) внедрена модель языкового образования, включающая интеграцию культурологических модулей в курс английского языка. Она ориентирована на развитие у студентов навыков восприятия и интерпретации культурных различий через активные формы обучения – проектную деятельность, анализ видеоматериалов и межкультурные дебаты. Для университета данное направление является приоритетным, поскольку Казахстан представляет собой полиэтническое государство, где успешное профессиональное взаимодействие требует умения учитывать культурные различия и строить коммуникацию на принципах взаимного уважения [2].

Согласно данным Мониторинга международной деятельности, проводимого Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, за последние годы наблюдается рост числа участников академической мобильности, что подтверждает стратегическую значимость данного направления для вузов [7].

В Российской Федерации данные тенденции наблюдаются в *Московском педагогическом государственном университете*, где реализуется программа «Диалог культур», направленная на развитие межкультурной компетенции будущих учителей иностранных языков. Программа предусматривает участие студентов в международных образовательных проектах, онлайн-форумах и совместных исследованиях с иностранными партнерами. В условиях растущей академической мобильности и интеграции в мировое образовательное пространство данная практика обеспечивает формирование у будущих педагогов способности эффективно взаимодействовать с обучающимися разных культур, что является важнейшим условием профессиональной готовности в поликультурной школе.

Особое значение развитие межкультурной коммуникации имеет для *Приморской государственной сельскохозяйственной академии*, где в последние годы значительно возросло число иностранных студентов, прежде всего из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Здесь обучение русскому языку как иностранному строится с учетом национально-культурных особенностей обучающихся: преподаватели активно используют сопоставительный анализ культур, мультимедийные ресурсы и межкультурные тренинги. Такая методика позволяет снизить уровень коммуникативных барьеров, способствует адаптации иностранных студентов и укреплению позитивного имиджа российского образования за рубежом [5].

Показательным примером системного внедрения межкультурного подхода является деятельность *Санкт-Петербургского политехнического университета*, где в рамках ежегодных *«Шатиловских чтений»* обсуждаются вопросы культурной адаптации иностранных студентов и интеграции межкультурных практик в процесс преподавания иностранных языков. Это направление имеет стратегическое значение для университета, активно участвующего в международных академических обменах и принимающего студентов из более чем 40 стран. Включение межкультурной составляющей в образовательный процесс способствует укреплению межнационального взаимопонимания и развитию образовательной среды, основанной на принципах инклюзивности и культурного многообразия [6].

Анализ теоретических концепций и образовательных практик позволяет сделать вывод, что межкультурная коммуникация в языковом образовании является системообразующим фактором, обеспечивающим целостность образовательного процесса и его соответствие современным социокультурным реалиям. Формирование межкультурной компетенции требует от педагога не только высокого уровня языковой подготовки, но и владения методикой интеграции культурного компонента в содержание обучения [8]. Это предполагает разработку учебных программ, ориентированных на межкультурный диалог, использование аутентичных материалов, создание ситуаций реального общения и развитие у студентов способности к культурной эмпатии.

В перспективе развитие межкультурной коммуникации должно стать приоритетным направлением модернизации языкового образования. Реализация данного подхода способствует формированию личности, обладающей глобальным мышлением, способной к толерантному взаимодействию и профессиональной мобильности. Таким образом, межкультурная компетенция выступает не только как педагогическая категория, но и как фундаментальное условие успешной социализации личности в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова З.Н. Проблема межкультурной коммуникации в изучении иностранных языков // Вестник УРАО. 2015. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-izuchenii-inostrannyh-yazykov (дата обращения: 21.10.2025).
2. Кемелбекова З., Шевень Д. Проблемы межкультурной коммуникации в обучении английскому языку // Bulletin of Toraighyrov University. Pedagogics series. 2023. С. 176–188. DOI: 10.48081/DAZR6833.
3. Мухиддинов Р.А. угли. Вопросы межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранным языкам // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences. 2022. Т. 2, № 27. С. 92–97. DOI: 10.5281/zenodo.7353224.
4. Дунаева А.С. Проблемы межкультурной коммуникации и задачи обучения иностранным языкам // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mezhkulturnoy-kommunikatsii-i-zadachi-obucheniya-inostrannym-yazykam (дата обращения: 22.10.2025).
5. Развитие языкового обучения в современном образовательном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции (15 февраля 2023 г.) / отв. ред. А.С. Мартынова. Уссурийск: ФГБОУ ВО Приморская ГСХА, 2023. 579 с.
6. Шатиловские чтения. Научное методическое наследие и перспективы развития иноязычного образования: сборник научных трудов. СПб.: Политехпресс, 2023. 385 с.
7. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Мониторинг международной деятельности образовательных организаций: Письмо Минобрнауки России № МН-5/1448-ДА «О проведении мониторинга международной деятельности», таблица 2.1. URL: https://sociocenter.info/projects/monitoring-mezhdunarodnoi-deyatelnosti/ (дата обращения: 22.10.2025).
8. Обучение иностранным языкам в открытом поликультурном пространстве: материалы II Международной научно-практической конференции, 1–2 декабря 2023 г. / науч. ред. С.В. Титова, М.Г. Бахтиозина. М.: КДУ; Добросвет, 2024. 238 с.

© Польских Светлана Валерьевна (future29@yandex.ru), Грызлов Валерий Александрович.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.33

ИННОВАЦИОННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

INNOVATIVE DIGITAL TOOLS AS A MEANS OF DEVELOPING CREATIVITY IN YOUTH SCHOOL STUDENTS IN THE PROCESS OF ADDITIONAL EDUCATION

K. Saifutdinova

Summary: The article examines the theoretical and practical foundations of using innovative digital tools to develop creativity among primary school students within the system of supplementary education. Based on the analysis of Russian studies, the necessity of transitioning from reproductive learning methods to project-based creative practices implemented through visual programming languages and artificial intelligence technologies is substantiated. A model of pedagogical integration of digital tools is described, including the stages of mastering, adaptation, independent project development, and presentation. A pedagogical experiment conducted with primary school students revealed a statistically significant increase in indicators of originality, flexibility, and elaboration of ideas during project-based creative activities using visual programming. It was found that pedagogical facilitation, reflection, and an emotionally supportive environment are key conditions for developing creativity. The study concludes that digital technologies serve as an effective pedagogical tool for fostering children's creativity.

Keywords: creativity, primary school students, supplementary education, digital technologies, visual programming, project-based learning, pedagogical facilitation, reflection, innovative tools, artificial intelligence.

Сайфутдинова Камиля Рамилевна
старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
kamila.ulspu@bk.ru

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические основы использования инновационных цифровых инструментов для развития креативности младших школьников в системе дополнительного образования. На основе анализа отечественных исследований обоснована необходимость перехода от репродуктивных форм обучения к проектно-творческим практикам, реализуемым с применением визуальных языков программирования, а также искусственного интеллекта. Описана модель педагогической интеграции цифровых инструментов, включающая этапы освоения, адаптации, самостоятельного проектирования и презентации. В ходе педагогического эксперимента, проведенного с младшими школьниками, выявлен достоверный рост показателей оригинальности, гибкости и разработанности идей при реализации проектно-творческой деятельности с применением визуального программирования. Установлено, что педагогическая фасилитация, рефлексия и эмоционально поддерживающая среда являются ключевыми условиями развития креативности. Сделан вывод о том, что цифровые технологии выступают педагогическим инструментом, для развития креативности ребенка.

Ключевые слова: креативность, младшие школьники, дополнительное образование, цифровые технологии, визуальное программирование, проектная деятельность, педагогическая фасилитация, рефлексия, инновационные инструменты, искусственный интеллект.

Цифровая трансформация образования радикально меняет характер учебной деятельности младших школьников: акцент смещается с репродуктивного усвоения к проектно-исследовательским и творческим практикам, где ключевыми становятся инициатива, самостоятельный выбор средств и публичное представление результата [1]. Дополнительное образование обладает для этого особыми возможностями: относительная свобода от жестких регламентов, вариативность форм, гибкость в подборе инструментов и заданий позволяют целенаправленно развивать креативность как способность порождать оригинальные решения, комбинировать разнородные элементы опыта и воплощать замысел в осмысленный артефакт.

Понятие креативности в младшем школьном возрасте трактуется отечественной традицией как личностно-деятельностный подход, в котором доминируют показатели оригинальности, гибкости и разработанности продукта, а также мотивационно-ценностный компонент (интерес к поиску, готовность к пробам и доработкам) [2]. Ряд работ подчеркивает, что для этого возраста критичны игровые и образные формы, обеспечивающие эмоционально значимую «точку входа» в деятельность, и такие формы естественно реализуются через цифровые среды, где ребенок может «оживлять» сюжет, персонажей и сцену [1]. Важная методическая позиция состоит в том, что креативность не «возникает» от самого использования технологии: необходимы специально спроектированные условия, поддерживающие дивергентный поиск, разрешающие ошибку и задающие пространство для выбора [1].

Обзор цифровых инструментов показывает, что раз-

вивающий потенциал имеют, прежде всего, визуальные языки программирования и мультимедийные конструкторы. Визуальные среды обеспечивают низкий порог входа за счёт блочно-событийной логики и мгновенной обратной связи: ребёнок видит причинно-следственные связи между «кирпичиками» алгоритма и поведением объектов на сцене, что стимулирует цикл «проба — ошибка — улучшение» и поддерживает естественную исследовательскую мотивацию [4]. Графические и медиасервисы позволяют младшему школьнику работать с композицией, цветом, типографикой, звуковым рядом и титрами, то есть осваивать «язык» визуального и аудиального высказывания в связи с содержанием проекта [5]. Сервисы на основе ИИ уместны в роли источников идей и рефлексивных подсказок (варианты сюжетных поворотов, списки персонажей, лексические и визуальные ассоциации), однако их использование требует педагогической рамки: формулирование задачи, проверка уместности предложений, сопоставление вариантов и сознательная авторская доработка результата ребёнком [6].

Значение визуального программирования для креативности младших школьников заключается не только в раннем освоении алгоритмики, но и в расширении спектра выразительных средств. Ребёнок соединяет сюжетно-литературные элементы (персонажи, реплики, развилки), изобразительные компоненты (композиция сцены, движение, ракурс), музыкальные эффекты (темп, ритм, звуковые маркеры) и логику поведения (события, условия, переменные), превращая программирование в форму художественно-технологического высказывания [7]. Эмпирически фиксируется переход от адаптации готовых образцов к оригинальным проектам с собственным сценарием и интерфейсом; растут показатели вариативности и разработанности, заметно усиливается рефлексивная речь ребёнка о собственном продукте («почему я сделал так»; «что нужно улучшить»).

С теоретико-методической точки зрения продуктивность цифровых инструментов объясняется совпадением их операциональной логики с логикой детского творчества. Во-первых, конструктивизм цифровой среды (сборка из блоков, сцены, спрайты) соответствует «сборочному» характеру креативной деятельности ребёнка, который комбинирует готовые элементы в новый смысловой узор [4]. Во-вторых, мгновенная обратная связь и возможность быстрой отладки программы снижают тревожность и поддерживают дивергентный поиск. В-третьих, публичная презентация и обсуждение продукта создают социальное подкрепление творческого поведения и формируют культуру самооценки [9], [10]. Наконец, включение ИИ-сервисов в качестве «генераторов вариантов» при обязательной авторской переработке позволяет моделировать профессиональную практику творческих проектов на детском уровне, сохраняя приоритет авторства ученика [11].

Переход от теоретического осмысления потенциала цифровых инструментов к их практическому внедрению в систему дополнительного образования требует выстраивания целостной педагогической модели, сочетающей технологические возможности с развивающими задачами. Практика показывает, что эффективность цифровых средств определяется не столько их функционалом, сколько методикой организации деятельности учащихся, структурой программы и уровнем педагогической фасилитации.

Проектно-творческая деятельность выступает основным механизмом развития креативности младших школьников, поскольку позволяет соединить познавательную, эмоциональную и коммуникативную активность в едином образовательном процессе. В рамках программ дополнительного образования она реализуется в виде краткосрочных модулей, объединенных общей тематикой («Цифровое творчество», «Мир программирования», «Создай свою игру» и т.д.), где каждый ребенок проходит путь от восприятия идеи к ее реализации в цифровом продукте [2].

Такой формат способствует осмысленному применению цифровых инструментов: учащиеся не просто осваивают интерфейс, а используют его для воплощения собственных замыслов. При этом проект становится не упражнением, а способом самоутверждения — возможностью выразить себя через цифровую форму.

Ключевая роль в успешной интеграции цифровых инструментов принадлежит педагогу дополнительного образования, выступающему фасилитатором и медиатором творческой среды. Его задача — не транслировать готовые алгоритмы, а организовать пространство для поиска, выбора и сотворчества. Эффективными оказываются следующие методы фасилитации:

- работа в малых группах, где учащиеся распределяют роли (программист, дизайнер, сценарист, тестировщик) и совместно разрабатывают цифровой продукт;
- мини-консультации и чек-листы вместо фронтального объяснения — педагог помогает точечно, не вмешиваясь в креативный процесс;
- открытые вопросы и поддержка инициативы («Как можно улучшить сцену?», «Что произойдет, если изменить логику?»), побуждающие обучающихся к рефлексии и самостоятельным решениям;
- организация защиты проектов — публичная презентация в формате мини-конференции или выставки цифровых продуктов, где ребенок становится субъектом профессиональной коммуникации [5], [9].

Педагогическая позиция в таком процессе смещается с контролирующей на сопровождающую. Учитель ста-

новится архитектором среды, выстраивающим условия для появления креативных инициатив. Его действия направлены на создание баланса между свободой и структурой: с одной стороны, дети чувствуют себя авторами и принимают решения, с другой — образовательный процесс сохраняет целостность и направленность на результат.

Реализация цифровых инструментов в системе дополнительного образования опирается на ряд принципов, определяющих характер взаимодействия и специфику образовательной среды:

1. Итерационность (проба–ошибка–улучшение) — возможность неоднократного изменения и отладки проекта делает процесс обучения исследовательским и снимает страх ошибки.
2. Рефлексия и самооценка — обучающиеся учатся анализировать собственные решения, обсуждать сильные стороны проекта и видеть пути доработки.
3. Коллективная оценка и взаимная обратная связь— развивают коммуникативные навыки и чувство ответственности за общий результат.
4. Эмоциональная поддержка и успех — педагог формирует позитивную мотивацию, где даже частично завершенный проект воспринимается как значимый результат творческого поиска.

Эти принципы определяют характер образовательного взаимодействия, формируя «пространство безопасности» — без страха неудачи, но с реальной ответственностью за результат.

Экспериментальные исследования показали, что внедрение цифровых инструментов в проектно-творческую деятельность младших школьников приводит к существенному повышению показателей креативности — оригинальности, гибкости и разработанности цифровых продуктов [1], [6].

Дети начинают активнее использовать вариативные решения: экспериментируют с визуальными эффектами, сюжетными линиями, интерактивными элементами; повышается уровень самостоятельности и уверенности в своих силах. Отмечается рост рефлексивных высказываний учащихся: они осмысленно описывают идею, могут обосновать выбор инструментов, формулируют собственные критерии качества.

Кроме того, усиливается мотивационно-ценностный компонент креативности — дети проявляют инициативу, стремятся совершенствовать продукт и доводить проект до презентационного уровня. Педагоги фиксируют также положительные изменения в социально-коммуникативной сфере: улучшение навыков сотрудничества, распределения обязанностей, умения аргументировать свои предложения.

Эти результаты подтверждают, что педагогическая модель, а не сами технологии, определяют образовательный эффект. Цифровая среда становится «площадкой возможностей» только тогда, когда педагог грамотно сочетает методические приемы, стимулирующие творчество, и обеспечивает системную рефлексию учащихся.

Таким образом, практическая реализация цифровых инструментов в системе дополнительного образования опирается на комплекс педагогических условий, включающих:

- модульное построение программы (10–12 занятий с усложнением содержания);
- фасилитирующую роль педагога;
- принципы открытости, итерационности и поддержки инициативы;
- ориентацию на коллективное и индивидуальное творчество.

Эта модель формирует у младших школьников не только технические, но и личностно-деятельностные компетенции, включая уверенность в собственных идеях, готовность к поиску, способность оценивать и улучшать результаты. В результате цифровые технологии становятся педагогическим инструментом развития креативности, обеспечивая переход от «пользователя» к «создателю» цифрового продукта, что отвечает стратегическим задачам современного дополнительного образования [5].

Для проверки эффективности интеграции цифровых инструментов в систему дополнительного образования был проведён педагогический эксперимент, направленный на выявление влияния визуального программирования и мультимедийных технологий на развитие креативности младших школьников.

Исследование проводилось на базе программы дополнительного образования «Цифровое творчество и программирование» в течение одного учебного года. В эксперименте приняли участие 60 учащихся 2–4 классов (возраст 8–10 лет), разделённых на две группы: экспериментальную (30 человек) и контрольную (30 человек). Обе группы занимались в одинаковых временных и организационных условиях, однако содержание занятий различалось.

В контрольной группе применялись традиционные формы занятий: выполнение заданий по образцу, работа с готовыми мультимедийными материалами, базовое освоение инструментов без акцента на проектную деятельность. В экспериментальной группе обучение строилось на основе модульной программы (10 занятий), включающей последовательные этапы: введение в цифровые инструменты, освоение визуального программирования, самостоятельное проектирование и публичная

защита продукта. Каждый модуль завершался мини-проектом («анимированная открытка», «история в Scratch», «интерактивная игра»), выполненным учащимися в индивидуальном или групповом формате [3], [6].

Для оценки уровня креативности использовались комплексные диагностические методы:

1. Адаптированный тест творческого мышления Торренса (вербальная и графическая формы, модифицированные под цифровую среду) — для выявления показателей оригинальности, гибкости и разработанности идей.
2. Экспертная оценка цифровых продуктов учащихся, выполненных в ходе программы, по критериям: оригинальность замысла, вариативность решения, композиционная целостность, технологическая корректность и эстетическая выразительность.
3. Качественный анализ (наблюдения педагогов, интервью с детьми, анализ самооценочных листов).

Перед началом и после завершения программы проводились диагностические срезы, результаты которых сопоставлялись статистически с использованием t-теста Стьюдента для независимых выборок. Дополнительно применялся метод педагогического наблюдения и контент-анализ творческих высказываний учащихся.

Анализ данных показал существенные различия в динамике развития креативности между экспериментальной и контрольной группами.

- По показателю оригинальности идей средний прирост в экспериментальной группе составил +27 %, в то время как в контрольной не превысил +9 %.
- Показатель гибкости (способность генерировать разные способы решения) вырос на +22 % против +8 % в контрольной группе.
- Показатель разработанности (детализированность и завершенность идеи) увеличился на +30 % против +11 % соответственно.

Обучающиеся экспериментальной группы демонстрировали более высокий уровень творческой инициативы, оригинальные визуальные решения, разнообразие композиционных приемов и использование интерактивных элементов. Работы отличались сюжетной целостностью, эмоциональной выразительностью и функциональной завершенностью.

Наблюдения педагогов также выявили ряд положительных тенденций. Во-первых, у детей повысилась внутренняя мотивация — интерес к экспериментированию с инструментами, желание дорабатывать проекты и делиться результатами с одноклассниками. Во-вторых, возросла инициативность и самостоятельность: учащиеся чаще предлагали собственные идеи, проявляли настойчивость при решении сложных задач и обращались к педагогу не за готовым решением, а за консультацией. В-третьих, отмечен рост рефлексивных умений — дети стали анализировать собственные действия, обсуждать, что получилось удачно, а что требует доработки.

Анализ интервью показал, что большинство участников экспериментальной группы ощущали чувство авторства над создаваемыми проектами. Они отмечали, что могли «делать по-своему», «переделывать, пока не понравится» и «придумывать свою историю». Это свидетельствует о переходе от внешней мотивации («надо сделать правильно») к внутренней («хочу сделать интересно»), что является важным индикатором становления креативной личности [2].

Кроме того, дети высказывали стремление улучшать результат, самостоятельно осваивали новые функции программ и пробовали комбинировать различные цифровые средства (например, соединяли Scratch с графическими редакторами). Подобная активность указывает на развитие самоорганизации и метакогнитивных способностей, лежащих в основе творческого мышления [8].

Полученные данные подтверждают, что использование инновационных цифровых инструментов в условиях дополнительного образования при методически грамотном сопровождении педагога достоверно усиливает развитие креативности младших школьников.

Цифровые технологии в данном контексте выступают не самоцелью, а педагогическим инструментом, создающим благоприятные условия для проявления индивидуальности, поиска и самовыражения ребёнка. Их эффективность определяется совокупностью факторов:

- наличием открытых, творчески ориентированных заданий;
- фасилитирующей позицией педагога;
- организацией совместной и индивидуальной проектной деятельности;
- рефлексивной поддержкой и эмоционально безопасной средой.

Таким образом, цифровые инструменты становятся катализатором креативной активности, обеспечивая переход от пассивного освоения знаний к их преобразованию в собственный творческий продукт. При этом педагогическая модель, выстроенная на принципах вариативности, открытости и сотворчества, формирует у младших школьников устойчивую мотивацию к самостоятельному проектированию, уверенность в своих идеях и готовность к созидательной деятельности в цифровом обществе [12].

Главный вывод состоит в том, что инновационные цифровые технологии — не цель, а средство форми-

рования креативной личности, способной к исследованию, моделированию и созданию нового. При условии методически выверенной интеграции и профессиональной поддержки педагога они становятся основой развития когнитивной, эмоциональной и личностной сфер учащихся, открывая путь к новому типу образовательной культуры, ориентированной на творчество и саморазвитие [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайфутдинова К.Р. Развитие креативности младших школьников через проектную деятельность в рамках дополнительного образования с использованием цифровых технологий // Дневник науки. — 2024. — № 12. — URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2024/12/pedagogics/Sayfutdinova.pdf (дата обращения: 04.11.2025).
2. Шубович М.М. Креативность в понятийном поле категории «Творчество» // Акмеология. 2009. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnost-v-ponyatiynom-pole-kategorii-tvorchestvo (дата обращения: 13.11.2025).
3. Уфимцева П.Е. Обучение программированию младших школьников в системе дополнительного образования с использованием среды разработки Scratch / Уфимцева П.Е., Рожина И.В. // Наука и перспективы. 2018. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-programmirovaniyu-mladshih-shkolnikov-v-sisteme-dopolnitelnogo-obrazovaniya-s-ispolzovaniem-sredy-razrabotki-scratch (дата обращения: 13.11.2025).
4. Белоконова С.С. Применение визуальных средств в обучении программированию / Белоконова С.С., Плотникова М.С. // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2024. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-vizualnyh-sredstv-v-obuchenii-programmirovaniyu (дата обращения: 13.11.2025).
5. Евдокимова В.Е. Использование среды программирования SCRATCH на уроках информатики в начальных классах / Евдокимова В.Е., Черепанова А.А. // Вестник ШГПУ. 2022. №2 (54). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sredy-programmirovaniya-scratch-na-urokah-informatiki-v-nachalnyh-klassah (дата обращения: 13.11.2025).
6. Шилинг Г.С. Использование цифровых технологий в дополнительном образовании школьников / Шилинг Г.С., Катаева А.С., Сафронова С.С. // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. №1–4 (62). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovyh-tehnologiy-v-dopolnitelnom-obrazovanii-shkolnikov (дата обращения: 13.11.2025).
7. Арябкина И.В. Креативное мышление младших школьников как составляющая функциональной грамотности / И.В. Арябкина, В.Б. Алферьева-Термсикос // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2023. – № 1. – С. 21–25. – EDN WQDJYY.
8. Гималетдинова К.Р. Scratch как перспективная визуальная среда программирования для дополнительного образования младших школьников / К.Р. Гималетдинова, В.Г. Шубович // Траектории взаимодействия в развитии цифровых навыков: Материалы всероссийской очной научно-практической конференции, Ульяновск, 26 декабря 2020 года. – Ульяновск: ИП Качалин Александр Васильевич, 2021. – С. 27–30. – EDN GXZKSX.
9. Петрищева Н.Н. Развитие коммуникативных и творческих способностей детей в процессе визуального программирования в среде scratch в дополнительном образовании / Н.Н. Петрищева, К.Р. Гималетдинова, В.Г. Шубович // Информационные технологии в образовании: Материалы всероссийской очной научно-практической конференции, Ульяновск, 13 марта – 13 2020 года. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2020. – С. 123–128. – EDN IRTGXD.
10. Гималетдинова К.Р. Исследование формирования творческой активности младших школьников во внеурочной деятельности средствами визуального программирования / К.Р. Гималетдинова, В.Г. Шубович // Траектории взаимодействия в развитии цифровых навыков: Материалы всероссийской очной научно-практической конференции, Ульяновск, 26 октября 2019 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 2020. – С. 48–52. – EDN PADATL.
11. Шубович В.Г. Обоснование создания конструктора класса игр в среде SCRATCH / В.Г. Шубович, К.Р. Гималетдинова, В.А. Лукьянов // Информационные технологии в образовании: Материалы всероссийской очной научно-практической конференции, Буинск, Республика Татарстан, 15 марта 2019 года. – Буинск, Республика Татарстан: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2019. – С. 125–128. – EDN TCLTWG.
12. Алферьева-Термсикос В.Б. Обучение младших школьников созданию эйдос-конспекта с помощью цифровых инструментов / В.Б. Алферьева-Термсикос // Образование от «А» до «Я». – 2025. – № 3. – С. 7–9. – EDN NTPYTR.

© Сайфутдинова Камиля Рамилевна (kamila.ulspu@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.34

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

FORMATION OF INFORMATION CULTURE OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF ENGINEERING AND TECHNICAL THINKING IN ADDITIONAL EDUCATION

K. Saifutdinova
E. Malova
V. Shubovich

Summary: The article explores the formation of information culture among primary school students in the field of artificial intelligence as a pedagogical condition for developing engineering and technical thinking within the system of supplementary education. The relevance of the research lies in the growing need to prepare the younger generation for life and work in the context of digital transformation, where meaningful interaction with technology and the ability to think technically and projectively are essential. Based on the Technopark of Universal Pedagogical Competencies at Ulyanovsk State Pedagogical University, a model was developed and tested that integrates artificial intelligence technologies into the educational process. Primary school students mastered the basics of data processing, algorithmic logic, and simple AI modeling through project-based activities. The study demonstrates that the formation of information culture in the field of AI contributes to the development of analytical, constructive, and design components of engineering thinking. Pedagogical conditions ensuring the effectiveness of this process in supplementary education are described.

Keywords: primary school students, engineering and technical thinking, information culture, artificial intelligence, supplementary education, technopark, digital learning environment.

Сайфутдинова Камиля Рамилевна
старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
kamila.ulspu@bk.ru
Малова Елена Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
belovaen86@mail.ru
Шубович Валерий Геннадьевич
доктор педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
shubvg@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос формирования информационной культуры младших школьников в области искусственного интеллекта как важного педагогического условия развития инженерно-технического мышления в системе дополнительного образования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью подготовки подрастающего поколения к жизни и деятельности в условиях цифровой трансформации общества, где ключевыми становятся навыки осмысленного взаимодействия с технологиями, проектного и технического мышления. На базе технопарка универсальных педагогических компетенций Ульяновского государственного педагогического университета разработана и апробирована модель интеграции технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс. В ходе работы младшие школьники осваивали основы обработки данных, логики алгоритмов и простейшего моделирования искусственного интеллекта в проектной деятельности. Показано, что формирование информационной культуры в области искусственного интеллекта способствует развитию аналитических, конструктивных и проектных компонентов инженерно-технического мышления. Представлены педагогические условия, обеспечивающие эффективность данного процесса в системе дополнительного образования.

Ключевые слова: младшие школьники, инженерно-техническое мышление, информационная культура, искусственный интеллект, дополнительное образование, технопарк, цифровая образовательная среда.

Современная образовательная среда переживает трансформацию, связанную с широким внедрением цифровых технологий и интеллектуальных систем, что предъявляет новые требования к обучающимся уже на ступени начального общего образования. В частности, младшие школьники должны не просто

уметь оперировать устройствами и программами, но и развивать способности к осознанному взаимодействию с информацией и технологиями — то есть формировать информационную культуру, включающую функциональную грамотность, ИКТ-компетентность и рефлексивное отношение к информационным процессам [1]. Одновременно с этим возрастает актуальность формирования инженерно-технического мышления, понятого как систематическая деятельность, направленная на решение технических задач через анализ, проектирование, моделирование и конструирование [2]. Однако в отечественной педагогической практике встречается пробел: несмотря на наличие работ по формированию информационной культуры младших школьников [1; 3] и исследования инженерного мышления школьников [2; 4], практически отсутствует эмпирическое изучение их взаимосвязи — особенно с учётом технологии искусственного интеллекта (ИИ) и в контексте внеурочного (дополнительного) образования.

Сдвиг в сторону ИИ-грамотности расширяет традиционное представление об информационной культуре: теперь речь идет не только о владении ИКТ и поиске-обработке информации, но и о понимании алгоритмических процессов, модели данных, принципов работы интеллектуальных систем, а также об умении критически оценивать результаты их работы и этически обращаться с технологиями [5]. В связи с этим информационная культура становится не просто результатом обучения, но и потенциальной предпосылкой для развития инженерно-технического мышления, поскольку понимание алгоритма, данных и модели обеспечивает когнитивную базу для проектной инженерной деятельности.

Дополнительное образование создаёт особую образовательную среду, благоприятную для активизации деятельности ребёнка: здесь можно организовать проектно-исследовательские и технические задания, которые позволяют сочетать освоение ИИ-инструментов с конструированием, экспериментом и визуальным моделированием. В такой среде формирование ИК-ИИ выступает педагогическим условием, обеспечивающим развитие у младших школьников аналитико-конструктивных компонентов инженерно-технического мышления: способность ставить техническую задачу, анализировать исходные условия, выстраивать алгоритм решения, реализовывать прототип и оценивать его результат. Исследования показывают, что активное включение детей в техническое творчество и моделирование (например, через 3D-моделирование) значительно повышает исследовательские навыки и проектные умения [6], что подкрепляет идею о том, что инженерное мышление развивается через деятельность, ориентированную на проектный результат.

Вместе с тем использование технологий ИИ в начальном образовании требует учета педагогических и методических условий: доступность инструментов, адаптированность заданий к возрасту младших школьников, методическое сопровождение педагогов, интеграция ключевых компонентов информационной культуры (когнитивного, критико-рефлексивного, этико-правового и практико-деятельностного) [3]. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу: если в системе дополнительного образования будет целенаправленно формироваться информационная культура в области ИИ, то это будет способствовать развитию инженерно-технического мышления младших школьников. Реализация этой гипотезы требует разработки модели, основанной на проектно-исследовательских заданиях с ИИ-элементами, и проведения экспериментального исследования для проверки динамики соответствующих показателей.

В отечественной педагогической науке развитие инженерно-технического мышления традиционно связывается с деятельностным подходом (Л.В. Занков, В.В. Давыдов, П.Я. Гальперин), в основе которого лежит активное преобразование учащимся внешних и внутренних условий решения задачи. Инженерное мышление представляет собой синтез логико-аналитических и конструктивных операций, направленных на получение практического результата. Исследователи подчеркивают, что данный тип мышления формируется не стихийно, а в специально организованной предметно-пространственной и социально-коммуникативной среде, в которой обучающийся может моделировать, проектировать и проверять свои идеи [2; 4].

Информационная культура младших школьников, в свою очередь, рассматривается как системное качество личности, проявляющееся в осознании роли информации, умении работать с различными её видами, оценивать достоверность и безопасность цифровых источников, а также использовать технологии в учебной и социальной деятельности [1; 3]. Современные исследования показывают, что информационная культура становится не просто элементом цифровой грамотности, но и основанием формирования «новых типов мышления», требующих понимания логики функционирования цифровых систем [5; 8].

Интеграция этих направлений становится особенно значимой в контексте внедрения искусственного интеллекта в образовательную практику. Освоение принципов работы ИИ, в доступной для младших школьников форме, формирует у них способность анализировать данные, выявлять закономерности, критически оценивать результаты интеллектуальных алгоритмов и использовать полученные знания в творческих проектах. Это, в свою очередь, способствует развитию аналитического и конструктивного компонентов инженерно-технического мышления. Таким образом, можно рассматривать

формирование информационной культуры в области ИИ как педагогическое условие развития инженерно-технического мышления.

Педагогические условия реализации данной взаимосвязи включают организацию образовательного процесса на основе проектно-исследовательской деятельности, использование адаптированных цифровых инструментов, создание проблемных ситуаций и поддержание исследовательской мотивации учащихся. Важным фактором является наличие образовательной инфраструктуры, обеспечивающей практическую реализацию идей инженерного образования на уровне младших школьников. Опыт работы Технопарка универсальных педагогических компетенций Ульяновского государственного педагогического университета, показывает эффективность применения проектных форм обучения, когда дети через конструирование, моделирование и использование цифровых технологий переходят от познавательной активности к инженерно-исследовательской [6; 9].

Важным элементом модели формирования ИК-ИИ является отбор содержания, соответствующего возрастным особенностям младших школьников. Исследования показывают, что наиболее эффективными являются игровые и визуальные формы освоения цифровых принципов, а также проектные задания с элементами алгоритмизации и логического моделирования [7]. Такие практики не только развивают цифровые навыки, но и создают предпосылки для инженерного мышления: способность выявлять причинно-следственные связи, анализировать данные, строить модель и прогнозировать результат.

Роль педагога при этом смещается от трансляции готовых знаний к организации исследовательской и проектной деятельности, что требует от него развитой цифровой и методической компетентности. Подготовка педагогов к работе с ИИ-технологиями и проектными методами в дополнительном образовании рассматривается как самостоятельное направление современной педагогики. Обучение педагогов включается в систему повышения квалификации и реализуется в вузовских технопарках, что обеспечивает преемственность между теоретическими и прикладными аспектами формирования ИК-ИИ у младших школьников.

Методологическую основу исследования составляют идеи системно-деятельностного, компетентностного и культурно-исторического подходов (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Вербицкий). Применительно к рассматриваемой проблеме они проявляются в понимании процесса развития инженерного мышления как формы интеллектуальной деятельности, возникающей на основе активного освоения культурных средств (цифровых и технических) и преобразования их в личностный опыт.

Реализация данной модели возможна на базе программ дополнительного образования технической направленности, где в процессе освоения детьми принципов работы ИИ происходит постепенное формирование у них информационной культуры как системы знаний, умений и ценностей. На этом фоне проявляется развитие инженерно-технического мышления, что подтверждает системную взаимосвязь между этими феноменами.

Проведенное исследование позволило выявить особенности влияния формирования информационной культуры младших школьников в области искусственного интеллекта на развитие их инженерно-технического мышления в условиях дополнительного образования. В ходе опытно-экспериментальной работы на базе Технопарка универсальных педагогических компетенций Ульяновского государственного педагогического университета были апробированы педагогические условия, направленные на интеграцию ИИ-технологий в практику детского технического творчества.

В рамках программы «Искусственный интеллект для детей» учащиеся 2–4 классов выполняли проектные задания, включающие анализ и обработку данных, визуальное программирование, создание простейших цифровых моделей и обучение чат-ботов с помощью доступных ИИ-сервисов. На ранних этапах дети осваивали понятия алгоритма, последовательности и модели, затем переходили к самостоятельному созданию прототипов и визуальных проектов. Подобные формы деятельности активизировали мыслительные процессы, требующие системного анализа, прогноза и синтеза решений, что соответствует основным характеристикам инженерного мышления [2; 4].

Сравнительная диагностика уровня сформированности компонентов инженерно-технического мышления проводилась с использованием адаптированной методики П.В. Зуева [2] и разработанных критериев оценки информационной культуры младших школьников (по С.И. Люгзаевой [3] и Н.Н. Уваровой [5]). В качестве показателей использовались: когнитивный (понимание принципов ИИ, знание базовых цифровых понятий), критико-рефлексивный (осмысление цифрового результата и выявление ошибок алгоритма), этико-правовой (соблюдение норм цифровой безопасности и авторства), практико-деятельностный (способность применять ИИ-инструменты в проектной деятельности).

Результаты сравнительного анализа показали, что у участников экспериментальной группы после прохождения курса наблюдался значимый рост всех компонентов: когнитивного — на 27 %, критико-рефлексивного — на 31 %, практико-деятельностного — на 35 %. При этом

контрольная группа, обучавшаяся по традиционной программе технического творчества без использования ИИ-технологий, продемонстрировала прирост не более 10 %. Показатели инженерно-технического мышления в экспериментальной группе выросли в среднем на 29 % по критериям аналитичности, конструктивности и прогностичности, что подтверждает взаимосвязь развития инженерных навыков с формированием информационной культуры в области искусственного интеллекта.

Полученные данные согласуются с результатами исследований по развитию инженерного мышления в рамках проектно-исследовательских программ [6; 9]. При этом выявлено, что применение ИИ-инструментов существенно усиливает мотивационную составляющую: дети проявляли больший интерес к самостоятельной работе, задавали исследовательские вопросы, стремились улучшить результаты своих цифровых моделей. Анализ творческих проектов показал, что большинство участников стали использовать инженерные принципы при планировании собственных решений: составление схем, выбор алгоритмов, прогнозирование работы системы. Это свидетельствует о формировании у детей когнитивной базы, необходимой для дальнейшего освоения инженерных и ИТ-дисциплин.

Педагогический эффект обусловлен не только внедрением технологий, но и организацией среды: сочетание исследовательского формата обучения, наставничества и доступных цифровых инструментов, что создало условия для перехода от информационного восприятия к инженерно-практическому действию. В этом смысле информационная культура в области ИИ проявила себя как педагогическое условие развития инженерного мышления, обеспечивающее когнитивную, мотивационную и операциональную готовность к решению технических задач. Таким образом, подтверждена гипотеза о системной взаимосвязи между уровнями сформированности информационной культуры и степенью развития инженерно-технического мышления младших школьников в системе дополнительного образования.

Результаты исследования дополняют современные представления о цифровой педагогике, интегрируя подходы к формированию ИК-ИИ и инженерных компетенций в начальном звене образования. Практическая реализация полученных выводов позволяет рекомендовать использование разработанной модели в образовательных организациях дополнительного образования технической направленности, а также в школьных проектах по робототехнике, программированию и цифровому творчеству [10; 11]. Важным направлением дальнейшей работы является развитие методик подготовки педагогов, способных интегрировать технологии искусственного интеллекта в обучение младших школьников с целью развития их инженерного потенциала.

Итак, проведённое исследование подтверждает, что формирование информационной культуры младших школьников в области искусственного интеллекта является эффективным педагогическим условием развития инженерно-технического мышления в системе дополнительного образования. Данная взаимосвязь носит закономерный характер и отражает общую тенденцию современного образования — переход от информационной грамотности к инженерно-интеллектуальной культуре личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферьева-Термсикос В.Б. Формирование информационной культуры младших школьников посредством технологий искусственного интеллекта / В.Б. Алферьева-Термсикос, В.Г. Шубович // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 12–3. – С. 53-58. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.12-3.03. – EDN RNSAZS.
2. Зуев П.В., Кощеева Е.С. Развитие инженерного мышления учащихся в процессе обучения // Педагогическое образование в России. 2016. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-inzhenernogo-myshleniya-uchaschihsya-v-protsesse-obucheniya (дата обращения: 10.11.2025).
3. Люгзаева С.И., Чиранова О.И. Формирование информационной культуры школьника на ступени начального общего образования // Грамота. – 2019. URL: https://www.gramota.net/article/ped20190170/fulltext (дата обращения: 05.11.2025).
4. Семенкова Т.А. Развитие инженерного мышления обучающихся в условиях цифровой трансформации экономики // Инженерное образование: современные проблемы. – 2024. URL: https://ojs.itmo.ru/index.php/ISESCTF/article/download/1441/1211 (дата обращения: 05.11.2025).
5. Уварова Н.Н. Анализ отечественного опыта формирования компетенций в области искусственного интеллекта у обучающихся // Информационно-педагогические исследования. – 2023. – № 3. – С. 72-80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-otechestvennogo-opyta-formirovaniya-kompetentsiy-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta-u-obuchaemyh (дата обращения: 05.11.2025).
6. Малова Е.Н. Формирование творческой активности учащихся в системе дополнительного образования технической направленности / Е.Н. Малова, В.Г. Шубович // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 9. – С. 80–83. – EDN WVMVYK.
7. Петрищева Н.Н. Развитие коммуникативных и творческих способностей детей в процессе визуального программирования в среде scratch в дополнительном образовании / Петрищева Н.Н., Гималетдинова К.Р., Шубович В.Г. // в сборнике: Информационные технологии в образовании. Материалы всероссийской очной научно-практической конференции. 2020. С. 123–128.
8. Садыкова А.Р. Искусственный интеллект как компонент содержания школьного образования // Информатизация образования (РУДН). – 2020. URL: https://journals.rudn.ru/informatization-education/article/download/24753/18705 (дата обращения: 05.11.2025).

9. Белоусова А.С., Халилов Э.Р. Возможности школьного «Кванториума» для практико-ориентированного обучения школьников информационным технологиям // Школа будущего. – 2023. URL: https://school.infojournal.ru/jour/article/view/702/694 (дата обращения: 05.11.2025).
10. Гималетдинова К.Р. Робототехника как базовый предмет в школе для развития технического творчества школьников / В сборнике: Робототехника в школе как ресурс подготовки инженерных кадров будущей России. Сборник методических материалов для работников образования по итогам областных семинаров и курсов повышения квалификации по образовательной робототехнике для работы в условиях реализации Федеральных государственных образовательных стандартов. Киров, 2017. С. 28–31.
11. Гималетдинова К.Р., Аленова А.Н. Внедрение робототехники в образовательное пространство для мотивации дальнейшей деятельности учащихся /В сборнике: Образование и информационная культура: теория и практика. Сборник научных трудов. Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова. Ульяновск, 2017. С. 14–16.

© Сайфутдинова Камиля Рамилевна (kamila.ulspu@bk.ru), Малова Елена Николаевна (belovaen86@mail.ru),
Шубович Валерий Геннадьевич (shubvg@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.35

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ СРЕДСТВАМИ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

DEVELOPING STUDENTS' MOTIVATION FOR PHYSICAL EDUCATION THROUGH DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

V. Svechkarev
R. Kozlov
K. Ashkhamakhov

Summary: The article addresses the problem of developing students' motivation for physical education in the context of digital transformation of higher education. The purpose of the study was to identify the pedagogical potential of digital educational technologies in enhancing students' interest and engagement in physical and health-related activities. The research employed theoretical methods (analysis of psychological and pedagogical literature, synthesis of educational experience) and empirical methods (questionnaires, observation, and pedagogical experiment).

The experimental work was conducted among university students studying the discipline Physical Education and included the use of mobile fitness applications, LMS platforms and interactive forms of digital communication. The results demonstrated a statistically significant increase in both intrinsic and extrinsic motivation levels in the experimental groups compared with the control groups.

It was found that the effective use of digital educational technologies promotes self-monitoring, competitiveness, and awareness of the personal and professional value of physical activity. The study concludes that a comprehensive approach to the integration of digital tools into the physical education process, along with improving teachers' digital competence, is essential for fostering sustainable motivation among students.

Keywords: students' motivation, physical education, digital educational technologies, gamification, physical and health activity, digitalization of education, pedagogical conditions.

Свечкарёв Виталий Геннадьевич
Доктор педагогических наук, профессор, Ростовский институт защиты предпринимателя
vital89286686941@mail.ru
Козлов Роман Сергеевич
Кандидат педагогических наук, доцент, Майкопский государственный технологический университет
roma.kozlov.71@mail.ru
Ашхамахов Казбек Идадович
Кандидат педагогических наук, доцент, Майкопский государственный технологический университет
kaf_fizvos@mkgtu.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования мотивации студентов к занятиям физической культурой в условиях цифровизации образования. Цель исследования заключалась в выявлении педагогических возможностей цифровых образовательных технологий для повышения интереса и вовлеченности студентов в физкультурно-оздоровительную деятельность. В ходе исследования использовались теоретические методы (анализ психолого-педагогической литературы, обобщение педагогического опыта) и эмпирические методы (анкетирование, наблюдение, педагогический эксперимент).

Экспериментальная работа проводилась со студентами вузов, изучающими дисциплину «Физическая культура», и включала использование мобильных фитнес-приложений, LMS-платформ и интерактивных форм цифрового взаимодействия. Результаты исследования показали достоверное повышение уровня внутренней и внешней мотивации студентов в экспериментальных группах по сравнению с контрольными.

Установлено, что эффективное применение цифровых образовательных технологий способствует развитию самоконтроля, соревновательности и осознанию ценности физической активности как личностной и профессиональной потребности. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к интеграции цифровых средств в процесс физического воспитания и повышения цифровой компетентности преподавателей.

Ключевые слова: мотивация студентов, физическая культура, цифровые образовательные технологии, геймификация, физкультурно-оздоровительная деятельность, цифровизация образования, педагогические условия.

Современная система высшего образования находится в условиях активной цифровизации, что приводит к существенным изменениям в содержании, формах и методах образовательного процесса. Введение цифровых образовательных технологий (ЦОТ) в практику вузов не только расширяет возможности преподавателя в организации учебной деятельности, но и требует поиска новых подходов к формированию мотивации обучающихся [12, с. 444]. Особую значимость данная проблема приобретает в сфере физической культуры, где традиционно преобладают очные формы взаимодействия и непосредственная двигательная активность [14].

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации, в студенческой среде наблюдается снижение интереса к занятиям физической культурой, что связано с изменением ценностных ориентиров молодежи, высоким уровнем учебной нагрузки, преобладанием сидячего образа жизни и недостаточным осознанием значимости физической активности для личностного и профессио-

нального развития. В этих условиях использование цифровых образовательных технологий может стать эффективным инструментом повышения мотивации студентов к занятиям физической культурой, если оно направлено не только на организацию контроля и информирования, но и на развитие внутренней потребности в регулярных физических упражнениях.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления и практического обоснования педагогических условий, способствующих формированию устойчивой мотивации студентов к занятиям физической культурой в цифровой образовательной среде. Научный интерес представляет изучение возможностей интеграции цифровых платформ, мобильных приложений, интерактивных сервисов и онлайн-курсов в образовательный процесс с целью повышения вовлеченности обучающихся и формирования у них позитивного отношения к физической активности.

Целью настоящего исследования является выявление педагогических возможностей цифровых образовательных технологий в формировании мотивации студентов к занятиям физической культурой и определение эффективных средств и методов их использования в образовательном процессе вуза.

Проблема формирования мотивации студентов к занятиям физической культурой традиционно занимает значимое место в педагогических исследованиях. В отечественной и зарубежной науке мотивация рассматривается как совокупность побудительных факторов, определяющих направленность и активность личности [4; 10]. В контексте физического воспитания мотивация является ключевым условием успешности формирования устойчивой потребности в регулярной двигательной активности [5; 15].

Ряд исследователей (Бальсевич В.К.; Матвеев Л.П.; Холодов Ж.К. и др.) отмечают, что традиционные формы физкультурно-оздоровительной деятельности в вузе не всегда соответствуют интересам и ценностным ориентирам современной молодежи, что приводит к снижению вовлеченности студентов в занятия физической культурой [1; 11; 17]. В этой связи особое внимание уделяется поиску инновационных педагогических технологий, способных повысить мотивационный потенциал учебного процесса.

С развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании усилился интерес исследователей к вопросам цифровизации физкультурного образования. В работах отечественных ученых показано, что использование цифровых образовательных ресурсов способствует индивидуализации и интерактивности обучения, что положительно влияет на уровень познавательной и учебной мотивации студентов [2; 3; 7; 9; 14; 16].

В контексте физического воспитания применение цифровых технологий проявляется в использовании онлайн-платформ и мобильных приложений для организации самостоятельных тренировок, мониторинга физической активности, формирования индивидуальных программ занятий [6; 8]. Исследования зарубежных авторов также подтверждают, что цифровая среда при правильной педагогической организации способствует росту мотивации к физической активности за счёт визуализации результатов, геймификации и социальной поддержки [18, с. 1874; 19, с. 3025; 20, с. 102].

Отдельное направление исследований связано с внедрением цифровых платформ в учебные курсы по физической культуре. Так, научные работы показывают, что использование LMS-систем (Moodle, Google Classroom и др.) позволяет расширить коммуникацию между преподавателем и студентами, обеспечить обратную связь и повысить ответственность обучающихся за результаты занятий [3, с. 5; 13].

Тем не менее, несмотря на накопленный опыт, вопрос о педагогических условиях формирования мотивации студентов к занятиям физической культурой средствами цифровых технологий остаётся недостаточно изученным. Необходимы исследования, направленные на выявление эффективных моделей мотивационного воздействия в цифровой образовательной среде, а также на оценку их результативности в практике высшего образования.

Исследование проводилось в 2023–2024 учебном году на базе Ростовского института защиты предпринимательства и Майкопского государственного технологического университета. В исследовании приняли участие 120 студентов 1–3 курсов непрофильных специальностей (60 юношей и 60 девушек) в возрасте от 18 до 21 года. Все участники имели обязательный курс по дисциплине «Физическая культура и спорт».

Целью исследования являлось определение эффективности использования цифровых образовательных технологий в формировании мотивации студентов к занятиям физической культурой.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- Изучить уровень мотивации студентов к занятиям физической культурой на начальном этапе обучения.
- Разработать и внедрить комплекс цифровых средств, направленных на повышение интереса к занятиям физической культурой.

- Оценить динамику изменений показателей мотивации после внедрения цифровых технологий.

В работе использовались как теоретические, так и эмпирические методы исследования: анализ и обобщение психолого-педагогической и научно-методической литературы по проблеме формирования мотивации и использования цифровых технологий в физическом воспитании; систематизация и интерпретация полученных данных для выявления педагогических условий эффективного формирования мотивации; анкетирование (использована методика диагностики мотивации к занятиям физической культурой по модифицированной шкале В.И. Ильина и Е.П. Ильина) [5]; педагогическое наблюдение за поведением студентов на практических занятиях и при самостоятельных тренировках; педагогический эксперимент, включавший констатирующий и формирующий этапы.

На констатирующем этапе исследовалась исходная мотивация студентов к занятиям физической культурой, уровень их информированности о современных цифровых инструментах для тренировок и самоконтроля.

На формирующем этапе в экспериментальные группы были внедрены цифровые образовательные технологии, включающие использование мобильных приложений для контроля физической активности (например, Strava, MyFitnessPal, Google Fit); ведение электронных дневников тренировок и достижений через LMS Moodle; участие в онлайн-челленджах и виртуальных соревнованиях; использование обучающих видеокурсов и интерактивных тренажёров; обратная связь преподавателя через цифровую образовательную платформу и социальные сети учебных групп.

Контрольные группы занимались по традиционной методике без активного применения цифровых технологий.

Для обработки результатов использовались методы вариационной статистики: вычисление средних величин, стандартного отклонения, критерия Стьюдента (t) для оценки достоверности различий между контрольной и экспериментальной группами. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием пакета программ SPSS Statistics 26.0.

На констатирующем этапе эксперимента было выявлено, что большинство студентов (около 62 %) имели низкий или средний уровень мотивации к занятиям физической культурой. Только 18 % респондентов демонстрировали устойчивую внутреннюю мотивацию, связанную с осознанием личной значимости физической активности для здоровья и профессионального развития. Преобладающим мотивом у участников исследования выступала внешняя мотивация — необходимость выполнения учебных требований и получение зачёта по дисциплине.

Проведённый анализ показал, что студенты проявляют ограниченный интерес к традиционным формам занятий, но положительно относятся к использованию цифровых технологий в образовательном процессе. Более 70 % опрошенных выразили готовность использовать мобильные приложения для контроля физической активности и ведения электронных дневников достижений.

На формирующем этапе эксперимента в учебный процесс экспериментальной группы были внедрены цифровые образовательные технологии.

Через четыре месяца после начала эксперимента была проведена повторная диагностика мотивации. Полученные данные показали положительную динамику в экспериментальной группе.

Таблица 1.

Динамика уровня мотивации в экспериментальной группе

Уровень мотивации	До эксперимента (%)	После эксперимента (%)	Изменение (п.п.)
Высокий	18	46	+28
Средний	34	42	+8
Низкий	48	12	-36

В контрольной группе, где цифровые технологии не применялись, значимых изменений не наблюдалось: доля студентов с высоким уровнем мотивации увеличилась незначительно (с 17 % до 22 %). Статистическая обработка данных с использованием критерия Стьюдента ($t = 2,43$, $p < 0,05$) подтвердила достоверность различий между экспериментальной и контрольной группами по итоговому уровню мотивации.

Качественный анализ результатов показал, что использование цифровых образовательных технологий способствует повышению познавательного и эмоционального интереса студентов к занятиям физической культурой, усиливает чувство самоконтроля и ответственности за результаты, способствует развитию соревновательного духа и поддерживает регулярность тренировочного процесса.

Особенно высокий мотивационный эффект наблюдался при использовании элементов геймификации (системы баллов, рейтингов и достижений), а также социального взаимодействия через цифровые платформы, позволяющего студентам обмениваться результатами и получать поддержку со стороны одногруппников и преподавателей.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что целенаправленное использование цифровых образовательных технологий способствует повышению уровня мотивации студентов к занятиям физической культурой, что согласуется с выводами, представлен-

ными в исследованиях, где отмечается значительный потенциал цифровой образовательной среды в активизации познавательной и личностной мотивации обучающихся [2; 3; 7; 9; 14; 16].

Анализ динамики мотивационных показателей показал, что интеграция цифровых инструментов в учебный процесс оказывает комплексное воздействие на формирование положительного отношения студентов к физической активности. Использование мобильных приложений и онлайн-платформ усиливает внешнюю мотивацию за счёт соревновательности и возможности сравнения достижений с другими участниками, а элементы геймификации и цифрового самоконтроля способствуют переходу от внешних стимулов к формированию внутренней мотивации — осознанию ценности физической активности как элемента здорового образа жизни.

Особое значение имеет социальный аспект цифрового взаимодействия. Возможность коммуникации с преподавателем и сверстниками в цифровой среде усиливает чувство принадлежности к сообществу, создаёт благоприятные условия для самоутверждения и повышения самооценки, что, в свою очередь, является важным фактором поддержания устойчивой мотивации. Данные выводы коррелируют с результатами зарубежных исследований, в которых подчеркивается роль интерактивных цифровых технологий в формировании саморегуляции и внутренней вовлечённости студентов в процесс физического развития [18; 20].

Сравнение контрольной и экспериментальной групп показало, что цифровизация физкультурно-оздоровительного процесса эффективна только при наличии педагогического сопровождения и методически продуманной интеграции технологий. Использование цифровых инструментов без педагогического замысла не приводит к устойчивым результатам, что подтверждает необходимость формирования у преподавателей цифровой педагогической компетентности.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

- Формирование мотивации студентов к занятиям физической культурой является многофакторным процессом, который требует комплексного педагогического подхода, включающего использование цифровых технологий как средства повышения вовлечённости и самоконтроля.
- Цифровые образовательные технологии (мобильные приложения, LMS-платформы, онлайн-челленджи, геймификация) оказывают положительное влияние на мотивацию студентов, способствуя переходу от внешней к внутренней мотивации и развитию устойчивой привычки к регулярным физическим упражнениям.
- Наиболее эффективным является сочетание цифровых средств с интерактивными формами педагогического взаимодействия, обеспечивающими обратную связь, поддержку и возможность самооценки результатов.
- Внедрение цифровых технологий в процесс физического воспитания требует повышения цифровой компетентности преподавателей и разработки методических рекомендаций по их педагогически целесообразному использованию.

Результаты исследования подтверждают перспективность цифровизации физкультурного образования и могут быть использованы для совершенствования методики преподавания дисциплины «Физическая культура» в вузах, а также для разработки программ по формированию мотивации студентов к ведению здорового образа жизни в условиях современной цифровой среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальсевич В.К. Физическая культура для всех и каждого. — М.: Советский спорт, 2006. — 320 с.
2. Буримский Н.А. Применение информационных технологий как метод мотивации вовлеченности студентов в физическую культуру / Н.А. Буримский, С.С. Межман // Молодой ученый. – 2025. – № 6(557). – С. 67–68. – EDN PXATAA.
3. Быковская А.Д. Влияние цифровых технологий на формирование мотивации к занятию физической культурой / А.Д. Быковская, Д.А. Данилова, Н.В. Приймак // Студенческий. – 2025. – № 12–4(308). – С. 5–9. – EDN VDXFTM.
4. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. — М.: Политиздат, 1984. — 271 с.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2002. — 512 с.
6. Ковтуненко А.В. Фитнес-статус мобильных приложений как инструмент мотивации студентов вузов к занятиям физической культурой и спортом / А.В. Ковтуненко // Мир университетской науки: культура, образование. – 2021. – № 7. – С. 75–82. – DOI 10.18522/2658–6983-2021-7-75-82. – EDN ESAAAX.
7. Колеватов А.В. Система предиспозиций низкой мотивации студентов к занятиям физической культурой в условиях дистанционного обучения / А.В. Колеватов // Обзор педагогических исследований. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 100–104. – EDN YKHGBO.
8. Компоненты развития мотивации студентов к занятиям физической культурой при дистанционном обучении / О.С. Цыганенко, О.А. Маркова, Т.И. Величко, А.Г. Смирнов // Проблемы современного образования. – 2022. – № 2. – С. 210–215. – DOI 10.31862/2218–8711-2022-2-210-215. – EDN IXMDUW.
9. Крамской С.И. Мотивация как фактор эффективности дистанционного обучения в вузе элективными дисциплинами по физической культуре и спорту /

С.И. Крамской, И.А. Амельченко, Д.Е. Егоров // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70–1. – С. 215–220. – EDN QWPXWD.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1977. — 304 с.
11. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры. — СПб.: Питер, 2010. — 544 с.
12. Мотивация как основной компонент занятий физической культурой / О.В. Савельева, И.В. Савельев, А.М. Данилова, А.Д. Воронин // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 1(215). – С. 444–449. – DOI 10.34835/issn.2308–1961.2023.01. p444-449. – EDN DMITKQ.
13. Мотивация студентов к занятиям физической культурой во время удаленного обучения / Д.Д. Захаров, Б.М. Сапаров, Л.А. Шинкарюк [и др.] // Молодежь и наука. – 2020. – № 11. – EDN KREVKA.
14. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. — М.: Академия, 2018. — 368 с.
15. Рудик П.А. Психология физического воспитания. — М.: Академия, 2005. — 224 с.
16. Свечкарев В.Г. Применение современных информационных технологий в совершенствовании двигательных возможностей человека / В.Г. Свечкарев // Информационные технологии в науке и образовании. Проблемы и перспективы: сборник статей по материалам X Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 15 марта 2023 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2023. – С. 49–53. – EDN IPICDU.
17. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта. — М.: Академия, 2016. — 480 с.
18. Chen Y., Zhang L., Liu J. Digital learning environments and students' motivation in physical education // Journal of Physical Education and Sport. — 2022. — Vol. 22, No. 7. — P. 1874–1881.
19. Niemi H., Nevgi A. Digital pedagogy, and active learning in higher education: challenges and solutions // Education and Information Technologies. — 2021. — Vol. 26, No. 3. — P. 3025–3043.
20. Wang H., Chen M. Gamification in university physical education: impacts on motivation and participation // International Journal of Emerging Technologies in Learning. — 2023. — Vol. 18, No. 4. — P. 102–110.

© Свечкарёв Виталий Геннадьевич (vital89286686941@mail.ru), Козлов Роман Сергеевич (roma.kozlov.71@mail.ru),
Ашхамахов Казбек Идадович (kaf_fizvos@mkgtu.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.39

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ, ЛИЧНОСТНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВЕТНИКОВ ДИРЕКТОРОВ ПО ВОСПИТАНИЮ[1]

CONTEMPORARY APPROACHES TO ASSESSING THE UNIVERSAL, PERSONAL, AND PROFESSIONAL COMPETENCIES OF EDUCATION ADVISORS TO PRINCIPALS

S. Spevakova

Summary: This article analyzes contemporary approaches to assessing the universal, personal, and professional competencies of education advisors to principals in the context of the digital transformation of education. The article examines the theoretical and methodological foundations of competency assessment at the intersection of acmeological and competency-based approaches and analyzes existing models for structuring the professional competencies of education specialists. Particular attention is paid to the issue of digital competencies as an integral component of modern teacher professionalism and the specifics of their assessment among educational institution managers. Systemic challenges in developing a unified methodological framework for professional assessment are identified, including the high level of subjectivity in procedures, the lack of unified standards, and the resource-intensive nature of complex diagnostic methods. The need to create a national competency framework for educational advisors and develop accessible, valid assessment tools integrated into the formative assessment system to ensure the continuous professional development of specialists is substantiated.

Keywords: educational advisor competencies, professional assessment of teaching staff, digital competencies of leaders, acmeological approach in education, formative assessment of specialists, educational activities in the digital environment.

Спевакова Софья Геннадьевна
кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Армавирский государственный педагогический университет
soffya_s@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу современных подходов к оценке универсальных, личностных и профессиональных компетенций советников директоров по воспитанию в условиях цифровой трансформации образования. Рассматриваются теоретико-методологические основания оценки компетенций на пересечении акмеологического и компетентностного подходов, анализируются существующие модели структурирования профессиональных компетенций специалистов воспитательной сферы. Особое внимание уделяется проблеме цифровых компетенций как неотъемлемой составляющей профессионализма современного педагога и специфике их оценки у руководящих работников образовательных организаций. Выявлены системные проблемы формирования единого методологического пространства профессиональной оценки, включая высокий уровень субъективизма процедур, отсутствие унифицированных стандартов и ресурсоемкость комплексных методов диагностики. Обоснована необходимость создания национальной рамки компетенций советников по воспитанию и разработки доступного валидного инструментария оценки, интегрированного в систему формирующего оценивания для обеспечения непрерывного профессионального развития специалистов.

Ключевые слова: компетенции советников по воспитанию, профессиональная оценка педагогических работников, цифровые компетенции руководителей, акмеологический подход в образовании, формирующее оценивание специалистов, воспитательная деятельность в цифровой среде.

Введение

Актуальность проблемы оценки профессиональных компетенций в образовательной сфере обусловлена глобальными процессами цифровой трансформации. Необходимость адаптации к изменяющимся условиям профессиональной деятельности потребовала пересмотра подходов к формированию и оценке компетенций специалистов образовательных организаций. В контексте воспитательной работы особую значимость приобретает проблема профессиональной оценки советников директоров по воспитанию, деятельность которых находится на стыке традиционных педагогических практик и современных требований цифровой образовательной среды.

Теоретико-методологические основания современных подходов к оценке компетенций формируются на пересечении компетентностного и акмеологического подходов. Исследователь проблемы профессионализма

1 Публикация подготовлена/исследование проведено в рамках выполнения государственного задания с Министерством Просвещения Российской Федерации по теме «Методология оценки универсальных, личностных и профессиональных компетенций советников директоров по воспитанию» (OTGE-2025–0025) 1024122500009-2-5.3.1

советников по воспитанию А.В. Кисляков обосновывает применение акмеологического подхода для комплексной оценки профессиональной деятельности специалистов в области воспитания [4]. Данный подход позволяет рассматривать профессиональное развитие как процесс достижения вершин профессионального мастерства через систематическое совершенствование компетенций. Личностный аспект охватывает диагностическую, целевую, мотивационную, организационно-процессуальную, коммуникативную, контрольно-коррекционную и документоведческую деятельность советников.

Компетентностный подход получил дальнейшее развитие в работах О.А. Лаврентьевой, которая обосновала необходимость интеграции аксиологического подхода для определения профессиональной компетентности как единства личностных качеств и профессиональных умений советников по воспитанию [5]. Проведенное ею эмпирическое исследование среди сотрудников образовательных организаций выявило значительную дифференциацию в понимании профессиональных функций специалистов по воспитанию. Результаты анкетирования показали, что только половина респондентов четко представляет приоритетные компетенции советников, тогда как значительная часть педагогического сообщества испытывает затруднения в определении их профессиональных границ.

Структурирование компетенций руководящих работников образовательных организаций представлено в исследовании Н.В. Шляхтиной и Н.И. Бобылевой, апробировавших модель независимой оценки профессиональных компетенций руководителей общеобразовательных организаций Ярославской области [8]. Разработанный ими механизм оценки базируется на рефлексии собственной деятельности с использованием критериев в двух позициях знания и умения в соответствии с требованиями профессионального стандарта. Анализ результатов показал существенную дифференциацию уровней сформированности различных управленческих компетенций, при этом наибольшие затруднения руководители испытывают в области стратегического планирования, целеполагания и внедрения инновационных практик.

Развитие методологии структурирования компетенций нашло отражение в работе О.Ю. Гордашниковой, предложившей систему из пяти групп компетенций руководителя образовательной организации [3]. Разработанная модель включает специальные, управленческие, стратегические, коммуникативные и цифровые компетенции с детализированными индикаторами достижения. Принципиальным методологическим решением стала трехуровневая система оценивания, позволяющая дифференцировать частичные знания, теоретические знания и практический опыт применения компетенций в профессиональной деятельности.

Проблема цифровых компетенций, как составной части профессионализма современного педагога, получила специальное рассмотрение в работах исследователей различных научных школ. Исследование В.А. Быстровой и Г.П. Гагаринской базируется на рамке цифровых компетенций DigComp 2.0 и устанавливает специфику цифровых компетенций руководящих работников, которые имеют расширенный характер по сравнению с рабочим персоналом, особенно в области аналитических навыков и управления рисками [2]. Авторы выделили три направления развития цифровых компетенций, включающие профессиональную подготовку, практический опыт и систему периодической оценки собственных навыков.

Комплексный подход к формированию цифровой компетентности различных категорий работников образовательных организаций представлен в исследовании А.А. Эльтемерова [9]. На основе анализа результатов опроса преподавателей вузов России и библиометрического анализа научных публикаций автор разработал структурированную модель цифровой подготовки по трем категориям дисциплин и определил три уровня цифровой компетентности с привязкой к должностным позициям. Выявленная в исследовании проблема несоответствия материально-технического оснащения требованиям цифрового общества актуализирует необходимость системного подхода к развитию цифровой инфраструктуры образовательных организаций.

Разработка инструментария для диагностики цифровых компетенций представлена в исследовании О.В. Ребко и Н.С. Веткиной, создавших программный продукт для онлайн-тестирования преподавателей вузов [7]. Структура диагностики охватывает семь функциональных блоков компетенций, включающих безопасность в сети интернет, управление информацией и данными, управление цифровой идентичностью, коммуникацию в цифровой среде, цифровой этикет, разработку цифрового образовательного контента и использование сквозных цифровых технологий. Практическая значимость разработанного инструмента заключается в обеспечении возможности качественной самодиагностики с получением персональных рекомендаций по развитию компетенций.

Междисциплинарный подход к оценке актуальных компетенций управленческих кадров реализован в исследовании Г.В. Можаевой с соавторами [6]. На основе опроса выпускников Президентской программы подготовки управленческих кадров и руководителей компаний авторы разработали модель, включающую восемь блоков компетенций от профессиональных до экологических. Сравнительный анализ позволил установить приоритетность различных групп компетенций и обосновать трехуровневую систему их оценки, дифференцирующую методы в зависимости от уровня освоения от базового до высокого.

Технологические решения в области автоматизации оценки компетенций представлены в исследовании Х.Х. Этуева с коллегами [10]. Разработанная платформа с модульной архитектурой и интегрированной системой прокторинга обеспечивает комплексную оценку всех компонентов компетенции, включая знания, умения, навыки, опыт и когнитивные способности. Сравнительное тестирование с системой Moodle продемонстрировало функциональную состоятельность платформы, однако выявило существенные расхождения в результатах оценивания, что актуализирует проблему валидности автоматизированных систем оценки.

Методология многокритериального ранжирования в оценке компетенций получила развитие в работе Н.И. Белодеда и Б.В. Новыша [1]. Разработанная информационная система на базе клиент-серверной архитектуры позволяет проводить комплексную цифровую оценку компетенций различных категорий сотрудников с использованием пяти групп компетенций, охватывающих управленческие, специальные профессиональные, нравственные, интеллектуальные, лидерские, психофизические, коммуникативные, культурологические качества и организаторские способности. Система предусматривает многоуровневую оценку с верификацией данных, что обеспечивает объективность оценочных процедур.

Проведенный анализ современных подходов к оценке компетенций советников директоров по воспитанию выявил комплекс системных проблем, препятствующих формированию единого методологического пространства профессиональной оценки. Первостепенной проблемой является высокий уровень субъективизма в оценочных процедурах, обусловленный различными запросами представителей общественности, педагогов-практиков, детей и родителей к профессиональной деятельности советников. Эмпирические данные свидетельствуют о существенной дифференциации в понимании профессиональных функций специалистов, что создает концептуальную неопределенность в установлении критериев оценки.

Отсутствие единых стандартов оценки компетенций усугубляется новизной профессии советника по воспитанию, что обусловливает слабую представленность деятельности данных специалистов в научной литературе и практике. Размытость профессиональных границ приводит к ситуации, когда значительная часть участников образовательного процесса не осознает необходимость данного специалиста в системе воспитательной работы. Данная проблема требует не только разработки нормативных документов, но и формирования профессионального сообщества советников с четко артикулированными функциональными обязанностями и компетенциями.

Высокая ресурсоемкость комплексных методов оценки создает практические барьеры для их массового внедрения в образовательных организациях. Разработанные исследователями автоматизированные системы требуют значительных финансовых и временных затрат на внедрение, обучение персонала и техническую поддержку. При этом сравнительный анализ различных платформ оценки выявляет существенные расхождения в результатах, что ставит под вопрос их валидность и надежность. Необходим поиск оптимального баланса между полнотой диагностики и доступностью инструментария для массового применения.

Перспективным направлением развития системы оценки является разработка валидного и надежного диагностического инструментария, интегрирующего достижения различных методологических подходов. Такой инструментарий должен обеспечивать комплексную оценку личностного, процессуального и результативного аспектов профессиональной деятельности советников при сохранении доступности и технологичности процедур. Принципиальное значение имеет включение в систему оценки механизмов рефлексии собственной деятельности, позволяющих специалистам осознавать зоны профессионального развития и самостоятельно выстраивать траектории совершенствования компетенций.

Внедрение системы формирующего оценивания открывает возможности для непрерывного профессионального развития советников по воспитанию через систематическую обратную связь и персонализированные рекомендации. Формирующее оценивание должно быть встроено в контекст реальной профессиональной деятельности и обеспечивать своевременную коррекцию профессиональных дефицитов. Особую актуальность приобретает развитие гностических, проектировочных, оценочных и прогностических умений советников, что требует переориентации системы повышения квалификации с трансляции готовых знаний на развитие способности к самостоятельному профессиональному совершенствованию.

Стратегическим направлением развития системы оценки является создание национальной рамки компетенций советников по воспитанию, интегрирующей универсальные, личностные и профессиональные компетенции в единую структуру. Такая рамка должна учитывать специфику воспитательной деятельности в цифровой образовательной среде, включая расширенные цифровые компетенции в области аналитики данных, управления рисками и формирования цифровой культуры. Интеграция международного опыта оценки компетенций с учетом национальной специфики российской системы образования позволит создать методологическую основу для объективной и всесторонней оценки профессионализма советников директоров по воспитанию.

Заключение

Проведенный анализ современных подходов к оценке компетенций советников директоров по воспитанию демонстрирует существенную методологическую неопределенность в этой области, обусловленную новизной профессии и отсутствием единых стандартов оценивания. Исследование выявило ключевую проблему высокого субъективизма оценочных процедур, связанную с различным пониманием профессиональных функций советников участниками образовательного процесса. Актуализируется необходимость разработки национальной рамки компетенций, интегрирующей акмеологический и компетентностный подходы с учетом специфики цифровой образовательной среды.

Перспективным направлением развития представляется создание доступного валидного инструментария оценки, встроенного в систему формирующего оценивания и обеспечивающего непрерывное профессиональное развитие специалистов через рефлексию собственной деятельности. Стратегическое решение выявленных проблем требует системной работы по формированию профессионального сообщества советников с четко артикулированными функциональными обязанностями и созданию методологической основы для объективной многокомпонентной оценки их профессионализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белодед Н.И. Информационная система цифровой оценки компетенций / Н.И. Белодед, Б.В. Новыш // Цифровая трансформация. – 2021. – № 4. – С. 63–71. – EDN PDXLUR.
2. Быстрова В.А. Формирование цифровых компетенций у руководящих работников / В.А. Быстрова, Г.П. Гагаринская // Инновационные стратегии управления человеческими ресурсами: сборник научных трудов VII Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 02 декабря 2024 года. – Самара: Самарама, 2024. – С. 258–268. – EDN PETXJQ.
3. Гордашникова О.Ю. Проектирование системы самооценки сформированности профессиональных компетенций руководителей общеобразовательных организаций / О.Ю. Гордашникова // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2021. – № 2(30). – С. 14–20. – EDN ADFFYL.
4. Кисляков А.В. Исследование профессионализма советников директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями: инструментарий, диагностика, результаты исследования / А.В. Кисляков, А.В. Щербаков, С.В. Буравова // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2023. – № 2(55). – С. 133–147.
5. Лаврентьева О.А. Компетентностная модель деятельности советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями / О.А. Лаврентьева // Социально-политические исследования. – 2023. – № 3(20). – С. 110–124. – DOI: http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2023-3-20-110.
6. Можаева Г.В. Цифровые компетенции в модели актуальных компетенций управленческих кадров / Г.В. Можаева, Л.Д. Александрова, В.Н. Пуляева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – Т. 10, № 6. – С. 49–55. – DOI 10.26794/2226–7867-2020-10-6-49–55. – EDN PKDYON.
7. Ребко О.В. Диагностический инструментарий оценки цифровых компетенций сотрудников / О.В. Ребко, Н.С. Веткина // Информация и образование: границы коммуникаций. – 2022. – № 14(22). – С. 80–82. – EDN EHLOIA.
8. Шляхтина Н.В. Разработка модели независимой оценки профессиональных компетенций руководителей общеобразовательных организаций / Н.В. Шляхтина, Н.И. Бобылева // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – № 3(52). – С. 103–113. – EDN XQHWWC.
9. Эльтемеров А.А. Развитие цифровой компетентности преподавателей и педагогических работников вузов / А.А. Эльтемеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2024. – Т. 21, № 2. – С. 157–168. – DOI 10.22363/2312–8631-2024-21-2-157-168. – EDN IPKALX.
10. Этуев Х.Х. Автоматизированная оценка уровней сформированности профессиональных компетенций / Х.Х. Этуев, С.К. Соколова, А.В. Шупаев, М.А. Осипов // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2024. – Т. 1, № 2(98). – С. 186–203. – DOI 10.24412/2224–0772-2024-98-186-203. – EDN IIFAMA.

© Спевакова Софья Геннадьевна (soffya_s@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.40

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ФОНДА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ БУДУЩЕГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УСПЕХА РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ

THE REASONS FOR THE ESTABLISHMENT OF THE NATIONAL RESEARCH FOUNDATION AND ITS ROLE IN SHAPING THE FUTURE ACADEMIC SUCCESS OF THE REPUBLIC OF INDIA

V. Stepanov
N. Stepanova

Summary: This study analyzes the key principles and mechanisms of India's National Education Policy 2020 in the context of government support for R&D. It aims to identify the role of the National Research Foundation in shaping the country's future academic success. The methodological framework is based on a comprehensive analysis of educational policy documents and relevant scientific literature. Particular attention is paid to the rationale for the creation of the National Research Foundation and its role in supporting scientific research. The analysis identified key areas of its activities, including expanding government funding for the promotion of high-quality research in the natural sciences, engineering, medical sciences, social sciences, and humanities. Without this, it is difficult to achieve significant structural changes in the economy and accelerate the development of key industries to achieve the status of a new superpower. The study's results demonstrate the significant potential of India's experience for supporting scientific research in other countries, particularly Russia, where these issues remain relevant in the context of socioeconomic differentiation.

Keywords: India, national education policy 2020, national research foundation, support for scientific research.

Степанов Виктор Иванович
ректор, кандидат педагогических наук, Алтайский экономико-юридический институт
rector@aeli.altai.ru
Степанова Наталья Викторовна
кандидат технических наук, старший научный сотрудник, АО НПФ Информационные и сетевые технологии
natalia0410@rambler.ru

Аннотация: Данное исследование анализирует ключевые принципы и механизмы Национальной образовательной политики Индии 2020 года в контексте государственной поддержке НИОКР. Исследование направлено на выявление роли Национального исследовательского фонда в формировании будущего академического успеха страны. Методологическая основа работы базируется на комплексном анализе документов образовательной политики и научной литературы по исследуемой проблематике. Особое внимание уделяется изучению причин создания Национального исследовательского фонда, его роли в поддержке научных исследований. В ходе анализа выявлены основные направления его деятельности, включающие расширение государственного финансирования продвижения высококачественных исследований в области естественных наук, технических наук, медицинских наук, общественных и гуманитарных наук, без этого сложно достичь серьезных структурных изменений в экономике, ускоренного развития важнейших отраслей промышленности для достижения статуса новой сверхдержавы. Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал индийского опыта для поддержки научных исследований других стран, в частности России, где эти вопросы остаются актуальными в условиях социально-экономической дифференциации общества.

Ключевые слова: Индия, национальная образовательная политика 2020, национальный исследовательский фонд, поддержка научных исследований.

Сегодняшняя мировая реальность резко обозначила проблемы формирования академического успеха, вскрыла причины ограниченного финансирования НИОКР, сокращения числа научных работников в возрасте до 35 лет, подтвердила недостаточность средств, выделяемых на финансирование научных исследований и разработок, направленных на продвижение новейших технологий.

Еще в Национальной образовательной политике 1968 г. подчеркивалась необходимость инвестировать 6% национального дохода в образование для его полного роста.

Трансформации вузов от традиционных университетов, которые до XIX в. поддерживали святость академической свободы, к университетам XX в., ориентированным на исследования, и к управляемым и предпринимательским университетам XIX в., которые продолжают уделять огромное внимание научным исследованиям для роста динамично развивающейся экономики.

Особенно это значимо для университетов Республики Индия, население которой на середину 2023 г. составляло 1392,3 млн человек [1, с. 26].

Согласно прогнозам, к 2030–2032 годам Индия станет третьей по величине экономикой в мире, а ее ВВП оценивается в десять триллионов долларов. Очевидно, что десятитриллионная экономика будет развиваться за счет ресурсов знаний, а не природных ресурсов страны [2, с. 191].

Сегодня, как никогда ранее, важны исследования для экономического, интеллектуального, социального, экологического и технологического прогресса нации. Несмотря на такую критическую важность исследований. инвестиции в исследования и инновации в Индии в настоящее время составляют всего 0,69% от ВВП по сравнению с 2,8% в Соединенных Штатах Америки, 4,3% - в Израиле и 4,2% - в Южной Корее [3, с. 43–44].

Согласно статистике BRICS Joint Statistical Publication, 2024 доля расходов на НИОКР в % от ВВП в Индии составила 0,6% (данные 2020 года) [1, с. 14].

В 1918–1923 годах эквивалент полной занятости научно-исследовательского персонала (человеко-год) в Республике Индия составил 361924190 (данные 2021 года) [1, с. 14].

Современные проблемы, требующие от государства незамедлительного решения (доступ населения к питьевой воде, качественному медицинскому обслуживанию, развитие инфраструктуры, улучшение состояния экологии и т.д.), детерминируют необходимость разработки инновационных подходов, которые реализуемы лишь при условии проведения в стране фундаментальных междисциплинарных исследований, что в Индии на данный момент не осуществляются и / или заимствуются из иностранного передового научного опыта. А между тем глубинное понимание социальных, культурных и экологических аспектов жизни государства во многом приблизят страну к решению актуальных проблем. Кроме того, способность проводить собственные исследования также позволяет Индии гораздо легче импортировать и адаптировать соответствующие исследования из-за рубежа. Исследования в области гуманитарных наук, наряду с инновациями в естественных и социальных науках, чрезвычайно важны для прогресса и просвещенности нации. Исследования и инновации в учебных заведениях Индии, особенно в тех, которые имеют статус высших, демонстрируют приоритетное значение. Передовые практики ведущих высших школ мира наглядно иллюстрируют прямую зависимость качества обучения в целом от научной активности вуза: среда, где существует сильная культура исследований и создания знаний способна сформировать наиболее грамотного специалиста; большая часть лучших исследований в мире проводилась в многопрофильных университетах. Индия имеет давнюю историческую традицию исследований и создания знаний в различных областях. Ее необходимо укрепить, чтобы в XXI веке Индия стала лидером в области исследований и инноваций, сильным и просвещенным обществом знаний и одной из трех крупнейших экономик мира. Таким образом, данная политика предусматривает комплексный подход к изменению качества и количества исследований в Индии. Она включает в себя консультирование по вопросам карьеры в школах с целью выявления интересов и талантов учащихся, поощрение исследований в университетах, междисциплинарный характер всех вузов и акцент на целостном образовании, включение исследований и стажировок в учебный план бакалавриата, систему управления карьерой преподавателей, предающей должное значение исследованиям, а также изменения в управлении и регулировании, способствующие созданию среды для исследований и инноваций. Все эти аспекты чрезвычайно важны для развития исследовательского менталитета в стране. Для синергетического развития этих различных элементов и, таким образом, для реального роста и стимулирования качественных исследований в стране, NEP 2020 предусматривает создание Национального исследовательского фонда (National Research Foundation, NRF). Его главной целью оказывается разработка и внедрение определенных условий для развития исследовательской функции высших школ. В частности, National Research Foundation примет на себя роль финансирования проводимых исследований, что основаны на заслугах, однако объективно оцениваемых экспертами, помогая тем самым развивать культуру исследований в стране посредством соответствующих стимулов и признания выдающихся исследований, а также путем осуществления крупных инициатив по развитию исследований в университетах штатов и других государственных учреждениях, где исследовательский потенциал в настоящее время ограничен. NRF будет на конкурсной основе финансировать исследования по всем дисциплинам. Успешные исследования будут признаны и реализованы благодаря тесным связям с правительственными агентствами, а также с промышленностью и частными/филантропическими организациями. Учреждения, которые в настоящее время финансируют исследования на определенном уровне, такие как Департамент науки и технологий, Департамент атомной энергии, Департамент биотехнологий, Индийский совет сельскохозяйственных исследований, Индийский совет медицинских исследований, Индийский совет исторических исследований, Комиссия по университетским грантам, а также различные частные и филантропические организации будут продолжать самостоятельно финансировать исследования в соответствии со своими приоритетами и потребностями. Тем не менее Национальный исследовательский фонд будет тщательно координировать свою деятельность с другими финансирующими агентствами и сотрудничать с научными, инженерными и другими организациями, чтобы обеспечить синергию целей и избежать дублирования усилий. NRF будет управляться независимо от правительства ротируемым советом управляющих, состоящим из лучших исследователей и новаторов в разных областях. Основными направлениями деятельности Национального исследовательского фонда будут:

— финансирование конкурентоспособных, прошедших экспертную оценку заявок на гранты всех типов и по всем дисциплинам;

— инициирование, развитие и содействие исследованиям в академических учреждениях, особенно в университетах и колледжах, где исследования в настоящее время находятся на начальной стадии, посредством наставничества таких учреждений;
— деятельность в качестве связующего звена между исследователями и соответствующими ветвями власти, а также промышленностью, чтобы ученые-исследователи были постоянно осведомлены о наиболее актуальных национальных исследовательских проблемах, а политики – о последних научных достижениях; чтобы научные прорывы могли быть оптимально реализованы;
— признание выдающихся исследований и прогресса [3, с. 45–46].

П.С. Айтал и Шубхраджйотсна Айтал выделяют в качестве основных направлений Национальной образовательной политики 2020 для развития научно-исследовательской работы в сфере высшего образования:

— формирование Национального исследовательского фонда (NRF), в чьи функции будет входить финансовое стимулирование исследовательской активности образовательных организаций;
— классифицирование мультидисциплинарных высших школ на две категории, среди которых будут обозначены научно-исследовательские и университеты с интенсивным преподаванием;
— проводимые в университетах исследования окажутся в рамках программы UG, PG, сами же высшие школы активно внедрят в свою деятельность принципы междисциплинарности в обучении и воспитании студентов;
— в аспекте преподавания учебных дисциплин больший акцент педагогов будет смещен в сторону активных методов обучения с целью обогащения коммуникативного опыта обучающихся, что требует внедрения в ход преподавания вопросно-ответных форм взаимодействия с аудиторией, дебатов, дискуссий, развития исследовательской компетентности студентов, а также их междисциплинарного мышления;
— двухлетняя степень магистра с полным исследованием на втором курсе;
— укрепление исследовательских функций университетов будет происходить путем создания таких структурных подразделений вузов, как (1) Инкубационный центр для стартапов, (2) Научно-исследовательские центры, (3) Центры в передовых областях исследований, (4) Центры отраслевых и академических связей и (5) Междисциплинарные исследовательские центры, область внимания которых будет сосредоточена на гуманитарных и социальных исследованиях [4, с. 25-26].

Страна также нуждается в развитии культуры исследований, что предполагается достигнуть через создание Национального исследовательского фонда (NRF). Его важнейшая роль будет заключаться во содействии инновационной и исследовательской активности высших школ. Надежная цифровая инфраструктура обучения в совокупности с NRF поспособствует стимулированию и реализации новейших идей для проведения исследований и внедрению инноваций [5, с. 131].

Национальный исследовательский фонд, инициатива Управления главного научного советника (PSA) правительства Индии, создан с целью сделать изучение науки, гуманитарных наук, искусства и культуры доступным и доступным на наиболее удобном для человека языке. В бюджете на 2021–2022 финансовый год на эту инициативу в течение следующих пяти лет предусмотрено выделение 50000 крор индийских рупий (5630000000,27 дол.). NRF, через свой Отдел миссий и мегапроектов, будет финансировать национальные целевые проекты (NMP), что в свою очередь дадут возможность для формирования или развития исследовательских центров и центров адаптации идей и проектов ведущих университетов мира [6].

К.М. Махеш и М.С. Шрути справедливо указывают на то, что Национальный исследовательский фонд (NRF) не только окажется компетентен в области проведения и стимулирования собственно исследований, но и выступит своеобразным «катализатором» в процессе реализации социальных проектов и исследований, что в свою очередь даст возможность сократить разрыв между образовательной и исследовательской деятельностью вузов и колледжей [7, с. 55].

По мнению Д. Бора и С. Мэтью, NRF будет тесно координировать, без вмешательства, уже существующие агентства по финансированию исследований. Фонду будет предоставлена существенная автономия в выполнении его обязанностей с руководящим органом, состоящим из исследователей и новаторов из различных областей исследований [8, с. 76].

Т. Мухаммедали отмечает, что роль исследований и производства знаний может быть усилена только через культуру мультидисциплинарности и социальной активности вузов и концентрацию исследований в определенных точках превосходства. Политика предполагает, что специализированные центры исследований, такие как успешные университеты с интенсивными исследованиями и предлагаемые многодисциплинарные университеты образования и исследований (MERU), должны подняться до мирового стандарта, оставив другим преимущественно преподавание и социальные услуги. Политика предусматривает автономию этих учреждений, однако финансирование исследований централизовано

в Национальном исследовательском фонде (NRF). Его цель - финансирование научных исследований по всем дисциплинам путем определения «национальных исследовательских проблем» через взаимодействие с различными ведомствами правительства и признание результатов исследований. С привлечением других агентств финансирования исследований, таких как ICAR и ICMR, под координацию NRF, финансирование исследований в стране станет наиболее централизованным делом. Учреждение финансирования, основанного на результатах и экспертной оценке, сделает всю область высококонкурентной. В этих условиях вполне возможно, что вуз в стране превратится в иерархизированный набор учреждений, конкурирующих друг с другом за признание, достижения и финансирование [9, с. 5–6].

В то время как страна борется за повышение базового уровня участия и обеспечения доступности высшего образования во всех уголках Индии, одновременно существует необходимость в расширении исследований для удовлетворения экономических потребностей, поддержки научного, социального и культурного развития, а также для обеспечения связи ученых и исследователей с мировым сообществом [10, с. 7].

Согласно данным Всеиндийского исследования высшего образования 2019–2020 (All India Survey on Higher Education 2019–20, AISHE 2019-20) из 38536359 студентов высших учебных заведений только 202550 человек (примерно 0,5% от общего числа студентов) были зачислены на программы докторантуры. Набор в докторантуру увеличился с 126451 человек в 2015–2016 годах до 202550 в 2019–2020 годах. В течение 2019 года 38986 докторантов получили степень доктора наук (PhD), в том числе 21577 мужчин и 17409 женщин. На уровне докторантуры (PhD) максимальное количество докторантов обучается по направлению «инженерия и технологии» с общим числом 52478 студентов. Это направление разделено на 19 поднаправлений. По направлению «компьютерная инженерия» обучается наибольшее количество докторантов - 7682 человека, а «машиностроение» занимает второе место - 6714 докторантов с 91,2% мужчин. По направлению «естественные науки», которое разделено на 18 поднаправлений, в докторантуру зачислено 50936 человек. По направлению «химия» зачислено наибольшее число докторантов - 9526 человек, из них 5554 мужчины и 3972 женщины. По направлению «физика» обучается 7439 докторантов, из них 4632 мужчины и 2807 женщин, а по направлению «математика» - 5284 докторанта, из которых 2924 мужчины. По направлению «ботаника» учатся 2888 докторантов, по направлению «зоология» - 2756 человек. а по направлению «биологические науки» - 2019 докторантов. Направление «медицина» насчитывает 9330 докторантов, которые разделены на 48 поднаправлений. Наибольшее количество докторантов обучаются по направлению «фармация» - 3536 человек: 1870 мужчин и 1666 женщин [11].

В Индии в 2017 году почти 29000 человек получили докторскую степень, столько же, сколько в Германии и Великобритании. Хотя обладатели докторской степени составляют небольшую долю населения Республики Индия, в 2017 году около 10% общего числа выпускников докторских программ в странах G 20 были из Индии. 29% от общего количества индийских докторантов были заняты в области исследований естественно-научной тематики, а также математических и статистических наук (по сравнению с 22% в среднем по странам G 20). Из их числа женщины составили 43% выпускников докторантуры в Республике Индия в 2017 году, что чуть ниже среднего показателя по странам G 20, составляющего 47% [12, с. 3].

В настоящее время в республике наблюдается динамика роста количества претендентов на докторскую степень в самых разнообразных сферах науки. В частности, максимальное число обучающихся проходит подготовку по направлению «Инженерия и технологии», за которым следуют докторанты, обучающиеся по программам «Естественные науки», кроме того, увеличивается количество выпускников докторантуры, среди которых все большую часть составляют женщины. Однако учитывая численность населения Республики Индия, можно сделать вывод о том, что без увеличения количества докторов наук экономика страны будет испытывать серьезную нехватку исследовательского потенциала.

В настоящий период времени увеличивается вклад Индии в международные научные публикации, растет количество опубликованных работ, однако качество исследований и публикаций вызывает определенные сомнения. В последние годы в Республике Индия наблюдается расширение масштаба сектора высшего образования, но из-за недостаточного финансирования ученые не имеют возможности проводить исследования на достаточно высоком уровне.

Так в 2021 г. 237429 публикаций индийских ученых были включены в базу данных Scimago Journal & Country Rank (SJR), из которых 219625 - цитируемые публикации, число цитирований на одну публикацию составило 0,85, а индекс Хирша – 745, а в 2024 г. уже 351928 публикаций индийских ученых были включены в базу данных Scimago Journal & Country Rank (SJR), из которых 302793 - цитируемые публикации, число цитирований на одну публикацию составило 0,88, а индекс Хирша – 925. [13].

Следует отметить, что в 2015 году только 144419 публикаций индийских ученых были включены в базу данных Scimago Journal & Country Rank, из которых 132961 - цитируемые публикации, число цитирований на одну публикацию составило 9,64, а индекс Хирша – 691[13].

Можно сделать вывод о том, что в Республике Индия значительно увеличилось количество публикаций ин-

дийских ученых в базе данных Scimago Journal & Country Rank, количество цитируемых публикаций, а также отмечается рост индекса Хирша до 925.

В 2020 году Индия занимала 4 место среди топ-15 стран по числу статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus. Причем удельный вес в количестве статей по всему миру составил 5,6%, а публикаций в научных изданиях – 139639. В этот же период Индия занимала 8 место по количеству патентных заявок на изобретения (общее число заявок – 37895, удельный вес с учетом общемировых - 1,1%).

В этом же году индийские исследователи заняли 5 место среди 50 стран по количеству статей в изданиях Web of Science. Удельным вес работ индийских ученых в общемировом числе статей составил 5,20%.

Таким образом, статистика мировых наукометрических баз демонстрирует, что Индия занимает лидирующие позиции по научным публикациям, благодаря работам квалифицированных исследователей и преподавателей, занятых в центральных университетах и институтах национального значения.

Однако, как отмечают профессора Саймон Маргинсон, Н.В. Варгхесе и Саумен Чаттопадхъяй, качество исследований в стране вызывает определенную озабоченность в связи с ограниченным финансированием. Доля Индии в мировых научных публикациях составляет около 4,33%, а в инженерных - 6.62%. В 2019 году в колледжах и университетах работало 1416299 преподавателей, которые внесли вклад в 187432 научных публикаций. Это 13 публикаций на каждые 100 преподавателей, и хотя часть преподавательского состава колледжей не имеет возможности заниматься исследованиями, это низкий показатель. Кроме того, качество исследований также вызывает сомнения [10, с. 7].

Согласно замечаниям Л.Р. Радченко, к публикационной активности преподавателей из Индии растет доля требований, касающихся необходимости проявления ими научной этики. Эти требования объективированы фактами плагиата, генерирования текста и искусственного повышения цитируемости работ, что было отмечено в 2022 году [14, с. 115].

Исследовательская деятельность и, как итог, подготовка публикаций в научные издания – это один из центральных аспектов деятельности высшей школы, а академический состав суть центральное звено для оценки исследовательской продуктивности (ИП) вуза. Наличие опубликованных статей в настоящее время мыслится ничем иным как составляющей оценки уровня академического развития образовательной организации и степени ее научных достижений, поскольку публикационная активность работников структурных подразделений вузов обусловливает поступление финансирования и грантов, а также является мерилом эффективности функционирования высшей школы в целом.

Исследовательская продуктивность - количественный показатель, характеризующий исследовательскую публикационную активность. В Индии значительно выросла численность студентов, учебных заведений и преподавателей. Несмотря на то, что высшее образование в стране становится более доступным для населения, одновременно наблюдается рост числа частных университетов (в настоящее время их количество составляет 75%), обладающих при этом не очень высокой репутацией. В современной ситуации увеличивается и число частных высших технических образовательных организаций, однако качество предоставляемых ими образовательных услуг вызывает некоторую долю сомнения: возникают вопросы к качеству реализуемых программ, к четкости требований стандартов и т. д. Соответственно, в их рамках не проводятся фундаментальные научные исследования, а большее внимание уделяется исключительно образовательной функции. Кроме того, недостаточно сформированная материально-техническая база университетов и повышенные требования к проявлению исследовательской активности представителей профессорско-преподавательского состава создают определенные противоречия, что приводит к развитию коррупционных настроений и к повышению академической недобросовестности. Соответственно, такое поведение оказывается одной из причин низкой исследовательской активности преподавателей наряду с тем, что представители педагогического состава испытывают давление по необходимости проведения исследований, при этом отдавая большее предпочтение непосредственно образовательной стороне обучения студентов.

Невысокая исследовательская активность индийских преподавателей также обусловлена краткосрочностью в устанавливаемых вузами приоритетах, которые в основном имеют экономический характер, поскольку частный характер высших школ детерминирует их самоокупаемость (их существование напрямую связывается с количеством обучающихся и величиной взимаемой с них платы). Подобный так называемый «режим выживания» не способствует повышению исследовательской активности преподавателей, поскольку в их рамках процветают коррупционные схемы для сокращения расходов.

Кроме того, проблемы низкой степени вовлеченности педагогов в исследовательскую деятельность сконцентрированы и вокруг самих представителей профессорско-преподавательского состава вузов. Здесь следует говорить о несформированности исследовательской компетентности педагогов. А требования к реализации научно-исследовательских про-

ектов детерминируют появление случаев покупки научных работ в специализирующихся на этом агентствах. Подобные компании предоставляют услуги по созданию исследований (причем основываются не всегда на достоверных данных), а также публикуют научные изыскания в изданиях с сомнительной репутацией с целью ускорения процесса выхода статей в свет. Такие журналы не уделяют должного внимания качеству предлагаемых исследований, смещая акцент на получении прибыли. Поступая по приведенной схеме, преподаватели университетов проявляют пренебрежение к традиционным высоким нравственным профессиональным качествам.

Следовательно, вузам необходимо сформировать определенную образовательную политику, которая позволит стимулировать исследовательскую активность педагогов, не допуская при этом нарушения научной этики и участия преподавателей в недобросовестных практиках. Не случайно приоритетными задачами Национальной образовательной политики 2020 в системе высшего образования Индии должны стать минимизация и максимальное устранение негативных последствий, «которые несут с собой изменяющийся академический ландшафт и академическая недобросовестность» [15, с. 2].

В целях борьбы с распространением журналов, не вызывающих доверия, Комиссия по университетским грантам подготовила список журналов, которые считаются подходящими для публикаций. Это динамичный список, находящийся под постоянным контролем группы экспертов. Комиссия по университетским грантам также вмешалась в борьбу с недобросовестной практикой в исследованиях и предотвращением плагиата, эти правила направлены на регулирование исследовательских процессов для обеспечения качества исследований [10, с. 8].

В стране академические исследования получают очень минимальные финансовые стимулы от правительства. Индия инвестирует менее одного процента своего ВВП в исследования и разработки, что ниже среднего мирового показателя. В стране меньше активных исследователей по сравнению с другими развивающимися и развитыми странами. Согласно статистике исследований и разработок 2019–2020 гг., по состоянию на 2017 год количество исследователей в Индии на миллион населения составляло всего 225 человек. Индийские вузы также очень плохо справляются с подготовкой научных кадров, при этом большинство докторских диссертаций в Индии не имеют значительной ценности. Результаты исследований в области науки и технологий значительно выросли за последние пять лет, но все еще отстают от показателей других развитых стран. В социальных науках исследования и разработки страдают от нескольких заблуждений, которые заставляют страну отставать по мировым параметрам в социальных науках. Большая часть исследований и разработок в Индии происходит в специализированных исследовательских центрах, спонсируемых правительством, вдали от университетов, где обычно проводится фактическая исследовательская подготовка [8, с. 79].

Выполнение NEP 2020 позволит усилить экономики общества и развитие всех штатов Республики Индия [16, с. 127].

Филип Г. Альтбах и Эльдо Мэтьюз отмечают, что касается научных исследований мирового уровня, то план Индии по модернизации своих ведущих университетов сталкивается с серьезными проблемами, возможно, самой серьезной из которых является хроническое недофинансирование высшего образования в целом. Особенно это отразилось на потенциале университетов с исследовательской миссией для достижения успеха [17, с. 56].

Исследователи К.К. Сарна, С. Пури, К.С. Кочар считают, что независимо от помощи, предлагаемой администрацией, в Индии существует ограниченное количество исследовательских центров. В отличие от этого, исследования в колледжах ряда развитых стран финансируются корпорациями, что приводит к улучшению процессов и результатов [18, с. 13].

В целом, Национальный исследовательский фонд обеспечил благоприятную среду для научно-исследовательской работы и стимулировал эту важнейшую сферу деятельности, что позволило значительно количество цитируемых публикаций, индексируемых в Scopus и Web of Science, а также на порядок поднять индекс Хирша.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что одной из основных составляющих будущего академического успеха Республики Индия является создание Национального исследовательского фонда для продвижения высококачественных исследований в области естественных наук, технических наук, медицинских наук, общественных и гуманитарных наук. В противном случае государству будет весьма проблематично прийти к решению центральных вопросов по развитию экономического и промышленного сектора, что нужно для достижения статуса новой сверхдержавы.

Упомянутые в настоящей статье проблемы характерны не только для рассматриваемого государства. Не чужды они и российской академической практике. Поэтому индийский опыт в продвижении научных исследований имеет огромное значение для решения проблем развития экономики в стремительно меняющемся мире в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. BRICS Joint Statistical Publication 2024. 534 c. URL.: https://brics.ibge.gov.br/downloads/BRICS_Joint_Statistical_Publication_2024.pdf(дата обращения 03.11.2025).
2. Venkateshwarlu B.A Critical Study of NEP 2020: Issues, Approaches, Challenges, Oppertunities and Criticism // International Journal of Multidisciplinary Educational Research. - 2021. - Vol. 10. Issue: 2(5). - P. 191–196. URL.: http://s3-ap-southeast-1.amazonaws.com/ijmer/pdf/volume10/volume10-issue2(5)/33.pdf (дата обращения 03.11.2025).
3. National Education Policy 2020. Ministry of Human Resource Development. //Government of India. – 2020. – 66 p.
4. Aithal P.S, Aithal S. Analysis of the Indian National Education Policy 2020 towards Achieving its Objectives // International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMTS). - 2020. - Vol. 5. No. 2. - P. 19-43. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.3988767.
5. Wason R., Arora P., Hoda M.N. Role of National Education Policy 2020 in Viksit Bharat 2047 Through the Lens of Sustainable Development Goals 2030 // Indian Journal of Psychology. - 2024. - Vol. 99. No. 4. - P. 126–137. URL.: https://www.researchgate.net/publication/393185378 (дата обращения 03.11.2025).
6. National Research Foundation – in pursuit of science – gets its wings // India Science, Technology, and Innovation Portal. URL.: https://www.indiascienceandtechnology.gov.in/stihighlights/national-research-foundation-%E2%80%93-pursuit-science-%E2%80%93-gets-its-wings (дата обращения: 03.11.2025).
7. Mahesh K.M., Shruthi M.S. A Study Onnational Policy on Education (NEP) -2020 and National Research Foundation (NRF) is the Game-Changer for the Education Quality up Grading and Inclusion Program (EQUIP) to Develop a Culture of Research in the Country for Economic Growth // Sambodhi (UGC Gare Journal). - 2021. - Vol. 44. No 01 9XII). - P. 55–66. URL.: https://www.researchgate.net/publication/353666017 (дата обращения: 03.11.2025).
8. Bora D., Mathew S. Reshaping Higher Education: A Comparative Study of India's National Education Policies // International Journal for Multidimensional Research Perspectives. - 2024. - Vol. 2. Issue 5. - P. 72–85. URL.: https://www.researchgate.net/publication/380833020 (дата обращения 03.11.2025). DOI: 10.61877/ijmrp. v2i5.149.
9. Muhammedali T Education Policy 2020. National: Some reflections. Preprint. 2021. 7 p. DOI: https://doi.org/10.13140/RG.2.2.27057.10086.
10. Marginson S., Varghese N.V. and Chattopadhyay S. Changing HE in India - Introduction // Changing Higher Education in India. Edited by Saumen Chattopadhyay, Simon Marginson and N.V. Varghese. - 2022. - P. 1-22. URL.: https://www.researchgate.net/publication/359023846 (дата обращения: 03.11.2025).
11. All India Survey on Higher Education 2019–20. New Delhi, 2020. - 290 p. URL.: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/statistics-new/aishe_eng.pdf (дата обращения: 03.11.2025).
12. OECD (2019). "India", in Education at a Glance 2019: OECD Indicators. OECD Publishing. Paris. - 6 p. DOI: https://doi.org/10.1787/4e8ad5bc-en.
13. SCImago, (n.d). SJR SCImago Journal & Country Rank (Portal). URL.: https://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2021 (дата обращения: 03.11.2025).
14. Радченко Л.Р. Высшая школа Индии в 2022 году: новые стратегии // Научный журнал «A POSTERIORI». - 2022. № 12. - С. 113–116. URL.: https://elibrary.ru/download/elibrary_49881407_83260629.pdf (дата обращения: 03.11.2025).
15. Бактхаватчаалам В., Майлз М., де Лурде Мачадо-Тейлор М., Са М.Х. Исследовательская продуктивность и академическая недобросовестность в условиях меняющегося ландшафта высшего образования. На примере технических вузов Индии // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. - 2021. № 2. - С. 126–151. DOI: https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-126-151.
16. Степанов В.И., Степанова Н.В. Национальная образовательная политика Индии 2020 и ее роль в обеспечении равного доступа к качественному образованию всех студентов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия гуманитарные науки. - 2025. № 9. - С. 125-128. DOI 10.37882/2223–2982.2025.09.36.
17. Altbach P., Mathews E. (2020) Is Indian Higher Education Finally Waking Up? // Change: The Magazine of Higher Learning. - 2020. - Vol. 52. No. 3. - P. 54-60. DOI: https://doi.org/10.1080/00091383.2020.1745602.
18. Sarna K.K., Puri S., Kochar K.S. National Education Policy-2020: A Critical Review // Hans Shodh Sudha. - 2021. - Vol. 1. Issue 3. - P. 8–14. URL.: https://hansshodhsudha.com/third-issues/(Jan-March%202021)-8-14.pdf (дата обращения: 03.11.2025).

© Степанов Виктор Иванович (rector@aeli.altai.ru), Степанова Наталья Викторовна (natalia0410@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.46

АКТУАЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ РАБОТЫ С БОЛЬШИМИ ОБЪЕМАМИ ДАННЫХ И КУЛЬТУРЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ – МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

THE RELEVANCE OF DEVELOPING SKILLS FOR WORKING WITH LARGE AMOUNTS OF DATA AND A CYBERSECURITY CULTURE AMONG MODERN STUDENTS – TEACHING METHODS

I. Cherenkova
O. Kishkinova
I. Kutlikova

Summary: Working with large databases in modern reality is necessary for all professions whose activities are related not only to intellectual work, but also to the need to analyze and monitor information components. Moreover, most of the documents are sent and processed through electronic document management, often via the Internet, because of which, along with skills in working with Big Data, it is important to form a culture of cybersecurity behavior on online platforms. Teaching methods on these topics, in addition to theoretical and practical training parts, as well as work in specialized resources, should include the development of motivational potential, which will allow students to form information and digital competencies. According to the research results, the most productive methods of developing skills in working with large amounts of data are performing problematic tasks, visual method and project activities. It is important to make learning about cybersecurity culture not abstract, but relevant to life, closely correlating with its daily tasks, tied to specific educational, every day and potential work situations. The three main principles of effective data protection training are applicability, compatibility, as well as the vitality and visibility of the materials and skills being mastered.

Keywords: working with large amounts of data, teaching methods, information competence, digital competence, cybersecurity cultures, Big Data.

Черенкова Ирина Анатольевна
старший преподаватель, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии– МВА имени К.И. Скрябина
Кишкинова Ольга Алексеевна
старший преподаватель, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина
olga.19672015@yandex.ru
Кутликова Ирина Вениаминовна
старший преподаватель, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина

Аннотация: Работа с большими базами данных в современной реальности необходима для всех профессий, чья деятельность связана не только с интеллектуальным трудом, но и с необходимостью анализировать и выполнять мониторинг информационных составляющих. Более того, основная часть документов пересылается и оформляется через электронный документооборот, часто, через интернет, вследствие чего, наряду с навыками работы с *Big Data*, важно формировать культуру кибербезопасного поведения на онлайн-площадках. Методы преподавания указанной тематики, помимо теоретической и практической учебных частей, а также работы в специализированных ресурсах, должны включать в себя развитие мотивационного потенциала, что позволит сформировать у обучающихся информационные и цифровые компетенции. Согласно полученным результатам исследования, наиболее продуктивными методами формирования навыков работы с большими объемами данных являются: выполнение проблемных заданий, наглядный метод и проектная деятельность. Обучение культуре кибербезопасности важно делать не абстрактным, а релевантным для жизни, тесно коррелирующим с ее повседневными задачами, привязанным к конкретным учебным, бытовым и потенциальным рабочим ситуациям. В роли трех основных принципов эффективного обучения защите данных выступают применимость, совместимость, а также жизненность и наглядность осваиваемых материалов и навыков.

Ключевые слова: работа с большими объемами данных, методы преподавания, информационная компетенция, цифровая компетенция, культуры кибербезопасности, Big Data.

Введение

Современные профессии тесно коррелируют с необходимостью работать с большими информационными базами, что является теперь не только важной компетенцией аналитиков данных на языке *SQL*, администраторов *Postgre SQL* или разработчиков приложений и *Big Data* на *Java* или *Oracle SQL*, но и трудиться в сферах, отдаленных от СУБД (систем управления базами данных). Например, указанные навыки необходимы, чтобы оперативно и точно составлять номенклатуру продукции, товарные или транспортные накладные, инвентаризационные описи и т.д., формировать рейтинг, собирать и анализировать статистические данные, осу-

ществлять менеджмент доступных хранилищ информации и пр. По данным *SkyPro* [6], в 2023 г. среди наиболее популярных отраслей, где требуется специалист *Big Data*, дифференцируются следующие (см. рисунок 1):

Согласно прогнозам Бюро статистики труда США *(BLS – Bureau of Labor Statistics)*, к 2028 г. число профессий, связанных с большими базами данных, увеличится на 12% – результатом станет создание более 546 000 новых рабочих мест. При этом важным требованием к соискателям, в чьи компетенции будет входить знание *Big Data*, будет навык выполнения широкого спектра задач [12].

Материалы и методы основаны на системном подходе и включают анализ, синтез и структуризацию материала, аналитику и обработку данных, междисциплинарный подход.

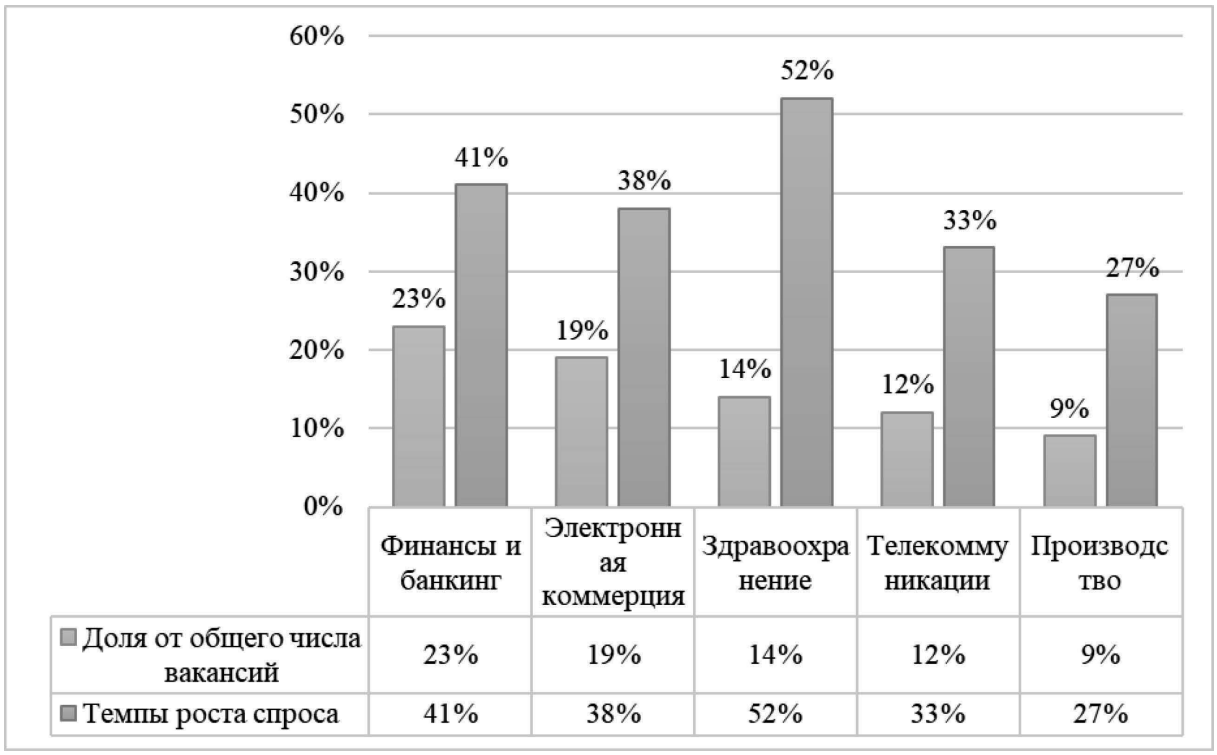
Результаты и обсуждение

Эффективное формирование навыков работы с *Big Data* и культуры кибербезопасности зависит от методов преподавания. Основной из них – **выполнение проблемных заданий** – сосредоточен на работе с реальными данными, которые постоянно фигурируют в жизни обучающихся. Сквозь призму наглядной демонстрации присутствия информационных составляющих в жизни школьников и студентов лучше осваивается целесообразность и принцип работы, а также защиты больших данных. В качестве примера можно взять за основу статистику лайков и репостов, помогающую продвигать определенный контент на лидирующие позиции; автоматический подсчет баллов и формирование рейтинга успеваемости в группе или классе, как, например, это представлено в дневниках и журналах Московских электронных школ (МЭШ); сравнение ценового диапазона стоимости всех видов кофе в разных популярных кофейнях, что можно выполнить благодаря доступу к электронным меню и сайтам данных организаций. На рисунке 2 представлен пример рейтинговой системы МЭШ:

На рисунке 2 представлен визуализированный пример больших баз данных в МЭШ, демонстрирующий, что программа позволяет анализировать прогресс в обучении, сравнивать уровень знаний обучающегося с одноклассниками и контролировать рейтинг успеваемости.

На рисунке 3 изображен пример мониторинга работы *Big Data* российского интернет-сервиса для размещения объявлений «Авито» *(Avito)* – на скриншотах видна общая картина сбора и аналитики данных, статистика показов объявления без подключения дополнительных платных услуг по его продвижению, количество просмотров объекта, число его добавлений в избранное (см. рисунок 3).

Опираясь на визуализированный материал, например, на скриншоты реально существующих данных (см. рисунок 2 и 3), необходимо не только объяснять целесообразность использования больших объемов ин-



	Финансы и банкинг	Электронная коммерция	Здравоохранение	Телекоммуникации	Производство
Доля от общего числа вакансий	23%	19%	14%	12%	9%
Темпы роста спроса	41%	38%	52%	33%	27%

Рис. 1. Наиболее востребованные отрасли с высоким спросом на специалистов, способных работать с большими базами данных (рисунок наш)

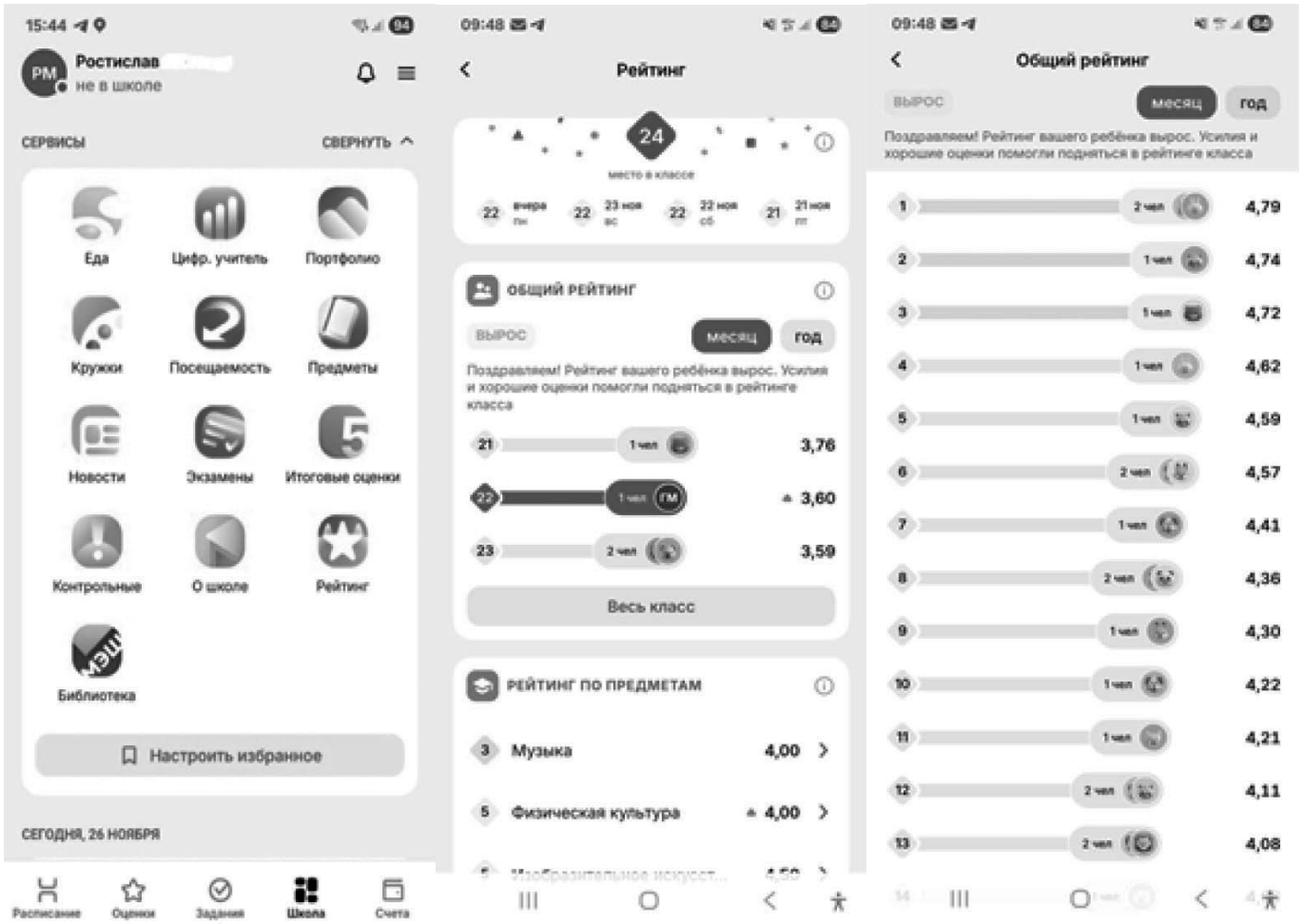


Рис. 2. Возможности работы с большими базами данных в «Московской электронной школе» (МЭШ) (скриншот наш)

Рис. 3. Работа с большими базами данных *(Big Data)* в приложении «Авито» *(Avito)* (скриншот наш)

формации, но и выполнять практические задания по указанному образцу, например: размещать объявления о чем-либо и прослеживать их динамику за установленный преподавателем срок; делать статистику популярности учебных приложений, в основе которых игровой метод; выполнять мониторинг электронных дневника / зачетной книжки / журнала (своих или обучающихся родственников), если у студентов есть к ним доступ. Тем более что с сентября 2024 г. платформа «Моя школа» доступна во всех регионах России [2], а электронные студенческие билеты и зачетные книжки интегрированы в 76-ти вузах различных регионов страны.

Второй метод – **наглядный** – заключается в подборе и демонстрации актуального видеоконтента с любопытным для конкретных возраста и специальностей материалом, обучающим работе с большими базами данных. В настоящее время на *Rutub*, в *VK* (ВКонтакте), MAX, МЭШ, Дзен и на других платформах существуют видеоуроки и презентации по обозначенной тематике, ориентированные на разные профессии и уровни цифровых и информационных компетенций аудитории. После просмотра необходимо приступать к выполнению практических заданий, которые помогут закрепить полученные навыки и знания. Например, снять свой видеоролик от 60 до 120-ти секунд, в котором обучающийся будет преподносить материал о работе с *Big Data* и культуре кибербезопасности неординарным способом (включая комедийные скетчи, иронию, мемы, забавные моменты из повседневной жизни, пародии на популярные события или личности, участие в популярных челленджах и трендах и т.д.). Позже этот ролик можно разместить в социальных сетях или на других площадках, проследив статистику его лайков, репостов и просмотров.

В современную действительность проекты в области кибербезопасности имеют решающее значение для защиты конфиденциальной информации и обеспечения устойчивости организации *(Aksoy 2024; Khasabah, Al-Hammouri, Nusairat, Fraihat 2025)* [7; 10, p. 729]. Третий метод – **проектная деятельность** – является важным звеном обучения, позволяющим гипотетически описывать необходимость создания мобильного приложения для работы с той или иной сферой деятельности и, если достаточно развиты компетенции для работы с большими данными, на практике его реализовать. Например, создать программу по компилированию, анализу и обработке данных о написании текстов искусственным интеллектом на тему о здоровье молодежи; приложение, позволяющее отслеживать количество пользователей от 18-ти до 35-ти лет, предпочитающих поступать в аспирантуру (ординатуру) или на второе высшее образование, работающее на базе *mos.ru* и т.д.; собрать базу данных о трендах популярных социальных сетей и оформить полученные результаты с помощью иконографики и т.д.

Навыки работы с *Big Data* тесно коррелируют с кибербезопасностью, которая является критически важной сферой, требующей круглосуточного мониторинга в связи с быстрым ростом числа киберугроз. Согласно исследованиям Дж. Аксой *(Aksoy 2024)*, в условиях киберрисков защита данных зависит от самого слабого звена – человеческого фактора, который можно уменьшить, если сосредоточиться на убеждениях, ценностях и установках, определяющих модель поведения обучающихся (будущих сотрудников организаций, чьи интересы они должны защищать). В данном контексте концепция культуры кибербезопасности становится ключом к повышению киберустойчивости всех участников образовательного и трудового процессов. Создание жизнеспособной культуры кибербезопасности возможно при условии, что внимание будет уделяться как техническим, так и человеческим аспектам работы с обозначенной проблематикой [7, p. 96].

В связи со стремительным развитием кибератак кибербезопасность требует комплексного подхода, который объединяет технологические решения, управление рисками, разработку политики и понимание поведения человека. Хотя кибербезопасность часто используется как синоним информационной безопасности, она имеет более широкую сферу применения, где особое внимание уделяется влиянию человеческого фактора, что делает отдельных лиц и организации более уязвимыми для атак, если не принять надлежащих мер *(Hyasat, Falahat 2025)* [9, p. 4].

Т.А. Бэш, Л. Педерсен, М.К. Борен, Л.К. Темте *(Bach, Pedersen, Borén, Temte 2025)* также отмечают, что одних технологий недостаточно для предотвращения исследуемых нарушений, поскольку киберугрозы все чаще используют поведение человека, поэтому следует создавать более устойчивые *CSC (Critical Security Controls)* для эффективного управления уязвимостями, связанными с человеческим фактором. *CSC* – рекомендации по лучшим практикам в области компьютерной безопасности фреймворком *CIS (Center for Internet Security)* – следует определять как культуру кибербезопасности организации, которая оказывает влияние на внедрение и эффективность ресурсов, политик, практик и процедур управления данной сферой, поскольку они отражают рабочую среду и лежащие в ее основе представления, отношения и привычные практики будущих сотрудников на всех уровнях [8].

Кроме того, по мере того, как организации претерпевают быструю цифровую трансформацию, ускоряемую новыми технологиями, такими как искусственный интеллект (ИИ), облачные вычисления и интернет вещей *(IoT, Internet of Things)*, возможности для атак значительно расширились. Эта эволюция привела к смене парадигмы в том, как проявляются киберугрозы и как организации должны реагировать *(Aksoy 2024; Ussher-Eke 2022)* [7; 13, p. 707]. ИИ используется как в кибератаках, так и в защите от них, а также характерен зловредным воздействием

(например, дипфейками) [5, с. 132].

Таким образом, кибербезопасность охватывает широкий спектр деятельности, включая внедрение технологий защиты данных, реализацию политик и процедур безопасности, а также обучение, т.е. повышение осведомленности о кибербезопасности и внедрения лучших практик. Информируя о культуре инноваций и внедрении новые технологий в эпоху цифровых технологий, можно обеспечить глобальную конкурентоспособность и устойчивый карьерный рост будущих специалистов *(Rattanapong, Ayuthaya 2025)* [11].

Культура кибербезопасности сосредоточенна на защите информации, хранящейся на персональных компьютерах и мобильных устройствах в цифровом виде. По данным МВД (Министерств внутренних дел Российской Федерации), актуальным на ноябрь 2025 г., граждане наиболее часто страдают от следующих преступлений, связанных с несанкционированным доступом, использованием, раскрытием, видоизменением, взломом или уничтожением личных данных и данных организации [3] (см. рисунок 4):

При обучении культуре кибербезопасности (мерам и стратегиям, направленным на предотвращение мошеннических атак) необходимо систематически обновлять учебный материал по данной проблематике и рассказывать обучающимся о новых способах махинаций (которые постоянно совершенствуются и видоизменяются), в т.ч. о последних случаях из реальной жизненной практики россиян. Опирать же образовательную деятельность необходимо на три важных принципа: (1) применимость; (2) совместимость; (3) жизненность и наглядность работы с большими базами данных сквозь призму культуры кибербезопасности [4].

Применимость: каждый из пунктов культуры кибербезопасности должен быть выполним, т.е. применим на практике. Например, гипотетически идеальным является автоматически сгенерированный пароль из случайных символов, состоящий не менее чем из 18 знаков, который важно менять еженедельно, при этом запрещено его записывать на бумажных носителях. Тем не менее, данный прием не выполним, т.к. проблематично запомнить такое количество символов и постоянно их вводить при входе в систему [4]. Так, с точки зрения классической кибербезопасности менее надежным, но вполне выполнимым может быть совет сгенерировать пароль из случайных шести символов и знаков, затем

Рис. 4. Схемы мошенников и аферистов, в основе которых нарушение культуры кибербезопасности пользователями (рисунок наш)

придумать из 3-4-х символов ключевое слово, которое у обучающегося с чем-то ассоциируется. Первые 6 знаков можно записать в блокноте, а остальные 4 держать в памяти – итого получится 10-тизначный пароль для входа в систему. Данный вариант не столь идеален, как первый, однако, выполним.

Совместимость: по мнению редакции *Kaspersky Daily (2019)*, следующим важным аспектом обучения культуре кибербезопасности должна быть совместимость с обучением и, в последующем, с графиком работы и ее нагрузкой [4]. На практике чаще всего активность обучения навыкам данной культуры происходит после какого-либо инцидента, произошедшего в стране / регионе или в организации. После этого предельно активно начинается обучение в большом объеме. Материал необходимо преподносить постепенно и дозированно.

Третьим принципом является **жизненность** и **наглядность**. Работа с учебным материалом должна быть не рутинной, а релевантной и интересной, что повышает мотивацию не только осваивать материал, но и продолжать самообучение на протяжении всей жизни: базовые знания необходимы всем специальностям, а более узкое и углубленное обучение важно проводить согласно конкретной специальности. А именно, например, будущие сотрудники медицинских организаций должны больше получать знаний и навыков о работе ЕМИАС (Единой медицинской информационно-аналитической системе города Москвы, которая в будущем интегрируется по всей России), преподаватели – о МЭШ, правоохранительные органы – об Единой системе информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД РФ (ИСОД МВД) и т.д.

Выводы:

Работа с большими базами данных тесно коррелирует с культурой кибербезопасности, знания о которых следует формировать через практику. Занятия, обучающие работе с указанными сферами жизни, важно проводить сквозь призму мотивирующих и активизирующих познавательную деятельность лекций и проектов, сосредоточенных на реальных жизненных ситуациях, постоянно обновляемых материалах в связи с ростом и совершенствованием киберугроз. Акцент на ситуациях, встречающихся в жизни обучающихся, является наиболее эффективным информационным ресурсом, позволяющим продуктивно работать на лекциях и семинарах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как оформить и предъявлять электронный студенческий билет? // 25/AIF.RU. Статья от 03.09.2024. URL: https://aif.ru/society/education/kak-oformit-i-predyavlyat-elektronnyy-studencheskiy-bilet (дата обращения: 25.11.2025).
2. Курбанова Н. Электронный дневник: как зарегистрировать и как пользоваться в 2024 году // Известия iz. Статья от 16.01.2024. URL: https://iz.ru/1635144/naina-kurbanova/elektronnyi-dnevnik-kak-zaregistrirovat-i-kak-polzovatsia-v-2024-godu (дата обращения: 25.11.2025).
3. Манькова Н. Какие схемы используют мошенники для людей разного возраста: новороссийцам на заметку // Блокнот. Статья от 23.11.2025. URL: https://bloknot-novorossiysk.ru/news/kakie-skhemy-ispolzuyut-moshenniki-dlya-lyudey-raz-1922668 (дата обращения: 26.11.2025).
4. Молчанова Е. Культура кибербезопасности вместо нудных лекций // Kaspersky Daily. Статья от 28.02.2019. URL: https://www.kaspersky.ru/blog/building-cybersecurity-culture/22334/?ysclid=mifnpabgvf185617089 (дата обращения: 26.11.2025).
5. Намиот Д.Е. О кибератаках с помощью систем Искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2024. №9. С. 132–141.
6. Топ-10 профессий в сфере Big Data: карьера и высокие зарплаты // SkyPro. URL: https://sky.pro/wiki/python/ponimaem-funktsiyu-enumerate-v-python-na-primere-koda/ (дата обращения: 25.11.2025).
7. Aksoy C. (2024) Building a Cibber Security Culture for RESILIENT Organizations Against Cibber Attacks // İşletme Ekonomi ve Yönetim Araştırmaları Dergisi 7(1):96-110. https://doi.org/10.33416/baybem.13212345.
8. Bach T.A., Pedersen L., Borén M.K., Temte L.Ch. (2025) When technology is not enough: Insights from a pilot cybersecurity culture assessment in a safety-critical industrial organization // https://doi.org/10.48550/arXiv.2508.20811.
9. Hyasat O.Al, Falahat M. (2025) The role of cybersecurity in driving organizational performance: Evidence from public universities in Jordan // EDPACS. https://doi.org/10.1080/07366981.2025.2563961.
10. Khasabah M.Ali I. Al, Al-Hammouri Q., Nusairat N., Fraihat S.F.Al (2025) The impact of risk management and agile methodology on cybersecurity project success: the mediating role of team collaboration // International Journal of Data and Network Science 9(4):727-736. https://doi.org/10.5267/j.ijdns.2025.8.011.
11. Rattanapong P., Ayuthaya S.D. Na (2025) Influential factors of cybersecurity investment: A quantitative SEM analysis // Management Science Letters 15(1):31-44. https://doi.org/10.5267/j.msl.2024.3.005.
12. Top Careers in Big Data // StudentScholarships.org. URL: https://studentscholarships.org/articles/335/top-careers-in-big-data (date: 25.11.2025).
13. Ussher-Eke D. (2022) Corresponding author: Diana Ussher-Eke Building a cyber-resilient workforce through HR and IT Collaboration // World Journal of Advanced Research and Reviews 27(02):706-716. https://doi.org/10.30574/wjarr.2025.27.2.2901.

© Черенкова Ирина Анатольевна, Кишкинова Ольга Алексеевна (olga.19672015@yandex.ru),
Кутликова Ирина Вениаминовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.50

МОРАЛЬНО-ВОЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

MORAL AND VOLITIONAL QUALITIES AS A SYSTEM-FORMING COMPONENT OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF A FUTURE PHYSICAL EDUCATION TEACHER

V. Yakimov

Summary: The article discusses the problem of defining and systematizing moral and volitional qualities as a key element of the professional competence of a future physical education teacher. It is shown that the moral and volitional sphere of a teacher is an internal regulator of professional behavior, ensuring the unity of ethical attitudes, self-discipline, and pedagogical tact. Based on the analysis of domestic and foreign psychological and pedagogical research, the concept of moral and volitional qualities is clarified as an integrative complex of personal properties that ensure morally justified and volitional behavior of a teacher in conditions of physical culture and sports activities. A structural model of moral and volitional qualities has been developed, which includes four interrelated components - motivational—value, cognitive, regulatory-volitional and behavioral-activity. Empirical evidence of the importance of moral and volitional qualities was obtained by expert weighing, which was attended by experts in the field of pedagogy and sports. The results showed that during the transition from the general pedagogical level to the professional profile of a physical education teacher, moral, ethical, and volitional qualities demonstrate the greatest increase in importance ($\Delta = +0.20$; $W = 0.74$). It has been established that it is the moral and volitional sphere of the teacher's personality that determines safety, justice, and trust in the educational environment. The conclusion is made about the need to include moral and volitional qualities in the core of the professional model of training future physical education teachers and their purposeful formation in the process of vocational training and educational work at the university.

Keywords: moral and volitional qualities, professional qualities of a teacher, professional competence, teacher of physical education, pedagogical stability, axiological approach.

Якимов Василий Александрович
старший преподаватель, ФГБОУ ВО Мелитопольский государственный университет
Yakimov1992Vasiliy@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения и систематизации морально-волевых качеств как ключевого элемента профессиональной компетентности будущего учителя физической культуры. Показано, что морально-волевая сфера педагога является внутренним регулятором профессионального поведения, обеспечивающим единство этических установок, самодисциплины и педагогического такта. На основе анализа отечественных и зарубежных психолого-педагогических исследований уточняется понятие морально-волевых качеств как интегративного комплекса личностных свойств, обеспечивающих нравственно оправданное и волевое поведение педагога в условиях физкультурно-спортивной деятельности. Разработана структурная модель морально-волевых качеств, включающая четыре взаимосвязанных компонента — мотивационно-ценностный, когнитивный, регуляторно-волевой и поведенческо-деятельностный. Эмпирическое подтверждение значимости морально-волевых качеств получено методом экспертного взвешивания, в котором приняли участие специалисты в области педагогики и спорта. Результаты показали, что при переходе от общепедагогического уровня к профессиональному профилю учителя физической культуры морально-этические и волевые качества демонстрируют наибольший прирост значимости ($\Delta = +0{,}20$; $W = 0{,}74$). Установлено, что именно морально-волевая сфера личности педагога определяет безопасность, справедливость и доверие в образовательной среде. Сделан вывод о необходимости включения морально-волевых качеств в ядро профессиональной модели подготовки будущих учителей физической культуры и целенаправленного формирования их в процессе профессионального обучения и воспитательной работы в вузе.

Ключевые слова: морально-волевые качества, профессиональные качества педагога, профессиональная компетентность, учитель физической культуры, педагогическая устойчивость, аксиологический подход.

Современная система высшего педагогического образования в России ориентирована на подготовку специалистов, способных эффективно решать комплексные профессиональные задачи, объединяющие обучение, воспитание и развитие личности обучающихся. При этом особое значение приобретает проблема формирования внутренней морально-волевой устойчивости педагога как основы его профессиональной надежности и социальной ответственности [1;2]. Для учителя физической культуры эта проблема имеет особую актуальность, поскольку специфика его деятельности сопряжена с повышенной физической, эмоциональной и нравственной нагрузкой, необходимостью принятия быстрых решений в условиях соревновательности и риска, а также с личной ответственностью за здоровье и безопасность учащихся [4;5;6].

Физическая культура в образовательной системе за-

нимает уникальное положение, соединяя воспитательные, оздоровительные и соревновательные аспекты. Это делает профессию учителя физической культуры одной из наиболее сложных с точки зрения психологической устойчивости и педагогической этики. Здесь педагогическое воздействие осуществляется не только через слово, но и через действие, пример, личное участие в физкультурно-спортивной деятельности. Следовательно, профессиональная компетентность данного специалиста определяется не только владением методикой преподавания и дидактическими технологиями, но прежде всего развитостью морально-волевых качеств, обеспечивающих способность действовать справедливо, решительно, выдержанно и гуманистически [3;8].

Проблема формирования морально-волевой сферы личности педагога имеет давнюю традицию в отечественной педагогике и психологии. В трудах Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, Л.М. Митиной, А.К. Марковой, Н.В. Кузьминой подчёркивается, что профессиональное поведение педагога невозможно рассматривать вне нравственного выбора и волевой регуляции. Именно единство морали и воли придаёт педагогической деятельности осознанность и устойчивость, а личности учителя — характер лидерства и духовной опоры для воспитанников. Однако в современной научной литературе наблюдается дефицит исследований, рассматривающих морально-волевую сферу педагога физической культуры как системообразующий компонент профессиональной компетентности, обеспечивающий гармонизацию когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов его деятельности [7].

Переосмысление роли морально-волевых качеств в подготовке педагогов физкультурного профиля становится особенно значимым в контексте реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО 3++), национальных проектов «Образование» и «Спорт – норма жизни», а также Концепции развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года. Эти документы фиксируют необходимость формирования у будущих педагогов личностных качеств, обеспечивающих не только профессиональную компетентность, но и способность к воспитанию нравственно устойчивой, волевой, ответственной личности учащегося.

Кроме того, социально-педагогическая ситуация в посткризисных регионах России, к числу которых относится и Мелитополь, делает особенно важным исследование влияния образовательной среды вуза на становление морально-волевых качеств будущего учителя. Практика подготовки студентов по направлению «Педагогическое образование (Физическая культура)» показывает, что именно в условиях многонациональной, социально динамичной и патриотически ориентированной среды формируется интегративная система морально-волевых качеств, выступающая регулятором профессионального поведения, лидерства и гражданской ответственности педагога [9].

Таким образом, актуальность исследования определяется противоречием между возросшими требованиями к личностной готовности будущего учителя физической культуры и недостаточной теоретико-методологической разработанностью проблемы формирования его морально-волевой компетентности. Это противоречие отражает необходимость уточнения понятийного аппарата, определения структуры, функций и педагогических условий развития морально-волевых качеств как основы профессионального становления педагога физической культуры.

Цель исследования — научное обоснование и эмпирическое подтверждение системообразующей роли морально-волевых качеств в структуре профессиональной компетентности будущего учителя физической культуры, а также выявление их компонентной структуры и функций как основы профессионального становления педагога.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи:**

Проанализировать теоретические подходы к пониманию моральных, волевых и морально-волевых качеств в педагогике и психологии.

Уточнить структуру и функции морально-волевой сферы личности учителя физической культуры.

Разработать и апробировать методику экспертного взвешивания для определения значимости различных классов профессиональных качеств.

Эмпирически подтвердить приоритетное значение морально-волевых качеств в профессиональной модели педагога физической культуры.

Сформулировать методологические основания включения морально-волевой составляющей в систему профессиональной подготовки студентов физкультурного профиля.

Методика и организация исследования

Исследование проводилось в 2023–2024 гг. на базе кафедры физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «МелГУ» и включало три взаимосвязанных этапа: теоретико-аналитический, диагностико-эмпирический и интерпретационно-моделирующий.

На первом этапе осуществлён анализ научных источников по проблеме формирования профессиональных и морально-волевых качеств педагогов [3;6;7;8;]. На основе системно-деятельностного, аксиологического и личностно-ориентированного подходов была разработана теоретическая модель морально-волевых качеств, включающая четыре взаимосвязанных компонента:

— мотивационно-ценностный, отражающий ориен-

тацию педагога на нравственные идеалы профессии и социальную ответственность;
— когнитивный, включающий знания об этических нормах, педагогической деонтологии и регуляции поведения;
— регуляторно-волевой, характеризующий самоконтроль, выдержку, настойчивость и способность к преодолению трудностей;
— поведенческо-деятельностный, выражающий практическое проявление моральных и волевых установок в педагогических ситуациях.

На втором этапе проведена экспертная оценка значимости различных классов профессиональных качеств в структуре деятельности педагога. Для объективизации данных использовался градиентный метод экспертного взвешивания, включающий процедуру ранжирования и нормализации оценок. (Таблица 1)

В экспертную выборку вошли 45 специалистов: преподаватели кафедр физического воспитания и педагогики, учителя физической культуры со стажем работы более 5 лет, а также сотрудники региональных структур в сфере спорта и образования.

Оценка проводилась по семибалльной шкале: от 1 (минимальная значимость) до 7 (критическая значимость). Каждый эксперт оценивал восемь классов профессиональных качеств (мотивационно-ценностные, когнитивные, коммуникативные, организаторские, эмоционально-волевые, креативные, рефлексивные, морально-этические) на трёх уровнях анализа:

уровень А — общепедагогические качества специалиста;

уровень Б — профессиональные качества учителя;

уровень В — качества, специфичные для учителя физической культуры.

Для сопоставимости оценок использовалась нормализация min–max, позволяющая привести индивидуальные шкалы к диапазону [0;1]. Далее рассчитывались средневзвешенные значения и коэффициент конкордации Кендэлла (W) для оценки согласованности мнений экспертов. Статистическая обработка данных выполнена с использованием программы Statistica 12.0; надёжность оценок считалась высокой при $W \geq 0{,}70$.

На третьем этапе были обобщены и интерпретированы результаты, разработаны визуально-логическая схема структуры морально-волевых качеств и рекомендации по их формированию в образовательном процессе.

Методологическую основу исследования составили:
— системно-деятельностный подход, позволивший рассматривать морально-волевые качества как динамическую систему взаимосвязанных свойств личности;
— аксиологический подход, раскрывающий ценностно-нравственную природу педагогического поведения [2;5];
— компетентностный подход, обеспечивающий связь морально-волевых качеств с профессиональными компетенциями, закреплёнными в ФГОС ВО 3++ [10];
— личностно-ориентированный подход, предполагающий развитие саморегуляции и моральной рефлексии будущего учителя.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведённое исследование позволило выявить структуру и степень значимости различных классов профессиональных качеств педагога на разных уровнях профессионализации, а также подтвердить ведущую роль морально-волевой сферы в деятельности учителя физической культуры.

По результатам экспертного опроса, на общепедагогическом уровне (уровень А) наибольшие значения имели когнитивные (0,76) и коммуникативные качества (0,74), что отражает ориентацию педагогической профессии на владение методикой и взаимодействием с учащимися. Однако уже на уровне Б — профессиональных качеств

Таблица 1.

Градиентное ранжирование профессиональных качеств педагогов по уровням профессионализации.

№	Класс профессиональных качеств	Уровень А	Уровень Б	Уровень В	Прирост значимости	Ранг значимости
1	Мотивационно-ценностные качества	0,72	0,76	0,83	+0,11	3
2	Когнитивные качества	0,76	0,78	0,80	+0,04	5
3	Коммуникативные качества	0,74	0,77	0,81	+0,07	4
4	Организаторские качества	0,70	0,74	0,79	+0,09	6
5	Эмоционально-волевые качества	0,68	0,78	0,89	+0,21	2
6	Рефлексивные качества	0,69	0,73	0,77	+0,08	7
7	Креативные качества	0,66	0,70	0,75	+0,09	8
8	Морально-этические качества	0,71	0,81	0,92	+0,21	1

учителя как субъекта педагогической деятельности — наблюдается рост значимости эмоционально-волевых (0,78) и морально-этических качеств (0,81). При переходе к уровню В, отражающему специфику деятельности учителя физической культуры, эти показатели достигают максимальных значений — 0,89 и 0,92 соответственно. Средняя дельта прироста значимости Δ = +0,20 при коэффициенте конкордации Кендэлла W = 0,74 свидетельствует о высокой согласованности мнений экспертов и статистической достоверности результатов.

Динамика показателей демонстрирует закономерную тенденцию: по мере специализации педагогической деятельности в сторону физкультурно-спортивного профиля усиливается значимость личностных качеств, связанных с моральной регуляцией и волевым самоконтролем. Это объясняется спецификой профессиональной среды, где педагог действует в условиях эмоционального напряжения, публичности, соревновательности и повышенной ответственности за безопасность учащихся.

Результаты экспертного анализа позволили выделить две ключевые функциональные группы морально-волевых качеств, детерминирующие профессиональное поведение учителя физической культуры:

Нравственно-регулятивные качества, обеспечивающие ориентацию деятельности педагога на принципы справедливости, честности, уважения к личности обучающегося, соблюдение норм профессиональной этики и культуры общения. Они выступают внутренним моральным ориентиром, задающим смысловую направленность педагогических действий.

Волевые качества саморегуляции, включающие настойчивость, выдержку, решительность, самообладание и готовность к преодолению трудностей. Именно эти свойства позволяют педагогу сохранять эмоциональную устойчивость, управлять поведением учащихся и эффективно действовать в условиях конфликта, стресса или повышенной ответственности.

Взаимосвязь указанных групп качеств носит синергетический характер: моральное осознание целей деятельности задаёт нравственный вектор поведения, а волевая регуляция обеспечивает устойчивость и последовательность их реализации. Таким образом, морально-волевая сфера личности педагога выступает как единый механизм профессионального самоуправления, в котором нравственная мотивация сочетается с поведенческой дисциплиной.

Для наглядного представления результатов построена обобщённая матрица значимости профессиональных качеств, где по вертикали представлены классы качеств, а по горизонтали — уровни анализа (А–Б–В). Максимальные показатели зафиксированы по блокам «морально-этические качества» и «волевая саморегуляция», прирост значимости которых при переходе к уровню В превышает 25 %. Остальные классы — когнитивные, коммуникативные, организаторские — демонстрируют стабильную или умеренно растущую динамику.

Интерпретация данных показала, что именно морально-волевая компетентность служит системообразующим фактором профессиональной деятельности учителя физической культуры. Её влияние проявляется в пяти функциональных направлениях:

— нормативно-ценностном, обеспечивающем ориентацию на моральные и правовые нормы;
— регуляторном, связанном с эмоциональной устойчивостью и самоконтролем;
— мобилизационном, направленном на активизацию внутренних ресурсов личности в условиях нагрузки;
— коммуникативно-воспитательном, реализующем роль педагога как морального примера и наставника;
— безопасностном, выражающем способность принимать ответственные решения в ситуациях риска и обеспечивать охрану здоровья обучающихся.

Анализ анкет и экспертных комментариев позволил выявить характерные проявления МВК в педагогической практике. Эксперты отмечали, что морально-волевые качества проявляются прежде всего в умении педагога сохранять самообладание в конфликтных и стрессовых ситуациях, демонстрировать уважительное отношение к ученикам при сохранении дисциплины, справедливо оценивать результаты, не поддаваясь субъективным симпатиям. Кроме того, высокая волевая устойчивость способствует профилактике профессионального выгорания и обеспечивает долгосрочную педагогическую эффективность (Михайлова, 2022; Криволапова, 2021).

Обобщение результатов исследования позволило уточнить структуру морально-волевых качеств как четырёхкомпонентную систему:

Мотивационно-ценностный компонент — внутренняя установка на нравственное и ответственное поведение.

Когнитивный компонент — знание и осмысление этических норм и профессиональных стандартов.

Регуляторно-волевой компонент — самоконтроль, настойчивость, способность к преодолению трудностей.

Поведенческо-деятельностный компонент — практическое выражение моральных установок в действиях и решениях педагога.

Выявленные закономерности подтверждают, что развитие морально-волевых качеств в образовательном процессе должно рассматриваться как целенаправленный педагогический процесс, включающий формирование нравственной мотивации, освоение этических знаний и развитие навыков саморегуляции через специально организованные педагогические ситуации, про-

ектную и волонтёрскую деятельность, участие студентов в спортивных и патриотических мероприятиях.

Полученные данные согласуются с современными концепциями профессионального образования, в которых педагогическая культура трактуется как синтез компетентности, моральной зрелости и волевой устойчивости личности (Сериков, 2018; Асмолов, 2019; Гребенников, 2021). В результате сформированные морально-волевые качества становятся не только личностным ресурсом педагога, но и педагогическим инструментом воспитания учащихся, обеспечивая преемственность ценностей и развитие культуры поведения в физкультурно-спортивной среде.

Выводы

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие обобщения.

Морально-волевые качества представляют собой интегративный комплекс личностных свойств педагога, обеспечивающих нравственно оправданное и волевое поведение в условиях педагогической и спортивной деятельности. Они включают мотивационно-ценностный, когнитивный, регуляторно-волевой и поведенческо-деятельностный компоненты, формирующие целостную систему профессионального самоуправления личности.

Эмпирические данные, полученные методом экспертного взвешивания, подтвердили системообразующую роль морально-волевых качеств в структуре профессиональных качеств учителя физической культуры [3;4;6;8]. Наибольший прирост значимости по сравнению с другими классами профессиональных качеств продемонстрировали морально-этические и волевые характеристики ($\Delta = +0{,}20$; $W = 0{,}74$).

Функции морально-волевых качеств проявляются в пяти взаимосвязанных направлениях: нормативно-ценностном, регуляторном, мобилизационном, коммуникативно-воспитательном и безопасностном. Эти функции обеспечивают гуманистическую направленность, эмоциональную устойчивость, способность к саморегуляции и ответственность педагога за здоровье и безопасность обучающихся.

Морально-волевая сфера личности учителя физической культуры выступает ядром его профессиональной компетентности, объединяющим знания, ценности и поведенческие установки. Формирование морально-волевых качеств должно рассматриваться как целевая задача вузовской подготовки будущих педагогов и как индикатор их профессиональной готовности [5;9;10].

Практическая реализация результатов возможна при проектировании образовательных программ по направлению 44.03.01 «Педагогическое образование (Физическая культура)», включающих курсы по педагогической этике, саморегуляции, психологии воли, а также при внедрении активных форм обучения — проектной, волонтёрской, тренинговой и соревновательной деятельности.

Таким образом, морально-волевые качества являются системообразующим компонентом профессиональной модели учителя физической культуры, определяющим гуманистическую направленность, устойчивость и эффективность педагогической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: Наука, 1980. – 339 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001. – 416 с.
3. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Знание, 1996. – 308 с.
4. Лях В.И. Теория и методика физического воспитания. – М.: Академия, 2019. – 384 с.
5. Лихачёв Б.Т. Педагогика: курс лекций. – М.: Юрайт, 2010. – 512 с.
6. Криволапова Н.А. Психолого-педагогические основы развития морально-волевой устойчивости будущего педагога // Педагогика и психология образования. – 2021. – № 4. – С. 43–51.
7. Козлова О.В. Морально-волевая регуляция поведения педагога: психолого-педагогический аспект // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 470. – С. 85–92.
8. Гребенников В.И. Педагогическая воля и профессиональная ответственность учителя физической культуры // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2021. – № 4. – С. 12–17.
9. Лебедева Н.Е. Роль морально-волевых качеств педагога в обеспечении безопасности образовательной среды // Наука и спорт: современные тенденции. – 2022. – № 3. – С. 58–65.
10. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО 3++). – М., 2021. – URL: https://fgosvo.ru/(дата обращения: 11.11.2025).

© Якимов Василий Александрович (Yakimov1992Vasiliy@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.03

К ЭТИМОЛОГИИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ АДЫГСКОЙ ЛЕКСЕМЫ «МАМЫКУ» («МАМИКУ»)

ON THE ETYMOLOGY OF THE NON-EQUIVALENT ADYGIC LEXEME "MAMYKU" ("MAMIKU")

S. Anchek
Kh. Bagirokov
A. Udzhukhu

Summary: The article is devoted to the etymological analysis of the equivalentless Adyghe lexeme «mamiku». The diachronic analysis shows that during the evolutionary development of the language, there was a semantic shift in the meaning of the word «mamiku», which obscures the inner form of the word, making it difficult to determine its structure and semantics. A painstaking study was conducted to investigate the origin, sources, and initial form of the lexical unit, as well as to analyze the meaning, ancient, and modern forms of the lexeme «mamiku,» which represents the objective reality of the Adyghe linguistic culture. This required a comparative analysis of historical, ethnographic, and linguistic information about the word form.

Keywords: mamiku, midwife, obstetrician, Adyghe language, Kabardian-Cherkessian language, non-equivalent vocabulary, etymology.

Анчек Сурет Хазретовна
Доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
ancheksuret@mail.ru
Багироков Хазрет Заурбечевич
Доктор филологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет
hbagirokov@mail.ru
Уджуху Айтеч Асхадович
младший научный сотрудник, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
aitech.udzhukhu11@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена этимологическому анализу безэквивалентной адыгской лексемы «мамыку». Диахронический анализ свидетельствует, что в ходе эволюционного развития языка произошел семантический сдвиг в значении слова «мамыку», который затеняет внутреннюю форму слова, затрудняя определение его структуры и семантики. Проведена кропотливая работа по исследованию происхождения, истоков и первоначальной формы словарной единицы, анализу значения, древнейших и современных форм данной лексемы «мамыку», в котором сосредоточено проявление объективной действительности адыгской лингвокультуры, поскольку требовался анализ сравнительно-сопоставительных, исторических, этнографических и лингвистических сведений о данной словоформе.

Ключевые слова: мамику, повивальная бабка, акушерка, адыгейский язык, кабардино-черкесский язык, безэквивалентная лексика, этимология.

Совсем недавно вышла книга известного ученого-леонардиста, историка и писателя Карло Вечче «Улыбка Катерины. История матери Леонардо» [1] в переводе с итальянского на русский язык под общей редакцией Андрея Манухина. В основу книги легли документы, отражающие исторические факты, где ключевой информацией о происхождении молодой женщины по имени Катерина – матери Леонардо, стала строчка: «Катерина, дочь Якуба из земель Черкесии». Известный художник был с малых лет разлучен с матерью, и он всю жизнь пытался воссоздать её образ в своих шедеврах.

Одновременно с вышеназванной книгой выходит и новый исторический роман-версия «Голубоглазая» известного адыгейского писателя И.Ш. Машбаша, рассказывающая о матери Леонардо да Винче Катарине. Исхак Машбаш отмечает: «Ее, рожденную в Черкесии, вывезли и продали в рабство в Италию. Но сильная духом девушка не сдалась, она вернула себе свободу, и человеческое достоинство» [2, с. 3].

Наше внимание привлекла насыщенность текста первого источника [1] адыгской безэквивалентной лексикой: **згей** (каб.-черк. *жьгъей* / адыгейск. *жъгъэй*) – «мелочь», **хедрыхэ** (каб.-черк. *хьэдрыхэ* / адыгейск. *хьадырых*) – «загробный мир», **махсымэ** (каб.-черк. *махъсымэ* / адыгейск. *бахъсым*) – «буза», **кафэ** (каб.-черк. *къафэ* / адыгейск. *къашъо*) – «кафа, национальный танец адыгов», **пшина** (каб.-черк. *пшынэ* / адыгейск. *пщынэ*) – «гармонь», **мэлил гхэва** (каб.-черк. *мэлыл гъэва* / адыгейск. *мэлыл гъэжъуагъ*) – «варенная баранина», **шакобзы** (каб.-черк. *щакIуэбзэ* / адыгейск. *шэкIуабзэ*) – «охотничий язык», **хабзэ** (каб.-черк. *хабзэ* / адыгейск. *хабзэ*) – «этикет», **жэшь** (каб.-черк. *жэщ* / адыгейск. *чэщ*) – «ночь», **вагвэ** (каб.-черк. *вагъуэ* / адыгейск. *жъуагъо*) – «звезда», **шычепшине** (каб.-черк. *шыкIэпшынэ* / адыгейск. *шыкIэпщын*) – «шичепшин, адыгская скрипка», **вуна** (каб.-черк. *унэ* / адыгейск. *унэ*) – «дом», **уорк** (каб.-черк. *уэркъ* / адыгейск. *оркъ*) – «орк, уздень».

Безэквивалентная лексика – «единицы национального языка, обозначающие уникальные референты, свой-

ственные данной лингвокультуре и отсутствующие в сопоставляемой лингвокультурной общности» [3, с. 251]. Справедливо отмечает С.Ш. Шхалахо: «Адыгские слова, функционирующие в русскоязычных текстах, включаются в русскую лексическую систему, несмотря на ограниченность их активного употребления в русской речи» [4, с. 10]. Данное мнение разделяет и С.Х. Анчек: «При перекладывании национальных текстов в иное языковое пространство неизбежным становится пополнение лексики данного языка национальными единицами» [5, с. 20].

Как известно, многие слова прошли долгий путь, одни поменяли свое значение, другие, наоборот, приобрели новое значение. О первоначальном смысле многих слов мы можем только догадываться. А вот наши предки знали совершенно другое значение тех или иных слов. Есть слова, вышедшие из употребления, вытесненные современными синонимами. Есть и слова, которые получили второе дыхание. Так произошло со словом *мамыку* в адыгейском языке. Исторические, этнографические и лингвистические сведения об этом слове важны, чтобы понять, что оно обозначало в древности, и какое значение приобрело в современном мире.

По нашим подсчетам безэквивалентное слово ***мамику*** в анализируемом тексте встречается 9 раз: «С моей женой осталась только ***мамику***, бабка-повитуха, что сновала между ней и источником, сменяя окровавленные тряпки и тут же застирывая их» [1]. «До вчерашнего дня долгие месяцы, проведенные в нашем большом доме посреди аула, мы исполняли каждый наказ ***мамику*** и старших женщин» [1]. «Вопреки слабости, мы решили отнести ее туда на носилках в сопровождении одной только ***мамику»*** [1]. ***«Мамику*** заводила таинственные ритуалы, чтобы вызвать у роженицы схватки. Она ворожила с охапкой загадочных предметов, сплетенных веревками, заговаривая воду и ветер» [1]. И т.д.

Из приведенных примеров становится понятно, что *мамику* – это «повивальная бабка», «бабка-повитуха». Мамику сопровождала роженицу, ее каждый наказ исполнялся, она умела проводить разные ритуалы, вызывающие схватки, принимать роды и т.д.

Анализ адыгейско-русских лексикографических трудов показал, что лексема *мамыку* зафиксирована не во всех словарях. К примеру, В «Адыгейско-русском словаре» дается словарная статья «**мамыку** уст. повивальная бабка» [6, с. 201], в «Русско-адыгейском словаре» – «**повивальный** *прил.*: повивальная бабка уст. *мамыку*» [7, с. 602]. В словарях последних изданий данное слово не наблюдается.

Как видно, слово *мамыку* относится к числу устаревших, но, необходимо отметить, что в последнее время на страницах газеты «Адыгэ макъ» часто видишь словоформы: *«фельдшер-мамыку Іэзапӏэхэр»* – «фельдшерско-акушерский пункт», *«врач-мамыку-гинеколог»* – «врач-акушер-гинеколог»: *Фельдшер-мамыку Іэзапӏэхэр чылэ пэпчъ, къуаджэ пэпчъ къащызэӏуахыгъэх*. «В аулах и селах открываются фельдшерско-акушерские амбулатории». *Фельдшерско-акушерский пункт зыфэпӏощтхэр, сэнэхьатэу «врач-мамыку-гинеколог» зиӏэхэр бэ*. «Многие имеют фельдшерско-акушерский пункт, специальность врач-акушер-гинеколог».

По данным «Электронного адыгейского корпуса» [9] от леммы «мамыку» найдено 266 словоформ в 264 предложениях, которые извлечены из 156 документах. Примеры взяты в основном из современной прессы «Адыгэ Макъ» (2012-2017гг.).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в современном адыгейском языке слово *мамыку* используется в значении «акушер», но, как известно, в дореволюционной Адыгее отсутствовала система охраны здоровья населения. В адыгейских аулах не было ни одного лечебного учреждения. Только после образования 27 июля 1922 года Адыгейской автономной области «была создана лечебная сеть, состоявшая из 6 врачебных амбулаторий и 12-ти фельдшерских пунктов…

В 1924 году сеть лечебно-профилактических учреждений области состояла из 4-х больниц на 190 коек, 13 врачебных амбулаторий, 14 фельдшерских пунктов, 4 зубоврачебных кабинетов, передвижного венерологического диспансера…

Уже в 1960 году в области действовало 27 больниц на 1505 коек, 3 самостоятельные поликлиники, 19 врачебных амбулаторий, 120 фельдшерско-акушерских пунктов, 8 санитарно-эпидемиологических станций, детский ревматологический санаторий на 75 мест в Горячем Ключе, 6 врачебных здравпунктов. В медицинских учреждениях области работало 498 врачей и 1359 среднего медицинского персонала» [8].

Изначальное значение слова *мамыку* Л. Дегуф толкует следующим образом: *«Мы цӏэм (мамыкум – А.С.), си сишӏошӏыкӏэ, Іэшӏугъэ, фэбагъэ, гукӏэгъуныгъэ хэлъ, «ны папкӏ», «псэпыгъакӏ» зыфэпӏон къикӏэу къызгурэӏо»* [11, с. 4]. – «Это наименование, на мой взгляд, означает что-то сладкое, теплое, милосердное, «как мама», «вкладывающее душу» означает». Так же она отмечает: *«Сабый къэхъугъакӏэм ыныбыджи мамыкум пиупкӏыщтыгъэ.* <…> *Ащ ыуж сабыир псы фэбэ къодыекӏэ ыгъэпскӏыщтыгъэ, ыпкъышъол псыхьагъэу, пытэу хъунэу ыӏоти. Псым гъучӏ Іэмэ-псымэхэр, дышъэ пкъыгъохэр халъхьэщтыгъэх гъучӏым фэдэу ыпкъышъол псыхьэгъэнэу, дышъэм фэдэу ищыӏэныгъэ гъогу нэфынэнэу, лыдынэу рапуалӏэщтыгъэ. Псэу зэрагъэпскӏырэм ежьэ тӏэкӏуи хатакъощтыгъэ, сабыим нэ бзаджэ темыфэным пае»* [11, с. 4]. «Пуповину

новорожденному перерезала мамику. <…> После этого она ребенка купала в прохладной водичке, чтобы тело закалилось, стало крепче. В воду клали железные инструменты, золотые украшения с пожеланиями, чтобы тело как железо закалилось, а жизненный путь светился и блестел как золото. В воду еще сыпали золу, чтобы ребенка не сглазили».

Н.М. Чуякова отмечает, что «*цыгъо джанэри сабый къэхъугъакlэм* ***мамыкум*** *щырагъалъэщтыгъэ. Сабыеу* ***мамыкум*** *ыlэгу къихъухьагъэр пшъэшъэжъыемэ, ар зыдакlокlэ зыхэхьагъэхэм* ***мамыкум*** *lахь къыфырашlыщтыгъэ, шъэожъыемэ, къызищэкlэ* ***мамыкум*** *lахь ежьмэ фашlыщтыгъэ*» – «мышиную распашонку» (перематочку) новорожденному ребенку надевала мамику. Если новорожденная была девочка, то, когда она выходила замуж, мамику приносила подарок для нее, а когда мальчик, то для мамику делали подарок».

В речи адыгов, проживающих за рубежом, и в фольклорных текстах сохранилось большое количество слов, вышедших из повседневного употребления в связи с тем, что обозначаемые ими явления и вещи не используются в современном мире, со временем забываются и их наименования.

Так, в книге «Къэзгъэзэжьыгъэ налмэс-налкъутэхэр. Тыркуем щыпсэурэ адыгэхэм ялъэпкъ lушыныгъэ щыщхэр» («Возвращенные жемчужины. Из народной мудрости адыгов, проживающих в Турции») [10] фольклориста Чуяковой Н.М. собраны фольклорные произведения адыгов, проживавших в Турции. В одном из текстов находим такой пример: *Мэлышъо ралъхьэ кушъэм, – «шъынэм фэдэу шъабэу орэхъу», – alошъ. Сабыир хэзыпхэрэр* ***мамыкур*** *ары* [10, с. 118]. – «В люльку кладут овечью шкуру, – «пусть как овца будет мягкой» – говоря. Ребенка укладывает в люльку **мамику**». В словаре, данном в книге, находим толкование значения слова «мамыку»: ***мамыку*** – *сабыир къэхъу зыхъукlэ хъушъэн ихьагъэм дэlэпыlэрэр* [10, с. 145]. – «мамику – это та, которая помогает роженице в момент родов ребенка».

Мафашуко Шангуль, сотрудница Национального музея Республики Адыгея, отмечает, что в речи адыгов, проживающих в Турции и Сирии, встречается слово *мамыку* в одном и том же значении, – «повитуха».

Этимологический, словообразовательный и семантический анализ данного слова до настоящего времени никто не проводил. На наш взгляд, слово *мамыку* образовано путем сложения двух корней: 1) *мам* и *ку*. Первый – является компонентом многих слов: ***Мам****ыку* (собственное имя), ***Мам****ыку ихьам* (амбар Мамука), ***Мам****хыгъ* (название аула), ***Мам****ыщ* (бог у адыгов, который покровительствует крупному рогатому скоту), ***мам****ыжь* (корова), ***мам****ырыжъ* (буза), ***мам****рыс* (мамалыга). Второй компонент *ку* означает «середина», «зрелый». Например: *лlы* – «мужчина», *лlы****ку*** – «мужчина средних лет; мужчина в летах, пожилой мужчина» [12, с. 174]. Образование лексемы *лlыку* идентично образованию лексемы *мамыку*. Если значение второго компонента установлено точно, то о значении первого компонента приходится только догадываться, но это слово точно берет свое начало с древних времен, когда адыги жили племенами.

Таким образом, адыги с древних времен повивальную бабку, повитуху называли *мамыку*. Это была женщина среднего возраста, чистая, добрая, милосердная, владеющая одной из древнейших отраслей народной медицины, которая оставалась чрезвычайно распространённой до возникновения акушерства. Она умела оказывать помощь роженицам, помогать ребенку появиться на свет и стать полноправным членом общества. Но в последние десять лет наблюдается семантический сдвиг данного слова. Теперь современных акушеров начали называть *мамыку*: «*фельдшер-мамыку lэзапlэхэр*» – «фельдшерско-акушерский пункт», «*врач-мамыку-гинеколог*» – «врач-акушер-гинеколог».

ЛИТЕРАТУРА

1. Веччe К. Улыбка Катерины. История матери Леонардо / Карло Веччe; [пер. с итал. А.С. Манухина, Н.Ю. Чаминой, Я.В. Миронцевой, В.А. Федорчук]. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. – 560 с. – (Документальный fiction) – [Электронный ресурс] – режим доступа – https://librebook.me/ulybka_kateriny___istoriia_materi_leonardo/vol1/1
2. Машбаш И.Ш. Голубоглазая. Исторический роман-версия. – Майкоп: АО «Полиграф-Юг», 2024. – 228 с.
3. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: учеб. пособие. – М., 1973. – 251 с.
4. Шхалахо С.Ш. Кавказская лексика в русском языке и в русскоязычных текстах (на материале адыгизмов) / Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. филол. наук. – Майкоп, 2004. – 28 с.
5. Анчек С.Х. Безэквивалентный пласт адыгской лексики в переводном эпическом дискурсе // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: материалы III Международной научной конференции. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2022. – С. 19–29.
6. Адыгейско-русский словарь. Под редакцией Ж.А. Шаова. – Майкоп, 1975. – 440 с.
7. Русско-адыгейский словарь. Под редакцией Х.Д. Водождокова. – Москва: Государственное издательство иностранных словарей, 1960. – 1100 с.
8. Из интервью Р.Х. Натхо журналу «Медицина и здоровье» [Электронный ресурс] – режим доступа – https://medicinarf.ru/regions/detail.php?ID=9258 (Дата обращения: 03.09.2024).

9. Адыгейский корпус [Электронный ресурс] – режим доступа – https://adyghe.web-corpora.net/adyghe_corpus/search (Дата обращения: 09.10.2024).
10. Цуекъо Н. Къэзгъэзэжьыгъэ налмэс-налкъутэхэр. Тыркуем щыпсэурэ адыгэхэм ялъэпкъ Іушыныгъэ щыщхэр. (Чуякова Н.М. Возвращенные жемчужины. Из народной мудрости адыгов, проживающих в Турции). – Мыкъуапэ: ООО «Качество», 2002. – 160 с. (На адыгейском яз.).
11. Дэгуф Людмил. ПІуныгъэм мэхьанэшхо иІ (Дегуф Людмила. Воспитание имеет большое значение) / Газета «Адыгэ макъ». – 1 апреля 2015.
12. Толковый словарь адыгейского языка. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2012. – 500 с.

© Анчек Сурет Хазретовна (ancheksuret@mail.ru), Багироков Хазрет Заурбечевич (hbagirokov@mail.ru),
Уджуху Айтеч Асхадович (aitech.udzhukhu11@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.04

ОСОБЕННОСТИ КАЧЕСТВЕННОЙ И КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

QUALITATIVE AND QUANTITATIVE DETERMINATION IN THE ENGLISH LANGUAGE

E. Bagdasarian
M. Gezha
O. Chuprakova

Summary: The research relevance is since determination plays a significant role in the formation of referential properties of nominal groups of the English language, and affects the process of understanding, interpretation of speech and the formation of the meaning of utterances in general.

The research goal is to systematize the linguistic characteristics of qualitative and quantitative determination in various linguistic contexts.

During the study, the following tasks were solved: the scientific literature on the studied problems was analyzed; examples of qualitative and quantitative determination in the English language are considered; the conclusions are formulated.

The methods of component, comparative, contextual and quantitative analysis were used. Particular attention was paid to the functioning of determinators in complex noun groups and their role in expressing various types of reference.

The conclusions made it possible to deepen the understanding of the structure and semantics of English noun groups and shed light on the universal principles of determination in natural languages. The results obtained can be useful in the field of computational linguistics, natural language processing and English language teaching.

Keywords: determination, English, quality, quantity, nominal group, reference, determinator.

Багдасарян Элина Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина
lina13_06@mail.ru
Гежа Мария Алексеевна
Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Московская государственная Академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина
miss.soroka84@yandex.ru
Чупракова Ольга Владимировна
Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Московская государственная Академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина
ochoup@gmail.com

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена тем, что детерминация играет существенную роль в формировании референциальных свойств именных групп английского языка, а также влияет на процесс понимания, интерпретации речи и формирование смысла высказываний в целом.

Целью исследования является систематизация лингвистических характеристик качественной и количественной детерминации в различных языковых контекстах.

Для достижения цели были решены следующие задачи: проанализирована научная литература по изучаемой проблематике; рассмотрены примеры качественной и количественной детерминации в английском языке; сформулированы выводы.

В ходе исследования применялись методы компонентного, сопоставительного, контекстуального и количественного анализа. Особое внимание уделялось функционированию детерминаторов в составе сложных именных групп и их роли в выражении различных типов референции.

Выводы исследования позволили углубить понимание структуры и семантики английских именных групп и пролить свет на универсальные принципы детерминации в естественных языках. Полученные результаты могут быть полезны в области компьютерной лингвистики, обработки естественного языка и преподавания английского языка.

Ключевые слова: детерминация, английский язык, качество, количество, именная группа, референция, детерминатор.

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что в лингвистике детерминация выступает как основополагающий принцип, описывающий синтаксическую и семантическую взаимозависимости между элементами языковой структуры, при которой характеристики одного элемента предопределяются другим. Такая зависимость проявляется на различных уровнях языковой системы, способствуя формированию сложных иерархических связей между словами, словосочетаниями и предложениями.

В лингвистическом научном дискурсе выделяются несколько ключевых видов детерминации:

— грамматическая детерминация включает морфологическую и синтаксическую согласованность;
— морфологическая детерминация выражается в согласовании грамматических категорий: рода, числа и падежа прилагательного и существительного;
— синтаксическая детерминация, в свою очередь, проявляется там, где глагол предписывает падеж

зависимого существительного (например, «читать книгу» – винительный падеж);
— семантическая детерминация связана с семантическими ограничениями, накладываемыми лексемами друг на друга, например, глагол «пить» семантически ограничивает выбор зависимого существительного, требуя обозначения жидкости («пить воду»).
— прагматическая детерминация возникает в контексте коммуникативной ситуации и опирается на знания, общие для говорящего и слушающего. Так, в высказывании «Он пошел туда» значение местоимения «туда» определяется предыдущим контекстом или общим знанием ситуации.

Некоторые исследователи в данный перечень включают также контекстуальную детерминацию, при которой интерпретация языковой единицы зависит от ее окружения в конкретном тексте: одно и то же слово может приобретать различные значения в зависимости от контекста [4, с. 251].

Таким образом, в лингвистике понимание принципов детерминации имеет первостепенное значение для анализа синтаксиса предложений, семантической интерпретации текстов и моделирования процессов порождения и восприятия речи. В настоящем исследовании мы сосредоточимся на систематизации характеристик качественной и количественной детерминации в английском языке, а также анализе их взаимодействия в различных контекстах.

Обзор литературы

Теоретические основы исследования детерминации в английском языке рассматриваются в работах таких авторов, как О.Д. Апостол [1], Э.Р. Замалютдинова [2], А. Сассон, Р. Шифф, Б. Злуф [10] и др.

В своем исследовании Р. Махмуди, М.И. Махмуди [7] подчеркивают, что детерминация является ключевым аспектом номинальной семантики, определяющим референциальный статус. Так, К. Сарт, Дж. Чжан [9], являются сторонниками теории дескрипций, оказавшей значительное влияние на понимание значения определенного артикля и его роли в референции.

В своих работах такие авторы, как Э.В. Маремукова [4] и Э.Р. Ибрагимова [3], обосновывают критику теории дескрипций, подчеркивая важность контекста при интерпретации референциальных выражений.

По поводу качественной детерминации, работы таких авторов, как Е.Г. Филимонов, М.Л. Федотов [5], содержат анализ структуры детерминации и роли детерминаторов в ее формировании.

В свою очередь, исследования количественной детерминации в работах В. Азизи, К. Фагболу [6], Л. Маджидовам [8], которые обсуждают понятие обобщенных кванторов для формального описания значений количественных слов и выражений.

По мнению исследователей, одним из ключевых понятий, которые непосредственно относятся к изучаемой теме, является номинальная группа, ядром которой является существительное или местоимение. В номинальной группе существительное выполняет в предложении те же синтаксические функции, что и существительное (например, подлежащее, дополнение) [9, с. 182].

Тем не менее, существует необходимость обобщения и систематизации основных характеристик качественной и количественной детерминации в английском языке.

Результаты исследования

В ходе анализа эмпирического материала были выявлены следующие особенности качественной и количественной детерминации в английском языке:

1. *Качественная детерминация* реализуется посредством использования определенных и неопределенных артиклей (*the*, *a/an*), указательных местоимений (*this*, *that*, *these*, *those*) и притяжательных местоимений (*my*, *your*, *his/her/its*, *our*, *their*). Данные детерминаторы позволяют установить связь между номинальной группой и ее референтом в дискурсе, а также выразить различные типы референции (определенную, неопределенную, анафорическую, катафорическую). Например, использование определенного артикля *the* указывает на то, что референт номинальной группы является уникальным или известным в контексте: *The book is on the table.*
2. *Количественная детерминация* выражается посредством числительных (*one*, *two*, *three*, *many*, *few*, *several*), кванторных слов (*all*, *some*, *no*, *every*, *each*) и степенных модификаторов (*much*, *little*, *a lot of*). Данные элементы позволяют указать на количество или степень проявления признака, характеризуемого номинальной группой.

Примеры:
— *Many students attended the lecture.*
— *Few resources were allocated to the project.*
— *All participants received a certificate.*

3. *Взаимодействие качественной и количественной детерминации*: в сложных номинальных группах наблюдается взаимодействие качественных и количественных детерминаторов, которые совместно определяют референциальные свойства номинальной группы.

Примеры:
— *The three books on the shelf* (комбинация опреде-

ленного артикля и числительного).

— *Some of the students* (комбинация кванторного слова и предлога «*of*»).

Анализ показал, что порядок следования детерминаторов в сложных номинальных группах имеет значение для интерпретации: так, качественные детерминаторы обычно предшествуют количественным, что отражает иерархическую структуру номинальной группы.

4. *Контекстуальная зависимость:* значения качественных и количественных детерминаторов зависят от контекста. Например, квантор «*some*» может означать «некоторые», «немногие» или «достаточно много» в зависимости от контекста и интенций говорящего. (Таб. 1.)

Таким образом, детерминаторы служат важным механизмом установления референциальных отношений между номинальной группой и элементами дискурса. При этом использование определенного артикля, как отмечает Э.В. Маремукова, предполагает, что референт номинальной группы является уникальным в контексте или известен говорящему и слушающему [4, с. 246].

Сложные номинальные группы, как правило, демонстрируют взаимодействие нескольких типов детерминаторов: например, фраза «the first three chapters» объединяет определенный артикль (качественная детерминация) и числительное (количественная детерминация), образуя единую референциальную единицу. Порядок следования детерминаторов в сложных номинальных группах подчиняется определенным грамматическим правилам, отражающим иерархическую структуру номинальной группой [10, с. 1484].

Контекстуальная зависимость значения детерминаторов является важным аспектом их функционирования: например, квантор «some», как указывают в своих работах Л. Маджидовам [8], К. Сарт, Дж. Чжан [9], может иметь различные интерпретации в зависимости от контекста, варьируясь от «некоторых» до «значительного количества».

Детерминанты, будучи не просто грамматическими маркерами, выполняют функцию сложных инструментов для интерпретации именных групп и, следовательно, влияют на общее передаваемое сообщение. Выбор конкретного детерминанта может сигнализировать об определенности, неопределенности, количестве, близости или даже отношении говорящего, тем самым влияя на то, как слушающий воспринимает референт именной группы в контексте дискурса.

Влияние выбора детерминанта особенно очевидно в различии определенных и неопределенных артиклей. Определенный артикль «the» предполагает знакомство слушающего с референтом, будь то посредством предшествующего упоминания, общих знаний или контекстной значимости [6, с. 103]. Напротив, неопределенный артикль «a» или «an» вводит новый референт в дискурс или указывает на представителя класса сущностей без указания конкретного человека [5, с. 1194]. Данное различие имеет решающее значение для управления информационным потоком и установления взаимопонимания между говорящим и слушающим.

Более того, квантификационные детерминанты, как *«all», «some», «few»* и «*many»,* создают сложности, связанные с областью применения и распределением референта именной группы. Интерпретация этих детерминантов часто зависит от контекста и прагматических факторов.

Таблица 1.

Лингвистические свойства качественной и количественной детерминации в английском языке.

Тип детерминации	Детерминатор	Примеры	Лингвистические свойства
Качественная	Определенный артикль (the)	The cat sat on the mat.	Указывает на конкретный, уникальный или известный референт.
	Неопределенный артикль (a/an)	A dog barked loudly.	Вводит новый референт в дискурс, обозначает неспецифический экземпляр класса.
	Указательное местоимение (this/that)	This book is mine. That car is expensive.	Указывает на пространственную или временную близость/удаленность референта.
	Притяжательное местоимение (my/your)	My house is small.	Обозначает принадлежность референта субъекту.
Количественная	Числительное (one/two)	Two birds flew away.	Определяет точное количество референтов.
	Кванторное слово – слово, которое указывает на количество или объем предмета или явления в высказывании (all/some)	All men are mortal. Some people are happy.	Указывает на количество или степень охвата, не определяя точное число.
	Степенной модификатор (much/little)	Much effort was required.	Обозначает интенсивность признака, выраженного номинальной группой.

Например, утверждение «All students passed an exam» может интерпретироваться по-разному в зависимости от конкретного контекста и намерений говорящего; оно может выражать общее наблюдение или меткое замечание, подчеркивающее неожиданный успех. Такие формальные семантические модели, как теория квантификаторов, предоставляют строгие инструменты для анализа логических свойств квантификационных детерминантов и их вклада в значение предложения [4, с. 245].

Стратегическое использование детерминантов также распространяется на такие указательные местоимения, как «этот» и «тот», которые указывают на близость или дистанцию как в прямом, так и в переносном смысле. «Этот» обычно указывает на референта, который физически или психологически ближе к говорящему, в то время как «that» относится к более удаленному референту.

Выбор между «*this*» и «*that*» может влиять на воспринимаемую релевантность или важность референта, что еще раз демонстрирует способность говорящего тонко формировать интерпретацию слушателя. Такая семантическая гибкость позволяет говорящим стратегически использовать детерминанты для выражения тонких значений и намерений в английском языке. Детерминанты, будучи элементами, определяющими референцию именных групп, оказывают значительное влияние на интерпретацию высказывания в целом. В частности, выбор между определенным артиклем «*the*» и неопределенным «*a, an*» сигнализирует о степени знакомства слушателя с референтом, устанавливая, таким образом, контекстуальную основу для дальнейшей коммуникации [3, с. 522]. Использование демонстративных детерминантов «*this*» и «*that*», вносит дополнительный уровень дистальности, ориентируя слушателя относительно пространственного или временного положения объекта или события [2, с. 953].

Функциональная нагрузка детерминантов выходит за рамки простого указания на референцию. Они вовлечены в формирование дискурсивной связности, помогая устанавливать анафорические отношения между различными частями текста. Например, повторное упоминание объекта с использованием определенного артикля указывает на поддержание той же самой референции, в то время как использование неопределенного артикля может вводить новый референт в дискурс [1, с. 86]. Кроме того, детерминанты могут выполнять функцию выражения количественной информации, как в случае с квантификаторами «*all*», «*some*», «*many*», «*few*», каждый из которых несет в себе специфическую информацию о количестве или степени распространения явления.

Выводы

В результате проведенного исследования были выявлены ключевые особенности качественной и количественной детерминации в английском языке: качественная детерминация, реализуемая посредством артиклей и местоимений, играет важную роль в установлении референциальных связей и определении типа референции номинальной группы.

Количественная детерминация, выражаемая числительными и кванторами, позволяет указать на количество или степень проявления признака. В сложных номинальных группах наблюдается взаимодействие качественных и количественных детерминаторов, совместно определяющих референциальные свойства номинальной группы.

Полученные результаты демонстрируют сложность и многогранность системы детерминации в английском языке и подчеркивают необходимость учета контекстуальных факторов при анализе и интерпретации языковых выражений. детерминанты в английском языке представляют собой многогранную систему, оказывающую существенное влияние на семантику и прагматику высказывания. Установление референциальных связей и формирование дискурсивной структуры и передачи количественной информации, а также сами детерминанты являются неотъемлемым компонентом построения эффективной и точной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апостол О.Д. Селективные аспекты в посессивных конструкциях (на материале белорусского, русского, английского и итальянского языков) // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2025. – № 1 (291). – С. 85–92.
2. Замалютдинова Э.Р. Сочетаемость наименований лица как фактор детерминации их референциального статуса (на материале английского и татарского языков) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2020. – № 6. – С. 953–958.
3. Ибрагимова Э.Р. Валентность и семантика предиката как фактор детерминации референциального потенциала наименования лица (на материале английского и татарского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 2. – С. 521–526.
4. Маремукова Э.В. Морфологические особенности лингвистической проекции этнической ментальности // ТЯиМК. – 2023. – № 4 (51). – С. 244–256.
5. Филимонов Е.Г., Федотов М.Л. Способы выражения детерминации в древнегреческом и латинском в сравнении с английским (на материале текста Евангелия от Марка) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2023. – № 27–2. – С. 1194–1221.
6. Azizi W., Fagbolu Q. Model for Translation of English Language Noun Phrases to Luganda // Kampala International University Bulletin. – 2019. – № 2. – P. 102-119.
7. Mahmudi R., Mahmudi M.I. Noun phrases and their syntactic functions in English and Albanian language // Anglisticum Journal (IJLLIS). – 2021. – № 10. – P. 63-81.

8. Majidovam L. Determiners used with definite and non-definite noun phrases in English language // Scientific Bulletin. – 2020. – № 2. – P. 119-123.
9. Sarte K., Zhang J. Effects of L1, L2 proficiency and prompt on noun phrase complexity // Conference: ERAS Conference and WERA Focal Meeting. – 2023. – P. 176-189.
10. Sasson A., Schiff R., Zluf B. Syntactic knowledge in a foreign language: examining cross-language transfer effects in L2 noun phrase comprehension // Reading and Writing. – 2024. – № 38(5). – P. 1483-1508.

© Багдасарян Элина Юрьевна (lina13_06@mail.ru), Гежа Мария Алексеевна (miss.soroka84@yandex.ru),
Чупракова Ольга Владимировна (ochoup@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.11

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЕНЕРИРУЕМЫХ ТЕКСТОВ

LARGE LANGUAGE MODELS AS A TOOL FOR MEDIA COMMUNICATIONS: A PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE SYNTACTIC AND STYLISTIC FEATURES OF GENERATED TEXTS

A. Vasilev

Summary: The article examines the syntactic and stylistic features of texts generated by large language models (LLMs) in the context of their application in modern media communications. Based on the analysis of news, journalistic, and advertising texts generated by GPT-3.5 and other LLMs, the article identifies the characteristic features of automated content, such as the standardization of syntactic structures, limited vocabulary variation, and a neutral-formal style. The study demonstrates that, despite their high literacy and coherence, generated texts retain a template-like nature, which affects their perception in the professional media environment. The results of the work can be used to develop criteria for assessing the quality of automated content and its integration into media communications.

Keywords: large language models, automated text creation, media communications, philological analysis, syntax, stylistics, GPT-3.5, digital linguistics.

Васильев Андрей Михайлович
Аспирант, Федеральное Государственное Автономное Образовательное учреждение высшего образования Российский Университет Дружбы Народов Им. Патриса Лумумбы
1142230713@pfur.ru

Аннотация: В статье рассматриваются синтаксические и стилистические особенности текстов, сгенерированных большими языковыми моделями (БЯМ), в контексте их применения в современных медиакоммуникациях. На материале анализа новостных, публицистических и рекламных текстов, созданных с помощью GPT-3.5 и других БЯМ, выявляются характерные черты автоматизированного контента: стандартизация синтаксических конструкций, ограниченное варьирование лексики, нейтрально-формальный стиль. Исследование демонстрирует, что, несмотря на высокую грамотность и связность, генерируемые тексты сохраняют шаблонность, что влияет на их восприятие в профессиональной медиасреде. Результаты работы могут быть использованы для разработки критериев оценки качества автоматизированного контента и его интеграции в медиакоммуникации.

Ключевые слова: большие языковые модели, автоматизированное создание текстов, медиакоммуникации, филологический анализ, синтаксис, стилистика, GPT-3.5, цифровая лингвистика.

Введение

Современные медиакоммуникации переживают этап активной цифровой трансформации, ключевым элементом которой становится интеграция технологий автоматизированного создания текстового контента. Большие языковые модели (БЯМ), такие как GPT-3.5, BERT, YaLM и их аналоги, демонстрируют способность генерировать связные, грамматически правильные тексты, имитирующие человеческую речь. Это открывает новые возможности для различных сфер медиа: от новостной журналистики и создания публицистических материалов до копирайтинга и рекламных коммуникаций.

Однако стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта в медиасферу опережает их комплексное филологическое осмысление. Лингвистические, в частности синтаксические и стилистические, аспекты текстов, созданных БЯМ, остаются малоизученными. Существует значительный разрыв между техническими возможностями моделей и пониманием того, как их использование влияет на языковую ткань медийного сообщения, его структуру, выразительность и, в конечном счете, на восприятие аудиторией.

Актуальность данного исследования обусловлена насущной необходимостью разработки научно обоснованных критериев оценки качества, эффективности и уместности автоматизированного контента. Без такого анализа невозможно ни грамотно интегрировать БЯМ в профессиональные медиапроцессы, ни прогнозировать долгосрочное влияние этой технологии на эволюцию медиаязыка и журналистских практик.

Цель исследования – выявить и систематизировать синтаксические и стилистические особенности текстов, генерируемых большими языковыми моделями, на материале различных медийных жанров.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

Отобрать корпус текстов, сгенерированных БЯМ (на примере GPT-3.5), в трех ключевых жанрах медиакоммуникаций: новостная заметка, публицистическая статья, рекламное сообщение [1].

Провести количественный и качественный синтаксический анализ, определив характерные модели построения предложений и их разнообразие.

Осуществить стилистический анализ с опорой на теорию функциональных стилей, выявив специфику лексики и образных средств.

Оценить способность БЯМ к жанровой адаптации и креативному преобразованию языковых средств.

Эмпирическую базу исследования составил корпус из 50 текстов, сгенерированных с помощью модели GPT-3.5. Корпус был структурирован по жанровому признаку [2]:

Новостные заметки (20 образцов): тексты на актуальные общественно-политические и экономические темы, сгенерированные по стандартным новостным шаблонам (структура «перевернутой пирамиды»).

Публицистические статьи (15 образцов): аналитические тексты и авторские колонки на социально значимые темы, требующие аргументации и выражения позиции.

Рекламные сообщения (15 образцов): продающие тексты и посты для социальных сетей, направленные на продвижение товаров и услуг.

Для обеспечения чистоты эксперимента все тексты генерировались по заранее подготовленным промптам (запросам), которые содержали идентичные условия по теме, целевому действию и тональности [3].

В исследовании был применен комплекс методов:

Количественный анализ: статистическая обработка данных о длине предложений (в словах), частоте использования различных типов синтаксических конструкций (простые, сложносочиненные, сложноподчиненные), а также расчет лексического разнообразия с помощью индекса Type-Token Ratio (TTR).

Качественный лингвистический анализ: включал изучение структуры предложений, использования средств синтаксической выразительности (инверсия, парцелляция, эллипсис и др.), анализ лексики на предмет клишированности, эмоционально-экспрессивной окраски и соответствия функциональному стилю.

Стилистический анализ: проводился с опорой на теорию функциональных стилей для определения степени соответствия генерируемых текстов нормам публицистического, официально-делового и разговорного стилей, а также для выявления гибридных стилистических форм.

Сравнительный метод: использовался для сопоставления характеристик текстов, созданных БЯМ, с аналогичными текстами, написанными профессиональными журналистами и копирайтерами (на материале 30 текстов из ведущих российских СМИ и рекламных агентств).

Результаты и их обсуждение

1. Синтаксические особенности генерируемых текстов

Количественный анализ выявил тенденцию к синтаксической стандартизации. Средняя длина предложения во всех жанрах составила 12–15 слов, что соответствует усредненным нормам читабельности, но свидетельствует об избегании как чрезмерно кратких, так и развернутых, ритмически сложных конструкций [4].

Наблюдается явное преобладание сложноподчиненных предложений (до 60% от общего числа) над сложносочиненными (около 25%) и простыми осложненными (15%). При этом в сложноподчиненных предложениях доминируют стандартные союзы и союзные слова: «который» (частота употребления – 4.3 на 1000 слов), «что» (3.8 на 1000 слов), «если» (2.1 на 1000 слов). Это создает эффект «правильной», но монотонной речи.

Качественный анализ показал крайне редкое использование синтаксических фигур, служащих для усиления экспрессии и управления интонационным рисунком текста. Эллипсис, инверсия, парцелляция, анафора практически отсутствуют. Это приводит к тому, что текст воспринимается как информационно насыщенный, но лишенный динамики и эмоциональной окраски. Синтаксис БЯМ можно охарактеризовать как «безрисковый»: модель избегает конструкций, которые могли бы быть восприняты как грамматически сомнительные или стилистически маркированные.

2. Лексико-стилистические характеристики [5]

Несмотря на декларируемый большой объем тренировочных данных, лексика генерируемых текстов демонстрирует ограниченное разнообразие. Расчет индекса TTR показал значения в диапазоне 0.45–0.55, что ниже, чем в текстах профессиональных авторов (0.6-0.7). Это свидетельствует о более частом повторении одной и той же лексики.

Во всех жанрах устойчиво воспроизводятся клишированные речевые формулы и конструкции-«костыли»:

В новостях: «Как сообщают источники...», «Следует отметить, что...», «В заключение стоит сказать...».

В публицистике: «Важно понимать, что...», «Это поднимает вопрос о…», «Нельзя не согласиться с…».

В рекламе: «Уникальное предложение...», «Только сейчас и только для вас...», «Мечтаете о…? Тогда это для вас!».

Анализ стилистической окраски лексики выявил доминирование нейтрально-книжной лексики. Эмоцио-

нально окрашенная лексика, разговорные элементы, жаргонизмы используются редко и, как правило, неуверенно, часто нарушая стилистическое единство текста. В публицистических текстах, где особенно ценится индивидуальный авторский стиль, его следы практически отсутствуют. Текст производит впечатление безличного, что снижает его убедительность и эмоциональное воздействие на аудиторию.

3. Жанровая адаптация и креативный потенциал

Исследование подтвердило, что БЯМ успешно усваивают и воспроизводят структурные шаблоны жанров. Новостные заметки строго следуют принципу «перевернутой пирамиды», публицистические тексты содержат введение, постановку проблемы, аргументы и вывод, а рекламные сообщения строятся по классическим схемам (AIDA – Attention, Interest, Desire, Action).

Однако креативное преобразование этих жанровых рамок, создание гибридных форм или намеренное нарушение канонов для достижения большего эффекта БЯМ практически недоступно. Модель демонстрирует высокую жанровую «послушность», но не «жанровую смелость». Например, при запросе на создание рекламного текста в формате короткого рассказа или публицистической статьи в виде диалога, результат оказывается формальным и неубедительным.

Сравнение с текстами людей-авторов показало, что последние чаще используют:

Синтаксическое разнообразие (сочетание коротких и длинных предложений).

Стилистически окрашенную и индивидуально-авторскую лексику.

Приемы языковой игры и намеренные отклонения от жанровых норм для привлечения внимания.

Заключение

Проведенное филологическое исследование позволяет сделать вывод о том, что большие языковые модели, в частности GPT-3.5, стали мощным инструментом генерации формально правильного и связного текстового контента. Они успешно осваивают базовые синтаксические конструкции и жанровые шаблоны, характерные для медиакоммуникаций.

В то же время, выявленные синтаксические и стилистические ограничения – стандартизация построения предложений, шаблонность лексики, отсутствие индивидуального стиля и креативного жанрового эксперимента – указывают на то, что в своем текущем состоянии БЯМ не могут полноценно заменить человека-автора в задачах, требующих глубокой аналитики, яркой образности и уникального стиля.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для:

Разработки профилей компетенций для медиаспециалистов, работающих с БЯМ, где ключевым навыком станет не создание текста с нуля, а его экспертный анализ, редактирование и «очеловечивание».

Создания систем оценки качества автоматизированного контента, включающих не только грамотность и релевантность, но и параметры синтаксического разнообразия, лексического богатства и стилистической выразительности.

Обучения самих языковых моделей, для чего необходима разработка специализированных корпусов текстов, демонстрирующих высочайший уровень языкового мастерства и креативности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении эволюции БЯМ (например, сравнение GPT-3.5 и более новых версий), в анализе их способностей к созданию специфических гибридных жанров (например, New Journalism, лонгриды) и в проведении психолингвистических экспериментов по восприятию автоматизированных текстов различными сегментами медиааудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.В. Цифровая лингвистика: методы и перспективы // Вопросы филологии. 2021. № 4. С. 45–58.
2. Петрова С.К. Язык медиакоммуникаций в эпоху искусственного интеллекта. М.: Изд-во МГУ, 2022. 224 с.
3. Виноградова Т.Ю. Синтаксис современного публицистического текста: норма и аномалия. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. – 312 с.
4. Кожин А.Н. Функциональные типы русской речи. – М.: Высшая школа, 2018. – 223 с.
5. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 264 с.

© Васильев Андрей Михайлович (1142230713@pfur.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.13

НЕОЛОГИЗМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

NEOLOGISMS OF MODERN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

V. Gaidarenko

Summary: The article is devoted to the study of the semantic and cognitive features of neologisms that are actively functioning in modern English-language media discourse. The problem associated with the constant updating of the lexical system of the English language and the adaptation of new words to the conditions of mass communication is becoming increasingly important in the context of global socio-cultural changes and the development of digital technologies. Constantly emerging lexical innovations become not only indicators of linguistic changes, but also tools for shaping public opinion, value orientations, and new behaviors. Therefore, it is increasingly important to investigate not only the formal and structural characteristics of neologisms, but also their cognitive basis: how new words are fixed in the linguistic consciousness of native speakers, what conceptual structures (concepts, frames) underlie their perception and to what extent these units influence the speech behavior and social identification of communication participants. This, in turn, involves a comprehensive analysis combining linguistic, cognitive, sociocultural and pragmatic approaches. In the article, we tried to theoretically substantiate and empirically confirm the specifics of the semantic and cognitive characteristics of neologisms in modern English-language media discourse, as well as to determine their functional and pragmatic role in mass communication.

Keywords: neologisms, media discourse, pragmatic approach, public opinion, communication, concepts, frames.

Гайдаренко Вадим Анатольевич
Кандидат филологических наук, доцент, ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, (г. Москва)
VAGaydarenko@fa.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию семантико-когнитивных особенностей неологизмов, активно функционирующих в современном англоязычном медийном дискурсе. Проблема, связанная с постоянным обновлением лексической системы английского языка и адаптацией новых слов к условиям массовой коммуникации, приобретает всё большую значимость в условиях глобальных социокультурных изменений и развития цифровых технологий. Постоянно возникающие лексические инновации становятся не только индикаторами языковых изменений, но и инструментами формирования общественного мнения, ценностных ориентаций и новых моделей поведения. Поэтому всё более важным представляется исследовать не только формально-структурные характеристики неологизмов, но и их когнитивную основу: каким образом новые слова закрепляются в языковом сознании носителей, какие концептуальные структуры (концепты, фреймы) лежат в основе их восприятия и в какой степени эти единицы влияют на речевое поведение и социальную идентификацию участников коммуникации. Это, в свою очередь, предполагает комплексный анализ, сочетающий лингвистические, когнитивные, социокультурные и прагматические подходы.

В статье мы постарались теоретически обосновать и эмпирически подтвердить специфику семантико-когнитивных характеристик неологизмов в современном англоязычном медиадискурсе, а также определить их функционально-прагматическую роль в массовой коммуникации.

Ключевые слова: неологизмы, медийный дискурс, прагматический подход, общественное мнение, коммуникация, концепты, фреймы.

Введение

В настоящее время английский язык продолжает играть роль ведущего средства международного общения и информирования. Широкое распространение социальных сетей и онлайн-медиа стимулирует интенсивный приток неологизмов, отражающих новые реалии и концепты в культурно-общественном поле. Постоянно возникающие лексические инновации становятся не только индикаторами языковых изменений, но и инструментами формирования общественного мнения, ценностных ориентаций и новых моделей поведения. Поэтому всё более важным представляется исследовать не только формально-структурные характеристики неологизмов, но и их когнитивную основу: каким образом новые слова закрепляются в языковом сознании носителей, какие концептуальные структуры (концепты, фреймы) лежат в основе их восприятия и в какой степени эти единицы влияют на речевое поведение и социальную идентификацию участников коммуникации. Это, в свою очередь, предполагает комплексный анализ, сочетающий лингвистические, когнитивные, социокультурные и прагматические подходы.

Вопросы, связанные с комплексным (семантическим, когнитивным и функциональным) анализом англоязычных неологизмов, появляющихся в медиадискурсе 2020–2024 гг., нуждаются в дальнейшем осмыслении и обобщении.

Методы и материалы

Методы исследования включают:

— теоретические: анализ и систематизация лингви-

стической литературы (по неологии, когнитивной лингвистике, теории дискурса), а также медиастатей и справочных ресурсов; сопоставление полученных данных с ведущими концепциями современной лингвистики;
— эмпирические: корпусный анализ (с использованием СМИ-корпусов и примеров из реальных медийных публикаций 2020–2024 гг.), качественное и количественное изучение употребления неологизмов, метод сплошной выборки примеров, контент-анализ публикаций; обобщение результатов, сравнительно-сопоставительный метод, элементы статистической обработки данных для подтверждения регулярности и востребованности новых слов.

Результаты и их обсуждение

В современной лингвистике неология рассматривается как одно из наиболее динамично развивающихся направлений, изучающее процессы образования и функционирования новых слов и выражений. Исследователи сходятся во мнении, что непрерывное появление новых наименований отражает не только постоянное обновление лексического состава языка, но и воздействие социокультурных факторов на языковую систему. При этом обращают внимание на различные причины возникновения новых слов. Так, И.Н. Коробкина подчёркивает, что ключевым в языковой динамике является стремление к экономии языковых средств и усилению семантической выразительности, что приводит к более прагматичному и экспрессивному общению [Коробкина, 2013: 10]. Языковой прогресс определяется как внешними факторами (прямые и опосредованные контакты с другими языками), так и внутренними (внутриязыковое словообразование), которые могут быть спровоцированы появлением новых концептов, необходимостью устранения омонимии или желанием использовать более выразительные формы.

Сходные идеи высказываются и другими авторами, в частности, А.А. Брагина указывает, что неологизация может осуществляться не только путём создания принципиально новых слов для новых реалий, но и за счёт переосмысления уже существующих лексических единиц, образования новых словосочетаний/комбинирования старых морфем [Брагина, 1973: 78]. Аналогичную точку зрения высказывает и М.И. Фомина, полагая, что новые наименования иногда формируются для уже имеющихся в языке понятий, если возникает необходимость в дополнительной экспрессии или уточнении [Фомина, 1983]. Исследователи сходятся на том, что неологизация прямо связана с социокультурным развитием: обновление лексики отражает становление новых ценностей, а также эволюцию социальных отношений. По мнению Е.В. Заботкиной, новые лексические единицы репрезентируют изменения в ценностной картине мира, создавая тем самым инструмент категоризации действительности [Заботкина, 1999: 5].

Значительный вклад в современное осмысление процессов неологизации внесли авторы, изучающие язык с позиций когнитивной лингвистики и психолингвистики. М.В. Избицкая подчёркивает, что новейший этап развития неологии обусловлен расширением её предмета и переходом на интегративный уровень, где на первом плане оказывается познавательная деятельность человека [Избицкая, 2020: 187]. Вследствие этого формируются новые подходы, выходящие за рамки традиционной лингвистики и использующие, в том числе, психолингвистический инструментарий. Исследователь отмечает, что психолингвистическая теория, развивавшаяся в противовес преимущественно статистическим и структурно-семантическим работам по новой лексике, рассматривает неологизм как процессуальное явление, тесно связанное с мышлением отдельного носителя языка. Данный подход объясняет, что при порождении неологизма человек опирается не только на собственные перцептивно-когнитивные данные, но и на принятые в обществе нормы, тенденции и оценочные установки.

При этом в современном языкознании отсутствует единое толкование понятий «новое слово», «неологизм» и «потенциальное слово». Разные исследователи (Е.В. Сенько, В.В. Лопатин, Е.А. Земская) выделяют собственные критерии идентификации [Сенько, 1994; Лопатин, 2016; Земская, 2011]: от формально-структурных до психологических и социокультурных. По мнению Т.В. Поповой, создание универсального определения не представляется возможным, поскольку каждая теория (стилистическая, лексикографическая, денотативная, структурная, конкретно-историческая, психолингвистическая) обращает внимание на разные аспекты [Попова, 2005: 87]. Аналогичную точку зрения отражает и позиция А. Рея, который указывает на отсутствие объективных критериев разграничения неологизмов и считает, что любое фиксируемое определение будет носить частичный характер [Rey, 1995: 89].

В ряде англоязычных и русскоязычных исследований под неологизмом понимают не только абсолютно новую лексему, но и слово, приобретающее новую коннотацию. На этом настаивает, например, А.Е. Белькова, которая отмечает, что субъективное ощущение новизны у каждого носителя языка может отличаться в зависимости от его жизненного опыта и общего уровня компетенции [Белькова, 2018: 45]. Аналогичной гибкостью определения характеризуются и подходы О.С. Ахмановой, которая в «Словаре лингвистических терминов» указывает, что неологизмом можно считать слово или оборот, используемые для обозначения ранее неизвестного предмета или понятия, а также новую языковую единицу, ещё не пол-

ностью освоенную носителями в общенародном языке [Ахманова, 2018: 12].

В то же время широко распространён так называемый денотативный подход к определению неологизмов, который фокусируется на появлении новых слов для наименования новых реалий. Сторонники этой позиции (например, М.И. Фомина) придерживаются мнения, что слово действительно становится новым, когда соотносится с ранее не названным предметом или явлением [Фомина, 1983].

Из этого следует, что современная неология охватывает широкий спектр взглядов на процессы образования и восприятия новых слов и выражений. Различия в трактовках связаны с многообразием научных направлений, которые по-разному определяют ключевые критерии «новизны»: от непосредственной номинации неизвестных ранее реалий до переосмысления лексических единиц и их экспрессивных возможностей. Очевидно, что не существует единого способа интерпретировать понятие неологизма, однако фундаментальной остаётся идея о непрерывном развитии языка под влиянием внешних и внутренних факторов. Через призму когнитивных, психолингвистических и социолингвистических исследований становится понятно, что неологизмы отражают трансформацию культурных ценностей, социальных взаимоотношений и индивидуального восприятия действительности. Именно поэтому изучение неологизмов не теряет актуальности и продолжает вызывать интерес со стороны различных лингвистических школ и исследовательских направлений.

В современной лингвистике не утрачивает актуальности вопрос о разграничении понятий «неологизм» и «новое слово», а также о критериях, позволяющих установить временные и пространственные рамки появления новых единиц. Исследователи уделяют особое внимание комплексным подходам, позволяющим учитывать не только исторический и социокультурный контексты, но и структурные особенности языка, внутри которого формируются новообразования. Одним из наиболее подробных и систематизированных классификационных подходов считается конкретно-историческая теория неологизма, разработанная Н.З. Котеловой [Котелова, 1990: 67]. Её модель широко востребована не только в отечественных исследованиях, но и применима для анализа новых явлений в различных языках, в том числе в английском.

Разные авторы в целом соглашаются с тем, что неологизм невозможно рассматривать исключительно с формально-структурной точки зрения. Большинство работ подчёркивают, что в определении новой лексической единицы важны временной аспект, сфера её функционирования, тип «новизны» (новая форма или новое значение), а также степень соответствия внутренним законам языка. Так, Л.В. Шалина и Е.В. Сенько не видят необходимости включать в число неологизмов фразеологизмы и иные единицы несобственно-словного характера, считая, что новый статус следует приписывать прежде всего новым лексемам [Шалина, 2007; Сенько, 2007]. Между тем Н.З. Котелова допускает расширенное понимание феномена за счёт включения устойчивых сочетаний, приобретающих особую новизну, если они закрепляются в языке как отдельные смысловые единства.

В настоящем исследовании был проведён анализ ряда неологизмов, активно функционирующих в современном англоязычном медиадискурсе, интернет-культуре и разговорной практике, с учётом их формально-структурных, семантических и культурных характеристик. В перечень рассмотренных единиц вошли как лексемы, отражающие национально-специфические реалии, так и универсальные выражения, возникшие под влиянием глобальных социокультурных и технологических процессов.

Особенно подробно в данной работе были рассмотрены неологизмы AI whisperer, deinfluencing, delulu и gigil. Выбор этих лексем обусловлен тем, что каждая из них репрезентирует не только лексическое обновление, но и широкий социокультурный сдвиг, отражающий трансформацию когнитивных стратегий, прагматических моделей и символического мышления в англоязычном обществе.

Корпусный анализ неологизма *deinfluencing*

Временной критерий (когда?)

Неологизм *deinfluencing* возник в английском языке совсем недавно – на волне 2022–2023 годов, в период расцвета и последующего переосмысления культуры инфлюенсеров. Первые массовые упоминания отмечены в начале 2023 года в соцсети TikTok, особенно среди бьюти-блогеров. Так, британская газета The Guardian в феврале 2023 сообщала, что этот тренд «возник на beauty-TikTok в прошлом месяце» и с тех пор приобрёл огромную популярность, собрав свыше 185 миллионов просмотров по хэштегу #deinfluencing [Bramley, 2023]. Это подтверждает, что уже к февралю 2023 слово вошло в активный обиход пользователей соцсетей.

Исторический контекст появления *deinfluencing* напрямую связан с усталостью аудитории от навязчивого потребления на фоне экономических трудностей. По наблюдению экспертов, популярность тренда обусловлена тем, что *The popularity of the trend is driven by timing and people becoming sick of being told they have to constantly buy something, according to Jago Sherman, head of strategy at the social media marketing agency Goat*. Иными словами, на рубеже 2022–2023 гг. сформировался «критический

предел потребления», когда постоянный призыв инфлюенсеров покупать новинки начал вызывать обратную реакцию аудитории на фоне высокой инфляции и снижения располагаемых доходов. Именно тогда зародился противоположный по посылу тренд *deinfluencing*, призывающий пересмотреть покупательское поведение. В течение 2023 года его популярность росла стремительно: например, к началу 2024-го число просмотров видео с хэштегом #deinfluencing превысило 1 миллиард [Lawton, 2025]. Это свидетельствует, что новый термин не остался краткоживущим феноменом, а укрепился в употреблении в течение последующих лет, отражая долгосрочный интерес общества к переоценке культуры потребления.

Пространственный критерий (где?)

Изначально *deinfluencing* был феноменом соцсетей, прежде всего TikTok. Именно там возникло сообщество «де-инфлюенсеров», публиковавших видео с советами что не стоит покупать. Журналисты отмечали, что за считанные месяцы ролики с соответствующим хэштегом собрали более 150 млн просмотров [Hadero, 2023]. Тренд быстро распространился и на другие онлайн-платформы: например, указывается, что он особенно популярен на молодёжных площадках вроде TikTok и Instagram, причём контент *deinfluencing* вышел за рамки одной тематики (косметика) и проник в разные ниши – от обзоров гаджетов и книг до моды. Согласно *The Guardian*, явление стремительно расширилось: *If influencing is trying to convince people on social media to buy certain products, then deinfluencing is, very broadly, the opposite. Reportedly originating on beauty TikTok last month, it has been huge on the platform ever since, spreading to game and book influencers. The hashtag has more than 185m views, while #antihaul – a reaction against "haul" videos, in which someone talks about their recent purchases – has more than 58m. One creator's instructions not to buy various viral products of the moment – "Do not get the UGG Minis. Do not get the Dyson Airwrap. Do not get the Charlotte Tilbury Wand*, что подчёркивает миграцию термина внутри онлайн-дискурса [Bramley, 2023]. Важно, что вскоре новый термин и явление *deinfluencing* перешагнули из сугубо интернет-среды в медиапространство массовой коммуникации.

Уже в первые месяцы 2023 года крупные СМИ заговорили об этом тренде, внедрив неологизм в публицистику. Так, телеканал CNN в одном из материалов образно заявил*: For about five minutes a few months ago, people seemed to genuinely believe that our culture was entering the age of "deinfluencing." "Step aside, influencers," wrote CNN. "A new breed of 'deinfluencers' has arrived, and they're saying that materialism and overpriced trends are no longer in style." The idea of the "deinfluencer" was that instead of encouraging you to buy stuff, the influencer would encourage you to ... not buy stuff*, объявляя появление новой породы онлайн-лидеров мнений, отвергающих материализм [Jennings, 2023]. В свою очередь, The Washington Post охарактеризовала *deinfluencing* как «новый тренд в TikTok, убеждающий людей не покупать вещи» [Peiser, 2023].

Рассмотренные примеры показывают, что к началу 2023 года термин прочно вошёл в лексикон англоязычных журналистов при описании актуальных социальных явлений, а к 2024 году тренд обсуждается уже на институциональном уровне – в разрезе маркетинговых стратегий и потребительского поведения. Бренды и рекламодатели обратили внимание на новую волну: отмечалось, что «у деинфлюенсеров быстро растёт влияние благодаря доверию аудитории, и теперь бренды хотят с ними сотрудничать», что свидетельствует о проникновении понятия *deinfluencing* в профессиональный маркетинговый дискурс.

Новизна формы или значения (что новое?)

С точки зрения лексической классификации *deinfluencing* является неолексемой, то есть полностью новым словом, а не новым значением существовавшего ранее слова. До 2023 года ни слово *deinfluencing*, ни глагол *to deinfluence* практически не встречались в английском языке; это подтверждается тем, что ведущие словари стали фиксировать этот термин лишь недавно (в списке новых слов Collins Dictionary за 2023 год *deinfluencing* значился среди претендентов на слово года). Лексикографы Collins дают ему следующее определение: *deinfluencing – the use of social media to warn followers to avoid certain commercial products, lifestyle choices, etc [Addley, 2023]*. Данное определение подчёркивает, что перед нами действительно новый феномен, получивший собственное название.

Формально слово образовано от ранее известного *influencing* («влияние, побуждение к покупке») путём добавления отрицательной приставки, поэтому о *deinfluencing* можно говорить как о новом слове с прозрачной внутренней формой, а не о переосмыслении старого термина. Новизна значения состоит в смещении семантики на прямо противоположную по отношению к традиционному инфлюенсингу. Если классический инфлюенсер старается убедить аудиторию что-то купить, то *deinfluencer*, напротив, убеждает не покупать ненужное.

Журналисты Associated Press также описывают *deinfluencing* как резкий контраст с предыдущими трендами вроде #TikTokMadeMeBuyIt, когда блогеры хвастались приобретёнными вещами. Теперь же в рамках новой тенденции «пользователи говорят, какие товары не стоят своих денег» и отговаривают подписчиков от бессмысленных трат.

Из этого следует, что новизна данного неологизма проявляется в том, что он называет новый социальный тренд

– противоположный потребительскому ажиотажу подход, предполагающий осознанное сокращение покупок. При этом по своему устройству слово подчёркнуто указывает на эту противоположность за счёт приставки *de-*.

Структурные признаки (как?)

С морфологической точки зрения слово *deinfluencing* представляет собой пример аффиксального словообразования в английском языке, образованный с помощью приставки *de-* и суффикса *-ing*. Базой послужило слово *influence* («влияние»; в современном сленге также «рекламное воздействие инфлюенсера»), от которого образована форма *influencing* (герундий, обозначающий процесс воздействия). Приставка *de-* в английском обычно придаёт значение противоположного действия или отмены (ср. *to activate – to deactivate, funding – defunding*). В нашем случае приставка *de-* придаёт смысл «раз-», «анти-», фактически превращая *influencing* («оказывание влияния») в «раз-влияние», то есть устранение или уменьшение влияния.

Тип словообразования – префиксально-суффиксальный дериват, поскольку сначала потенциально мог быть осмыслен глагол to deinfluence (разубедить, снять влияние), от которого герундиальное -ing образует название самого явления. Подобная модель вполне типична для английского: приставка de- продуктивна и нередко образует новые слова со значением отмены или противоположности действию (например, to deplatform, to deglamorize, to declutter – последние два также дают существительные deglamorizing, decluttering). Суффикс -ing крайне продуктивен для обозначения процессов или видов деятельности (ср. influencing – «оказание влияния», advertising – «реклама»). Поэтому появление конструкции именно *de-* + *influencing* было вполне прогнозируемо для английской словообразовательной системы: носители языка, усвоившие термин influencing в значении «деятельность инфлюенсера», интуитивно понятным способом создали от него антонимичный неологизм с помощью стандартной отрицательной приставки.

Необходимо отметить, что слово быстро обросло производными: помимо самого процесса deinfluencing, активно используется понятие «deinfluencer» (деинфлюенсер) для обозначения человека, практикующего это («anti-влиятель»). В текстах встречается и глагольное употребление (to de-influence), как было показано выше. Орфографически слово пишется как слитно (deinfluencing), так и через дефис (de-influencing) – последний вариант часто применялся в ранних публикациях для наглядности состава. Со временем, по мере освоения, написание консолидируется. В целом же структурно deinfluencing понятен и прозрачен для англоговорящих: морфемы de- и -ing однозначно указывают на противоположный характер действия и его процессуальность, благодаря чему данный неологизм легко встроился в язык и был быстро принят носителями без семантической двусмысленности.

Заключение

Проведённый анализ показал, что современные неологизмы, возникающие в медийной среде, выполняют целый спектр функционально-прагматических задач: они не только обозначают новые реалии (номинативная функция), но и формируют эмоциональное восприятие (экспрессивная функция), способствуют концептуализации и категоризации опыта (когнитивная функция), обеспечивают языковую идентификацию внутри определённых сообществ (социокультурная функция), а также становятся инструментом влияния и манипуляции (рекламно-маркетинговая функция). Особенно значимой оказывается интегративная роль медиадискурса как пространства, в котором новые лексемы, включая заимствования, получают признание и распространяются в масштабах глобального англоязычного пространства.

Из этого следует, что неологизмы, функционирующие в медиатексте, не сводятся к формальному пополнению словаря: они репрезентируют трансформации общественного сознания, отражают изменения в ценностных системах, моделях поведения и стратегиях коммуникации. Являясь языковыми индикаторами культурных сдвигов, такие новообразования демонстрируют высокую степень связности между когнитивными установками, социальными практиками и медиаречью. Исследование подтверждает необходимость междисциплинарного подхода к изучению неологизмов, сочетающего лингвистический, когнитивный, прагматический и культурологический анализ.

Современные неологизмы не только выполняют номинативную функцию, обозначая новые реалии, но также отражают когнитивные и ценностные сдвиги в обществе, формируя тем самым новую картину мира и закрепляя в языке изменившиеся социальные установки. Особое внимание при этом следует уделить междисциплинарному подходу к изучению неологии, сочетающему лингвистический, когнитивный, психолингвистический и социокультурный анализ. Подобная интегративная перспектива позволяет не только фиксировать и систематизировать новые языковые единицы, но и осмысливать их как индикаторы глубинных трансформаций, происходящих в сознании и коммуникации носителей языка.

Разнообразие форм, источников и функций современных неологизмов делает необходимым дальнейшее развитие типологических моделей, способных учитывать как прагматический потенциал новых слов, так и их взаимодействие с существующими элементами системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова Л.С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (26). С. 106–110.
2. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык средств массовой информации. М., 2003. С. 210–220.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
4. Ахманова О.С.; Магидова И.М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // Английский язык и литература в прагмалингвистическом освещении. М., 2018. С. 9–18.
5. Белькова А.Е. Функционирование неологизмов в интернет-ресурсах (на материале сайта NoName): монография. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2018. 112 с.
6. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 224 с.
7. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. Грозный, 1989.
8. Вишнякова А.В.; Савкина А.А. Конверсия как одна из продуктивных моделей образования неологизмов в современном интернет-дискурсе // E-Scio. 2021. № 4 (55). С. 104–109.
9. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
10. Гаврилова И.А. Когнитивные стимулы порождения термина-неологизма // Язык науки и техники в современном мире: материалы IV МНПК. Омск: ОмГТУ, 2015. С. 235–238.
11. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
12. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестн. МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.
13. Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград: КГУ, 1999. С. 3–9.
14. Зенина И.Н.; Ищенко И.Г. Когнитивные и прагматические факторы образования новых слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 3. С. 23–27.
15. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Флинта, 2011. 240 с.
16. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
17. Избицкая М.В. Современные тенденции в неологии…: дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2020. 214 с.
18. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации…: дис. … д-ра филол. наук. Астрахань, 2009. 403 с.
19. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
20. Кобозева И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык средств массовой информации.М., 2003. С. 221–237.
21. Коробкина Н.И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии: автореф. дис.… канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 13 с.
22. Котелова Н.З. Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 331 с.
23. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа // Дискурс, речь, речевая деятельность.2000. С. 5–13.
24. Кубрякова Е.С. Категоризация мира: пространство и время. М.: Диалог-МГУ, 1997.
25. Кудрина С.А.; Перминов В.О.; Юдина Е.В. Источники и способы образования неологизмов // Современное педагогическое образование. 2023. № 1. С. 411–414.
26. Кравченко О.Н. Способы образования неологизмов // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1 (53). С. 121–123.
27. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
28. Лабов W. Sociolinguistics: an interview with William Labov // ReVEL. 2007. Vol. 5, № 9.
29. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
30. Лопатин В.В.; Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
31. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: Высшая школа, 1976. 120 с.
32. Милявская Н.Б. Когнитивные основы формирования значения неологизмов…: дис. … канд. филол. наук. Калининград, 2008. 200 с.
33. Моргун Н.Л.; Подольная Е.А. Словосложение как основной способ образования неологизмов // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8–1. С. 100–102.
34. Несветайло Ю.Н. Основные способы образования неологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–2. С. 73–75.
35. Попова Т.В. Русская неология и неография. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2005. 96 с.
36. Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке. Владикавказ: Иристон, 1994. 185 с.
37. Сенько Е.В. Новые тенденции в образовании аббревиатур // Русская словесность в контексте мировой культуры: мат-лы МНК РОПРЯЛ. Н. Новгород, 2007. С. 411–415.
38. Ситникова О.А. Некоторые особенности словообразования неологизмов в современном английском языке // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73–7. С. 99–102.
39. Фомина М.И. Современный русский язык: лексикология. М.: Высшая школа, 1983.
40. Чибисова Е.Ю. Словообразовательные модели неологизмов // Наука и современность. 2010. № 7–2. С. 123–132.
41. Addley E. 'AI' named most notable word of 2023 by Collins Dictionary. [Электронный ресурс] // The Guardian.Режим доступа: https://www.theguardian.com/technology/2023/nov/01/ai-named-most-notable-word-of-2023-by-collins-dictionary (дата обращения 26.05.2025).

42. Addley E. Gigil: word describing "cute aggression" among new entries to the Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс] // The Guardian. Режим доступа: https://www.theguardian.com/books/2025/mar/27/gigil-word-describing-cute-aggression-among-new-entries-to-oxford-english-dictionary (дата обращения 26.05.2025).
43. Bramley E.V. The sudden dawn of the deinfluencer: can online superstars stop us shopping? [Электронный ресурс] // The Guardian. Режим доступа: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2023/feb/22/the-sudden-dawn-of-the-deinfluencer-can-online-superstars-stop-us-shopping (дата обращения 26.05.2025).
44. Business Standard. Pause AI systems, they are a risk to society: Elon Musk, experts. 29.03.2023. [Электронный ресурс] // Business Standard. Режим доступа: https://www.business-standard.com/world-news/pause-ai-systems-they-are-a-risk-to-society-elon-musk-experts-123032901326_1.html (дата обращения 26.05.2025).
45. Chafe W.L. Language and consciousness // Language. 1974. P. 111–133.
46. Demopoulos A. Going "delulu": being delusional is the new manifesting. [Электронный ресурс] // The Guardian.Режим доступа: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2023/nov/08/delulu-tiktok-trend-manifesting-self-belief(дата обращения 26.05.2025).
47. Dictionary.com. Delulu. [Электронный ресурс] // Dictionary.com Slang Dictionary. Режим доступа: https://www.dictionary.com/e/slang/delulu/ (дата обращения 26.05.2025).
48. Guilbert L. La Créativité Lexicale. Paris: Larousse, 1975. 285 p.
49. Hadero H.; Swenson A. TikTok "de-influencers" are urging viewers to buy less. [Электронный ресурс] // PBS NewsHour. Режим доступа: https://www.pbs.org/newshour/nation/tiktok-de-influencers-are-urging-viewers-to-buy-less (дата обращения 26.05.2025).
50. Harwell D. Tech's hottest new job: AI whisperer. No coding required. [Электронный ресурс] // The Washington Post. Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/technology/2023/02/25/prompt-engineers-techs-next-big-job/ (дата обращения 26.05.2025).
51. Izadi E. Why do people cry tears of joy and pinch babies' cheeks? [Электронный ресурс] // The Washington Post.13.11.2014. Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/news/to-your-health/wp/2014/11/13/why-do-people-cry-tears-of-joy-and-pinch-babies-cheeks-according-to-science-it-may-help-you-calm-down/ (дата обращения 26.05.2025).
52. Jennings R. The lie of "deinfluencing". [Электронный ресурс] // Vox. Режим доступа: https://www.vox.com/culture/23950580/deinfluencing-tiktok-shop-influencer-culture-consumerism (дата обращения 26.05.2025).
53. Lawton M. 'Maybe you'll realise what you have is good enough': why influencers are facing a pushback. [Электронный ресурс] // BBC Culture. Режим доступа: https://www.bbc.com/culture/article/20250107-why-the-pushback-against-influencers-is-growing (дата обращения 26.05.2025).
54. Megía C. What is "delulu" philosophy, and why has it become a trendy concept among Generation Z? [Электронный ресурс] // El País. 30.11.2023. Режим доступа: https://english.elpais.com/lifestyle/2023-11-30/what-is-delulu-philosophy-and-why-has-it-become-a-trendy-concept-among-generation-z.html (дата обращения 26.05.2025).
55. Ng K. Gigil: the new word in the dictionary for overwhelming cuteness. [Электронный ресурс] // BBC News.27.03.2025. Режим доступа: https://www.bbc.com/news/articles/c1kj9w2zdlgo (дата обращения 26.05.2025).
56. Pandharikar A. Profile of Andy Pandharikar, Founder & CEO Commerce.AI. [Электронный ресурс] // YEC.Режим доступа: https://yec.co/members/profile/Andy-Pandharikar-Founder-CEO-Commerce-AI/78f95adc-1c58-49e1-bfa7-547ce87df726 (дата обращения 26.05.2025).
57. Peiser J.; Paul M.L.; Chong L. The new TikTok trend is convincing people not to buy things. [Электронный ресурс] // The Washington Post. Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/business/2023/02/24/tiktok-definfluencing-marketing-trend/ (дата обращения 26.05.2025).
58. Poole S. Void Star by Zachary Mason – review. [Электронный ресурс] // The Guardian. Режим доступа: https://www.theguardian.com/books/2017/apr/26/void-star-zachary-mason-review-william-gibson-ai-matrix-immortality (дата обращения 26.05.2025).
59. Rey A. The Concept of Neologism and the Evaluation of Terminologies in Individual Languages. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 223 p.
60. Scott E. I asked a neuroscientist why I want to crush every cute animal I see. [Электронный ресурс] // Vice.28.05.2015. Режим доступа: https://www.vice.com/en/article/why-do-i-want-to-crush-cute-animals/ (дата обращения 26.05.2025).
61. Sprinklr. What does "delulu" mean? [Электронный ресурс] // Sprinklr Social Media Glossary. Режим доступа: https://www.sprinklr.com/social-media-glossary/delulu/ (дата обращения 26.05.2025).
62. Totally delulu: how an insult became Gen Z's secret of success. 29.11.2023. [Электронный ресурс] // The Guardian. Режим доступа: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2023/nov/29/delulu-solulu-k-pop-insult-ultimate-compliment (дата обращения 26.05.2025).

© Гайдаренко Вадим Анатольевич (VAGaydarenko@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.15

ПЕРЕПИСКА ЕВГЕНИЯ ПЕРФЕЦКОГО С А.А. ШАХМАТОВЫМ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ С ЗАКАРПАТЬЕМ (1912–1913 ГГ.)[1]

THE CORRESPONDENCE OF EVGENY PERFETSKY WITH A.A. SHAKHMATOV AS A SOURCE ON THE HISTORY OF RUSSIAN SCIENCE AND CULTURAL TIES WITH TRANSCARPATHIA (1912–1913)

K. Egorova

Summary: The article examines the epistolary heritage of the young researcher E.Yu. Perfetsky, addressed to Academician A.A. Shakhmatov, in the context of the scientific and cultural life of the early 20th century. The letters illuminate Perfetsky's field research in Ugor Rus (Transcarpathia), his contacts with local intellectuals, the problems of studying the history and culture of the region, and Shakhmatov's role as a scientific mentor and organizer of academic support. Based on an analysis of the correspondence, the process of formation of Perfetsky's scientific interests, his methodological approaches to the study of Ugor-Russian historiography, as well as the difficulties associated with the political situation in Austria-Hungary are reconstructed. Particular attention is paid to the project to create a «History of Ugor-Russian Historiography» and Shakhmatov's role in organizing financial and expert support for Perfetsky's research.

Keywords: Evgeny Perfetsky, A.A. Shakhmatov, Ugor Rus, Transcarpathia, historiography, Russian science, cultural ties, academic correspondence.

Егорова Ксения Борисовна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет
xenia.egorova@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается эпистолярное наследие молодого исследователя Е.Ю. Перфецкого, адресованное академику А.А. Шахматову, в контексте научной и культурной жизни начала XX века. Комплекс этих писем хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 134), который является ключевым источником для реконструкции раннего этапа научной деятельности Перфецкого, связанного с изучением Угорской (Подкарпатской) Руси. Письма освещают полевые изыскания Перфецкого в Угорской Руси (Закарпатье), его контакты с местной интеллигенцией, проблемы изучения истории и культуры региона, а также роль Шахматова как научного наставника и организатора академической поддержки. На основе анализа переписки реконструируется процесс формирования научных интересов Перфецкого, его методологические подходы к изучению угорско-русской историографии, а также сложности, связанные с политической обстановкой в Австро-Венгрии. Особое внимание уделяется проекту по созданию «Истории угорско-русской историографии» и роли Шахматова в организации финансовой и экспертной поддержки исследований Перфецкого.

Ключевые слова: Е.Ю. Перфецкий, А.А. Шахматов, Угорская Русь, Закарпатье, историография, русская наука, культурные связи, академическая переписка.

Эпистолярное наследие представляет собой ценный источник для реконструкции интеллектуальной истории, научных коммуникаций и культурного контекста эпохи. В этом отношении переписка молодого учёного Е.Ю. Перфецкого с выдающимся филологом и историком, академиком А.А. Шахматовым, охватывающая период с августа 1912 по февраль 1913 г., позволяет проследить процесс становления исследователя, его полевые изыскания, методологические поиски и практические трудности, с которыми сталкивались учёные, работавшие в западных регионах Российской империи и за её пределами [1, с. 259–260]. Источниковую базу исследования составили письма Перфецкого к Шахматову за 1911–1917 гг., хранящиеся в СПбФ АРАН (Ф. 134. Оп. 3.Д. 1144). Этот комплекс включает как подробные автобиографические отчеты, так и дискуссии по научным проблемам, отчеты о полевых исследованиях и планы будущих публикаций.

Методология исследования основана на принципах историко-научной реконструкции и критического анализа источников. Внутренняя критика писем была направлена на выявление научной позиции автора, его мировоззренческих установок и исследовательских стратегий. Для интерпретации материала в более широком контексте привлекался теоретический аппарат исследований пограничья (borderland studies), каким он представлен в классической работе Ф. Тёрнера [9]. Тео-

1 Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24–18–00294 «"Русский мир" и "русская земля": исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.».
Russian Russian Foundation Grant No. 24-18-00294 «" Russkiy Mir" and Russkaya Zemlya: historical and socio-political aspects of the problem of national identity in the journalistic discourse of the mid – 19th-early 20th centuries» was used for the research.

рия позволяет анализировать Карпатский регион как зону контакта и конкуренции различных национальных и имперских проектов. Этот подход помогает деконструировать дихотомии «центр – периферия» и «свой – чужой», демонстрируя гибридный и ситуативный характер идентичностей в данном регионе [8, с. 27].

Научное наследие Перфецкого, связанное с историей, этнографией и культурой Угорской Руси, до сих пор не получило комплексного изучения. Между тем его работы, созданные на стыке имперской и эмигрантской научной традиции, представляют значительный интерес для понимания процессов конструирования исторических нарративов о карпатском регионе в эпоху идеологического противостояния империй [4; 5; 6]. Переписка с Шхаматовым позволяет не только уточнить биографические детали, но и проследить генезис его методологии, формировавшейся под влиянием как русской академической науки, так и венской славистической школы И.В. Ягича, корреспонденция которого с Шахматовым также богата и дает материал для анализа развития славистической мысли начала XX столетия [2, с. 111].

Основной массив писем посвящён поездке Перфецкого в Угорскую Русь (Закарпатье), входившую тогда в состав Австро-Венгерской империи. Его целью было знакомство с местными священниками, интеллигенцией, монастырскими архивами и сбор материалов по истории и этнографии края. В письмах он подробно описывает свои встречи, подчёркивая первоначальное недоверие со стороны местных жителей, которое ему удалось преодолеть благодаря личному обаянию, университетскому удостоверению и русскому паспорту. Особое внимание Перфецкий уделил посещению Мукачевского Свято-Николаевского монастыря, где состоялась его продолжительная беседа с протоигуменом, а также работа в монастырском архиве. Он получил в дар редкое издание XVIII в. – «Brevis notitia fundationis Koriathovics», книгу униатского священника Иоанникия Базиловича, ставшую основой для написания любого труда о Закарпатьи в тот период. Богатый дар символизировал установление доверительных отношений с духовными лицами региона [7, л. 60–61].

Переписка со Шахматовым детально раскрывает трансформацию жизненных и научных траекторий Перфецкого. Изначально планировавший изучать государственное право в Германии, он кардинально меняет свой путь после встречи с И.В. Ягичем. В апреле 1912 г. Перфецкий сообщает о решении поступить на историческое отделение Венского университета, чтобы посвятить себя изучению «самого темного, неизвестного уголка Руси – Угорской Руси» [7, л. 60–61]. Этот выбор был осознанным и вытекал из его предыдущего опыта работы на Холмщине, где он столкнулся с проблемами культурных прав местного русского населения. В Закарпатье он увидел еще более острый пример ассимиляционного давления, что вызвало у него не только научный, но и глубоко личный интерес.

Одной из центральных тем переписки является совместный с угорско-русским писателем и общественным деятелем Г.И. Жатковичем (1886—1967) [3, с. 75–76], будущим первым губернатором Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, проект по созданию «Истории угорско-русской историографии». Перфецкий взял на себя перевод и дополнение работы Жатковича, а также обзор трудов галицких авторов. Однако он критически оценивал качество рукописи, отмечая, что многие источники XVII–XVIII вв. не были изучены автором непосредственно [7, л. 64–65]. В письме от 29 октября 1912 г. Перфецкий сообщал Шахматову: «Глубокоуважаемый Алексей Александрович, как к этому отнестись? Но в общем рукопись очень интересная и дает довольно хорошее представление о состоянии исторической угрорусской книги, исторической науки на Угорщине за три почти века» [7, л. 65]. Перфецкий не просто собирал библиографию, но и подвергал труды строгой источниковедческой критике. Он выявил ключевую проблему – использование источников XVII–XVIII вв. не по оригиналам, а по пересказам, что вело к накоплению ошибок в трактовке исторических данных о регионе [7, л. 65]. Перфецкий, напротив, стремился к работе с первоисточниками, о чем свидетельствуют его планы по изучению материалов венских архивов и местных церковных хранилищ Закарпатья.

Сформировавшаяся у Перфецкого методология отличалась комплексностью и научной прозорливостью, сочетая несколько подходов: историографический анализ, работу с архивами и полевые исследования. Летом 1912 г., несмотря на скромные средства, Перфецкий совершил поездку в Закарпатье. Он целенаправленно общался с сельскими священниками – хранителями местной исторической памяти, – что позволяло получать информацию, отсутствовавшую в официальных источниках [7, л. 58–59]. Понимая, что историю Закарпатья нельзя изучать изолированно, Перфецкий активно штудировал труды венгерских историков для понимания общеимперского контекста.

Шахматов выступал для Перфецкого не только как научный руководитель, но и как организатор финансовой и административной поддержки. Благодаря ходатайству Шахматова Перфецкому были выделены средства от Императорской Академии наук (200 руб., а затем 507 крон), что позволило ему продолжить исследования и приобрести необходимые материалы. В письме от 17 октября 1912 г. Перфецкий с благодарностью писал: «Искреннейше и сердечно-сердечно благодарю Вас за Ваше доброе, сердечное отношение ко мне, за Ваши хлопоты перед Вторым Отделением Императорской Академии Наук, благодаря исключительно которым мне было ас-

сигновано 200 рублей. Эти 200 рублей – громаднейшая помощь для меня» [7, л. 69].

Письма отражают сложную политическую обстановку в Закарпатье, где усиливалась мадьяризация и подозрительность ко всему русскому. Перфецкий отмечал, что местная интеллигенция боялась открыто сотрудничать с российскими учёными, опасаясь преследований. Даже отправка писем и книг требовала осторожности — он избегал венгерской почты, чтобы не привлекать внимания цензуры [7, л. 77–78]. В феврале 1913 г. из Будапешта он с тревогой сообщал: «...почта ко мне подозрительно отнеслась: расспрашивали не из России ли я, получаю ли я из России много писем и т.д. Эти нескромные вопросы сильно взволновали меня... Здесь в Венгрии в последнее время развилась крайняя подозрительность ко всему славянскому, а особенно русскому...» [7, л. 96].

Кроме того, Перфецкий активно содействовал культурному обмену: передавал русские книги местным интеллигентам, которые переводили произведения Л.Н. Андреева, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого на венгерский язык. Это способствовало популяризации русской литературы в Венгрии, но также вызывало опасения у местных властей. В письме от 29 октября 1912 г. он отмечал: «...очень хорошо было бы сделать подарок монахам Мукачевского монастыря, послав им "Трилогию" Мережковского и других. Но, к глубокому моему сожалению, у меня нет необходимых денег для покупки этих книг-подарков, а русская книга, русская литература так необходима, так нужна там – в забытом русском углу в Угорской Руси» [7, л. 67].

В переписке ярко выражены патриотические и научные идеалы Перфецкого. Он неоднократно подчёркивал своё стремление служить «родной науке» и России, видя в этом высшую цель своей жизни. Его эмоциональные высказывания о радости научного труда, любви к родине и желании «отдать все силы» отражают типичное для эпохи просветительское мировоззрение. В декабре 1912 г. он писал: «Я хочу работать, ужасно хочу работать! Для горячо любимой Родины, для Русской Науки хочу все что есть у меня отдать! И в этом такая радость! Дорогое дело до слез меня радует, до страдания!» [7, л. 86]. Переписка Е.Ю. Перфецкого с А.А. Шахматовым является важным историческим свидетельством, иллюстрирующим процессы научного и культурного взаимодействия между Россией и Закарпатьем в начале XX в. Она демонстрирует не только личность и научные интересы Перфецкого, но и роль Шахматова как организатора науки и покровителя молодых исследователей. Эти материалы могут служить основой для дальнейших исследований по истории науки, русско-закарпатских связей и интеллектуальной истории.

Проведенный анализ переписки Шахматова и Перфецкого позволяет сделать вывод о том, что данный эпистолярный комплекс является уникальным источником для реконструкции раннего этапа формирования российской карпатистики. В период с 1912 по 1917 г. Перфецкому, несмотря на условия вынужденной эмиграции и материальные трудности, удалось разработать и начать реализацию целостной исследовательской программы. Ее отличительными чертами стали методологический синтез историографической критики, архивного поиска и полевой работы, а также неразрывная связь научного поиска с просветительской деятельностью и личной вовлеченностью в судьбу изучаемого региона. Переписка демонстрирует, как личная судьба ученого, прошедшего путь от ссыльного студента до ученика венской славистической школы, оказалась неразрывно связана со служением науке. Введенные в научный оборот данные позволяют по-новому оценить вклад Перфецкого в изучение Угорской Руси и его роль как посредника между академическими кругами России и интеллектуальной жизнью Закарпатья в критический исторический период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Западные окраины Российской империи / науч. ред. М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 605 с.
2. Лукин О.В. А.А. Шахматов, В.Ягич и «Archiv fur slavische philologie» // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 111–117.
3. Павленко Г.В. Діячі історії, науки і культури Закарпаття: Малий енциклопедичний словник. Ужгород: [б. и.], 1999. 191 с.
4. Перфецкий Е.Ю. Печатная церковно-славянская книга Угорской Руси в XVII и XVIII вв. Прага: [б. и.], 1917. 32 с.
5. Перфецкий Е.Ю. Обзор Угрорусской историографии. Петроград: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. 128 с.
6. Перфецкий Е.Ю. Религиозное движение в XVI и начале XVII в. в Угорской Руси. Прага: [б. и.], 1915. 56 с.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива российской академии наук. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1144.
8. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории: [статьи и выступления с 1893 по 1918 г.] [пер. с англ.: А.И. Петренко]. М.: Весь мир, 2009. 303 с.
9. Świątek A. Gente Rutheni, Natione Poloni: The Ruthenians of Polish Nationality in Habsburg Galicia Translated by Guy Russel Torr. Edmonton, Toronto, and Cracow: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press and Księgarnia Akademicka, 2019. P. 633.

© Егорова Ксения Борисовна (xenia.egorova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.16

МЕДИАТИЗАЦИЯ СФЕРЫ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА: МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

MEDIATIZATION OF THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES SECTOR: MEDIA-LINGUISTIC ASPECT

E. Zhiltsova

Summary: The article examines the specific features of the mediatization of the housing and communal services (HCS) sector in the context of digital communication transformation. The author analyses examples from the media practices of management companies *Vysota-Service Group, Alfa City LLC, and PIK-Comfort Management Company*, in particular their Telegram channels — @vysotaarhitektor, @vysotaregisseur, @uk_pikcomfort, and @oooalpha_city. The study identifies the media-linguistic characteristics of contemporary HCS discourse, such as the blending of official and conversational styles, the visualisation of information, and the formation of an empathetic and dialogic tone. It is demonstrated that mediatization contributes to the humanisation of institutional language and transforms administrative interaction into a form of public media dialogue, thereby turning the public sphere into an open communicative space.

Keywords: mediatization, media communication, housing and communal services, media language, digital environment, public discourse, GIS HCS.

Жильцова Елена Валерьевна
аспирант, АНО ВО Московский международный университет
aleksissa@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности медиатизации сферы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в контексте цифровой трансформации коммуникации. В процессе исследования определяются медиалингвистические особенности современного дискурса ЖКХ: смешение официального и разговорного стилей, визуализация информации, формирование эмпатичной и диалогической тональности. На примерах медиапрактики крупнейших управляющих организаций Москвы: ГК «ВЫСОТА-СЕРВИС», ООО «Альфа Сити» и УК «ПИК-комфорт», в частности на их Telegram-каналах @vysotaarhitektor, @vysotaregisseur, @uk_pikcomfort и @oooalpha_city показано, что медиатизация способствует гуманизации институциональной речи и превращает административное взаимодействие в форму публичного медиадиалога, тем самым превращая публичное пространство в открытые коммуникации.

Ключевые слова: медиатизация, медиакоммуникации, жилищно-коммунальное хозяйство, медиаречь, цифровая среда, публичный дискурс, ГИС ЖКХ.

Современное общество всё глубже вовлекается в процессы медиатизации — феномена, при котором медиа и цифровые технологии становятся неотъемлемой частью функционирования социальных институтов. Этот процесс затрагивает не только традиционные сферы — политику, культуру, образование, но и такие традиционно «немедийные» сферы, как жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ).

ЖКХ как социальный институт изначально характеризуется высокой степенью бюрократизации и замкнутости коммуникационных структур. Однако развитие цифровых технологий и публичных медиа изменило характер взаимодействия между управляющими организациями, государственными органами и гражданами. Информационные платформы, государственные порталы и социальные сети становятся медиапосредниками, формирующими новый тип дискурса — медиатизированный, ориентированный на прозрачность, доверие и диалог.

Если ранее коммуникация между управляющими организациями и жителями ограничивалась объявлениями на информационных стендах и официальными письмами, то сегодня она активно перемещается в цифровое пространство: Telegram-каналы, чаты, мобильные приложения и государственные порталы. Это не просто смена канала связи, а изменение самого характера общения — от вертикальной модели к горизонтальной, от отчётности к диалогу.

По наблюдениям автора, медиатизация ЖКХ становится заметной частью городского медиапространства. Так, например, в Telegram-каналах @uk_pikcomfort и @vysotaregisseur регулярно публикуются обращения к жителям с извинениями за временные неудобства, благодарностями за обратную связь, отчётами о проделанной работе или с призывами дать честную оценку управляющей компании. Эти тексты — короткие, эмоциональные, с эмодзи и фотографиями — демонстрируют, как административная речь обретает новые интонации заботы и включённости. Подобные практики иллюстрируют, что медиатизация — это не только технологическая реформа, но и языковая трансформация повседневного управления. И мы можем предположить, что медиа и цифровые технологии перестают быть вспомогательным инструментом и становятся частью повседневной организационной логики.

Актуальность темы определяется необходимостью изучения того, как медиатизация влияет на язык и формы коммуникации в институциональной сфере ЖКХ. Цель исследования — выявить медиалингвистические особенности коммуникации в сфере ЖКХ и определить роль медиатизации в трансформации её институционального дискурса.

Введение

Сегодня современное общество развивается в условиях глубокой медиатизации — метапроцесса, при котором медиа и цифровые технологии становятся неотъемлемым элементом функционирования социальных институтов, влияя на их структуру, язык и способы коммуникации.

Одной из институциональных сфер, где медиатизация проявляется особенно показательно, является жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ). Традиционно ЖКХ ассоциируется с административной замкнутостью, формализованной документацией и односторонней системой информирования граждан. Однако в последние годы эта сфера претерпела значительные изменения под воздействием цифровых технологий и публичных медиа. Управляющие организации, ресурсоснабжающие компании и органы местного самоуправления активно осваивают медиапространство: создают официальные сайты и Telegram-каналы, ведут страницы в социальных сетях, внедряют мобильные приложения и участвуют в развитии Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ).

Эти процессы формируют новую коммуникативную реальность, где взаимодействие между властью и гражданами становится медиатизированным, а публичное обсуждение коммунальных проблем — частью повседневной медиакультуры. ЖКХ всё чаще воспринимается не только как система управления инфраструктурой, но и как социально-коммуникативный институт, в котором язык, жанры и стилистика сообщений приобретают ключевое значение.

Переход в цифровую среду трансформирует речевые практики института ЖКХ. Административно-бюрократическая манера общения уступает место более персонализированному, эмпатичному и визуализированному дискурсу. В медиатизированных текстах управляющих организаций усиливаются элементы «языка заботы», появляются обращения к жителям, форматы извинений и благодарностей, сокращаются синтаксические конструкции, используются инфографика, эмодзи, шрифтовые акценты. Таким образом, язык ЖКХ всё более ориентируется на принципы публичного медиаобщения, где важно не только сообщить информацию, но и сформировать доверие.

Медиалингвистический аспект таких трансформаций представляет особый интерес. В коммуникациях ЖКХ проявляется тенденция гибридизации речевых стилей: официальный и разговорный регистры переплетаются, формируя новую модель институционального дискурса, в котором нормативность сочетается с эмоциональностью и визуальной выразительностью. Это свидетельствует о становлении медиаречи ЖКХ как особого жанрового пространства, включающего элементы пресс-релиза, рекламного сообщения, информационного поста и обращения к аудитории.

Несмотря на актуальность темы, медиатизация ЖКХ как феномен публичной коммуникации остаётся малоизученной в отечественной медиалингвистике. Большинство исследований посвящено организационно-экономическим и правовым аспектам цифровизации отрасли, тогда как её коммуникативное измерение практически не рассматривалось. Между тем именно языковая и дискурсивная составляющая медиатизации позволяет понять, каким образом происходит переосмысление роли ЖКХ в общественном пространстве и как формируется новый тип коммуникации между институтом и гражданами.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления медиатизации ЖКХ не как технической модернизации, а как социально-коммуникативного процесса, изменяющего характер взаимодействия между государственными структурами и населением.

Цель работы — выявить медиалингвистические особенности коммуникации в сфере жилищно-коммунального хозяйства и определить роль медиатизации в трансформации её институционального дискурса. Для достижения поставленной цели предполагается проанализировать теоретические подходы к пониманию медиатизации и определить её коммуникативные механизмы; рассмотреть институциональные особенности сферы ЖКХ как предмета медиатизации; выявить лингвостилистические и жанровые признаки медиатизированного дискурса ЖКХ и определить коммуникативные эффекты медиатизации в данной сфере.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении ЖКХ как специфического объекта медиалингвистического анализа — института, где медиатизация формирует новые формы публичного взаимодействия, трансформируя язык, жанры и коммуникативные стратегии участников.

Теоретические основы медиатизации

Понятие *медиатизации* заняло центральное место в современной теории коммуникации и медиаисследованиях конца XX — начала XXI века. Термин был предложен для описания процессов, связанных с растущим

влиянием медиа на общественные институты, культуру и повседневное взаимодействие. В отличие от понятия *медиации* — опосредования коммуникации, — медиатизация подразумевает более глубокие, структурные изменения в обществе, вызванные интеграцией медиа во все сферы социальной жизни [Hjarvard, 2008; Krotz, 2007; Гуреева, 2016].

Согласно Стигу Хьярварду, медиатизация — это двусторонний процесс, при котором средства массовой коммуникации становятся неотъемлемой частью общественной структуры, а социальные институты адаптируются к логике медиа [Hjarvard, 2008]. Ученый вводит понятие *логики медиа* (media logic), подразумевая совокупность норм, форматов и стратегий, через которые медиа конструируют социальную реальность. Эта логика проникает в деятельность других институтов — политических, образовательных, экономических, административных — и начинает определять их способы взаимодействия с обществом.

В свою очередь, Фридрих Кротц рассматривает медиатизацию как *метапроцесс* — фундаментальное изменение социальной коммуникации, сопоставимое по масштабу с модернизацией, глобализацией и индивидуализацией [Krotz, 2007; 2014]. Он подчеркивает, что медиатизация не имеет линейного характера и не сводится к техническому прогрессу. Это исторически длительный процесс, формирующий новые формы человеческих отношений и новые способы конструирования социальной реальности. Кротц выделяет три ключевых признака медиатизации: всеобъемлющий характер, долговременность и когнитивный эффект.

Никлас Луман в своей работе *«Реальность массмедиа»* (*Die Realität der Massenmedien*, 1996) заложил основы системного понимания медиа как самостоятельного подсистемного института, обладающего собственными кодами и функциями. Он рассматривал медиа не просто как посредника, но как структуру, формирующую наблюдаемую реальность. В контексте медиатизации это означает, что социальные институты, включая государственные и управленческие, становятся зависимыми от медийных форм репрезентации: реальность начинает существовать в формате, воспринимаемом и тиражируемом медиа.

Дальнейшее развитие концепции медиатизации связано с работами К. Лундби, который исследовал трансформацию общественных институтов под воздействием цифровых технологий. Он отмечал, что медиатизация является не столько технологическим, сколько институциональным процессом — изменением норм и стандартов публичной коммуникации [Lundby, 2016]. Медиатизация, по его мнению, перестраивает саму природу институционального взаимодействия: государственные и социальные организации вынуждены принимать во внимание особенности медиаформатов, скорость распространения информации и требования прозрачности, характерные для цифрового общества.

В рамках русскоязычных исследований понятие медиатизации характеризуется множественностью трактовок и интерпретаций, что отражено в работах таких авторов, как Л.М. Землянова, Н.Б. Кириллова, И.В. Рогозина, А.И. Черных, Д.И. Шаронов, А.Н. Гуреевой и других исследователей. В частности, А.Н. Гуреева определяет медиатизацию как процесс интеграции медиа в социальные практики, ведущий к изменению структуры коммуникации и способов конструирования социальной реальности [Гуреева, 2016]. Она подчёркивает, что медиатизация современной цифровой среды связана не только с распространением сетевых технологий, но и с изменением языка коммуникации, сдвигом в сторону визуальности, интерактивности и диалогичности.

Российские примеры показывают, что медиатизация — не отвлечённый теоретический процесс, а живая практика, проникающая в повседневную жизнь. Она проявляется в цифровизации государственных сервисов, в медиалингвистическом переосмыслении официального дискурса, в появлении гибридных жанров коммуникации — от новостных сторителлингов до визуальных отчётов управляющих компаний в Telegram. Таким образом, понятие «медиатизированная реальность» получает прямое воплощение в социальных институтах, включая систему ЖКХ, которая становится своеобразным полигоном для наблюдения за изменением языковых, визуальных и коммуникативных норм.

Как отмечают С. Хьярвард, Ф. Кротц, К. Лундби и А.Н. Гуреева, медиатизация представляет собой не просто распространение медиа, а изменение логики общественного взаимодействия: социальные институты адаптируются к медийным форматам и вырабатывают новые нормы коммуникации, соответствующие требованиям цифровой среды.

С точки зрения медиалингвистики, медиатизация проявляется прежде всего как трансформация медиаречи. В результате включения цифровых платформ и социальных сетей в институциональную коммуникацию изменяются речевые жанры, коммуникативные роли и нормы публичного дискурса. Медиатизация языка характеризуется процессами гибридизации (смешение стилей и регистров), экспансией визуальных элементов, усилением персонализации и эмоционализации высказывания.

В условиях цифровой среды медиатизация становится основным механизмом изменения речевых практик и дискурсивных структур. Медиа перестают быть лишь ка-

налом распространения информации — они становятся пространством, где формируется социальный смысл. Именно поэтому медиалингвистический анализ медиатизации требует учитывать не только технологические, но и когнитивно-дискурсивные изменения, затрагивающие формы языковой репрезентации власти, института и гражданского участия.

Применительно к сфере жилищно-коммунального хозяйства медиатизация проявляется как процесс институционального переосмысления коммуникации. Управляющие организации, органы власти и граждане взаимодействуют в едином цифровом пространстве, где информация о тарифах, ремонтах, авариях, платежах и правах потребителей приобретает медийный формат. Это пространство характеризуется визуальной структурой подачи данных, оперативностью, публичностью и обратной связью. Таким образом, медиатизация ЖКХ может быть определена как интеграция медийных логик в систему институциональной коммуникации, что приводит к возникновению нового типа публичного дискурса, основанного на принципах прозрачности, диалога и доверия.

Медиатизация сферы ЖКХ требует, следовательно, анализа не только с позиций социологии коммуникации, но и в рамках медиалингвистики — как процесса языковой и дискурсивной трансформации института под влиянием цифровых медиа.

Медиатизация ЖКХ как институциональный процесс

Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) представляет собой одну из наиболее сложных и социально значимых сфер функционирования государства, в ней пересекаются интересы государства, муниципальных структур, управляющих организаций и самих жителей. С точки зрения коммуникации, это система, в которой взаимодействуют три ключевых субъекта: государственные структуры, управляющие организации и граждане. Исторически коммуникация в сфере ЖКХ носила преимущественно вертикальный характер, реализуясь через иерархические каналы передачи информации, документы, отчётность и формализованные уведомления.

Однако в последние два десятилетия ситуация радикально изменилась: развитие цифровых технологий, государственных информационных систем и социальных медиа привело к медиатизации институциональной коммуникации. Этот процесс охватывает все уровни взаимодействия — от федерального до локального — и трансформирует не только формы обмена информацией, но и саму логическую структуру отношений между участниками.

Примером этой трансформации становятся цифровые практики. Сегодня пользователь может оплачивать коммунальные услуги, передавать показания счётчиков, участвовать в обсуждении состояния дома или двора — всё через цифровые интерфейсы и медиаплатформы. Таким образом, даже столь традиционная и «офлайн» сфера, как жилищно-коммунальное хозяйство, превращается в медиакоммуникационное пространство, где взаимодействие жителей и управляющих организаций приобретает диалогическую форму.

Этот процесс иллюстрирует общий вектор медиатизации: управленческая коммуникация выходит за рамки бюрократической процедуры и становится частью публичного медийного диалога. Применение Telegram-каналов управляющих компаний, например @vysotaarhitektor, @uk_pikcomfort или @oooalpha_city, показывает, что медиатизация меняет не только формы взаимодействия, но и сам его тон — официальный стиль уступает место эмпатии, визуализации и диалогу с аудиторией.

Цифровизация как предпосылка медиатизации

Импульсом к медиатизации ЖКХ стали масштабные государственные реформы в области цифрового управления. Принятие Федерального закона № 185-ФЗ от 21 июля 2007 года «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» и последующее создание Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ) в 2014 году обозначили новый этап в информационной открытости отрасли. Эти нормативные акты зафиксировали необходимость публичного раскрытия информации о работе управляющих компаний, тарифах, ремонтах, подрядчиках и поставщиках ресурсов.

Именно на этом этапе произошёл сдвиг коммуникативной парадигмы: если ранее информация циркулировала внутри системы, то теперь она стала публичной, доступной и адресной. По сути, ГИС ЖКХ выступила не только как техническая платформа, но и как медиаканал, через который институт ЖКХ начал формировать собственное публичное присутствие.

Таким образом, цифровизация инфраструктуры управления стала первой стадией медиатизации — переходом от «административного языка» к «медиаформату» коммуникации, где требования прозрачности и оперативности обусловливают необходимость постоянного диалога с аудиторией.

Институциональная реорганизация коммуникации

Медиатизация ЖКХ проявляется в переходе от замкнутых, внутренне бюрократических коммуникаций к открытым, сетевым моделям, где каждый участник обладает

возможностью публичного выражения позиции: официальный язык бюрократии постепенно заменяется публичным, медиализованным языком, близким к маркетинговому дискурсу. А граждане из статуса «пользователей услуг» превращаются в коммуникативных акторов, обладающих каналами обратной связи — от электронных обращений до социальных сетей и мобильных приложений.

Если ранее сообщения управляющих компаний носили исключительно информативный и регламентный характер, то теперь они приобретают форму открытого публичного общения. Государственные и корпоративные цифровые платформы — такие как ГИС ЖКХ, «Госуслуги» и Telegram — становятся пространством, где язык официального взаимодействия адаптируется к нормам медиа.

Примечательно, что для управляющих компаний это означает необходимость пересмотра традиционной риторики. Сообщения, ранее построенные по шаблонам административного дискурса («в связи с проведением ремонтных работ…»), теперь ориентируются на публичное восприятие: появляются объяснения, извинения, обращения, визуальные маркеры: фотографии, инфографика, эмодзи. Например, сообщения управляющих компаний в Telegram приобретают жанровые признаки медиатекста — они эмоциональны, структурированы визуально, включают обращение, эмодзи, элементы сторителлинга. Например, в Telegram-канале @vysotaarhitektor используются визуальные элементы и риторика заботы: посты о благоустройстве сопровождаются эмодзи 🌳 и 💧, а обращения к подписчикам формулируются в дружелюбном тоне. Эти особенности позволяют рассматривать коммуникацию ЖКХ как гибридную — на пересечении официального, бытового и медийного дискурсов.

Анализ коммуникаций современных управляющих компаний показывает, что на сегодняшний день компании всё чаще применяют медиариторику — короткие эмоциональные сообщения, инфографику, визуальные акценты. *Это свидетельствует о переходе от административного к медиа-дискурсу, в котором значимы вовлечённость и репутация.*

Таким образом, медиатизация стимулирует гуманизацию языка институциональной коммуникации.

Вместе с тем медиатизация влечёт за собой и новые институциональные вызовы. Управляющие организации становятся частью медиапространства, где действуют нормы репутационной ответственности и публичного обсуждения. Ошибки, задержки или неудачные формулировки быстро становятся предметом общественного резонанса. Это приводит к тому, что сфера ЖКХ всё чаще осваивает принципы кризисной коммуникации и разрабатывает собственные медиаформаты реагирования.

Формы и каналы медиакоммуникации

Сегодня в арсенале ЖКХ можно выделить несколько устойчивых форм коммуникации, в которых медиатизация проявляется наиболее явно:

- **Государственные платформы (ГИС ЖКХ, «Госуслуги», «Mos.ru»)** — формализованный уровень медиатизации, где язык сообщений регулируется государственными стандартами, однако дискурс приобретает визуальную и интерактивную структуру.
- **Официальные сайты и порталы управляющих компаний** — выполняют функцию корпоративных медиа, публикующих новости, отчёты, предупреждения, фотоотчёты и объявления.
- **Социальные сети (Telegram, «ВКонтакте», YouTube)** — пространство неформального диалога, где управляющие организации взаимодействуют с жителями напрямую. Здесь возникает новая речевая модель, сочетающая элементы официального, разговорного и рекламного дискурса.
- **Мобильные приложения** — «медиапосредники» между организацией и пользователем, где коммуникация становится персонализированной и интерактивной (обращения, уведомления, чат-поддержка).

Эти формы демонстрируют тенденцию к гибридизации медийных жанров: административные уведомления превращаются в информационные посты, отчёты — в визуальные сторис, а объявления — в рекламно-информационные тексты.

Коммуникативные эффекты медиатизации

Медиатизация института ЖКХ влечёт за собой целый спектр социокоммуникативных последствий. Первое – это прозрачность, благодаря медиатизации повышается доступность информации о деятельности управляющих компаний и государственных структур. Также появилась открытая обратная связь, когда жители имеют возможность влиять на повестку и формулировать запросы и получать ответы. Публичность и репутационность — любые действия в сфере ЖКХ становятся предметом общественного обсуждения, которые напрямую влияют на доверие и эмпатию, тем самым стимулирует управляющие компании развивать языковые практики, направленные на поддержание диалога и понимание.

Одновременно усиливается медиатическая зависимость института ЖКХ: успешность управления всё чаще определяется не только реальными показателями эффективности, но и способностью организации поддерживать позитивный образ в медиа.

ЖКХ как медиатизированный институт

Таким образом, ЖКХ можно рассматривать как при-

мер медиатизированного института, в котором коммуникация становится основным инструментом регулирования отношений между властью и гражданами. В рамках медиатизации формируется новая система координат: коммуникация перестаёт быть вспомогательным элементом и становится центральным механизмом управления; язык, визуальные коды и жанры сообщений приобретают статус регулятивных инструментов, а цифровые медиа становятся пространством институциональной идентичности.

Важно отметить, что ЖКХ превращается в коммуникативную экосистему, где технологическая инфраструктура неразрывно связана с языковыми и дискурсивными практиками. Медиатизация этой сферы иллюстрирует общий тренд трансформации административных институтов в условиях цифровой культуры — от иерархии к диалогу, от формальности к эмпатии, от монолога к публичной интерактивности.

Медиалингвистические аспекты коммуникации в сфере ЖКХ

Медиалингвистический анализ коммуникации в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) позволяет выявить характерные языковые и дискурсивные трансформации, вызванные медиатизацией. Сдвиг от административного к публичному типу общения формирует новые формы речевой активности, жанровые модели и стилистические особенности, которые отражают процессы гибридизации, персонализации и визуализации современной медиаречи.

В центре внимания оказывается язык управляющих организаций, государственных структур и граждан, взаимодействующих в цифровом медиапространстве. Анализ показывает, что медиатизация ЖКХ порождает особый тип институционального медиадискурса, сочетающий черты официального, информационного и бытового стилей.

Трансформация речевых жанров

Традиционно коммуникация в сфере ЖКХ была организована вокруг формализованных жанров: отчётов, уведомлений, актов, распоряжений. Их языковая форма характеризовалась безличностью, преобладанием пассивных конструкций, отсутствием адресата и эмоциональной составляющей.

В условиях медиатизации эти жанры подвергаются дискурсивной трансформации.

- *Официальное уведомление* превращается в *информационный пост* в социальной сети, где к тексту добавляются фото и хэштеги.
- *Отчёт о проделанной работе* оформляется как *новостная заметка* или *видеоролик* с визуальными акцентами и короткими комментариями.
- *Жалоба жителя* приобретает формат *открытого комментария*, на который управляющая организация отвечает публично, формируя репутационный диалог.

Таким образом, медиатизация способствует появлению гибридных жанров, сочетающих признаки административного, новостного и пользовательского дискурсов. Эти формы обеспечивают не только информирование, но и участие граждан в коммуникации, превращая их из пассивных реципиентов в активных соавторов медиапространства ЖКХ.

Лингвостилистические особенности медиатизированной речи ЖКХ

Лингвистический анализ медиатекстов показывает, что язык ЖКХ в цифровой среде претерпевает ряд существенных изменений: (Таб. 1.)

Коммуникативные стратегии медиатизированного ЖКХ-дискурса

В процессе медиатизации формируются устойчивые коммуникативные стратегии, отражающие новую идеологию публичного взаимодействия:

1. Стратегия прозрачности.

Коммуникация направлена на открытое информирование: публикация графиков, отчётов, тарифов, ремонтных планов.

Цель — сформировать доверие через доступность данных.

2. Стратегия эмпатии.

Использование речевых формул сочувствия и понимания («приносим извинения», «понимаем ваше беспокойство»). Эмпатия становится инструментом управления эмоциональным фоном взаимодействия.

3. Стратегия участия.

Подразумевает вовлечение граждан в процесс обсуждения и принятия решений: опросы, обсуждения, онлайн-встречи, подготовка к проведению общих собраний собственников. Это способствует формированию коммуникативного сообщества, где каждый участник ощущает сопричастность к управлению пространством проживания.

4. Стратегия репутационного реагирования.

В случае конфликтов или жалоб медиапространство требует публичных объяснений. Управляющие компании вырабатывают шаблоны ответов, адаптированные под формат медиа — краткие, вежливые, адресные. Таким образом, кризисная коммуникация становится частью институционального медиадискурса.

Эти стратегии обеспечивают переход от функциональной модели коммуникации (информирование) к

Таблица 1.

Направления	Изменения	Пример
Гуманизация речи	Традиционно обезличенные конструкции («в связи с проведением работ будет прекращена подача воды») заменяются на персонализированные обращения В коммуникации появляются элементы вежливости, выражения эмпатии и заботы. Такие конструкции придают официальной речи эмоциональную окраску и снижают дистанцию между институтом и гражданином	«Дорогие жители, завтра с 10:00 до 17:00 пройдёт плановый ремонт. Просим отнестись с пониманием». *«спасибо за ваше обращение», «приносим извинения за временные неудобства».*
Разговоризация и упрощение синтаксиса	Преобладают короткие, чёткие фразы, приближённые к устной речи. Используются императивные и диалогические конструкции. Это делает тексты более доступными, способствует быстрому восприятию информации в цифровом потоке.	*«Сообщите, если есть утечка», «Напишите в комментариях, где вы заметили неисправность».*
Визуализация и мультимодальность	Тексты ЖКХ активно дополняются визуальными элементами: фотографиями, схемами, эмодзи, пиктограммами. Такой синтез текста и изображения формирует мультимодальный дискурс, где смысл передаётся через сочетание вербальных и визуальных кодов.	В Telegram-каналах и соцсетях сообщения оформляются как *медиапосты* с иллюстрациями и видеороликами.
Интерактивность и диалогичность	Управляющие компании активно отвечают на комментарии, проводят опросы, собирают отзывы. Возникает новый речевой формат — «*диалоговый комментарий*», в котором границы между официальным и пользовательским высказыванием размыты. Этот тип сообщений демонстрирует переход от монологического к полилогическому типу коммуникации.	«Спасибо за ваш отзыв, уже направили заявку в аварийную службу!»
Брендизация и тональность	Некоторые крупные управляющие организации формируют собственный *коммуникативный стиль* — узнаваемую тональность сообщений, аналогичную бренд-коммуникации в коммерческом секторе. Для таких текстов характерны лёгкость, позитивность, фокус на сервисе и доверии. В медиалингвистическом плане это свидетельствует о формировании корпоративного медиа-дискурса ЖКХ, ориентированного на репутационное управление.	

ценностно-ориентированной модели (доверие, открытость, участие).

Также отдельного внимания заслуживает и визуальный аспект медиатизации. Исследование медиаконтента ЖКХ показывает, что визуальные элементы, такие как фотографии сотрудников и процесс работы изображения объектов, инфографика, брендированные картинки используются не только для иллюстрации, но и для формирования позитивного образа института. Визуальные ряды создают эффект присутствия и вовлечённости, превращая сообщение в элемент медийного сторителлинга. Например, фотоотчёты с хештегами #чистыйдвор или #ремонтзавершён выполняют ритуальную функцию — демонстрируют заботу, активность и прозрачность.

В медиалингвистическом измерении это можно рассматривать как семиотическую реконфигурацию институционального дискурса — переход от текста как документа к тексту как визуально-коммуникативному объекту.

Подводя итоги анализа, можно сделать вывод, что медиатизация сферы ЖКХ приводит к формированию нового типа институционального дискурса, который можно определить как *социально-гибридный медиадискурс*.

Он сочетает элементы официальной, бытовой и коммерческой речи, формируя многослойную структуру, где язык становится инструментом социальной интеграции, благодаря чему происходит демократизация общения, гуманизация риторики, визуализация коммуникаций и репутационность языка. Медиатизация не только изменяет форму коммуникации, но и задаёт новую социальную логику взаимодействия — когда эффективность управления оценивается не по количеству распоряжений, а по качеству публичного диалога.

Проведённый анализ показал, что медиатизация в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) является не только следствием цифровизации управленческих процессов, но и глубокой коммуникативной трансформацией института. В условиях цифрового общества язык

и формы публичного взаимодействия становятся основными инструментами управления, а коммуникация превращается в ключевой ресурс доверия и репутации.

Даже локальные коммуникационные процессы — такие, как обмен информацией между жителями и управляющими компаниями, — становятся частью большой медиареальности. Это значит, что цифровая культура сегодня формируется не только в медиаиндустрии, но и в самых обыденных сферах жизни. Медиатизация повседневности — главный признак эпохи: она объединяет людей в сетевые сообщества, где доверие и вовлечённость заменяют формальные каналы взаимодействия.

Медиатизация проявляется как интеграция медийных логик в структуру институционального общения: формируются новые каналы коммуникации, меняются жанры и стилистика официальных сообщений, трансформируются роли участников коммуникационного процесса. Управляющие организации, органы власти и граждане оказываются вовлечёнными в единое медиапространство, где каждый участник способен быть и отправителем, и интерпретатором информации.

С точки зрения медиалингвистики, медиатизация ЖКХ выражается в формировании особого типа публичной речи — гибридного медиадискурса, сочетающего черты административного, информационного и разговорного стилей. Эта гибридность отражает переход от монологического, закрытого характера официального общения к диалогическому, открыто-интерактивному формату. Растёт участие граждан, идёт развитие каналов обратной связи и сетевых площадок взаимодействия, в языковом контексте применяются эмпатические и вежливые формулы, идёт акцент на персонализацию обращений и стремление к эмоциональному контакту. Управляющие организации и государственные структуры ориентируются на развитие имиджа и репутации, открытость и доверие.

В результате медиатизации коммуникация в сфере ЖКХ перестаёт быть исключительно административной процедурой и становится социально-коммуникативной практикой, в которой язык выполняет интегративную, гуманизирующую и легитимирующую функции.

Таким образом, медиатизация ЖКХ может быть интерпретирована как процесс гуманизации институциональной коммуникации, где медиаречь выступает посредником между государством и обществом. Этот процесс не только повышает прозрачность деятельности управляющих организаций, но и способствует формированию новой культуры взаимодействия, основанной на принципах доверия, открытости и участия.

Научная новизна представленного анализа заключается в выявлении медиалингвистических признаков медиатизации в сфере ЖКХ, что позволяет рассматривать данную отрасль как пример адаптации административного дискурса к нормам цифровой медиакультуры.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым изучением жанровых и стилистических особенностей медиатекстов ЖКХ, сравнением национальных практик медиа-коммуникации в сфере городского управления, а также анализом визуально-дискурсивных стратегий формирования доверия в цифровой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды / А.Н. Гуреева // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – 2016. – № 6. – С. 192–208.
2. Jansson A. Indispensable Things: on Mediatization, Materiality, and Space Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science, vol. 21. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014, pp. 273–296.
3. Finnemann N.O. Digitization: New Trajectories of Mediatization. Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science, vol. 21. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014, pp. 297-322; 298-299; 301.
4. Hjarvard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. Nordicom Review, 2008, vol. 29, no. 2, pp. 105–134.
5. Lundby K. Mediatization and Secularization: Transformations of Public Service Institutions-the Case of Norway. Media, Culture & Society, 2016, vol. 38, no. 1, pp. 28–36.
6. Krotz F. The Meta-Process of Mediatization'as a Conceptual Frame. Global Media & Communication, 2007, vol. 3, no. 3, pp. 256–260.
7. Krotz F. Mediatization as a Mover in Modernity: Social and Cultural Change in the Context of Media Change. Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science, vol. 21. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014, pp. 131–162.
8. Манова А.А. Современные технологии как инструмент повышения качества жилищно-коммунальных услуг /А.А. Манова// Экономика и предпринимательство. – 2017. - №12 ч.2. – С.1107–1112–0,69 п.л.
9. Саак А.Э., Пахомов Е.В., Тюшняков В.Н. Информационные технологии управления [Текст]: Учебник для вузов. – 2-е изд. (+CD). / А.Э. Саак, Е.В. Пахомов, В.Н. Тюшняков. – СПб.: Питер, 2012. – 320 с.
10. Саак А.Э., Пахомов Е.В., Тюшняков В.Н. Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении [Текст] / А.Э. Саак, Е.В. Пахомов, В.Н. Тюшняков // Муниципальная власть. – 2008. – № 2. – С. 66–71.

11. Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации (Минрегион России) от 2 апреля 2013 г. N 124 «Об утверждении Регламента раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами, путем ее опубликования в сети Интернет и об определении официального сайта в сети Интернет, предназначенного для раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами» // Российская газета. - 28.06.2013. - № 6115.
12. Федеральный закон Российской Федерации № 209-ФЗ от 21 июля 2014 года «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 30 - ст. 4210 (Ч.1).

© Жильцова Елена Валерьевна (aleksissa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.24

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Т. ТЫБЫКОВОЙ

IN LOVING MEMORY OF THE TEACHER: ON THE 90TH ANNIVERSARY OF A.T. TYBYKOVA'S BIRTH

A. Maizina

Summary: This article is a tribute to the memory of the renowned Altai linguist, Turkologist, Doctor of Philological Sciences, and Professor Alexandra Taybanovna Tybikova. The paper attempts to analyze the creative legacy of the scholar. Her academic work was extensive and multifaceted. The results of her years of research are reflected in her numerous works, which make a valuable contribution to the science of language.

Keywords: linguist, Altai language, linguistics, orthography, punctuation, syntax, vocabulary, dialect.

Майзина Аржана Николаевна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Бюджетное научное учреждение Республики Алтай Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, (г. Горно-Алтайск)
arshana@mail.ru

Аннотация: Эта статья является данью уважения памяти известного алтайского лингвиста, тюрколога, доктора филологических наук, профессора Александры Тайбановны Тыбыковой. В работе предпринимается попытка анализа творческого наследия ученого. Ее научная деятельность была обширна и многогранна. Результаты ее многолетних изысканий нашли отражение в ее многочисленных трудах, которые вносят ценный вклад в науку о языке.

Ключевые слова: лингвист, алтайский язык, языкознание, орфография, пунктуация, синтаксис, лексика, диалект.

Имя Александры Тайбановны Тыбыковой знаменует собой целую эпоху в истории развития алтайского языкознания. Будучи ученицей выдающегося ученого-лингвиста, тюрколога с мировым именем Н.А. Баскакова, она внесла огромный вклад в развитие науки и образования Республики Алтай. А.Т. Тыбыкова является первой женщиной – доктором филологических наук, одной из основоположниц алтайского языкознания. Ее научные труды широко известны не только в России, но и за рубежом.

Александра Тайбановна Тыбыкова была моим учителем, открывшим мне путь в науку. Впервые я встретилась с ней осенью 1996 г. в стенах филологического факультета Горно-Алтайского государственного университета. Она читала у нас, студентов 2-го курса, лекции по современному алтайскому языку. На 3-м курсе под ее научным руководством я писала курсовую работу по цветообозначениям в алтайском языке, которая впоследствии стала основой для моей дипломной работы, а затем и диссертационной. После окончания университета в 2002 г. я поступила в очную аспирантуру Горно-Алтайского государственного университета по специальности 10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации (алтайский язык)». Под руководством А.Т. Тыбыковой в 2006 г. в диссертационном совете Института филологии ОИИФФ СО РАН защитила кандидатскую диссертацию «Семантическое поле цветообозначений алтайского языка (в сопоставлении с монгольским языком)» по специальности 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, сравнительное и сопоставительное языкознание».

А.Т. Тыбыкова родилась 26 июля 1935 г. в с. Шашикман Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области (ныне Республика Алтай) в семье Тайбана и Эрке Тыбыковых. О жизни и научно-педагогической деятельности Александры Тайбановны написано достаточно много и подробно в статьях А.А. Озоновой, Л.Н. Тыбыковой [5, с. 6–10], А.Н. Майзиной [2, с. 309], А.А. Озоновой, С.Б. Сарбашевой [6, с. 168–171], И.А. Невской, С. Ж. Тажибаевой [4, с. 89–98] и др. Поэтому в данной статье будут затронуты лишь некоторые аспекты ее многосторонней деятельности.

Основной период научной деятельности А.Т. Тыбыковой связан с Научно-исследовательским институтом алтаистики им. С.С. Суразакова. Здесь она проработала 40 лет, с 1964 г. по 2004 г., вплоть до ухода на кафедру алтайского языка и литературы Горно-Алтайского госуниверситета. В институте она работала на разных должностях – младшим научным сотрудником, заведующим сектором языка, старшим научным сотрудником, главным научным сотрудником. Во время работы в институте она издала свои основные фундаментальные труды: «Сложные глаголы в алтайском языке» [8], «Алтай тилдиҥ пунктуациязы» [14], «Орфография и пунктуация алтайского языка» (в соавторстве с В.Н. Тадыкиным) [7], «Глагольное сказуемое в алтайском языке» [19], «Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение» [20].

Все работы А.Т. Тыбыковой, как справедливо утверждают ученые, начиная с ее кандидатской диссер-

тации, были посвящены сложным и неисследованным вопросам алтайского языка [6, с. 169]. В ее трудах были заложены основы изучения лексико-семантических и грамматических особенностей глагола – одной из самых сложных частей речи в тюркских языках. На материале алтайского языка ею впервые было исследовано 24 вспомогательных глагола [8], впервые был описан недостаточный глагол *э-* [9, с. 28–38]. Ею впервые были рассмотрены составные глаголы с компонентами имя + глагол, образованные от свободных словосочетаний путем лексикализации, например, *јалга кир-* 'батрачить', *уйатка тӱш-* 'опозориться', *эске ал-* 'вспоминать', *макка чык-* 'прославиться', *санаага бастыр-* 'тосковать' и т.д. [12, с. 71–89]. Впоследствии многие из них были переосмыслены и рассмотрены ею в качестве глагольных фразеологизмов [24, с. 144–157]. Исследователем впервые осуществлена систематизация алтайских глаголов путем построения лексико-семантических групп (ЛСГ), в частности ЛСГ глаголов речи [17, с. 63–80] и ЛСГ глаголов движения [18, с. 241–245].

Особое место в научной деятельности А.Т. Тыбыковой, безусловно, занимают труды по синтаксису алтайского языка. Работа «Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение» (1991), легшая в основу ее докторской диссертации, является первой в сибирской тюркологии монографической работой по простому предложению, выполненной в русле моделирования [6, с. 169; 4, с. 91].

Александру Тайбановну, как истинного ученого-алтаеведа, всегда волновали вопросы развития алтайского литературного языка и его диалектов. Так, в статье «Современное состояние и пути дальнейшего развития алтайского литературного языка» [16, с. 12–27] она затрагивает многие проблемы, касающиеся его общественных функций, стабилизации единых языковых норм, развития терминологии и т. д. Размышляя о путях дальнейшего развития алтайского литературного языка, она подчеркивает важную роль лексики. Именно лексика, по ее мнению, является той областью языка, в которой наиболее наглядно и непосредственно отражаются изменения, происходящие в общественной жизни. Исследователь отмечает активное пополнение словарного состава алтайского языка за счет внутренних ресурсов – образования новых слов по разным словообразовательным моделям, например, *бешјылдык* 'пятилетка', *эп-арга* 'метод' и др. [16, с. 19]. Сейчас данные слова прочно вошли в словарный фонд алтайского языка. Однако стоит отметить, что носители алтайского языка часто испытывают затруднения при разграничении слова *эп-арга* от слова *эп-сӱме*. В «Алтайско-русском словаре» *эп-арга* представлено в значениях – 1) возможность; 2) выход; 3) метод, прием [1, с. с. 920], а *эп-сӱме* – 1) способ; 2) метод, совет [1, с. 921]. По сей день остается нерешенным вопрос о том, какой из них должен использоваться при обозначении метода, а какой – приема. Особенно затруднительным этот вопрос представляется для методистов и учителей алтайского языка, поскольку в методике преподавания принципиально важно разграничивать термины *метод* и *прием*.

А.Т. Тыбыкова обращает внимание на то, что вместе с появлением новых понятий у многих алтайских слов путем расширения семантической структуры появляются новые значения. К таковым она относит слово *ајару* – означало 'внимание', теперь означает и 'примечание'; слово *эдим* означало 'одежду', а теперь – 'любое изделие' [16, с. 19].

Общеизвестно, что одним из путей обогащения словарного состава литературного языка является включение диалектизмов. Александра Тайбановна приводит такие вошедшие в литературный язык из северных диалектов слова, как *сеери* 'небольшое деревянное сооружение в виде домика для хранения кедровых шишек', *токчок* 'кушанье, приготовленное из ядрышек кедрового ореха и талкана', которые считались узко диалектными [16, с. 20]. В настоящее время *ток-чок*, или *чок-чок*, является одним из любимых кондитерских изделий алтайцев, его изготовление носит массовый характер.

Перечитывая работы А.Т. Тыбыковой, убеждаешься в том, что некоторые проблемы, когда-то поднимавшиеся ею, сохраняются до сих пор. Это касается, например, орфографирования заимствованных слов с конечным мягким знаком. Так, по утверждению ученого, у носителей алтайского языка вызывает сомнение правильность принятого оформления грамматическими аффиксами слов типа *тетрадь, площадь, печать* и т.д. Про их правописание она дает следующее разъяснение: «Слова этого типа принято писать с сохранением мягкого знака и при присоединении к ним аффикса принадлежности – с мягкорядной огласовкой: *тетрадинең, площадине, печадинең, медалинде*, хотя они обычно произносятся *тетрадынаң, площадына, печадынаң*, но *медалинең*, а не *медалынаң*» [16, с. 22]. С этой же проблемой относительно недавно автору данной статьи довелось столкнуться при анализе одного из школьных учебников по алтайскому языку для начальных классов. В нем, вопреки правилу, указанные слова предписывалось писать в соответствии с гармонией гласных, т.е. *тетрадьт**ы*** вместо *тетрадьт**и***.

В алтайском языкознании наиболее острым и нерешенным до сей поры является вопрос о статусе диалектов алтайского языка. Традиционно в нем выделялись 6 диалектов: южные (алтай-кижи, телеутский, теленгитский) и северные (туба, кумандинский, чалканский). Такое деление было введено еще в XIX в. членами Алтайской духовной миссии. В советский период этой классификации придерживались Н.П. Дыренкова, Н.А. Баска-

ков и др. В постсоветский период первой пересмотреть диалектную систему алтайского языка попыталась А.Т. Тыбыкова в своей статье «Проблемы алтайского языка» [22, с. 102–110]. В ней, опираясь на результаты экспедиционных материалов, она высказывает мнение о том, что выделение в алтайском языке диалектов алтай-кижи и теленгитский было искусственным. По ее мнению, они отличаются друг от друга как «говоры общенародного языка». О языке бачатских телеутов исследователь утверждает, что он «мало отличается от языка представителей южных районов, за исключением аффикса орудно-совместного падежа, стяженных глагольных форм». Процессы нивелирования она отмечает в отношении тубаларского диалекта. Но при этом признает, что тубаларский сохраняет свои некоторые языковые особенности, позволяющие выделить его как говор, а не как диалект. Сложную ситуацию, сложившуюся с чалканским диалектом Александра Тайбановна, объясняет тем, что в Турачакском районе, в местах компактного проживания чалканцев, преобладает русскоязычное население. По мнению ученого, у чалканцев остается два пути – полное растворение в русскоязычной среде или переход на литературный алтайский язык с сохранением диалектных особенностей. Она констатирует, что «пока чалканский еще остается диалектом алтайского языка» [22, с. 109]. Относительно кумандинцев исследователь пишет, что по своей истории, происхождению уже доказано, что кумандинцы – это отдельный народ. Язык кумандинцев ближе к шорскому и хакасскому, чем алтайскому. Это позволяет выделить его как отдельный кумандинский язык, хотя он является близкородственным алтайскому языку [там же, с. 110]. Впоследствии, как известно, в 2000 г. языки северных субэтносов Республики Алтай были признаны самостоятельными языками. Поскольку данный вопрос имеет политическую подоплеку, связанную с территориальной целостностью республики, по этому поводу какой-либо правовой оценки официально никто не давал.

Как уже отмечалось ранее, основная научная деятельность Александры Тайбановны была связана с НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. В научном архиве института хранится 8 папок, относящихся к деятельности А.Т. Тыбыковой. Это архивные материалы № 60, № 61, № 64, № 68, № 71, № 73, № 84, № 105. В рамках данной статьи хотелось бы более подробно остановиться на этих материалах, поскольку в них отражены результаты многолетней деятельности А.Т. Тыбыковой. Так, в деле № 60 содержится рукопись статьи А.Т. Тыбыковой на алтайском языке «Алтай тилибис кеен-јараш та, бай да» («Наш алтайский язык и красив, и богат»). Судя по дате написания (12.03.1965 г.), эта статья относится к одним из ранних работ Александры Тайбановны.

В деле № 61 «Горно-Алтайская подсекция по проблемам развития национальных отношений народов Сибири» имеются материалы для проведения социолингвистического анкетирования коренного населения Горного Алтая. Данные опроса готовились для обсуждения на совещании по проблемам языков народов Сибири. Председателем Горно-Алтайской подсекции был назначен С.С. Суразаков, секретарем – А.А. Тыбыкова.

Дело № 64 под названием «Горно-Алтайская подсекция по социологическому обследованию Горно-Алтайской автономной области (1967–1968 гг.)» содержит материалы социолингвистического обследования (инструкция, образцы анкет и т.д.).

В деле № 68 «Лексический материал, собранный А.А. Тыбыковой во время командировки в Турачакский, Улаганский и Онгудайский районы Горно-Алтайской автономной области (1973–1974 гг.)» хранятся материалы, собранные для составления «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». К примеру, в тетради № 1 содержатся материалы, собранные в 1973 г. в селах Шунарак, Курмач-Байгол Турочакского района, в селе Чолушман Улаганского района. В тетради № 2 имеются материалы, собранные в селе Большой Яломан Онгудайского района. В них представлен интересный лексический материал, например, *морпок* – бозу эмбезин деп, тумчугын кечире агаш јазап кой јат (‘поперечный деревянный намордник, надевается на нос теленка для отучения от сосания вымени’); *ӱлбӱрек* – куштың, кастың кижининг колына јапшына берер пух (‘птичий или гусиный пух, который липнет к руке человека’). Первое из этих слов в словарях алтайского языка, в частности «Алтайско-русском словаре» (2018) не зафиксировано, а второе отмечено в значениях: 1) перья филина; 2) *уст*. пух филина на женских серьгах [1, с. 761].

В тетради № 2 упоминается интересное, связанное со скотоводческой деятельностью алтайцев, выражение *уй комыргалайтаны* – букв. ‘дудение коровы’. Дается следующее толкование данного выражения: *Уй балазын ташпап турза, комыргайды алала, уйдың учазы јаар ӱрӱп, «О-о-о» дезе, уй балазын алып ал јат* ‘Когда корова не дает сосать своему теленку вымя (букв. ‘бросает своего детеныша’), берут дудку (из полого стебля борщевика) и дуют в нее по направлению к задней части туловища коровы: «О-о-о». И тогда корова снова начинает кормить своего теленка (букв. ‘забирает своего детеныша’) ’.

Кроме того, в деле № 68 собран интересный фольклорный материал. Это небольшие по объему сказки: Ат ла јыланның маргааны («Состязание лошади и змеи»), Ийт ле кудай («Собака и Бог»), Томыртка («Дятел»), Таланҥко («Жавронок»), Ӱкӱ («Сова»).

В деле № 71 «Материалы, собранные во время командировки в Онгудайский район (август, 1978 г.)» представлены алтайские пословицы и поговорки, песни, а также

содержится лексический материал. Среди них встречаются не отраженные в словарях лексические единицы, например, *кеjилеп* – талдап 'выбирая', *точык тилдӱ* – чечен тилдӱ 'красноречивый' и др.

В деле № 73 «Статьи об алтайском языке (1980–1990 гг.)» хранятся рукописи статей А.А. Тыбыковой. Это следующие статьи: 1) Об усовершенствовании и унификации алфавита алтайского языка – опубликовано в сборнике «Вопросы усовершенствования алфавитов тюркских языков СССР» [10]; 2) Алтайда jебрен тӱрк бичик (О древнетюркских писаницах на Алтае) – опубликовано в газете «Алтайдың Чолмоны» [11]; 3) Тӱрк энчилик бичик-биликтиң jажыдын тапканына 100 jыл (К 100-летию дешифровки древнетюркской письменности) – опубликовано в газете «Алтайдың Чолмоны» [21]; 4) Об охране памятников древнетюркской надписи – не опубликована.

Дело № 84 «Лексические и синтаксические материалы по языку» (1988 г.)» объединяет ценные диалектные материалы, собранные А.Т. Тыбыковой и Н.Д. Алмадаковой в селе Курай Кош-Агачского района.

В деле № 105 «Отзывы, рецензии на рукопись «Орфография и пунктуация», авторы В.Н. Тадыкин, А.Т. Тыбыкова» представлены рецензии о работе М.Ч. Чумакаевой, Н.А. Баскакова, Н.П. Кучияк, а также отзывы Куюсской, Кырлыкской, Ябоганской и Улаганской школ.

Таким образом, в архиве НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова представлен достаточно интересный и ценный для изучения материал, касающийся результатов научной деятельности А.Т. Тыбыковой. Некоторые из них смело можно использовать при составлении толкового словаря алтайского языка, над которым сейчас работают лингвисты института, при разработке диалектологического словаря, подготовке работ по фольклору.

Наряду с разработкой серьезных теоретических вопросов по алтайскому языку Александра Тайбановна много сил и труда вложила в создание учебников, программ и методических пособий по алтайскому языку для школ, педколледжа и вуза. Долгие годы, являясь членом Экспертного совета Министерства образования и науки Республики Алтай (ныне Научно-методического совета Министерства образования и науки Республики Алтай по учебной литературе с этнокультурной составляющей содержания общего образования), она была незаменимым консультантом для методистов и авторов школьных учебников. Будучи членом этого совета с 2008 г., мне довелось поработать бок о бок с Александрой Тайбановной по вычитке, рецензированию и редактированию учебно-методических изданий. Примерно в этот период Александра Тайбановна меня и А.С. Шокшиланову, методиста Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Республики Алтай, вовлекла в работу по составлению лингвистического словаря алтайского языка. Но, к большому сожалению, эту работу нам удалось завершить лишь в 2022 г., уже после ухода Александры Тайбановны из жизни. Итогом этой совместной работы стало издание школьного словаря лингвистических терминов – «Алтай тилдиң адалгаларының сӧзлиги» (школдо тузаланары) [3].

Как человек, как личность, как ученый, Александра Тайбановна всегда была внимательна к своим коллегам и единомышленникам. О многих из них с большой теплотой и любовью она отзывается в своих воспоминаниях [26, с. 11–19]. Отдельные работы она посвятила своим учителям – Н.А. Баскакову [13, с. 7–35; 25, с. 7–13] и Т.М. Тощаковой – первой алтайской женщине-ученой [15, с. 115–120; 23]. Именно Т.М. Тощакова, по словам самой Александры Тайбановны, направила ее на путь науки [26, с. 15]. Данью уважения к коллегам-предшественникам стала статья А.Т. Тыбыковой «Репрессированные языковеды Горного Алтая», написанная совместно с Л.Н. Тыбыковой [27, с. 18–25]. В ней описана судьба и творческое наследие первых языковедов, учителей алтайского языка Николая Андреевича Каланакова, Ивана Андреевича Каспинского, Сергея Яковлевича Кумандина, Алексея Макаровича Сабашкина. Все они были жертвами политических репрессий 30–40-х гг. XX в. В 2010 г. по инициативе Александры Тайбановны была опубликована наша совместная статья «Основные направления лингвистических исследований института алтаистики им. С.С. Суразакова» [28, с. 44–48]. В ней мы постарались уделить внимание каждому ученому, работавшему в институте и внесшему весомый вклад в развитие алтайского языкознания.

Александра Тайбановна искренне любила свою родину, свой народ и свой язык. И как истинный патриот, она много писала на родном языке. Много статей ею было опубликовано на страницах газет и журналов. Язык и стиль ее работ на алтайском языке служат образцом для подражания.

В честь 90-летней годовщины со дня рождения А.Т. Тыбыковой 27 июня 2025 г. в Горно-Алтайском государственном университете была проведена Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Теоретические вопросы тюркского языкознания и проблемы преподавания родных языков в школе». Соорганизатором данной конференции выступил Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова. Конечно, в этот день об Александре Тайбановне и ее трудах было сказано много. Тем не менее, на мой взгляд, весь масштаб ее многогранной деятельности мы до конца еще не осознали. Ее наследие заслуживает более глубокого и всестороннего изучения.

Александра Тайбановна Тыбыкова запомнилась мне добрым, отзывчивым и мудрым человеком. Благодаря ей, я стала тем, кем являюсь сейчас. И я горжусь, что была ее ученицей.

Светлая память моему учителю – славной дочери Алтая!

Архивные материалы

НА НИИА АМ, дело № 60. А.Т. Тыбыкова. Алтай тилибис кеен-јараш та, бай да. 1965 год.

НА НИИА АМ, дело № 61. Горно-Алтайская подсекция по проблемам развития национальных отношений народов Сибири. Председатель: Мултуева Е.Г., секретарь: Тыбыкова А.А. (1965 г.).

НА НИИА АМ, дело № 64. А.А. Тыбыкова. Горно-Алтайская подсекция по социологическому обследованию Горно-Алтайской автономной области (1967–1968 гг.).

НА НИИА АМ, дело № 68. Лексический материал, собранный Тыбыковой А.А. во время командировки в Турачакский, Улаганский и Онгудайский районы Горно-Алтайской автономной области (1973–1974 гг.).

НА НИИА АМ, дело № 71. А.А. Тыбыкова. Материалы по языку, собранные во время

НА НИИА АМ, дело № 73. А.А. Тыбыкова. Статьи об алтайском языке (1980–1990 гг.).

НА НИИА АМ, дело № 84. Материалы командировки в Онгудайский район (август, 1978 г.). А.Т. Тыбыкова, Н.Д. Алмадакова. Лексические и синтаксические материалы по языку (1988 г.).

НА НИИА АМ, дело № 105. Отзывы, рецензии на рукопись «Орфография и пунктуация» авторы Тадыкин В.Н., Тыбыкова А.Т. (рецензии М.Ч. Чумакаевой, Н.А. Баскакова, Н.П. Кучияк).

Сокращения

НА НИИА АМ – Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайско-русский словарь. Редкол.: канд. филол. наук А.Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н.В. Екеев, канд. филол. наук А.Н. Майзина, К.К. Пиянтинова, Н.Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е.В. Тюнтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
2. Майзина А.Н. А.Т. Тыбыкова // Республика Алтай. Краткая энциклопедия. – Новосибирск: Изд-во «Арта», 2010. – С. 309.
3. Майзина А.Н., Тыбыкова А.Т., Шокшиланова А.С. Алтай тилдиҥ адалгаларыныҥ сӧзлиги (школдо тузаланары) = Школьный словарь лингвистических терминов. – Горно-Алтайск, 2022. – 104 с.
4. Невская И.А., Тажибаева С.Ж. Александра Тайбановна Тыбыкова и ее вклад в тюркологические исследования // TURKIC STUDIES JOURNAL. 2021. То 3, № 1. – С. 94–104.
5. Озонова А.А., Тыбыкова Л.Н. О научной и педагогической деятельности профессора А.Т. Тыбыковой // Тыбыкова А.Т. Избранные труды. Теоретические вопросы алтайского языкознания. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 6–11.
6. Озонова А.А., Сарбашева С.Б. Александра Тайбановна Тыбыкова // Российская тюркология. 2020. 1–2 (26–27). – С. 169–171.
7. Тадыкин В.Н., Тыбыкова Орфография и пунктуация алтайского языка / ред. Н.Н. Суразакова. – Горно-Алтайск, 1981. – 168 с.
8. Тыбыкова А.Т. Сложные глаголы в алтайском языке / ред. Т.М. Тощакова. – Горно-Алтайск, 1966. – 64 с.
9. Тыбыкова А.Т. О недостаточном глаголе э- в алтайском языке // Записки ГАНИИИЯЛ. – Вып. 7. – 1967. – С. 28–38.
10. Тыбыкова А.Т. Об усовершенствовании и унификации алфавита алтайского языка // Вопросы усовершенствования алфавитов тюркских языков СССР. – М.: Наука, 1972. – С. 41–49.
11. Тыбыкова А.Т. Алтайда јебрен тӱрк бичиктер = О древнетюркских писаницах на Алтае // Алтайдыҥ Чолмоны. 1972. 15 дек.
12. Тыбыкова А.Т. Составные глаголы типа имя + глагол с реальным значением в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. – Горно-Алтайск, 1976. – С. 71–89.
13. Тыбыкова А.Т. Николай Александрович Баскаков: [К 70-летию со дня рождения с библиогр.] // Вопросы алтайского языкознания. – Горно-Алтайск, 1976. – С. 7–35.
14. Тыбыкова А.Т. Алтай тилдиҥ пунктуациязы. – Горно-Алтайск, 1976. – 78 с.
15. Тыбыкова А.Т. Алтай ӱй улустаҥ баштапкы ученый (Первая алтайка-ученый): к 80-летию Т.М. Тощаковой // Бай-терек. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 115–120.
16. Тыбыкова А.Т. Современное состояние и пути дальнейшего развития алтайского литературного языка // Алтайский язык на современном этапе его развития. – Горно-Алтайск, 1984. – С. 12–27.
17. Тыбыкова А.Т. Глагольные словосочетания в алтайском языке (на материале семантической группы глаголов речи) // Вопросы алтайского языкознания: сб. науч. тр. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 63–80.
18. Тыбыкова А.Т. Глагольные словосочетания в алтайском языке (на основе семантической группы глаголов движения) // Вопросы советской тюркологии: тез. докл. и сообщ. IV Всесоюз. тюрк. конф. – Ашхабад, 1988. – С. 241–245.
19. Тыбыкова А.Т. Глагольное сказуемое в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1989. – 111 с.

20. Тыбыкова А.Т. Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение / ред. М.И. Черемисина. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – 228 с.
21. Тыбыкова А.Т. Түрк энчилик-бичиктиҥ јажыдын тапканына = К 100-летию дешифровки древнетюркской письменности // Алтайдыҥ Чолмоны. 1993. 30 нояб.
22. Тыбыкова А.Т. Проблемы алтайского языка // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 102–110.
23. Тыбыкова А.Т. Тил шиҥжүчи Таисья Макаровна Тощакова = Ученый-языковед Т.М. Тощакова. – Горно-Алтайск, 1994. – 11 с.
24. Тыбыкова А.Т., Кыйынова М.Ю. К проблеме фразеологизмов в алтайском языке // Алтайская филология. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 144–157.
25. Тыбыкова А.Т. Научное наследие Н.А. Баскакова // Тюркские языки и проблемы и исследования: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.А. Баскакова, Горно-Алтайск, 15–18 июня 2005 г. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 7–13.
26. Тыбыкова А.Т. Јүрүмимди эске алып… = Воспоминания // Тыбыкова А.Т. Избранные труды. Теоретические вопросы алтайского языкознания. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 11–20.
27. Тыбыкова А.Т., Тыбыкова Л.Н. Репрессированные языковеды Горного Алтая // Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI в. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 18–25.
28. Тыбыкова А.Т., Майзина А.Н. Основные направления лингвистических исследований института алтаистики им. С.С. Суразакова // Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 44–48.

© Майзина Аржана Николаевна (arshana@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.30

ТЕНДЕНЦИИ К АНАЛИТИЗМУ И ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

TRENDS TOWARDS ANALYTICISM AND LINGUISTIC ECONOMY IN THE WORD FORMATION OF MODERN RUSSIAN

D. Osilbekova

Summary: Analyticism in the field of word formation remains one of the little-studied problems of linguistics. The active formation of derived words based on syntactic units reinforces not only the tendency towards linguistic economy, but also towards analyticism. The article discusses the types of derived words synonymous with producing syntactic structures – phrases and sentences. Analyticism is manifested in the substitution of components of derived words (prefixes and bases of complex words) of modifiable words in the original propositional structures.

Keywords: word formation, derived nouns, syntactic units, analyticism, linguistic economy.

Осильбекова Дания Алтмишбаевна
доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет
osilbekova@list.ru

Аннотация: Аналитизм в области словообразования остается одной из малоизученных проблем лингвистики. Активное образование производных слов на базе синтаксических единиц усиливает не только тенденцию к языковой экономии, но и к аналитизму. В статье рассматриваются типы производных слов, синонимичных производящим синтаксическим структурам – словосочетаниям и предложениям. Аналитизм проявляется в замещении компонентами производных слов (префиксами и основами сложных слов) изменяемых слов в исходных пропозициональных структурах.

Ключевые слова: словообразование, производные имена существительные, синтаксические единицы, аналитизм, языковая экономия.

Тенденция к аналитизму в первую очередь отмечается в грамматике русского языка. Как известно, «аналитические формы отличаются от синтетических тем, что у них грамматическое значение передается вне пределов данного слова, т.е. функция и значение этих форм выявляются в контексте, при соотношении с другими словами. Именно поэтому собственно морфологический аналитизм тесно переплетается с синтаксическим аналитизмом и становится общей чертой грамматики» [2]. Усиление тенденции к аналитизму проявляется в грамматике русского языка в нескольких явлениях, например, в сокращении числа падежей, в росте класса несклоняемых имен (существительных, прилагательных, числительных) и др.

Об аналитизме в области словообразования писали М.Я. Гловинская [4], Е.А. Земская [5], М.В. Панов [6] и др. Диссертация М.Ю Виданова посвящена аналитизму в именном словообразовании русского языка. В ней отмечается, что «применительно к словообразованию аналитизм проявляет себя в развитии агглютинативности в структуре деривата…, дериваты образуются механическим присоединением отдельных элементов при сохранении автономии каждого из них, а также увеличивается количество много морфемных структур, которые складываются без каких-либо явлений приспособления на морфемном шве [3, с. 13].

Рассмотрим процессы, обусловленные тесной связью словообразования с синтаксисом, которые усиливают тенденции к аналитизму и языковой экономии в современном русском языке. О характере этой связи писали многие отечественные лингвисты, начиная с 70-х годов прошлого века, – Л.А. Араева, Н.Д. Арутюнова, Е.Л. Гинзбург, Е.С. Кубрякова, М.Н. Янценецкая и др.

Как отмечают Л.А. Араева и И.В. Евсеева, «актуализованные в мотивированном и мотивирующем слове компоненты пропозиции и связывающие их отношения составляют суть словообразовательного значения производного слова» [1, с. 146]. Наиболее ясные связи с исходной пропозициональной структурой наблюдаются в семантике производных имен существительных, имеющих синонимичные словосочетания или предложения. Производное слово, заменяя собой синтаксическую единицу, тем самым способствует сокращению количества изменяемых слов для выражения смысла. В этом проявляются тенденции к аналитизму и языковой экономии. Перечислим типы производных имен существительных, синонимичных словосочетаниям.

Префиксальные имена существительные

1. Существительные с префиксами *квази-, контр-, псевдо-, пост-, экс-* и др., соотносительные со словосочетаниями «прилагательное + существительное», компоненты которых связаны согласованием: *квазигосударство – непризнанное государство, экс-президент – бывший президент, контрудар – ответный удар, постоплата – последующая оплата, псевдонаука – ложная наука* и т.п.

2. Существительные с префиксами, имеющими значение высокой степени проявления качества: *гипер-, мега-, супер-* и др.: *гиперчувствительность – высокая чувствительность*, *мегапроект – грандиозный проект; супербабушка – прекрасная бабушка* и т.п.
3. Существительные с префиксами *вице-, про-*, соотносительные со словосочетаниями «существительное + существительное в родительном падеже»: *вице-президент – заместитель президента, проректор – заместитель ректора.*

Данные производные, как правило, образуются с помощью заимствованных префиксов и имеют книжную или нейтральную стилистическую окраску.

Суффиксальные имена существительные

Так называемые универбаты – имена существительные, производные от словосочетаний и синонимичные им, в большинстве своем образуются с помощью суффиксов *-к(а)* и *-ник*. Например: *гуманитарка – гуманитарная помощь, кондитерка – кондитерские изделия, молочка – молочная продукция, нефтянка – нефтяная промышленность, социалка – социальная сфера; грузовик – грузовой автомобиль, загранник – заграничный паспорт, мобильник – мобильный телефон, населенник – населенный пункт.* Универбаты, как правило, являются разговорными синонимами стилистически нейтральных или официально-деловых наименований.

Сложные имена существительные

Сложные имена существительные соотносятся с различными словосочетаниями.

1. Сложные слова с опорным компонентом, равным самостоятельному слову, производные от словосочетаний «прилагательное + существительное» и синонимичные им: *взаимосвязь – взаимная связь, лженаука – ложная наука, мясопродукты – мясные продукты, нефтепромышленность – нефтяная промышленность, первоисточник – первый источник, сухофрукты – сушеные фрукты* и т.п.
2. Сложные слова с опорным компонентом, равным самостоятельному слову, производные от словосочетаний «существительное + существительное в родительном падеже» и синонимичные им: *водораспределитель – распределитель воды, кораблекрушение – крушение корабля, овощехранилище – хранилище овощей, сеноуборка – уборка сена* и т.п.
3. Слова, составленные из двух самостоятельных слов с неизменяемой первой частью, имеющей атрибутивную функцию: *бизнес-проект, джаз-оркестр, мастер-класс, меч-рыба, пиар-агентство и т.п.* Такие компоненты сложных существительных называют аналит-прилагательными [6] или аналитическими прилагательными.
4. В сложных словах с сочинительной связью компонентов, как правило, склоняются обе части (*банк-эмитент*, *банкет-фуршет, вагон-ресторан, заказ-наряд/наряд-заказ, торт-мороженое),* но наблюдается тенденция к неизменяемости первой части, особенно в разговорной речи: *на диван-кровати, по заказ-наряду*.
5. Сложные слова с компонентами, которые не употребляются самостоятельно. Такие связанные элементы можно отнести к аффиксоидам, то есть к морфемам с признаками корня и аффикса. В последнее время состав подобных слов расширяется за счет заимствований, в основном из английского языка. Например, слова с первыми компонентами *веб-* «всемирная паутина, интернет пространство» (*веб-аналитик, веб-камера, веб-конструкция*), *нано-* «одна миллиардная доля, что-то очень маленькое» (*наноразмер нанореальность, нанотехнология,*), *топ-* «высший, лучший» (*топ-модель, топ-список, топ-стилист*), *фэшн-* «модный» (*фэшн-фотография, фэшн-прогон)* и др. В таких словах первые несклоняемые компоненты выполняют атрибутивную функцию (аналит-прилагательные) и заменяют собой имена прилагательные в словосочетаниях.
6. Сложные имена существительные со вторыми связанными компонентами, такими как *-мен* «мужчина» (*клубмен, бизнесмен, конгрессмен*), *-мейкер* «тот, кто создает (приготавливает) что-либо, или устройство для приготовления чего-либо» (*клипмейкер, пиццамейкер, шаурмамейкер*), соотносятся с различными синтаксическими конструкциями: *трусмен – трусливый мужчина*, *бизнесмен – человек, занимающийся бизнесом*, *клипмейкер – режиссер, снимающий видеоклипы* (шутливый синоним – *клиподел*), *пиццамейкер – аппарат для приготовления пиццы*.
7. Аббревиатуры – сложносокращенные слова, которые образуются путем сложения усеченных основ (или усеченных и полных основ) слов, входящих в исходное словосочетание. Например: *ГУМ – Государственныйуниверсальныймагазин,леспромхоз – лесопромышленное хозяйство, химзавод – химический завод*. В составе слоговых и смешанных аббревиатур выделяются аналит-прилагательные *бел-, воен-, гос-, мос-, обл-, рос-* и т.п. Например: БелАЗ – *белорусский автомобильный завод, военкор – военный корреспондент, госзаказ – государственный заказ, Мосбиржа – Московская биржа, облсуд – областной суд, Росбанк – российский банк.*
8. Сращения, которые образованы от предложений, ставших знаковыми. Например: *яжемать, яжеребенок, онижедети, онжеребенок, этодругое, крымнаш, тыждолжен, тыжлингвист* и т.п. Они обычно не

склоняются, но в некоторых из них может склоняться последний компонент. Примеры из Интернета:

*Как же надоели **яжематери** с **яжеребенками.***

*Шутки про **тыжлингвистов**… О, ты лингвист? Небось Шекспира в оригинале всего перечитал?... Как «не понимаю шекспировский английский»? **Тыжлингвист, тыждолжен**!*

Таким образом, образование слов, производных от синтаксических единиц и синонимичных им, отражает две основные тенденции развития словообразования современного русского языка – тенденции к аналитизму и экономии языковых средств, так как сокращают количество изменяемых слов для передачи информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л.А. Араева, И.В. Евсеева. Словообразование и синтаксис: типы пропозициональных структур // Сибирский филологический журнал. – Вып. 4, 2010. – С. 145–150.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
3. Виданов Е.Ю. Аналитизм в именном словообразовании современного русского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Омск, 2011. – 22 с.
4. Гловинская М.Я. Тенденция к аналитизму в языке массовой коммуникации // Фортунатовский сборник (ред. Е. В. Красильникова). – М., 2000, – С. 116–124.
5. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь Текст. / Е.А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
6. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 137–150.

© Осильбекова Дания Алтмишбаевна (osilbekova@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.32

МНОГОЗНАЧНЫЕ СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧАСТИ ТЕЛА, В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

POLYSEMANTIC WORDS DENOTING BODY PARTS IN THE EVEN LANGUAGE

S. Savvinova

Summary: This article analyzes and identifies the types of polysemy in Even nouns denoting body parts, examining the relationship between the degree of polysemy of a noun and its membership in a particular lexical-semantic group.

Keywords: polysemy, semantics, functional transfer, metaphor, even language.

Саввинова Степанида Николаевна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, (г. Якутск)
stepanidasavvinova@mail.ru

Аннотация: В статье проводится анализ и выявление типов многозначности имен существительных в эвенском языке, обозначающих части тела, рассматривается связь между степенью многозначности существительного и его принадлежностью к определенной лексико-семантической группе.

Ключевые слова: многозначность, семантика, функциональный перенос, метафора, эвенский язык.

Современный период развития языкознания характеризуется углубленным исследованием семантики языка. Исследователи эвенского языкознания активно участвуют в этом процессе, ими написан ряд трудов, освещающих различные аспекты лексической, грамматической семантики [7], [8], [9] и т.д. Но некоторые аспекты семантики эвенского языка остаются недостаточно изученными, дальнейшего исследования требуют проблемы полисемии, омонимии в эвенском языке. Как мы уже указывали, в языкознании существует большое количество литературы, посвященной изучению вопросов полисемии. Исследователи рассматривают различные аспекты проблемы многозначности слова [1], [3] [4] [5] и т.д. В частности, они рассматривают природу многозначных слов различных частей речи, изучают взаимосвязь полисемии и мотивации и т.д.

Целью исследования является изучение особенностей проявления полисемии у имен существительных, обозначающих части тела человека.

Для анализа семантики мы использовали «Эвенско-русский словарь» [7].

Многозначность наиболее заметна в существительных, обозначающих предметы, активно участвующих во взаимодействии человека с миром вокруг. В словах же, денотации которых связаны с пассивной ролью в этом взаимодействии, полисемия встречается крайне редко; они скорее функционируют как термины или элементы терминологии. В различных лексико-семантических рядах можно различить особенности полисемии существительных: в одних группах она выражена более интенсивно, в других – менее. Исследование полисемии имен существительных по лексико-семантическим группам демонстрирует, что переносное, метафорическое значение наиболее часто встречается в словах, обозначающих предметы, имеющие ключевое значение в практической деятельности и в общении человека с окружающей действительностью.

В эвенском языке слова, обозначающие части тела человека, занимают активное место в речи, выражают явления, действия, признаки, связанные с деятельностью человека. Данные слова приобретают дополнительные значения в зависимости от степени активности в деятельности человека. Исследователи [6] и др. группируют данные слова в зависимости от характера выражаемой многозначности: слова, занимающие основное место в отношениях человека с окружающей средой. В этой группе слов главную роль играет перенос значения и метафоризация.

К словам, обозначающим части тела человека и имеющим более двух значений в эвенском языке, относятся:

- Бөдэл

В словаре слово ***бөдэл*** имеет следующее толкование: ***Бөдэл*** - 1) нога, ноги; 2) лапа; 3) ножки предмета.

Как видно из толкования, слово *бөдэл* имеет несколько семантических оттенков, которые связаны с функцией денотата как органа передвижения и нижней и подвижной части тела. Можно указать на следующие значения слова *бөдэл*:

1. средство передвижения «*турки бөдэлэн - ножка саней*».
2. опора, подставка ножки стола. *Они сломал* ***ножки*** *стула. Ноҥартан тэгэнмэй* ***бөдэллэн хаюр***.

В данных примерах мы видим функциональный перенос, так как два разных денотата выполняют схожую функцию, то есть их объединяет общность функции.

Таким образом, переносное значение слова *бөдэл* является производным его словарного значения, например «*онаки бөдэлэн - лапа росомахи*» и т.д. Например:

Нян тачин гөндидьми бакаркинни, ***бөдэлэн*** чилдаркинни, нян мөлэ тыкрэн.

Только Гагара так сказала, как поскользнулась, ***ноги*** у нее подломились, и она в воду упала [10].

• Ӈал

Ӈал - 1) рука, руки; 2) лапа, лапы

Тик **ӈалу** эӈсин гөвэттэн. Сейчас говорит, что **руки** болят.

Это слово характеризуется также функциональным переносом от первого значения. Например:

Нян тарак Тураки асаткан одни. Өмэндэ ***ӈалан*** тачин-та тураки дэтлэнни эмэптэн, өмэн-дэ илчаран тачин-та буди эмэптэн. Вдруг молодая Ворона превратилась в девушку. Одна ***рука*** у нее так и осталась вороньим крылом, и одна черная коса перепутана с вороньими перьями [10].

• Амӈа

Амӈа -1) рот; 2) пасть

«Тарак Хуличан ***амӈай*** кулиттан эдэтэн иттэ ач итлэ бисив», — Этикэн мулгаттан, таргидали-нюн хэденрэн. Это Лиса ***рот*** закрывает, чтобы не увидели, что она без зуба», — подумал старик и стал в танце приближаться к Лисе [10]. Как видим, первое толкование слова амӈа несет в себе чисто анатомическое значение. Вторая семантика лексемы амӈа «пасть» имеет переносное значение по функции денотата. Также имеет следующие значения:

1. нумератива. Например: *Я кормлю семь* ***ртов.*** *Би надан* ***амӈаб улиттэм***.
2. пространственная близость. *Мои ноги не влезли в окружность унтов. Мин бөдэлу унтав аӈалан эсни ир.*

• Оӈат

Оӈат - 1) нос (в разных значениях); 2) клюв (нос); 3) передняя часть лодки, судна 4) штука (при счете шкурок).

1. Мин ӈину ***оӈатан*** олган. У моей собаки высох ***нос***.

Тараптук боӈга нусман корииӈ, **оӈатан-да** каптуня, кадарла-да бисни.

С тех пор баран остался со сморщенной мордой и приплюснутым **носом** и поселился в горах, а лось с зайцем у реки живут, только у лося губа так и осталась отвислой, а у зайца — лопнувшей [10].

2. Таракам Хусэн ***оӈалади*** гарла чоӈкаснан, нян Кукэкив Хорикив гөнэвкэнни. Тогда Коршун ***клювом*** стукнул по ветке и послал Сойку за Глухарем.
3. переносное значение, связанное с формой данной части тела, и носит метафорический характер. Лодка ***оӈатлан*** улакчав адалу улэрив. Мокрые сети бросил на ***нос*** лодки.
4. в значении нумератива.

• Билга

билга 1) горло, шея; 2) устье реки

• В первом значении слово **билга** несет анатомическое значение,

Мэрэлинго-мэрилинго,
Абгар, чакты,
Мину хэпкэли.
Иргэдув дявли.
Кэмнули мину,
Магдякчин ***билгапу*** онечэгчин.
Мэрэлинго-мэрэлинго.
Мэрэлинго-мэрилинго,
Сильный, ловкий.
Меня поймай,
За хвост возьми,
Меня нежно обними,
Как беличий шарф обнимает ***шею***.
Мэрэлинго-мэрэлинго [10].

Второе переносное значение, связанное с формой данной части тела, и носит метафорический характер: устье - 1) место впадения реки в море; 2) выходное отверстие. В эвенском языке есть слово, которое обозначает слово «устье» - дапту.

Таким образом, семантические оттенки, присущие первичному значению слова, приобретают переносный характер, который они передают вторичному значению денотата. Возникновение вторичных значений слова связаны с типами переноса значений, таких как метафора, метонимия и синекдоха. В нашем случае полисеманты, относящиеся к лексико-семантической группе слов, обозначающих части тела, для передачи вторичных оттенков использовали метафору с функциональным переносом. Принадлежность слова-полисеманта к той или иной лексико-семантической группе определяет характер возникновения вторичных значений. Подобный подход может быть применен и к изучению многозначности других частей речи, например глаголов, в которых полисемия также весьма распространена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. С. 118.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977. - С. 288–294.
4. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. №2. С. 20–45.
5. Кузнецова Э.В. Язык в свете системного подхода. Свердлов, 1983. –191 с.

6. Мехтиева Т.М. Кызы. Полисемия имен существительных в современном азербайджанском языке//Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Баку, 1984. 138 с.
7. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь/ В.А.Роббек, М.Е. Роббек – Новосибирск: Наука, 2005. – 353 с.г
8. Саввинова С.Н. Лексико-грамматические омонимы в эвенском языке//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. -2025. -№03/3. -С. 179–181 DOI 10.37882/2223–2982.2025.3–3.27
9. Садовникова И.И. Омонимия в эвенском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. -2024. -№09. -С. 191–193 DOI 10.37882/2223–2982.2024.9.34
10. Эведы нимкар. Эвенские сказки: сборник сказок / собр. и обр.: Л. Большакова, А. Чайко. – Магадан: Изд-во «Охотник», 2015.– 92 с. – 10 илл. Рус., эвен

© Саввинова Степанида Николаевна (stepanidasavvinova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.38

СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ КОНЦЕПТ УДОБСТВО

MEANS OF ENHANCING THE IMPACT IN ADVERTISING SLOGANS REPRESENTING THE CONCEPT OF CONVENIENCE

O. Smirnov
A. Novoselova

Summary: The article examines the means of amplification functioning in advertising slogans representing the concept of CONVENIENCE. Means of amplification are an important part of the advertising message since they amplify certain parts necessary for the author of the advertising message. The impact on the recipient occurs with the help of linguistic units, which, on the one hand, carry nominative semantics, and on the other hand, amplify other elements of the advertising text. This is how the law of economy of speech efforts and one of the properties of advertising - brevity and information completeness - are realized.

The article is written in the context of cognitive, structural-semantic and functional approaches, which contributes to a comprehensive view of the language of advertising, which reflects the methods of influencing the audience, whose choice is controlled by various motivations: convenience, pleasure, novelty, exclusivity, benefit, beauty and many others.

Convenience is one of the leading motivations guiding the choice of a modern person. In advertising discourse, the convenience motive is associated with the concept of the same name, represented by means of multi-level linguistic units: phonetic, lexical, phraseological, paremiological, aphoristic, onomastic, morphological, syntactic, textual, and pragmatic. The study was conducted in several stages: analysis of theoretical material devoted to the selected topic; search for empirical material, its structuring, classification, and generalization. Means of amplification - graduates - can have a variety of structures, relate to different parts of speech, and be expressed by other linguistic units. Several graduates of different nature can be in one advertising slogan. The study of amplification means is one of the important tasks of media stylistics. Identification and analysis of graduates in advertising slogans allow us to assess the degree of impact on the recipient and classify them.

Keywords: graduality, graduator, gradative, advertising slogan, advertising language, advertising discourse, advertising text, CONVENIENCE concept.

Смирнов Олег Николаевич
Ассистент, Московский педагогический государственный университет
on.smirnov@mpsu.su
Новоселова Александра Игоревна
Аспирант, Московский педагогический государственный университет
ai.novoselova@mpsu.su

Аннотация: Статья содержит анализ градуаторов, участвующих в репрезентации концепта УДОБСТВО в рекламных слоганах. Средства усиления являются существенной частью рекламного сообщения, поскольку они выделяют определенные части, необходимые автору рекламного сообщения. Воздействие на реципиента происходит с помощью языковых единиц, которые, с одной стороны, несут номинативную семантику, с другой – усиливают значение и воздействие остальных элементов рекламного текста. Так реализуется закон экономии речевых усилий и важное свойство рекламы – максимальная емкость при минимуме языковых средств.

Статья выполнена в руслах когнитивного, структурно-семантического и функционального подходов, что способствует объемному взгляду на язык рекламы, в котором отражены средства воздействия на аудиторию, чей выбор управляется различными мотивациями: удобством, удовольствием, новизной, эксклюзивностью, выгодой, красотой и многими другими.

Удобство – это ведущая мотивация, руководящая выбором современного человека. В рекламном дискурсе мотив удобства связан с одноименным концептом, репрезентирующимся посредством разноуровневых языковых единиц: фонетических, лексических, фразеологических, паремиологических, афористических, ономастических, морфологических, синтаксических, текстовых и прагматических.

Исследование было проведено в несколько этапов: анализ теоретического материала, посвященного избранной теме; поиск эмпирического материала, его структурирование, классификация и обобщение. Градуаторы могут иметь разнообразную структуру, относиться к разным частям речи и выражаться другими языковыми единицами. Несколько градуаторов различной природы могут быть в одном рекламном слогане. Изучение средств усиления – одна из важных задач медиастилистики. Выявление и анализ градуаторов в рекламных слоганах позволяют оценить степень воздействия на реципиента и классифицировать их.

Ключевые слова: градуальность, градуатор, рекламный слоган, язык рекламы, концепт УДОБСТВО.

Введение

Специалисты, создавая рекламные сообщения, обращаются к различным мотивам: удовольствия, новизны, свободы, прибыльности, страха, значимости, удобства и многим другим. Среди них особенно выделяется мотив удобства: именно он играет ключевую роль в рекламе и становится неотъемлемым атрибутом современного образа жизни, приобретая всё большее значение в силу определенных причин, связанных с социокультурными изменениями, психологическими особенностями людей и развитием рекламного дискурса.

В настоящее время исследование специфики языка рекламы является актуальным для современной лингвистической науки. К числу круга особенно значимых проблем, как отмечают специалисты, следует отнести «проблему эффектов рекламной коммуникации (в т.ч. и

стилистических), влияющих на восприятие рекламного месседжа. Внимание следует уделить и выявлению факторов, актуализирующих в рекламном сообщении коммуникативно-когнитивную функцию языка, поскольку с помощью этой функции и ее реализации в средствах массовой информации ведется управление аудиторией, ее массовым сознанием и во многом – ее поведенческой реакцией» [Алтабаева, 2021, с. 402].

Так, современное общество характеризуется стремительным ускорением темпа жизни и, соответственно, недостатком времени. Реклама продуктов и услуг, предлагающая экономить время потенциальных покупателей, становится особенно ценной. Готовые решения привлекают внимание адресата и снижают его когнитивную нагрузку, что упрощает выбор и вызывает быстрое удовлетворение потребностей.

В процессе создания производители рекламного контента включают в состав сообщений определенные языковые единицы, которые напрямую или опосредованно связаны с понятием удобства. Средства, которые объединены семантическими, словообразовательными, этимологическими, ассоциативными связями с лексемой *удобство*, составляют одноименный концепт.

Особая роль этого концепта может быть объяснена рядом объективных причин: *во-первых*, стремлением современного человека к переживанию различных чувств и получению впечатлений, которые могут быть вызваны ощущением удобства; *во-вторых*, тем, что производители рекламного контента стараются привлечь внимание к товарам и услугам, апеллируя к определенному мотиву, связанному в языковом сознании с ключевым концептом УДОБСТВО. Названные причины взаимосвязаны: внимание реципиента направлено на поиск комфорта, а производители рекламного контента выделяют наиболее подходящие свойства товара или услуги для адресата рекламного сообщения.

Кроме того, современный рекламный дискурс нацелен на привлечение внимания к продукту, где производитель рекламного контента вынужден использовать средства усиления информативной и эмоционально-экспрессивной частей рекламного сообщения для того, чтобы добиться большей эффективности воздействественности, большего внимания к продукту. Такие средства усиления семантики и эмоционально-экспрессивной окрашенности могут иметь разнообразные формы выражения. Все эти средства называют *градуаторами* (термин С.М. Колесниковой), а сам результат функционирования таких единиц С.М. Колесникова предлагает называть *градотативами*. Слова с градуальной семантикой и другие средства усиления находятся в составе рекламных слоганов, поскольку текущая ситуация, в которой внимание реципиента рассеянно, требует от создателей рекламных текстов дополнительных единиц, привлекающих и удерживающих внимание.

В современном мире удобство и комфорт становятся более существенными понятиями, чем они были в предыдущие исторические периоды. Экономический подъем начала XXI века ознаменовал внимание людей к качеству предоставляемых услуг, особенно к тому, насколько людям комфортно находиться в данный момент. Культурологи объясняют это тем, что можно наблюдать постепенный поворот от «мы-культуры» к «я-культуре» [Ларина, Озюменко, 2017], от соборности к индивидуализму, от важности ощущений группы людей к важности ощущений конкретного человека. Главными становятся впечатления, которые можно достичь в том числе посредством организации комфортного существования.

Цель данной статьи – обозначить роль средств усиления и рассмотреть специфику их функционирования в рекламных слоганах, реализующих концепт УДОБСТВО. Для достижения поставленной цели, как видится, необходимо решить ряд важных задач: *во-первых*, изучить лингвистическую литературу о теории слоганистики и теории градуальности; *во-вторых*, исследовать разноуровневые языковые единицы с градуальной семантикой, присутствующие в рекламных слоганах, которые репрезентируют концепт УДОБСТВО; *в-третьих*, обобщить результаты анализа и сделать выводы.

Исследователи языка рекламы перечисляют различные виды мотивации, которые используют в рамках проектирования определённых рекламных стратегий. Среди них Л.А. Шестак, в свою очередь, выделяет «мотив **удобств** и дополнительных **преимуществ**» [Шестак, 2011, с. 77]. Мотив удобства влияет на поведение современного человека и, соответственно, является важной частью его бытия. Е.В. Алтабаева подчёркивает: «...С опорой на сформировавшуюся потребность и более или менее оформленное желание, а также благодаря воздействию созданных рекламой эмоций, предполагается спровоцировать реципиента на какое-либо действие, направленное на приобретение товара или услуги. Все это может произойти только при условии, что необходимый предмет или заданная ситуация в сознании индивидуума включаются (или уже включены) в его систему ценностей и занимают в ней конкретное место» [Алтабаева, 2021, с. 405].

Методы исследования

В ходе проведения исследования были использованы следующие общенаучные методы: метод изучения научной литературы, метод обобщения теоретического материала. Применялись такие собственно лингвистические методы, как метод семного анализа, метод лингвистических преобразований, метод субституции, метод

дистрибутивного анализа, метод лингвистического анализа, метод концептуального анализа. Выбранные методы обеспечили разносторонний, полисистемный подход к объяснению языкового материала.

Концепт в рекламном дискурсе

Рекламные слоганы обладают свойствами медиатекста. Отличительной чертой медиатекста является его нацеленность именно на массовую аудиторию. Г.Я. Солганик, опираясь на мысль Ю.М. Лотмана, считает, что существует фундаментальная разница между тем, адресован ли текст одному человеку или группе людей. Массовая коммуникация резко противопоставлена персональной коммуникации. Многочисленная аудитория предполагает целый комплекс языковых черт. Она исключает индивидуальные, уникальные средства выражения, непонятные массовой аудитории (узкоспециальные слова, архаизмы, варваризмы и т.п.). Текст, созданный для массовой аудитории, должен ориентироваться на усредненную языковую норму [Солганик, 2005, с.11].

Медиатекст включает в себя как вербальную часть, так и невербальные компоненты (графические, иллюстративные). Например, радио использует, в первую очередь, вербальные средства, т.е. непосредственно текст, но немаловажно учитывать дополнительные аудиосредства (тембр голоса, ритмика, музыкальное сопровождение и др.). Кроме того, телевидение еще в большой степени обладает невербальными возможностями, расширяя границы текста, где словесная часть взаимодействует с видео, картинкой и звуковым рядом.

Для рекламного медиатекста, в отличие от рекламного текста, значительную роль играют именно медийные компоненты, которые взаимодействуя с вербальными средствами образуют неразрывное целое, составляющее само понятие «медиатекст». Медиатекст характеризуется медиастилем. Н.И. Клушина определяет медиастиль таким образом: «Мы понимаем под медиастилем общую отличительную характеристику текстов, функционирующих в пространстве медиадискурса. Медиастиль объединяет, связывает все тексты медиадискурса в единую систему. То есть медиадискурс – это система медиатекстов. А медиастиль – особенность этой системы, отличающая ее от других подобных текстовых систем. Таким образом, медиастиль обеспечивает связность (когезию) медиадискурса и его когерентность, не позволяя системе распадаться на отдельные тексты» [Клушина, 2015, с. 56–57].

Исследователи рекламного дискурса обращают внимание на то, как именно связаны мотивы, концепты и языковая картина мира носителей языка, представленные в рекламном тексте. Об этом высказываются такие ученые, как Т.В. Колышкина, Е.В. Маркова и И.В. Шустина [Колышкина, Маркова, Шустина, 2016]. Е.С. Кубрякова считает, что «Концепт является единицей картины мира, квантом знания, комплексной единицей, которая в процессе мыслительной деятельности актуализирует разные признаки и слои» [Кубрякова, 1996, С. 90]. Последующие ученые-лингвисты, обращавшиеся к изучению концептов, опираются на мысль автора. В частности, Н.Н. Болдырев также представляет концепт как "квант", воплощающий опыт и человеческие знания: «Концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде конкретных единиц, "квантов" знания» [Болдырев, 2018, с. 52]. Ту же мысль развивает В.И. Карасик, утверждающий, что одной из важных единиц языкового сознания и языковой картины мира является *концепт* – квант (частица) переживаемого опыта, который моделируется в виде трёхуровневого образования, состоящий из понятийного, образного и ценностного подуровней [Карасик, 2002].

Несколько иначе, в виде сложной, разноуровневой структуры, рассматривает концепт М.В. Пименова: «… Некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2004, с. 10]. Ю.С. Степанов считает, что концепт раскладывается на три «слоя»: этимологический, пассивный слой, эволюционный семантический ряд [Степанов, 2004, с. 43]. Во всех трёх подходах к такой сложной единице, как концепт, мы видим такие части (элементы определений): «единицу», «часть», «часть языковой картины мира», «сложную структуру». Такие представления о концепте убеждают, что он является непростой, объемной, дискретной единицей. Дискретность концепта говорит о том, что его репрезентация может не быть монолитной, а в некоторых случаях раскладывается, разбивается на определенное количество составляющих элементов. Эти элементы могут быть в разных отношениях: сочинительных, подчинительных, предикативных, аппозитивных и др. Какая-то часть значения репрезентанта, в особенности в рекламном тексте, может быть нацеленной на передачу усилительной семантики. В этом случае градуальная функция выполняется самой единицей. В других случаях отдельный репрезентант и его семантика обнаруживает связь с концептом, а другая единица является градуатором, то есть передает усилительное значение.

В рекламном дискурсе концепты репрезентируются разноуровневыми языковыми единицами и невербальными средствами, которые могут относиться к различным частям рекламного сообщения: заголовку (названию рекламируемого товара или услуги), слогану, основному тексту рекламного сообщения, эхо-фразе.

Кроме этого, единицы-репрезентанты могут повторяться во всех элементах рекламного текста для *усиления* эффекта рекламного сообщения.

Стоит пояснить, на каких основаниях понятие концепта допустимо для анализа рекламных текстов. Во-первых, как и практически любой текст, рекламные сообщения имеют создателя, коммуникативную целеустановку и содержание, воплощенное в более или менее важных для человека понятиях, которые собираются и объединяются в когнитивные сгустки – концепты (суперконцепты, мегаконцепты) и концептосферы. Во-вторых, создание рекламного сообщения осуществляется с помощью специально направленной работы с мотивами, руководящими выбором потенциального покупателя, который привыкает мыслить абстрактными единицами, соотносящимися с концептами. Рассматривая процесс восприятия рекламного текста, Е.В. Алтабаева выделяет ряд наиболее важных этапов. В первую очередь, «создатели рекламного дискурса, благодаря профессионально организуемым и направляемым процессам концептуализации знаний и представлений, через понятийное содержание сообщения стремятся обеспечить требуемое восприятие потенциальным потребителем данного содержания, то есть мотивируют реципиента стать субъектом предполагаемой ситуации, продемонстрированной в медиасоообщении <...> Иными словами, у реципиента должна сформироваться потребность, подкрепленная мотивом» [Алтабаева, 2021, с. 406].

Принципиальным вопросом становится осознание природы концепта в рекламном сообщении. Когнитивный подход рассматривает концепт как связь опыта, языкового сознания и средств его воплощения. Рекламный концепт связывает мотив, языковое сознание и средства его воплощения (репрезентации). В этом смысле для рекламного концепта доминирующей функцией является не аккумулирующая, а воздействующая (мотивирующая) функция.

По нашим наблюдениям, отдельное внимание при анализе способов воздействия на сознание реципиента стоит уделять средствам привлечения внимания и усиления семантики высказываний. Данные средства имеют особую лингвистическую природу и, как правило, взаимодействуют со значением других элементов своеобразно. В терминологии С.М. Колесниковой эти единицы принято называть градуальными единицами. В лексическом фонде русского языка градуальная лексика занимает отдельное место, поскольку эти слова в большинстве своем не выполняют номинативной функции, а взаимодействуют со структурой лексического значения других слов, внося усилительное значение. Создатели рекламы вынуждены прорываться сквозь информационный шум и использовать градуаторы – средства усиления значения.

Слоган как часть рекламного сообщения

Главной стратегической задачей рекламного слогана является воздействие на адресата и, следовательно, его убеждение в необходимости выполнить именно то действие, которого хотел добиться публицист [Клушина, 2008].

Слоган – важная часть рекламного сообщения, «Семантически ёмкая фраза, отражающая основную идею маркетинговой стратегии и являющаяся неотъемлемой константой бренда» [Пономарева, 2006, с. 11]. Слоган может включать информацию о разных преимуществах и отличиях товара или услуги от подобных товаров и услуг. Безусловно, в некоторых рекламных стратегиях оказывается важным сравнение с другими продуктами, то есть наличествуют мерительные отношения (к примеру, *бренд X* ***больше*** *бренда Y; продукт A* ***качественнее*** *продукта B*). Это приводит к появлению средств, которые несут мерительную семантику, – единиц, выполняющих ***градуальную функцию***. Градуаторы (единицы, передающие семантику усиления) могут выделять разные части рекламного сообщения, взаимодействовать с репрезентантами когнитивных концептов и воздействовать на потенциального покупателя. Концепты могут быть представлены теми же средствами, что и слова с градуальной семантикой. Лексический уровень, как составляющая концепта, становится одной из важных частей анализа рекламного сообщения. На такое понимание указывает, в частности, Н.В. Крючкова: «…Для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентаций концепта в лексико-семантических системах языков, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта [Крючкова, 2005, с. 23].

Усиление воздействия на адресата – важная часть градуальной функции языковых единиц. На важность изучения средств усиления указывает Е.В. Алтабаева: «…В качестве одной из приоритетных задач медиастилистики можно назвать описание стилистических эффектов рекламного дискурса, способствующих усилению степени его воздействености» [Алтабаева, 2021, с. 406].

Поскольку современный потребитель рекламного сообщения окружён большим количеством рекламного контента, авторы рекламных стратегий вынуждены создавать более эффективный рекламный продукт, в том числе применяя усиливающие средства – градуаторы. Результатом функционирования градуатора является градотатив – слово или другая единица с усилительной семантикой, «языковая манифестация, соотносимая с нейтральной точкой (нормой) на шкале градаций, отражающая действия градуаторов и представляющая собой результат градуирования…» [Колесникова, 2018, 33]. В

настоящем исследовании мы будем придерживаться понятия *градуатор,* поскольку нас в первую очередь интересует действие языковой единицы с градуальной семантикой во взаимодействии с другими языковыми единицами.

Градуальная семантика взаимодействует с номинативными значениями единиц, составляющих структуру высказывания. Рассмотрим слоганы, в которых присутствуют градуаторы – «…Специальное языковое (вербальное) средство, повышающее или понижающее степень проявления признака (аффиксы, лексические средства и т.п.)» [Колесникова, 2018, с. 32]. Исследование градуальной семантики оказывается важным для рассмотрения всего рекламного текста: «Комплексное описание градуальности, семантики и средств её выражения необходимо для формирования развитой языковой личности и правильной интерпретации текста» [Колесникова, 2018, с.205]. В рекламных слоганах могут быть представлены разные типы средств выражения градуальной семантики: компаративы, градуальная лексика, фразеологизмы, градационный ряд, графическое выделение, лексический повтор, парцелляты.

Результаты исследования

Лексические средства выражения градуальной семантики

Исследователь категории градуальности С.М. Колесникова так определяет специфику градуальной лексики: «Градуальная лексика – это слова или сочетания слов (фразеологические обороты, пословицы), семантическая структура которых содержит градосему (сему меры и степени величины признака)» [Колесникова, 2016, с. 97]. Лингвист делит градуальную лексику на основную (имена прилагательные, предикативы, глаголы, имена существительные) и вспомогательную (наречия меры и степени, частицы, союзы, междометия) [Там же].

Имена прилагательные и наречия

Средствами, организующими поле градуальности, являются лексические единицы, в структуре значения которых есть семы со значением меры и степени. С.М. Колесникова утверждает: «Наречия меры и степени – и непроизводные (*очень*, *совсем*, *почти*, *чуть-чуть* и т.п.), и производные от имён прилагательных (*несравненно*, *бесконечно*, *чрезвычайно*) – отражают синтагматический аспект градуальности. Основным классификационным признаком наречий меры и степени признается сема степени величины некоторого признака и функция указания на степень его величины, которая реализуется в структуре предложения» [Колесникова, 2016, с. 116]. Такие единицы встречаются в рекламных слоганах. Они могут относиться к разным частям речи: именам прилагательным («*Terrano II.* ***Экстремальный*** *комфорт*» (реклама внедорожного автомобиля «Terrano II»); в структуре значения слова *экстремальный* содержится градосема ‘выходящий из рамок обычного, чрезвычайный (по сложности, трудности, опасности) ’ [Кузнецов, 2000, с. 1518]; «*The bosch way: ваше* ***отличное*** *настроение за рулём!*» (реклама системы впрыска топлива «Bosch»); в структуре значения слова *отличный* есть градосема ‘очень хороший, превосходный’ [Кузнецов, 2000, с. 751]; «***Лучшие*** *идеи для вашего комфорта*» (реклама сайта «Лучше мебель заказ»). Связь с концептом УДОБСТВО обеспечивают следующие репрезентанты (подчёркнуты соответствующие семы): *комфорт* («совокупность бытовых удобств, уют» [Кузнецов, 2000, с. 447]), *настроение* («душевное состояние» [Кузнецов, с. 603]). В рекламном слогане «***Прогрессивный*** *комфорт*» (реклама ЖК «Семеновский парк 2») функционирует слово *прогрессивный,* которое является атрибутом и в какой-то мере может передавать значение высокой степени проявления признака, точнее, стремящегося к развитию.

Связь с концептом УДОБСТВО осуществляется через слово *комфорт* («Chevrolet. ***Легендарный*** американский комфорт» (реклама автомобиля «Chevrolet»); Lenor Детский. Имя прилагательное *легендарный* проявляет градуальную семантику в контексте, хотя в структуре его значения есть градосема ‘имеющий много легенд’ [Кузнецов, 2000, 489]; *Быстрая доставка* ***легендарных*** *традиций* (реклама сети ресторана «Шашлычный двор»). Поскольку имя прилагательное ***легендарных*** является качественным, то оно может проявлять степенное значение, которое реализовано имплицитно, то есть градуальное значение проявлено не с помощью конкретного градуатора, а посредством актуализации градосемы в структуре лексического значения; ***Волшебная*** мягкость (реклама кондиционера для белья «Lenor Детский»). В данном контексте слово *волшебный* употребляется в следующем значении: «Сказочно прекрасный; очаровательный, пленительный» [Кузнецов, 2000, с. 147]; Наличие семы ‘сказочно’ подтверждает наличие градуальной функции – усиления воздействия рекламного сообщения на реципиента. Кроме имён прилагательных, содержать градуальное значение может качественное наречие: «*Вкусно готовим,* ***быстро*** *доставляем* (реклама фудкорта «Foxy Food»). Данное рекламное сообщение построено на основе синтаксического параллелизма: обе части представляют собой сочетание качественного наречия и спрягаемой личной глагольной формы. Личная глагольная форма маркирует большую вовлеченность сотрудников фирмы. Повтор морфологической формы создает дополнительное усиление – своеобразную градуальную рамку, внутри которой содержатся явные или скрытые градуальные элементы. В данном рекламном слогане концепт УДОБСТВО объективируется в лексеме *быстро*, которое обозначает скорость выполнения работы, что в сознании реципиента связывается с удобством.

Имена числительные

Рекламный слоган «*Comet gel. Очистит трудные пятна.* ***Одним движением***» (реклама чистящего средства «Comet gel») представляет собой три самостоятельных предложения, последнее из которых является парцеллятом. Одно из назначений парцелляции как синтаксического приема состоит в том, что отдельно стоящему члену, составляющему парцеллят, сообщается дополнительная значимость. Смысл, заключенный в парцелляте, состоит в том, что потребитель продукта не будет затрачивать большое количество усилий.

Местоименные слова

Местоимения также способны выполнять градуальную функцию. С.М. Колесникова отмечает: «Ситуативность местоименных слов даёт возможность актуализировать те понятийные смыслы, которые решаются коммуникативной установкой говорящего. Слово, например ***весь*** (***все***, ***всё***), обретает обобщающее значение в специфических условиях речевого акта при наличии различных функций, отражающих взаимодействие с другими смыслами…» [Колесникова, 2016, с. 145]. Стоит выделить местоименные слова, которые имеют значение разной степени обобщения или выделения: местоименные единицы, отсылающие к предметному значению («***Всё*** *для современной печати*» (реклама канцтоваров «Canon office»); «*Вы нажимаете кнопку, мы делаем* ***всё*** *остальное*» (реклама фотоаппарата «Kodak»); «*Перекрёсток.* ***Всё*** *для Вас, как для себя*» (реклама сети «Перекрёсток»)); отсылающие к признаковому значению («*Бритва с Самоочисткой, Чисто, Удобно...* ***Каждый*** *День*» (реклама бритвы с самоочисткой «BRAUN Syncro System»); «*Совершенство в* ***каждой*** *детали*» (реклама кухонного комбайна «ESSENCE»)); отсылающие к обстоятельственному значению («*Rexona.* ***Никогда*** *не подведёт*» (реклама дезодоранта «Rexona»); «***Всегда*** *с тобой*» (реклама журнала «Даша»); «*Свежее пиво* ***всегда*** *рядом*» (реклама пива «Три толстяка»); «*Заказ еды* ***всегда*** *под рукой*» (реклама кафе «ГумиЛев»)). Градуальное значение в этих слоганах содержится в обобщающей семантике местоименных форм (градосемы подчёркнуты): *весь* («Определяет что-л. как нераздельное, взятое в полном объёме; целый, полный» [Кузнецов, с. 122]; *каждый* («Один из ряда подобных, взятый подряд, без пропусков; всякий, любой» [Кузнецов, с. 408]); *никогда* («Ни в какое время, ни при каких обстоятельствах» [Кузнецов, с. 651]); *всегда* («Во всякое время, постоянно, обычно» [Кузнецов, с. 158]). Концепт УДОБСТВО репрезентируется посредством те же языковых единиц; важную роль играет как само слово, так и его связи: «…*Делаем* ***всё*** *остальное*» *(делаем – «Создавать, изготовлять, производить что-л.»* [Кузнецов, с. 247]*; удобно* («Комфортно, с удобством» [Кузнецов, с. 1375]; «…*Никогда не подведёт*» («Своими действиями поставить в затруднительное, неприятное положение, обмануть чьи-либо надежды, ожидания» [Кузнецов, с. 861]*; с тобой* (*с* – «Указывает на лицо, предмет и т.п., участвующие во взаимном и совместном действии» [Кузнецов, с. 1139]).

Частицы

В составе рекламных слоганов могут быть акцентирующие частицы. Акцентирующими частицами, вслед за Е.А. Стародумовой, называют выделительно-ограничительные и усилительно-подчеркивающие частицы. Такие слова служат средством усиления и выполняют градуальную функцию. С.М. Колесникова говорит о градуальных свойствах частиц так: «Одним из периферийных средств выражения градуальности являются частицы, которые способствуют оформлению самых разнообразных субъективно-модальных характеристик и оценок сообщения: С тех пор как его сын поступил в школу, он с воспитателем ещё не говорил. Вступая в градационные отношения в структуре микрополя, частицы выполняют функцию градуаторов» [Колесникова, 2016, С. 130–131]. Рассмотрим рекламный слоган «***Только*** *двигаться*» (реклама подгузников «Libero»). Рекламный текст *«Только двигаться»* представляет собой лаконичное сообщение, которое акцентирует внимание на свободе движений и комфорте ребенка. В толковом словаре С.А. Кузнецова лексема *только* имеет значение *«Не более как, всего лишь»* [Кузнецов, 2000, с. 1329], которая передает семантику единственного и достаточного условия для активной жизни ребенка, что связано с пониманием удобства. Использование императивного инфинитива *двигаться* передает призыв к действию и подчеркивает его, чему способствует эмоциональная окрашенность предложения. Так, в этом рекламном сообщении концепт УДОБСТВО соотносится с ключевыми потребностями ребенка (свобода движений, комфорт, безопасность) и создает позитивный образ подгузников «Libero» как продукта, удовлетворяющего эти потребности. Простой, лаконичный, с эмоциональной окраской, слоган, создает у реципиента устойчивую ассоциацию: *Libero – Удобство – Свобода движения – Счастливый ребёнок – Спокойный родитель*.

Частицы, входящие в союзное средство. Рекламный слоган может содержать частицы, которые являются частью союзных элементов. К примеру, в слогане «*Где бы ты* ***ни*** *был*» (реклама сухариков «Три корочки») функционирует частица *ни*, которая усиливает семантику уступки: «В таких построениях *акцентируется* неопровержимость утверждаемого в главной части, – несмотря на высокую степень убедительности контраргумента или вопреки силе препятствующих обстоятельств» [РГ, 2005., с. 593] (выделение наше. – О.С., А.Н.). В сознании адресата устанавливается связь между рекламируемым товаром и постоянным нахождением в поле доступности. Концепт УДОБСТВО репрезентируется посредством зна-

чения всей конструкции, однако центральными семантическими элементами, которые обеспечивают связь с концептом, являются слова, *где* и *был*. Это означает, что создается устойчивый образ и подчеркивается связь между рекламируемым продуктом и любым местом, где может находиться адресат. Особенность этой конструкции заключается еще и в том, что она представляет собой придаточную часть при отсутствии главной. Это способствует тому, что усиливается экспрессивность, так как конструкция подвержена эллипсису. Предикат выражен формой сослагательного наклонения глагола *быть*: создается и подчеркивается гипотетическая ситуация, которая не связана с конкретным местоположением**.**

Фразеологизм с градуальной семантикой

В качестве средства, передающего градуальную семантику, в рекламном слогане может выступать устойчивое сочетание: «*Rowenta. Покоряет* ***с первого взгляда***» (реклама фена «Rowenta»). В этом слогане употреблен фразеологизм *с первого взгляда*, который имеет значение «сразу же» [Федоров, 1995, с. 75]. Присутствие в структуре значения подчеркивающей семы «же» говорит об акцентировании, усилении, то есть элемент обладает градуальным значением. Связь с концептом УДОБСТВО обеспечивается через посредство лексемы *сразу* («В один прием; одним разом» [Кузнецов, 2000, с. 1254], присутствие семы «один» говорит о недолгом, немучительном действии).

Предикативный признак, который подвергается градуированию, выражается, в том числе, фразеологическим оборотом: «Ваш комфорт на высоте» (реклама авиакомпании «Аэрофлот»). Текст рекламного слогана выстроен так, что авиакомпания «Аэрофлот», специализирующаяся на авиаперелетах, и градуальный предикат (*быть*) ***на высоте*** имеют лексическую и тематическую связи: высота ассоциируется с самолетами и авиакомпаниями. Градуальный предикат подчеркивает и усиливает данную связь.

Морфологические средства выражения градуальной семантики

Компаратив

Ядром функционально-семантического поля градуальности признают категорию степеней сравнения (компаратив, суперлатив): «Грамматическая категория степеней сравнения выступает в качестве ядра поля градуальности с полицентрической структурой» [Колесникова, 2016, с. 90]. В рекламных слоганах, репрезентирующих семантику удобства, употребляются компаративы (формы сравнительной степени) различных частей речи: имен прилагательных («*Мы стали* ***ближе***» (реклама автосалона «ГАЗ Ростов»); «*Комфорт* ***доступнее****, чем кажется*» (реклама отопительного прибора «VIESSMANN»)); наречий («Electrolux. *Сделает жизнь* ***легче***» (реклама газовой плиты Electrolux); *Кухни* ***дешевле*** *некуда* (реклама дизайн-студия мебели Будуар); слов состояния («*Джинс 007. Так* ***проще***» (реклама Телефонного тарифа «Джинс 007»); «***быстрее дешевле лучше***» (реклама мужской парикмахерской «Черная кость»). Семантика концепта УДОБСТВО здесь передаётся за счёт употребления компаративов (форм сравнительной степени), значение которых оформляет признак, проявляющийся в большей степени (подчёркнуты те семы, с помощью которых можно доказать отнесённость языковых единиц к концепту УДОБСТВО): *ближе* (*близкий*) («находящийся неподалёку» [Кузнецов, 2000, с. 84]), *доступнее* (*доступный*) («такой, который подходит для многих, для всех» [Кузнецов, 2000, с. 280]), *легче* (*легко*) («беззаботно, беспечно» [Кузнецов, 2000, с. 490]), *проще* (*просто*) («не требует усилий, не представляет затруднений» [Кузнецов, 2000, с. 1028]). Лингвисты отмечают, что понятие простоты напрямую связано с удобством. В свою очередь, удобство является причиной ощущения безопасности: «Лексема *простота* употребляется в рекламной коммуникации в значении ‘несложный, нетрудный, легко доступный для понимания, выполнения, разрешения и т. п.’. Такие требования предъявляют потребители к технически сложным товарам, поскольку их эксплуатация может вызывать беспокойство, страх, раздражение и отказ от использования» [Колышкина, Шустина, 2016, с. 95]. Заметим, что ни в одном из этих слоганов прямо не названы два объекта сравнения, один из которых обладает большей степенью проявления некоего признака (например, ***X больше Y***): «*Мы стали ближе*» (реклама автосалона «ГАЗ Ростов»). Оба объекта названы местоименным словом, основание для сравнения опущено; развернем фразу: *Мы стали ближе,* (*чем мы были* ***раньше***); «*Комфорт* ***доступнее****, чем кажется*» (реклама отопительный прибора «VIESSMANN»). Оба объекта названы, одним словом); «*Electrolux*.*Сделает жизнь* ***легче***» (реклама бытовой техники «Electrolux»**.** Два признака названы в компаративе; «*Джинс 007. Так* ***проще***» (реклама телефонного тарифа «Джинс 007») Два бессубъектных состояния названы, одним словом. Этот приём – эллипсиса – в целом характерен для рекламных слоганов, авторы которых стремятся к сжатости фразы; нам это интересно и тем, что за счёт эллипсиса усиливается экспрессивность фразы, ее восприятие становится более воздействующим. В рекламном слогане «*Кухни* ***дешевле некуда***» может быть выявлена семантика крайности (модель *компаратив + некуда*), соотносящаяся с категорией градуальности и, соответственно, градуальной шкалой. На данной шкале семантика крайности занимает полярные точки и является средством проявления высшей (крайней) степени проявления признака относительно нормы.

В структуре слоганов функционируют номинативные лексические единицы, которые проявляют градуальное

значение в контексте. Таковы, например, падежные и предложно-падежные формы имён существительных: «*Избавиться от* ***груза*** *забот*» (реклама стиральной машины «Indesit»). В структуре значения слово *груз* имеется градосема 'тяжесть; тяжёлый предмет' [Кузнецов, 2000, с. 231]. Слово *тяжелый* имеет градосему 'имеющий большой вес' [Кузнецов, 2000, с. 1359]. Связь с концептом поддерживается присутствием слова *избавиться*. По смыслу избавление от забот связано с удобством. Слово *груз* является градуатором, поскольку реализует метафорически переосмысленное, усиливающееся значение; «*Ваш пропуск в* ***мир*** *комфорта*» (реклама автомобиля «Тойота Камри»). В данном рекламном слогане мир мыслится как большое количество, большое пространство; это подчеркивает усиление, которое вложено автором сообщения.

Графическое выделение как средство выражения градуальной семантики

В рекламном слогане «*ПАРК У ПОРОГА*» (реклама жилого комплекса «Измайловский») средством выражения градуальной семантики являются графическое выделение заглавными буквами и предложно-падежная форма у порога. Градуальная семантика в предложении передается через посредство значения предлога *у* – «Возле, совсем близко» [Кузнецов, 2000, с. 1361]. Градосемой здесь выступает *совсем*, которая усиливает значение. В предложении отсутствует глагольная форма (конструкцию можно признать бисубстантивной); связь с действительностью здесь осуществляется нулевой связкой, которая придает высказыванию дополнительное воздействие. Концепт УДОБСТВО здесь репрезентируется предикатом, выраженным предложно-падежной формой *у порога*: парк находится совсем рядом.

Синтаксические средства выражения градуальной семантики

Перейдем к анализу других средств выражения градуальной семантики, которые встречаются в рекламных слоганах. Лексический повтор каких-либо слов или других языковых единиц говорит о некоем внутреннем подчеркивании, акцентуации, выделении, усилении признака, что соотносится с одним из проявлений градуальной функции – воздействием на потребителя. На определенные средства воздействия рекламного сообщения обращает внимание Е.В. Алтабаева: «Активное использование стилистически маркированных единиц и образных средств языка поддерживает заданное коммуникативное намерение и обеспечивает требуемый эффект воздействия на массовую аудиторию и общественное мнение» [Алтабаева, 2019, с.131].

Повторение, без всяких сомнений, привлекает потребителя и воздействует на него. В целом, для рекламного дискурса является характерным повтор частей рекламного сообщения или всего рекламного текста. Аластер Кромптон отмечает: «...Обилие в рекламе простых предложений, чаще номинативного характера, парцелляция, перечисление, *повтор*, анафорические конструкции создают и поддерживают особый ритм – staccato (отрывисто, отчётливо – прим. наше – О.С., А.Н.), характерный для жанра рекламы. Благодаря такому построению текста отчетливо ощущается несколько отрывистая ритмичность, как бы «вдалбливающая» в головы клиентов сообщение, заложенное в тексте» (выделение наше. – О.С., А.Н.) [Кромптон, 1995, с. 89].

Таким образом, в сознании реципиента создается ассоциативная связь между товаром или услугой и повторяющейся единицей рекламной фразы, наряду с ее фонетическими, лексическими, грамматическими (нарушение), стилевыми и стилистическими особенностями (неодобрительное).

Градуальный предикат

В рекламных слоганах могут быть употреблены сравнительные обороты. Так, например, в рекламном слогане «*ZEWA Плюс. Мягкая,* ***как пёрышко!***» (реклама туалетной бумаги «Zewa Plus») можно обнаружить два градуатора: сравнительную конструкцию «*как пёрышко*» и слово с суффиксом субъективной оценки *пёр****ышк****о*. Идея сравнения реализуется через признак, который подвергается градуированию, то есть становится более ярким, запоминающимся и убедительным. Признак мягкости бумаги, ассоциирующийся с удобством («который легко поддается, уступает при надавливании, прикосновении и вызывает ощущение чего-либо приятного, нежного» [Кузнецов, 2000, с.567], сравнивается с мягкостью перышка, поэтому есть основание для признания этих признаков соотносящимися. Градуальная семантика передается в том числе с помощью суффикса субъективной оценки *-ышк-*, который несет уменьшительно-ласкательное значение (ср. *гнезд****ышк****о, горл****ышк****о*). Кроме того, отсутствие глагола *(ZEWA Плюс [является] мягкой, как пёрышко!)* создает лаконичность и динамичность, делая слоган запоминаемым и легко воспринимаемым.

Градационный ряд. Слоган «***Одна*** *семья —* ***два*** *телефона —* ***четыре*** *преимущества*» (реклама московской сотовой связи) представляет собой лаконичное, но структурированное рекламное сообщение, где ключевую роль играет градационный ряд, призванный подчеркнуть увеличение выгод, связанных с использованием продукта. Слоган состоит из трех частей, каждая из которых представляет собой словосочетание с количественно-именной семантикой: «Одна семья» – «два телефона» – «четыре преимущества». Наличие возрастающей последовательности чисел (один-два — четыре) создает эффект увеличения выгод, подразумевая, что

приобретение продукта ведет к росту преимуществ. Отсутствие глаголов делает рекламный слоган кратким, динамичным, что также способствует ощущению удобства и быстроты получения преимуществ. Словосочетание *Одна семья* указывает на целевую аудиторию, а также подразумевает, что продукт предназначен для использования всеми членами семьи, что, безусловно, связано с удобством. Ключевым элементом, реализующим концепт УДОБСТВО в данном рекламном слогане, является семантика словосочетания *Четыре преимущества*. В толковом словаре С.А. Кузнецова зафиксировано следующее значение слова преимущество: «Исключительное право на что-л., привилегия» [Кузнецов, 2000, с. 963]. Конкретные привилегии в рекламном слогане не называются, но указывается их количество, создавая у адресата потребность в уточнении и желание узнать, какие именно выгоды он получит. Кроме того, наблюдается параллелизм структуры, что создает эффект ритмичности и упорядоченности. Употребляя в рекламном слогане количественные имена числительные, создатели рекламы апеллируют к рациональности реципиента, убеждая его в том, что приобретение продукта является выгодным и обоснованным решением.

Лексический повтор

Остановимся на анализе рекламных слоганов, содержащих лексический повтор. В рекламном слогане «***Мягкая*** *мебель,* ***мягкий*** *подход*» (реклама мебельной фирмы «ЛЮКС-ХОЛЛ») наблюдается лексический повтор лексемы *мягкий* (в формах мужского и женского родов единственного числа именительного падежа). Обратим внимание, что лексема мягкий проявляет в данном рекламном несколько значений. В сочетании со словом *мебель* эксплицируется следующий лексико-семантические вариант: «Легко поддающийся давлению, сжатию, малоупругий, эластичный» [Ожегов, 1990, с. 370], по отношению к слову подход проявляется другой лексико-семантический вариант: «Кроткий, лишенный грубости, резкости» [Там же]. Так, слово употребляется как в прямом, так и в переносном значениях в пределах одного рекламного слогана. Безусловно, мы признаем, что разные значения полисеманта суть разные слова. Тем самым актуализируются похожие свойства: метафорически переосмысленная мягкость мебели. Посредством лексического повтора в сознании реципиента объединяются физический признак (малоупругий) и способ взаимодействия с клиентом (негрубый), что, возможно, является отличительной чертой данной фирмы.

То, что можно обнаружить дословный повтор каких-либо слов, говорит о некоем внутреннем подчеркивании, акцентуации какого-либо признака, что соотносится с природой градуальной функции. Повторение, без всяких сомнений, обращает на себя внимание потребителя и воздействует на него. В целом, для рекламного дискурса является характерным повтор частей рекламного сообщения или всего рекламного текста. Таким образом в сознании реципиента создается связь между товаром или услугой и повторяющейся единицей рекламной фразы.

Лексический повтор, слово с градуальной семантикой и внутренняя градация рекламной фразы

В рекламном слогане «***выбирай*** *удобно* ***выбирай*** *с умом* ***выбирай*** *лучшее*» (sic) (реклама аудио-, видеоэлектроники для автомобиля «auto.hi-fi.ru») наблюдается лексический повтор лексемы *выбирать*, употребленной в императивной форме. Обратим внимание на словесное окружение повторяющихся лексем: императив распространен словами, проявляющими обстоятельственное и объектное значения (*удобно*, *с умом* – слова с обстоятельственной семантикой; *лучшее* – слово с объектной – опредмеченной – семантикой). Создатели этого рекламного слогана используют различную валентность (сочетательную возможность) глагольной лексемы: между глагольным словом и зависимым от него компонентом могут складываться как обстоятельственные, так и объектные отношения. Рекламный слоган содержит внутреннюю градацию – постепенное, пошаговое усиление признака: последний компонент оказывается семантически более емким, чем остальные члены градационного ряда (выбор с ориентацией на удобство предполагает, что внимание покупателя сконцентрировано на внешних признаках продукта; выбор с умом содержит информацию, что покупатель включает и интеллектуальные усилия; выбор лучшего включает все эти характеристики). Таким образом, в названном слогане обнаруживается три градуатора: лексический повтор, слово с градуальной семантикой (*лучшее*) и внутренняя градация.

Заключение

Итак, приведенный анализ убеждает, что в структуре рекламных слоганов присутствуют градуаторы – *средства усиления значения*. Они могут быть выражены разными способами: компаративными формами, лексическими единицами, фразеологизмами, сравнительной конструкцией, средствами графики, определенными синтаксическими единицами. Эти средства могут комбинироваться, таким образом в одном слогане может быть несколько градуаторов.

Безусловно, употребление нескольких градуаторов в рамках одной синтаксической конструкции служит большему усилению и большей степени воздействия. Перспектива нашего исследования состоит в том, что могут быть проанализированы и соотнесены градуаторы не только в рекламных слоганах, но и в целом рекламном тексте.

Интересно наблюдать, как именно градуаторы, представленные в различных композиционных частях рекламного текста, соотносятся друг с другом. Практическая значимость нашей работы может заключаться в том, что даны и проанализированы различные способы воздействия на сознание адресата рекламного сообщения, вызванные проявлением градуальной семантики.

Перспектива настоящего исследования состоит в выявлении и анализе других типов градуаторов, функционирующих в рекламных текстах и репрезентирующих различные концепты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е.В. Медиадискурс и возможные миры // Слово в контексте времени. Мат-лы Межд. науч.-практ.конф, 14-15 марта 2019 г.. Минск, БГУ, 2019. С. 131.
2. Алтабаева Е.В. Рекламный дискурс в контексте медиастилистики // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. Часть 2. С. 401–407.
3. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 480 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Клушина Н.И. Лингвистика убеждения: интенциональные категории публицистического текста / Н.И. Клушина // Электронный научный журнал «Медиаскоп», 2008 - № 1.
6. Клушина Н.И. Медиастилистика: как устроен современный медиастиль // «Русская речь». – 2015. - № 3. С. 55–60.
7. Колесникова С.М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность: Учебное пособие / С.М. Колесникова. – М.: МПГУ. – 2016. – 288 с.
8. Колесникова С.М. Градуальность в системе русского языка: монография. М.: ФЛИНТА, 2018. – 232 с.
9. Колышкина Т.Б., Маркова Е.В. Шустина И.В. Ключевые концепты рекламной коммуникации: монография. Ярославль, 2016. – 212 с.
10. Колышкина Т.Б., Шустина И.В. Семантическое наполнение концепта безопасность в рекламной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 1. С. 91–99.
11. Кромптон А. Мастерская рекламного текста. – Тольятти: Издательский дом Довгань, 1995. – 256 с.
12. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н.В. Крючкова; под науч. ред. д.филол.н., проф. В.Е. Гольдина. - Саратов: Научная книга, 2005. – 164 с.
13. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 248 с.
14. Ларина Т.В., Озюменко В.И. Мы-культура vs я-культура в сознании и языке. Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2017. - №3. - С. 75–82.
15. Морозова И.Г. Слагая слоганы. М.: Рип Холдинг, 2004. – 174 с.
16. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: "Норинт", М.: "РИПОЛ классик", 2000. – 1536 с.
17. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово, 2004.
18. Пономарева А.М. Слоган в системе маркетинговых исследований: словарь, исследование, технологии. Ростов-на-Дону: ООО "Мини Тайп", 2006. – 720 с.
19. Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - М.: Наука, 2005. - 27 см. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др.]. – М.: Наука, 2005. – 783 с.
20. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Журналистика. – М. 2005, №2 (10). 2005. – С. 7 –15.
21. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проспект, 2004. С. 42–67.
22. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-х т. / Сост. А.И. Фёдоров. – Новосибирск: ВО "Наука". Сибирская издательская фирма, 1995. – Т. 1: А – М. – 391 с.
23. Шестак Л.А. Life style: речевые стратегии коммерческой рекламы // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 296 с.

© Смирнов Олег Николаевич (on.smirnov@mpsu.su), Новоселова Александра Игоревна (ai.novoselova@mpsu.su).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.41

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ ЭМОТИВНОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ

INTERACTION OF THE CATEGORIES OF EMOTIVENESS AND INTENSITY

N. Siutkina
S. Shustova
E. Zubareva

Summary: This article examines aspects of the interaction between the functional-semantic categories of emotiveness, causativity, and intensity, using emotive causatives as an example. The category of intensity can be actualized by multi-level means of the linguistic system; the core of this functional-semantic category consists of lexical, word-formative, and morphological means. The category of intensity can be actualized both explicitly and implicitly. The latter include words that have the semantic potential of intensity seme and intensifiers. The mechanisms of intensification include interaction with the category of emotiveness, resulting in the merging of the meanings of emotiveness and intensity.

Keywords: emotive causatives, emotiveness, causativity, intensity, intensificant, functional potential, semantic syncretism.

Сюткина Надежда Павловна
кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет
nad975@yandex.ru
Шустова Светлана Викторовна
доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
lanaschust@mail.ru
Зубарева Екатерина Олеговна
кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет
fialka21-85@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются аспекты взаимодействия функционально-семантических категорий эмотивности, каузативности и интенсивности на примере эмотивных каузативов. Категория интенсивности может быть актуализирована разноуровневыми средствами языковой системы, ядро этой функционально-семантической категории составляют лексические, словообразовательные и морфологические средства. Категория интенсивности может быть актуализирована как эксплицитным способом, так и имплицитным. К последним относятся слова, имеющие в своем семантическом потенциале сему интенсивности, интенсификаты. Механизмы интенсификации включают в себя взаимодействие с категорией эмотивности, происходит совмещение значений эмотивности и интенсивности.

Ключевые слова: эмотивные каузативы, эмотивность, каузативность, интенсивность, интенсификат, функциональный потенциал, семантический синкретизм.

Категория интенсивности является семантической категорией, в основе которой лежат понятия качества и количества, в широком понимании интенсивность подразумевает изменение количественного признака. Ш. Балли считал, что «под термином интенсивность следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины ценности, силы и тому подобным, вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях». Ученый также подчеркивает естественность восприятия разумом человека количественных признаков. Они улавливаются и обрабатываются человеческим мозгом прежде всех остальных дифференциальных признаков, поскольку человеку привычно мыслить количественными операторами. Ш. Балли выделяет понятие эмоциональной интенсивности, подразумевая под ней интенсивность эмоциональной окраски слова, преобладание эмоциональной доминанты над логической [4, с. 202, 204]. В прагматическом аспекте это проявляется в том, что слово с компонентом интенсивности в большей степени воздействует на эмоции, чем слово, имеющее только денотативное значение.

Категория интенсивности находится в тесных взаимоотношениях с такими категориями как качественность, количественность, мера признака и градуальность. «Смысловым содержанием языковой категории интенсивности является высокая степень проявления признака» [14, с. 15]. Градуальность является универсальной категорией мышления, она отражает «способность человеческого мышления расчленять происходящие с объектами качественные изменения на определенные отрезки, количественно характеризовать их и соотносить между собой» [3, с. 43]. Именно градуируемость является семантической основой категории интенсивности, поскольку «значение степени выражается только при словах с качественной, количественной и оценочной семантикой, которые обозначают градуируемые признаки,

и, вообще, при словах, значение которых моделируется шкалой» [6, с. 258]. Градуируемость выделяется не только с точки зрения качественности, но и в аспекте движения по шкале «больше / меньше». Таким образом, семантическим содержанием языковой категории интенсивности является высокая степень проявления признака.

Категория интенсивности рассматривается как функционально-семантическая, поскольку может выражаться языковыми средствами разных уровней [1; 2; 10; 12; 16]. Лексические, морфологические и словообразовательные средства образуют трехкомпонентное ядро функционально-семантического поля интенсивности [11, с. 159]. Семантическим содержанием категории интенсивности является мера проявления признака, ее можно понимать как степень его проявления. Интенсивность может рассматриваться как количественная характеристика эмоционального переживания, которое выражается в том или ином высказывании.

К эксплицитным способам актуализации интенсивности относятся интенсификаторы (*очень, ужасно, sehr, unglaublich*), к имплицитным – интенсификаты – слова, у которых «сема интенсивности имплицитно содержится в их значении» [10, с. 307], это, например *ливень, триумф, ликовать, der Sturm, der Zorn, frohlocken*. В таком случае речь идет о семантическом синкретизме (о синкретизме см. [5; 15]). По мнению С.Е. Родионовой механизм интенсивности в пределах значения одной лексемы очень сложен и в большинстве случаев происходит совмещение значения эмотивности и интенсивности [10, с. 307], что приводит к тому, что часто такие глаголы (с совмещенной семантикой), являются стилистически маркированными как экспрессивные, просторечные, разговорные, жаргонные. В таком случае языковые единицы могут приобретать в том числе лингвоконфликтогенный характер (о лингвоконфликтогенности и речевой агрессии [7; 8; 9; 13].

В фокусе нашего внимания эмотивные каузативы немецкого языка, имплицитно содержащие сему интенсивности в своем семантическом потенциале. К ним относятся глаголы синонимического ряда со значением *мучить, издеваться*. Это жаргонизм ***mobben*** 1. *einen Arbeitskollegen ständig schikanieren, quälen, verletzen*; 2. (allgemeiner) *eine Person wiederholt, regelmäßig, ständig in der Öffentlichkeit oder in einer Gruppe seelisch verletzen quälen, schikanieren* [17]. Сема интенсивности представлена компонентами толкования *wiederholt, regelmäßig, ständig*.

Глагол ***piesacken,*** маркированный как разговорный, имеет значения: 1. *mit kleinen Grausamkeiten quälen, reizen oder provozieren, auf verletzende Weise über jmdn. spotten o. Ä.;* 2. *schikanieren, sekkieren;* 3. *jmdm. lästig werden, auf die Nerven gehen, ihn aufdringlich mit etw. belästigen*. Сема интенсивности представлена значением *klein,* что позволяет отнести данный глагол к интенсификатам, актуализирующим значение интенсивности «ниже нормы». Еще одна лексема этого синонимического ряда демонстрирует наличие семы интенсивности, выраженной компонентом *fortwährend* в дефиниции, а именно ***schurigeln*** – *jmdn. fortwährend ohne Grund verbessern und ihn dadurch schikanieren* [17]. Стилистически глагол отмечен как разговорный, употребляется пренебрежительно.

Глагол ***plagen*** имеет несколько значений, отличающихся стилистически и семантически, но сема интенсивности (*stark, ständig, schwer*) представлена во всех значениях: 1. *jmdn. (mit etw.) quälen, stark belästigen* a) *etw., jmd. verursacht jmdm. Beschwerden, etw. bereitet jmdm. (psychischen) Schmerz* b) (umgangssprachlich) *jmd. fällt jmdm. durch ständiges Bitten, Fragen lästig, jmd. lässt jmdm. keine Ruhe* 2. *schwer arbeiten, sich sehr mühen, anstrengen* [17]. В качестве эмотивного каузатива данный глагол функционирует в разговорной речи, о чем свидетельствуют соответствующие пометы.

Дефиниция глагола ***sekkieren,*** также относящегося к этому синонимическому ряду, включает как компонент *klein*, актуализирующий значение «меньше нормы», так и компоненты, актуализирующие значение усиления: *a) mit* ***kleinen*** *Grausamkeiten quälen,* ***reizen*** *oder provozieren, auf verletzende Weise verspotten o. Ä.; b) Synonym zu schikanieren c) jmdm. lästig werden, auf die Nerven gehen, ihn* ***aufdringlich*** *mit etw. belästigen* [17].

Ряд следующих глаголов объединяет значение настойчивого, целенаправленного воздействия. Это глагол ***stalken*** стилистически окрашенный как экспрессивный в силу своей принадлежности к молодежному сленгу. Он включает в свой семантический потенциал семы интенсивности, связанные с длительным временным интервалом и с упорством, настойчивостью исполняемого действия, а именно преследования: *einer Person hartnäckig und über einen langen Zeitraum nachstellen, oft mit der Folge, dass diese sich belästigt oder bedroht fühlt (und psychisch erkrankt)* [17].

Глагол ***sticheln*** демонстрирует наличие семы интенсивности, актуализирующей значения диапазона «ниже нормы», реализуемое компонентом *klein*: *1. eifrig, emsig (mit kleinen Stichen) nähen oder sticken; 2.* (abwertend) *mit kleinen boshaften Bemerkungen, Anspielungen gegen jmdn., etw. hetzen*. В дефиниции разговорно-фамильярного глагола ***löchern*** интенсивность связана с итеративным значением постоянности: *jmdn.* ***dauernd*** *bitten,* ***unaufhörlich*** *fragen*, как и в случае с глаголом ***beknien,*** относящимся к разговорной сфере употребления***:*** *drängend, inständig, wiederholt bitten* [17].

Итеративным компонентом значения повторяемости, усиливающим значение упорства в совершении

действия, актуализируется семантика интенсивности, свойственная глаголу ***aufstacheln****: jmdn., etw. wiederholt heftig zu etw. aufreizen, anstacheln*. Еще один стилистически окрашенный как фамильярно-разговорный глагол демонстрирует интенсивную семантику, реализованную прототипическим образом, то есть семой *sehr*: ***nerven*** *– jmdm. auf die Nerven gehen, lästig werden, jmdn. ärgern; sich an etw. oder jmdm. so sehr stören, dass man sich nervlich beeinträchtigt fühlt*. Дериват этого глагола **abnerven** также содержит сему интенсивности: *kräftig ärgern, total nerven*. Глагол ***powern****,* относится к жаргонизмам, в его дефиниция отражается значение величины: *a) große Stärke, Leistung entfalten, sich voll einsetzen; Wucht haben b) mit großem Einsatz, Aufwand unterstützen, fördern* [17].

К интенсификатам относится синонимический ряд глаголов, связанных метафорическим переносом сферы огня на сферу эмоций, обозначающего сильный накал эмоций, чем и обусловлено наличие интенсивного компонента, что подтверждают дефиниции: ***schüren*** *– etw. entfachen, anstacheln, steigern, vergrößern, etw. wecken, erwecken, erregen;* ***anheizen*** *– 1. (in einem Ofen o. Ä.) ein Feuer entfachen, zu heizen beginnen 2. a) steigern, größer, heftiger, stärker werden lassen; schüren b) jmdn. in eine angeregte, ausgelassene, ekstatische o. ä. Stimmung versetzen;* ***entfachen*** *– 1. ein Feuer, einen Brand o. Ä. entzünden; etw. anzünden, zum Lodern, Brennen bringen 2. a) eine emotionale, starke Reaktion auslösen, hervorrufen b) tiefgreifende Veränderungen oder einschneidende Ereignisse verursachen;* ***anstacheln*** *– etw., jmdn. wiederholt heftig zu etw. anspornen, anfeuern* [17].

Еще один синонимический ряд связан непосредственно с эмоциональным воздействием, и актуализирует значения охвата лица какой-либо эмоцией. К этому ряду относится глагол ***überraschen,*** который имеет следующие значения*: 1. etw. setzt jmdn. durch etw. Unerwartetes in Erstaunen; jmdm. mit etw. eine unerwartete Freude bereiten 2. jmdn. bei heimlichem Tun, etw. Verbotenem ertappen 3. etw. trifft jmdn. völlig unvorbereitet*. Сема интенсивности представлена компонентом *völlig* и отражает полноту признака. Следующий глагол полисемичен, значение эмотивного каузатива развивается на основе метафорического переноса, семантика интенсивности прослеживается в переносном значении: ***packen*** *– etwas erweckt ganz stark jemandes Interesse, Aufmerksamkeit*. Семантика интенсивности отражает аспект силы совершаемого действия и прилагаемых при этом усилий. Глагол ***fesseln*** также метафоричен, переносное значение обозначает большую силу совершаемого действия: *etw. erweckt ganz stark jmds. Interesse, Aufmerksamkeit, etwas packt jemanden*. В результате причастие этого глагола функционирует в качестве интенсивного компонента значения: *fesselnd – interessant, packend* и определяет значимую степень воздействия в дефиниции эмотивного каузатива ***faszinieren*** *– eine fesselnde Wirkung auf jmdn. ausüben* [17], что позволяет рассматривать данный глагол как интенсификат.

Два следующих глагола относятся к интенсификатам, поскольку их дефиниции описательно, с помощью придаточных предложений образа действия, указывают на степень воздействия, актуализируемую этими глаголами: ***erblüffen*** *– jmdn. überraschen, in Erstaunen, Verwirrung versetzen, sodass er sprachlos ist, nicht weiß, was er sagen, tun soll* и ***überrümpeln*** *– jmdn.* ***so*** *unerwartet überfallen, dass er keine Zeit zur Besinnung findet und sich nicht wehren oder ausweichen kann, jmdn. überwältigen* [17]. Глаголы этого синонимического ряды актуализируют ситуацию, когда лицо охвачено какой-либо эмоцией высокой степени интенсивности.

Эмотивные каузативы были проанализированы на предмет наличия в их семантическом потенциале семы интенсивности. Дефиниционный анализ позволил определить, что интенсивность в семантическом потенциале глаголов представлена компонентами, отражающими разные аспекты ситуации. Дефиниционный анализ компонентов-интенсификаторов позволяет выделить следующие классы:

мера, степень*: in hohem Maße sehr* *(in hohem Maße, besonders, überaus),* ***so sehr*** *(so – bezeichnet einen durch Kontext oder Situation näher bestimmten (hohen) Grad, ein durch Kontext oder Situation näher bestimmtes (hohes) Maß oder einen (sehr) hohen Grad, ein (sehr) hohes Maß)* [17];

итеративность: *wiederholt (mehrmalig), regelmäßig (zu bestimmten Zeiten, in bestimmter Weise immer wiederkehrend immer), ständig (fortwährend, ununterbrochen, andauernd, häufig), fortwährend (fortgesetzt, dauernd), dauernd (fortwährend, ständig), unaufhörlich drängend (ohne Unterbrechung fortdauernd a) pausenlos fortdauernd, nicht enden wollend, unablässig b) rastlos; drängen - jmdn., sich (in einer Menge) schieben, drücken),* ***wiederholt heftig*** [17];

время: ***über einen langen Zeitraum***, ***nachhaltig*** (*lange nachwirkend, andauernd, stark*), ***schnell*** (*in vergleichsweise kurzer Zeit*) [17];

сила: ***stark, ganz stark*** (*viel Kraft besitzend, in hohem Grade, große Intensität, ein großes Maß, quantitativ, viel, umfangreich*), ***scharf*** (*einen starken Reiz auf die Sinnesorgane ausübend, aufreizend, stark erregend, mit aller Energie, mit großem Einsatz, sehr schnell, intensiv, stark*), ***heftig*** (*von starkem Ausmaß, stark, gewaltig gefühlsbetont und emphatisch, nicht maßvoll leidenschaftlich 2. aufbrausend, jähzornig, unbeherrscht*), ***kräftig*** (*stark, kraftvoll, eine große Ausmaß, große Intensität, in hohem Maße*) [17];

вес: ***schwer*** (*von großem Gewicht, mit großer Anstrengung, mühevoll, nicht leicht, von großer Stärke, einem hohen Grad, in einem hohen Ausmaß, sehr stark, heftig*) [17];

размер: ***groß*** (*von ausgedehntem Ausmaß, umfangreich an räumlicher und zeitlicher Ausdehnung, an Höhe, Gewicht, Zahl und Wert; in hohem Grade, stark, bedeutend, wesentlich*), ***klein*** (*von geringem Ausmaß, nicht umfangreich an räumlicher und zeitlicher Ausdehnung, an Höhe, Gewicht, Zahl und Wert, in geringem Grade, nicht stark, unbedeutend, engstirnig, kleinlich, unendlich, gefügig, nachgiebig*) [17];

громкость: laut (*weiterhin hörbar, stark im Ton, etwas wird bekannt*) [17];

эмоции: ***leidenschaftlicher*** (*von Leidenschaft erfasst, getrieben a) überaus heftig, ungestüm b*) *von großer Begeisterung für etw. erfüllt, überaus begeistert*), ***zornig*** (*voll Zorn, durch Unwillen, Ärger heftig erregt*), ***sehr wütend*** (*von Wut erfüllt, sehr erregt*), ***aggressiv*** (*angriffslustig, streitsüchtig, an Angriff gerichtet*), ***einschneidend*** (*tief greifend, sich stark auswirkend, entscheidend*) [17];

высота: übersteigerter (*etw. allzu sehr steigern*), ***gehoben*** (*über dem Gewöhnlichen, Üblichen stehend*), ***tiefgreifend*** (1. *weit nach unten, innen reichend* 2. *sehr stark, intensiv (wirkend)* 3. *einem Problem auf den Grund gehend, gründlich, nicht oberflächlich*), ***gesteigert*** (*höher, mehr als üblich oder vorher*), ***heftig aufwallend*** (*aufwallen – emporwallen, plötzlich aufsteigen*), ***fesselnd*** (*fesseln – etw. erweckt ganz stark jmds. Interesse, Aufmerksamkeit, etw. packt jmdn. (fesselnd) interessant, packend*) [17];

полнота: voll (*vollständig, ganz, unvermindert*), ***total*** (*in vollem Umfang, vollständig bzw. restlos, ausnahmslos, völlig, gänzlich, in hohem Maße oder über die Maßen ausgeprägt*), ***völlig*** (*vollständig, gänzlich, ganz), ganz (ganz – die Gesamtheit, Vollständigkeit, groß, vollkommen*) [17];

настойчивость, усилие: inständig *(eindringlich, sehr nachdrücklich, flehentlich),* ***aufdringlich*** *(zudringlich, lästig),* ***hartnäckig*** *(beharrlich, zäh, anhaltend, chronisch),* ***eifrig*** *(mit Eifer, nie ermüdend),* ***emsig*** *(unausgesetzt fleißig, ununterbrochen tätig),* ***derb*** *(kräftig, stark ausgeprägt, sich rau, hart, uneben anfühlend, grobkörnig, unregelmäßig, heftig, mit hoher Intensität erfolgend, ausgeführt, direkt und zupackend, geradeheraus, mitunter ungeschönt, ungehobelt),* ***unwiderstehlich*** *(so stark, heftig, dass man widerstehen kann, so anziehend, bezaubernd, dass man nicht widerstehen kann)* [17].

Таким образом, интенсивность в семантическом потенциале эмотивных каузативов представлена компонентами, отражающими разные аспекты ситуации: времени, меры и степени, размер, полнота, громкость, вес, итеративность, эмоции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И.В. Семантическая категория таксиса: системные связи и речевые реализации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 52–60.
2. Афанасьева А.А. Эмотивность в испанском миграционном дискурсе // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 19–26.
3. Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 303 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиторал УРСС, 2001. 392 с.
5. Красноборова Л.А. Синкретизм таксисных конструкций (на материале старофранцузского языка) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 57–63.
6. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы // Слово и язык. Сб. статей в честь 80-летия акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256–268.
7. Путина О.Н. Семантика и прагматика конфликтогенных единиц в художественном тексте // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 61–69.
8. Путина О.Н. Дискурсивные маркеры so, actually, whatever как интенсификаторы конфликтогенности // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 43–49.
9. Путина О.Н. Лингвоконфликтогенность как параметр национального стиля вербальной коммуникации (на примере дискурсивных маркеров) // Миграционная лингвистика. 2020. № 2. С. 70–78.
10. Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.
11. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.
12. Рябкин С.А. Категория инструментальности: лингвистический аспект // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 19. С. 86–91.
13. Фомичева Я.А., Шустова С.В. Языковые средства смягчения речевой агрессии в политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 14. С. 43–49.
14. Шарапова Е.В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского. Дисс. . . . канд. филол. наук. М., 2018. 229 с.
15. Шустова С.В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 49–61.
16. Яркова В.В. Функциональная грамматика: к вопросу о концептуальном аппарате // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 35–53.
17. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: ноябрь 2025).

© Сюткина Надежда Павловна (nad975@yandex.ru), Шустова Светлана Викторовна (lanaschust@mail.ru), Зубарева Екатерина Олеговна (fialka21-85@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.42

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СЛОВА *ВДОХНОВЕНИЕ* В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ

SEMANTIC DIFFERENTIATION OF PARADIGMATIC CONNECTIONS OF THE WORD INSPIRATION IN FUNCTIONAL STYLES

Tang Beibei

Summary: The article explores the paradigmatic relationships of the word 'inspiration' in the Russian language across different functional styles (artistic, journalistic, scientific, official-business, conversational). Synonymous, antonymous, and hypo-hypernyms relationships are analyzed, and the influence of style on the semantic representation of the word and its paradigmatic relationships is identified, which helps to understand the mechanisms of lexical-semantic transformations.

Keywords: inspiration, semantics, paradigmatic relationships, functional styles, semantic differentiation.

Тан Бэйбэй
аспирант, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, (г. Москва)
13140225092@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются парадигматические отношения слова *вдохновение* в русском языке в разных функциональных стилях (художественном, публицистическом, научном, официально-деловом, разговорном). Анализируются синонимические, антонимические и гипо-гиперонимические связи, выявляется влияние стиля на семантическую репрезентацию слова и его парадигматические отношения, что помогает понять механизмы лексико-семантических трансформаций.

Ключевые слова: вдохновение, семантика, парадигматические связи, функциональные стили, семантическая дифференциация.

В современной лингвистике актуален комплексный подход к изучению лексических единиц, охватывающий как макромир (текст), так и микромир (лексическое значение). Ю.Д. Апресян отмечает необходимость исследования как «прорыва в макромир…, так и прорыва в микромир…» [2, с. 127]. Точное понимание его семантики требует учета семантических оттенков и стилистических свойств, как указывает Э.М. Медникова: «Вследствие семантической близости они могут быть правильно употреблены только при точном знании различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» [8, с. 80]. И.М. Кобозева и Ф. де Соссюр подчеркивают важность сопоставления слова с другими словами для понимания его значения. Ф. де Соссюр отмечает: «сравнить его с подобными ему значимостями, то есть с другими словами, которые можно ему противопоставить» [11, с. 144]. Это подтверждается теорией семантических полей, где слова связаны отношениями взаимного противопоставления [6, с. 98]. Таким образом, анализ парадигматических связей слова вдохновение (синонимия, антонимия, гипонимия) в разных стилях позволяет выявить дифференциальные признаки и сформировать целостное представление о его значении.

Парадигматические связи слова *вдохновение* были предметом исследований В.М. Головатина, анализируя тексты XIX–XX веков, отмечает, что общепринятые синонимы («наитие», «подъём», «воодушевление» и др.) объединены значением «прилив душевных и умственных сил» [3, с. 91]. Контекстуальные синонимы раскрывают различные аспекты: физические/эмоциональные реакции («восторг», «волнение», «жар»), восприятие как ниспосланное свыше («Муза», «божество», «озарение»), отождествление с мыслительной деятельностью и интуицией («мысль», «прозрение», «предчувствие»), а также с яркими физическими ощущениями («экстаз», «спазм»). Многие синонимы, часто метафорические («огонь», «вслушивание»), указывают на интенсивность переживания состояния вдохновения [там же, с. 93]. Метод ассоциативного эксперимента, применённый Пань Юнвэнь, выявил наиболее частые реакции на слово *вдохновение*: синонимические («воодушевление», «подъём», «озарение», «порыв», «полёт», «творчество») и антонимические («апатия», «упадок сил», «уныние», «депрессия», «рутина»). Отмечается, что «большинство антонимов — это слова, описывающие негативные психические состояния» [9, с. 74–75]. Согласно В.В. Колесову, *вдохновение* (инспирация), концептуализируемое как мистическая интуиция, в русской языковой картине мира является значимой самостоятельной эмоцией (один из 37 «базовых» смыслов) [7, с. 323], отражающей культурную ценность творчества и духовного подъёма.

Несмотря на проведённые исследования, стилистическая обусловленность парадигматических связей слова *вдохновение* остаётся недостаточно изученной, что требует дальнейших исследований. Анализ этих связей позволит выявить ключевые семантические компоненты и определить место слова *вдохновение* в русской языковой картине мира. Исследование опирается на тексто-

вые данные из НКРЯ, Стихи.ру, NEWS.am, «Независимой Газеты» и сайта психологов №1: b17.ru. Словари также дополняют анализ: З.Е. Александрова определяет *вдохновение* как «творческий подъём…; наитие (устар.) …; муза» [1, с. 46], а Словарь-тезаурус синонимов (ред. Л.Г. Бабенко) – как «воодушевление, высок. озарение, книжн. наитие». [10, с. 58]. Эти материалы позволяют выявить парадигматические и другие смысловые связи слова в различных дискурсивных практиках.

Как описано выше, исследование В.М. Головатиной показывает, что *вдохновение* входит в семантическое поле «душевные/умственные состояния» с основным значением «прилив сил». Его синонимы, часто метафорические, раскрывают различные аспекты этого состояния: как внутренние процессы (мышление, источники), так и внешние проявления (эмоции, физические реакции, интенсивность). Исследование антонимов вдохновения в художественном стиле показывает, что его противоположности можно сгруппировать следующим образом: состояния дефицита интереса, когнитивный застой и негативные эмоциональные состояния. Прежде всего, состояния дефицита интереса, характеризуемые антонимической парадигмой («отсутствие интереса», «равнодушие», «безразличие», «нежелание», «безыдейность», «лень» и т. д.), находят отражение в следующем примере: «***Безыдейность***. *Так бывает, // Что сгубила* ***Музу Лень***. *//* ***Вдохновенный свет*** *так просто // Поглощает эта тень*» [Яна Сонная. Безыдейность. Стихи.ру (2016)]. Подчёркивая лёгкость разрушения позитивного творческого импульса, текст демонстрирует, что лексемы «лень» и «безыдейность» выступают не просто маркерами отсутствия вдохновения, а тормозами, препятствующими креативности и обостряющими творческий застой. Далее следует отметить, что состояния когнитивного застоя, представленные антонимами «творческий кризис», «творческое выгорание», «молчание музы», «бесплодие воображения», «пустота в голове», «отсутствие мыслей» и др., сигнализируют о снижении ментальной активности и блокировке творческого процесса. В качестве иллюстрации можно привести пример: «*Порой наступает* ***творческий кризис// Вдохновения нет****, чтоб стихи сочинять*» [Алеся Исматова. Творческий кризис. Стихи.ру (2020)]. Помимо мотивационных и когнитивных факторов, необходимо учитывать эмоциональные состояния подавленности и угнетения. Согласно исследованию Пань Юнвэнь, антонимы, такие как «апатия», «уныние», «разочарование», «тоска» и другие, группируются вокруг депрессивных эмоциональных состояний. Подтверждением служит строка: «*…Я наблюдаю в твоём свете, как* ***угасает вдохновение****…* ***Апатия*** *для меня действительно является серьёзной проблемой*» [Мария Жилкина 3: литературный дневник. Апатия. Стихи.ру (2021)]. Таким образом, апатия выступает активным фактором, блокирующим творческий потенциал и разрушительно влияющим на эмоциональное состояние.

Анализ гипо-гиперонимических связей слова *вдохновение* в художественном стиле расширяет представление о его семантическом поле. Многообразие гипонимов, таких как «озарение», «прозрение», «энтузиазм», «экстаз», «муза», «наитие», «лирический восторг», «творческий порыв» иллюстрирует различные реализации вдохновения. «Озарение» как мгновенное постижение истины, часто сопровождаемое эмоциональным потрясением, ярко показано у Ф.М. Достоевского: «*У меня теперь вдруг* ***озарение*** *(дрожь)…*» [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Черновые наброски (1) (1878)], где подчеркивается физическая и эмоциональная интенсивность, и «*В один миг произошло какое-то* ***озарение*** *в уме его,» загорелся светоч, и я все постиг* «» [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом (1878–1880)], демонстрирует, что «озарение» – это не только интеллектуальное понимание, но и кардинальное изменение мировосприятия героя. Анализ Гиперонимические связи, выявляющие родовые понятия вроде творчества, креативности, воодушевления, гениальности, искусства, самовыражения, духовного подъёма, воображения, определяют место *вдохновение* в контексте художественного творчества и духовного опыта.

В публицистическом стиле *вдохновение* связывается с общественной деятельностью, проявляясь через синонимы, подчёркивающие деятельностный аспект: «энтузиазм», «порыв», «подъём», «воодушевление», «импульс», «стимул», «инициатива», «энергия», «страсть», «рвение» и др. В экономическом дискурсе это может быть «импульс», «стимул», «инициатива», «энергия», подчёркивающие важность инноваций и государственной поддержки. Как в примере: «*Необходимо создать налоговые* ***стимулы*** *для того, чтобы россияне вкладывали деньги…*» [Вклады малоимущих предложено защитить повышенной процентной ставкой // Парламентская газета, 2021.12.20]. Здесь «стимулы» — это инструмент мотивации для инвестирования, конкретное выражение вдохновения, направленного на достижение экономических целей. В политическом дискурсе *вдохновение* проявляется через «энтузиазм», «подъём», «порыв» и «воодушевление», мобилизуя общество вокруг идеологий. Пример: «*Только что вернулся с передовой, побывал на разных участках, везде —* ***воодушевление****, подвиг, героизм*» [Президент Карабаха рассказал о поездке на передовую // Известия, 04.10.2020]. Однако критики же могут воспринимать «порыв» как иррациональность, обвиняя в манипуляциях. Пример из сайта NEWS.am: «*Байден раскритиковал Трампа за «****безумный порыв****»*» демонстрирует негативное восприятие вдохновения, связанного с импульсивностью. В социальной сфере «инициатива», «энергия», «страсть» или «рвение» отражают стремление к переменам: «*Помимо прочего, была реализована* ***инициатива*** *по поставке школьных автобусов и машин скорой помощи в регионы*» [Турчак поздравил россиян с Новым годом // Парламентская газета, 2021.12.31]. Таким

образом, выбор синонима зависит от контекста и целей дискурса.

В публицистике для описания негативных тенденций, контрастирующих с вдохновением, используются понятия, характеризующиеся утратой мотивации и дефицитом участия. Социальная индифферентность («апатия», «безучастность», «равнодушие» и т.д.) проявляется в снижении активности граждан, например: *«Мне просто надоело **равнодушие**, **безучастность** жильцов, — поясняет автор обращения Татьяна Звездина»* [Юрий Васильев. В нашем доме поселился зажигательный сосед // lenta.ru, 14.05.2016]. «Равнодушие» и «безучастность» — антонимы вдохновения, отражающие отсутствие гражданской энергии и стремления к переменам, критикуя пассивность и дефицит ответственности. Экономическая и социальная стагнация («застой», «деградация», «упадок» и т.д.) отражает отсутствие позитивной динамики в развитии общества. Пример: *«…действующая концепция расширенной ответственности производителя продемонстрировала экологическую и экономическую **стагнацию**, в связи с чем требуется её модернизация»* [Требование об утилизации упаковки может привести к росту инфляции // Парламентская газета, 2021.11.29]. «Стагнация» указывает на отсутствие прогресса и неэффективность, требуя инновационных решений.

В публицистическом стиле гипонимы вдохновения конкретизируют его проявление в различных сферах общественной жизни, таких как гражданская, патриотическая, политическая, экономическая, социальная, творческая и другие. Хотя эти термины часто используются для обозначения позитивной мотивации и объединения общества вокруг общих целей, анализ конкретных текстов выявляет возможность их манипулятивного использования. Например, в статье с заголовком *«**Патриотическое вдохновение** уносит духовенство и чиновников за пределы мира сего»* из сайта «Независимая Газета», здесь *патриотическое вдохновение* может использоваться в ироническом и критическом аспекте для оправдания спорных политических решений и мобилизации населения. Использование гиперонимов «мотивация», «стремление», «общественное движение», «прогресс», «развитие» в публицистических текстах позволяет представить *вдохновение* не просто как личное переживание, а как фактор, влияющий на общество в целом, например, *«Этот великолепный полет стал кульминацией многих лет тяжелой работы, и он станет **вдохновением** для целого поколения инноваторов на пути в космос», – заявил Брэнсон»* [Virgin Orbit произвела первый успешный запуск ракеты в космос из-под крыла самолета // Ведомости, 2021.01.18], где *вдохновение* выступает как стимул для прогресса и мотивация для будущих поколений.

В научном стиле синонимический ряд слова *вдохновение* («озарение», «интуиция», «инсайт», «мотивация», «креативность» и др.) подвергается семантической дифференциации в зависимости от дисциплины. Рассмотрим на примере терминов «озарение», «интуиция» и «инсайт», имеющих близкое смысловое ядро: В области теории решения изобретательских задач «озарение» рассматривается как начальный этап творческого процесса, за которым следует технологическая разработка: *«Альшуллер Г.С., Злотин Б.Л., Зусман А.В., Филатов В.И. Поиск новых идей: от **озарения** к технологии. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1989, 381 с.»* [А. Ефимочкин. Университеты «ПБ». Шаги к изобретению // Юный техник, 2010]. В литературоведении «интуиция» обозначает целостное понимание произведения, предшествующее аналитическому исследованию: *«…научному изучению (которое неизбежно становится изучением “по частям”) предшествовал ряд творческих высказываний, проникнутых **интуицией** целого»* [С.Г. Бочаров. Из истории понимания Пушкина (1998)]. В рамках когнитивных исследований *инсайт* определяется как информационный феномен психики: *«**Инсайт**, как информационный феномен психики, в свободной среде отсутствия сравнительных и сдерживающих критических установок… практически мгновенно может быть задействован…»* [Кутузов Аркадий Антонович. Инсайт и научное открытие. Сайт психологов №1: b17.ru (2023)].

Таким образом, В научном стиле *вдохновение* дифференцируется как комплекс творческих, перцептивных и когнитивных процессов, детализируемых синонимами («озарение», «интуиция», «инсайт»). Научный дискурс избегает унифицированного термина *вдохновение*, уточняя его роль в зависимости от предметной области, стремясь к терминологической точности и минимизации эмоциональности. В научном дискурсе понимание вдохновения достигается посредством системного анализа, который, помимо рассмотрения синонимических связей, включает в себя анализ гиперо-гипонимических отношений. Выбор общих («психическое состояние», «мотивация», «творческий процесс» и др.) и частных («озарение», «интуиция», «инсайт» и др.) понятий варьируется в зависимости от предметной области. Дополнительно, для более точного определения роли вдохновения в конкретном исследовательском контексте, проводится дифференциация антонимов, отражающих отсутствие его ключевых атрибутов (например, апатия в психологии, стагнация в экономике, шаблонность в литературоведении и др.).

Семантически слово *вдохновение* (определяемое Т.Ф. Ефремовой как «состояние творческого подъёма, прилив творческих сил» и «приподнятое душевное состояние, настроение; воодушевление» [5, с. 251]) несёт в себе коннотации спонтанности и эмоциональной вовлечённости. Как отмечает Л.К. Граудина, официально-деловой стиль представляет собой «совокупность языковых средств, функция которых – обслуживание сферы

официальных деловых отношений, возникающих между органами государства…» [4, с. 250]. В силу такой прагматической направленности стиля, требующего объективности, стандартизации, нейтральности и, что особенно важно, исключения любой двусмысленности и скрытого смысла, экспрессивные и субъективные коннотации слова *вдохновение* делают его употребление в данной сфере нецелесообразным. Вместо него предпочтение отдается более формальным и функциональным терминам, таким как «мотивация», «инициатива», «компетентность» и «эффективность», отражающим специфику деловых отношений.

В разговорном стиле *вдохновение* выступает как гипероним, обобщающий «творческий процесс», «эмоциональный подъем» и «мотивация». Синонимический ряд расширяется за счет экспрессивных единиц, выражающих сильные эмоции и энтузиазм. Активно используются метафоры, усиливающие эмоциональное воздействие, например, *«Сил сразу же прибавилось, словно* ***крылья выросли*** *за спиной, на суровых, обветренных лицах офицеров появились улыбки»* [А.Н. Орлов. Дневник пехотного лейтенанта: воспоминания об афганской войне (1984)]. Этот пример показывает, как физиологическое ощущение прилива сил трансформируется в зрительный образ, что способствует более наглядному и выразительному отображению внутреннего состояния.

В антонимическом ряду слова *вдохновение* в разговорной речи, как и в художественном стиле, семантически обозначаются состояния отсутствия интереса, когнитивного застоя, а также эмоциональные состояния подавленности и угнетения. Примечательной особенностью употребления этих антонимов является высокая частотность иронической окраски, позволяющей выразить не только фиксацию отсутствия вдохновения, но и негативная оценка ситуации, которая потенциально может его вызвать. Посмотрим пример: *«Блин, что там с проектом? Всё горит к чертям, все перегорели… А я? В полном* ***бездействии****, в* ***отключке****! Щас прям вдохновлюсь, ага…».* В этом примере ярко выражена ирония, возникающая из-за контраста между кризисной ситуацией и полным бездействием говорящего. «Бездействие» и «отключка» здесь выступают антонимами к вдохновению, подчёркивая апатию и нежелание действовать даже в сложных обстоятельствах. В юмористическом ключе, особенно характерном для сетевого общения, *вдохновение* часто переосмысливается и высмеивается, приобретая иронический оттенок. Так, в юмористическом сборнике Александры Клименко находим ироническое определение *«****Вдохновение*** *— это когда* ***дедлайн ближе****, чем твой последний шанс»* представляет его не как творческий порыв, а как вынужденную мобилизацию под давлением дедлайна. Это контрастирует с классическим пониманием и сближается с антонимами: промедлением и апатией.

Исследование парадигматических связей слова *вдохновение* в различных функциональных стилях демонстрирует стилистическую обусловленность их семантической репрезентации. В художественном стиле доминирует метафоричность и акцент на эмоционально-оценочной сфере, тогда как публицистический стиль актуализирует деятельностный аспект и социальную значимость. Научный стиль характеризуется стремлением к терминологической точности посредством дифференциации *вдохновение* на отдельные когнитивные процессы, а в официально-деловом стиле *вдохновение* заменяется нейтральными терминами из-за требований стиля к объективности, стандартизации и отсутствию двусмысленности. Разговорный стиль демонстрирует экспансию лексических единиц, эксплицирующих интенсивные эмоции, мотивацию и метафоричность, а также активное использование иронии. Выявленные различия в организации парадигматических отношений свидетельствуют о влиянии стилистической принадлежности текста на лексико-семантические трансформации слова *вдохновение* в русской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 2001. - 568 с. (Библиотека словарей рус. яз.). ISBN 5-200-02871-X
2. Апресян Ю.Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний Текст. / Ю.Д. Апресян // ВЯ. 1990. - № 6. - С.123-139.
3. Головатина В.М. Репрезентация концепта «вдохновение» в русской литературной традиции: специальность 10.02.01.: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Головатина В.М.; Ур. гос. пед. ун–т. — Екатеринбург, 2006. — 248 с.
4. Граудина Л.К. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М, 1999. – 560 с.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160 000 слов / Т.Ф. Ефремова. — М.: АСТ: Астрель, Т. 1: А — Л. — 2006–1165 с.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с. ISBN 5–8360-0I65-0
7. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с.
8. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. Учеб. пособие. М., «Высш. школа», 1974. — 202 с.
9. Пань Юнвэнь. Концепт «Вдохновение» в русских современных афоризмах и цитатах (вторая половина XX – начало XXI века) // Выпускная квалификационная работа, Санкт–Петербургский государственный университет, 2023. —113с.

10. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. — 512 с.
11. Соссюр Ф, де. Курс общей лингвистики. Ч. II. Гл. IV // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М, 1977. —695с.
12. Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 18.08.2025).
13. Стихи.ру: [Электронный ресурс]. URL: https://stihi.ru/index.html (дата обращения: 18.08.2025).
14. NEWS.am. [Электронный ресурс]. URL: https://news.am/rus/news/606481.html (дата обращения: 18.08.2025).
15. Независимая Газета. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/week/2022-10-30/8_8578_week5.html (дата обращения: 18.08.2025).
16. Психологов №1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.b17.ru/blog/insajt-i-nauchnoe-otkrytie/ (дата обращения: 18.08.2025).

© Тан Бэйбэй (13140225092@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.43

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЧЕСТЬ» В АДЫГСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА)

LEXICO-SEMANTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT "HONOR" IN THE ADYGHE LINGUOCULTURE (BASED ON THE ADYGHE LANGUAGE CORPUS)

N. Tharkakhova

Summary: The article is devoted to the consideration of the national concept of nape "HONOR" in Adyghe linguoculturology. The actual material consists of lexemes, proverbs and sayings, and phraseological units from literary works and newspapers that contain the concept of nape "HONOR". The article provides a contextual interpretation of their meanings.

Keywords: concept, honor, conscience, ethnos, mentality, Adygaghe, linguoculturology, proverbs, sayings, etiquette.

Тхаркахова Нафисет Гиссовна
Ассистент, Адыгейский государственный университет
nshkhalakhova@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению национального концепта напэ «ЧЕСТЬ» в адыгской лингвокультурологии. Фактическим материалом стали лексемы, пословицы и поговорки, фразеологизмы из текстов художественной литературы, газет, где имеется концепт напэ «ЧЕСТЬ». Дается контекстная трактовка их значений.

Ключевые слова: концепт, честь, совесть, этнос, менталитет, адыгагъэ, лингвокультурология, пословицы, поговорки, этикет.

Целью данной работы является как можно подробнее описать концептуальную наполненность каждого примера с ключевым словом *напэ* «честь» и обозначить роль и место данного понятия в адыгской лингвокультуре.

Исследование национальных концептов сохраняет ***актуальность*** по сей день в современном языкознании. А именно репрезентация тех или иных концептов в разных лингвокультурных пространствах, их лексико-семантическая наполненность позволяет нам понять и изучить глубже мышление, мировосприятие того или иного народа; помогает нам увидеть, как столетиями при помощи языка и мышления складывалась картина мира народа. Изучая определенные, характерные устоявшиеся понятия для конкретного этноса, мы узнаем, что было и есть важным для данного языкового коллектива, каких правил, принципов придерживались его люди, что они больше всего ценили в другом человеке, какие его качества и многое другое.

Мнения по поводу определения концепта разнятся, но мы придерживаемся точки зрения, где концепт – это ментальное образование, которое представляет собой результат многолетней когнитивной деятельности как отдельной личности, так и целого этноса, несущий в себе разного характера информации об отражаемом предмете или явлении, о значимости данного предмета для общества, с помощью того или иного концепта личность или этнос выражает свое мировидение и мироощущение, сохраняет и передает свой опыт через те или иные устоявшиеся понятия. «Концепт есть ментальная единица, элемент сознания. Человеческое сознание – посредник между реальным миром и языком» [1, с. 99].

К наиболее общим подлинным образам, функционирующим по сей день в сознании адыгского этноса, выступают такие значимые ценности как *акъыл* (ум), *шъыпкъагъэ* (истина/правда), *напэ* (честь/совесть), *лIыгъэ* (мужество), *шIу* (добро) и др., которые отражают национальный характер народа. Стоит отметить, что в адыгском языке не существует отдельных лексических единиц для обозначения понятия как *совесть*. Оно неразрывно семантически связано с концептом честь, и при упоминании тех или иных выражений с компонентом *напэ* «честь» зачастую подразумевает под себя совесть/лицо/честь. Т.е. для адыгского самосознания и мировоззрения честь и совесть находятся неразрывно вместе и в лексических материалах мы в этом убедились.

В концепте заложена национальная память, которую веками накапливал и сохранял языковой коллектив. «Выделяются концепты-универсалии, присутствующие в любой лингвокультуре (мир, любовь, вера и пр.) (А. Вежбицкая), концепты-уникалии, или идиотические (Н.Ф. Алефиренко): например, Liberty (свобода) для английской, der Ordnung (порядок) для немецкой, el toro (бык) – для испанской картин мира» [2, с. 17]. Так, для адыгской

лингвокультуры одним из таких характерных для этноса концептов-уникалиев служит концепт *напэ* «честь».

Одним из важных свойств концепта *честь*, как и многих других лингвокультурных концептов, является этноспецифичность.

По Бгажнокову Б.Х., «Совокупность моральных ценностей, так или иначе соприкасающаяся с этикетом, обозначается у восточных адыгов словом *нэмыс*,* от арабского *намус* – честь, достоинство, репутация, совесть. Нэмыс в их представлении – обобщенное выражение всех наиболее важных положительных черт личности, ценимых в народе: скромности, вежливости, честности, уважения к старшим, к женщине, к гостям и т. д.» [3, с. 61–62]. Здесь *«нэмыс»* тождественен нашему *«напэ», т.к. в кабардинском языке употребляется «нэмыс»*. «Нэмыс – это своего рода моральная цензура поведения, охватывающая такие ценности, как «стыд», «совесть», «честь» стало быть, нарушать этикет стыдно, бессовестно, бесчестно». Там же. Приведенная цитата подтверждает, что концепты *«напэ», «нэмыс»* являются неотъемлемыми понятиями и составными в *адыгэ хабзэ* – этикете.

Контекстуальный анализ концепта честь «напэ» позволил нам выделить следующие группы с ключевыми темами: семантически тесно связанные категории адыгагъэ «адыгство» и мужества; лексические единицы, содержащие в себе моральную оценку/характеристику, а именно: человек, не имеющий/потерявший честь, отсюда и лицо;

Анализ проводится на материалах, взятых из корпуса адыгейского языка: http://adyghe.web-corpora.net/ [4]. Это пословицы, поговорки, фразеологические единицы, крылатые выражения.

Адыгагъэ, тесно связанное с адыгэ хабзэ – свод неписаных правил и законов (этикетом): «Кроме кабардинского нэмыс есть общая для всех, адыгов и бесспорно более древняя категория, служащая концентрированным выражением моральных правил поведения. Она носит название адыгагъэ, что буквально означает адыгство (ср. *адыгэ – адыгагъэ).*

Адыгагъэ – долг рыцарской чести, основанный на принципах адыгского этикета, на идеализированных свойствах национального характера». [3, с. 62]. Данные ниже материалы доказывают нам еще раз о неразрывной связи адыгства и мужества в философии адыгов. Так сложилось, что в миропонимании адыга проявление мужества невозможно без чести, множество известных устоявшихся пословиц и поговорок содержат в себе национальный концепт «***адыгэ*** *напэ*» (адыгское достоинство, букв.: честь адыга), именно употребление концепта *напэ* (честь) с лексемой *адыгэ* стало неразрывным словосочетанием, характеризующим национальный колорит и показывающий национальный характер. Для адыга *«адыгэ напэ»* содержало в себе комплекс моральных ценностей, в первую очередь это человечность, мужество, скромность, честность, уважение и почитание старших и др.

Адыгагъэр – тилъэпкъ напэу. «Адыгство – лицо и честь народа».

Е тылӀын, е тылӀэн, адыгэ ***напэр*** *тищыӀэныгъэ нахьи нахь лъапӀ!..* «Либо мы проявим мужество, либо мы умрём, ***честь*** адыга для нас дороже всего!..».

Адыгэ ***напэр****, адыгэ чӀыгур къэтыухъумэу нэмыкӀ хэгъэгумэ залъэгъукӀэ, тыкъызэхашӀыкӀынба сэлошъ ары.* «Если другие государства увидят, как мы оберегаем ***честь/лицо*** адыгского народа, наши земли, то надеюсь, они поймут наши намерения».

…егъашӀэм ***адыгэ напэкӀэ*** *тлъытэу тхэлъыгъэ адыгэ хабзэр джыри тхэзыгъэгоп, зыщытщагъэгъупшэн чӀыпӀи тлъэпкъ ифагъ, ау ар зыми фызэпыкӀыгъэп, лэжьэкӀо-псэокӀо тхьамыкӀэмэ къахэкӀыгъэ хабзэти, тӀэкӀагъэзышъугъэп.* «… мы еще не потеряли наш адыгский этикет, который всегда был ***лицом*** нашего народа, бывали и такие периоды, когда хотели, чтобы наш народ потерял эту ***честь***, но никто не смог сломить ее, эта ***честь*** идет из глубин простого народа, они не смогли у нас этого отнять».

Мыхэр адыгэ лэжьэкӀо къызэрыкӀом иэтическэ шапхъэхэм арэпсэух, ифэкъолӀ ***напэ*** *къэзыухъумэзэ лӀыгъэ зезыхьэхэрэр ары ахэм лъытэныгъэ зыфашӀырэр.* «Они живут согласно устоявшимся этическим правилам рабочего человека из адыгского народа, они почитают лишь тех, кто не очерняет ***честь*** простого народа и проявляет мужество во всем».

...ахэр ары ячӀыгуи, яуни, ягугъи зыухъумэнэу Тхьэм ыӀуагъэр, апсэ емыблэжьхэу, ячӀыгу фэбэнэнхэу ахэр лъэпкъым ыпӀугъэх – псэр щи, ***напэр*** *щэфы.* «...они (адыги) были рождены, чтобы оберегать и защищать их земли, их дома и надежды, народ их воспитал мужественно сражаться за свои земли – продай душу, купи ***честь»***.

Ар лъэпкъымкӀэ ***напэу****, къуаджэмкӀэ гушӀуагъоу, ныбжьыкӀэхэмкӀэ щысэтехыпӀэ шӀагъоу, лӀакъомкӀэ гушхуагъэу зэрэщытыр…* «Это для народа было ***честью***, для аула – радостью, для молодежи – хорошим примером, для рода – гордостью».

Ахэр ары адыгэхэр лъэпкъ лӀыхъужъэу дунаим щязыгъэшӀагъэхэр, зыпсэ зыти адыгэ ***напэр*** *къэзыгъэнагъэхэр.* «Благодаря им весь мир узнал об адыгах как о мужественном народе, которые отдали свои жизни (души) и сохранили ***честь***».

Адыгэ напэм *ыуасэ къэлъытэгъуай, сыда пӀомэ цӀыфым ынапэ темыкӀыным пае, анахь лъапӀэмкӀэ пщынэн фаеу адыгэ гупшысэм къыригъэкӀущтыгъэ: Псэр ащэ, напэр ащэфы!* «Тяжело оценить, во что обойдется честь адыга, потому как в мировоззрении этноса, чтобы сохранить **«свое лицо»**, придется расплачиваться самым дорогим: отдают жизнь (душу) и покупают честь».

Черкесхэм (адыгэхэм) ***напэм*** *пае псэр зэратырэр, аныбэ ыкIи нэмыкI фэныкъо тIэкIушъокIухэр икъухэмэ езэгъыхэрэм зэрафэмыдэхэр, лIыгъэ хабзи, лIыгъэ шIыкIи фытегъэпсыхьагъэхэу, щэIэгъэшхо щыIэныгъэ лъэныкъуабэмкIэ зэрахэлъыр мы тхылъым кIэкIэу къыщыIотагъ.* «Черкесы (адыги) ради **чести** готовы отдать жизнь; они не похоже на тех, которые довольствуются малым (букв.: чуть набили животы и довольствуются малым положением), воспитаны в лучших манерах (букв.: воспитаны и знают, как должен вести себя настоящий мужчина), обладают большой терпимостью ко всему, что уготовила эта жизнь – все это описано в даной книге».

ЛIыгъэр ащэшъ ***напэр*** *ащэфы!* «Мужество продают и покупают честь».

Яшъхьафит бзыум фагъадэ, ялIыгъэ лъэпкъ ***напэм*** *рагъапшэ.* «Себя они сравнивают с вольной птицей, а свое мужество – с **честью** народа».

УшэтыпIэ узифэрэм упсэ уемыблэжь, псэр ти ***напэр*** *щэфы.* «Если тебя испытывает судьба – не жалей жизни (букв.: душу), отдай жизнь и купи **честь»**.

Джары зыкIалуагъэр «псэмрэ ***напэмрэ*** *зэфэдэ».* «Поэтому и говорят «честь и душа одно».

Из вышеперечисленных примеров нам стало понятно, что самая большая группа образовалась с концептом «напэ» в контексте «адыгэ напэ», с ключевым компонентом честь-мужество-адыгство. Это еще раз говорит нам о том, что для адыгов всегда было важным честь и достоинство как отдельно взятого человека, так и всего народа. Уклад жизни, мировоззрение, философия народа, исторические события наложили свой отпечаток и сохранилось через язык. Ведь концепты – это один из способов передачи мировидения народа через язык, отсюда их этноспецифичность. Для адыга важнее была его честь. Они готовы были отдать жизнь, лишь бы не прослыть трусом. С честью и достоинством нести все тяготы и бремени жизни, не позорить свой народ. «Отдай душу и возьми честь, продолжают тему высокой оценки категории *Напэ* в адыгской лингвокультуре. Отметим, что в адыгской лингвокультуре нет понятия «отдать душу» или «продать душу» с той дополнительной коннотацией, которая есть в западной и европейской культурах, и «отдать душу» означает «отдать жизнь» (без дополнительной импликации)» [5].

Далее идут примеры пословиц, поговорок, отрывков из художественных произведений, в которых заложена **моральная оценка, переданная через концепт честь. Обращение к первому лицу, человек =честь, совесть, лицо.** Моральные ценности общечеловеческого характера: скромность и толерантность.

Для адыгской лингвокультуры характерны такие пословично-поговорочные выражения, фразеологизмы, где дается моральная оценка человеку, его действиям и поступкам, такими из них часто являются единицы с компонентом *напэ,* употребляемые с лексемой *цIыф* «человек, человечность». Опять же для языкового сознания адыгского этноса честь и человечность прочно связаны. По мнению С.Х. Анчек, сама «пословица выступает своеобразным Кодексом чести, разрабатываемым на месте и предъявляемым говорящим к окружающим» [6, с. 433].

В некоторых лексических единицах честь и человечность выступают тождественными понятиями, и при переводе категории честь, зачастую употребляется человечность. Человека, у которого нет чести, который низко упал в глазах людей, потерял свое лицо, именуется *напэ зимыI* – «бессовестный» (букв.: не имеющий чести), *нэпэтех* – «бессовестный, бесчестный, пошлый» (букв.: не имеющий чести) [7, с. 254]. Для сознания адыга было важным не потерять человеческого лица ни в угоду власти, ни в угоду деньгам или каким-то другим аморальным проступкам – честь выше всего. «Незнающий этикета навлекает позор». – *Хэбзэмышlэр – емыкIухь*. Одна из ключевых адыгских поговорок при определении категории честь, которая в адыгских (адыгейском и кабардино-черкесском) языках соответствует термину *напэ* – (лицо, щека), честь, совесть» [8, с. 113].

ЦIыфыгъэр – ***напэ***. «Человечность – это **честь/лицо**».

– Синасып уятэ къызэрэздэсымыщагъэр, ***напэ*** *зимыI!..* «Мое счастье (мне повезло), что не привел с собой твоего отца, бесчестный/бессовестный (букв.: не имеющий лица, отсюда и совести)».

– ***Напэ*** *зимыI, ора сэ къысэшхъошIагъэр?* «Ах ты, ***бессовестный***, это ты так поступил со мной?»

Сиакъыл къызыкIуагъэм щегъэжьагъэу сицIыф ***напэ*** *чIэсымынэным сыфэсакъы*. «С тех пор как ко мне пришел ум, я стараюсь не потерять человеческое **лицо**».

– ЦIыфым «ынапэ зытекIкIэ» ыцIи ащ дэкIодыщтыгъэ адыгэ лъэпкъымкIэ. «Если человек **«терял свое лицо»**, то с этим он терял и самого себя – так считали в народе».

ЫпшъэкIэ къызэрэтIуагъэу, адыгэ ***напэр*** *къэзыухъумэрэр укIытэр ары* «Как мы упоминули выше, скромность украшает (букв.: оберегает) **честь** адыга».

АдыгэмкIэ ***напэмрэ*** *цIэмрэ зы тамыгъэ, зы лъапсэ.* «Для адыга ***честь*** и имя являются одним целым, имеют одни корни».

Напэм*, цIэм, нэхъоим, намысым адыгэм игупшысэ, идунэе философие чIыпIэшхо щаубыты.* «**Честь**, имя, благодать, репутация в мировоззрении адыга, в его мировой философии занимают большое место».

…цIыфыр сыдигъуи ***напэм*** *зэригъэдахэрэр, ар зиIэм уехъопсэнэу зэрэщытыр кIигъэтхъэу тхагъэ*. «Человека всегда украшает его ***честь***, тому, кто им обладает, нужно позавидовать, – писал автор».

…ицIыфыгъэ ***напэ****, игъэпсыкIэ-шIыкIэ, илъэпкъ шэнхабзэ ащыгъэунэфыгъ*. «...его человечность/честь, его действия и поступки, все это обусловлено адыгским этикетом».

– Пшъхьэ лъытэжь, ***унапэ*** *ухъумэжь!* «– Уважай себя (букв.:уважай/оберегай свою голову), оберегай свою ***честь***!»

Ащ ***напэ*** *иIэп» заIокIэ, укIытэ иIэп, зыми къыубытыщтэп къырагъэкIы.* «Когда говорят «у него нет ***чести и совести***», то это значит, что у него нет скромности/постыдности, что никакие моральные ценности ему не знакомы».

«Бзылъфыгъэм щымыукIытэрэм напэ иIэп» – джащ фэдэу тижъхэм макIэп гупшысэу къыщанагъэр. «Тот, кто не стыдится женщины, у того нет ***чести/скромности***» – говорили наши предки».

Сомэм ***напэ*** *уигъэшIыщтэп ор-орэу къэмылэжьыгъэмэ, уигъэкIодыщт, хьалэчэу урыпщынэжьыщт. Ащ изакъоп, цIыфыгъэр IэкIыб зышIырэ пэпчъ хьазабэу къыпыщылъыр къэпчъыгъуай.* «Деньги не сделают тебе ***чести/лица***, если ты их не сам заработал, напротив, они уничтожат тебя, покараешься за них. К тому же тот, кто пренебрегает ***человечностью/человеческими*** качествами, не знает, какие тяготы его могут ожидать».

Джащтэу кIэлэ ныбжьыкIэ дэдэу щыIэныгъэм итыгъэнэбзыймэ гушIозэ апэгъокIыщтыгъэр, иапэрэ шIулъэгъу иIэшIугъэ зэхишIэнэу мыхъузэ, мылъкум нахь ***напэ*** *зимыIэхэм якIодылIагъ.* «Так, будучи совсем молодым мальчишкой, он радовался каждому лучу солнца жизни, не успев осознать красоту первой любви, он потерял себя с ***бесчестными***, у которых на уме были одни деньги».

В лингвокультурном концепте заложены ценности языкового коллектива, его традиции, идеалы, смыслы которых представлены в разнообразных формах, таких как устойчивые единицы, паремии, художественных/фольклорных текстов и др. В совокупности концепты образуют языковую картину мира, характеризующую мировидение и мировосприятие этноса через язык.

Таким образом, в адыгской лингвокультуре отдается высокая оценка концепту *напэ,* это позволяет нам понять собранный материал из корпуса адыгейского языка. Адыги, выбирая между смертью и честью, красотой и совестью, всегда отдавали предпочтение чести и совести. Для них важнее всего было, чтобы их честь не была запятнана, чтобы они не были опозорены, чтобы ни трусость, ни смерть не могла очернить их имена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шулятиков И.С. Термин «концепт» в современной лингвистике. – Вестник Вятского государственного университета, 2015. – С. 98–102.
2. Бастриков А.В., Бастрикова Е.М. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета // Филология и культура. Philology and culture. 2012. №3 (29). – С.15-19.
3. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. – Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1978. – 161 с.
4. Адыгейский корпус. [Электронный ресурс] – режим доступа – http://adyghe.web-corpora.net/ .
5. Гучепшокова С.А. Особенности семантики концепта напэ лицо/честь/совесть в адыгейском языке. – Вестник Адыгейского государственного университет. – Серия 2: Филология и искусствоведение, 2010. – С. 89–93.
6. Анчек С.Х. Концепт как инструмент когнитивной семантики (на материале адыгейского языка) // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаяева). – Карачаевск, 18–19 октября 2019 г. – С. 431–434.
7. Толковый словарь адыгейского языка. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2012. – 500 с.
8. Тов Н.А. Паремиологическая вербализация концепта «этикет», соблюдение этикета в адыгских языках // Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии: материалы IV Международной научно-методологической конференции, проведенной в рамках Международного десятилетия языков коренных народов (Майкоп, 16–17 марта 2022 г.). / Ред.-сост. С.Х. Анчек. – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2022. – С. 110–113.

© Тхаркахова Нафисет Гиссовна (nshkhalakhova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.44

СИНОНИМИЯ В ВЕТЕРИНАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

SYNONYMY IN VETERINARY TERMINOLOGY (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

G. Khakimova

Summary: The society of the 21st century is characterized by the rapid development of various professions and digital transformations of all their sectors, which contributes to the formation of veterinary medicine, as well as related disciplines and specialties. In addition to the most important medical concepts, veterinary terminology includes words from scientific sections on chemistry, physics, biology, anatomy, virology, pharmacology, surgery, and other thesauri. Along with the above aspects, specialists in the field of veterinary medicine currently have full access to international scientific and medical information resources (open bibliographic databases and scientometric Internet platforms). According to the results of the study, the predominance of absolute synonyms among definitions is an important milestone in the «historiography» of the development of the veterinary terminology system. Moreover, these factors of medical development contribute to the emergence of medical neologisms in the German language. Among the most productive ways to form new synonyms in a designated language are morphological (derivation and conversion), morphosyntactic (word composition, abbreviation, and ellipsis), as well as syntactic and semantic. The most productive methods are suffixing and the formation of new lexical units by addition.

Keywords: synonymy, synonyms, veterinary medicine, terms, terminology, German language, neologisms, ways of word formation.

Хакимова Гюльнара Ансаровна
кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
g.khakimowa@yandex.ru

Аннотация: Общество XXI века отличается стремительным развитием различных направлений профессий и цифровыми трансформациями всех их секторов, что способствует становлению ветеринарии, а также смежных с ней дисциплин и специальностей. Помимо важнейших медицинских понятий, в основу ветеринарной терминологии включены слова из научных разделов по химии, физике, биологии, анатомии, вирусологии, фармакологии, хирургии и других тезаурусов. Наряду с вышеперечисленными аспектами, специалисты в области ветеринарной медицины в настоящее время имеют полноценный доступ к международным научно-медицинским информационным ресурсам (открытым библиографическим базам и наукометрическим интернет-платформам). Согласно результатам исследования, в роли важной вехи «историографии» развития ветеринарной терминосистемы выступает преобладание среди дефиниций абсолютных синонимов. Более того, указанные факторы развития медицины содействуют возникновению в немецком языке врачебных неологизмов. Среди самых продуктивных способов образования новых синонимов в обозначенном языке следует выделить такие, как: морфологический (деривацию и конверсию), морфосинтаксический (словосложение, аббревиацию и эллипсис), а также синтаксический и семантический. Наиболее продуктивными при этом являются такие способы, как суффиксальный и образование новых лексических единиц путем сложения.

Ключевые слова: синонимия, синонимы, ветеринария, термины, терминология, немецкий язык, неологизмы, способы словообразования.

Введение

Отличные от французских, нидерландских, британских и американских традиции, интересы и представления о здоровье животных в Германии сформировали немецкую ветеринарную профессию, определили сферу ее деятельности, что оказало влияние не только на выбор животных и болезней для изучения, но и сформировали соответствующий вокабуляр. Благодаря ориентированной на государство модели профессионализации ветеринары стали больше интересоваться государственной службой, чем частной практикой, и интерпретировать себя как людей, равных по статусу врачам и ученым, а не как целителей животных или разнорабочих. Опираясь на свой опыт в борьбе с эпизоотиями, в т.ч. после вспышек трихинеллеза, ветеринары стали заниматься зоонозными заболеваниями, тем самым, заняв доминирующее положение в сфере гигиены мяса [12, p. 25] – как итог, скотобойни превратились в площадки для накопления и становления ветеринарных знаний, а тезаурус впитал в себя соответствующий пласт лексики.

Позже ветеринары закрепили свои позиции в борьбе с туберкулезом крупного рогатого скота, успешно продемонстрировав свой опыт и вклад в развитие общества, сохранив как можно больше мяса вылеченных животных (Mitsuda 2017) [12, p. 25]. В 1969 г. Немецкая ветеринарная ассоциация учредила Всемирную ассоциацию истории ветеринарной медицины (World Association for the History of Veterinary Medicine – WAHVM), деятельность которой была сосредоточена главным образом на ветеринарии., что до конца позволило сформировать о ветеринарах представление как о медицинских работниках (Arkan, Ullah, Ahmad, Aziz 2024) [10, p. 1369].

Терминологические единицы, создаваемые в области ветеринарии, демонстрируют специфику использования синонимии в немецком языке, позволяющую диффе-

ренцировать номинации фрагмента языковой картины мира. Синонимия выше обозначенной лексики характерна вариативностью ее формы, под которой следует понимать формальные вариации одного и того же языкового знака. Такие отношения вариативности возникают между лексическими единицами, идентичными по содержанию и различающимися по способу выражения. Между тем, синонимия – это достаточное типичное явление, которое позволяет делать терминологическую систему более гибкой [13] и обогащать ветеринарный тезаурус.

Методы исследования – в статье использовались такие методы, как теоретический анализ научной литературы по обозначенной проблематике, описательный метод, компонентный анализ, агрегирование данных в единую схему, компонентный анализ, а также систематизация и интерпретация полученного материала.

Результаты и обсуждение

Ветеринарные термины делятся на три основные группы: анатомическая (дефинирующая органы животных и их функции), клиническая (включающая патологические реакции, процессы и состояния) и фармацевтическая (названия лекарственных средств, ветеринарных препаратов и лекарственных форм). В каждой из групп у слов существуют синонимы, обнаруживаемые на нескольких уровнях:

1. имеющие в своей основе греческие и / или латинские, реже французские термины, общепринятые в «международном обиходе», благодаря которым создан немецкий синоним. Либо термины, возникающие из иностранных (чаще из греческих и латинских, реже французских) элементов, напр. *"Antibiotikaresistenz"* («устойчивость к антибиотикам») – *"Antibiotikum"* («против жизни») и *"Resistenz"*, *"Atrophie"* («атрофия»);
2. возникшие в результате перевода на немецкий язык международных (греческих, латинских, французских) терминов, например, *"Bazillen" / "Bacillen" (Stäbchen)* («палочка») и т.д. Как подчеркивает О.Н. Новикова (2023), в качестве термоэлементов в обозначенной лексике выступают: *-logie, -phie, -tis, -mie, -ose, -at, -pie, -axe, -mus, -el, -us, -pra, -post, -inter, -ex* и др., а также полупрефиксы (слова, развившиеся из существительных и имеющие усиленное значение): *-hoct-, -hochst-, - groB- / klein-, haupt-, ober-, unter-, neu-* и т.д. [3, с. 21].

По мнению Г.А. Хакимовой (2018, 2022), к наиболее продуктивным способам словообразования исследуемого пласта лексики необходимо отнести «морфолого-синтаксический, морфологический, синтаксический и семантический способы» [6; 7, с. 82].

Для немецкой терминологии характерно полное или частичное совпадение значений языковых единиц. Более половины от общей доли языкового материала ветеринарной лексики составляют экзогенные термины – понятия, обозначающие внешние факторы, например проникновение инфекции извне (51%). При этом, по мнению Г.А. Хакимовой и С.А. Захаровой (2025), в более устоявшемся тезаурусе в качестве языков-доноров часто выступают латинский и греческий языки, среди неологизмов в немецкий стали проникать часто французские, гораздо реже английские термины-заимствования [9, с. 196]. В современной клинической языковой практике по настоящее время преобладают гибридные термины с немецкими компонентами; между тем среди однородных соединений более широко представлены те, которые состоят из греческих, но не латинских или немецких компонентов [11].

Как подчеркивают в своих исследованиях Г.А. Хакимова и С.А. Захарова (2025), образование сложных экзогенных терминов чаще всего обусловлено гибридизацией [9, с. 176] (см. рисунок 1):

Среди заимствованных синонимов встречаются как полностью заимствованные слова, так и термины, состоящие из заимствованных и нативных (исконно немецких) компонентов [9, с. 1805].

Среди наиболее продуктивных источников возникновения терминологических дублетов (абсолютной синонимии), согласно исследованиям Г.А. Хакимовой

Рис. 1. Модели образования сложных экзогенных ветеринарных терминов в немецком языке (рисунок наш)

(2018), следует выделить «суффиксальные, сложные слова, аббревиатуры; синонимичные термины, заимствованные из других языков; термины-кальки и эпонимы» [6, с. 52].

Помимо указанных иностранных языков, новые термины в медицине появляются в результате развития науки и техники, в т.ч. искусственного интеллекта, а также вследствие возникновения новых болезней или диагнозов, например: *kitiket* – «китикет» (дефинирование всех видов кормов для домашних животных), *familienpflegezeit* – «отпуск по уходу за больными членами семьи»; *abflachen* — «сглаживание» эпидемической кривой (замедление распространение коронавируса нового типа *Covid*-19); *rohveganer* «сырые веганы» и *fruganer* «фрукторианец» / «фруктоед» и т.д.

Ниже представлены способы создания новых терминов в ветеринарии на немецком языке (см. рисунок 2):

Как представлено на рисунке 2, наиболее продуктивными способами образования ветеринарных терминов

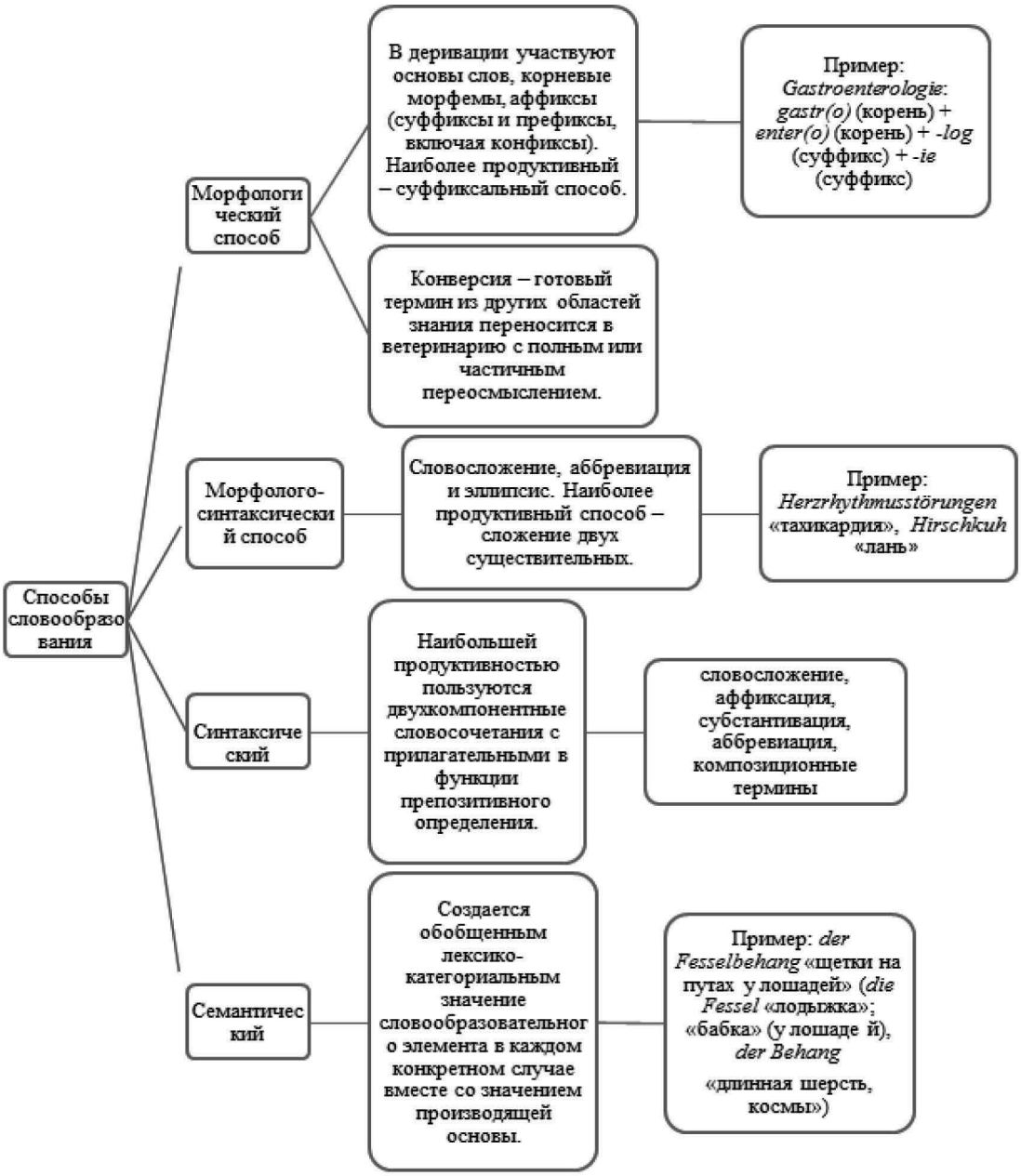


Рис. 2. Основные способы словообразования немецких ветеринарных терминов (рисунок наш)

являются:

— **деривация** – создание одних языковых единиц – дериватов – на основе других; в основе данных лексических единиц словообразовательные элементы [9, с. 180; 2, с. 119; 4, с. 139], например: *"die Gesund* + (суф.) *heit"* – «здоровье», *"die* (префикс) *Auf* + *mast"* – «откорм», с помощью конфикса: *"die* (преф.) *Auf* + *saug* + (суф.) *ung"* – «абсорбция» и др.

— **конверсия**, называемая также **безаффиксным способом**) [9, с. 180];

— **словосложение**: простое, напр., *"die Milchabgabe"* – молокоотдача; *"Milch|kuh"* – «дойная корова»; сложное, напр., *"die Warm|milch|säure|bakterien"* – «термофильные молочнокислые бактерии», *"Herz|rhythmus|störungen"* – «нарушение сердечного ритма»; *"die Zitzen|spitzen|entzündung"* – «воспаление верхушки соска»; со сложным определительным компонентом (напр., *"der Bandwurmfinnenlbefall"* – «цистицеркоз», т.е. инвазия); со сложным определяемым компонентом (напр., *"der Schaf|rauschbrand"* – «брадзот овец»); со сложными определительным и определяемым компонентами (напр., *"die Frühjahrs\schwindsucht"* – «нозематоз») [8, с. 3577];

— **эллипсис** – создание /сокращение однокомпонентных слов – феномен, когда выделяется основной термин в словосочетании и опускается его остальная часть, например, *"das Ad|rind|ern"* – «период завершения спаривания у крупного рогатого скота»;

— **аббревиация** [1, с. 55; 9, с. 180]: однозначная (напр., *H (Hamagglutinin)* – «гемагглютин» (вирусный поверхностный белок), *S. (Staphylokokken)* – «стафилококк»); двузначная (напр., *AK (die Aujeszkysche Krankheit)* – «болезнь Ауэски»; *HC (die hamorrhagische Colitis)* – «геморрагический колит»; трехзначные (напр., *MKS (die Maul-und Klauenseuche)* – «ящур»; *ALL (akute lymphatische Leukomie)* – «острый лимфобластный лейкоз» (ОЛЛ) у собак; четырехзначная (напр., *APMV (die aviaren Paramyxoviren*) – «птичьи парамиксовирусы»; *IKPM (die Internationale Klassifikation der Prozeduren in der Medizin)* – «Международная классификация процедур в медицине»; пятизначные *(TAHAV (die Tierarztliche Hausapotheken-Verordnung)* – «постановление о ветеринарных домашних аптеках» [5, с. 16-17].

— **эллипсис**, используемый чаще всего в письменной речи, а не в дискурсе, что позволяет придерживаться грамматических правил и формальностей, но при этом он неудобен для использования в устной речи.

— **синтаксический способ**, включающий в себя:

(а) словосложение, например, двух существительных: *tierarzt* «ветеринар» = *tier* «животное» + *arzt* «врач») или существительного с прилагательным (*pferdeklinik* «конная клиника» = *pferd* «лошадь» + *klinik* «клиника»;

(б) создание композиционных терминов, сочетающих несколько основ, например, *grundversorgungspraxis* «пункт первичной ветеринарной помощи» или сложные конструкции с предлогами, например, *tiergesundheitsdienst* «ветеринарная служба»;

(в) субстантивацию – переход в разряд имен существительных других частей речи, чаще всего прилагательных или глаголов, например: *krank* «больной» → *kranker* «больной» или *operieren* «оперировать» → *operation* «операция» – в последнем случае наблюдается конверсия;

(г) аффиксацию, а именно, использование префиксов: *behandlung* «лечение» → *behandlungsmethode* «метод лечения» или суффиксов: *heilen* «лечить» → *heilung* «излечение»;

(д) аббревиацию путем сокращений, например, *tiermedizin* «ветеринарная медицина» → *TiMed* или создания инициальной аббревиатуры: *Veterinärmedizin* «ветеринарная медицина» →*VetMed*.

— **семантический способ**, который наиболее характерен метонимией (от греч. – «переименование») – чаще всего встречается при создании синонимов частей тела животного [4, с. 139].

Выводы

Выводы: в синонимические отношения в немецкой ветеринарной терминосистеме вступают термины разной структуры, среди которых превалируют однословные и двухкомпонентные синонимы, представленные терминами и соответствующими аббревиациями. Среди основных способов словообразования немецких ветеринарных лексических единиц следует назвать морфологический (деривацию, конверсию), морфолого-синтаксический (словосложение, эллипсис), синтаксический и семантический. На уровне парадигматики феномен синонимии в ветеринарной терминологии представлен в основном абсолютной синонимией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гараева А.М. О Способах терминообразования в немецкой ветеринарной терминологии // Scripta Manent. 2016. №22. С. 53–57.
2. Никитевич А.В. Деривация и смысл: моногр. Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2014. 233 с.
3. Новикова О.Н. Ветеринарный дискурс: лингвистический и лингводидактический аспекты: монография / О.Н. Новикова; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государствен-

ный аграрный университет». Уфа: Башкирский ГАУ, 2023. 107 с.
4. Сычева А.К. Особенности словообразования в немецких текстах по ветеринарии // Языковая личность и перевод: материалы VI Междунар. науч.-образоват. форума молодых переводчиков им. Д.О. Половцева, посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 11–12 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: С.В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 138–141.
5. Хакимова Г.А. Аббревиация как способ словообразования в ветеринарной терминологии (на материале немецкого языка) // Национальная ассоциация ученых. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Евразийское Научное Содружество». 2015. №8–3. С. 16–18.
6. Хакимова Г.А. К вопросу о синонимии в ветеринарной терминосистеме (на материале немецкого языка) // Филология: научные исследования. 2018. №2. С. 52–60.
7. Хакимова Г.А. Мотивированность ветеринарной терминосистемы (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. №1. С. 81–86.
8. 8Хакимова Г.А. Словосложение как один из продуктивных способов словопроизводства ветеринарных терминов (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №10. С/ 3575–3583. https://doi.org/10.30853/phil20230550.
9. Хакимова Г.А., Захарова С.А. Экзогенные процессы в ветеринарной терминологии (на материале немецкого языка) // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2025. №1. С. 176–193. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2025_1_176.
10. Arkan A., Ullah Z., Ahmad Sh., Aziz A. (2024) Exploring Advancements in Veterinary Medicine: a Comprehensive Review of Current Trends and Innovations // Journal of Population Therapeutics and Clinical Pharmacology 31(5):1367-1377. https://doi.org/10.53555/jptcp.v31i5.6347.
11. Khakimova G.A. (2021) Borrowing as one of the Sources of Replenishment of the German Veterinary Terminology // National Association of Scientists 3(66):36-40. https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2021.3.66414.
12. Mitsuda T. (2017) Entangled Histories: German Veterinary Medicine, c.1770-1900 // Medical History 61(1):25-47. https://doi.org/10.1017/mdh.2016.99.
13. Rozhkov Yu. (2022) Paradygmatic Relations in the English Veterinary Terminology // Mìžnarodnij filologìčnij časopis 13(3). https://doi.org/10.31548/philolog13(3).2022.004.

© Хакимова Гюльнара Ансаровна (g.khakimowa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.45

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

FUNCTIONING OF ADJECTIVES OF THE TAJIK AND RUSSIAN LANGUAGES IN WORKS OF FICTION

Sh. Hasanzoda

Summary: The aim of this study is to identify the function of the adjectival class of words in Russian and Tajik literature. This adjective has the broadest representation in both Russian and Tajik. Examples from works of Russian and Tajik writers are provided. The linguistic material includes S. Ulughzade's novel "The Morning of Our Youth" and J. Ikromi's novel "The Twelve Gates of Bukhara", as well as the National Corpora of the Russian and Tajik Languages.

Keywords: adjectives, Russian language, Tajik language, appearance, human world, work of art, episode.

Хасанзода Шахло Рахмон
Таджикский международный университет иностранных языков имени Сотима Улугзаде, Республика Таджикистан, (г. Душанбе)
laylo.hasanov@mail.ru

Аннотация: В статье выявлена функция адъективного класса слов русского и таджикского языков в текстах художественной литературы. Приведены примеры из художественных произведений русских и таджикских писателей. В качестве языкового материала послужили роман С.Улугзаде «Утро нашей юности» и роман Джалола Икроми «Двенадцать ворот Бухары» и Национальные корпусы русского и таджикского языков.

Ключевые слова: прилагательные, русский язык, таджикский язык, внешний вид, мир человека, художественное произведение, эпизод.

Введение

Необходимость изучения имен прилагательных в таджикском языке обусловлена прежде всего его аморфностью и сходством с другими частями речи таджикского языка, отсутствием критериев их семантической дифференциации на основе универсальных и специфических признаков, внесением более четких и детальных уточнений по некоторым частным аспектам их деривации.

Актуальность данной статьи является то, что семантический потенциал имен прилагательных получает своё раскрытие и реализуется преимущественно в описании внешнего и внутреннего мира человека, так красочно и выразительно воссоздаваемого художниками слова в литературе.

Исходя из этого положения в качестве объекта исследования выбран следующий эпизод художественного текста: *Боиси гуфтан аст,ки аввал наҳангҳои бузург ва баъдан хурдтар нобуд шудаанд.Уқёнуси Ҳинд барои наҳангҳо хавфноктарин минтақа эътироф шуд,чун дар ин уқёнус олами моҳиҳо ва дигар намуди ҷонварони дарёиро назорат мекунанд. Дар кунҷаки чодир боз як духтараки аз вай хурдтар нишаста буд,дуяшон ба ҳам монанд,дуяшон ҳам зебочеҳра ва сафедпӯст буданд,лекин кӯфта менамуданд,рангҳошон парида,таги чашмхошон кабуд гашта буд. Исо андешаи дили онҳоро дарёфта,кӯдакеро гирифту пеши Худ ба по гузошт ва ба онҳо гуфт: «Ҳар кӣ ин кӯдакро ба исми Ман қабул кунад,Маро қабул мекунад;ва ҳар кӣ Маро қабул кунад,Фиристандаи Маро қабул мекунад;зеро ҳар кӣ дар байни шумо аз ҳама хурдтар аст,вай бузург хоҳад буд». Тамошоталабон рафта-рафта аз дидани ин тамошо умедашонро кандан гирифтанд ва дар майдонҳо ғун шудани онҳо ҳам рӯз то рӯз камтар мешуд ва гурӯҳҳо ҳар рӯз аз рӯзи гузашта хурдтар мегариданд.* [НКТЯ]. – *А понеже в сие училище не моложе 12 лет принимать поведено, языка же надобно научиться от 5-ти или 6-ти лет возраста, и для того нужно таким школам, где бы младенцы языком научились, быть особым не в одном месте, но повсюду, дабы в близости родителей могли первое учение воспринимать;* [НКРЯ].

В вышеприведенных примерах использованы прилагательные, которые являются непроизводными. Они обозначают не только возраст, но и объем.

Следующее прилагательное ***муқаррарӣ***, использованное в качестве определения существительного *рӯз*, относится к группе прилагательных общей характеристики предмета. Является многозначным словом, его лексическое значение выстраивается из двух ЛСВ: «1. Муайяншуда, таъйин кардашуда; 2. Одӣ, одатшуда, ба умумият даромада, таомулшуда, маъмул» [ФТЗТ, 2008, 1: с. 831]. Анализируемое слово реализовано во втором ЛСВ, которое является производным. Предложенное переводчиком соответствие, на наш взгляд, представляет собой эквивалентный вариант. Прилагательное ***обыкновенный*** является обозначением двух денотатов. Именно первое, номинативное его значение содержит идентичный с лексемой *муқаррарӣ* семный состав и выступает полным соответствием.

Вызывает интерес и другое прилагательное оригинального текста, слово ***одӣ***, моносемант, эксплицирующийся как «муқаррарӣ, сода». Сопоставив толкования двух последних прилагательных, можно заключить, что они являются тождественными словами, поскольку интерпретируются посредством друг друга и имеют общую сему 'обычный'. В свою очередь его русский эквивалент прилагательное ***обычный*** проявляет синонимичность по отношению к ранее рассмотренному прилагательному *обыкновенный*.

Таким образом, проведенных сопоставительный семантический анализ прилагательных позволил выявить их продуктивность и незаменимость при описании картин природы. Качественная природа имени прилагательного способствует более детальному и в то же время более красочному изображению действительности. Однако не каждому переводчику под силу передать всю функциональную нагрузку лексических единиц, с учётом их полисемичности и семного состава каждого лексико-семантического варианта значения слова. В конечном тексте сохранилось больше элементов повествования, описательная же сторона текста претерпела значительные сокращения и преобразования.

Каковы же особенности функционирования прилагательных в другом отрывке текста из романа Джалола Икрами «Двенадцать ворот Бухары»:

*«Зимистон, зимистони **қаҳратун** бо ҳамаи сахтиҳо, норасоиҳо ва азобҳояш гузашт. Баҳори **нозанин** бо ҳамаи хушиҳо, зебоиҳо ва шодкомиҳояш омада ҳукмрон шуд; Он сол барф чандон бисёр наборида бошад ҳам, хунукиҳои **сахт** шуд; Гоҳо бегоҳӣ дар ҳаво абрҳои **сиёҳи** боронӣ ҷамъ мешуданд, барқ ҳар замон дунёро равшан мекард, осмон гулдуррос мезад ва баъд шатар-шутур чакраҳои **калон-калони** борон ба болои шаҳр меборид. Пас аз соате насими **фораме** вазида абрҳоро пора мекард ва дар осмон ситораҳои **дурахшон** пайдо мешуданд, ки дар субҳ бо нахустин шуои **заррини** офтоб парвоз карда раванд. Ситораҳо нопадид мешуданду дар осмони **лоҷувардӣ**, <…> фароштурукҳо пайдо шуда ба бозӣ сар мекарданд»* [5, с. 454]. – *«Прошла зима, кончилась **лютая** стужа. На смену ей явилась красавица весна и стала владычицей земли, неся тепло и радость. Снега в тот год выпало мало; потому то при **сильном** и **стойком** морозе долго держались обледенелые кучки снега. По вечерам нередко сгущались **темные** дождевые тучи, часто сверкала молния, гремел гром, первые **крупные** капли дождя предвещали ливень. Разразившись, он быстро проходил, **ласковый, приятный** ветерок разгонял остатки туч, зажигались звезды. По утрам они исчезали с первым **золотым** лучом солнца. В чистом, омытом дождем **лазурном** небе затевали **веселую** игру ласточки»* [4, с. 324].

Избранный в качестве языкового материала фрагмент художественного текста содержит девять качественных прилагательных, четыре из которых соотносятся с лексико-семантической группой колоративной лексики, а именно лексемы *сиёҳ, дурахшон, заррин, лоҷувардӣ*. Прилагательное *сиёх*, используется в качестве определения существительного *абрҳо*. Поскольку данная лексема уже была объектом детального семантического анализа (стр.), остановимся на вопросе адекватности её передачи на русский язык. В качестве соответствия словосочетания *абрҳои сиёҳ* автор перевода предлагает сочетание *тёмные тучи*, что, на первый взгляд покажется неадекватным. Однако при лексическом анализе таджикского прилагательного находим, что оно, будучи полисемантом, во втором ЛСВ трактуется как «2. Торик, тира; муқоб. равшан» [10, с. 240]. Исходя из данного значения оригинальной единицы, можно предположить, что подобранное соответствие эквивалентно. В этом случае единый компонентный состав коррелирует $ЛСВ_2$ прилагательного *сиёҳ* и $ЛСВ_2$ прилагательного *тёмный* «2. По цвету близкий к чёрному, не светлый» [МАС, 1999].

Прилагательное ***дурахшон*** является элементом поэтического языка и малопродуктивно в нейтральном стиле. Моносемантично, интерпретируется как «Дурахшанда, тобанда, равшан» [9, с. 471]. Не обозначает непосредственно какой-то цвет, но указывает на яркость и блеск предмета. В данном случае является художественным определением существительного ситораҳо, выступая вербальным украшением контекста. Однако в тексте перевода эта образность потеряна за счёт допущенного лексического опущения анализируемого прилагательного. Выбор эквивалента не составляет труда, конструкцию *ситораҳои дорахшон пайдо мешунданд* легко можно воспроизвести в конечном тексте как *появлялись сияющие звёзды*.

Лексема ***заррин***, как и предыдущая единица, не является обозначением непосредственно колоративного признака. Будучи полисемичным словом, только во втором значении, образованном явной метафоризацией, основанном на уподоблении с цветом золота, выступает цветообозначением. Именно второй ЛСВ прилагательного реализован в данном контексте в качестве художественного определения, или, иными словами, эпитета к субстантиву *шуоъ*. Семантическая структура его эквивалента – русской лексемы золотой построена приблизительно в том же порядке. Будучи обозначением семи денотатов, основный ЛСВ является номинацией признака определенного предмета, содержащего золото. На основе этого значения формируются другие ЛСВ. В рассматриваемом случае прилагательное реализовано в третьем значении, а именно: «3. Блестяще-жёлтый, цвета золота» [МАС, 1999]. Другими словами, $ЛСВ_2$ прилагательного *заррин* и $ЛСВ_3$ прилагательного *золотой* можно считать абсолютными эквивалентами.

Другое цветообозначение из анализируемого кон-

текста – прилагательное *лоҷувард(ӣ)*, единственное значение которого толкуется как «кабудранг, нилгун; ба ранги лоҷувард» [9, с. 728]. Исходя из толкования можно заключить, что оно синонимично ранее рассмотренному прилагательному *нилгун*, также характеризует голубое небо, выступает поэтизмом, вследствие чего наделяет контекст выразительностью. Более того, оно также соответствует русскому ***лазурный***, который в свою очередь является и узуальным и контекстуальным эквивалентом: *осмони лоҷувардӣ → лазурное небо.*

Прилагательное ***қаҳратун*** в таджикском языке обладает очень ограниченной лексической сочетаемостью в силу того, что может выступать в качестве определения таких понятий как зима и мороз: «аз ҳад зиёд хунук, сардии шадид, тоқатфарсо, сахт» [9, с. 679]. Предложенные ТРС соответствия, в частности *суровый, свирепый, лютый*, могут выступать эквивалентами только в своих переносных значениях. Приведенный переводчиком вариант ***лютый*** может характеризовать погоду только в своём третьем значении, которое образовано путём метафоризации основного значения: «3. Очень сильный по степени проявления» [МАС, 1999].

Вызывает интерес переводческое решение лексического добавления прилагательного ***приятный*** (в сочетании *насими форам – ласковый, приятный ветерок*) и прилагательного ***весёлый*** (*бозӣ – весёлая игра*). Осуществленные добавления несут излишнюю информацию, которая отсутствует в тексте оригинала, вследствие чего они неоправданны.

Заключение

Таким образом, проведенное в рамках настоящего раздела исследование позволило установить факт широкого функционирования качественных прилагательных в описательных текстах художественных произведений. Как правило, они используются в полной форме и положительной степени сравнения. Их семантика разнообразна. Наряду с номинативными значениями слов широкое распространение получают производные и переносные ЛСВ, что придаёт тексту выразительность и образность. Большая часть исследованных в данном разделе таджикских прилагательных являются моносемичными, другая их часть представлена полисемантами с малоразвитой многозначностью. Передача адъективных лексем на другой язык зачастую осуществляется неадекватно, не учитывается при этом весь семантический потенциал слов, рамки функционирования каждого ЛСВ полисемичных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1978. – 367 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. - М.: Русский язык, 2001. - 720 с.
3. Виноградова В.Л. Лексикология и лексикография. / В.Л. Виноградова. - М., 1977. - С.162-189.
4. Икроми Дж. Двенадцать ворот Бухары: трилогия. / Дж Икроми. - М.: Сов.писатель, 1987. - 768 с.
5. Икроми Ҷ. Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро (роман). / Ҷ.Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 2016. – 560 с.
6. Малый энциклопедический словарь. / Т. 1 Вып. 1: А - Гальванотропизм. - СПб.: Брокгауз-Ефрон,1907. -1055с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. А–Й / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.
8. Фарҳанги забони тоҷикӣ.(Толковый словарь таджикского языка) - 1–2 том. А-О. [Матн] / Дар зери М.Ш. Шукуров - М.: Сов.Энцик, 1969. - 951 с.
9. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. (Толковый словарь таджикского языка) Ч.1 [Матн] / С. Назарзода, А.Сангинов, Р.Ҳошим, Ҳ. Рауфзода – Душанбе: ЧДММ «Ксерокленд» 2008. - 950 с.
10. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. (Толковый словарь таджикского языка) Қ.2 [Матн] / С. Назарзода, А.Сангинов, Р.Ҳошим, Ҳ. Рауфзода – Душанбе: ЧДММ «Ксерокленд» 2008. -945с.
11. Таджикско-русский словарь /под.ред Д.Саймиддинов, С.Холматова, С.Каримов. – Душанбе: Изд. АН РТ, 2006. – 784 с.
12. Хасанова Ш.Р. Лексико-тематическая группа прилагательных таджикского языка, характеризующих внешний вид человека (в сопоставлении с русским языком): дисс. . . . канд.филол.наук: 10.02.22, 10.02.20 / Шаъло Рахмоновна Хасанова. - Душанбе, 2015. – 171 с.

© Хасанзода Шахло Рахмон (laylo.hasanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.47

КРАСОТА В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ АЛЫМОВА

BEAUTY IN THE POETRY OF SERGEY ALYMOV

Zhang Jinping

Summary: This paper is devoted to the analysis of Sergey Alymov's poetry, with an emphasis on the key themes of his lyrics - tenderness, beauty, love. It also reveals the role of dreams in creating the artistic world of S. Alymov. The purpose of the research is to reveal how the key themes of the poet's lyrics are embodied in his work, forming his unique aesthetic semantics, and demonstrating the rich spiritual world. To achieve this goal, the following tasks were solved:: 1) to analyze the symbolism of tenderness as a core element of Alimov's lyrics in the context of the relationship of this feeling with the image of love; 2) to explore the interrelation of themes of beauty, love and dreams in the poet's poetry, paying attention to their stylistic design; 3) to reveal how musical elements, sounds and images form the polyphony of S. Alymov's artistic world. The analysis revealed that Alymov creates a multifaceted world in his poetry, where beauty, love and dreams intertwine, giving birth to works filled with tenderness, strength, and life-affirming energy. His poems are meant to awaken in the reader bright feelings and admiration for the world around them.

Keywords: literature of the Russian diaspora, Harbin, Sergey Alymov, beauty, tenderness, musicality, symbolism.

Чжан Цзиньпин
Аспирант, Государственный университет просвещения
653731349@qq.com

Аннотация: Данная работа посвящена анализу поэзии Сергея Алымова, с акцентом на ключевые темы его лирики - нежность, красоту, любовь. Выявляется также роль грез в создании художественного мира С. Алымова. Цель исследования - раскрыть, как ключевые темы лирики поэта воплощаются в его творчестве, формируя его уникальную эстетическую семантику и демонстрируя богатый духовный мир. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: 1) проанализировать символику нежности как стержневого элемента лирики Алымова в контексте взаимосвязи данного чувства с образом любви; 2) исследовать взаимосвязь тем красоты, любви и грёз в поэзии поэта, обращая внимание на их стилистическое оформление; 3) выявить, как музыкальные элементы, звуки и образы формируют полифоничность художественного мира С. Алымова. В процессе анализа выявлено, что Алымов создает в своей поэзии многогранный мир, где красота, любовь и грёзы переплетаются, рождая произведения, наполненные нежностью, силой и жизнеутверждающей энергией. Его стихи призваны пробуждать в читателе светлые чувства и восхищение окружающим миром.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Харбин, Сергей Алымов, красота, нежность, музыкальность, символизм.

Введение

Знаковой фигурой поэзии русского зарубежья является Сергей Яковлевич Алымов, творчество которого «известно всему Дальнему Востоку» [12]. В истории русского литературного Харбина С.Я. Алымов оставил самый яркий след. Находясь в эмиграции в Китае с 1917 по 1926 год, «Алымов слыл кумиром харбинской молодежи» [14, с.7]. Он не только писал прекрасные стихи, но и издавал журналы на русском языке, что не только объединило «творческие силы Русского зарубежья» [5, с.11], но и приносило им, потерявшим родину, духовное утешение.

Творческий путь Сергея Алымова принято делить на два ключевых этапа: «ранний» период (период эмиграции в Харбине), охватывающий 1917–1926 годы, и «зрелый» период, продолжавшийся с 1926 по 1948 год (период его возвращения в Советский Союз). Эти два этапа характеризуются явными различиями в стиле и тематике произведений поэта. Но если творчество «позднего Алымова» довольно хорошо известно (после возвращения из эмиграции он, в основном, прославился как советский поэт-песенник, на стихи которого создавали своих музыкальные произведения известные композиторы того времени, среди которых М. Блантер, И. Дунаевский, А. Новиков и др. [15, с. 25]), то ранний период творчества Сергея Алымова на сегодняшний день остается малоизученным и фактически неизвестным широкому кругу читателей.

Среди работ, посвященных литературной деятельности Сергея Алымова, в том числе и «харбинского периода», следует отметить исследование Т.Ф. Жаворонковой «Жизнь и творчество Сергея Яковлевича Алымов» [3], коллективную монографию «Русский Китай и Дальний Восток», в которой дается характеристика книги С. Алымова «Киоск нежности» [15]. Об С. Алымове упоминают в своем исследовании, посвященному художественному миру русского Харбина, А.А. Забияко и Г.В. Эфендиева [4]. Однако, детальный анализ отдельных стихотворений Сергея Алымова и поэтики его произведений харбинского периода представлен только в работах последних лет, среди которых особенно следует отметить исследования Е.О. Кирилловой [7; 8; 9]. Но. Но, несмотря на имеющиеся исследования, романтическая поэтика С. Алымова, которая тесным образом связана с его харбинским периодом творчества, до сих пор не получила исчерпывающего освещения в исследовательской литературе. В связи с этим в настоящем исследовании

внимание фокусируется на раннем периоде творчества Сергея Алымова, а именно - на произведениях, опубликованных поэтом в Харбине, о которых он никогда не упоминал после возвращения на Родину и которые никогда ранее не публиковались. Именно «харбинские» стихотворения С. Алымова сегодня представляют особый интерес, особенно в контексте изучения литературы «русского зарубежья».

Материалы и методы исследования

Основным материалом для настоящего исследования послужили поэтические произведения Сергея Алымова, опубликованные в Харбине в период его эмиграции (1917–1926 гг.). Особое внимание уделяется сборнику «Киоск нежности», а также другим стихотворениям этого периода, которые, согласно имеющимся сведениям, впоследствии не переиздавались и не упоминались автором.

В процессе анализа поэтических произведений С. Алымова использовались следующие методы исследования:

- биографический метод (для установления связи между жизненным путем поэта (особенно в харбинский период) и тематикой его ранних произведений);
- текстуальный анализ (для выявления ключевых образов, мотивов, символов, формирующих идеал красоты в поэзии Алымова);
- стилистический анализ (для изучения особенностей поэтического языка С. Алымова, способствующих воплощению авторского идеала красоты).
- герменевтический метод (направлен на глубокое понимание сущности литературного произведения, его контекста и значения образов).

Результаты и обсуждения

В первый, эмигрантский, период Сергея Алымова, когда он жил в Харбине, его поэзия несла в себе романтическое начало. Поэт воспевал в своих творения любовь, нежность, красоту. Этому есть объяснение. Харбин в те годы отличался ярко выраженным русским колоритом, поскольку служил убежищем для беженцев из России, которые после революционных потрясений, произошедших в России, оказались в Китае. Этот китайский город, ставший центром русской эмиграции первой волны и имеющий «самую высокую концентрацию русского населения» [11, с.23], отчего его называли восточным Петербургом» [1, с.51], «дал возможность русским беженцам после революционного апокалипсиса пожить иллюзией о прежней России, воплотив в себе на короткое время миф о золотом веке» [4, с.20]. В уникальную атмосферу «русского Харбина» и вписалось творчество С. Алымова, который отражал в своих произведениях эмоции и чувства тех, кто «волею судеб» оказался отрезан от родины.

1. Любовь, нежность и красота в поэзии Сергея Алымова

Нежность выступает стержневым элементом лирики Сергея Алымова. Поэт мастерски использует разнообразные приемы для выражения своего понимания этого чувства, которое в его стихотворениях окружено своеобразным «ореолом святости». У Алымова темы красоты и любви тесно переплетаются. Любовь наполняет внутренний духовный мир поэта, становясь той вершиной, к которой он стремится. Сергей Алымов воспевает любовь, используя целый арсенал выразительных средств, помогающих ему в создании собственной «Библии любви». Восхваляя любовь, он не только себя согревает этой идеальной, любовью. Любовь, воспеваемая им, задевает и души читателей, пробуждая в них нежные чувства.

Красота и нежность в поэзии Алымова неразрывно связаны с любовью: *«В туманный этот час приходит Красота, / В опаловом плаще по улицам пустынным – / И, как моей тоски нежнейшая мечта, / Ей светят фонари цветной гирляндой длинной»* [2, с.50].

Как видим, Красота в духовном мире Алымова персонифицирована, о чем говорит не только ее упоминание в поэтическом тексте с заглавной буквы, но и олицетворение этого абстрактного понятия с человеком: красота ходит в плаще «по пустынным улицам» и ловит на себе свет фонарей.

Но образ Красоты у Алымова соотносится не только с образом человека. Для поэта Красота — это и печаль, и «нежнейшая мечта», и постоянно бьющееся от избытка чувств сердце. В одном из дневников «харбинского периода» С. Алымов так комментирует появившийся в его сознании образ Красоты: «В густом тумане она шла ко мне. Эта сцена была похожа на сон, который появлялся бесчисленное количество раз. Уличные фонари светились слабым желтым светом. Все было так неясно, так пасмурно и дымно. Казалось, Красота сошла с небес. Свет уличных фонарей осветил ее тело, удлинив фигуру, в этот момент она и упала - с неба, как ангел. И мне пришлось снова обратиться к моей «Библии любви», чтобы снова и снова восхвалять Красоту» [14].

В стихотворении «Город на рассвете» [2, с.64-66] Сергей Алымов раскрывает нежность, наполненную жизненной силой. Город пока еще спит Погруженный в нежность сна, он предается грезам. И вдруг- *«Пролетка робко прогремела, / Не разбудивши мостовые»*. Это несмелое движение пролетки, которая старается сохранить тишину, подчеркивает общую атмосферу просыпающегося города, который восстает от сна в сопровождении нарастающего шума. Но люди не хотят

пробуждаться, жадно цепляясь за иллюзорную нежность и счастье, обретенное в грезах. Они изо всех сил сопротивляются грядущей реальности, о чем говорят следующие строки: «*Люди, исступленно ждущие видений, / Спрятаны домами и объяты снами*». На первый взгляд кажется, что поэт, описывая яркий переход города от сна к жизни, свойственный весне и рассвету, заглядывает в будущее, пронизывая стихотворение робкой надеждой, появившейся на горизонте. Но, с другой стороны, если обратиться к более глубокому контексту, то данное стихотворение наполнено щемящей тоской.

В дымке предрассветного утра, наполненного тишиной и покоем, по улицам, окутанным серым туманом, одиноко бредет *«бездомный поэт»,* жаждущий любви. И на трепещущей заре он встречает «прекрасную незнакомку»: *«Кто эта женщина в узко обтянутом платье, /… / Кто подарил ей и взял ее острые ласки?»*

В ожидании рассвета любовь лавиной накрывает поэта, и он покорно принимает нахлынувшее на него чувство, которому готов отдаться безраздельно. Ему кажется, что огонь любви никогда не погаснет. *«Я обнял ее, как грезу, тихо без желаний. /…/ Что-то новое входило в нашу жизнь с Востока»*.

На фоне солнца, которое еще только начинает освещать пробуждающийся город, два трепещущих сердца начинают сближаться, ощущая полное взаимопонимание. Несмотря на мимолетное знакомство, любовь уже постучалась в их души. Мужчина и женщина, охваченные любовью, напоминают две юные пальмы, склонившиеся *«над городом тихим и сонным, / В жемчужной оправе рассвета...»*.

На пустынной утренней улице два сердца, трепещущие от холода и одиночества, сближаются, как две дрожащие, но крепкие пальмы. Крона дерева чуть нагнулась, и тела двух одиноких людей, повторяя ее движение, начали склоняться друг к другу, охваченные нежным порывом. В этот момент они дарят друг другу тепло и нежную ласку. С наступлением утра, когда город начал пробуждаться, два сердца продолжают мечтать, увлекая друг друга в свои прекрасные, полные нежности, сны. Так, в этом спящем, окутанном серым туманом, утре, зарождается чувство, называемое любовью.

Поэт обладает редким даром создавать грёзы, погружая читателя в мир, где любовь является единственным действующим лицом. Именно любовь – то, чего жаждет сам автор, – дарует ему чувство безопасности. В этом предрассветном городе, где царит тишина и в бледном свете появляются первые очертания пробуждающейся жизни, встречаются два молодых, одиноких, блуждающих сердца. Их любовь резонирует с пробуждающимся городом, который становится неотъемлемой частью и главным смыслом чувств поэта в этот предрассветный час. Его любовь - подобна росе, в которой отражаются первые лучи солнца.

В городе, созданном фантазией поэта, все живет мечтой. При этом мечты жителей, как и мечты самого города, не рассеиваются с наступлением рассвета и восходом солнца. Напротив, они окрашиваются яркостью солнечного света, обретая ясность и полноту чувств. У города есть своя мечта, как есть мечта и у каменного моста, и у пальм, и у самого поэта. В конечном итоге, все сны сливаются в единую мечту, мечту рассвета, – прекрасную, ясную, робкую и трепетную мечту, которую мы называем любовью и которая устремляется в небо.

Грёзы занимают особое место в поэзии Сергея Алымова, и данное стихотворение служит ярким тому подтверждением. Поэт выступает здесь как художник и фотограф одновременно, превращая грёзу в осязаемый образ, как на живописной композиции, где изображены одинокий бродячий поэт и группа ищущих утешения женщин – таких же одиноких и печальных, которые сидят на скамейке под пальмами, прижавшись друг к другу.

Так и на картине, созданной поэтом. Нежные нити солнца, струящиеся с востока, пронизывают сцену золотым светом. Вместе с мечтой, грезой приходит и любовь, согревающая и утешающая всё вокруг. Серый утренний туман рассеивается, уступая место двум пальмам, кроны которых, словно в безмолвном порыве, медленно клонились к поэту.

«Город на рассвете» - лирическое стихотворение, посвященное любви. Можно сказать, что это произведение наполнено солнечной энергией и несет в себе жизнеутверждающий смысл. Благодаря нежной мощи поэтического слова оно дарит людям жизненную силу и надежду, подобно пробуждающемуся городу и рассвету. Источником этой нежной силы является, прежде всего, обостренное чувство прекрасного, которым обладает поэт. Его зоркий глаз способен видеть красоту, а душа, наполненная любовью, постоянно открывает новые источники вдохновения и счастья, где бы он ни находился.

«Авпятнахулицсерых,/Естьсчастьенепропетое»,- пишет С. Алымов [2, с. 60]. Город, все вокруг него и весь мир прекрасны в глазах автора. Даже в светлых пятнах на серых улицах, которые трудно назвать красивыми, поэт замечает еще не воспетое счастье. Поэт искренне любит и ценит окружающий его прекрасный мир. Он любит цветы, деревья, белые облака и солнечный свет, любит прохладный воздух по утрам и красивую женщину, дрожащую от холода в предрас-

светном тумане. Эта любовь делает его счастливым, и свое счастье он переносит на бумагу, которая случит источником, использованным для выражения красоты и стремления к ней.

2. Цветы как символ выражения красоты

Среди многообразия художественных средств, используемых Алымовым, особое место занимают цветы, через которые он выражает свои внутренние переживания и духовные искания. В его лирике часто встречаются образы ландыша, жасмина, цветущей сливы, розы, сирени, фиалки, гортензии и других цветов. Цветы для Алымова являются символами красоты и нежности, которые переполняют сердце поэта, а также воплощением любви. В его поэзии флора - ключевое средство выражения эстетической семантики.

Обращение Алымова к цветовой символике не случайно, а коренится в богатой русской литературной традиции, где флора всегда играла важную роль. Харбин - город, в котором преобладал русский архитектурный стиль и на улицах благоухали «русские» деревья, кустарники и цветы - стал в сложное для поэта время «потери родины» «островом спасения» от тоски.

Алымов всегда глубоко чувствовал природу. Цветы в его творчестве — это не просто символы красоты, но и верные спутники его духовного мира, дарящие поэту постоянный душевный комфорт. Любовь поэта к цветам настолько сильна, что они порой становятся олицетворением его души, как в следующих строках: *«Вся моя душа, как ландыш, в зимостужу расцвела!»* [2, с.115].

Цветы в поэтическом творчестве Алымова часто выполняют роль посланников. Поэт зачастую обращается к своей возлюбленной, используя образы цветов: *«Ваша кожа пахнет сладко, как черемухи цветы, / И поэтому зову Вас я черемуховой Мисс…»* [2, с.115].

Алымов мастерски наделяет каждый цветок уникальной символикой, чтобы передать весь спектр своих эмоций. Так, символом любви у него являются розы, что вполне естественно в контексте европейской культурной традиции. *«Новый год – амур в собольей шубке, / В колпаке из ландышей и роз. / Ты невидим – и соседку в губки, / За тебя целую я взасос»* [2, с.83].

Помимо ассоциации цветов с общим образом возлюбленной, Алымов нередко прибегает к цветовой символике для описания телесной красоты. Так, в стихотворениях «Генриэта» и «Руки» он сравнивает губы с гвоздикой, подчеркивая тем самым их нежность и аромат. *«Твой рот мгновенно вспыхнул страстью томной. / Гвоздику кто в твой рот тогда воткнул?»* («Генриэта») [2, с.123]. *«Твой рот – безгрешные детские сказки, / Гвоздика на волчьих снегах»* («Руки») [2, с.166].

В стихах Алымова, помимо роз, сирени, лилий и других цветов, особое место занимает жасмин.

Для поэта до конца его дней жасмин оставался незыблемым символом чистоты и вечности, а также цветком, наиболее полно отражающим его любовную семантику. В стихотворении «Любовь на час» Алымов напрямую отождествляет возлюбленную с жасмином. В его глазах она предстает белой и чистой, как сам жасмин. Ее трогательная улыбка - подобна образу из строки *«Цветы жасминов целовал хрусталь»*. В поэзии Алымова возлюбленная часто появляется и исчезает, окутанная ароматом жасмина. В этот момент цветы жасмина сливаются с ее образом, становясь его неотъемлемой частью. Строки *«Она, смеясь, умело обнажилась… / (Цветы жасминов целовал хрусталь). /… / Она склонилась медленно к жасмину, / И так же взглядом кинула: Прощай»* [2, с.59] ярко иллюстрируют это слияние.

Для Алымова цветы — это не просто средство выражения его философии любви и эстетической семантики, но и живое воплощение его духовных исканий. *«Пора покоя скинуть власть: / Мечтавший долго любит злее. / Спешите насладиться всласть! / К цветам идите по аллее»* [2, с.112].

Для Алымова цветы — это воплощение красоты и нежности. Это те маяки, к которым он устремляется, и тот духовный берег, что манит его.

Цветы олицетворяют красоту, беспокойность и нежность в сердце Алымова. Это то, к чему он смело стремился, и духовный берег, которого он хочет достичь [10, с.287].

3. Музыкальность в поэзии Сергея Алымова

Поэзия Алымова не только символична, но музыкальна. Прямо или косвенно, но музыка заполняет собой весь его поэтический мир. Музыкальность стихов Алымова — это глубинная основа той нежности, которая пронизывает каждое его произведение. Сочетание музыкальных мотивов, звуковых выражений, богатство цветовой палитры сплетаются воедино, создавая удивительную гармонию в поэтическом мире Алымова. Как отмечает Е.О. Кириллова, его стихи «отличаются изумительной музыкальностью, благозвучием, утончённой, изысканной прелестью слова» [8, с.115].

На страницах поэтического сборника «харбинского» периода можно найти большое количество образов музыкальных инструментов. В тихах Алымова звучат:

- шарманка: *«С варварским свистом играет шарманка»* [2, с.78].
- флейта: *«Ничего… только шорохи флейтно - вдумчивой страсти. / Только тонкие контуры прихотливо-изящные…»* [2, с.123].

- арфа: *«Все море – арфа грозная, / Гирлянда белорозная»* [2, с.129].

Алымов – истинный ценитель искусства во всех его проявлениях. Он не только был превосходным поэтом, но и страстно увлекался музыкой, живописью и другими видами творчества. Читатели видят в нем одновременно и заботливого садовода, выращивающего в своем саду прекрасные цветы, и дирижера симфонического оркестра, который мастерски управляет множеством музыкальных инструментов, создавая в своих стихах настоящие поэтические симфонии. По мысли Е.О. Кирилловой, «музыкальными мотивами пронизана вся лирика поэта» [9, с.207].

Чувство гармонии и нежности, порождаемое музыкальностью, особенно ярко проявляется в цикле стихотворений под названием «Фиалковая симфония».

В этом цикле Алымов обильно использует музыкальные термины и обращается к творчеству многих артистов, что не только обогащает художественное звучание всего цикла, но и демонстрирует богатый творческий потенциал поэта, его художественный талант и силу метафорического мышления. Примером тому служат строки: *«Виоле Виольной, Виоле фиалковой… / Виоле Шопенной, шаблисто – кларетовой, / Не нашей, нездешней, очащей русалково, / Гобои и скрипки симфоны поэтовой»* [2, с.84]. Это произведение - настоящая песнь музыке и любви. В своей симфонии поэт объединил поэзию, боль, нежность и страсть, воплотив их в музыку. Таким образом, музыка в этом цикдле стала не только основным содержанием его лирического выражения, но и ключевым средством передачи глубины духовных поисков поэта.

Именно добавление музыки оживляет сад грез Алымова, наполняя мир прекрасных цветов живыми звуками. Подобно божественному творению, поэт усердно возводит для себя духовный очаг в художественном мире своей поэзии – место, где царят лишь нежность, любовь и красота, где нет места страху или одиночеству. Этот очаг приветливо раскрывает свои двери для таких же странников, как сам поэт, приглашая их погрузиться в прекрасную и нежную грезу о весне и красоте, постоянно возрождающейся из пепла, словно птица Феникс. Неудивительно, что Алымов, обладающий столь ярким талантом, был назван «покровителем муз, харбинским Аполлоном» [13], который «восхищается музыкальным искусством любимых композиторов» [3, с.113].

Музыкальность поэзии Алымова проявляется не только в использовании музыкальных терминов и имен музыкантов, но и в оживающем многоголосии звуков. Мы слышим в поэтических строках произведений Алымова не только полифонические звуки природы, такие как шум дождя (*«Кап-кап… кап-кап… стучат дождя капели»* [2, с.102]) и шум волн: (*«И с хохотом, / И с грохотом, / С протяжно – медным рокотом, / Бушует демон бурь»*) [2, с.129], но и звуки, олицетворяющие женщин, например, звук высоких каблуков: *«Иду от вас утонченной и рыжей, / И в сердце – стук французских каблуков…»* [2, с.98]. Звук французских высоких каблуков создает модный, элегантный и красивый женский образ. *«И потому на тротуаре – / Стон каблука»* [2, с.100]. Поэт использует слово "стон" для описания звука высоких каблуков, что является ярким примером метафоры.

Поэзия Алымова напоминает сад, растут не только цветы, но и звуки, завораживающие своей красотой. Красота пленительных звуков также является неотъемлемой частью эстетической семантики его поэзии.

Заключение

Русское литературное зарубежье в Китае имеет «отечественную интеллектуальную и духовную ценность» [6, с.6]. Сергей Алымов в своих стихотворениях «оказал значительное влияние на тогдашнюю художественную жизнь всего Дальнего Востока, задав тон литературно-поэтической ситуации и породив эстетов-подражателей» [7, с.99].

Анализ раннего творчества С. Алымова позволяет нам увидеть не только его многогранный художественный талант, но и глубокую духовную связь с миром искусства. Сочетание тонкой лирики, богатства символики и мастерского владения, словом, создает уникальное пространство, где музыка, цветы и живопись сливаются в единую симфонию, отражающую искания поэта и его неповторимое видение красоты.

Поэзия Алымова напоминает нам величественный сад, где каждый цветок, каждый звук несут в себе отблеск его души. Творчество С. Алымова, наполненное любовью к искусству и стремлением к гармонии, остается вечным свидетельством силы духа и неиссякаемого таланта.

Алымов – не просто поэт, но художник, творчество которого пронизано любовью ко всему прекрасному. Его способность объединять в своих стихах музыку, живопись, флору, наделяя их глубоким символическим значением, делает его поэзию глубоко символичной и многогранной.

Вся поэзия Сергея Алымова — это гимн красоте во всех ее проявлениях, симфония чувств и мыслей, воплощенных в слове. Его творчество, отличающееся глубиной, музыкальностью и богатством образов, остается ценным вкладом не только в русскую, но и в мировую литературу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). – М.: Терра-Спорт, 1998. 543 с.
2. Алымов С.Я. Стихи и песни / Составитель, автор вступительной статьи Таисия Жаворонкова. – Одинцово, 2013. 217 с.
3. Жаворонкова Т.Ф. Жизни и творчество Сергея Яковлевича Алымова. – Одинцово: ААОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2012, – 208 с.
4. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Четверть века беженской судьбы. . . (Художественный мир лирики русского Харбина). – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – 428 с.
5. История русской литературы XX века: Учебное пособие для студентов-филологов: в 4-х кн. Кн. 2: 1910-1930-е годы. Русское зарубежье / Л.Ф. Алексеева, А.М. Ваховская, Л.В. Суматохина и др.; под ред. Л.Ф. Алексеева. – М.: Высшая школа, 2012. – 318 с.
6. Их дальний путь лежал в изгнанье. . .: антология-хрестоматия произведений литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока / Сост.: Якимова С. И., Бабкина Е.С., Ковальчук И.Ю. и др. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – 252 с.
7. Кириллова Е.О. «Обязательнее всех был Алымов»: штрихи к биографии эстета, кандальщика и песняра. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8. Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко. Г.В. Эфендиевой; пер. На кит. Вн Юйци; пер. На англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2021. – 262 с.
8. Кириллова Е.О. Серебряный век дальневосточной поэзии и «чудесный ребенок непогибшей богемы»: Владивостокско-Харбинские стихи Сергея Алымова. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8. Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко. Г.В. Эфендиевой; пер. На кит. Вн Юйци; пер. На англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2021. – 262 с.
9. Кириллова Е.О. Темы музыки и любви в творчестве С. Алымова как репрезентация духовно-ценностных ориентиров дальневосточной поэзии Серебряного век. «Научный диалог». №5, 2021. С. 202– 224.
10. Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) / Ю. Крузенштерн-Петерец // Рубеж. – № 9, 2009. С. 285–296.
11. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
12. РГАЛИ, фонд 1885, опись № 2, ед.хр. № 70. Л. 33.
13. РГАЛИ, фонд 1885, опись № 5, ед.хр. № 10. Л. 16-оборот.
14. 1Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001. – 720 с.
15. Русский Китай и Дальний Восток. Вып. 2. Возвращенные страницы восточной ветви русской эмиграции. Коллективная монография. – СПб.: Алетейя, 2024. – 508 с.

© Чжан Цзиньпин (653731349@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.12.48

КАРИКАТУРА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ДИСКУРСЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

CARICATURE AS A LINGUISTIC PHENOMENON IN MASS MEDIA DISCOURSE

E. Sharipova
M. Zaichko
N. Laletina
N. Khramova

Summary: In the modern world, various methods of information transmission exist. These methods influence reactions to current events, news, and sensations. Graphic images are one of the most popular and widespread means of data transmission. There are many forms of visual information transmission: illustrations, animation, infographics, video, interfaces, and graphic design. The authors devoted their work to studying the phenomenon of caricature, which is a synthesis of visual art and linguistic phenomenon. They provide a definition of this phenomenon, present the functional characteristics of caricature, and identify its main types in the media.

Keywords: caricature, graphic image, linguistic phenomenon, social reality.

Шарипова Эльвира Маннуровна
кандидат социологических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет
elvira_sha2009@mail.ru
Заичко Маргарита Васильевна
старший преподаватель, Тюменский индустриальный университет
rzaichko@mail.ru
Лалетина Наталья Дмитриевна
старший преподаватель, Тюменский индустриальный университет
laletina2006@rambler.ru
Храмова Наталья Аркадьевна
старший преподаватель, Тюменский индустриальный университет
hramovana@tyuiu.ru

Аннотация: В современном мире существуют различные способы передачи информации. Именно от них зависит реакция на происходящие события, новости, сенсации. Графическое изображение является одним из наиболее востребованных и распространённых средств передачи данных. Существует много форм визуальной передачи информации: иллюстрации, анимация, инфографика, видео, интерфейсы, графический дизайн. Авторы посвятили свою работу изучению такого феномена, как карикатура, который является синтезом изобразительного искусства и лингвистического феномена. Дано определение этого явления, представлены функциональные характеристики карикатуры и выявлены ее основные виды в средствах массовой информации.

Ключевые слова: карикатура, графическое изображение, лингвистический феномен, социальная реальность.

На каждом этапе развития человечества способы передачи информации проходили долгий путь эволюции. Они не только способствовали передаче информации, но и способствовали обмену знаниями, который приводил к прогрессу общества, формируя первые тенденции политики, экономики и культуры. Люди использовали звуки, жесты и мимику, позже в древнем мире появилась письменность, в средние века почта и сигнальные огни, XIX век ознаменовал себя телеграфом и телефоном, а XX стал эпохой радио, телевидения и Интернета.

Современные реалии предлагают различные способы передачи информации. Именно от них зависит реакция на происходящие события, новости, сенсации. Графическое изображение является одним из наиболее востребованных и распространённых средств передачи данных. Визуальные объекты способствуют более быстрому восприятию информации за счёт запоминающихся ярких рисунков и красок. Существует много форм визуальной передачи информации: иллюстрации, анимация, инфографика, видео, интерфейсы, графический дизайн. Отдельное внимание заслуживает такой феномен, как карикатура, который является значимым жанром изобразительного искусства.

В средствах массовой информации карикатура зачастую является иллюстрацией к статье, дополняя ее, раскрывая отношение автора к описываемой ситуации.

Карикатуры всегда являются отражением самых злободневных проблем, того, что касается многих. Одна из самых актуальных и обсуждаемых тем последних нескольких лет стала всемирная пандемия коронавируса. Сейчас этот вирус воспринимается как сезонное заболевание. Но пять лет назад неизвестность пугала и привлекала людей, каждый пытался получить как можно больше информации, чтобы защитить себя и близких. Пандемия не могла не повлиять на многие аспекты жизнедеятельности человека, в том числе на творческую со-

ставляющую. Большое количество карикатур стали посвящать теме COVID-19.

Сейчас более злободневными являются политические проблемы, связанные с происходящим на мировой арене. Влияние актуальных тем на данный вид графического изображения нельзя преувеличить, что вызывает потребность научного понимания этого феномена и тщательного изучения проблемы.

Цель исследования – дать определение понятию карикатуры, представить их функциональные характеристики, а также проанализировать их вербальный и невербальный компонент.

Для достижения цели работы необходимо решение следующих задач:

1. Изучить теоретическую и научную литературу по проблемам исследования карикатуры в лингвистике;
2. Рассмотреть понятие карикатуры как лингвистический феномен;
3. Представить функциональные характеристики карикатуры и выявить ее основные виды в средствах массовой информации.

Авторами были использованы такие методы исследования как общенаучные и частные: методы индукции и дедукции, методы анализа, синтеза и описания, а также методы дефиниционного, когнитивного, прагматического, сравнительно-сопоставительного анализа.

Благодаря исследованиям М.А. Беловой и В.М. Шаклеина можно утверждать, что впервые с карикатурами человечество столкнулось в художественной культуре во времена античности и средневековья. Их эволюции послужило развитие печатного дела. Обладая «собственными социальными разоблачительными задачами», карикатура несет в себе стилевые признаки своего времени. Во многих карикатурах конца XVIII начала XIX веков наблюдаются принципы классицизма, временной промежуток XIX и XX веков отражает в себе стиль «модерн». Помимо этого, карикатуры раскрывают социальные, политические и бытовые проблемы разных временных эпох. Подобная тенденция отмечается не только в изображении карикатур, но и в их текстах того времени [3].

Для полного понимания феномена «карикатура» рассмотрим несколько определений этого понятия.

По мнению В.А. Белоусовой-Лебедевой и Е.В. Блонкиной, карикатура – это специфический жанр изобразительного искусства, подразумевающий особую точку зрения, ракурс, который выявляет деформации социальной реальности, усиливает их и в гипертрофированном виде подаёт обществу, кривое зеркало, выявляющее правду [4].

В отличие от комиксов, которые представляют собой рассказы в картинках, серии иллюстраций, расположенных в логической последовательности [13,14,15,16], карикатура – (итал. caricatura, от caricare – нагружать, преувеличивать), согласно определению, представленному в Большом энциклопедическом словаре, это изображение, в котором комический эффект создается соединением реального и фантастического, преувеличением и заострением характерных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями, жанр изобразительного искусства (обычно графики), являющийся основной формой изобразительной сатиры, часто обладающий тенденциозной социально-критической направленностью, подвергающий осмеянию какие-либо социальные, общественно-политические, бытовые явления, реальных лиц или характерные типы людей [5].

Другие ученые понимают под карикатурой самостоятельную систему, в которой взаимодействуют знаки вербального и невербального характера. При этом наиболее тесная смысловая связь обнаруживается между графическими элементами и фразеологическими единицами, которые активно используются при выборе емкой и лаконичной подписи и способствуют более глубокому раскрытию художественного образа карикатуры.

Е.В. Середина в своих работах относит к карикатурам любое изображение, где сознательно создается комический эффект, где художник совмещает реальность и фантастику, преувеличивает, акцентирует специфические черты людей, изменяет соотношения их с окружающим миром и использует неожиданные сравнения. В более узком смысле карикатура относится к особому жанру изобразительного искусства, как правило графики, является основной формой изобразительной сатиры и обладает ясной идейной социально-критической направленности. Визуальный компонент карикатуры несёт в себе значительную часть информации и является равноценным компонентом текста. Вербальный компонент в свою очередь, служит комментарием или дополнением к визуальному [10].

Таким образом, после обработки теоретических данных, посвященных определению термина «карикатура» есть основание утверждать, что главным отличием карикатуры является наличие комического компонента, сатиры и юмора. Карикатура – это не просто рисунок, это некий текст в непривычной для нас форме, передающий идею автора. Цель карикатуры – высмеять людей, группу лиц или важные и значимые события, происходящие в мире. В основе карикатуры лежит иконическая составляющая (иллюстрация) и вербальный компонент (текстовая часть), точно дополняющий иллюстрацию. Однако карикатура может существовать как с текстом, так и без него.

С лингвистической точки зрения карикатура может рассматриваться как креолизованный текст. Феномен креолизованного текста не раз становился предметом изучения многих лингвистов. Масштабный вклад в развитие в его изучение внесли труды таких ученых, как А.С. Айнутдинов, Е.Е. Анисимова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Е.А. Энгель [1, 2, 11, 13, 14, 15, 16].

Согласно Е.Е. Анисимовой, роль креолизованных текстов в современном мире возрастает, поскольку иллюстрация, аудиальные средства совместно с вербальными компонентами показывают общую картину современного мира, моральные ценности, мировоззрение, технический прогресс, а также религиозную и высококультурную составляющую [2, с. 128].

В научном дискурсе «креализованный текст» утверждается, что главная идея текста может быть передана вербально (словесно) или иконически (изобразительно). Это помогает создать для читателя наиболее благоприятные условия для понимания текста. Следовательно, креолизованный текст — это сочетание вербальных и невербальных способов передачи информации [9].

Отечественные лингвисты Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов дают следующее терминологическое обозначение креолизованных текстов. Это тексты, в структурировании которых наряду с вербальными средствами принимают участие иконические (картинки, фотографии, карикатуры, рисунки) и другие средства (шрифт, цвет, подчеркивание, выделение курсивом и др.). Информация, содержащаяся в креолизованном тексте, в силу целостности и связности воспринимается как некий единый смысл [11 с. 179].

Е.А. Энгель, которая посвятила достаточное количество трудов изучению комиксов, утверждает, что «на семиотическом уровне комикс предстает как новый осложненный тип текста с взаимодействующими вербальными и невербальными (иконическими) типами знака, т.е. комикс выступает креолизованным текстом» наряду с карикатурой [15; с.582].

Согласно исследованиям Е.В. Тумаковой всего креолизованый текст чаще используется в средствах массовой информации. По ее мнению, существует 6 основных причин использования креолизованного текста [12]:

1. Ориентация на визуальное восприятие текста;
2. Информационная емкость;
3. Экономия речевых усилий;
4. Воздействие на читателя (привлечение внимания);
5. Передача чувств, эмоций, оценок;
6. Игра с читателем

Поскольку креолизованный текст на протяжении длительного периода времени является предметом изучения многих ученых, исследователи разделяют креолизованный текст на различные подгруппы.

М.Н Левченко и А.В Изгаршеву удалось выделить основные модели креолизованного текста в дискурсе средств массовой информации [8]

1) Демотиватор. Структура демотиватора включает в себя слоган и краткий комментарий, раскрывающий основной смысл слогана.

Данная модель креолизованного текста имеет четкую композицию и содержит три основных элемента: изображение в черной рамке, слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом с засечками и пояснительную надпись к лозунгу, набранную более мелким шрифтом.

2) Эдвайс. Статичный письменный текст, разбиваемый изображением на две части. При последовательном прочтении возникает эффект неоправданного ожидания, что в конечном итоге приводит к смеху. Персонажи данного типа являются представителями классических профессий или социальных групп.

3) Карикатура. Вид креолизованного текста, который исследуется в данной работе. В классическом понимании является гиперболой, преувеличенным, искажённым изображением человека или предмета, в котором реальное и фактическое не совпадают. Несет в себе юмористическую направленность.

4) Интернет-комикс (strip). Следует отличать от традиционных комиксов. Традиционные комиксы, как правило, не обязаны нести в себе юмористическую направленность. Основной принцип направления - это присутствие от двух до пяти закономерных рисунков, связанных между собой единой сюжетной линией. Важно отметить, что вербальные элементы комикса чаще всего представлены в форме диалога.

5) Саркастические открытки - жанр, в юмористической или сатирической форме изображающий бытовые, социальные, общественно-политические явления или типы людей. Зачастую используется такой прием, как «игра слов».

6) Пост (пост с фото-подборкой) – креолизованный текст развлекательного или познавательного характера, сопровождающийся отдельными фотографиями или изображениями. Состоит из 2 частей: иконический компонент, на котором, как правило, изображен текст, а также юмористической подписи к этому иконическому компоненту. Оба компонента необходимо рассматривать как единое целое. Зачастую иллюстрация сопровождается одной фотографией. Авторы часто используют рифмы, что способствует добавлению уникальности. На-

пример, вербальный компонент - юмористическая подпись сверху: «Как трудно человеку в тисках одного города, где даже…», далее следует иллюстрация -табличка с указанием «Вход в аптеку с обратной стороны». Следует помнить, что и тот, и другой компонент должны рассматриваться вместе без пауз.

7) Интернет-цитаты – креолизованный текст, включающий в себя цитату известного человека на нейтральном фоне или на фоне его изображения. Чаще всего данный феномен содержит цитаты великих людей без указания источника. Это может нести в себе как юмористический характер, так и поучительный. Нередко цитаты приписываются не тем людям. Причина кроется в придании комичности ситуации. Также для придания комичности в зависимости от аудитории, региона или ситуации цитаты могут изменяться, при этом, не теряя основного смысла. Например, цитата с применением вербального компонента в виде сопровождения портрета.

Рассмотрев 7 моделей креолизованного текста, остановимся на 3 пункте: карикатура, как креолизованный текст. Согласно учениям Е.Е. Анисимовой существует основная классификация карикатуры, как креолизованного текста. Е.Е. Анисимова разделяет карикатуру на 3 основные группы креолизованных текстов:

1. Тексты с нулевой креолизацией, (изображение не представлено).
2. Тексты с частичной креолизацией, (вербальная часть не зависит от иллюстрации, в свою очередь иллюстрация необязательна).
3. Тексты с полной креолизацией. В данном примере вербальная часть не может отдельно существовать от иконической. Вместе они образуют единое целое и гармонично дополняют друг друга [Анисимова, с. 15].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что характерная черта карикатуры, как креолизованного текста — это наличие целостного и единого смысла при помощи вербального иневербального компонентов, которые гармонично дополняют друг друга, выражая при этом отношение автора к событию, случаю или отдельной личности.

Таким образом, в 21 веке карикатура является популярным способом передачи актуальных событий, происходящих в мире. Печатные источники и интернет-ресурсы, содержащие в себе карикатуры, повышают интерес потребителя за счет яркой и непосредственной иллюстрации, так как она легче воспринимается за счет шутки, комизма и иронии.

Определив наиболее точное понятие термина «карикатура», есть основание сделать вывод о том, что карикатура – это изображение, передающее комический эффект и имеющее юмористическую направленность.

В своих работах карикатурист показывает личное отношение к жизни, к известным людям и различным ситуациям, происходящим в мировой политике и экономике.

Основная особенность выражается в содержании иконического компонента (изображения) и вербальной части (текстовое содержание). Оба элемента дополняют друг друга и при соразмерном сочетании подразумевают под собой такое понятие, как «креолизованный текст».

Карикатура является одной из моделей креолизованного текста в средствах массовой информации и выполняет такие функции, как: информационная, коммуникативная, эстетическая, познавательная, воспитательная и функция психологической разрядки.

Кроме этого, проанализировав исследовательские работы можно утверждать, что существуют 6 наиболее популярных типов карикатур: шаржи и портреты, социально-бытовая карикатура, изошутка, strip, философская и политическая карикатуры, используются в печатных изданиях и онлайн ресурсах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айнутдинов А.С. Типология и функции карикатуры в прессе [Электронный ресурс]: Вестник ЧелГУ. 2008. №21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-i-funktsii-karikatury-v-presse (дата обращения: 20.09.2025).
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммункация на материале креолизованных текстов: учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков. — М.: Академия, 2003. 15 с. 128 с. (дата обращения 25.08.2025)
3. Белова М.А., Шаклеин В.М. Лингвокультороло гический анализ текстов карикатур [Электронный ресурс]: Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2012, № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiyanaliztekstovkarikatur/viewer (дата обращения 19.09.2025).
4. Белоусова-Лебедева В.А., Болонкина Е.В. Карикатура в творчестве Е.В. Сурикова [Электронный ресурс]: Искусство Евразии №1(8), 2018 ISSN 2518-7767. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/karikatura-v-tvorchestve-v-i-surikova (дата обращения 24.08.2025).
5. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. - 2-е изд., перераб. и доп. М: Большая рос. энцикл., 1997. URL: http://www.onlinedics.ru/slovar/bes/k/karikatura.html (дата обращения 19.07.2025).
6. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013. 194 с. (дата обращения 26.08.2025)

7. Ефимов Б.Е. Основы понимания карикатуры / Ефимов Б.Е. – М., 1961. – с. 456 (дата обращение 19.07.2025)
8. Изгаршев А.В., Левченко М.Н. Креолизованный текст в системе Интернет: Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. №4. URL: file:///C:/Users/USER/Downloads/kreolizovannyytekstvsistemeinternet%20(3).pdf (дата обращения 27.08.2025)
9. Максименко О.И. Поликодовый VS. Креолизованный текст: проблема терминологии [Электронный ресурс]: Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2012, № 2. URL: file:///C:/Users/USER/Downloads/polikodovyy-vs-kreolizovannyy-tekst-problema-terminologii.pdf (дата обращения 25.07.2025).
10. Середина Е.В. Визуальная метафора в политической карикатуре [Электронный ресурс]: Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова № 3, 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnayametaforavpoliticheskoykarikature/viewer (дата обращения 23.08.2025).
11. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография. — М.: 1990. 179 с. (дата обращения 25.07.2025).
12. Тумакова Е.В. Креолизованный текст в художественном и медийном дискурсе [Электронный ресурс]: мир русского слова № 2 / 2016. URL: file:///C:/Users/USER/Downloads/kreolizovannyy-tekstvhudozhestvennom-i-mediynom-diskurse%20.pdf (дата обращения 25.07.2025)
13. Энгель Е.А. Репрезентация действительности в тексте комикса «Человек-паук» / Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы XII междунар. науч. конф., Челябинск: 2024. С.118-124.
14. Энгель Е.А. Креативный текст в процессе обучения иностранным языкам: к постановке проблемы /Немецкий язык в Российской Федерации: современное состояние и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Абакан, 2023. С.143-150.
15. 1Энгель Е.А. Супергерой комикса как новый тип героя (на материале комиксов издательства Marvel) / Многоуровневая языковая подготовка в условиях поликультурного общества: материалы X междунар. научно-практич. конф. Казань, 2023. С.579-586.
16. Энгель Е.А. Дискурсивные практики в лингвокреативном тексте / Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы XI междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч.2.Челябинск: 2022. С.138-141.

© Шарипова Эльвира Маннуровна (elvira_sha2009@mail.ru), Заичко Маргарита Васильевна (rzaichko@mail.ru), Лалетина Наталья Дмитриевна (laletina2006@rambler.ru), Храмова Наталья Аркадьевна (hramovana@tyuiu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Alekseenko S. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Rector, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Medical University", Krasnodar

Alieva L. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pskov State University»

Anchek S. – Doctor of Philology, Chief Researcher, T.M. Kerashev Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research

Ashkhamakhov K. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Maykop State Technological University

Bagdasarian E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, FSBEI HE Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Bagirokov Kh. – Doctor of Philology, Professor, Adyghe State University

Bekhtereva E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Belchenko I. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University

Belchenko V. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Dean, Armavir State Pedagogical University

Bobokhonov R. – Senior Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Borisov B. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pskov State University

Borovitskaya Yu. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Volgograd State University

Cherenkova I. – Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB - MBA named after K.I. Skryabin

Chuprakova O. – Senior Teacher, FSBEI HE Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Drobot N. – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Medical University", Krasnodar

Our authors

Egorova K. – senior research fellow, Saint Petersburg State University

Fedyashina M. – Candidate of Technical Sciences Associate Professor, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation

Gaidarenko V. – Candidate of Philological Sciences, Docent, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Galyant I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Garchu N. – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pskov State University"; Teacher, Secondary School No. 306

Gayvoronskaya T. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Vice-Rector, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Medical University", Krasnodar

Gezha M. – Senior Teacher, FSBEI HE Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Gladkaya N. – Senior Lecturer, Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Gridusova K. – Teacher, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Gryzlov V. – Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University

Guleva L. – Senior Lecturer, State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation

Hasanzoda Sh. – Tajik International University of Foreign Languages named after Sotim Ulugzade, Republic of Tajikistan, Dushanbe

Ivantsov A. – Candidate of Sociological Sciences, Moscow State University of Sport, and Tourism

Kalyagin D. – postgraduate student, Ryazan State University named for S.A. Yesenin

Kennon O. – Senior Lecturer, Moscow State University of Sport, and Tourism

Khakimova G. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, FSBEI HE Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Khramova N. – Senior lecturer, Tyumen Industrial University

Kishkinova O. – Senior Lecturer, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology

Kozlov R. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Maykop State Technological University

Kozlova A. – Assistant, Pskov State University

Kutlikova I. – Senior Lecturer, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Scriabin

Laletina N. – Senior lecturer, Tyumen Industrial University

Li Chenchen – Associate professor, Tianjin University Finance and Economics Pearl River College

Li Na – Associate Professor, Xi'an Shiyou University China

Maizina A. – Candidate of Philology, Senior Researcher, Budgetary scientific institution of the Altai Republic Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakova, Gorno-Altaisk

Malova E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Ulyanovsk State University named after I.N. Ulyanov

Maltseva E. – Senior Lecturer, MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Maryanovskaya E. – Associate Professor, Ryazan State University named for S.A. Yesenin

Mortina T. – Senior Lecturer, Murom Institute (branch), FSBEI VO Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Motunova L. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Voronezh State University

Mukhortova E. – senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Muratov A. – assistant, Ufa University of Science and Technology

Nikitin A. – Associate Professor, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation

Nikitina S. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, National Research University of Moscow State University of Civil Engineering

Novoselova A. – Postgraduate student, Moscow Pedagogical State University

Oblitsov M. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Derzhavin Tambov State University

Osilbekova D. – Doctor of philology, Professor, Moscow Pedagogical State University

Polskikh S. – Candidate of Biological Sciences, Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University

Saifutdinova K. – Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov

Savvinova S. – Candidate of Philological Sciences, Researcher, Institute of Humanitarian Studies, and Problems of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS

Serdtsev N. – postgraduate student, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Sharipova E. – Candidate of Sociological Sciences, Associate professor, Tyumen Industrial University

Shmatov E. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Volga State University of Railway Transport

Shpak A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pskov State University

Shubovich V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov

Shustova S. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State National Research University

Siutkina N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Perm State National Research University

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sledzevsky I. – Leading Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Smirnov O. – Assistant, Moscow Pedagogical State University

Spevakova S. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University

Stepanov V. – Rector, Candidate of Pedagogical Sciences, Altai Economics and Law Institute

Stepanova N. – Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, JSC NPF Information and Network Technologies

Svechkarev V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurs

Tang Beibei – graduate student, The Pushkin State Russian Language Institute

Tereshchenko M. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Tharkakhova N. – Assistant, Adyghe State University

Topilsky A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University

Udzhukhu A. – Junior Researcher, T.M. Kerashev Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research

Vasilev A. – Postgraduate student, Department of Mass Communications at RUDN University named after Patrice Lumumba

Vasiliev S. – Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Verezubova N. – Candidate of economic sciences, associate professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology named after K.I. Scriabin

Yakimov V. – Senior Lecturer, Melitopol State University

Yevtushenko I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Zaichko M. – Senior lecturer, Tyumen Industrial University

Zapariy V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Zavrazhin S. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Zhang Jinping – Graduate student, Federal State University of Education

Zhiltsova E. – Postgraduate student, ANO VO Moscow international university

Zhitin R. – Candidate of Historical Sciences, Science Worker, Derzhavin Tambov State University

Zhitin R. – Candidate of Historical Sciences, Science Worker, Derzhavin Tambov State University

Zubareva E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Perm State National Research University

Zvyagintsev N. – Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia named after. Patrice Lumumba, Moscow

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).